This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

1199

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ VI.

1853—1855 г.

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1881

ОБОРЕМЕНТ
Учебной библиотеки № 3

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Viazemskii, PA.
D94
B-9

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ VI.

1853—1855 г.

БИБЛИОТЕКА

ИЗДАНІЕ
Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1881

52 г.
12. VIII -1932 г. с/о

PG 3447
V5
1878
v. 6

7HM
B-991

(605)

117-29-58
МГУ Учебная
б-ка № 3

БИБЛІОТЕКА
Е. Н.
НИКОЛАЕВА

LETTRES

D'UN

VÉTÉRAN RUSSE

B-991

DE L'ANNÉE 1812

SUR LA QUESTION D'ORIENT

PUBLIÉES PAR

P. D'OSTAFIEVO.

> Je ne dirai pas non plus que je tâcherai d'éviter toute hostilité, dans l'expression de ma pensée: non. Je tâcherai seulement d'être juste et d'éviter toute accusation, non-seulement calomnieuse, mais même d'une vérité douteuse. Je ne suis du reste nullement ambitieux de me donner un air d'indifférence envers ce que je crois être l'erreur.
>
> *(Quelques mots, par un Chrétien orthodoxe, sur les communions occidentales).* Paris 1853.

ФРАНЦУЗСКІЙ ПОДЛИННИКЪ СЪ РУССКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ.

St.-PÉTERSBOURG.
Imprimerie de M. STASULEWITCH, Was. Ostrow, 2 lin., 7.

1881

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

„Письма Ветерана 1812 года“ прибавляютъ новую, до сихъ поръ мало-извѣстную черту къ характеристикѣ писателя, сочиненія котораго теперь издаются въ свѣтъ. Немногія, даже изъ близкихъ къ князю Вяземскому лицъ, знали, что, кромѣ обыкновенныхъ своихъ занятій, посвященныхъ преимущественно Русской словесности, онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ общихъ дѣлъ и что ему близко знакома была какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политическая жизнь современнаго Русскаго и Европейскаго обществъ. Оказывается, что не даромъ былъ онъ ученикомъ и младшимъ другомъ Карамзина, не даромъ находился на службѣ при Н. Н. Новосильцовѣ. Еще въ кабинетѣ отца своего прислушивался онъ къ обсужденію вопросовъ высшаго политическаго значенія, и съ ранней молодости занимала его судьба людей и народовъ. Позднѣе, его обширная начитанность и отзывчивое сердце давали ему возможность самостоятельно и тепло оцѣнивать государственныя событія, совершавшіяся въ теченіи долгой его жизни.

Сочиненія князя П. А. Вяземскаго составляютъ нѣсколько томовъ и, тѣмъ не менѣе, они суть сравнительно-малое и часто только случайное выраженіе его чрезвычайно многосторонняго ума и необыкновенныхъ дарованій. Какъ въ жизни, такъ и въ писаніяхъ, онъ не отличался избыткомъ изъявительности и предпочиталъ беречь про себя пло-

ды долгихъ думъ и прилежныхъ умственныхъ изысканій. Наилучшія произведенія пера его оставались по-долгу, и нѣкоторыя остаются доселѣ, неизданными. Онъ даже забывалъ про многое что́ было имъ написано, вслѣдствіе того, что дѣятельная мысль его была постоянно (и въ старости еще болѣе, нежели въ годы молодости и свѣжести) занята новою работою.

Но съ давнихъ поръ, еще при жизни Карамзина, сложилось въ немъ убѣжденіе, что истина есть достояніе немногихъ; что то, чѣмъ увлекается толпа и что̀ по плечу большинству, непремѣнно страдаетъ односторонностью. Справедливъ или нѣтъ онъ въ этомъ отношеніи, это другой вопросъ; но этого убѣжденія онъ постоянно держался. Писатель этотъ, подобно другу своему Баратынскому, былъ всегда своеобразенъ, и до глубочайшей старости хранилъ въ себѣ неистощимые запасы самостоятельнаго знанія и зоркаго наблюденія.

Эта самозаключенность не приводила его, однако, къ самодовольному спокойствію. Ни горькія семейныя утраты, ни тяжкія болѣзни не заставляли его жить сложа руки, и не одними только стихами отзывался онъ на событія и умственныя движенія современной ему жизни. Наступитъ пора, когда обнародуется цѣлый рядъ его записокъ и писемъ по вопросамъ наибольшей важности.

Вынужденный обстоятельствами провести въ чужихъ краяхъ 1853—1855 годы, князь П. А. Вяземскій не могъ оставаться равнодушенъ къ озлобленію Европейскаго общества противъ Россіи, передъ Крымскою войною и во время оной. Сердце его ныло, душа возмущалась. Онъ началъ писать опроверженія на газетныя статьи, въ то время особенно отличавшіяся клеветою на Русское правительство и на Русскій народъ. Въ теченіи слишкомъ года образовался у него рядъ статей по этому предмету. Онъ намѣревался помѣщать ихъ во Франкфуртской Французской газетѣ или въ какомъ-либо изъ Швейцарскихъ и Бельгійскихъ періодическихъ изданій; но извѣстно, что участіе Русскаго человѣка

въ Европейской повременной печати допускается лишь подъ условіемъ полнаго подчиненія господствующему мнѣнію, и не одинъ князь П. А. Вяземскій встрѣтилъ въ этомъ отношеніи негостепріимный отказъ. Тогда онъ собралъ свои статьи въ одну книгу и напечаталъ ее, въ 1855 году, въ Лозаннѣ, подъ заглавіемъ: „Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. d'Ostafievo. Lausanne, librairie de D. Martignier, éditeur (малая 8-ка, 446 стр.). Замѣтимъ, что слово *ветеранъ* по-французски имѣетъ смыслъ болѣе обширный, нежели по-русски. Оно собственно можетъ быть переведено словомъ *старый служака*, безъ означенія рода службы. Князь П. А. Вяземскій, какъ извѣстно, не былъ человѣкомъ военнымъ и участвовалъ только въ ополченіи 1812 года: подъ нимъ убито двѣ лошади въ Бородинскомъ сраженіи.

„Письма Ветерана“ писаны на седьмомъ десяткѣ лѣтъ отъ рожденія, и однако отличаются какъ свѣжестью и своеобразіемъ мысли, такъ и прелестью живаго изложенія. Чѣмъ дальше ихъ читаешь, тѣмъ они становятся занимательнѣе. Оторванный отъ родины, живя, по необходимости, посреди враждебно-настроеннаго противъ насъ общества, ежедневно огорчаемый и уязвляемый лживыми извѣстіями о Россіи и кривыми толкованіями дѣйствій Русскаго правительства, сочинитель чувствовалъ потребность, въ предѣлахъ своей возможности, послужить перомъ общему Русскому дѣлу, и книга его, хотя не имѣла успѣха за-границею и лишь въ небольшомъ числѣ дошла къ намъ, представляетъ собою честно и талантливо исполненный гражданскій долгъ писателя, сердечно преданнаго своему отечеству, про любовь къ которому князь П. А. Вяземскій говаривалъ, что въ ней должно быть еще болѣе свойствъ любви отеческой, нежели любви сыновней.

Издатель сочиненій князя П. А. Вяземскаго, графъ С. Д. Шереметевъ, сдѣлалъ мнѣ честь порученіемъ передать по-русски „Письма Ветерана“. Читатели замѣтятъ, что Французскій слогъ князя П. А. Вяземскаго также своеобыч-

ливъ, какъ и слогъ Русскихъ его произведеній. Не смѣю ручаться за полную точность перевода и сознаю его недостатки; но я старался быть тщательнымъ въ этомъ дѣлѣ, какъ изъ уваженія къ предмету, такъ и по глубокой признательности къ сочинителю, который удостоивалъ меня и труды мои незабвеннымъ для меня дружественнымъ благорасположеніемъ.

Петръ Бартеневъ.

Петербургъ,
2 Марта 1881 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ПИСЕМЪ РУССКАГО ВЕТЕРАНА 1812 ГОДА *)

	стран.	
ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНИТЕЛЯ.	1	(265)
Письмо первое. Январь 1854. Европейскія газеты по поводу Вѣнскихъ конференцій.	4	(269)
Письмо второе. Январь 1854. Посольство князя Менщикова въ Константинополь.	8	(273)
Письмо третье. Январь 1854. Значеніе Православія для Россіи.—Рѣчь Стрэдфорда Редклифа	11	(276)
Письмо четвертое. Январь 1854. Святыя мѣста. — Русскіе богомольцы въ Іерусалимѣ	20	(286)
Письмо пятое. Январь 1854. Оскорбленія Православію въ Турціи.—Полковникъ Розъ и англійскій флотъ у Дарданеллъ.	24	(290)
Письмо шестое. Февраль 1854. Эмиль Жирарденъ.—Воспоминанія 1812 и послѣдующихъ годовъ	29	(295)
Письмо седьмое. Февраль 1854. Синопскій разгромъ.—Отзывы Англіи и Франціи и отвѣтъ графа Нессельроде	34	(300)
Письмо восьмое. Мартъ 1854. Циркуляръ графа Нессельроде.—Ученіе о событіи совершившемся.	39	(305)
Письмо девятое. Мартъ 1854. Сравненіе писемъ Русскаго и Французскаго императоровъ.—Циркуляръ Друэнъ-де Люиса. —Мнимое стремленіе Россіи къ захватамъ	43	(310)
Письмо десятое. Мартъ 1854. Положеніе Германіи относительно возникающей войны.	58	(322)
Письмо одинадцатое. Мартъ 1854. «Синяя Книга и «Монитёръ». —Переворотъ во Франціи 2 Декабря 1851.—Какъ избранъ Наполеонъ III-й.	61	(325)

*) Цифрами въ скобкахъ означены страницы перевода.

	стран.	
Письмо двѣнадцатое. Мартъ 1854. Обозрѣніе до-Петровской Русской исторіи.—Попытки Рима обратить насъ въ католичество	69	(333)
Письмо тринадцатое. Мартъ 1854. Значеніе общественнаго мнѣнія.—Германія озлоблена на Россію изъ страха. . .	77	(341)
Письмо четырнадцатое. Апрѣль 1854. Русское чувство на канунѣ дѣйствій войны.—Королева Викторія.	81	(347)
Письмо пятнадцатое. Апрѣль 1854. Ходъ Русско-Турецкаго вопроса: 1) посольство князя Меншикова; 2) его предложенія Туркамъ; 3) занятіе Дунайскихъ княжествъ и 4) Вѣнская нота	87	(351)
Письмо шестнадцатое. Іюль 1854. Честность Императора Николая Павловича. — Кажущаяся невыгодность честной политики	111	(374)
Письмо семнадцатое. Августъ 1854. Отзывъ Каннинга о гласности. — Газетная ложь. — Письмо о бомбардированіи Одессы.	117	(380)
Письмо восемнадцатое. Августъ 1854. Значеніе союза Англіи съ Франціей	130	(392)
Письмо девятнадцатое. Іюль 1854. Замыслы ослабить и раздробить Россію.—Наше выжидательное положеніе . . .	135	(398)
Письмо двадцатое. Іюль 1854. Статья Форкада объ Австрійской политикѣ въ Восточномъ вопросѣ.—Нѣмцы въ Россіи.	143	(406)
Письмо двадцать первое. Іюль 1854. Военныя прокламаціи Наполеона III-го.	156	(419)
Письмо двадцать второе. Сентябрь 1854. Взятіе Бомарзунда.	160	(423)
Письмо двадцать третье. Сентябрь 1854. Разборъ статьи Сенъ-Марка-Жирардена.	163	(426)
Письмо двадцать четвертое. Сентябрь 1854. Бѣдствія войны для Россіи.—Петровское преобразованіе. — Возвращеніе къ народности.—Разрывъ съ Западомъ	169	(432)
Письмо двадцать пятое. Сентябрь 1854. Выгоды, которыя произойдутъ для Россіи отъ войны.	179	(442)
Письмо двадцать шестое. Ноябрь 1854. Рѣчи на пиру лорда-мэра	186	(449)
Письмо двадцать седьмое. Декабрь 1854. Наши отношенія къ Австріи.—Буоль.—Письмо Брайта.— Свойства Русскаго народа.	192	(454)
Письмо двадцать восьмое. Декабрь 1854. Письмо Наполеона III-го къ Канроберу объ Альминскомъ сраженіи . . .	211	(472)
Письмо двадцать девятое. Декабрь 1854. Лордъ Пальмерстонъ и наборъ Англійской арміи.—Русскій манифестъ о войнѣ	220	(480)

	стран.	
Письмо тридцатое. Общія замѣчанія. — Европа не дозволяетъ Русскому самостоятельно мыслить.	227	(486)
ДОБАВЛЕНІЕ. Февраль 1855. На чьей сторонѣ цивилизація и на чьей варварство. — Внутреннее неустройство въ Англіи. — Кавуръ. — У насъ нѣтъ союзниковъ.	237	(494)
ПРИЛОЖЕНІЯ:		
I) Переписка Ваткина съ Брайтомъ	251	(505)
II) Оправдательная рѣчь Непира.	259	(513)

БИБЛІОТЕКА
Е. Н.
НИКОЛАЕВА

AVANT-PROPOS

On pourrait hardiment, de nos jours, appliquer aux journaux, en le parodiant, le mot célèbre qu'on attribue à m. de Talleyrand: „La presse a été donnée à l'homme pour déguiser sa pensée". En effet, vit-on jamais des faits contemporains, qui se passent pour ainsi dire sous nos yeux, aussi indignement mutilés? Si nous révoquons en doute quelque récit des historiens de l'antiquité; si Tacite, ou Suétone nous semblent avoir exagéré le caractère des Césars romains et hyperboliquement chargé le tableau des crimes de quelques-uns, des vertus de quelques autres, nous ne nous étonnons point outre mesure, en songeant qu'à cette époque il n'existait pas de presse périodique, pas de critique, pas de contrôle; que les écrivains étaient peu nombreux et que leurs œuvres étaient réputées des articles de foi irrécusables. Mais aujourd'hui, quand pullulent les écrivains, quand la réfutation suit immédiatement l'assertion, comment se fait-il que la mauvaise foi gagne toujours du terrain sur la logique et la vérité?

Un écrivain célèbre avait conçu l'idée de fonder un journal qu'il appellerait l'*Impartial:* on lui fit voir que l'impartialité, dans le domaine de la presse, est un nonsens. Toutes les feuilles étant fondées par des hommes de parti, les passions qui les guident leur dictent des expressions énergiques, véhémentes, dont ne saurait

triompher le raisonnement calme et placide du publiciste impartial. Dès lors, la lutte cesse d'être égale. Pour avoir raison, il faut crier fort, récriminer avec audace, exagérer sans rougir, accumuler la présomption et l'effronterie, ces forces militantes qui font bon marché de la vérité.

Reste à savoir si la postérité acceptera sans scrupule l'histoire telle que la lui prépare le journalisme. Ayons foi en la perspicacité des générations futures et croyons qu'elles n'admettront que sous bénéfice d'inventaire l'étrange enseignement que lui feront les récits de notre époque. Espérons qu'il y aura encore moyen de séparer l'ivraie d'avec le bon grain, de démêler dans ces fallacieuses chroniques ce qui est relation exacte et ce qui est mensonge politique, ce qui est passion et ce qui est histoire. Quoi qu'il en soit, au sein de vérités incontestables bien des erreurs prendront place, erreurs que consacreront des résultats dont on ne pourra plus apprécier les raisons. Exposés avec talent, environnés du prestige d'une brillante dialectique, bien des faits erronés peuvent revêtir les apparences de la réalité; et, pour bien des gens, ce qui est imprimé présente un caractère suffisant d'authenticité: *Verba volant, scripta manent.*

En présence de cette honteuse falsification de la première des denrées, celle qui alimente l'intelligence humaine, nous faisons un appel à tous les hommes de talent et de cœur, qui considèrent sous leur véritable point de vue les événements qui agitent le monde. Que chacun, dans cette immense polémique, apporte son tribut d'énergie et de courage, de logique et de conscience; qu'on arrache le masque à l'artifice; qu'on dévoile la duplicité et la perfidie, et que la probité de l'historien ne soit plus traitée avec ce dédain qu'affectent pour une vertu mal récompensée ceux qui ont l'art de présenter d'habiles mensonges et des paradoxes plus vraisemblables que la vérité! C'est par ce moyen seulement que nous pourrons laisser à nos descendants des données impartiales qu'ils rapprocheront des élucubrations passionnées; c'est de leur comparaison qu'ils démêleront sans peine les faits réels d'avec les faits imaginaires, et que la postérité saura rendre à César ce qui est dû à César!

Les *Lettres* que nous publions réfutent d'une manière péremptoire et victorieuse les hérésies sans nombre émises avec tant de présomption par cet essaim de publicistes subventionnés, intimidés ou entraînés par des préventions irréfléchies. Elles nous ont été confiées par un ancien ami, vétéran, comme nous, de la guerre mémorable de 1812. Après avoir fait de vaines tentatives auprès des journaux pour en obtenir l'insertion, et après avoir essuyé des refus non motivés que nous considérons comme autant de dénis de justice qui interdisent le droit de défense à des accusés qui pourraient dire comme le défenseur de Louis XVI: „C'est en vain que nous cherchons parmi vous des juges, nous ne voyons que des accusateurs"! c'est donc après tous ces refus, que nous avons dû recourir à un autre moyen, et force nous a été de les publier sous forme de brochure. L'auteur se propose de suivre le mouvement politique et militaire de la grande conflagration que l'on s'obstine à appeler question d'Orient, quand elle n'est, à proprement parler, qu'une question éminemment britannique. N'a-t-elle pas sa source, en effet, dans la haine invétérée de l'Angleterre contre toute nation qui tend à contrebalancer son omnipotence maritime? Détruire les flottes qui prennent du développement, étouffer tout progrès qui puisse lui porter ombrage, n'est-ce pas là le but incontestable de cette politique qui a circonvenu, avec tant d'astuce et de fourberie, le cabinet français, et qui lui fait dépenser des milliards, peut-être, et verser un sang précieux,—tout cela pour le bon plaisir des modernes forbans. D'autres *Lettres*, destinées à servir de complément à celles que nous publions aujourd'hui, paraîtront au fur et à mesure que de grands événements se produiront sur le théâtre de cet épouvantable conflit. Le jour est proche, peut-être, où l'Europe, désabusée sur la perfide politique de la Grande-Bretagne, réunira en un faisceau indissoluble des intérêts communs à tant de peuples, et répètera d'une voix unanime l'inflexible parole de Caton: *Delenda est Carthago!*

LETTRE I.

Je ne dirai pas non plus que je tâcherai d'éviter toute hostilité, dans l'expression de ma pensée: non. Je tâcherai seulement d'être juste et d'éviter toute accusation, non seulement calomnieuse, mais même d'une vérité douteuse. Je ne suis du reste nullement ambitieux de me donner un air d'indifférence envers ce que je crois être l'erreur.
(Quelques mots par un Chrétien orthodoxe sur les communions occidentales). Paris 1853.

Janvier 1854.

Les journaux ont donné pendant des mois entiers, l'exemple d'une naïveté imperturbable. Ils venaient tous les matins témoigner leur surprise de ce que les conférences et les négociations concernant la question turco-russe semblaient de jour en jour ajouter de nouvelles complications à celles de la veille. L'ingénuité de leur étonnement ne saurait se comparer qu'à l'ingénuité de leur crédulité. Car, tout en enregistrant les mécomptes de l'attente publique, ils ne manquaient pas de dresser pompeusement le budget des espérances du lendemain, basées sur les nouvelles négociations qui allaient s'ouvrir. Si la fable de notre poëte Kryloff, intitulée le *quatuor*, avait été présente à la mémoire de ces messieurs, elle aurait suffi pour leur expliquer l'insuccès des négociations échouées et pour leur ôter toute illusion sur les chances de succès des négociations à venir. Les prétendus virtuoses de la fable, tout en se donnant beaucoup

de mal et en multipliant les essais de tout genre, ne pouvaient parvenir à faire besogne qui valût. Ils cherchaient l'harmonie et produisaient un charivari à nul autre pareil. En désespoir de cause ils eurent recours au rossignol et lui demandèrent son avis. Sa réponse fut courte et péremptoire. „Vous ne parviendrez jamais à faire de bonne musique parce que vous n'êtes pas musiciens".

A défaut du rossignol, le bon sens national en Russie avait appliqué la même morale à la fable en action jouée pendant si longtemps à Vienne. Il avait deviné par instinct que le quatuor diplomatique n'aboutirait à aucun résultat satisfaisant, parce qu'il était composé de deux négociateurs qui nous voulaient du mal et de deux autres qui ne nous voulaient pas de bien. Le gouvernement moins indépendant sous ce rapport que le public, et lié par des traditions gouvernementales et diplomatiques, ne pouvait en conscience repousser avant terme les bons offices des alliés qui venaient lui offrir leur intervention conciliatrice. Aussi a-t-il patienté jusqu'au bout et n'a-t-il rompu avec les négociateurs qu'au moment où les négociations étaient devenues évidemment agressives.

Si la naïveté dont nous avons fait mention plus haut n'avait été partagée que par certains journaux, il n'y aurait pas lieu d'en parler; mais à une époque où une partie importante de la presse périodique exerce une influence si puissante et si générale, où par un travail constant et délétère elle est parvenue à priver bien des esprits de la faculté de penser et de juger par eux-mêmes, et pardon de l'expression, à *les crétiniser* à son profit, il est tout naturel que les bévues des journaux entraînent à leur suite les bévues du public. Cette influence va plus loin encore; elle atteint souvent ceux-là même qui, par leur position, sont appelés à donner aux événements une direction quelconque. Aussi, dans les discussions du Parlement anglais au sujet du projet d'adresse en réponse au discours d'ouverture de la reine, voyons-nous un homme d'Etat donner l'exemple de cet assujettissement. Après avoir reproché au ministère de s'être montré peu vigilant en présence des agressions de la Russie contre la Turquie, il ajoute: *„Et il ne peut prétexter son ignorance*

puisque son attention a été provoquée par la presse". Et une pareille *excentricité* a pu être émise impunément au sein de la chambre des Lords, de ce haut tribunal dont les décisions ont tant de poids sur les destinées de l'Angleterre et par contre-coup sur celles de l'Europe et du monde entier. Les cabinets sont donc sommés de régler à l'avenir leur marche et leurs actions sur les indications des journaux, girouettes qui s'agitent non-seulement au gré de tous les vents, mais à celui de toute main insensée ou payée par l'esprit de parti.

Le fait est que l'action de la presse et des discours parlementaires a créé un monde fictif où la réalité est subordonnée à la phrase et comme étouffée par elle. Dans cette atmosphère factice, les nouvelles générations se sont habituées à vivre d'une vie d'emprunt. Le bon sens y a perdu tous ses droits et toute sa puissance. S'il en était autrement, la question turco-russe aurait-elle pu atteindre les dimensions qu'elle a? Aujourd'hui pour tout esprit indépendant et sérieux, n'est-il pas évident que, réduite à elle-même, elle n'offrirait pas les difficultés dont elle est hérissée et qui y ont été ajoutées après coup. Toutes ces difficultés n'ont été créées que par le fracas des journaux et les interventions inopportunes et arbitraires des puissances occidentales. De la Russie à la Turquie le différend dans son origine était exclusivement international et avait pour base des traités et des traditions séculaires. Quelques nuages se seraient élevés sans doute dans les rapports des deux pays entr'eux, mais ils n'auraient point entraîné les orages qui ménacent aujourd'hui de troubler pour un temps indéfini la paix et la sécurité de l'Europe. C'est du sein des cabinets français et anglais que sont sortis ces orages. Les gouvernements de l'Europe pouvaient,—c'était leur droit et leur devoir, — suivre avec une attention vigilante la marche de ce différend. Elles pouvaient, l'arme au bras, se réserver d'agir au moment où l'issue menacerait de porter atteinte à ce que l'on est convenu d'appeler l'intégrité de l'empire ottoman, et par ricochet à ce que l'on est encore convenu d'appeler l'équilibre européen. Au lieu d'adopter cette conduite ferme mais patiente, on a voulu de primeabord, avant même que les événements eussent parlé, forcer

la conclusion de l'affaire et prendre fait et cause en faveur de l'un des adversaires au détriment de l'autre. De cette façon, le différend encore pendant aujourd'hui entre la Turquie et la Russie n'occupe plus que la seconde place. Il ne s'agit plus pour la Russie de revendiquer de la Porte ce qu'elle se croit en droit d'exiger d'elle, ou bien de lui faire telle ou telle concession par condescendance et par amour de la paix. Les grandes puissances qui se sont placées entre les parties belligérantes pour couvrir la Turquie de leurs forces armées mettent la Russie dans la nécessité de persister dans ses premières demandes afin de ne point paraître céder à des intimidations que sa dignité l'oblige à repousser.

Si ces puissances ont saisi le premier prétexte venu pour chercher querelle à la Russie, elles ont bien fait et il y aurait trop de bonhomie à les chicaner sur leur manque de franchise et de loyauté. Il est reconnu qu'en politique les finesses cousues du fil le plus blanc sont encore des preuves d'habileté dont les cabinets aiment à se prévaloir. Mais si ces gouvernements ont effectivement voulu, s'ils ont cru agir dans des voies de conciliation, ils nous permettront de leur dire qu'ils ont été bien maladroits. Avant de se porter à quelque mesure, il faut se rendre bien compte du terrain sur lequel on doit agir, et bien apprécier la position et les antécédents des personnes qu'on veut amener à ses fins.

La nation russe, non plus que son gouvernement et le caractère de l'empereur Nicolas, n'ont jamais donné lieu de supposer que des mesures comminatoires pussent avoir chance de succès auprès d'eux.

Nous reviendrons plus tard sur ces considérations, en les appuyant de faits empruntés à l'histoire du passé et aux renseignements de l'époque actuelle. Elles nous serviront, je l'espère, à prouver que les puissances occidentales se sont singulièrement méprises dans la conduite qu'elles ont tenue depuis le début du différend turco-russe jusqu'à ce jour. En attendant nous nous proposons, dans la lettre suivante, de remonter au commencement de la crise actuelle et d'apprécier ce qu'elle a été dans son origine.

LETTRE II.

Janvier.

L'arrivée du prince Menschikoff à Constantinople a été le signal de ce débordement de passions qui s'agitent et qui grondent encore aujourd'hui. Avant même qu'on eût connaissance des véritables motifs de sa mission, la presse européenne s'était déjà émue de la présence de l'ambassadeur russe à Constantinople. On a parlé de la pompe militaire dont était revêtue cette mission, de l'éclat et du bruit qui l'accompagnaient. Mais qui donc a fait tout ce bruit, qui donc a exagéré l'effet pour ainsi dire théâtral qu'on lui attribuait? Certes ce n'est pas la Russie; car aujourd'hui encore la presse et les cabinets l'accusent d'avoir déguisé, rapetissé l'importance de cette mission afin de mieux surprendre la confiance des gouvernements. Tout ce bruit, tous ces coups de théâtre ne viennent que des journaux. A défaut d'autres griefs, la presse a commencé sa campagne en attaquant la toilette de l'ambassadeur. La France, hier républicaine, aujourd'hui rigidement convertie aux traditions de la monarchie et de la culotte courte, s'est profondément émue du négligé de la tenue du prince Menschikoff. Avertie par ses correspondants de Péra, elle a jeté un cri d'indignation et d'alarme. Le sans-façon de la toilette de l'envoyé de Russie était déjà une atteinte portée à l'intégrité de l'empire ottoman. La France ne pouvait y

rester insensible et sa fidèle alliée l'Angleterre, en vertu de l'entente cordiale, a dû ressentir la même juste émotion. Aussi le haro poussé par les *fashionables* Anglais et les *merveilleux* du nouvel empire contre le barbare Moscovite a-t-il été unanime. La toilette du prince a été littéralement mise en pièces des deux côtés du détroit. Et pour cette fois du moins, l'accusation du noble Lord, mentionnée dans notre première lettre, est sans fondement, car: l'attention des gouvernements n'a pas été provoquée en vain par la presse. Comme je n'ai pas été dans le cas de consulter le valet de chambre du prince Menschikoff, je ne me porterai pas garant du plus ou moins d'élégance de sa mise lors de sa visite au grand-visir. Mais pour quiconque a connu personnellement le prince, il est impossible de ne pas rire du portrait qu'ont fait de lui les journaux.—Homme d'une intelligence supérieure, riche en connaissances de tout genre, sérieux et finement spirituel tout à la fois, parfait *gentleman* et grand seigneur d'habitudes et de manières, brillant dans les salons et studieux dans le silence du cabinet, tel est le prince Menschikoff et il serait à souhaiter pour tout pays qu'il eût parmi ses illustrations administratives et politiques des hommes d'un mérite et d'une distinction aussi incontestables.

Ce qui d'ailleurs me rend un peu défiant au sujet des faits et gestes qu'on lui prête, ce sont mes souvenirs. Je me suis trouvé à Constantinople en 1849, à l'époque de la mission du prince Radzivill. La toilette de cet envoyé avait aussi été le sujet des commérages des habitants de Péra, commérages partis des bas-fonds de la colonie où se recrutent en grande partie les correspondants des presses anglaise et française. On avait également prétendu que l'ambassadeur russe, pour narguer le sultan, s'était présenté le casque en tête à l'audience de Sa Majesté. Cette fable n'a pas été accréditée en Europe, que je sache, mais les faiseurs de nouvelles ne se sont pas tenus pour battus et se sont rattrapés plus tard sur le chapeau du prince Menschikoff. Et pour le coup ce pauvre chapeau usé a fait le tour de l'Europe. Il a désormais sa place acquise dans l'histoire à côté du fameux chapeau du gouverneur Gessler. L'un est le point de départ des luttes entreprises pour l'indépendance de

la Suisse. — L'autre sera celui de la lutte qui va éclater pour l'indépendance et l'intégrité de la Turquie.

Ces détails sont puérils et l'on a honte de s'y arrêter un instant; — mais tant pis pour l'époque si tout ridicules qu'ils sont, ils appartiennent à l'histoire.

LETTRE III.

Janvier.

On ne saurait contester que les idées que se fait l'Europe de la Russie ne soient peu intelligentes et très superficielles. Moitié mauvais vouloir, moitié impuissance à le comprendre, elle restreint ses données sur ce pays à un cercle étroit et vicieux d'idées arrêtées à *priori*, de banalités niaises, de préventions absurdes. Les convictions, les qualités morales de la nation russe passent aux yeux de l'Europe pour des bizarreries et pour des symptômes de barbarie parce qu'elles ne cadrent pas avec ses préjugés à elle, et contrarient ses sympathies, filles d'une civilisation avancée, j'en conviens, mais qui trop souvent a fait fausse route. Il suffit pour faire dire une sottise à un homme d'esprit Anglais ou Français qu'il ait à émettre une opinion sur la Russie. C'est un sujet qui le grise et qui trouble aussitôt son intelligence.

La Russie est avant tout un pays religieux et monarchique. Ses traditions historiques lui sont aussi chères que les traditions de sa foi, car les unes et les autres découlent de la même source. La Russie est ce qu'elle est, principalement parce qu'elle est fille de l'Eglise d'Orient et parce qu'elle lui est toujours restée fidèle. C'est son *orthodoxie* qui constitue sa raison d'être; c'est en elle que s'est développé son passé et en elle aussi se trouve le germe de

son avenir. Chaque grand peuple est appelé par la Providence à remplir ici-bas une mission. Rejetez cette intervention de la Providence dans les événements importants du monde, et l'histoire n'offre plus que le tableau de faits confus et stériles qui se suivent ou s'entre-choquent. Ils n'ont pour eux que l'intérêt du moment, car nul ordre, nulle pensée intelligente ne préside à leur conflits et à leur développement. L'appréciation consciencieuse des vues de la Providence, voilà la véritable et l'unique philosophie de l'histoire.

S'il est des événements secondaires dûs seulement au hasard, aux passions, aux intérêts des hommes, il en est de providentiels. Discerner les uns d'avec les autres et assigner à chacun la place qui lui revient, telle est la tâche de l'histoire.

Si les ambassadeurs de Wladimir-le-Grand n'avaient pas été plus efficacement touchés par la grâce divine en assistant à la prière dans la basilique de Sainte-Sophie qu'ils le furent ailleurs, toute notre histoire eût complétement changé de face. En adoptant le dogme de Rome, nous eussions été entraînés dans les luttes religieuses et politiques qui, durant des siècles, ont été la vie et l'action des peuples de l'Occident. Si ces luttes on hâté leur développement, elles ont aussi fini par les énerver et ce n'est que grâce à de nouvelles agitations que ces peuples ont pu se retremper et accepter de nouveaux combats. Placés en dehors de ces grandes perturbations nous avons conservé la nationalité, l'individualité qui nous sont propres et qui, Dieu merci, nous isolent en partie des autres branches de la famille européenne En vertu de cet isolement, nous avons échappé au malaise, à l'épuisement, à la décrépitude prématurée qui ont affecté sous plus d'un rapport la société occidentale. La Russie n'ayant eu à soutenir pendant des siècles que des luttes pour ainsi dire corporelles avec des peuplades barbares, est restée, il est vrai, en arrière des autres nations dans la voie de la civilisation et du perfectionnement intellectuel. Mais aussi elle a pu rester indépendante et jeune Son passé ne l'accable point; elle n'a pas à traîner après elle dans les routes de l'avenir un bagage historique qui gêne ses mouvements. Le moyen-âge ne se dresse pas devant elle comme

un épouvantail pour les uns, ou comme un but rétrospectif pour d'autres qui aimeraient bien y revenir en marchant à reculons. Elle n'a pas une Eglise dépendante à la fois d'un pontife et d'un souverain temporel contre lequel protestent ses libertés nationales. Elle est étrangère à cette cause permanente de contradictions, d'inévitables conflits, de tiraillements en sens opposé qui dénaturent la religion et confondent les intérêts du Ciel avec les petites vanités de la terre et les mesquines susceptibilités de la politique. L'Eglise française, légale et illégale en même temps, relevant d'un côté de la puissance ultramontaine, de l'autre de la révolte gallicane, est quelque chose de semblable à cette royauté mixte qui, pendant des années, a été la *meilleure des républiques*. De pareils contre-sens abondent dans les constitutions de sociétés européennes. Nous n'avons pas non plus—n'en déplaise à ceux qui jugent des choses sans les avoir étudiées à fond—d'Eglise officielle. Notre Eglise telle qu'elle est, bien qu'inhérente à la constitution monarhique de l'empire, n'est point d'institution humaine. Elle est la fille aînée des Apôtres, dépositaires et propagateurs des vérités que leur a révélées le Maître. On adresse souvent un singulier reproche à notre Eglise; on l'accuse d'être immobile au milieu des changements qui s'opèrent dans le monde politique et intellectuel. Mais cette immutabilité n'est-elle pas sa force et la preuve de son origine sacrée? Elle est immuable comme la révélation et comme l'Evangile qui en est le témoignage et le code.

Une autre accusation que les apologistes de l'Eglise romaine ne nous épargnent point, c'est que l'unité de notre Eglise ne saurait exister en regard de nos nombreuses sectes religieuses. Ce n'est que par méprise ou par distraction que ce reproche nous est adressé par la France. Il existe en Russie bien des sectes, il est vrai, mais elles sont parfaitement en dehors de l'Eglise et du clergé. Elles sont nées d'une ferveur exagérée et mal dirigée par des intelligences faussées et elles ne se recrutent d'ailleurs que dans les rangs infimes de la société. Une interprétation littérale des textes sacrés, interprétation qui méconnaît le principe, en vertu duquel *la lettre tue et l'esprit vivifie*, un respect traditionnel et superstitieux pour

les anciennes versions et éditions des livres sacrés, revus et corrigés plus tard d'après les textes originaux, ce sont là communément les points de départ et les thèmes des chefs plus zélés qu'éclairés, de ces écoles dissidentes. Mais l'Eglise et le clergé n'en sont pas atteints et ils constituent un tout indissoluble. Nous ne voyons pas chez nous un haut clergé partagé en deux camps sinon ennemis, du moins complétement opposés qui, sous les bannières de l'Eglise romaine et de l'Eglise gallicane, se livrent des combats dans l'arène de la publicité périodique et qui, à défaut de parlement politique, forment aujourd'hui dans l'Eglise un côté droit et un côté gauche.

Quant à nous, en nous disant orthodoxes, nous avons tout dit. C'est là notre profession de foi religieuse, nationale et politique. C'est de là aussi que viennent les liens de sympathie, de dévouement, de reconnaissance qui nous unissent à l'Eglise d'Orient et aux peuples qui en relèvent. Ces peuples sont nos frères, doublement nos frères comme chrétiens d'abord comme corréligionnaires ensuite. Nos différends avec la Turquie n'ont point d'autre source ni d'autre motif. Un pouvoir, ennemi naturel de la chrétienté,—car il deviendrait chrétien du moment où il abjurerait son inimitié,—opprime plusieurs millions de nos frères en Jésus-Christ. Nous sommes tenus de les protéger, de les couvrir de notre tutelle vigilante, de les appuyer au besoin de nos armes.

Et si nous négligions de le faire, personne ne pourrait nous remplacer dans cette sainte mission. Nous abdiquerions notre histoire, notre nationalité, nous abjurerions notre action providentielle devant le Ciel et devant les hommes. En parlant et en agissant ainsi, nous ne faisons pas du mysticisme, nous faisons de la politique et nous restons dans l'histoire. Car je le répète, notre individualité, notre force, notre cercle d'action, tout se résume dans l'orthodoxie. Toutes nos autres relations internationales sont secondaires et conditionnelles. Nous avons pu nous trouver entraînés dans le courant des événements de l'Occident, de même que nous aurions pu tout aussi bien et peut-être mieux encore, y rester étrangers. Mais notre courant à

nous, naturel, inévitable, c'est l'Orient orthodoxe. Que la domination des infidèles, qui pèse aujourd'hui sur ces populations, mieux éclairées par ses propres intérêts et moins docile à suivre les conseils perfides de ses amis, accorde à nos frères la protection qui leur est dûe, et notre intervention traditionelle dans les affaires de la Turquie est désarmée du coup. Du jour où cette protection turque ne consistera plus en paroles seulement, où elle ne reposera plus sur les banalités *de l'acte de Gulhané*, qui n'est pas plus une vérité que toute autre charte, du jour, dis-je, où cette protection sera complète, sincère, irrévocable, nos relations avec la Turquie changeront entièrement de face. D'hostiles qu'elles ont souvent été, elles deviendront pacifiques et amicales. Nous n'avons jamais demandé pour nous *le protectorat* politique et exclusif des Grecs, comme on s'est plu à le dire, pour donner un corps à une chimère inventée par la mauvaise foi. Mais le gouvernement russe a demandé à être pour ainsi dire témoin légal et garant des promesses que la Turquie s'engagerait à remplir envers ses populations orthodoxes. Sans nul doute de pareilles transactions paraîtraient étranges de puissance à puissance l'une et l'autre chrétiennes, l'une et l'autre civilisées; mais il y aurait de la mauvaise foi à vouloir reconnaître dans la Turquie un membre légitime de la société européenne et à le traiter comme tel. La présence des Turcs en Europe et leur domination sur des peuplades chrétiennes plus nombreuses, plus civilisées que leurs dominateurs, n'est *qu'un fait accompli;* on peut le tolérer jusqu'à un certain point, on peut transiger provisoirement avec lui afin de prévenir des perturbations intempestives; mais le reconnaître moralement et de droit, est chose impossible et qui n'a jamais été tentée. Jamais la Turquie n'a été traitée par aucune des puissances européennes d'égale à égale. Elle a été tour à tour menacée et cajolée par des puissances rivales qui la choisissaient pour théâtre de leurs luttes privées. Aujourd'hui les défenseurs et les alliés du Croissant la traitent moins que jamais en puissance indépendante. Ils ne lui offrent pas leur alliance, ils la lui imposent. Ils la mettent en tutelle comme mineure, en interdiction, comme privée de ses facultés intellectuelles.

Si le gouvernement turc n'était pas aussi présomptueux et aussi ignorant qu'il l'est, il aurait facilement reconnu quelle alliance réclament ses intérêts les plus importants et les seuls vrais. Il eût été convaincu de la nécessité d'accorder, et au besoin de concéder une protection intelligente à ses sujets orthodoxes. Ce sont eux et eux seuls qui peuvent prolonger son existence ou hâter sa chute. Ils sont sa force ou sa ruine selon la conduite qu'il tiendra envers eux. C'est en eux seuls que se trouvent les principes de civilisation et de développement qu'il peut sainement appliquer à sa nature et à sa constitution. Les Grecs, relevés de leur assujettissement, peuvent encore pour cent ans et plus suffire à son éducation intellectuelle, à sa régénération morale. Tous les emprunts de civilisation qu'il se laisse imposer par l'Occident sont autant de germes de mort qui se répandent dans son sein.

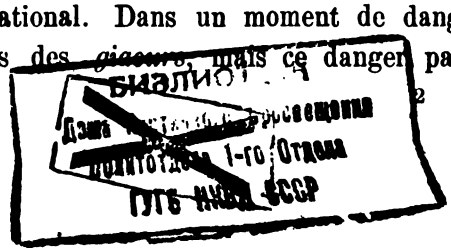
Lord Strattford Redcliffe se pique, à ce qu'on prétend, d'être l'ennemi de la Russie! C'est là sa spécialité offficiellement reconnue par le gouvernement anglais. Aussi quand le cabinet de St-James s'est décidé à offrir ses bons services à celui de St-Pétersbourg pour régler et pour aplanir le différend qui venait d'éclater entre la Porte et lui, s'est-il empressé avec cette cordialité qui le caractérise, de confier cette mission délicate au même lord Strattford Redcliffe. Cela s'appelle jeter un baril d'huile sur une maison en feu pour mieux éteindre l'incendie. Mais peut-être, me dira-t-on, cet ambassadeur avait la sympathie de la Turquie et pouvait mieux que tout autre exercer sur elle une influence modératrice. Il n'y a qu'à se rappeler le discours tenu par ce diplomate turcophile dans un banquet national à l'époque de son départ de Constantinople en 1852, pour apprécier tout ce que ce choix pouvait avoir de flatteur pour le gouvernement ottoman. Dans ce fameux discours, les vérites les plus humiliantes, les reproches les plus sanglants ne lui ont point été épargnés. *C'est ainsi qu'en partant il lui fit ses adieux.* Après un semblable discours tenu au sein de la capitale, et pour ainsi dire en présence des autorités qu'il insultait, aucun gouvernement indépendant et qui se respecte n'eût admis pour représentant d'une puissance amie, un homme qui avait pu donner l'exemple

d'un manque aussi complet de considération et d'égards. Mais la pauvre Turquie est condamnée à toujours être humiliée: sur le champ de bataille par ses adversaires, dans les négociations diplomatiques par ses amis.

Quoi qu'il en soit, si lord Redcliffe se croit l'ennemi de la Russie, il se trompe, et, malgré lui, il n'est, en réalité, que l'ennemi de la Turquie. Pendant mon séjour en Orient, je l'ai vu à l'œuvre. Tout en reconnaissant les qualités éminentes de l'homme privé, j'ai toujours considéré sa conduite politique, passionnée, tracassière, étroite et à idées fixes, comme funeste à la Turquie. Ces soi-disant améliorations, ces progrès, ces semblants d'institutions qu'il désirait implanter sur ce sol, en dépit de la raison et contre nature, ces efforts pour écarter toute influence russe, tout cela me faisait l'effet d'abîme qu'il creusait sous les pieds de son enfant d'adoption.

Il est facile de faire sur l'intégrité de la Turquie des articles de journaux, des discours parlementaires comme ceux de lord Clarendon, des circulaires et des dépêches comme en fait M. Drouyn-de Lhuys, toujours à cheval sur le Pont-Euxin (car M. Drouyn-de Lhuys est littéraire et fleuri avant tout), tout cela est facile, mais on ne parviendra jamais en réalité à faire une *Turquie turque.* Pour avoir un sens, une signification quelconque, ce substantif a besoin d'un adjectif hétérogène. Laissé à lui-même, il n'est qu'une abstraction. Une Turquie anglo-française serait une anomalie qui ne pourrait prendre aucune racine dans le pays, qui n'offrirait aucune garantie de durée. Elle ne pourrait avoir pour partisans que quelques transfuges du Coran,—qui, pour l'être, n'en sont pas davantage en voie de devenir disciples de l'Evangile, — mauvais Turcs, ils sons tout aussi mauvais Européens, et n'ont appris de la civilisation que ce qu'en peuvent enseigner les doctrines et la presse révolutionnaires. Mais la vraie nation turque, la majorité saine quoique opiniâtre et endurcie dans ses préjugés, n'accordera jamais ses sympathies à ce gouvernement mixte et antinational. Dans un moment de danger, elle acceptera bien le secours des *giaours*, mais ce danger passé,

Учебная
№ 3



elle ne fraternisera jamais avec eux. A la rigueur, ses sympathies la porteraient plutôt vers les *Moskowites*, bien qu'elle les ait eus souvent pour ennemis. Il est entre les Turcs et les Slaves des affinités orientales qui ne peuvent être ni méconnues, ni détruites. Les vrais Turcs sont doux et francs; les rapports de voisinage et, abstraction faite de la religion, les mœurs partriarcales communes aux deux nations, bien d'autres rapprochements encore, pourraient, les circonstances aidant, favoriser l'union des deux races aujourd'hui divisées. La Russie ayant déjà des millions de Musulmans sous sa domination, n'en serait plus à étudier et à comprendre le naturel et le caractère musulman. Une Turquie gréco-russe est donc encore la seule qui aurait quelque chance de vitalité. On ne saurait nier ni oublier que l'élément grec, dans la Turquie européenne, a seul encore de la consistance et de l'avenir. L'influence occidentale dans ce pays ne pourrait à la longue rester exclusivement politique; tôt ou tard, elle devrait forcément s'allier à l'esprit dominateur de l'église romaine, et ces velléités de domination viendraient se heurter infailliblement contre la résistance des populations grecques et slaves orthodoxes. De là à la chute de l'Empire turc, il n'y a qu'un pas et ce pas ne serait point perdu pour la Russie. Bon gré, mal gré, et en dépit de la modération que le gouvernement russe voudrait garder, il serait entraîné alors par la force des choses et par l'impulsion nationale. *L'Orient ne peut recevoir que de ce gouvernement* (du gouvernement russe) *les améliorations qu'il attend.* Ce n'est pas nous qui le disons, c'est l'empereur Napoléon III. Il est probable que les *idées napoléoniennes*, où se trouve imprimée cette opinion, ont été tant soit peu modifiées depuis que l'Empire *est devenu la paix.*—Mais cette opinion n'est pas moins vraie aujourd'hui qu'elle ne l'a été en 1839.

Les peuples et les gouvernements qui ont perdu le sens religieux croient nous faire injure en nous taxant de fanatisme. Soit! Mais chaque nation n'a-t-elle pas plus ou moins un fanatisme qui lui est propre? L'une a le fanatisme de la guinée, l'autre celui de la phrase. On ne conçoit point en Europe que, à l'époque actuelle, il soit encore possible d'accepter une guerre religieuse. Mais d'abord en-

tendons-nous. Il n'est nullement question pour la Russie d'entreprendre la guerre pour imposer son dogme à des dissidents. Nous ne voulons point convertir à coups de canon les Turcs à l'orthodoxie. Mais nous sommes toujours prêts à défendre la sainteté et l'intégrité de notre Eglise-mère et à protéger ceux qui lui appartiennent. Et c'est bien différent. — Du reste, ceci même dépasse aujourd'hui la portée de l'intelligence philosophique de l'Europe. Les Anglais, par exemple, trouvent tout naturel et très-rationnel de faire la guerre à un peuple inoffensif, lorsque le gouvernement de ce peuple s'oppose à ce que les étrangers l'abrutissent et l'empoisonnent avec de l'opium importé en contrebande. Une pareille guerre, aux yeux des Anglais, est de bonne et de sage politique, et ils passent légèrement sur les *désastres* et sur le *carnage* des *Sinope* du Céleste-Empire.

Les Français, à leur tour, admettent la possibilité d'une guerre civile pour combattre ou défendre un axiome de galimatias métaphisico-politique, comme qui dirait: Le Roi règne et ne gouverne pas. Des esprits supérieurs, des hommes d'Etat sont prêts à livrer leur pays à toutes les horreurs de l'anarchie, à sacrifier une dynastie qu'ils ont élevée eux-mêmes, qu'ils ont longtemps servie, loyalement — je n'en doute pas. Ils sont tout prêts à braver, de gaieté de cœur, tous ces dangers pour vider à fond la question de savoir si l'on a le droit de faire mauvaise chère à un banquet électoral, ou bien si le gouvernement a le droit de s'y opposer.

Ces grandes nations des deux côtés du détroit sont fières de leur éducation politique, qu'elles doivent à plusieurs siècles de civilisation et qui les amène à de pareils résultats. Eh bien! Nous autres cadets de la famille européenne, nous avouons humblement que nous ne sommes point à la hauteur de cette civilisation. Dans notre ignorance primitive, nous rougirions de donner au monde le spectacle de la déloyauté mercantile des uns ou de l'inconséquence coupable des autres.

LETTRE IV.

Janvier.

Ce que nous avons dit dans la lettre précédente du sentiment religieux qui domine toute notre histoire, et des rapports pour ainsi dire de famille existant entre la Russie et l'Eglise orientale, suffirait, je crois, pour expliquer et caractériser la mission du prince Menschikoff. Elle a été l'expression morale de nos droits et de nos devoirs; rien de plus, rien de moins. Si elle n'a pas été envisagée sous son véritable point de vue, si elle a donné lieu à de fausses interprétations, la faute en est à l'Europe et non à nous. Ce qui aurait dû surprendre, c'est qu'une pareille mission n'ait pas eu lieu plus tôt. Mais ce n'est ni à la Turquie, ni à nos adversaires politiques de s'en plaindre et de nous en faire un crime. Le gouvernement russe était depuis longtemps préoccupé de cette question. Il aurait pu la soulever dans un moment où l'Europe avait bien autre chose à faire qu'à défendre la sainteté du Croissant. Il s'agissait pour elle, à cette époque, de se défendre elle-même contre le débordement des révolutions, qui menaçaient de saper non-seulement les trônes, mais les fondements de toute société.—On a l'habitude de prêter au gouvernement russe ou des procédés d'une rouerie politique qui laisse bien loin derrière elle les raffinements de l'école de Machiavel, ou bien une bonhomie et une ignorance de ses intérêts qui seraient dignes de l'âge d'or.

La preuve la plus éclatante de la loyauté de notre gouvernement, c'est qu'il n'a point cherché à pêcher en eau trouble et qu'il n'a pas saisi, pour agir, le moment où l'attention des puissances était distraite par des préoccupations fâcheuses et personnelles. Il a abordé la question qu'il lui importait de résoudre en plein jour et en pleine paix. Depuis longtemps, en Russie, les susceptibilités et les sympathies nationales étaient froissées de ce que l'on regardait comme l'abandon de nos intérêts les plus chers et les plus sacrés. Les souffrances de l'Eglise orientale avaient un profond retentissement dans le cœur de la nation. Notre confiance illimitée dans le gouvernement pouvait seule calmer et rassurer les esprits. L'impatience du pays se pliait, non sans effort, à la longanimité du gouvernement. Il le laissait juge de l'opportunité de l'action, convaincu que lui aussi, il restait fidèle aux traditions religieuses et nationales. Il est positif que, sauf certaines individualités peut-être, il n'existe aucun parti qui rêve la conquête de Constantinople ou tout autre agrandissement territorial. Il est positif que le gouvernement russe, pas plus que la nation, n'a pour le moment l'ambition qu'on lui suppose, — mais il est tout aussi positif que la nation entière serait toujours prête à faire les plus grands sacrifices, à verser jusqu'à la dernière goutte de son sang, pour assurer l'indépendance de l'Eglise orientale.

Depuis le commencement du différend turco-russe, si l'empereur Nicolas l'avait voulu, il aurait eu vingt fois le temps de faire avancer ses flottes et ses armées et de se rendre maître de la capitale turque, ainsi que des Dardanelles, quitte à faire passer ensuite toute envie aux puissances maritimes de l'y venir chercher. S'il ne l'a pas fait, c'est qu'il ne l'a point voulu.

La question des Lieux-Saints, point de départ du conflit actuel, est pour tout autre que pour nous une question non-seulement secondaire, mais parfaitement oiseuse. La preuve, c'est que la politique occidentale ne peut s'y arrêter sérieusement et ne l'apprécie que comme un prétexte mis en avant par nous. Maladroitement réveillée par le cabinet français (on ne sait trop dans quel but),

cette question n'excite aucune sympathie dans la majorité du peuple français. Si nous exceptons un petit nombre de membres du clergé et quelques âmes vraiment pieuses en nombre plus minime encore, elle n'intéresse personne. La France est parfaitement bonapartiste sous ce rapport. Lorsqu'on engagea le chef de l'expédition d'Egypte à aller à Jérusalem de Jaffa, où il se trouvait alors, il répondit que *Jérusalem n'entrait pas dans sa ligne d'opérations.* Ce mot ne laisse pas que d'être remarquable dans la bouche d'un chrétien. Son successeur, s'écartant pour cette fois des traditions de famille, eut la malencontreuse inspiration de faire entrer les Lieux-Saints dans sa ligne d'opérations diptomaliques.

En Russie, au contraire, la ville sainte est la ville de prédilection. De temps immémorial, nos pèlerins s'y sont rendus avec ferveur. Notre littérature, assez pauvre en fait de monuments anciens, possède des relations de ces voyages qui datent de très-loin. Faites par des hommes du peuple qui n'avaient aucune prétention au titre d'auteur, elles portent un cachet de naïveté et de piété qui leur imprime une grande valeur. Le sentiment religieux n'ayant point été altéré parmi nous, la vocation de pèlerin a conservé en Russie le caractère qu'elle avait au moyen-âge. Chaque année, Jérusalem voit arriver dans ses murs de nombreux pèlerins de toutes les parties de la Russie, de toutes les classes de la société. On y rencontre, outre les gens du monde, des marchands, des paysans, des femmes du peuple, des soldats en congé. De pauvres gens des bords du Volga, des confins de la Mer Blanche, du fin fond de la Sibérie, traversent à pied la Russie dans son immensité pour atteindre au but de leurs vœux. Ils thésaurisent pendant des années et font des épargnes sur le strict nécessaire, afin de porter au Saint-Sépulcre le denier de leur labeur et de leurs privations.

Je le demande à tout voyageur impartial et consciencieux qui, ainsi que moi, a été à Jérusalem: y a-t-il rencontré beaucoup de *vrais pèlerins* si ce n'est parmi les Russes. Vous y trouverez sans doute des Français curieux ou oisifs, des hommes de science qui viennent explorer ce terrain pour le soumettre à leurs investigations

géographiques et historiques. Vous y trouverez des Anglais touristes que vous êtes sûrs d'ailleurs de rencontrer dans tous les coins de l'univers et qui vont à Jérusalem comme ils iraient au Monomotapa. Mais la Russie seule voit partir, soit pour les fêtes de Noël, soit pour celles de Pâques, des légions de pèlerins qui vont faire leurs dévotions et communier au pied du Saint-Sépulcre. Non-seulement vous rencontrez peu de Français parmi les pèlerins laïques, mais on y voit même peu de prêtres. „*Il y a vingt-deux ans* (dit „M. Poujoulat dans la question des Lieux-Saints, 1853), *quand je „visitai la Terre-Sainte, je ne rencontrai aucun religieux de notre „nation; je n'entendis parler dans aucun couvent de Syrie la langue „des anciens libérateurs du Saint-Sépulcre*". Cet aveu, échappé à la plume d'un avocat de la cause française à Jérusalem, n'est-il pas une preuve irrécusable que la question des Lieux-Saints n'est nullement une question française? Parlez de Paris ou de Londres dans quelque coin reculé de la Russie ou bien à un homme du peuple, et vos récits n'exciteront qu'une faible curiosité; mais si vous revenez de Jérusalem, vous êtes sûr de trouver un auditoire attentif et sympathique. Pour ces gens du peuple, dont la plupart ne savent pas lire, Jérusalem est une tradition vivante, recueillie de génération en génération et constamment ravivée au foyer rustique par les pieux récits de ceux qui reviennent de leur pèlerinage.

LETTRE V.

Janvier.

La presse périodique française n'a dit qu'un seul mot de sensé et de vrai sur la question d'Orient. Et ce mot se trouve dans la *Revue des Deux-Mondes*. Mais n'allez le chercher ni dans les chroniques de la quinzaine, ni dans les études de la politique russe en Orient, publiées par M. Eugène Forcade. Le vérité qui se cache aux superbes se révèle quelquefois aux plus humbles. Le mot dont nous parlons est contenu dans la modeste annotation qui accompagne une nouvelle russe publiée sous le titre de *Xénia Démianowna*, dans une des livraisons du mois d'octobre 1853. Nous allons citer cette note en entier. „L'auteur du récit qu'on va lire a pu étudier „la vie des paysans russes, sous bien des aspects qui échappent aux „voyageurs auxquels manque, avec le temps nécessaire pour com„pléter leurs observations, cette sorte d'intuition qui n'appartient „qu'au génie national. Dans l'histoire qui se mêle ici à quelques „souvenirs sur les Lieux-Saints, on trouvera un tableau fidèle des „mœurs populaires de la Russie, peut-être aussi une appréciation „sûre, quoique lointaine, des influences religieuses qui dominent et „agitent aujourd'hui ce grand empire". Nous n'aurons ici à faire qu'une légère réserve. Remplacez le *peut-être* par une affirmation, et toute la note citée sera d'une vérité incontestable. Oui, c'est dans l'étude consciencieuse des mœurs populaires, des convictions

religieuses de la nation russe, de sa fidélité, de sa vénération filiale pour l'Eglise d'Orient et pour la ville sainte en particulier, qu'il faut chercher l'explication de la mission du prince Menschikoff. Vous aurez beau entasser conjectures sur conjectures, argumentation sur argumentation: vous en serez toujours pour vos frais d'imagination et chercherez midi à quatorze heures. La vérité vous échappera. Oui, il faut *une intuition qui n'appartient qu'au génie national*, pour bien saisir les tendances historiques et morales d'une nation. Voilà pourquoi le ministre des affaires étrangères en France, et tous les lords de l'Angleterre, ceux de l'amirauté et du Foreign-Office y compris, n'ont rien entendu à la question turco-russe. Chacun l'a jugée au point de vue exclusif de sa nationalité respective, sans tenir le moindre compte du point de vue russe. Elle n'a été pour eux tous qu'un mirage perpétuel.

Plusieurs mesures fausses et iniques prises coup sur coup par le gouvernement ottoman, non dans l'intérêt turc, mais sous la pression d'influences étrangères, avaient fini par déplacer et dénaturer les rapports qui existaient entre lui et la Russie, rapports basés sur la protection légitime et mutuelle des populations orthodoxes. Ce point de contact entre les deux gouvernements est inévitable. Il peut devenir tour à tour une force et un appui pour la Turquie, si elle n'en méconnaît pas l'importance, et une pierre d'achoppement, si elle n'en tient pas compte. C'est ce qui s'est produit, non isolément, non accidentellement, mais dans une série de faits qui datent de loin, et dans un enchaînement d'infractions à l'état des choses légal. Il serait trop long de les énumérer. Sans parler des vexations et des cruautés commises contre les chrétiens en général, les humiliations de l'Eglise d'Orient, sous la domination turque, ne sont un sujet de doute pour aucun voyageur impartial, fût-il Français ou Anglais. Les priviléges accordés par la Porte à la communion romaine sont nombreux. Ils sont, en tout cas, un acte de méfiance et de mépris pour la communion orthodoxe qui ne participe pas à ces priviléges, et observez en outre que cette communion est la plus nombreuse et qu'elle est autochtone dans le pays. Les églises romaines, par exemple, y ont le droit de faire

sonner les cloches, tandis que les églises orthodoxes ne l'ont pas. Nous avons entendu les prêtres grecs se plaindre amèrement de cette privation. En général les Grecs et les Russes tiennent beaucoup à cet appel solennel qui convie les fidèles au service divin. Des marchands et des paysans dotent souvent leurs paroisses de riches et belles cloches dont les sonneries et les carillons sont très-variés dans l'Eglise orthodoxe. Il est à remarquer que, chez nous, cet appel des cloches est exprimé par un mot qui, ainsi que le mot *évangile,* signifie *bonne nouvelle.* Le texte des *Berats* délivrés aux patriarches grecs porte formellement qu'ils sont nommés à vie et que, en cas d'incapacité de leur part ou de trahison envers le gouvernement de sa Hautesse, ils doivent être jugés par le plenum du synode composé de métropolitains et d'évêques et ne peuvent être condamnés qu'à l'unanimité des voix.

Eh bien! depuis 1839, les destitutions des patriarches ont eu lieu coup sur coup sans la moindre intervention d'un jugement synodal et tout-à-fait sous le bon plaisir de la sublime Porte, quelquefois même sous celui d'un ambassadeur des puissances occidentales. Contrairement aux droits d'autonomie de l'Eglise, on a vu même l'assemblée élective du clergé grec, qui devait nommer un patriarche, présidée par un suppôt de l'islamisme.

Le gouvernement russe pouvait-il rester indifférent aux vexations de son Eglise et trahir ses sympathies et ses devoirs les plus sacrés? La mission de l'ambassadeur russe avait pour but de porter ces griefs à la connaissance du sultan, qui les ignorait probablement, et d'en réclamer le redressement vainement demandé jusque-là, à ses ministres. C'était une communication de souverain à souverain. La franchise de l'un s'adressait à la loyauté de l'autre. Et certes si des machinations étrangères et coupables n'étaient venues surprendre la crédulité du sultan qui, bon et généreux de nature, n'a point un esprit assez mâle et assez énergique pour lutter contre son entourage, la question eût été résolue sans de grandes difficultés. Il ne s'agissait nullement d'opprimer et de léser l'islamisme ou de porter atteinte aux privilèges des autres cultes chrétiens. Les véritables

intérêts de la Turquie et ceux de l'Europe restaient en dehors de la question. Les Grecs seuls recouvraient pour l'exercice de leur foi religieuse la sécurité qui leur était due, et qui leur avait été solennellement garantie. Le sultan ne perdait rien de sa puissance. Nos réclamations pouvaient tout au plus froisser les susceptibilités de quelques prétendus hommes d'Etat turcs de la nouvelle école. Ceux-ci, pour avoir échangé le turban contre le fez, pour avoir appris à baragouiner le français et à boire du vin de Champagne, sans même prendre le précaution de dire: *O Mahomet, ferme les yeux!* se croient de petits Richelieu, de petits Pitt et veulent, les journaux turcophiles et soudoyés par eux aidant, être traités comme tels.

Quoi qu'il en soit, l'arrivée du prince Menschikoff avait jeté la consternation au sein de la sublime Porte. Il est reconnu que toutes les fois qu'on lui adresse la parole, elle ne sait jamais ni que répondre, ni que faire. Fidèle à ses habitudes, cette fois aussi, pour toute réponse, elle a crié au feu et à l'assassin! Hier, c'était la Russie qu'elle appelait à son secours; aujourd'hui, c'est contre la Russie qu'elle en demande. L'appel, comme on le juge bien, n'a pas retenti en vain. La France, cette descendante de l'*orateur* du *genre humain*, toujours prête à faire des phrases, dussent-elles engendrer des orages, a commencé la campagne à coups de circulaires qui devaient bientôt aboutir à des coups de canon.

L'Angleterre, son ballot de calicot sous le bras, toujours préoccupée de l'idée de faire pencher la balance des événements du côté où il y a le plus de chance pour le débit de sa marchandise, est vîte accourue sur les lieux, pour voir ce qu'il y avait à faire. L'invitation faite dès le début, par le colonel Rose, à la flotte anglaise de s'approcher des Dardanelles, est très-significative. Si l'amiral anglais ne s'y est pas rendu, cela ne change rien au principe. Pour qu'un fonctionnaire du gouvernement, et encore un fonctionnaire du second ordre, puisse prendre une pareille initiative de son propre mouvement, il faut admettre deux suppositions: ou que son gouvernement avait tacitement des vues arrêtées à ce sujet,

ou que le gouvernement livre la direction des événements aux caprices de la première tête chaude et du premier brouillon qui occupe un poste avancé. En tout cas, y a-t-il moyen de ne pas se tenir toujours en garde contre une puissance qui, d'un moment à l'autre, peut brusquer avec pétulance l'explosion d'événements aussi importants. La seule tentative du colonel Rose ne suffirait-elle pas à expliquer et à autoriser le mouvement de notre corps d'armée? Fallait-il attendre que le fait fût accompli, pour aviser aux moyens de prendre une mesure analogue? Nous ne connaissons pas le dessous des cartes du jeu qui a été joué plus tard. Avait-il été arrêté d'avance par les joueurs, ou quelque mobile secret a-t-il provoqué une interversion des rôles? Peu importe que ce soit la France, qui ait marché à la remorque de l'Angleterre, ou celle-ci à la remorque de la France, le fait est que l'une et l'autre vinrent bientôt se placer à côté de la Turquie, dans une attitude hostile contre nous. Ce qu'il nous importe de constater, c'est que parler sans cesse de paix et de conciliation et en même temps pousser à la résistance un gouvernement peu intelligent, l'étourdir et l'énivrer de promesses d'un appui à main armée, si les négociateurs ne parvenaient point à lui donner raison, c'est peut-être de la politique transcendante, mais à coup sûr ce n'est pas de la politique loyale. Le bon droit et la bonne foi nous restent. Il est clair aujourd'hui, qu'il fallait traîner les négociations en longueur et par conséquent mettre en avant des propositions inadmissibles, il fallait gagner du temps pour donner aux Turcs et à soi-même la possibilité de se préparer à une guerre, en se réservant d'ailleurs de saisir plus tard le premier prétexte d'un *casus belli*, quand on serait prêt à entrer en campagne. Le bon sens en avait depuis longtemps jugé ainsi. D'ailleurs cette longue énigme a été expliquée en ce sens par les aveux du ministère anglais lui-même mis au pied du mur par les interpellations de l'opposition.

LETTRE VI.

Février.

Dans un de ses derniers articles péremptoires et belliqueux, comme il sait les faire, M. Emile de Girardin engage la France et l'Angleterre à envoyer sans perte de temps un corps d'armée pour occuper Constantinople, ou bien à assigner à l'Autriche et à la Prusse un court délai, à l'expiration duquel ces deux puissances devront sortir de la neutralité passive pour entrer dans la coopération active contre la Russie; sinon, ajoute-t-il, on verrait une seconde édition de 1815 et les Russes marchant sur Paris avec la fusion montée en croupe derrière eux.

Nous n'avons rien à voir dans la première proposition et ne suivrons pas M. Emile de Girardin dans son expédition militaire; nous irons encore moins le chicaner sur ses prophéties de résurrection des années 1814 et 1815 en 1854. Il est possible qu'il soit plus dans le vrai qu'il ne le croit lui-même. L'unique objet de cet article est de soumettre à l'auteur quelques considérations au sujet du rôle qu'il veut contraindre l'Autriche et la Prusse à accepter; son erreur est un oubli de chronologie qu'il est important de relever. L'auteur n'a eu en vue que l'année 1815, mais s'il avait voulu se donner la peine de remonter un peu plus haut, il aurait facilement trouvé l'année 1812 qui donne un démenti

complet à ses conclusions rétrospectives, ainsi qu'à ses considérations sur l'avenir. La France a nommément fait en 1812 ce que M. de Girardin veut qu'elle fasse aujourd'hui, dans son agression injuste et impolitique envers la Russie. Napoléon a par contrainte entraîné à sa suite non-seulement l'Autriche et la Prusse, mais toute l'Allemagne. Nous demandons humblement à M. de Girardin si la France y a gagné quelque chose et si elle s'en est mieux trouvée. Les centaines de milliers de soldats qui ont inondé le sol de la Russie sous la bannière glorieuse de Napoléon-le-Grand, ont-ils pu obtenir de la Russie la moindre concession? Ce grand capitaine, habitué à imposer la paix à ses ennemis dans leurs capitales, n'a-t-il pas vu surgir une nouvelle guerre d'extermination au moment même où, s'étant rendu maître de Moscou, il croyait la Russie soumise et prête à accepter la paix qu'il daignerait lui dicter?

M. de Girardin a, comme bien des Français des lacunes dans la mémoire et dans son intelligence; il ne saisit et ne retient bien que les chiffres et les faits qui peuvent lui servir à grouper et à arrondir le total dont il peut avoir besoin pour le moment. C'est ainsi que les Français écrivent, non-seulement des articles de journaux, mais l'histoire. C'est pourquoi notre publiciste saute à pieds joints sur l'année 1812, dont il voudrait la répétition tout en oubliant ses résultats, et qu'il arrive d'emblée au spectre de 1815, dont il veut effrayer la France, oubliant encore une fois que les années 1814 et 1815 n'ont été qu'une suite inévitable et mémorable des événements de 1812. Mais les Allemands n'ont pas la mémoire aussi capricieuse, ou d'aussi bonne composition. Il ne sauraient oublier le rôle pénible et ingrat, contraire à leur conscience et à leurs intérêts, qu'ils ont dû jouer en 1812, sous la pression de la France.

Certes, ce n'est pas à nous autres Russes, malgré tous les sacrifices qui nous ont été imposés en 1812, à nous en plaindre. Notre résignatiou et notre persévérance nous ont acquis une trop belle page dans l'histoire et notre revanche a été trop complète pour ne pas nous sentir heureux de l'épreuve par laquelle nous

avons passé. Mais si la France songeait à tête reposée et non dans l'étourdissement de la passion, n'arriverait-elle point à la conclusion que c'est précisément au caractère européen qu'elle a voulu donner à la guerre entreprise contre la Russie, qu'elle doit attribuer la chûte de Napoléon et sa déchéance du rôle prépondéraut qu'elle avait joué en Europe jusqu'à cette époque. Napoléon, dans un mouvement de colère contre la Russie qu'il ne trouvait pas assez traitable, a soulevé toute l'Europe continentale contre elle. Qu'est-il arrivé plus tard? Après la défaite de ses armées et de celles de ses auxiliaires en Russie, toute l'Europe s'est levée contre lui, ayant la Russie à sa tête. Ce juste ressentiment, cette réaction d'une position violente contre celui qui l'avait imposée et qui n'était plus assez fort pour la maintenir, est une chose toute naturelle. Ce qui s'est vu alors se verrait inévitablement encore une fois, si les leçons du passé devaient être perdues pour le présent.

Pour tenir la plume en main, je ne me suppose pas, ainsi que le croient pour leur compte les autres correspondants de journaux, nécessairement apte à connaître les secrets de la diplomatie européenne et des gouvernements, encore moins ceux de la Providence et de l'avenir qu'elle nous prépare. J'ignore les projets ultérieurs de notre gouvernement. Mais je sais que l'honneur de la Russie est entre de bonnes mains. J'ai la conviction que, le cas échéant, si l'honneur et la dignité nationale étaient mis en demeure de céder, ou de se défendre jusqu'au bout, l'exemple de l'empereur Alexandre ne serait point perdu pour l'empereur Nicolas, et qu'on verrait ce que peut la Russie quand on la provoque à une lutte mortelle. Comme Russe, je suis loin d'apprécier avec aveuglement et jactance la gravité des événements qui menacent la tranquillité de l'Europe et nous en particulier, par les chances qui peuvent momentanément nous atteindre à la suite d'une coalition européenne contre nous. Mais en vieux vétéran de l'année 1812, je l'envisage néanmoins sans pusillanimité et sans hésitation, et j'ai la conviction que ma manière de juger et de sentir est celle qui domine en Russie.

Une fois la grande guerre commencée, il faudra bien nous résigner à voir nos ennemis remporter sur nous des avantages isolés

que la force numérique doit obtenir, si ce n'est partout et toujours, mais du moins çà et là et quelquefois. Dieu merci, nous n'avons pas le dogme de l'infaillibilité de la victoire, et voilà pourquoi nous ne nous laissons pas abattre par les revers. Mais tout Russe a le sentiment inné du devoir et de la force morale. Il sait, et son histoire le lui a appris, qu'un peuple puissant et uni qui tient à ses traditions nationales et conserve celles de la foi religieuse, ne peut être vaincu, s'il ne le veut pas, et qu'en tenant tête à l'ennemi jusqu'au bout, son courage et sa persévérance doivent finir par lasser l'ennemi et le réduire à l'impuissance.

Admettons pour un moment la chance la plus défavorable pour nous et faisons humblement et de bon cœur la partie belle à nos ennemis. Ils ont remporté un succès éclatant, ils ont brûlé quelques-uns de nos vaisseaux; mieux que cela, ils ont mis le feu à quelques bicoques dans un de nos ports de mer, sauf à brûler du même coup quelques maisons de commerce de leurs nationaux établis et enrichis en Russie. Et après? croyez-vous qu'ils aient avancé leur besogne d'un pas? Mais toutes ces pertes ne sont que des pertes matérielles, faciles à réparer, témoin Moscou et nos autres villes réduites en cendres en 1812, année à laquelle j'aime toujours à revenir. D'ailleurs ces pertes que nous subirions ne se passeraient pas sans apporter aussi quelques dommages et quelques atteintes sensibles aux forces de nos ennemis, avec cette différence que nous supporterions nos échecs à la maison et pour ainsi dire dans notre ménage, ce qui nous donnerait les moyens de nous restaurer facilement, tandis que nos hôtes, en cas d'échec et même de demi-succès, auraient de la peine à ravitailler leurs ressources, qui s'épuiseraient constamment, même à la suite de victoires, sans parler de défaites qui, on a beau dire, sont aussi possibles.

On ignore trop en Europe que la Russie ne comprend pas qu'elle puisse jamais se soumettre au mouvais vouloir de l'étranger et accepter une paix dont elle n'aurait pas avoué d'avance les conditions. Que l'on n'aille pas me citer, pour me réduire au silence et démontrer ma forfanterie, les traités de paix que nous avons

conclus après les victoires de Napoléon. Les guerres que nous avons faites alors n'étaient pas des guerres nationales et étaient entreprises plutôt dans l'intérêt de l'Allemagne que dans le nôtre. Ces guerres ne nous laissaient pas la liberté d'action nécessaire et nous devions faire le sacrifice de notre amour-propre dans l'intérêt de l'Europe centrale dont nous avions épousé la cause. Et encore ces traités de paix, tout déplorables qu'ils fussent, n'ont jamais porté atteinte à l'intégrité et à l'honneur de la Russie. Je n'ai en vue ici que les guerres menées par la Russie pour son propre compte et à elle seule; de façon que cet *isolement* dont on nous menace aujourd'hui ne serait en définitive qu'un nouveau stimulant pour nous, et une garantie de plus que nous aurions tôt ou tard le dernier mot dans la lutte qui nous serait offerte.

LETTRE VII.

Février.

Bien des bizarreries ont signalé les incidents et les différentes péripéties qu'a fait naître la question turco-russe. Mais dans le nombre, il n'y a peut-être rien de plus imprévu et de moins explicable que l'explosion d'indignation et de sensiblerie qui a éclaté dans la presse européenne et même dans le sein des cabinets à la nouvelle de la victoire remportée par la flotte russe à Sinope, ou bien, pour nous conformer à la phraséologie officielle adoptée à cette occasion, à la nouvelle du *désastre* de Sinope. Comme cette victoire a, selon les documents publiés des deux côtés du détroit, fait entrer la question orientale dans une nouvelle phase et a obligé les gouvernements français et anglais à substituer des mesures agressives aux mesures soi-disant passives et expectatives auxquelles ils s'étaient bornés jusque-là, il ne sera peut-être pas inutile de revenir sur l'affaire de Sinope. Et pour la débarrasser de toutes les misérables chicanes qui ont tendu à falsifier et à obscurcir la vérité. nous la soumettons à quelques nouvelles considérations.

A entendre les doléances et les malédictions de ces messieurs, on dirait vraiment que nous avons commis une action déloyale et inouïe en attaquant et en battant un ennemi qui nous avait déclaré la guerre. On dirait qu'en vrais pirates nous sommes venus

et sans dire gare, bombarder pendant trois jours la
uple allié, comme cela s'est vu en 1807. Ou bien
nt nos braves marins en huissiers chargés de la
es, nous nous sommes permis, aussi en pleine paix,
ports d'un pays inoffensif et allié, pour solder les
icaire d'un juif plus ou moins Anglais ou d'un
moins juif.

encore ce qui a été perdu de vue par les hono-
es—que bien avant le combat de Sinope, qui a eu
mbre, la frégate russe la *Flore*, en se rendant de
oukhoum-Kalé, avait été attaquée dans la nuit du 6
rois steamers turcs, dont l'un battait pavillon de
si cette fois encore ce n'est pas nous qui avons pris
remière agression en mer est partie du côté des Turcs.

re pour le langage partial et dénigrant de la presse.
hommes d'Etat aient pu se rendre complices et se
fficiels des turpitudes et des absurdes appréciations de
aux, c'est ce qui dépasserait les bornes de la crédulité
naire, si les documents diplomatiques publiés par les
n'étaient venus constater cette aberration et cette
ise foi.

et français a eu du moins un éclair de justice dans
de cet événement. Dans sa dépêche de 13 décembre
général Baraguay-d'Hilliers, il la qualifiie *de coup*
reux que la Russie vient de frapper. Mais le langage
gouvernement anglais n'a pas d'exemple. Nous conce-
ue le cabinet de St-James soit très-mécontent de celui
rsbourg, parce que ce dernier n'a pas cédé aux inti-
xercées contre lui et en vertn desquelles on voulait et
paralyser la liberté de ses actions. Mais une puissance
se respecte ne devait pas porter atteinte à la loyauté
oure de nos marins en dépréciant les qualités qu'ils
loyées dans cette rencontre. Pour tenir une pareille

conduite, il faut que ces détracteurs jaloux d'un beau fait d'armes n'aient plus une goutte du sang généreux qui coulait dans les veines de Nelson, de celui qui, à la bataille de Trafalgar, avait mis à l'ordre du jour ces sublimes et simples paroles: „L'Angleterre attend de chaque homme qu'il fasse son devoir". Eh bien, nos hommes aussi ont fait leur devoir, et n'ont pas failli à l'attente de la Russie.

La victoire qu'ils ont remportée n'est pas une surprise, un coup de main entrepris sans danger. Plusieurs de nos vaisseaux qui portent des traces du feu de l'ennemi, prouvent qu'il y a eu résistance et que la victoire nous a été disputée. Quand les préventions seront dissipées, que le temps et de nouveaux événements auront fait justice des clameurs qui font tant de bruit aujourd'hui, les noms de l'amiral Nakhimoff et de ses vaillants frères d'armes survivront encore dans les fastes de la marine.

„Les sentiments d'horreur que cet affreux carnage (dit lord „Clarendon à propos de l'affaire de Sinope) ne pouvaient manquer „d'exciter, ont été généralement ressentis dans toutes les classes „des sujets de Sa Majesté."

Quant aux sentiments d'horreur, je ne vois pas trop ce qui peut les justifier; mais si le noble lord s'était borné à parler des sentiments de déplaisir et de désappointement éprouvés par quelques-uns des sujets de S. M. britannique, je conviendrais aisément qu'ils pouvaient être motivés. La flotte turque est une pupille et une élève de la flotte anglaise, et la déroute de Sinope n'est certainement par faite pour flatter la vanité de *l'honorable pacha*, d'origine anglaise, qui avait pris cette flotte sous sa tutelle.

„Une escadre turque (continue le noble lord) mouillée dans le „port de Sinope, a été détruite par *une flotte supérieure*.— Elle a „été détruite à l'ancre dans un port turc, dans un lieu où par „conséquent les flottes d'Angleterre et de France l'auraient protégée „si elles avaient été présentes, et auraient repoussé l'agression."

Voilà les griefs et les accusations du gouvernement anglais. En les analysant, il est donc notoire que du point de vue anglais il n'est par permis:

1° D'attaquer un ennemi, sinon dans une position qui lui est tout à fait favorable (quoique nous nous rendions difficilement compte de ce qu'il y a de si défavorable pour une flotte de se trouver à l'ancre dans un port qui lui appartient et qui est fortifié);

2° Qu'il n'est par permis de l'attaquer, sinon quand on n'a à lui opposer que des forces comparativement plus faibles, et

3° Qu'en tout cas l'on doit attendre pour l'attaquer que les alliés de l'ennemi, quand il en a, y donnent leur assentiment, ou viennent lui prêter main forte, pour balancer les chances de succès.

Ces nouveaux principes de stratégie sont certainement très édifiants et très chevaleresques. Nous félicitons le gouvernement anglais de les professer. Nous féliciterions surtout ses ennemis si, le jour du combat venu, il les pratiquait en effet pour son compte, comme il les expose aujourd'hui en théorie, quand il s'agit des autres. Mais avant d'adopter ces principes, nous attendrons que l'Angleterre nous donne l'exemple de leur mise en action.

La réponse du comte Nesselrode aux pitoyables sophismes et aux prétentions outrecuidantes, mises en avant par l'envoyé du gouvernement anglais, est péremptoire.

„La Turquie nous déclare la guerre, dit-il, elle ouvre la cam-„pagne avant le temps fixé par elle-même, elle envahit notre terri-„toire, elle prend une petite forteresse qu'elle occupe encore, et „vous nous accusez parce que nous répondons *par des hostilités aux „hostilités!* Mais veuillez vous rappeler que nous sommes en guerre „avec la Turquie, et jamais, que je sache, on n'a appris qu'une „guerre ne fut accompagnée d'actes tels que ceux dont vous vous „plaignez. Notre attaque a été un acte défensif. Les navires turcs

„étaient notoirement chargés de munitions militaires destinées à des „tribus qui font la guerre sur nos frontières."

Quelles objections tant soit peu raisonnables pouvait on opposer à un pareil langage, si plein de vérité et de logique? Aussi l'envoyé anglais ne s'est-il réfugié que dans la différence de versions qui existe sur la destination de la flotte trouvée à Sinope. Notre version, basée sur les rapports de nos autorités mieux placées pour connaître la vérité, attribuait à cette escadre la mission de porter des secours de guerre à nos ennemis. La version anglaise, accréditée ou par les rapports de quelques correspondants, ou par les Turcs eux-mêmes, peu dignes de foi, en pareille circonstance, affirmait que cette escadre n'avait pour but que de porter des vivres à Battoum. Mais si même, ce qui n'est pas, cela était ainsi, en quoi cela changerait-il la question? Quand on est en guerre, n'attaque-t-on pas des transports de vivres sur terre, aussi bien que sur mer? N'enlève-t-on pas à l'ennemi ses postes isolés et aventurés, ses traînards, quand l'occasion se présente? Supposons même que l'escadre de Sinope ne portât rien, ni munitions de guerre, ni provisions de bouche, qu'elle se promenât tout bonnement pour prendre l'air, encore nos marins avaient-ils le droit et l'obligation de l'attaquer pour prévenir une attaque comme celle qui avait eu lieu avec la frégate *la Flore*. Il est étrange que l'on ait à expliquer des vérités aussi élémentaires, et à se défendre dans une cause dont la justice est évidente. Mais l'esprit de parti obscurcit le bon sens. Que peut-on attendre d'une discussion où l'un des interlocuteurs à l'état de monomanie, laisse toujours de côté les considérations avancées par son adversaire et ne répond qu'à l'idée fixe qui s'est emparée de son intelligence?

Aussi, tout en appréciant la modération et la longanimité du gouvernement russe, qui n'a point voulu brusquer le dénouement d'une négociation oiseuse et qui était devenue impossible, tous les Russes ont salué avec joie et reconnaissance le rappel de nos envoyés de Londres et de Paris.

LETTRE VIII.

Mars.

Il vient d'échapper au ministère anglais un aveu dont il est bon de prendre note. Nous n'avons nullement la prétention de croire que l'enregistrement de cet aveu puisse pour le moment dessiller les yeux prévenus et les contraindre à reconnaître leur erreur. Mais les arrêts de l'esprit de parti et ceux de la passion ont dans l'avenir et dans l'histoire un tribunal de révision qui rétablit la vérité. C'est à ce tribunal éloigné mais infaillible que nous adressons notre pourvoi en cassation.

On se souvient des subtilités géographiques et chronologiques mises en avant dans les circulaires de M. Drouyn de Lhuys pour combattre les assertions de la circulaire du comte de Nesselrode en date du 20 juin (2 juillet) 1853. Le ministre russe disait: „que les deux puissances maritimes, prenant avant nous l'initiative, avaient jugé indispensable de devancer immédiatement, par une mesure *effective*, celle que nous ne leur avions annoncée que comme purement *éventuelle*, puisque nous en subordonnions la mise à effet aux résolutions finales de la Porte, et qu'au moment même où j'écris, l'exécution n'en a pas encore commencé. Elles ont sur-le-champ envoyé leurs flottes dans les parages de Constantinople. Elles occupent déjà les eaux et ports de la domination ottomane à portée des Dardannelles."

Toutes les dépêches et circulaires subséquentes françaises et anglaises tournent toujours sur le même point pris pour base des opérations, c'est-à-dire qu'elles admettent que l'agression est partie de la Russie.

Le fait est que quand on a besoin de faire peser sur son adversaire la responsabilité de l'initiative, on ne se fait pas défaut de paraître modeste, humble, patient, crédule jusqu'à la bonhomie. Mais plus tard le langage change avec les circonstances. Et voici que le ministère anglais, pressé par l'opposition qui l'accuse de mollesse, d'hésitation et de tiédeur, s'empresse de déclarer, par l'organe du premier lord de l'amirauté (séance de la Chambre des communes du 17 février): „Voyez les dates. La flotte anglaise a reçu l'ordre de se rendre à Bésika le 31 mai, tandis que l'occupation des principautés danubiennes n'a commencé que le 2 juillet."

Est-ce clair et précis? Cet aveu, tout tardif qu'il est, ne donne-t-il pas une justification, une sanction irrévocable aux paroles du comte de Nesselrode quand il dit plus loin dans la circulaire précitée: „Par cette attitude avancée, les deux puissances nous ont placés sous le poids d'une démonstration comminatoire qui, comme nous le leur avions fait pressentir, devait ajouter à la crise de nouvelles complications. En présence du refus de la Porte, appuyé par la manifestation de la France et de l'Angleterre, *il nous devient plus que jamais impossible* de modifier les résolutions qu'en avait fait dépendre l'empereur."

Toute la question est là. A mesure qu'elle s'est déroulée, les démonstrations comminatoires, y compris la fameuse lettre du 29 janvier qui a paru dans le *Moniteur*, ont ajouté aux difficultés de la situation. De démarches en démarches, les puissances ont réduit un gouvernement qui se respecte et respecte la nation que Dieu a confiée à sa tutelle à la nécessité de repousser toutes les intimidations qui, sous les faux dehors de propositions conciliatrices, ne visaient à rien moins qu'à porter atteinte à son indépendance et à sa dignité.

Si d'un côté le gouvernement russe ne s'est jamais départi des réclamations finales qu'il s'est cru en droit d'adresser à la Turquie, de l'autre il est impossible de prouver que, dans le cours de toutes les négociations, il ait émis aucune nouvelle prétention en présence du langage et des actes toujours plus hostiles de la Porte et de ses alliés. Et quels étaient donc l'essence et le fond de ces réclamations si exorbitantes et si inadmissibles? „Vous savez, dit le comte de Nesselrode (dans la même circulaire), qu'après avoir renoncé tour à tour à l'idée d'une garantie obtenue, sous forme de convention, séned, ou autre acte synalagmatique quelconque, nous avions réduit nos demandes à la signature *d'une simple note*, qui, indépendamment des dispositions plus particulières aux Saints-Lieux, ne renferme au fond autre chose, quant à la garantie générale réclamée en faveur du culte, qu'une simple confirmation de celle que nous possédions depuis longtemps." — „La signature de cette pièce (y est-il dit plus loin) constituait aux yeux de l'empereur la seule et vraie réparation qu'il puisse accepter pour l'offense commise envers lui par la violation du firman de l'année 1852, comme aussi des promesses personnelles qu'y avait jointes le sultan."

La Russie tient encore le langage qu'elle a tenu au début de son différend avec la Turquie: elle n'exige rien de plus, rien de moins. Et suivez un peu dans les documents et les actes émanés des gouvernements la marche ascendante et de jour en jour plus accélérée des mesures prises par eux, toujours dans le soi-disant but de concilier et n'ayant pour résultat que d'aigrir et d'envenimer de plus en plus la question. Si les notions élémentaires du juste et de l'injuste, du possible et de l'impossible, des convenances et des manque d'égards, ont été complètement dénaturées et bouleversées en Europe, à la suite des révolutions et des *faits accomplis*, la faute n'en est pas à la Russie. En dehors de ces perturbations politiques et morales, elle est restée fidèle aux traditions monarchiques et diplomatiques qui sont perdues de vue aujourd'hui. Elle ne demande pas mieux que de négocier de puissance à puissance. Mais elle ne pourrait jamais s'assujétir à se laisser mettre sur la sellette et à souscrire aux conditions qu'on voudrait lui im-

poser, fût-ce même au nom de toute l'Europe liguée contre elle. Sa position à elle est toute prescrite par la conscience de son devoir et de son droit. Elle seule entre les puissances sait ce qu'elle demande, elle seule dans cette question compliquée a devant elle un but précis et qu'elle n'a pas besoin de déguiser. Aussi son langage est-il explicite et ferme, sincère et modéré à la fois. Quel contraste avec la position fausse et forcée de l'Angleterre? Son gouvernement proclame l'amour et le besoin de la paix et aboutit à la guerre. Aussi voyez comme il se débat péniblement dans les discussions du parlement. La violence de langage de lord John Russell, par exemple, dénote une grande faiblesse de conviction morale. Quand on a la conscience de faire ce qu'on doit faire, quand on se sent loyalement armé de la double puissance du droit et de la force, on ne se jette pas, comme il l'a fait dans son discours du 17 février, dans les personnalités, les commérages, les invectives et tous les écarts d'une éloquence brutale et sauvage, bien faite pour provoquer la jalousie de lord Palmerston lui même. Pour se donner du courage et ameuter les passions populaires, il a beau crier bien haut que la mission du prince Menschikoff avait pour but „d'assurer la suprématie de la Russie sur la Turquie et de faire de la Turquie à l'avenir la sujette, complètement la sujette et la vassale de la Russie", il est trop homme d'esprit et trop homme d'état pour en rien croire. Il a beau se poser en chevalier et en champion de l'intégrité et de l'indépendance de la Turquie, il sait bien que ce n'est que par un faux point d'honneur ou par tout autre entraînement qu'il lance sa nation dans une guerre pour elle sans motif et sans but, sous le prétexte de sauver la Turquie d'un danger qui n'existe pas. Quant à l'intégrité de la Turquie, il est trop convaincu, quoi qu'il en dise, de la loyauté de caractère de l'empereur Nicolas pour avoir la moindre appréhension à ce sujet. Pour ce qui est de son indépendance, il doit bien le savoir mieux que tout autre, elle est plus fortement et irrévocablement compromise par l'intervention de ses soi-disant amis que par les agressions de son soi-disant ennemi; et la Turquie, tôt ou tard, ne l'apprendra que trop à ses dépens. Le prétendu *protectorat* réclamé par la Russie n'allait jamais jusqu'à exiger de la Turquie

l'abandon d'un droit inhérent à tout gouvernement: celui de faire la guerre ou la paix quand il le juge à propos. Et aujourd'hui ses amis exigent d'elle qu'elle n'accepte *aucune paix* sans l'agrément de l'Angleterre et de la France. La vision sanglante qui ne donne ni trève ni repos à l'imagination fébrile et nerveuse du cabinet anglais, le *désastre* de Sinope enfin, puisqu'il faut l'appeler par son nom, est encore évoquée dans le discours de l'honorable lord. Renchérissant sur ses collégues, il va jusqu'à témoigner sa surprise et son mécontentement de ce que l'empereur de Russie se soit permis d'adresser des félicitations à ses officiers et à ses amiraux à l'occasion de cette victoire. Si nous avons bien saisi le sens de ses paroles, l'empereur de Russie, pour donner satisfaction à l'Angleterre et à la France, n'aurait pu moins faire que de mettre aux arrêts l'amiral Nakhimoff, pour lui apprendre à respecter une autre fois les alliés de ces deux puissances *partout où leur canons peuvent atteindre.*

Mais voici, soit dit en passant, la solution du problème de la paix universelle toute trouvée. L'ombre pacifique de l'abbé de Saint-Pierre doit avoir tressailli de joie et M. Cobden peut être content. La France et l'Angleterre n'ont qu'à se déclarer les alliées de tout le monde et la guerre devient impossible. Les canons doivent se taire et les armes doivent tomber devant le caractère sacré de cette alliance, qui est à elle seule une garantie d'inviolabilité. Il y aurait vraiment conscience de chercher un côté plaisant aux graves événements qui tiennent aujourd'hui tous les esprits en suspens. Mais quand le ridicule se présente de lui-même et saute aux yeux, il est cependant impossible de ne pas le signaler.

Quand on suit aujourd'hui les débats du parlement et qu'on se souvient de ceux de la fin du dernier siècle et des premières années du siècle actuel, on est péniblement affecté de voir combien l'Angleterre est loin des beaux jours de ces luttes éloquentes et énergiques qui ont jeté tant d'éclat et tant de considération sur sa politique, ses hommes d'état et ses orateurs. Mais alors on n'avait

ni inventé ni adopté le culte brutal et idolâtre du *fait accompli*. L'Angleterre, au contraire, forte de sa sagesse, de sa persévérance, de ses généreux sacrifices, s'était posée pour but de combattre jusqu'à la dernière extrémité le *fait accompli*, tout victorieux et tout puissant qu'il était, parce qu'elle n'en reconnaissait ni les droits, ni la moralité. Alors l'Angleterre avait des ministères à principes: aujourd'hui elle n'a que des ministères à expédients.

LETTRE IX.

Mars.

Si la bosse de la réplique n'était pas reconnue par l'école du docteur Gall, il est indubitable qu'on en ferait la découverte chez M. Drouyn de Lhuys. Peu lui importe qu'il ait ou non quelque chose de nouveau et de marquant à dire. Il faut toujours qu'il se donne la satisfaction d'adresser à ses agents sa petite péroraison et de lancer son bouquet de phrases pour clôture. Aujourd'hui encore, après la correspondance échangée entre l'empereur des Français et l'empereur de Russie, après le discours prononcé à l'ouverture de la session législative et le manifeste adressé à la nation russe, il semblait que tout ce qui était à dire avait été dit. On pouvait croire que les phrases avaient fait leur temps, et que l'heure de l'action *sans phrase* avait sonné et profondément retenti dans les esprits. Les hommes de plume n'avaient qu'à se retirer et à céder la place aux gens d'épée. Mais M. le ministre des affaires étrangères en France n'est pas de cet avis (voyez la circulaire du 5 mars). Modeste homme de plume aujourd'hui, après avoir été, à une autre époque, soldat obscur, sur un autre champ de bataille, je vais donc le suivre dans les passes de son dernier tournoi.

M. Drouyn de Lhuys considère la lettre de l'empereur des Français comme une dernière tentative de conciliation et la réponse

qui y a été faite comme „détruisant les dernières espérances que „l'on pouvait mettre dans la sagesse du cabinet de Saint-Pétersbourg."

Une pareille appréciation est parfaitement conforme aux devoirs d'un ministre de Napoléon III. M. Drouyn de Lhuys a probablement abjuré aujourd'hui les principes qu'il professait à une autre époque. On se rappelle la trop célèbre et trop ridicule affaire *Pritchard*, dans laquelle l'opposition a joué un rôle si déplorable. Député de Melun et directeur des affaires commerciales au département des affaires étrangères, sous les ordres de M. Guizot, le ministre d'aujourd'hui, croyant alors pouvoir cumuler les fonctions d'un employé payé par le gouvernement avec les faveurs de l'opposition, monta à la tribune et fit un discours qui lui valut sa destitution, annoncée le lendemain par le *Moniteur*. Cette destitution fit, comme on le pense, grand bruit dans la presse opposante, et le député fut canonisé comme martyr d'un gouvernement tyrannique. Aujourd'hui qu'il est ministre d'un gouvernement *par la volonté nationale*, et qu'en vertu de la souveraineté du peuple, non-seulement les fonctionnaires publics, mais encore les journaux ont perdu même l'indépendance du silence, nous voudrions bien voir ce que M. Drouyn de Lhuys ferait s'il se trouvait dans la position de M. Guizot.

Quoi qu'il en soit, cette échauffourée parlementaire, qui ne date pas de si loin, dénote un esprit peu pratique, peu gouvernemental. Les hautes positions rendent les hommes plus exigeants, mais ne changent pas leur naturel. Aussi le député aventureux de Melun se retrouve-t-il tout entier dans le ministre. Il y a toujours quelque chose de blessant, de provoquant dans ses circulaires. On dirait qu'il ne les fait que pour préparer les voies à son collégue le ministre de la guerre. L'appel aux armes se trahit dans ses appels à la paix.

D'ailleurs même, sous ce point de vue, le ministre n'est que l'organe fidèle de son gouvernement. La lettre de l'empereur des Français l'indique suffisamment. Que sont devenues, grand Dieu!

les idées de convenance, de respect que l'on se doit les uns aux autres, si cette lettre, comme le dit la circulaire, est écrite „en „des termes où le plus grand esprit de conciliation s'allie à la „plus noble franchise." Cette lettre, si toutefois la passion n'aveuglait pas l'esprit qui l'a dictée, ne pouvait avoir d'autre but que de rendre définitivement toute entente impossible. Nous ne parlons pas de ce qu'il y avait d'insolite, de contraire aux usages respectés même entre particuliers, bien plus entre souverains, dans la publicité inopportune donnée à cette lettre, avant même d'avoir reçu la réponse qui devait y être faite. Dans cette lettre, forme et fond, tout est agressif. Comme document politique, sa valeur est nulle. Elle n'enseigne rien de nouveau, n'offre aucune issue honorable à celui à qui elle est adressée. Elle n'apprend même rien à l'opinion publique et à la masse des lecteurs de journaux. Les dites et redites de la presse périodique, répétées plus tard dans les circulaires du ministre des affaires étrangères et finalement recopiées dans la lettre impériale, n'en font qu'une cent-et-unième édition d'un texte qui n'était que trop connu. Il serait puéril de considérer comme une concession sérieuse la faculté que l'on veut bien accorder au gouvernement russe, „puisqu'il préfère traiter directement avec la „Turquie, de nommer un ambassadeur qui négocierait avec un pléni„potentiaire du sultan une convention qui serait soumise à la con„férence des quatre puissances." Comme si ce n'était pas laisser la question dans le cercle vicieux où elle s'est vainement débattue pendant tant de mois. Si vous reconnaissez l'indépendance de la Turquie, permettez au moins à la Russie de se croire tout aussi indépendante. Permis à vous, sous l'influence d'une hallucination opiniâtre, de croire que la Russie cherche à être la suzeraine de la Turquie. Mais n'oubliez pas que la Russie n'est encore la vassale d'aucune puissance étrangère. Elle est libre d'accepter les bons offices de ses alliés, mais tout aussi libre de les décliner. Faites lui la guerre si bon vous semble, mais ne prétendez pas lui imposer une intervention à des conditions que son honneur repousse. Que dirait-on d'un homme qui, à la veille d'une rencontre, s'adressant à son adversaire pour le ramener à des dispositions pacifiques, ferait sonner bien haut à ses oreilles l'excellence et l'efficacité de

ses armes, ainsi que l'habileté avec laquelle il en fait usage. Pareille tentative d'intimidation serait pour le moins de fort mauvais goût. Pour avoir des proportions plus gigantesques, un appel à la paix appuyé *de trois mille bouches à feu*, pointées à l'adresse d'une grande puissance, n'en est pas moins inconvenant. Et, en tout cas, qu'importait à la Russie de savoir que la présence de ces trois mille bouches à feu à l'entrée du Bosphore „disait assez haut à „la Turquie que les deux puissances maritimes ne permettraient pas „de l'attaquer sur mer?" Ces puissances ont pu dire tout haut, et surtout, je le crois sans peine, *tout bas aussi*, bien des choses à la Turquie; mais la Russie n'écoute que la voix de ses devoirs et de ses droits. Comment! la Turquie, à l'instigation de ces mêmes puissances, nous déclarera la guerre, nous attaquera sur terre et sur mer, et nous ne pourrons répondre à ses attaques avant de nous enquérir de ce que peuvent en penser des puissances qui, après tout, ne sont que nos égales! On veut bien nous accorder généreusement la faculté d'accepter un combat avec l'engagement formel de nous laisser battre, mais on ne saurait nous permettre à notre tour de battre l'ennemi quand l'occasion s'en présente. Vraiment, on croit rêver quand on entend un pareil langage; et ce sont des gouvernements civilisés qui, pour soutenir de pareils sophismes, entraînent leur pays et l'Europe dans une guerre dont il est impossible à tout esprit sérieux de prévoir ni le terme, ni les conséquences.

„Partout où nos canons peuvent atteindre, nos alliés doivent „être respectés, s'est-on écrié d'un commun accord," est-il dit dans la lettre. Mais d'abord, nous aussi, tout aussi bien que les Turcs, n'étions-nous pas alors les alliés de la France et de l'Angleterre? Il y a donc alliés et alliés! Il y a des alliés que l'on arme, et des alliés que l'on cherche à désarmer. Le bon sens avait depuis longtemps deviné cette différence de conduite, d'après la marche des négociations. Mais il est bon que l'aveu personnel des négociateurs vienne lui-même la mettre en relief. En tout cas, cette phrase pompeuse, mise en vers, figurerait fort bien comme refrain d'une chanson de Béranger. Elle enlèverait d'emblée les bravos d'un

public idolâtre de la pointe. Mais réduite à la prose et surtout à la prose politique, elle ne soutient pas l'analyse. J'ai pour ma part beaucoup de respect pour les canons en général, et pour les canons français en particulier. Je sais qu'ils ont eu de fort belles journées dans les fastes militaires, et ne doute point que dans la guerre qui se prépare ils n'aient les moyens de faire parfois beaucoup de mal à nos braves. Mais après tout, *ces bouches à feu*, puisque bouches il y a, n'ont pas la vertu de la tête de Méduse. Elles ne pétrifieront ni nos canons à nous, ni nos canonniers. Eux aussi ils feront franchement et modestement leur devoir; en présence de l'ennemi et au jour du combat, ils ne respecteront pas plus les alliés des Turcs qu'ils n'ont respecté les alliés de la France et de l'Angleterre. L'intelligence des canons n'est pas plus de mise que *l'intelligence des bayonnettes;* les uns et les autres n'entendent rien aux subtilités diplomatiques.

Il y de la dignité et de la noble franchise à avouer publiquement qu'on est un parvenu. Il y a eu de l'à-propos et de l'esprit dans cet aveu. Mais pour avoir l'opinion publique et les rieurs de son côté, il faut bien se garder d'accuser son origine par son langage et ses actions. Il y a, quoi qu'on en dise, dans la lettre en question un écho mal sonnant des proclamations de Strasbourg et de Boulogne.

C'est dans le *Journal de St.-Pétersbourg* qu'il faut lire les lettres des deux empereurs, reproduites l'une à la suite de l'autre, pour pouvoir en apprécier le caractère. Si toute la masse de papier qui a été consommée depuis l'origine du différend turco-russe venait à se perdre, à l'exception des deux lettres, elles suffiraient encore à la postérité pour juger de quel côté était le droit, et par conséquent la modération qui en est l'expression incontestable. La réponse de l'empereur de Russie est un modèle de loyauté et de convenance. C'est bien là le langage d'un souverain. On sent, il est vrai, sans qu'elles se trahissent en dehors, la surprise et l'indignation d'un cœur généreux, peu fait pour entendre les paroles qu'on lui a adressées; mais on apprécie d'autant plus la force morale de

celui qui a comprimé et refoulé ce sentiment. Tout Russe sera profondément ému et remerciera son souverain du fond de son âme à la lecture de ces nobles paroles: „Votre Majesté pense-t-elle que „la présence menaçante à l'entrée du Bosphore des trois mille bou„ches à feu dont elle parle, et le bruit de leur entrée dans la mer „Noire soient des faits restés sans écho dans le cœur de la nation „dont j'ai à défendre l'honneur? Vous-même, Sire, si vous étiez à „ma place, accepteriez-vous une pareille position? Votre sentiment „national pourrait-il vous le permettre? Je répondrai hardiment „que non....“ Ces dernières paroles, si nobles et si franches, sont en même temps un hommage rendu à la nation française. Un loyal adversaire apprécie mieux ces susceptibilités nationales que ne le fait un chef, emporté par l'aveuglement de la passion. Sans cet aveuglement, comment l'élu de la nation, appelé par elle au trône illustré par des siècles d'une royauté puissante et glorieuse, pouvait-il trouver „*difficile à comprendre*“ le motif qui porterait le souverain, héritier aussi d'un passé glorieux, à repousser des propositions incompatibles avec l'honneur national?

La circulaire de M. Drouyn de Lhuys revient sur la question des Lieux Saints, que l'on veut toujours isoler complètement des autres propositions du prince Menschikoff. „Cette question, dit la „circulaire, était réglée dès les premiers moments du séjour de M. „le prince Menschikoff—et c'est celle que cet ambassadeur a soulevée „lorsqu'il avait obtenu satisfaction sur l'autre, qui a mis le monde „en éveil“.

Il n'y a qu'à lire avec impartialité le dernier *projet de note* adressé à la Porte et qui résumait toutes les réclamations élevées par l'ambassadeur de Russie pour se convaincre que les deux questions sont deux parties corrélatives d'un même tout. Nous n'avons point sous les yeux la preuve authentique que les deux moitiés aient été complètement séparées dans les premières propositions émanées du prince Menschikoff. Mais la preuve qu'il était de l'intérêt de nos adversaires d'isoler ces deux questions se trouve consignée dans les documents publiés par le gouvernement anglais.

„Efforcez-vous, disait lord Stratford au ministre ottoman, de *separer* „l'affaire des Lieux-Saints des propositions ultérieures, quelles „qu'elles soient, de la Russie." Ces paroles prouvent deux choses: premièrement, que le ministère ottoman et les représentants des puissances occidentales avaient connaissance de propositions inhérentes à celles des Lieux-Saint, et que pour qu'on en eût connaissance, ces propositions ont dû être énoncées simultanément; elles prouvent en second lieu qu'en recommandant à la Porte de *s'efforcer* d'isoler la proposition, on avait la crainte que l'ambassadeur russe ne cherchât à s'y opposer.

Quant à cette assertion que l'affaire des Lieux-Saints était *réglée*, entendons-nous. *Réglée*, oui, si l'on veut, mais pas définitivement terminée. Prétendre que la Russie pouvait se contenter d'une simple promesse de la Turquie, est une prétention inadmissible. Après les preuves de mauvaise foi, ou au moins d'impuissance, données par la Porte, de tergiversations et de mesures contradictoires, qui ont signalé sa conduite à ce sujet, le gouvernement russe était en droit de demander quelque chose de plus réel et qui engageât d'une manière plus solennelle la responsabilité de la Sublime-Porte. Traduisons cette affaire en affaire d'argent, pour mieux nous faire comprendre des Anglais. Il ne suffit pas qu'un débiteur peu scrupuleux, peu empressé de faire honneur à sa parole, reconnaisse verbalement la valeur de la somme qu'il doit à un autre. Son créancier est certainement autorisé à réclamer de lui qu'il reconnaisse cette dette par un écrit fait en bonne et due forme. La note que le prince Menschikoff engageait, non le sultan, mais le ministre à signer, n'avait pas d'autre valeur. Entre les mains d'un créancier loyal, qui plus d'une fois avait fait preuve de longanimité, qui plus d'une fois était venu au secours de son débiteur, pareil acte était plutôt une garantie morale qu'un moyen de pression.

La circulaire semble reprocher au gouvernement russe *l'évocation des souvenirs de 1812*. Mais pourquoi et comment n'évoquerions nous pas ces souvenirs en présence de la grande lutte qui s'engage

aujourd'hui et rappelle celle que nous avons soutenue alors contre les armées de l'Europe coalisée? Ces souvenirs sont notre gloire dans le passé: ils sont également notre encouragement et notre règle de conduite dans l'avenir. L'empereur Alexandre a dignement apprécié la résistance mâle et généreuse de sa nation, et la nation a noblement répondu à l'attente de son souverain. L'un et l'autre on fait leur devoir. La possibilité d'admettre une paix peu honorable n'est jamais entrée ni dans l'esprit du monarque, ni dans le cœur de ses sujets. Notre position aujourd'hui est précisément la même qu'en 1812.

La circulaire invoque à son tour pour l'empereur Napoléon III *l'héritage de gloire que lui a laissé le chef de sa race.* Ceci demande quelque explication. On ne peut léguer à ses héritiers que ce que l'on a en sa possession au moment de son décès. Une fortune, toute grande qu'elle a été, soit en capitaux, soit en biens-fonds, soit en victoires et conquêtes, mais dépensée du vivant du propriétaire, ne peut guère rapporter à un héritier quel qu'il soit, autre chose qu'un bilan de faillite. L'empereur Napoléon a certainement été grand homme de guerre et homme d'une grande puissance d'action. Mais s'il a fait beaucoup de choses glorieuses, il n'a su en consolider aucune. Somme faite de tous ses exploits, il a laissé la France deux fois vaincue. Abandonné par ses armées et par la nation, il a deux fois abdiqué dans l'espace de quelques mois. La France s'est trouvée, grâce à lui, accablée de revers, d'une forte contribution à payer, et d'une armée d'occupation de troupes auxiliaires à entretenir.

Il faut toute la légèreté d'esprit des Français et les *lacunes* que nous avons signalées dans leur mémoire, pour se complaire comme ils le font, dans le dénombrement des capitales que leurs armées ont traversées. Ces souvenirs pour tout autre auraient quelque chose de poignant, car finalement ils les ramèneraient à l'époque où les souverains de ces mêmes capitales sont venus avec leurs légions dicter deux fois la loi à Paris et à la France.

De la part d'un ministre des affaires étrangères, un pareil manque de mémoire est encore plus maladroit. Quel besoin a-t-il de rappeler au souvenir de ses agents diplomatiques et par leur organe à celui des cours près desquelles ils sont accrédités, que cet *héritage de gloire*, s'il est échu à quelqu'un en partage, c'est bien à ces mêmes gouvernements qui sont rentrés dans leurs biens, un instant usurpés, et ont partagé les dépouilles opimes d'un grand conquérant qui a survécu à ses conquêtes et les a douloureusement expiées dans l'exil. Une grande leçon, voilà le véritable et unique legs laissé par Napoléon à ses héritiers. On peut à une époque anormale, comme l'a voulu M. Caussidière, faire de l'ordre avec du désordre, mais dans une pareille nécessité, on ne parviendra jamais à créer quelque chose de durable. En face de l'Europe monarchique, Napoléon, tout homme d'ordre qu'il était, représentait un principe de désordre. Il était toujours, par la force des choses et de la fatalité originelle, la révolution incarnée, quoique revêtue du manteau impérial. Comme consul, il avait peut-être plus de chance de durée. Comme empereur, il ne devait infailliblement se survivre et ne pouvait laisser de dynastie après lui. Pareilles dynasties sont toujours à recommencer. Elles peuvent être reconnues par les nécessités et les pusillanimités du moment, mais elles ne sont jamais adoptées par l'histoire. Un grand pays comme la France a besoin de bases plus larges et plus solides que les échafaudages révolutionnaires qui s'élèvent et qui croulent d'un jour à l'autre. Et quand les bases consacrées par les siècles existent, ce n'est pas impunément qu'un grand peuple les méconnaît.

Les réflexions philosophiques de la circulaire ne sont guères plus heureuses que les souvenirs historiques qu'elle évoque. „Notre époque (y est-il dit), si tourmentée, avait été du moins exempte „d'un des maux qui ont le plus troublé le monde autrefois; je veux „parler des guerres de religion. On fait entendre aux oreilles de „la nation russe comme un écho de ces temps désastreux. *On affecte „d'opposer la Croix au Croissant*, et l'on demande au fanatisme „l'appui que l'on sait ne pouvoir réclamer de la raison".

Avant d'analyser ces paroles, faisons une question en passant: qu'allaient donc faire les troupes françaises à Rome en 1849, si ce n'est une guerre de religion? Ce n'était probablement pas dans un esprit monarchique que la république française allait foudroyer de ses canons Rome devenue républicaine. Non, c'était pour réintégrer dans ses droits le chef de la religion catholique romaine et cette religion elle-même, personnifiée en lui.

Maintenant revenons sur nos pas. D'abord, ce n'est pas nous qui faisons une guerre religieuse et politique: mais on nous la fait, et nous nous bornons à nous défendre. Nous avons, en vertu des traités, demandé à un pouvoir mécréant des garanties pour la sécurité religieuse de chrétiens nos coreligionnaires; et des puissances chrétiennes, dont l'une s'est encore durant des siècles glorifiée du titre de très-chrétienne, ont jugé qu'une pareille demande de notre part était un *casus belli.* Non-seulement elles ont poussé le pouvoir ennemi du nom chrérien à nous déclarer la guerre, mais elles se sont données à lui corps et âme pour le soutenir dans cette lutte. On n'*affecte* nullement *d'opposer la Croix au Croissant*, opposition qui d'ailleurs existe par elle-même, mais on veut défendre des opprimés, fils de la Croix, contre des oppresseurs, fils du Croissant. Pour un esprit philosophique, qui fait bon marché du sentiment religieux, cela peut s'appeler du *fanatisme.* Mais pour un peuple comme le nôtre, en appeler à sa foi et à ses sympathies généreuses, c'est encore en appeler à sa raison. „La France et „l'Angleterre n'ont pas à se défendre de l'imputation qu'on leur „adresse; elles ne soutiennent pas l'islamisme contre l'orthodoxie „grecque, etc."

Mais que font-elles donc si ce n'est cela? Je sais bien qu'elles n'osent l'avouer. Mais dépouillez la question des sophismes, des subtilités dont on l'a enveloppée et ce qui en restera: c'est que l'Europe chrétienne s'est armée contre un souverain chrétien qui demandait à l'islamisme des garanties pour des chrétiens.

Soit aveuglement, soit mauvaise foi ou haine contre le gouvernement russe, ces puissances sont fatalement entrées dans cette voie déplorable, et pour se faire illusion, tant à elles-mêmes qu'aux peuples qu'elles livrent aux calamités de la guerre, elles proclament *qu'elles vont protéger le territoire ottoman contre les convoitises de la Russie*

En premier lieu, *les convoitises* sont ici hors de place. La Russie en tout cas sait attendre. L'empereur Alexandre l'a dit: Elle a pour elle l'espace et le temps. C'est là sa force et sa grandeur. Si le pouvoir ottoman doit tomber en Turquie, que nous y aidions ou non, ce n'est qu'en notre faveur que cette chute peut s'accomplir. Ce n'est pas une conquête que nous convoitions, c'est un héritage historique que tôt ou tard nous avons à recueillir. Nous ne pressons pas l'usufruitier de nous céder la place. Mais après lui, l'histoire à la main, nous viendrons légalement en prendre possession.

Aujourd'hui, les puissances occidentales, pour colorer et déguiser leur intervention anti-chrétienne, se ravisent et annoncent qu'elles vont faire de la propagande libérale en Turquie, c'est-à-dire arracher au sultan, sous le couteau de la protection, des concessions bien plus grandes, bien plus préjudiciables à son autorité que toutes celles qui ont été l'objet des réclamations du prince Menschikoff.

Tant qu'on pouvait étourdir et égarer l'opinion publique par de grandes phrases sur l'ambition de l'empereur Nicolas, on l'a fait. Mais les esprits peuvent se dégriser d'un jour à l'autre. La vérité peut recouvrer ses droits méconnus. Les peuples finiront par demander compte des sacrifices qu'on leur impose, du sang que l'on fait couler. Ils se douteront bien qu'on s'est moqué de leur crédulité quand on leur a dit que leurs armées allaient défendre l'honneur national attaqué. Attaqué, où, par qui et comment? Qu'y a-t-il donc de commun entre l'honneur de la France et de l'Angleterre et quelques reclamations faites en faveur des populations orthodoxes! Si les représentants des deux puissances se sont fourvoyés et ont

fait bévue sur bévue, dans tout le cours des negociations, leur amour-propre peut en souffrir, mais l'honneur national n'est pas solidaire de leur mesquine vanité. Les ministères passent, mais les nations restent. Il est impossible de trouver dans la question présente le moindre motif d'inimitié entre les Anglais et les Français d'un côté et les Russes de l'autre. Pour parer aux interprétations et aux justes griefs des peuples, on escamote à la Russie le motif legitime qui l'a guidée dans sa conduite. Et l'on croit avoir fait merveille par ce tour d'adresse. Il a été dit, dans cette intention, que les flottes et les armées occidentales vont, après avoir repoussé l'agression russe, *faire tomber les préjugés qui séparent encore les différentes classes des sujets de la Sublime-Porte.* Elles vont régler et émanciper à tout jamais dans le sens chrétien et politique les peuplades chrétiennes soumises à l'islamisme.

Eh bien, pour quiconque connaît l'Orient, tout ceci n'est encore que des phrases sonores, mais vides de sens. Si ces exigences des puissances occidentales sont définitivement arrachées à la faiblesse musulmane, elles pourront saper les derniers fondements de l'édifice décrépit que l'on croit étayer. Elles pourront donner le coup de grâce à l'autorité du sultan et décréter sa mort civile, mais elles ne satisferont point les populations orthodoxes. Ces populations se méfieront toujours des concessions qui leur auront été faites sous l'inspiration de l'Occident. Et elles auront raison de s'en méfier. Ces concessions faites dans un faux esprit de vieux philosophisme, de libéralisme hypocrite, d'indifférence en matière de religion, seront toujours contraires et antipathiques à ces générations jeunes, naïves et ferventes. Elles ont besoin d'une sympathie chaleureuse, de quelque chose de vivant et de vivifiant, et non de la lettre morte d'institutions sur papier. Je sais bien que lord Redcliffe et lord Palmerston croiraient avoir tout fait s'ils parvenaient à doter la Turquie d'une charte comme l'Angleterre l'a fait en Portugal. Mais demandez d'abord au Portugal s'il s'en trouve bien et vous verrez plus tard comment s'en trouverait la Turquie. L'Occident n'entend rien à l'Orient. Il le juge par des enfants perdus qui viennent chercher dans ses écoles et dans ses salons une éducation menson-

gère dont les fruits ne peuvent s'acclimater sur le sol de l'Orient. Les populations orthodoxes orientales ont une répulsion presque tout aussi vivace et aussi profonde pour la civilisation occidentale que pour la barbarie musulmane. Si l'on me demandait pourquoi? Je répondrais: étudiez l'histoire.

LETTRE X.

Mars.

On se souvient des accusations de la France et de l'anathème lancé par le ministère anglais contre la marine russe pour avoir attaqué à Sinope un ennemi moins nombreux. Nous nous sommes méfiés dans le temps de ces sentiments chevaleresques et nous avons dit qu'il fallait voir ces puissances à l'œuvre pour bien juger de ce qu'elles feraient elles-mêmes en pareille occurrence. Le moment est venu pour les juger. Il ne leur suffit point aujourd'hui d'être trois contre un: pour mettre leur valeur à l'aise, elles veulent absolument être cinq contre un. Elles voudraient être six, elles voudraient être dix. Voyez un peu tout le mal qu'elles se donnent, toutes les cajoleries qu'elles prodiguent, toutes les menaces qu'elles font sous-entendre pour entraîner l'Autriche et la Prusse dans leur agression contre la Russie. Elles ne seront parfaitement rassurées que lorsqu'elles auront toute l'Allemagne à leurs côtés, ou plutôt devant elles. Cette pauvre Allemagne a beau promettre qu'elle restera neutre, qu'elle laissera faire, qu'oubliant et trahissant ses intérêts les plus intimes, elle ne s'opposera pas à une attaque contre la puissance dont elle a le plus besoin, qui seule peut la garantir contres les velléités révolutionnaires de la France, et les envieux et sordides instincts de l'Angleterre; rien n'y fait. L'Allemagne doit se sacrifier pour frayer le chemin à la France et à l'Angleterre, et pour payer

plus tard les pots cassés, s'il y en a. Napoléon Ier disait à l'abbé de Pradt, après la campagne de 1812: „Voyez les Bavarois, il n'en est pas resté un seul!" Napoléon III aimerait aussi avoir, le cas échéant, une pareille consolation à offrir aux Français. Voyez les Allemands, leur dirait-il, ils ont encore bien plus souffert que vous.

Et quand on se dit qu'il y a en Allemagne un parti inintelligent et pusillanime, qui brigue la faveur de réserver à S. M. Napoléon III une pareille satisfaction, et qui pousse les gouvernements allemands à faire sur terre le gros ouvrage des puissances maritimes, c'est à n'y pas croire. Comment d'ailleurs concilier cette préoccupation anxieuse de la France et de l'Angleterre avec les assurances qu'elles se donnent mutuellement qu'une fois unies, elles n'ont rien à craindre et sont maîtresses des destinées de l'Europe. Vous voyez bien que non, et que c'est le contraire qui est la vérité. Unies elles auraient tout à craindre, si l'Europe avait le sentiment de sa dignité et celui de sa force. Car cette union avec le caractère connu des deux gouvernements ne pourrait être que préjudiciable aux intérêts et à l'indépendance des autres nations, et loin de se laisser dicter la loi par ces puissances, c'est l'Europe qui devrait la leur dicter. Il est assez singulier que ce moyen si simple, n'ait point encore été essayé sérieusement. Toutes les calamités qui ont pesé sur l'Europe, lui ont toujours été amenées par la France et par l'Angleterre. Elles sont les ennemies naturelles, radicales, implacables de l'indépendance de toutes les autres puissances. Pour la France, les hommes ont été de la *chair à canon;* pour l'Angleterre, ils ne sont jamais que de la *chair à coton.* Pour l'une et l'autre l'humanité n'est qu'une matière à exploiter.

Quand l'une d'elles, ou toutes les deux recherchent l'alliance d'un autre gouvernement, c'est qu'elles ont besoin d'un appui ou d'une dupe. A lire les expressions révérencieuses et obséquieuses dont la France se sert aujourd'hui, en parlant de l'Angleterre, et que celle-ci emploie à son tour, en parlant de la France, il me semble voir Odry, qui, je ne sais plus dans quel vaudeville, ôtait son chapeau quand il prononçait le mot de gendarme. Le fait est, que l'une et

l'autre se craignent; elles chantent leurs éloges à deux voix pour se donner du courage, comme le feraient deux voyageurs engagés la nuit dans un chemin inconnu et qui se méfieraient l'un de l'autre. C'est pour neutraliser cette crainte qu'elles ont besoin d'avoir l'Allemagne pour compagnon de voyage. L'Allemagne sera-t-elle assez innocente et assez bonne pour leur servir d'escorte?

LETTRE XI.

Mars.

Il est impossible à tout homme impartial de n'être pas frappé de la droiture, de la netteté du langage tenu par le cabinet russe, quand on le compare à l'ambiguité de celui des autres cabinets. Cette appréciation ressort tout naturellement des documents livrés à la publicité de part et d'autre. Nos adversaires peuvent, sous leur faux point de vue, dire que nous avons tort dans le fond, mais ils ne peuvent dire qu'ils ne voient pas clair dans ce que nous avançons. La raison de la difference qui existe entre le langage de la Rnssie et celui des autres pays est tout simple. La dipromatie russe est l'expression des vues et de la volonté d'un seul homme; par cela même elle peut quelquefois être sujette à l'erreur, comme tout ce qui découle de la faillibilité humaine; mais aussi quand la volonté est loyale, son langage s'en ressent: il est clair et ferme. Ailleurs, c'est tout autre chose. Voyez par exemple l'Angleterre. Son cabinet n'est point indépendant. Le langage et les actes du ministère y sont toujours plus ou moins subordonnés à la presse périodique qui le protège ou le harcèle, le soutient ou l'affaiblit, aux tumultueuses délibérations des *meetings*, auxquels il doit répondre avec déférence, quelques saugrenues que soient les motions qu'on y fait, aux électeurs qui le nomment au parlement, et le maintiennent au pauvoir ou préparent sa chute. De là une tactique

tortueuse, des ménagements à observer, des avances plus ou moins importantes à faire à tous les partis. Le moyen après cela de garder la liberté de conscience et l'indépendance des paroles. Le mot de Talleyrand, que la parole est l'art de déguiser la pensée, est surtout applicable au système parlementaire. Là, on ne peut arriver à la vérité que par le mensonge. Et qu'on n'aille pas prétendre que les moyens de publicité accordés à l'opinion sont autant de garanties pour que la vérité puisse se faire jour, et pour qu'il y ait une concordance parfaite entre les vœux de la nation et les actes du gouvernement. Une assemblée délibérante composée d'anges n'aurait certainement en vue que la vérité et le bien général. Mais ici-bas, les passions humaines aboutissent à un autre résultat. L'esprit de parti est toujours plus remuant et plus fort que le bon sens. La presse périodique, telle qu'elle est constituée aujourd'hui, est une machine de guerre qui peut tout abattre, tout démolir, mais qui ne peut rien édifier. Les lueurs qu'elle jette éblouissent et fascinent les yeux, mais n'éclairent point. Le tapage qu'elle fait, étourdit et abasourdit l'intelligence. En un mot, la publicité étouffe la vérité. Dans ce système de mensonge obligé réglé, légalisé, tout contribue à dénaturer le vrai et à dénaturer les faits eux-mêmes. Les crédules et les niais admirent, par exemple, la sécurité et la franchise du gouvernement anglais qui livre ses documents diplomatiques à l'investigation de l'opinion. Eh bien! tout cela n'est encore qu'un mensonge en grand. Le fameux *livre bleu*, cette prétendue confession générale du ministère anglais, fait à haute voix et au grand jour, n'est qu'une confession pleine de restrictions mentales, autorisées par les casuistes de la politique. Tous les diplomates qui ont été à même de lire les originaux inédits de ces correspondances ministérielles savent bien que le *livre bleu* ne contient que des actes *mutilés* et *falsifiés ad usum populi*. Comme dans les lettres de femmes, c'est toujours le post-scriptum qui recèle le fin mot de ce qu'elles avaient à dire, c'est dans les lettres confidentielles, qui accompagnent les dépêches officielles que les ministres et les ambassadeurs déposent le fond de leur ponsée. Mais ces lettres-là, le gouvernement les garde pour lui ou les anéantit. Et l'on ne saurait lui faire un crime de donner ainsi le change à l'opinion: il y est con-

damné par l'indiscrétion des enfants curieux et terribles du parlement. Quoi qu'il en soit, il n'en est pas moins positif qu'une demi-vérité, une vérité tronquée est encore un mensonge, mensonge d'autant plus décevant et captieux, qu'il ressemble plus à une indiscrétion.

La France, tant qu'elle a été dominée par le régime parlementaire s'est trouvée dans la même position, à la différence près que la fiction, que le mensonge politique y avaient encore plus de prise sur l'esprit mobile de la nation. Aujourd'hui toute cette fantasmagorie parlementaire s'est évanouie en France; le gouvernement y est réduit à sa plus simple expression, mais la vérité n'y a guères gagné. C'est un trompe-l'œil d'un autre genre. D'ailleurs les habitudes survivent aux institutions. L'illusion n'est plus parlementaire, elle est bureaucratique. Le baromètre officiel du *Moniteur* est invariablement fixe au beau temps: mais on sent dans l'atmosphère de la France les courants électriques des orages passés et à venir. Tout y est incertain, à commencer par le gouvernement lui-même. Les traditions impériales qui ne tiennent qu'à un individu ne sont qu'un reflet et un écho. Cela peut être très-poétique, mais ce n'est ni pratique, ni durable. Notre époque est très-portée aux hallucinations de tout genre; nous voyons des personnes, d'ailleurs sensées, croire à la puissance occulte des tables tournantes. Un pouvoir né d'hier n'a pas de racines dans le pays, et ne peut avoir de lendemain. L'Europe le sait, et la France ne l'ignore pas. Les conditions imposées par la nécessité, par le vague de la position doivent naturellement fausser le langage du gouvernement. Aussi voyez comme l'ambiguité et les contradictions percent jusque dans la formule adoptée par le pouvoir pour la promulgation de ses actes publics: „Par la grâce de Dieu et la volonté nationale, Empereur des Français.“ Il y en a là, pour tout le monde, pour les apologistes du droit divin comme pour ceux de la souveraineté du peuple. Toute la politique du nouvel empire peut se résumer dans cet antagonisme de mots.

Quand on cherche à contenter tout le monde, c'est tout le monde qu'on mécontente. Les contradictions, les contre-sens qui en déri-

vent se retrouvent à chaque pas. L'*Empire c'est la paix:* ce mot d'ordre à la faveur duquel l'Empire a été emporté d'un coup de main, est encore un jeu de mots. C'est dans le premier et le seul Napoléon que l'Empire s'est accidentellement et momentanément personnifié en France: et c'est à la guerre que l'empereur et l'empire ont dû leur élévation et leur chute. Si l'empire peut vouloir dire quelque chose, c'est la promesse de renouveler ce qui a existé en France, sous l'empereur Napoléon. Autrement c'est un mot vide de sens. Ajoutez encore que si le titre de Napoléon III a une portée incontestable, c'est une protestation agressive contre tout ce que l'Europe a fait dans les luttes mémorables qu'elle a eu à soutenir pour sauver son indépendance. C'est un démenti donné aux actes par lesquels elle a exclu à tout jamais la famille Bonaparte. Je ne vois pas trop ce qu'il y a de ci pacifique dans ce défi jeté à l'Europe. C'était déjà en soi-même un cas de guerre, si l'Europe avait été plus prévoyante et plus sage. Ce qui pouvait du reste mitiger un peu l'importance de la prétention à ce chiffre, c'était son ridicule. Pourquoi Napoléon III, quand le prénom de celui qui a pris ce titre est Louis? Pourquoi donc pas Louis XIX? La chose n'eut pas été moins illogique, ni moins mensongère, mais du moins elle eût été encore plus plaisante. Et après cela, on trouve étonnant qu'un pouvoir qui ne se prosterne pas devant le fait accompli, qu'un pouvoir qui se respecte, ait fait quelques réserves, en reconnaissant pour le moment un tel état de choses. Dieu soit loué, la Russie n'est pas encore sous le régime des Palmerston et des John Russell, et ce qui leur convient à eux, peut ne pas couvenir à d'autres. Pour se faire une idée correcte de cet empire *de par la volonté nationale*, il y a encore une observation à faire. Cette volonté, quoi qu'on en dise, est tant soit peu sujette à caution. En France, en général, tout est si fictif, si conventionnel que les chiffres mêmes n'y ont pas la valeur numérique qu'ils devraient avoir. Nous ne chercherons pas à mettre en doute l'exactitude du total des huit millions de voix qui, à deux reprises, ont exprimé cette volonté nationale. Mais si nous n'en contestons pas la vérité matérielle, nous faisons quelque réserve, quant à la vérité morale. Nous nous sommes trouvés en France à l'époque du 2 Décembre 1851 et nous

savons un peu comment les choses s'y sont passées. D'abord, quand vous traversiez les rues de Paris, des hommes postés dans différents endroits et de mine assez suspecte, vous glissaient dans la main de petits morceaux de papier imprimé qui contenaient des votes affirmatifs. Quant aux votes négatifs, nous n'en avons pas vu distribuer un seul. Calculez le nombre de gens en France qui ne savent pas lire et qui allèrent cependant porter à la mairie ces chiffons de papier qu'ils avaient, pour ainsi dire, ramassés dans la rue, et vous comprendrez aisément ce que veut dire le suffrage universel. En qualité d'étrangers, nous étions curieux de connaître l'opinion des gens sur la nécessité et la légalité du coup d'Etat. Bien des personnes nous ont avoué qu'elles ne l'approuvaient pas. Mais ces mêmes personnes ne nous ont point caché qu'elles iraient à la mairie voter pour. Ceci prouverait bien des choses, si l'on voulait étudier ce fait à fond et en tirer des conséquences. Les événements des dernières soixante années de l'histoire de France y trouveraient leur explication. Le Français, brave sur le champ de bataille, manque complètement de courage civil. Il ne craint pas l'ennemi, mais il craint la police. En tout cas, la pays à l'époque dont nous parlons, voulait éviter la guerre civile; et elle n'aurait pas manqué d'éclater, au cas d'une grande divergence d'opinions. La conduite tenue par le pouvoir envers les représentants alors légitimes de la nation ne pouvait laisser aucun doute sur celle qu'il tiendrait, si le succès du coup d'Etat était compromis. Ce pouvoir qui avait mis sa fortune et son existence sur une carte, appuyé d'ailleurs par l'armée, n'était pas homme à s'avouer vaincu et à se retirer. D'un autre côté, les militaires avaient un vieux compte de barricades à règler avec les bourgeois qui les avaient desarmés en 1848. Le 2 Décembre était une revanche du 24 Février. Je tiens cet aveu de la bouche même des militaires qui étaient impatients de sabrer et de mitrailler les vainqueurs d'alors. Si le général Mallet en 1813 avait eu quelques heures de plus à sa disposition, son coup de tête eût aussi pris les proportions d'un coup d'Etat, et ce qui s'est fait aujourd'hui, se serait également fait à cette époque. Le pouvoir, en France, est depuis longtemps une place forte à la merci d'un

coup de main du premier venu. Si Lamartine, Caussidière et Ledru-Rollin ont pu faire capituler le pays au bout de quelques phrases, qui donc ne s'en rendra maître une fois qu'il le voudra énergiquement et qu'il aura des canons à sa disposition? Les Français ont une longue habitude de respect pour le fait accompli. Le fait ne dure pas, il est vrai. Il est soudainement remplacé par un autre fait, qui vit aussi ce qu'il peut, et c'est toujours à recommencer. Le Parisien surtout (et n'est ce pas lui qui est le moniteur télégraphique de la France?) n'aime pas à être dérangé dans la distribution des heures de la journée. Il tient à l'inviolabilité de son dîner au café, à l'inamovibilité de sa stalle au spectacle. Soit que les armées alliées entrent dans la capitale, soit qu'un pouvoir révolutionnaire s'en empare, le Parisien s'empresse de composer avec les événements pour avoir sa journée sauve. Il n'y a que les Parisiens qui n'ont pas de quoi solder la carte du restaurant, ou payer le billet de spectacle qui fassent exception à ces habitudes d'ordre et de comfort. Aussi ceux-là font-ils les révolutions, et presque toujours dans le but de s'assurer à leur tour une place au café et au spectacle. Le spectre rouge en France, c'est tout simplement un homme qui a faim et qui n'est pas bien casé. Une fois qu'il est parvenu à satisfaire ses appétits et ses convoitises, il change facilement de couleur. On a fait beaucoup trop de bruit en France et en Europe au sujet de ce spectre. Ce spectre se serait évanoui de lui-même. Le fait est que le 2 Décembre a mis cet épouvantail en avant et a escompté ce bruit et ces craintes à son profit. Nous verrons ce que la France et l'Europe y ont gagné. On trouve dans les lettres de Paul-Louis Courrier une historiette très-amusante et fort bien contée qui vient parfaitement à l'appui de ce que j'ai dit plus haut. Il s'agit de l'élection du premier empereur. L'auteur se trouvait quelque part en garnison et voici comment il rend compte des votes du corps dont il faisait partie. „Nous venons de faire un „Empereur, et, pour ma part, je n'y ai pas nui. Voici l'histoire. „Ce matin d'Anthouard nous assemble et nous dit de quoi il s'agis-„sait, mais bonnement sans préambule ni péroraison: Un empereur „ou la république, lequel est plus de votre goût? Comme on dit:

„rôti ou bouilli, que voulez-vous? Pas le mot; personne n'ouvre la „bouche. Cela dure un quart-d'heure, et devenait embarrassant pour „d'Anthouard et pour tout le monde. Nous y serions encore, si je „n'eusse pris la parole. Messieurs, dis-je, il me semble, sauf correc„tion, que ceci ne nous regarde pas. La nation veut un empereur, „est ce à nous d'en délibérer? Ce raisonnement parut si lumineux, „*si ad rem*, que veux-tu, j'entraînai toute l'assemblée. Jamais ora„teur n'eut un succès si complet. On se lève, on va jouer au bil„lard. Maire me disait: ma foi, commandant, vous parlez comme „Cicéron; mais pourquoi voulez-vous tant qu'il soit empereur, je vous „prie; — pour en finir, et faire notre partie de billard. Fallait-il „rester là tout le jour, etc." On croirait lire une lettre d'hier. Les choses ont dû, en mainte localité, se passer ainsi et pas autrement! Mais, en tout cas, pour lire une pareille lettre imprimée à propos du second Empire, il faudra attendre quelque temps. Je crains bien que cette lettre même, toute vieille qu'elle est, ne soit saisie à la poste du gouvernement de par la volonté nationale.

On pourrait faire un ouvrage instructif et piquant sous ce titre: *Les Français peints par eux-mêmes.* L'auteur ou plutôt le compilateur n'aurait pas à y mettre un seul mot du sien. Il n'aurait qu'à faire un choix dans les écrits publiés par les esprits les plus éminents dont la France est fière à juste titre, publicistes, moralistes, historiens, de toutes les époques, de tout les partis. Leurs indiscrétions, leurs aveux seraient précieux à rassembler. Chez eux, comme chez tous les Français, en masse, c'est toujours le beau pays de France, c'est toujours le grand peuple, le premier peuple du monde qui marche à la tête du genre humain et de la civilisation, mais en détail c'est autre chose. Il se trouverait que de l'aveu même des Français, il y aurait bien à rabattre de cette grandeur, de cette supériorité. Il y aurait aussi beaucoup de consolations à recueillir pour nous autres membres déshérités de cette pauvre humanité qui n'avons point l'honneur d'appartenir à la branche privilégiée de la famille humaine.

Pouschkine a consigné dans ses souvenirs l'anecdote suivante: Un enfant avait l'habitude de dire à tout propos: papa est un homme de beaucoup d'esprit, papa est très-brave, l'empereur a une grande estime pour papa. Mais qui donc t'a conté tout cela, lui demanda-t-on un jour.—Mais c'est papa lui-même qui me l'a dit.

LETTRE XII.

Mars.

On veut toujours croire en Europe que nous sommes nés d'hier ou que tout au plus la Russie, à parler historiquement, date de Pierre Ier. C'est une de ces mille erreurs, acceptées, accréditées sur notre compte par l'ignorance et la mauvaise foi. Non, nous ne sommes plus aussi jeunes que l'on nous fait l'honneur de le supposer, car nos relations politiques et guerrières avec l'empire d'Orient remontent au dixième siècle. Déjà à cette époque, les empereurs grecs et les patriarches recherchaient l'alliance de la principauté de Kiow, et la flotte grecque comptait à son service quelques centaines de Russes. Nos armes ont brillé de bonne heure dans les contrées où plus tard elles ont acquis tant de gloire. En l'année 906, le prince Oleg fit une heureuse et savante campagne contre Constantinople. Le Dnieper se couvrit alors de deux mille petits navires, dont chacun portait quarante hommes armés. La cavalerie fut expédiée par la voie de terre. Cette expédition avait à surmonter des obstacles qui aujourd'hui même pourraient être regardés comme quasi-invincibles. Néanmoins, elle ne tarda pas à être menée a bonne fin. L'empereur Léon, surnommé le Philosophe, s'empressa d'acheter la paix au prix d'un tribut considérable pour le temps; une convention suivie bientôt d'un traité de paix, fut conclue à des conditions très-avantageuses pour nous. Les sujets russes qui fai-

saient le commerce eurent le droit à l'avenir de séjourner à Constantinople; pendant les premiers six mois de leur séjour, ils étaient défrayés par le gouvernement, qui s'était engagé à leur fournir tout ce qui était nécessaire à leur entretien, et leur accordait en outre *la libre entrée dans les bains publics;* à leur départ, les commerçants devaient être munis par le gouvernement de tout les moyens de navigation, tels que voiles, ancres, cordages, etc. En mémoire de sa glorieuse expédition, et pour la consacrer, Oleg, en repartant pour Kiow, cloua son bouclier aux portes de Constantinople. Si ce dernier fait appartient plutôt à la légende qu'à l'histoire, le souvenir qui en a été consigné dans la plus ancienne de nos chroniques, n'en est pas moins précieux pour nous.

Wladimir-le-Grand, antérieurement encore à sa conversion au christianisme, demanda en mariage la sœur des empereurs Basile et Constantin. Ils montrèrent d'abord quelque répugnance à accorder une princesse chrétienne à un prince idolâtre et le prièrent d'embrasser auparavant la religion du Christ. Le prince répondit qu'il etait prêt à se faire chrétien, mais qu'il ne voulait point se laisser imposer de condition, et il réclama des empereurs, comme preuve de confiance et de dispositions amicales, l'envoi de leur sœur: on s'empressa d'accéder à sa demande, L'arrivée de la princesse Anna fut bientôt suivie du baptême du prince et de la cérémonie nuptiale. On voit que de temps immémorial, nos princes se sont montrés peu disposés à subir des conditions. Du reste, les empereurs grecs n'eurent qu'à se louer de la confiance qu'ils avaient témoignée, car leur beau-frère, en fidèle ami et allié, se hâta de leur envoyer des troupes pour contribuer à la pacification de l'empire troublé par des révoltes. Nos relations successives avec l'empire d'Orient furent nombreuses et diverses. Les sciences et les arts n'étaient pas plus négligés que la politique. La traduction en langue slave, des livres sacrés grecs, remonte à une époque très-reculée. Les artistes grecs venaient orner nos églises de peintures et de mosaïques. La capitale de la Russie eut alors déjà l'ambition de rivaliser de splendeur et de magnificence avec celle des empereurs d'Orient. Dès le commencement du onzième siècle, nous eûmes à Nowgorod

une école, où trois cents jeunes gens, fils de familles cléricales et nobles, se préparaient aux fonctions sacerdotales, municipales et administratives. De cette époque date également notre premier code de lois écrites.

La première ambassade près des sultans, connue par nos chroniques, remonte à l'année 1497. Entr'autres instructions, notre envoyé reçut l'ordre de saluer le sultan de la part du grand-duc, *en se tenant debout*, et *non agenouillé*, comme l'usage, à ce qu'il paraît, le demandait alors; de n'adresser son discours *qu'au sultan*, et *non aux pachas*, de *ne céder le pas à aucun des ambassadeurs des cours étrangères.* A son arrivée à Constantinople, l'envoyé Pletschéeff refusa le dîner que les pachas voulurent donner en son honneur, ainsi que les habits, les présents et la somme de dix mille pièces de monnaie ottomane qui lui furent offerts. Il répondit à l'officier envoyé près de lui, qu'il ne mettrait pas leurs habits, n'avait pas besoin de leur argent, n'avait rien à faire avec les pachas, mais qu'il était envoyé par son souverain pour traiter directement avec le sultan.

Si le prince Menschikoff a été accusé, de nos jours, d'une fierté excessive, les publicistes européens pourront du moins reconnaître que ses procédés diplomatiques, si toutefois ils sont avérés, ne sont pas de son invention, mais qu'ils appartiennent à la tradition et remontent au quinzième siècle. Les souverains russes, même alors que la Russie était bien faible, comparativement à la puissance ottomane si importante et si formidable, n'ont jamais méconnu la dignité de puissance chrétienne, qu'ils avaient à faire prévaloir dans leurs relations avec un pouvoir mécréant, ennemi du Christ et des nations soumises à la domination de la croix.

Le sultan Bajazet fit un accueil très-gracieux à l'envoyé russe et lui accorda tout ce qui faisait l'objet de la négociation: probablement à cette époque la diplomatie européenne n'était point aussi *conciliatrice* qu'elle l'est aujourd'hui. Les conférences de Vienne, les

circulaires de M. Drouyn de Lhuys, lord Palmerston et le grand médiateur Buol eux-mêmes n'avaient point encore été inventés.

Nos rapports avec les Lieux-Saints remontent également à une époque bien éloignée de nous. Nous possédons une relation d'un pèlerinage fait à Jérusalem au douzième siècle par un ecclésiastique du nom de Daniel. Il rend compte avec une extrême naïveté et beaucoup de reconnaissance de l'accueil qui lui fut fait par Baudoin Ier. Il assista avec lui à tout les services divins de la semaine sainte, et, ce qui est digne d'être mentionné, la cérémonie du *feu sacré*, qui a lieu le samedi saint et contre laquelle les écrivains du culte catholique romain s'élèvent aujourd'hui avec tant de véhémence et d'acrimonie pour accuser le clergé grec, se passait du temps de Baudoin tout comme elle se passe aujourd'hui. C'est du pèlerinage du père Daniel que date la première lampe russe qui fut suspendue sur le Saint-Sépulcre. Une donnée historique fort remarquable est également consignée dans le même ouvrage. L'auteur trouva à Jérusalem plusieurs habitants notables de Nowgorod et de Kiow. Avaient-ils pris part à la première croisade qui se termina par la conquête des Lieux-Saints ou bien s'étaient-ils empressés de s'y rendre à la première possibilité: c'est un point qui n'est éclairci ni par notre histoire, ni par la relation du voyage que nous venons de citer. Mais, en tout cas, la présence d'un certain nombre de Russes à Jérusalem, à cette époque, est déjà un fait fort intéressant et significatif. Le père Daniel visita Jérusalem, comme nous l'avons vu, au commencement de la royauté des croisés. Une pèlerine russe, Euphrosine, princesse de Polotsk, s'y rendit, pour ainsi dire, à la veille de la chute de cette royauté ou peu d'années avant la conquête de Jérusalem par Saladin. Depuis lors nos relations avec la Palestine furent fréquentes. Les grands-ducs, les czars ne manquaient jamais de consacrer leurs joies ou leurs afflictions par de riches offrandes aux Lieux-Saints. Les patriarches d'Orient envoyaient souvent des moines en Russie pour y faire des collectes, et ils en revenaient toujours avec de nombreux témoignages de la ferveur et de la munificence des Russes. Comme rapprochement assez curieux, il est à remarquer que Sinope, dont le nom a fait tant de bruit

de nos jours, est cité aussi dans nos anciennes chroniques. La tradition raconte que c'est de Sinope que l'apôtre André se rendit sur les hauteurs où plus tard s'éleva la ville de Kiow, et qu'il prédit la puissance et la splendeur de la plus ancienne de nos capitales. Ce serait donc de ce port qu'aurait jailli la première lueur de la sainte vérité qui, plus tard, devait éclairer nos âmes et nos esprits; et c'est après dix-huit siècles que nos armées chrétiennes devaient porter un coup si formidable aux ennemis de notre foi. On conçoit bien que nous ne voulons point entreprendre un cours complet sur l'histoire de la Russie. Mais ceux qui aiment mieux se laisser guider par les instructions des temps passés que par les mensonges et les commérages des gazettes du jour, peuvent suivre dans nos historiens le développement progressif de nos relations avec l'Orient et même avec les puissances occidentales. Ils verront que l'Europe, depuis les époques les plus reculées, a souvent recherché notre alliance; qu'elle a plus d'une fois réclamé notre appui pour combattre la puissance musulmane, un peu plus redoutable alors qu'elle ne l'est aujourd'hui. Ils verront également que la Russie en a souvent appelé aux souverains de l'Europe pour s'unir dans une action commune contre les violences de cette puissance antichrétienne. Si nous étions tellement inconnus à l'Europe, comment se fait-il que, dès le onzième siècle, les familles royales et princières aient cherché à s'unir aux nôtres par des liens de parenté. Harald, prince de Norvège, Casimir, roi de Pologne, épousèrent des princesses russes. Des princesses russes devinrent reine de Hongrie et reine de France. Ce fut un évêque de Châlons qui vint de la part de Henri Ier faire les propositions de mariage. Des princes proscrits et fugitifs de Norvège, de Hongrie, d'Angleterre, sont venus réclamer une hospitalité protectrice à la cour du grand-duc Jaroslaw.

Les tentatives de Rome pour nous rallier à son église datent de loin. Un envoyé du pape, du célèbre Innocent III, vint faire au souverain de Russie les propositions les plus engageantes, en lui promettant que, s'il adoptait le rite romain, le pape mettrait à son service son glaive pour lui assurer la possession de plusieurs pays et le rendre un des plus puissants potentats. „C'est au prix de mon

„sang et avec le secours de mon propre glaive, qu'à l'exemple de „mes ancêtres, je ferai les conquêtes qui me conviennent", répondit le prince, et il congédia l'envoyé. Plusieurs tentatives du saint-siége se succédèrent et aboutirent au même résultat. Une autre fois, on eut recours à un nouveau moyen de séduction: les papes Paul II et son successeur contribuèrent au mariage de Jean III avec la princesse grecque Sophie, qui, après la conquête de Constantinople par les Turcs, s'était réfugiée à Rome. Ce mariage, aux yeux du saint-siége, avait un double intérêt: gagner un puissant allié contre les dangers dont Mahomet II menaçait l'Italie et amener peut-être par la reconnaissance le souverain russe à abdiquer sa foi en faveur de Rome.

Au commencement du seizième siècle, nous voyons l'empereur Maximilien prier la cour de Russie de l'aider à reconquérir la Hongrie, qui avait échappé de ses mains. Il est curieux de retrouver, au bout de quelques siècles, la répétition des mêmes événements qui se reproduisent de loin en loin avec une similitude parfaite. Ce sont là de petites malices de l'histoire, bonnes à relever à l'usage des médiocrités oublieuses et présomptueuses. Plus tard, la même puissance envoie une brillante ambassade à Moscou, offrant au czar, en son nom et en celui de l'Europe, une alliance à l'effet de détruire d'un coup, sur terre et sur mer, la domination ottomane. „Chassons les Turcs, disait l'ambassadeur, chassons les de Constan„tinople et refoulons-les en Arabie; relevons la croix dans la Thrace „et dans la Hellade, et que tout l'Empire grec, des confins où *le* „*soleil se lève*, t'appartienne, ô czar puissant! Ce sont les paroles „que t'adressent l'empereur, le saint-père et le roi d'Espagne." — Que dira Son Excellence M. le comte Buol-Schauenstein à ce langage tenu par un de ses prédécesseurs?

Les premiers rappots constatés par l'histoire, entre l'Angleterre et la Russie, remontent à la moitié du seizième siècle. Ils ne commencèrent point, pour l'Angleterre, sous d'heureux auspices, et auraient pu servir de présage à la mésaventure du *Tiger*. Des pêcheurs virent un jour un navire anglais échoué sur la côte. Tout

l'équipage qui le montait avait péri par le froid, et le capitaine fut trouvé gelé, assis devant son journal. Quelque temps après, ces relations changèrent de nature. La reine Elisabeth en eut de très-suivies et de très-amicales avec la czar Jean IV. On dit même qu'il eut un instant l'intention d'épouser la reine, qui, à cette époque, était âgée de 50 ans. Ce qui est positif, c'est que cet autre Henri VIII, qui avait déjà été marié six ou sept fois, entra en négociations avec la reine pour obtenir en mariage une princesse anglaise et qu'Elisabeth prêta volontiers l'oreille à ses communications. Plus tard, pareils pourparlers eurent lieu entre elle et le czar Boris Godounoff, au sujet du mariage de son fils. „Je regrette, lui disait-elle, „de n'avoir pas de fille pour la donner en mariage au jeune prince „Théodore, tant j'ai d'amitié pour le père et d'estime pour le fils, „dont on dit beaucoup de bien."

Que diraient les honorables lords John Russell et Palmerston s'ils avaient connaissance de ces relations secrètes et amoureuses de leur grande reine Elisabeth avec les souverains d'une nation qui, aujourd'hui encore, n'est que barbare à leurs yeux?

Le Kremlin a vu, en 1675, un congrès européen se réunir à Moscou; les plénipotentiaires de la Hollande, du Danemarck, du Brunswick et de l'empire germanique vinrent demander au czar Alexis Michaïlowitz une intervention active et armée dans les affaires de l'Europe, pour s'opposer d'un commun accord aux vues ambitieuses de la France liguée alors avec la Suède.

Il suffit, je pense, de cette rapide excursion à travers l'histoire pour convaincre les plus entêtés et les plus ignorants que la Russie, bien avant Pierre Ier, n'était plus une *terra incognita;* qu'elle aussi a ses antécédents; qu'à différentes époques, elle a joué un rôle actif et prépondérant, souvent même plus influent que celui de bien d'autres puissances qui aujourd'hui, dans leur ignorante présomption, croient nous écraser du poids de leurs quartiers de noblesse historique. Le développement, l'agrandissement de la Russie a toujours suivi une marche régulière et logique. Le mouvement a été com-

primé ou ralenti sous la domination mongole, qui, du reste, comme l'observe Karamsine, ne s'est exercée que *de loin* et par conséquent n'a point réagi sur notre nationalité. Cette nationalité, fortifiée par le sentiment religieux, est restée pure et indépendante. Après l'affranchissement du joug des Tartares, nous nous sommes retrouvés ce que nous avions été antérieurement. Nous avions fait une maladie, mais n'avions pas changé de nature. La convalescence a été prompte, et les forces et la santé nous sont revenues en surabondance. C'est ainsi que nous avons traversé toutes les grandes crises, et, récemment encore, celle de 1812. La Russie porte en elle une source de vitalité qui lui rend les triomphes possibles. Si jamais elle devait périr, ce ne pourrait être que par ses propres fautes, et non sous les coups du dehors, qui glissent sur elle sans l'entamer aucunement. Pierre Ier a trouvé son empire tout préparé pour l'accomplissement de la grande œuvre de réformes. Doué d'un génie puissant et entreprenant, il s'est avancé dans la route qui lui avait été frayée, non à petites journées, comme l'avaient fait ses prédécesseurs, mais avec l'ardeur d'un homme impatient d'atteindre le but. Il a deviné la vapeur et l'a appliquée aux réformes qui devaient compléter l'œuvre du temps. C'est un mal et un bien à la fois. Le bien qui en est résulté nous l'avons mis à profit: il est devenu notre patrimoine. Le mal ou les inconvénients qui en ont découlé, il tient toujours à nous de les modifier et de les affaiblir. Contentons-nous de profiter des conquêtes intellectuelles que fait l'Europe, sans nous assujettir à son influence. Restons Russes au milieu de l'Europe. Fortifions notre nationalité, mettons-la au service exclusif des intérêts qui nous conviennent. Comme nous l'avons déjà dit: l'isolement, dans ce sens, sera pour nous, non un principe de faiblesse et de dépérissement, mais bien au contraire, une source féconde de force et de bien-être.

LETTRE XIII.

Mars.

Des doutes sur la justice des réclamations émises par le gouvernement russe et sur la sagesse de sa conduite dans la question pendante se sont élevés dans l'esprit de quelques personnes sérieuses, et d'ailleurs bien intentionnées. Malgré leur sympathie pour la Russie qu'ils considèrent comme le dernier boulevard opposé au torrent démagogique et révolutionnaire, leur confiance était tant soit peu ébranlée, non par la question en elle même, mais plutôt par l'explosion d'une réprobation presque générale contre la Russie. Elles pensent qu'il faut bien qu'il existe quelques torts réels du côté que tout le monde accuse d'avoir tort. Sans vouloir avancer un paradoxe, je me permets de croire, au contraire, qu'il y a déjà une présomption légitime en faveur du droit de quelqu'un, quand les opinions les plus divergentes, les partis les plus extrêmes se coalisent entre eux pour lui contester ce droit. N'est-ce pas Champfort qui a dit: combien de sots faut-il pour faire un public? On pourrait ajouter: et combien de méchants? Rivarol, après avoir dit un mot qui avait enlevé les suffrages unanimes de l'auditoire, demandait à son voisin: me serait-il par hazard échappé quelque sottise? En tout état de cause, les masses comprennent encore mieux ce qui tient à l'intelligence, que ce qui tient à la loyauté et à la morale. Les passions se révoltent plus rarement contre l'esprit que

contre le droit. Un de nos éloquents orateurs chrétiens, l'archevêque Innocent, a caractérisé d'une manière saisissante la valeur de ce que l'on appelle l'opinion publique, le suffrage universel et la souveraineté du peuple, cette souveraineté de mauvais aloi, qu'une nouvelle école signale comme la plus sublime et la dernière expression de la perfectibilité sociale. Voici le sens de ses paroles: quand Pilate demanda aux anciens de Jérusalem et au peuple lequel des deux, de Jésus ou de Barabbas devait être mis en liberté. La souveraineté du peuple se déclara en faveur du malfaiteur et vota la condamnation du juste.

L'opinion publique est une chose tellement abstraite subtile, arbitraire; elle échappe tellement au contrôle de la raison et de la vérité, qu'il est impossible de la prendre pour règle et pour base d'un jugement quelconque. Où est le tribunal qui formule et valide ses arrêts? Tout folliculaire parle au nom de l'opinion publique. D'abord il est deux opinions publiques, l'une en présence de l'autre; l'une passionnée, criarde, et par cela même puissante, l'autre consciencieuse, mais peut-être timide, se borne à protester contre la première par son silence. Celle-là s'empare de la place publique, et comme nous n'avons plus aujoud'hui de forum en plein air, tels qu'en avait l'antiquité, sa place publique, à elle, ce sont les tribunes parlementaires, les estaminets et les journaux. La seconde, plus patiente, se réfugie dans l'histoire. Les hommes sensés se méfient toujours des arrêts d'une opinion publique proclamés d'emblée et sans contestation. C'est principalement à des époques tourmentées, à des époques de révolte politique et morale qu'il faut se tenir sur ses gardes. Dans l'état de choses présent, cette opinion composée des éléments les plus délétères, les plus subversifs, doit nécessairement nous être contraire. Nous ne pouvons point avoir les sympathies de la plèbe, et par plèbe j'entends ici non pas la populace, mais les diverses factions de la société qui constituent aujourd'ui la majorité passionnée et militante. Gouvernements et sociétés, dans les derniers temps, ont été plus ou moins attaqués par le contact révolutionnaire. Je ne parle pas de la France qui depuis soixante ans et plus, n'a fait que changer de régimes révolution-

naires. Mais chez les autres peuples mêmes, où cette maladie n'a point passé comme en France à l'état chronique, et qui ont triomphé de la maladie aiguë, il en reste toujours quelques vestiges et quelques symptômes dans la constitution organique. L'Angleterre a su, jusqu'à un certain point, se préserver de cette contagion. Mais si la nation n'y est pas révolutionnaire, le ministère l'est au plus haut degré. Ses tendances, ses sympathies le portent toujours à justifier la révolte, si ce n'est à la provoquer partout où elle ne contrarie pas ses intérêts. Il n'y a qu'à sen rapporter au langage et à la conduite qu'il a toujours tenu durant les crises révolutionnaires qui ont agité soit la Pologne, soit la Suisse, soit l'Italie, soit la Hongrie. Il n'est que deux endroits en Europe où les mouvements populaires n'ont jamais éveillé les dispositions compatissantes du cabinet anglais: ce sont les îles Ioniennes et l'Irlande. Pour bien juger des principes constants qui règlent sa conduite, il n'y a qu'à jeter les yeux sur Londres, ce Botany-bay hospitalier, où tous les incendiaires, tous les faussaires, tous les malfaiteurs politiques trouvent refuge et protection. Et notez bien que ce refuge leur est accordé bien moins à titre de malheureux qui ont en tout cas droit à la pitié publique, qu'à titre d'auxiliaires et d'épouvantails que l'on tient en réserve pour menacer en temps et lieu la sécurité de l'Europe. Ces éléments de désordre font aussi partie des tempêtes renfermées dans les outres d'Eole, que le gouvernement tient à sa disposition, selon l'expression connue du ministre Canning, tempêtes que, d'un jour à l'autre, l'Angleterre peut lancer sur le monde épouvanté.

La Russie seule est restée, non-seulement parfaitement inaccessible à la contagion révolutionnaire, mais c'est encore elle qui lui a porté les coups les plus meurtriers. Voilà ce qu'on ne lui pardonne pas. Les révolutionnaires en veulent à la Russie par instinct, par ressentiment et par haine: les autres par une certaine pudeur d'avoir failli en présence de menaces de la révolution, en veulent à la Russie de n'avoir point été, ne fût-ce qu'un jour, solidaire de leurs torts et de leur faiblesse.

Quant à l'opinion publique qui, dans quelques parties de l'Allemagne, s'est prononcée avec tant d'acharnement contre la Russie en faveur de la France, elle s'est laissée influencer par un autre motif qu'il ne faut pas perdre de vue. Il est bien connu de tout le monde qu'il y a parmi les Allemands un parti assez puissant qui a une peur mortelle des Français. Par égard pour les qu'en dira-t-on, ils déguisent cette peur toute physique sous les dehors d'une crainte toute morale de l'influence que la Russie pourrait exercer sur l'Allemagne. Ces hommes, si jaloux de leur indépendance, ne se font pas scrupule de nous appeler à leur secours, quand ils n'en peuvent plus, et qu'ils succombent sous le danger qui les écrase. Mais avant cela, ils essaient de conjurer et de détourner le péril, en vociférant contre la Russie, ou bien une fois délivrés par nous, ils renient le bras qui les a sauvés.

On prête au prince Schwarzenberg un mot assez déplaisant sur l'énormité de l'ingratitude dont l'Autriche serait prête à étonner le monde. En tout cas si le mot est nouveau, la chose ne l'est point. L'ingratitude ne peut plus étonner personne. A propos de cette peur gallicane dont quelques journaux allemands se sont rendus les organes, je me souviens toujours du poëme de Pouschkine sur l'inondation qui a ravagé Pétersbourg en 1824. Un jeune homme, après avoir perdu à la suite de ce désastre tout ce qui lui était le plus cher dans la vie, devient fou; dans sa monomanie, il s'en prend au fondateur de la capitale et adresse des reproches désespérés à sa statue équestre. Depuis ce moment, errant jour et nuit dans la ville, il lui semble qu'il est constamment talonné par la statue, et qu'il entend le retentissement des pieds de bronze qui frappent les dalles du pavé. Cette monomanie ressemble bien à celle du parti dont il est question. Depuis les guerres de la première république française et du premier empire, lui aussi, au moindre vent qui s'élève à l'horizon, il croit toujours entendre le piétinement et le hennissement des chevaux français, soit sur les bords du Rhin, soit sur les rives du Pô. D'ailleurs sa crainte est logique. Jamais la France n'a fait que du mal à l'Allemagne. La Russie a toujours été envers elle cordiale et généreuse. Il est clair que ce sont les ennemis et les

méchants qu'il faut craindre et ménager. Vis-à-vis de ses amis on ne se gêne pas, surtout quand on a acquis l'expérience que ces amis sont loyaux et oublient volontiers, à l'occasion, les griefs dont ils auraient à se plaindre. Mais à la longue, il ne faudrait cependant pas abuser de cette loyauté et de cet esprit de modération. Après avoir, à plusieurs reprises et quelquefois à ses dépens, fait les affaires de ses voisins, il peut venir un moment où un Etat doit nécessairement songer à faire les siennes, sans s'inquiéter de ce que les voisins pourraient trouver à y redire.

D'ailleurs il ne faut pas oublier que la peur est une mauvaise conseillère. On a tout lieu d'espérer qu'elle ne prévaudra pas, dans les conseils des puissances allemandes. Il ne s'agit ici ni de liens de parenté, ni de liens de reconnaissance. La politique fait bon marché de ces considérations de petite morale. Mais l'Allemagne a d'autres intérêts à sauvegarder. Un homme d'esprit et qui connaît bien la Russie et l'Allemagne, écrivait l'autre jour à un de ses amis: „Cette attitude presque hostile d'une partie de l'Allemagne, en pré„sence de la puissante coalition, dirigée contre la Russie, et sur„tout à cause des sentiments qui ont inspiré cette attitude, est un „véritable triomphe pour le parti national russe qui s'est toujours „méfié des dispositions allemandes, et puisque les choses devaient „en arriver là, le seul regret qu'on ait, c'est de n'en avoir pas „assez fait pour l'Allemagne. Quant à moi qui, par nature, suis „condamné à l'impartialité, ce n'est certes pas au point de vue de „l'animosité nationale, que je trouve cette tendance allemande mé„prisable. Elle est méprisable, parce qu'elle est un mensonge et une „puérilité. Les Allemands ont beau dire que, unis entr'eux, ils sont „assez forts pour sauvegarder leur neutralité. Mais c'est là préci„sément qu'est le mensonge, car ils savent bien qu'ils ne sont pas „unis, et que, en dehors de l'alliance russe, l'Autriche et la Prusse „ne pourront jamais rester unies."

Oui, c'est l'alliance russe qui seule peut neutraliser les antagonismes des différentes nationalités allemandes, car cette alliance, de la part de la Russie, est désintéressée. Une guerre de famille en

Allemagne, qui ne pourrait jamais aboutir qu'à l'affaiblissement et à la ruine de l'Allemagne, ne devrait-elle pas flatter l'ambition de la Russie, si elle était aussi ambitieuse qu'on le dit? D'autre part les faits parlent assez haut pour que chacun puisse les entendre. La Prusse doit savoir quel est le dernier mot de la politique française. Que l'empire soit la guerre pour obtenir la paix, comme il l'a été, ou que l'empire soit la paix, pour aboutir à la guerre, comme il l'est aujourd'hui, les tendances géographiques de la France n'ont jamais varié de but. Quant à l'Autriche, il semble qu'elle a pu juger suffisamment des sympathies de l'Angleterre pour elle. Ces sympathies se sont mainte et mainte fois traduites en discours au parlement, en dépêches et voyages diplomatiques, en ovations à Kossuth, qui voulait démembrer l'empire, et en outrages au général Haynau qui s'est vaillamment battu pour l'intégrité de ce même empire. Je sais bien que le ministère anglais a déclaré qu'il n'était pas chargé de faire la police pour les gouvernements du continent, et que par conséquent tous les assassins politiques pouvaient vivre librement en Angleterre, et y préparer leurs projets homicides. Je sais aussi que les hommes d'État allemands de la nouvelle école, plânant dans les hautes régions d'une politique humanitaire, sont aujourd'hui au-dessus de ces petitesses et de ces susceptibilités nationales qui jadis n'auraient pu être froissées impunément. Aujourd'hui, on n'y regarde pas de si près, et les alliances peuvent être aussi iniques et aussi honteuses que les antagonismes. Mais nous ne croirons à ces anomalies que quand elles seront un fait accompli; jusque-là nous aimons à les considérer comme impossibles. En effet, il ne manquerait plus pour compléter la série de tous les événements déplorables dont on nous donne le spectacle, que de voir l'Autriche et la Prusse marcher contre la Russie, traînées à la remorque par la Turquie, la France et l'Angleterre.

LETTRE XIV.

Avril.

Il est impossible de ne pas se sentir par moment saisi d'une amère tristesse, à la vue des événements qui se déroulent à nos yeux. Et certes pour un Russe, cette tristesse n'est pas provoquée par la crainte des épreuves que ces événements nous préparent dans un avenir prochain. De pareilles épreuves ont toujours été acceptées par la Russie avec humilité, supportées avec résignation et surmontées avec courage. L'histoire en fait preuve. La Russie a, durant des siècles, gémi sous une domination étrangère et barbare. Mais sa foi et sa nationalité sont restées intactes. Plus tard elle a eu à traverser une longue crise d'interrègnes, de guerres civiles, d'usurpations; les ennemis avaient envahi une grande partie de son territoire; les Polonais et les Suédois se disputaient ses dépouilles et son trône devenu vacant. Mais au milieu de ces calamités elle a conservé saines et sauves sa foi et sa nationalité. Hier encore n'a-t-on pas vu l'Europe coalisée contre elle sous le drapeau du premier capitaine des temps modernes, et n'est-ce pas au centre même du pays envahi qu'elle a eu à défendre son indépendance? L'Europe sait ce qui est advenu. Protégée par la Providence divine, qui l'a dotée de croyances et de résignation religieuses, d'énergie morale et de l'amour du sacrifice, c'est toujours victorieuse, et toujours plus forte qu'elle est sortie des épreuves qui lui ont été infligées. Un de

nos écrivains l'a dit: toutes les maladies que fait la Russie, sont des fièvres de croissance. Ce ne sont donc ni les flottes alliées, ni les corps expéditionnaires en marche contre nous, qui peuvent nous rendre soucieux et tristes. Non, les appréhensions que réveillent en nous les événements du jour sont plus sérieuses et tiennent à un ordre d'idées plus relevé. Nous qui avons encore un grand avenir en perspective, nous pouvons nous méfier de cet avenir, car en présence de ce qui se passe, nous en venons à douter de la civilisation, de ses progrès, de son influence bienfaisante. Voilà ce qui est profondément triste. Nous nous demandons si la Russie, à l'exemple des autres pays, ne sera point aussi un jour, à force de trop savoir et de trop avoir, condamnée à perdre en moralité et en dignité humaine ce qu'elle pourrait d'un autre côté gagner en puissance et en bien-être matériel. L'Angleterre est là pour nous inspirer sous ce rapport de sérieuses et de sinistres appréhensions. Ce pays est, sans contredit, arrivé à l'apogée de la puissance et de la civilisation. Il est impossible de ne pas l'admirer. Je l'avoue, pour ma part, dans mon séjour en Angleterre, je me suis plus d'une fois, non seulement comme Russe, mais comme Européen, comme homme du continent, senti mal à mon aise, presque blessé et humilié, en voyant cet éclat, cette splendeur vigoureuse et puissante, ce luxe de bien-être politique et social, privé et public, qui fait de l'Angleterre un pays à part et sous bien des rapports supérieur à tous les autres. Je pardonnais involontairement à l'Anglais d'être fier de ce nom d'Anglais, comme d'un titre de noblesse acquise et consacrée par des siècles de sages et vaillants exploits. D'ailleurs l'Anglais, comme homme privé, entendons-nous bien, est d'un esprit juste et droit, d'un caractère austère mais sympathique, de relations loyales et sûres. Eh bien, en dépit de tous ces gages de supériorité, l'Angleterre est faite pour décourager les hommes de bien, qui eussent été tentés de marcher dans la voie qu'elle a suivie. Elle est plutôt un avertissement et une leçon à méditer, qu'un exemple à imiter. Et notez bien que ce n'est pas à la suite de crises révolutionnaires, mais à la suite du développement normal de ses institutions qu'elle est tombée dans le faux: c'est uniquement, par la force légale des choses, en partie source de sa grandeur, qu'elle est marquée aujourd'hui

d'un signe de déchéance morale qui flétrit et corrompt sa puissance même. Voilà, nous le répétons, ce qui est triste pour tout homme sérieux, pour tout homme qui aimerait à compter sur l'avenir. Voyez un peu ce qui se passe dans cette Angleterre si sage et si loyale: Une presse furibonde, un ministère passionné, poussent le pays dans une guerre inique et insensée. Une reine jeune encore, modèle de toutes les qualités qui font l'ornement de la femme et la dignité de la souveraine, est condamnée par l'état légal des institutions de son pays à subir des ministres qui ne peuvent avoir ni les sympathies de la femme, ni l'estime de la souveraine. Elle, femme accomplie, femme anglaise et par conséquent ennemie de tout ce qui est *shocking*, est obligée de se résigner à l'humiliation d'adhérer, ne fût-ce que par son silence, au langage malséant et ignoble de ministres qui, soit à jeûn, soit *après-dîner* (voyez les interpellations du parlement au sujet du banquet d'adieu donné à sir Napier), justifient pour leur compte le mot si connu de Voltaire sur Shakespeare. Bien plus, elle qui ne peut aimer la guerre, est contrainte de la déclarer à un allié, dont elle apprécie certainement au fond du cœur la loyauté et la noblesse de caractère. Souveraine, et à juste titre jalouse des droits de la couronne, elle est obligée de chercher et de trouver un ennemi en celui qu'elle considère (ainsi que le font tous les souverains légitimes) comme le pieux chevalier et le soutien de la légitimité souveraine et de l'ordre social en Europe.

„C'est une consolation pour la reine (dit le message de guerre adressé au Parlement), de réfléchir qu'aucun effort n'ait été épargné de sa part pour conserver à ses sujets les bienfaits de la paix. La juste attente de la reine a été trompée." Etc., etc.

Oui, certes, tout le monde en a la conviction morale, les efforts de la reine pour éviter la guerre ont dû être sincères et nombreux. Mais *sa juste attente a été trompée.* Trompée par qui? le message ne le dit point, mais l'histoire le dira un jour: cette attente a été trompée par ses ministres. Si Dieu le permet, nous verrons plus tard si l'attente des ministres ne sera pas trompée à

son tour. Les desseins de la Providence sont impénétrables. Le mal physique et le mal moral existent sur la terre et ont leurs jours de triomphe. Donc le mal est nécessaire. La Providence peut, à un moment donné, accorder gain de cause à l'agression la plus violente. Au début de la carrière qui s'ouvre devant nous, nous ne chanterons pas victoire, comme l'ont fait vaillamment les honorables convives du banquet Napier. Avant d'entonner des chants d'allégresse, la Russie adresse de ferventes prières à Dieu, et lui demande de fortifier et de bénir son courage. Elle ne croit pas, pour son compte, comme l'a dit lord Aberdeen pour l'Angleterre, qu'il soit encore trop tôt de prier Dieu (séance du 24 mars); elle ne se fait pas illusion; elle apprécie la gravité de la lutte qu'on lui offre, et sait d'ailleurs que la défense a toujours besoin de plus de temps pour obtenir des succès que l'attaque, qui choisit à son gré le lieu et le moment propices. Mais la foi dans la Providence divine ne nous adandonnera pas. C'est sans forfanterie, mais aussi sans hésitation et sans découragement que nous entrons dans la voie qui nous est ouverte. Nos premiers pas fussent-ils même signalés par des revers, nous irons jusqu'au bout; pour ranimer et soutenir notre courage, nous n'avons pas besoin de recourir au mensonge: nous ne nous disons pas que *la guerre sera courte*, comme le font, pour tromper leurs peuples, les cabinets des puissances occidentales. Non, nous savons au contraire que la guerre sera longue, et nous désirons qu'elle le soit. Certes, ce n'est pas pour le plaisir de faire la guerre, mais parce que nous sommes convaincus que nous aurons pour auxiliaire le temps, qui sera l'ennemi de nos adversaires.

LETTRE XV.

Avril.

Si l'on voulait dépouiller la question turco-russe de tous ses accessoires parasites et la ramener à ses véritables termes, tels qu'ils ont été formulés par la Russie, on pourrait prendre pour jalons les points suivants:

1° L'envoi du prince Menschikoff à Constantinople;

2° Le dernier projet de note qu'il a soumis à l'acceptation du ministère ottoman;

3° L'occupation de principautés danubiennes par un corps d'armée russe;

4° Le projet de note arrêté le 31 juillet par la conférence de Vienne, projet adopté par la Russie et rejeté par la Porte.

Analysons brièvement la portée de chacun de ces points:

L'envoi d'un ambassadeur extraordinaire près d'une cour amie, et particulièrement en l'absence du ministre accrédité, comme cela a été le cas, n'avait par lui-même rien d'inusité, rien d'émouvant,

rien de contraire aux bonnes relations existant entre deux puissances voisines, qui ont eu de tout temps des intérêts communs à débattre et à régler.

Et à cette époque, ces intérêts étaient certes nombreux et importants. On ne saurait nier, quand on connaît les faits et qu'on les juge avec impartialité, que l'envoi du prince Menschikoff était une nécessité. Cet envoi ne fut point l'acte précipité d'une ambition impatiente et d'une volonté altière et irascible: il avait été provoqué de longue date par une série de procédés hostiles et blessants de la part de la Porte. La conduite de celle-ci ne tendait à rien moins qu'à créer un nouvel ordre de choses, non-seulement en dehors des traités qui la rattachaient à la Russie, mais tout-à-fait contraire et hostile à ces traités et aux engagements qu'ils lui imposaient. Ces engagements, — on a beau vouloir les contester aujourd'hui, — étaient non-seulement bénis par les populations chrétiennes soumises à la domination turque, mais encore avaient-ils autrefois les sympathies de l'Europe. Ces engagements, achetés et cimentés par le sang russe, qui avait plus d'une fois coulé pour la cause de ces populations, étaient encore une sécurité pour l'Europe, qui avait quelque intérêt au maintien de la digue salutaire élevée par la Russie contre les débordements et la barbarie de la puissance musulmane. Le gouvernement turc, poussé de jour en jour plus avant dans une voie fatale, où l'entretenaient de perfides conseils, se crut finalement dégagé de toute obligation envers la Russie. Des faits nombreux et de portée non équivoque signalèrent cette nouvelle tendance. On vit se succéder les empiètements sur les priviléges du clergé grec; les hautes dignités cléricales devinrent plus que jamais l'objet d'un trafic scandaleux; les chrétiens du culte grec furent molestés, malgré les promesses solennelles du Tanzimat, acte mensonger fait pour tromper l'Europe et pour cacher sous un faux vernis de libéralisme des moyens de persécution plus irresponsables; le manque de franchise et de procédés dans l'affaire des Lieux-Saints; l'esprit révolutionnaire encouragé et soutenu dans les principautés, comme moyen hostile contre la Russie, et sans égard pour l'intérêt de la Turquie même, contre laquelle cette arme devait se

tourner tôt ou tard; les réfugiés polonais, comblés d'honneur, gratifiés de titres et de pensions, vraie milice recrutée contre la Russie, protégée et caressée par les envoyés diplomatiques français et anglais, qui honoraient de leur intimité des hommes qu'en qualité de gens privés, ils auraient eu conscience d'admettre dans leur maison; la flotte de l'amiral Parker s'approchant des Dardanelles, et des bâtiments de guerre, détachés de cette flotte, se montrant, au mépris des traités, dans le Bosphore, à chaque avertissement sérieux, mais pacifique, fait à la Porte au nom du gouvernement russe. Tous ces faits, pris en faisceau, forment sans nul doute un acte d'accusation qui a bien sa valeur.

C'est surtout depuis l'avènement de Reschid-Pacha à la direction des affaires que ces nouvelles tendances prirent un dévoloppement ostensible et un sens sur lequel la Russie ne pouvait et ne devait se méprendre. Cet homme, d'une ambition peu proportionnée à ses capacités comme homme d'Etat, non éclairé, mais plutôt ébloui par la civilisation européenne, dénué de tout sentiment moral, avide de richesses et de pouvoir, soumis d'ailleurs à la protection et aux volontés hautaines et haineuses d'un ministre étranger, cet homme est certainement la fatalité incarnée qui préside aux destinées de la Turquie. De l'avis de ceux qui le connaissent particulièrement, et qui, par leur position, sont liés plus ou moins aux vissicitudes qui menacent l'empire, cet homme, afin de conquérir la popularité de la presse européenne (sans parler d'autres moyens de séduction auxquels il obéit peut-être), est capable de tout tenter pour arriver à son but, dût-il marcher à travers les ruines du trône de son souverain.

Si l'on prend toutes ces données en considération, il faudra bien avouer que la mesure était comble et l'on ne devra plus être surpris de l'envoi d'un ambassadeur extraordinaire, mais plutôt de la patience du gouvernement russe et surtout de la loyauté qu'il a montrée en ne pas faisant suivre immédiatement la négociation manquée de l'envoi de la flotte dans le Bosphore.

Quoi qu'il en soit, l'apparition du prince Menschikoff à Constantinople n'était point un phénomène insolite: c'était un fait impérieusement réclamé par les circonstances et dont il est plus facile de se rendre raison que de l'envoi du comte de Leiningen, qui, quelque temps avant, était venu, au nom de l'Autriche, imposer à la Porte des conditions péremptoires, auxquelles elle s'est soumise sans mot dire.

Après cela, que la visite de l'ambassadeur au ministre ait été faite en grande tenue ou *en paletot*, comme le répétait encore dernièrement et avec une nouvelle insistance l'honorable rédacteur du *Lloyd* de Vienne, la chose par elle-même n'a point une grande importance. En tout cas, il est permis de supposer que les intérêts européens en ont dû être médiocrement affectés.

Quant au second point indiqué par nous, nous n'avons pas à nous occuper des réclamations et demandes faites par le prince Menschikoff antérieurement à l'ultimatum qu'il a soumis à la Porte, et encore moins des commérages diplomatiques auxquels ces réclamations ont donné lieu. Cet ultimatum est contenu dans la note que, plus tard, nous citerons en entier. Ces premières exigences eussent-elles même été aussi *inouies*, aussi *exorbitantes* qu'on s'est plu à le croire et surtout à le faire croire à la masse crédule du public, du moment où l'ambassadeur s'en est désisté, du moment où il a résumé et formulé toutes les demandes de son gouvernement dans un projet de note présenté à la signature du ministère, c'est ce projet seul qui, définitivement, doit être pris en considération et servir de base à l'appréciation des faits. Tout le reste ne constitue que des pourparlers préliminaires. Dans le but de faire plaisir à nos détracteurs, accordons-leur qu'on avait peut-être surfait d'abord le prix des conditions que l'on voulait imposer à la Turquie, pour se donner de la marge, pour rabattre plus tard et avoir la latitude de faire quelques concessions. Cette précaution même n'aurait eu rien d'illicite ni de superflu avec les gens avec qui l'on avait affaire. Les Turcs sont toujours prêts à argumenter et marchander. Ni l'esprit oriental, ni la syntaxe orientale ne comportent la sim-

plicité de langage et de forme. Il leur faut toujours des amplifications.

Rapportons textuellement la note en question: „La Sublime Porte, après l'examen le plus attentif et le plus sérieux des demandes qui forment l'objet de la mission extraordinaire confiée à l'ambassadeur de Russie, prince Menschikoff, et après avoir soumis le résultat de cet examen à S. M. le Sultan, se fait un devoir empressé de notifier par la présente, à S. A. l'ambassadeur, la décision impériale émanée à ce sujet par un *iradé* suprême en date du..... (date musulmane et chrétienne). S. M. le Sultan voulant donner à son auguste allié et ami l'Empereur de Russie un nouveau témoignage de son amitié la plus sincère et de son désir intime de consolider les anciennes relations de bon voisinage et de parfaite entente qui existent entre les deux Etats; plaçant en même temps une entière confiance dans les intentions constamment bienveillantes de S. M. I. pour le maintien de l'intégrité et de l'indépendance de l'Empire ottoman, a daigné apprécier et prendre en sérieuse considération les représentations franches et cordiales dont l'ambassadeur de Russie s'est rendu l'organe en faveur du culte orthodoxe d'Orient, professé par son auguste allié, ainsi que par la majorité de leurs sujets respectifs. Le soussigné a reçu en conséquence l'ordre de donner par la présente note l'assurance la plus solennelle au gouvernement impérial de Russie, que représente auprès de S. M. le Sultan, S. A. le prince Menschikoff, sur la sollicitude invariable et les sentiments généreux et tolérants qui animent S. M. le Sultan pour la sécurité et la prospérité dans ses Etats du clergé, des églises et des établissements religieux du culte chrétien d'Orient.

„Afin de rendre ces assurances plus explicites; préciser d'une manière formelle les objets principaux de cette haute sollicitude; corroborer par des éclaircissements supplémentaires, que nécessite la marche du temps, le sens des articles qui, dans les traités antérieurs conclus entre les deux puissances, ont trait aux questions religieuses, et prévenir enfin à jamais tout nuance de malentendu

et de désaccord à ce sujet entre les deux gouvernements, le soussigné est autorisé par le Sultan à faire les déclarations suivantes:

„1° Le culte orthodoxe d'Orient, son clergé, ses églises et ses possessions, ainsi que les établissements religieux, jouiront dans l'avenir, sans aucune atteinte, sous l'égide de S. M. le Sultan, des priviléges et immunités qui leur sont assurés *ab antiquo*, ou qui leur ont été accordés à différentes reprises par la faveur impériale et dans un principe de haute équité, participeront aux avantages accordés aux autres rites chrétiens, ainsi qu'aux légations étrangères accréditées près la Sublime Porte par convention ou disposition particulière.

„2° S. M. le Sultan ayant jugé nécessaire et équitable de corroborer et d'expliquer son firman souverain revêtu du hatti *haumayan*, le 15 de la lune de Rébius-Akhir 1268 (16 février 1852), par son firman souverain du..... et d'ordonner en sus, par un autre firman, en date..... la réparation de la coupole du temple du Saint-Sépulcre, ces deux firmans seront textuellement exécutés et fidèlement observés, pour maintenir à jamais le statu quo actuel des sanctuaires possédés par les Grecs exclusivement ou en commun avec d'autres cultes.

„Il est entendu que cette promesse s'étend également au maintien de tous les droits et immunités dont jouissent *ab antiquo* l'église orthodoxe et son clergé, tant dans la ville de Jérusalem qu'au-dehors, sans préjudice aucun pour les autres communautés chrétiennes.

„3° Pour le cas où la cour impériale de Russie en ferait la demande, il serait assigné une localité convenable, dans la ville de Jérusalem ou dans les environs, pour la construction d'une église consacrée à la célébration du service divin par des ecclésiastiques russes, et d'un hospice pour les pèlerins indigents ou malades, lesquelles fondations seront sous la surveillance spéciale du consulat général de Russie en Syrie et en Palestine.

„4° On donnera les firmans et les ordres nécessaires, à qui de droit et aux patriarches grecs, pour l'exécution de ces décisions souveraines, et on s'entendra ultérieurement sur la régularisation des points de détail qui n'auront pas trouvé place tant dans les firmans concernant les Saints-Lieux de Jérusalem que dans la présente notification.

„Le soussigné," etc. etc.

La voilà donc dans sa plénitude, dans toute sa nudité, cette somme *des exigences exorbitantes, monstrueuses*, que le gouvernement russe avait eu l'audace inouie de présenter au gouvernement turc. Y a-t-il moyen, je le demande, de trouver dans ces lignes je ne dis pas un *véritable protectorat*, mais même une ombre de protectorat revendiqué par la Russie au détriment des pouvoirs du Sultan et en dehors des traités préexistants? Peut-on prétendre que si le ministère turc avait signé cette note, il en était fait de l'indépendance et de l'intégrité de la Turquie, et que tout l'édifice social et politique, que le sol même, sur lequel il repose, aurait été ébranlé, d'un coup de plume, jusque dans ses profondeurs.

Observez bien les ménagements, la convenance d'expression, dont se sert l'ambassadeur pour ne pas effaroucher les susceptibilités de la Sublime Porte. Il n'est point dit que le Sultan prend formellement envers la Russie l'obligation, l'engagement de faire telles ou telles choses. On se borne à demander *l'assurance la plus solennelle* qu'elles seront faites, c'est-à-dire, on se contente d'un lieu commun de politesse; d'égards, comme qui dirait d'un *votre-très humble serviteur* au bas d'une lettre, formule qui n'implique pas le moins du monde la présomption que celui à qui on l'adresse soit votre maître et que vous vous considériez vis-à-vis de lui en état de servage.

On demande cette assurance pour prévenir enfin, à tout jamais, *toute nuance de malentendu et de désaccord* entre les deux gouvernements. C'est en vain que l'on y chercherait la demande des droits politiques ou civils à accorder aux populations orthodoxes, sous la

garantie de la Russie ou autrement. Il n'y est fait mention que *du culte orthodoxe d'Orient, de son clergé, de ses églises et possessions* ainsi *que ses établissements religieux.* Qu'a donc à redire à tout cela l'Europe et surtout l'Angleterre tolérante, avec son ministère qui se débat, depuis des années, pour le triomphe de la tolérance et pour l'admission des juifs, surtout de ceux qui sont riches, au sein du parlement?

On demande que le culte orthodoxe d'Orient jouisse, dans l'avenir, sans aucune atteinte, *sous l'égide de S. M. le Sultan* (notez qu'il ne s'agit pas de la surveillance du ministre de Russie), des priviléges et immunités qui lui sont assurés *ab antiquo*, ou qui ont été accordés à différentes reprises par la faveur impériale. On demande en outre que, dans un principe de haute équité, *le culte, le clergé, les établissements religieux* participent désormais aux avantages accordés aux autres rites chrétiens, ainsi qu'aux légations étrangères accréditées près la Sublime Porte par convention ou disposition particulière. Prêtez à la Russie les vues les plus ambitieuses, encore comment pourrait-elle, en présence de l'Europe, se prévaloir *de cette assurance solennelle* pour s'immiscer dans les mesures gouvernementales et administratives de la Porte?

Y gagnait-elle une plus grande influence que celle qu'elle avait toujours exercée légitimement en Turquie en faveur de ses coreligionnaires et qu'elle avait, comme nous l'avons déjà observé, achetée au prix d'immenses sacrifices et du plus pur de son sang. Quel est le gouvernement européen, quelque faible qu'il soit chez lui, qui n'exerce une certaine influence en faveur de ses compatriotes, de ses protégés, dans ce pays qui, on a beau le nier, est en dehors du droit public européen, et doit l'être. Car il serait monstrueux de voir l'Europe chrétienne abandonner des millions de frères à la merci d'un pouvoir qui ne peut ni ne veut voir des frères dans des chrétiens, mais n'y voit que des vaincus soumis au bon plaisir du vainqueur.

L'Europe chrétienne est obligée d'exercer, dans ce sans, une certaine tutelle sur la Turquie. C'est son droit, c'est son devoir.

Tant que la Turquie ne se fera pas chrétienne, ou l'Europe renégate, à l'exemple de quelques-uns de ses enfants perdus qui, à la honte du siècle, vont prêter leurs lumières, leurs bras et leur conscience à l'islamisme, il en sera, il en doit être toujours ainsi. Quant à la sollicitude que l'Europe doit exercer en faveur des chrétiens, le rôle, en ce qui concerne les Grecs orthodoxes, n'appartient qu'à la Russie. Ce n'est ni le catholicisme romain, ni le protestantisme qui pourront s'approprier cette sainte mission et cette tâche laborieuse. Ce n'est ni l'Angleterre, ni la France, ni la Prusse, ni l'Autriche, qui pourront consciencieusement se substituer à la Russie.

On a beau tourner et retourner la note, il sera impossible d'en faire sortir le sens qui lui a été prêté par une mauvaise foi insigne ou par une inintelligence sans exemple. Je sais bien qu'il a été dit: „Donnez-moi une ligne de l'écriture d'un homme et j'y „trouverai de quoi le faire pendre." Avec pareille logique et pareille justice, il se peut aussi que l'on finisse par trouver dans la rédaction de la note en question un sous-entendu qui donne à l'empereur de Russie la faculté de dire en temps et lieu au Sultan: „Voulez-vous bien me faire le plaisir de me céder votre place!" Mais cette interprétation admise, toute transaction écrite entre individus et gouvernements deviendrait impossible. En tout cas, ce ne serait pas en vertu d'un chiffon de papier que la place serait vidée: c'est la guerre qui décide du sort des empires. Et quand on veut la guerre, on trouve toujours sous la main un prétexte pour la déclarer. Témoins l'Angleterre et la France qui nous l'ont déclarée à propos *du désastre de Sinope*, si je ne me trompe, car il serait assez difficile de bien saisir le sens des considérants de leur déclaration de guerre.

L'objection mise en avant par nos adversaires, à savoir que les réclamations de la Russie étaient exorbitantes, parce qu'elles portaint non sur quelques milliers, mais sur quelques millions d'individus, est une injure faite au bon sens et à toute notion de morale et de charité. Il est triste d'avoir à signaler une pareille

turpitude de las part de gouvernements chrétiens et civilisés. „Il serait tout simplement absurde, écrivait lord Clarendon à lord Strattford, de supposer que l'idée ait pu venir d'étendre à plusieurs millions de sujets de la Porte, des priviléges religieux (notez bien *religieux* et non politiques) accordés à diverses époques aux sujets d'autres puissances résidant sur le territoire ottoman." Qu'on nous permette de le dire, ce qu'il y a *d'absurde* et d'odieux dans tout cela, c'est de trouver absurde une pareille sollicitude en faveur des chrétiens et de la part d'une puissance coreligionnaire. Eh quoi! il serait permis de prendre pitié d'un petit nombre de malheureux, mais il serait défendu de le faire quand le nombre est très grand? — Tant pis pour les Grecs, se dit la politique philantropique de l'Angleterre, s'ils ont le tort de présenter un chiffre trop imposant. Ils doivent nécessairement souffrir et n'ont aucun droit aux immunités religieuses dont jouissent les catholiques romains et les protestants qui ont le bon esprit de n'offrir qu'une faible minorité. Ceci explique d'ailleurs parfaitement bien l'état d'infériorité et de misère où le gouvernement anglais tient l'Irlande. Il trouve aussi, probablement, que les Irlandais sont beaucoup trop nombreux pour que le gouvernement puisse se permettre d'être équitable et généreux envers eux.

Comme tous les autres articles de la note du prince Menschikoff ont été plus ou moins reconnus et admis par la Turquie et par les puissances occidentales, il est inutile de s'y arrêter.

Le refus du gouvernement turc de signer cette note a motivé le départ de l'ambassadeur et la rupture des relations diplomatiques, entre les deux cabinets. L'occupation des principautés danubiennes, d'ailleurs motivée par le mouvement des escadres alliées, en a été la suite et la conséquence. L'éventualité de cette démonstration militaire avait été plus d'une fois signifiée à la Porte, dans le cas où elle s'opiniâtrerait à refuser à la Russie, la seule satisfaction qu'elle lui demandât et dont nous avons relevé le caractère modéré. Cette occupation, sans doute, avait sa portée et sa valeur. La Russie ne s'en cachait pas. Mais en tout cas, ce n'était ni une surprise, ni

une violence. Vu les circonstances et la position exceptionnelle de ces provinces, ce n'était ni un commencement de guerre, ni même une déclaration de guerre. Ces provinces sont si peu la Turquie, qu'en vertu des traités, elle n'a pas le droit d'y maintenir garnison; qu'aucun Turc n'a le droit d'y séjourner à moins de quelque circonstance particulière et d'une permission spéciale placée sous la protection de la Russie; l'administration de ces principautés est entièrement indépendante de la Porte et reconnue par le Sultan. C'est grâce à cette protection explicitement garantie par les traités, qu'elles jouissent de leurs anciennes franchises et immunités et qu'elles sont parvenues à un tel état de prospérité que leur sort est envié par toutes les principautés qui se trouvent sous la domination musulmane. Cette restauration d'un état de choses qui avait existé trois siècles auparavant et à laquelle il ne manquait pour constituer la complète indépendance de ces provinces que deux choses: l'exemption du tribut payé à la Porte et l'hérédité des hospodars. Cette restauration était l'oeuvre de la Russie. Elle l'avait accompli progressivement au prix de luttes pénibles et de grands sacrifices. Ce n'est pas par de vaines paroles, par des déclamations d'idéologisme politique qu'elle a cherché à améliorer la position des chrétiens en Turquie, mais bien par ses armes victorieuses. Les intrigues des boute-feu diplomatiques envoyés par l'Europe occidentale pour la représenter près la Sublime Porte, les menées des banqueroutiers de révolution qui venaient se refaire en Turquie, ont miné cet état de prospérité en soufflant l'esprit de méfiance et de discorde, en égarant les esprits et en leur persuadant qu'il n'y a pas de civilisation possible sans révolte. Ce qui est politiquement et historiquement incontestable, c'est que les principautés danubiennes ne sont pas une partie intégrale de l'empire ottoman et que, par conséquent, leur occupation éventuelle n'était pas une vraie atteinte portée à l'intégrité de cet empire. Les considérations que nous venons d'émettre forment un ensemble de causes atténuantes qui ôtent en grande partie à cette occupation le caractère agressif qu'elle aurait pu avoir sous l'empire d'autres circonstances. Les troupes russes étaient bien sorties de chez elles, mais pour cela n'étaient pas entrées sur le territoire ottoman. La

preuve que le cas était pour le moins douteux et sujet à diverses appréciations, c'est que ni la Turquie, ni ses amis n'ont commencé par considérer cette occupation comme un cas de guerre. Ce n'est que bien plus tard et en antidatant leur grief qu'ils se sont ravisés là-dessus. La Russie n'avait donc pas à prêter à cette mesure conditionnelle et temporaire un caractère plus important, plus hostile que celui que lui donnaient ses adversaires. Si ceux-ci n'y trouvaient pas un *casus belli* bien déterminé, la Russie était encore plus textuellement excusable de ne pas la juger telle. Ce qui ne voulait pas dire en latin un *casus belli*, s'est trouvé plus tard *un cas de guerre* dans la traduction française et anglaise. D'ailleurs le gouvernement russe avait la conscience de ce qu'il faisait et de ce qu'il ferait, en prenant cette attitude. Il ne voulait point s'emparer de ces provinces, il en avait donné l'assurance, et fort de la loyauté de ses vues, et de ses antécédents en 1828, il pouvait bien dédaigner les clameurs des journaux et les méfiances hypocrites des cabinets. Mais bientôt la question change de face et de théâtre: de turco-russe elle devient européenne et c'est à Vienne qu-elle se débat.

Mettons de côté, comme nous l'avons fait pour la note du prince Menschikoff, toutes les négociations et contre-négociations préliminaires qui se sont suivies, heurtées, détruites, les unes après les autres dans le long et pénible travail des conférences de Vienne. Arrivons d'emblée à la note du 31 juillet 1853, qui a finalement résumé et formulé la dernière pensée, le suprême *fiat lux* qui devait jaillir du chaos des conférences. N'accusons personne, croyons à la bonne foi et au bon vouloir de tous en général et de chacun en particulier. Admettons même que cette note, dans les circonstances données, fût tout ce qu'il pouvait y avoir de mieux et de plus sage à faire. Cette note présentée à l'acceptation de l'empereur de Russie, reçoit spontanément son adhésion et, certes, ce n'est pas parce qu'elle lui donnait pleinement gain de cause dans l'affaire en litige; non, c'est parce que l'empereur était désireux, même au prix de quelque sacrifice, de mettre fin à une question dans laquelle il avait, à la vérité, pris l'initiative, mais dont il

déplorait plus sincèrement que tout autre, les complications qu'il n'avait pas tenu à lui de prévenir et d'éviter.

Cette note, conçue et rédigée dans un esprit de sollicitude tout particulier, et dans le but d'épargner à la Turqnie tout ce qui pouvait porter la moindre atteinte, non-seulement à ses intérêts, mais même à son amour-propre est, cependant, rejetée par le gouvernement du Sultan.

Lui, ce gouvernement impotent, incapable d'aucune spontanéité, qui a toujours besoin d'un guide et d'un soutien pour marcher, d'un souffleur pour proférer une parole; ce gouvernement se métamorphose tout d'un coup, il s'émancipe, il récuse sa tutelle et rejette tout ce qu'elle a fait en son nom et en sa faveur. Comment expliquer cette conduite étrange et inattendue?

Rien dans tout ce qui a précédé cette évolution subite, rien dans la marche des événements ostensibles dont nous avons signalé les principales phases, rien ne peut servir à donner le mot de cette énigme.

Le mot de cette énigme, il faut le chercher dans ce que nous avons appelé, *au début* de cette lettre, *les accessoires* de la question turco-russe, accessoires qui ne sont pas du fait de la Russie, qui se sont accumulés en dehors de son action, en dépit de son action, et dans le but manifeste de la contrarier et de lui porter dommage. Ce sont donc ces accessoires qui doivent attirer toute notre attention. Passons-les en revue:

1° L'immixtion, au début, peut-être pacifique et officieuse, mais en tout cas intempestive des puissances occidentales dans un débat exclusivement international et n'intéressant que deux pays. Cette prétention à se faire juge et plus tard partie dans une cause qui ne les regardait pas, n'était nullement provoquée par l'importance du débat qni s'était engagé.

C'est cette prétention seule qui a créé une importance relative, qui a donné à une question toute spéciale alors qu'elle était restreinte dans ses justes limites, les proportions gigantesques d'une question européenne dont la portée est incalculable. Je veux bien croire que dans ce début, il y a eu de la part des puissances occidentales plus d'entraînement et d'imprévoyance que de mauvaise foi. Mais la maladresse accomplie, il a fallu recourir à des moyens peu honorables pour la justifier.

2° L'invitation faite par le chargé d'affaires d'Angleterre à la flotte anglaise d'avancer, invitation qui, quoiqu'elle restât pour le moment sans résultat, ne pouvait manquer d'éveiller la vigilance et les prévisions du gouvernement russe, trop tôt justifiées d'ailleurs par l'envoi effectif d'une escadre française, dans le Levant, et par l'apparition ultérieure de la flotte anglofrançaise dans la baie de Besika, à l'entrée des Dardanelles. Pour quiconque a la moindre connaissance du caractère et du gouvernement turc, il est inutile de signaler l'importance et la gravité de cette démonstration navale. La guerre était le dernier mot, le mot enévitable de cette démonstration. D'un côté elle entretenait la Turquie dans sa présomption, c'est-à-dire dans ce qu'il y a de plus absurdement présomptuex au monde et appuyait son opiniâtreté. De l'autre, c'était une menace, un défi jeté à la Russie, et qui la mettait dans l'impossibilité de reculer d'un pas dans la position qu'elle avait prise, ni de retrancher une syllabe des propositions qu'elle avait faites. On l'a déjà dit, et l'on ne saurait assez le répéter: Dès ce moment, il ne s'agissait plus pour elle de se montrer généreuse envers la Turquie. Il s'agissait de bien autre chose: de ne pas paraître timide vis-à vis de l'Angleterre et de la France. Ce n'était plus la Turquie que la Russie avait devant elle: c'étaient deux fortes puissances. Il faut que ces deux puissances aient une idée bien singulière de la dignité nationale et gouvernementale, si elles ont pu croire un moment que leur démonstration était pacifique et dénouerait les complications.

La position que l'on faisait à la Turquie lui assurait tous les avantages. Elle avait à sa disposition les flottes alliées. Pour plus

de sécurité, elle avait, en outre, la conviction que les troupes russes resteraient dans les Principautés et ne se porteraient pas au-delà des frontières; car l'empereur de Russie avait déclaré qu'il se maintiendrait sur la défensive, et le gouvernement turc savait bien que la parole de l'empereur était inviolable. Les puissances occidentales le savaient tout aussi bien, c'est aussi pourquoi elles ont spéculé là-dessus et ont fini par abuser de cette promesse. Tous les encouragements donnés au ministère ottoman devaient porter leurs fruits.

„J'ai laissé les ministres, écrivait lord Redcliffe à lord Clarendon, avec l'impression qu'il y aura bientôt plus à redouter leur témérité que leur timidité." — Signalons en passant que le gouvernement anglais regardait *la timidité du ministère turc* comme quelque chose *de redoutable* aux soi-disant projets de paix et de conciliation dont le cabinet anglais semblait si préoccupé. L'aveu est bon à enregistrer. Mais en tout cas, je trouve que l'ambassadeur anglais parlait ici avec trop de modestie. Ce qu'il pouvait et devait dire, pour rendre justice à son savoir-faire, c'est qu'il était parvenu à monter et à exaspérer le ministère turc, au point que sa timidité n'était plus à craindre et que par conséquent le ministère anglais pouvait être tranquille et satisfait. Quant à la *témérité* du gouvernement ottoman, elle restait à la disposition de l'ambassadeur. Il n'avait qu'à dire un mot: Que les flottes alliées allaient se retirer et cette *témérité redoutable* retombait du coup à son niveau naturel, c'est-à-dire à terre.

3° En énumérant les accessoires qui ont contribué à compliquer et à embrouiller la question turco-russe, il faut bien se garder d'oublier les conférences de Vienne. Il y a des mots qui portent malheur. Dès que l'on parle de *concert européen*, il est sûr qu'on est à la veille de quelque grand gâchis politique. La chose est toute simple: ont peut, à la rigueur, faire encore quelque chose qui vaille à deux: ce qui est le mieux fait, est toujours ce qui est fait par un seul. Maïs dès qu'il y a quatre au cinq voix ou chapitre, il est positif qu'il n'en résultera rien de bon. Quelqu'un mettait au nombre des calamités que l'humanité avait à subir, les concerts d'a-

mateurs. Sans viser à faire une mauvaise plaisanterie, on pourrait dire que le concert européen, représenté à Vienne, était aussi un concert d'amateurs. Aucune des puissances qui y ont pris part n'était au fond appelée par un devoir impérieux; deux d'entre elles n'avaient pas le droit d'y siéger, car une des parties engagées dans le débat ne les reconnaissait pas pour arbitres. Les deux autres n'auraient pas dû s'y trouver par motif de haute convenance, car elles devaient avoir la conviction intime qu'elles subiraient la pression des deux premières. Aussi portent-elles aujourd'hui le châtiment de leur imprévoyance. Elles n'ont pu ni prévenir, ne empêcher rien de ce qu'il était de leur devoir et de leur intérêt d'empêcher. Elles n'ont jamais fait deux pas de suite dans la même voie: cela peut être fort habile, mais ce n'est pas honorable. En fin de compte elles se sons mises à la remorque des deux puissances alliées et, quel que soit le dénouement des événements aujourd'hui en jeu, elles n'ont rien à gagner et tout à perdre en force, en dignité, en prépondérance. En un mot, jamais spectacle plus déplorable n'a été donné au monde. L'insuffisance radicale de la diplomatie aux prises avec toute question majeure, s'y est manifestée dans toute sa superbe et dans tout son éclat. Tous les documents émanés de ces conférences dénotent une vive et ingénieuse préoccupation des susceptibilités de la Porte, et en touts cas une appréciation singulièrement impartiale de l'honneur et des intérêts russes engagés dans la question. Ces dispositions ouvertes, sans parler des *aparte* diplomatiques, n'ont point échappé à la sagacité du ministère ottoman. A Constantinople, il avait pour lui les flottes alliées; à Vienne, des avocats dévoués à sa cause. Le gouvernement russe ici et là n'avait que son bon droit qu'on cherchait à lui contester. Aussi la Porte ne se fait-elle aucun scrupule de rejeter la note rédigée par les puissances occidentales. D'abord, à ses yeux, ces quatre puissances se réduisent à deux: et ce n'est que d'après elles que le gouvernement règle ses mouvements. Et comme ces puissances ont, durant toutes les négociations, joué le double rôle de Janus, toujours tournées à la paix du côté de la Russie, et à la guerre du côté de la Turquie; l'une avait beau être pacifique, l'autre n'en était que de plus en

plus belliqueuse; aussi le ministère ottoman propose-t-il de remplacer la note de Vienne par une autre note élaborée à Constantinople. Les pacificateurs de Vienne, probablement pour plus d'unité, avaient à Constantinople des contre-maitres qui défaisaient à leur gré l'ouvrage qui leur était envoyé par la conférence. Cette note réduit à néant les légères satisfactions de forme et de fond données à la Russie. Il était tout naturel que la Russie rejetât à son tour ce contre-projet. Tout le monde s'y attendait. Que devaient faire les puissances occidentales, si *elles avaient voulu sérieusement* ramener la paix au moyen *de l'expédient de Vienne*, selon l'expression du comte de Nesselrode? Le bon sens le dit pour nous. Insister près de la Porte pour l'acceptation pure et simple de cette note, en lui signifiant que si elle ne se contentait pas des résultats obtenus par elles en sa faveur, elles lui retireraient leur appui et la laisseraient seule arranger son différend avec la Russie. Cette conduite eût pu être suivie par elles, d'autant plus impunément que l'assentiment de la Turquie ne se serait pas fait attendre. Comme tout gouvernement faible, celui de la Turquie est inflexible, quand il sait qu'il sera appuyé à l'heure du danger. Il ne saurait céder en tout cas qu'à la dernière extrémité, c'est-à-dire au moment où il se trouverait vis-à-vis de lui seul. Toujours fidèle au double jeu que la diplomatie avait adoptée dès le commencement, elle se borna à faire de légères remontrances à la Turquie, mais c'est surtout près de la Russie qu'elle insista pour l'adoption de la contre-façon turque, elle savait bien qu'elle n'y réussirait pas: mais cela lui était égal, ou plutôt cela lui était nécessaire, il fallait traîner la comédie en longueur pour arriver au dénouement que l'on s'était proposé.

Plus tard on s'accrocha à un incident pour expliquer et justifier le peu d'insistance de la diplomatie européenne à Constantinople. Cet incident fut la dépêche du comte Nesselrode, qui expliquait loyalement et franchement les motifs que le gouvernement avait eus pour ne pas adopter les amendements introduits par le gouvernement du sultan. Ce rejet était d'autant plus naturel, que ce n'était que par condescendance pour les alliés que la note primitive avait

été adoptée sans la moindre objection. Cette note, une fois modifiée par le gouvernement turc, il était bien permis à celui de Russie d'en faire à son tour l'objet de quelques observations rétrospectives. Cette note, d'ailleurs, ne l'oublions pas, avait déjà subi *à Paris et à Londres une première altération* qui néanmoins avait été adoptée à St-Pétersbourg, *par esprit de conciliation et par le désir d'arriver promptement à une solution definitive.* Dans tous ces développements, la dépêche russe relève avec une grande justesse tout ce que les modifications turques avaient d'incompatible, puisqu'elles ne tendaient à rien moins qu'à ôter *toute partie* et *tout sens* même aux phrases tronquées par la nouvelle rédaction.

Cette dépêche d'ailleurs, comme le dit le mémorandum russe du 19 février (3 mars), n'avait pour but que des informations et des explications confidentielles adressées à nos ministres et cependant livrées à la publicité *par un abus de confiance dont la source est restée inconnue.* Elle fut exploitée avec empressement par la diplomatie étrangère. Cette diplomatie, jusque-là si active, s'était comme Achille retirée un instant sous sa tente, mais elle ne tarda pas à reparaître armée de pied en cap et plus vaillante que jamais. Cela s'explique par cette dépêche qui avait naturellement fourni un moyen posthume de se disculper des torts de partialité qu'on avait eus. En un mot, le moment était arrivé et la déclaration de guerre du gouvernement ottoman vint compléter et couronner toutes les menées conciliatrices et pacifiques des puissances maritimes. Le mémorandum russe, dont nous venons de parler, met au grand jour, avec une vérité saisissante, la nécessité de cette déclaration, *pour justifier en droit strict l'appel et le séjour prolongé des escadres tout entières dans la mer de Marmara.* „Ainsi, y est-il dit „plus loin, dans cet enchaînement de nécessités inflexibles, parce „que les flottes avaient été à Besika, il a fallu qu'elles allassent à „Constantinople; parce qu'elles avaient été à Constantinople, il a „fallu que la guerre nous soit déclarée, et la même fatalité qui „avait poussé les flottes jusqu'au Bosphore, devait finir par les pousser „jusqu'au fond de la mer Noire."

Ne perdons pas de vue, pour bien apprécier la justesse de cette explication, que la saison était déjà avancée et qu'il était *matériellement impossible aux flottes d'hiverner à Besika.*

Une fois la guerre déclarée par la Turquie, tous les événements qui ont suivi en sont la conséquence inévitable. Nous continuons à rester sur la défensive, parce que l'empereur avait déclaré qu'il ne dépasserait pas la ligne du Danube, tant qu'on ne l'obligerait pas à sortir du cercle où il désirait renfermer son action. C'est alors la Turquie, poussée plus encore par ses mauvais génies *) que par ses inspirations propres, qui nous attaque en Europe et en Asie, sur terre et sur mer. La déclaration de guerre de la Turquie n'était que l'avant-propos de celle de l'Angleterre et de la France. Pour la légitimer aux yeux des *badauds* de Londres et de Paris, on a *la folie* et *l'insolence* de fixer à la Russie un *délai de six jours* afin d'obtenir d'elle l'assurance qu'elle retirerait ses troupes des principautés danubiennes, sinon le refus serait considéré comme une déclaration de guerre. Toujours la même mauvaise foi, les mêmes expédients pour donner le change à l'opinion publique. Il faut une grande somme d'impudence politique pour prendre et pour soutenir jusqu'au bout un pareil rôle.

Si nous nous rendons bien compte de notre travail, nous avons atteint le but que nous nous étions proposé. Ce but était de mettre en relief ce qu'il y a eu de positif et d'essentiel dans la question turco-russe, et d'en séparer tout ce qui y a été ajouté après coup par des tiers. Le côté positif nous appartient, en nous en acceptons la responsabilité relative. On a vu combien ce côté positif était limité: il n'avait d'importance que pour nous, et encore uniquement sous le rapport moral et religieux. Le seul fait matériel de la part de la Russie a été l'occupation des principautés; et nous avons signalé ce qui affaiblissait l'importance de cette mesure toute conditionnelle, toute temporaire. C'était tout au plus un avertissement,

*) A propos de deux personnages (mettons les points sur les *i*), l'un Anglais et l'autre Autrichien, qui jouent un rôle actif dans cet imbroglio diplomatique, quelqu'un a dit avec autant d'esprit que de vérité: Si l'un est *le génie du mal*, l'autre est le *mal* sans génie.

et comme tel, il trouverait plus d'un antécédent, pour sa justification, dans la conduite tenue mainte et mainte fois envers la Turquie par la France, l'Angleterre et l'Autriche. Les faits accessoires, qui sont à la responsabilité des puissances occidentales, parlent d'eux-mêmes. On ne saurait méconnaître que les conséquences d'une initiative prise par quelqu'un ne sont pas toujours en proportion directe avec l'importance de cette initiative, surtout quand elles ne sont pas du fait de la volonté première. Il n'y a pas de doute que si le prince Menschikoff était resté en Russie et n'avait point été envoyé à Constantinople, tous les événements dont nous avons été et dont nous sommes encore les spectateurs n'eussent pas eu lieu. Et sous ce rapport, nous ne pouvons décliner la part de responsabilité qui nous revient. Mais nous pouvons décliner en bonne conscience les dangers qu'on veut y rattacher. Un homme aura été attaqué sur le grand chemin, et quand cette affaire aura été portée à la connaissance des tribunaux, les juges rejetteront sur lui la responsabilité de cette attaque, vu que s'il n'avait pas quitté la maison l'attaque n'aurait pas eu lieu. Ce n'est pas autrement que l'agression diplomatique et militaire contre la Russie a été justifiée par les cabinets européens. Pourquoi le prince Menschikoff est il allé négocier à Constantinople, et encore en paletot, nous disent les cabinets de Paris et de Londres. Prenez-vous en à cette visite si nous envoyons nos armées sur le territoire russe et si nous cherchons à entraîner l'Europe à notre suite. Ce qui donc pourrait ne paraître qu'un paradoxe aux yeux de l'opinion, et ce qui est cependant l'exacte vérité, c'est que dans tout ce qui s'est passé, c'est la Russie qui, malgré l'occupation des principautés est restée fidèle au principe de la paix, de l'intégrité de la Turquie et de l'équilibre européen; et que ce sont les puissances soi-disant médiatrices, pacifiques et protectrices qui ont représenté, fortifié et finalement fait triompher le principe de la guerre, de l'intervention agressive et absorbante et de l'ébranlement de l'Europe en ayant cherché à compliquer et à généraliser la guerre. Dernièrement encore le cabinet russe, toujours franc et loyal dans son langage et dans sa conduite (ce qui est naturel, car le gouvernement en Russie *c'est l'homme*), n'a pas hésité à provoquer de la part de l'Angleterre la publication des

documents diplomatiques secrets qui avaient un rapport plus ou moins direct avec la question pendante. Ces documents ont excité une curiosité et une émotion extrême dans le monde politique. La presse officielle et officieuse a pendant quelque temps tourné autour de ces documents, les a pour ainsi dire flairés et reflairés dans l'espoir d'y trouver une pâture de scandale appropriée à ses appétits, mais elle les a bientôt abandonnés, après quelques coups de dents, et après s'être convaincue qu'elle n'y saurait mordre. Ce qui ressort de ces documents, c'est que l'empereur de Russie jugeait l'état de décadence de la Turquie assez avancé pour appeler l'attention des puissances les plus intéressées à cet égard, dans le cas où cette chute ne serait plus ni à prévenir ni à retarder. Et encore, comme il le disait, était-il plus urgent *de déterminer ce qui ne sera pas fait, lorsque cet événement arrivera, que de savoir ce qui sera fait.*

Sous ce premier rapport, les desseins de l'empereur sont explicites: „Je ne veux pas, a-t-il dit, de l'occupation permanente de „Constantinople par les Russes, et je ne veux pas non plus que „Constantinople soit jamais au pouvoir ni des Anglais, ni des Fran„çais, ni d'aucune autre grande puissance." Le cabinet anglais mis en demeure de faire une réponse catégorique à ces communications, s'est jeté, comme d'habitude dans des biais et des réticences, qui n'engageaient pas sa responsabilité à l'avenir. Le cabinet de la reine, a-t-il été répondu, *est heureux de reconnaître dans cette occasion comme dans d'autres, la modération et les dispositions amicales de Sa Majesté Impériale;* il reconnaît que l'empereur est prêt à soutenir conjointement avec la reine *l'indépendance et l'intégrité de l'empire ottoman;* mais quant à prévoir d'avance ce qui devrait être fait ou du moins ce qui devrait ne pas être fait, cette intégrité et cette indépendance venant à manquer, le cabinet anglais est beaucoup trop scrupuleux, trop sensible pour pouvoir aborder une question aussi délicate; il éprouverait *trop de répugnance à escompter la succession d'un ancien ami et allié.* Tel est le langage du ministère anglais. En un mot, le médecin *tant mieux*, appelé à la consultation trouve que le malade n'est pas aussi gravement malade qu'on le suppose et que le mourant se porte encore assez bien.

Et tout cela, c'est dans la seule intention de ne pas prononcer, de ne pas se lier dans l'avenir, et de pouvoir à son aise et en toute liberté pêcher dans l'eau trouble, quand l'heure aura sonné. Prêter aux prédictions de l'empereur de Russie touchant l'état alarmant de la Turquie, un motif secret et personnel est une prétention qui tombe d'elle-même. On dirait que l'empereur a été le premier et le seul à s'apercevoir de la décadence de ce pays; mais depuis vingt ans, on ne dit pas autre chose: les tribunes parlementaires, les ministres, l'opposition, la presse périodique, tous ont été unanimes sur ce point; voir entr'autres, les articles du *Times* et du *Constitutionnel* de l'hiver dernier, invitant l'Europe et l'Angleterre particulièrement à en finir avec ce cadavre. La seule différence, c'est que la Russie voulait faire la chose franchement et loyalement et que les autres voulaient le faire d'une manière perfide et clandestine. Si la chûte, depuis longtemps prévue, ne s'est pas encore accomplie, ce n'est pas la constitution du pays qui a résisté au mal qui le travaillait; non ce qui a prolongé son existence, ou plutôt son agonie; ce sont ces moyens factices et en même temps violents employés tour à tour par les rivalités européennes, qui ont retardé le jour des funérailles. Il y aurait une singulière ignorance à le nier. De la part de l'Angleterre, dans le cas présent, il n'y a eu que de l'hypocrisie. D'ailleurs pour nous en tenir à la formule adoptée, la Russie pour reconnaître *que le mourant devait mourir* avait en vue un symptôme qui pouvait n'être pas avancé par le cabinet anglais. C'est que le *mourant* se trouvait depuis quelque temps entre les mains de l'Angleterre, et que tout ce qu'elle faisait en Turquie, devait inévitablement hâter sa désorganisation complète. Ajoutez à cela la présence dans ce pays, des révolutionnaires en disponibilité, accourus de tous les points, un désordre total dans les finances, et un antagonisme radical entre les tendances hétérogènes du parti qui se trouve au pouvoir, et les convictions et les sympathies de la nation. Tous ces éléments de confusion peuvent, au premier orage, emporter l'empire ottoman.

Tout ce qui a été dit par l'empereur dans les conversations qui ont eu rapport à ce sujet, dénote une grande prévoyance, une haute

sagacité et une loyauté de caractère incontestable. On peut regretter que cette loyauté se soit méprise, en adressant un langage franc et plein de droiture à un cabinet incapable de l'apprécier. On doit aussi regretter que l'interlocuteur, placé par le hasard de manière à recueillir ces ouvertures, ait été si peu à la hauteur de la discussion, habitué au langage hypocrite de son gouvernement, cette faible intelligence se trouvait complètement désorientée par le langage qu'elle entendait. Comme tous les hommes qui se croient fins et ne sont que médiocres, il était sa propre dupe et il lui semblait que l'empereur était trop vrai pour être véridique.

Quel est donc en résumé le sens des paroles de l'empereur? Il dit positivement qu'il ne veut en Turquie, ni possessions russes, ni possessions européennes, ni empire byzantin, ni royaume grec, ni république à la Mazzini, et que de fait il n'existe absolument *rien* à proposer au dehors de ces diverses combinaisons. N'est-il pas évident après cela que l'empereur, ne veut rien modifier et changer et qu'avant tout il préférerait s'en tenir à ce qui subsiste; et que ce n'est que pour le cas, où ce qui subsiste viendrait à tomber, qu'il était du devoir des puissances européennes à se concerter préalablement sur ce qu'il y aurait à faire.

Un diplomate disait: „L'Europe (lisez l'Angleterre) ne peut permettre que la Turquie soit ni trop bien ni trop mal avec la Russie." C'est-à-dire, l'Angleterre doit chercher à consacrer à perpétuité l'ingérence d'un tiers, ou de deux ou trois tiers suivant les circonstances, dans les rapports des deux grands pays limitrophes. Voilà le fin mot de la politique anglaise dans la question orientale.

Après tout, pour en revenir à la conversation ci-dessus mentionnée, la Russie n'est dans le cas de renier rien de ce qui a été dit; au contraire, elle n'a qu'à se féliciter de ce que l'intime pensée de sa politique loyale et prévoyante ait été mise au grand jour. Appelez cela indiscrétion, si vous voulez. Mais cette indiscrétion sert à bien dessiner les caractères et les positions. Et, en tout cas, pareille indiscrétion est celle d'un honnête homme.

Pour se faire une juste idée de la capacité politique de l'envoyé anglais, il suffit de lire sa dépêche du 19 janvier 1854. „Si la paix, dit-il, est l'objet et le but du gouvernement russe, il fait certainement de grands efforts pour égarer l'opinion publique, car on fait de tous côtés des préparatifs pour cette grande guerre.“ Et quels sont donc les préparatifs formidables et alarmants qui éveillent l'attention du vigilant diplomate? Il va vous les dire et frapper l'Europe de terreur: „On m'a parlé d'un achat de cinq cents tonneaux de salpêtre et d'un achat de plomb chez un marchand qui en avait la plus grande quantité.“ Voyez donc un peu ce méchant gouvernement russe, qui, tout en parlant du désir de maintenir la paix, ne néglige pas cependant d'avoir à sa disposition de quoi fabriquer de la poudre et fondre des balles. Il est clair que ce salpêtre et ce plomb doivent servir à envahir le monde. Rien n'échappe à la sagacité de cet homme d'Etat. Plaisanterie à part, que conclure d'un ministre qui amuse son gouvernement avec de pareils rapports et que penser d'un gouvernement qui, pour convaincre son public des vues ambitieuses de la Russie, livre à la publicité de pareilles niaiseries?

LETTRE XVI.

Juillet.

La Russie, dans les circonstances présentes, a un point vulnérable, mais ce n'est ni à Sévastopol, ni à Cronstadt qu'il faut aller le chercher. Ce point vulnérable est la loyauté de l'empereur Nicolas. La droiture de son caractère, de ces principes, de ses vues, se reflète nécessairement sur toute sa politique: ennemis et amis spéculent également sur elle. Les uns et les autres ont foi en sa parole. Quand ils savent ce qu'il a dit, ils savent ce qu'il fera; quand ils savent ce qu'il veut, ils savent qu'il ne voudra pas autre chose et ne dépassera pas le but qu'il s'est posé et qu'il a hautement avoué. Rassurés de ce côté, ennemis et amis ont beau jeu pour s'entendre et pour tripoter Ils ont la conviction que leurs menées, leurs intrigues ne risquent jamais de rencontrer les menées de la politique russe pour se heurter contre elles. La Russie a choisi comme terrain d'action la franchise et la vérité. La voie choisie par ses adversaires est celle du mensonge. Aussi les questions posées et soulevées par le gouvernement russe se voient-elles bientôt dépassées et déroutées par les évolutions de la diplomatie européenne. Dès le début de la crise orientale, notre cabinet a franchement déclaré ce qu'il se croyait en droit de demander et ce qu'il tenait à obtenir. Il n'a pas dévié un instant de la marche que lui traçait son point de départ. Tant qu'il est resté maître de son action, il n'a fait ni un pas en avant, ni de côté. Il s'est tenu

l'arme au bras et n'a pris l'épée en main que quand il y a été provoqué par une déclaration de guerre et des attaques directes. Voyez, au contraire, toute la besogne qu'a faite le mensonge depuis sa mise en scène. Parti de Paris ou de Londres, de Londres ou de Paris, c'est égal, il s'est porté à Vienne, où il a intrigué et fait des protocoles. Bientot après, on l'a vu aux Dardanelles, des Dardanelles il s'est rendu dans le Bosphore, du Bosphore dans la mer Noire de la mer Noire dans la Baltique, de la Baltique dans la mer Blanche. Chemin faisant et probablement pour se désennuyer, il a fait le métier de corsaire. Au nom de la liberté et de l'intégrité du commerce, il a capturé des vaisseaux marchands et pillé des ports inoffensifs; au nom de la civilisation et du droit des gens, quand l'occasion s'en est présentée, il n'a pas même épargné les monastères, et ceci pour rappeler au monde chrétien que l'Occident s'étant rangé sous la bannière du Croissant, quelques petits sacriléges étaient indispensables, ne fût-ce que pour acquit de conscience. Le proverbe dit: a beau mentir qui vient de loin; à voir le chemin qu'a fait le mensonge *aux pieds légers*, on pourrait dire aujourd'hui: à beau aller loin qui se permet de mentir.

De son côté, le gouvernement russe, lié par les engagements pris envers lui-même et envers l'Europe, a dû forcément circonscrire son action. Animé du désir de maintenir la paix en Europe, il ne voulait pas de son propre chef agrandir démésurément le théâtre de la guerre. Il lui eût été facile, au moment oú les affaires se compliquaient, de la porter sur un autre terrain et de frapper ses ennemis par une voie indirecte. Des hommes d'Etat, en Russie, étaient d'avis qu'il fallait marcher sur Vienne, et que c'est là, comme au cœur de tous les tripotages et de toutes les perfidies politiques, qu'il fallait trancher le nœud gordien de la question orientale. Mais le changement de front eût été une surprise, et ce n'est point par surprise que procède la loyauté.

La dernière dépêche du comte Nesselrode, adressée à l'envoyé de Russie à Vienne, en date du 17 (29) juin 1854, relève et constate d'une manière irrécusable la stabilité et l'invariable direc-

tion de la conduite tenue par le cabinet russe dans toutes les nombreuses péripéties du grand drame monté à frais communs par la France et l'Angleterre. Comparez le nouveau document à toutes les dépêches et circulaires émanées antérieurement de la chancellerie impériale, et vous y retrouverez la profession des mêmes principes, identiquement le même langage. La réplique que lui fait M. Drouyn de Lhuys, dans sa dépêche à M. le baron de Bourqueney, en date du 22 juillet 1854, semble trouver dans cette unité de vues un motif de reproches à adresser au cabinet russe. „Je n'objecterai que très-peu de mots, dit-il, au début de la dépêche de M. le comte Nesselrode. La Russie persiste à rejeter sur les puissances occidentales la responsabilité d'une crise qu'elle a seule provoquée; elle s'en prend à la forme de leur sommation et voit dans une démarche que ses actes avaient rendue nécessaire, la cause déterminante de la guerre". Nous dirons, à notre tour, comment et pourquoi la Russie *ne persisterait-elle* pas à trouver vrai ce qui l'a été et ce qui l'est encore aujourd'hui? M. Drouyn de Lhuys serait-il d'avis qu'il n'est permis de *persister* que dans le mensonge?

„Du jour où les armées russes avaient envahi les principautés du Danube (dit la dépêche), la paix était tellememt compromise, que les efforts les plus loyaux, les plus patients n'ont pu la sauver".

Cette assertion, vingt fois mise en avant, mais après coup, est démentie par les faits. C'est au moment même où cette occupation a eu lieu qu'il fallait la considérer comme une déclaration et un commencement de guerre, toujours en admettant que *la crise qui trouble le monde*, comme le dit le ministre de France, *dérive du passage du Pruth*. Mais on oublie que *ce passage* et *cette occupation militaire* ont été officiellement et solennellement reconnues par les puissances occidentales et par la Turquie elle-même, comme ne constituant pas un *casus belli*. Nous n'en voulons pour preuve que ces paroles du comte de Nesselrode: „L'occupation des principautés n'avait pas empêché la négociation de s'ouvrir et de se poursuivre. Ce n'est point elle qui a provoqué l'abandon de la note de Vienne, le rejet des propositions faites à Ollmütz avec le concours et l'ap-

probation de l'Autriche. Non plus que le changement complet de toutes les bases antérieures de négociations". Par amour de la paix aplanissait-on une difficulté? vous faisait-on une concession? tout aussitôt vous éleviez une difficulté nouvelle, vous mettiez en avant une nouvelle prétention, et c'est ce que vous appelez *la série de longues et laborieuses négociations qui ont rempli l'année dernière*, c'est ce que vous qualifiez: *d'efforts les plus loyaux, les plus patients. Patients*, je vous l'accorde volontiers, car la patience vous était nécessaire pour donner à votre intrigue le temps de mûrir et de porter fruit. Mais dites-moi, au nom de Dieu, ce que la loyauté vient faire ici?

Aujourd'hui encore c'est toujours la même tactique: une fois que l'évacuation des principautés, évacuation qui était votre premier et votre dernier mot, est près de se réaliser, elle ne vous suffit plus. Il y a de nouvelles règles à établir et d'importantes modifications à apporter au *statu quo ante bellum* dit la dépêche française. En un mot, il faut refaire l'histoire. Telle que l'ont faite la suite des événements et des temps, elle ne saurait convenir à M. Drouyn de Lhuys, qui a d'autres vues que celles de la Providence. „M. Drouyn de Lhuys *avoue* qu'il ne comprend pas, ce „que M. le comte de Nesselrode a voulu dire en annonçant que „l'intégrité de l'empire ottoman ne sera point menacée par la Russie, „tant qu'elle sera respectée par les puissances qui occupent en ce „moment les eaux et le territoire du Sultan". La chose cependant est bien facile à comprendre, pour quiconque ne s'arrête pas à la lettre morte, mais interroge franchement le sens des mots et celui que peuvent leur prêter la passion et les intérêts humains. *Il n'existe pas de parité entre l'envahisseur et le protecteur*, comme il est dit dans la dépêche. Oui! mais Cromwell aussi, quand il s'est rendu le maître de l'Angleterre, ne s'est-il pas contenté du titre et des attributions *de protecteur!* le protectorat imposé à la Turquie par la France et l'Angleterre, n'est-il pas aussi un protectorat à la Cromvell! Voyons un peu. L'occupation des principautés danubiennes n'entravait pas la liberté d'action du Sultan, et la preuve c'est qu'en présence de cette occupation, il a déclaré la guerre à la Russie, et la lui fait avec la plénitude de tous ses moyens d'attaque.

Dans les circonstances présentes, le Sultan aurait-il la liberté, nous ne disons pas, de déclarer la guerre à la France et à l'Angleterre, s'il le trouvait bon; mais seulement de leur demander de vouloir bien le débarrasser de leur protection? Si nous adressions cette question à M. Drouyn de Lhuys aurait-il le courage de dire: Oui! Comme sa réponse ne saurait être douteuse, nous constaterons encore une fois avec lui, qu'il n'existe *aucune parité entre l'envahisseur et le protecteur.*

Le ministre de France invoque à son appui l'*opinion générale qui a condamné* la conduite de la Russie. Il est facile de mettre sur le dos de l'opinion, tout ce qu'on a intérêt à lui prêter, mais où trouver l'expression de *cette opinion générale?* Serait-ce dans la presse française qui est asservie et réduite au silence, si elle ne veut pas consentir à répéter les mensonges officiels, ou se donner le lâche plaisir d'adresser des injures aux adversaires de son gouvernement? Serait-ce dans la majorité de la presse allemande, gagnée et soudoyée par les fonds secrets du gouvernement français, ou par la révolution, ou dominée par la peur de tout le mal que la France et l'Angleterre seraient capables de faire à l'Allemagne, si elle ne se résignait pas à être leur complice. Invoquez-là, *cette opinion générale.* Quant à nous, nous en appelons de l'opinion ivre de mensonge et de peur à l'opinion dégrisée quand elle aura repris son courage et son indépendance.

Quoi qu'il en soit, les deux nouvelles dépêches russe et française, viennent encore une fois de mettre en présence la vérité et le mensonge, la politique loyale et la politique de mystification et d'embauchage. On ne saurait le nier, cette dernière a déjà gagné beaucoup de terrain sur l'autre. Mais que faut-il en déduire? Que la politique loyale est préjudiciable au pays qui la pratique, qu'il est sage de hurler avec les loups, de tricher au jeu quand on a à faire à des escrocs; que pour se défendre contre un corsaire, il est toujours bon de se faire corsaire et demi? Pas le moins du monde! Ce qu'il faut dans pareille occurence, comme dans toute autre, c'est de rester dans la vérité, et d'attendre patiemment qu'elle triomphe

de ses ennemis. Le mensonge pousse vite mais il ne dure pas. Combien de mensonges puissants n'avons-nous pas vus s'élever et crouler de nos jours. Ce n'est pas sans raison que les Anciens, toujours ingénieux et sages dans leurs allégories, ont relégué la vérité au fond d'un puits. Il n'est pas donné à tout le monde d'aller l'y trouver, et il lui faut à elle même du temps et de la peine pour en sortir.

LETTRE XVII.

Août.

Le gouvernement russe n'a jamais affecté l'hypocrisie de la publicité. Il peut taire des vérités qu'il reconnaît pour intempestives, inopportunes et souvent dangereuses; mais il ne s'abaisse jamais au mensonge. Fontenelle avait raison de dire que s'il avait la main pleine de vérités, il se garderait bien de l'ouvrir. Un gouvernement est encore plus autorisé à ne pas jeter à la foule tout ce qu'il sait. Les amis de la publicité *quand même* peuvent reprocher à cet égard, à notre gouvernement un excès de prudence et trouver qu'il tient sa main parfois trop serrée. C'est possible, mais du moins, les amis de la vérité peuvent se fier à ce qu'il dit. Et c'est déjà beaucoup. Je me souviens que lord Stratfort Caning disait à quelqu'un il y a longtemps de cela, il y a près d'une trentaine d'années, lors de son voyage en Russie, que comme la nature avait recouvert de chair et de peau le travail intérieur du corps humain, ainsi tout gouvernement était obligé de cacher aux yeux du vulgaire bien des opérations de l'économie du corps social, et ceci dans l'intérêt même de la société. Cette comparaison me semble aussi ingénieuse que juste. Les maisons et les gouvernements de verre pouvaient être à l'usage de l'âge d'or; mais aujourd'hui, outre les indiscrétions à craindre tous deux risqueraient de les voir briser. En tout cas, comme nous l'avons dit, le silence peut être un acte de prudence, parfois exagéré, mais en aucun cas ce n'est un acte de mauvaise foi. Tandis qu'il

y a de la mauvaise foi à faire croire à la société que l'on gouverne, qu'on n'a point de secret pour elle, alors que cependant on ne lui donne que des vérités falsifiées, et souvent même du mensonge tout pur. C'est là l'office que le *Moniteur universel* est appelé à exercer en France. Il a, au nom du gouvernement, de par le suffrage universel, le monopole du débit du mensonge universel. Toute nouvelle erronnée ou vraie, émise dans les autres journaux et contraire aux vues du gouvernement, est réputée contrebande. Les délinquants sont passibles d'une réprimande, qui trois fois répétée, amène la suppression du journal. Sous ce régime de la liberté de la presse et de la parole, il est plaisant de voir le gouvernement publier par son organe officiel l'avis suivant, que nous avons lu récemment dans le *Moniteur:* „On ne saurait qualifier trop sévèrement les indignes manœuvres qui consistent à répandre des nouvelles sinitres du théâtre de la guerre.—Le gouvernement saura *se servir des moyens dont il est armé*, pour sévir contre les auteurs et les propagateurs de bruits mensongers." Et lui-même que fait-il? Combien de batailles perdues par les Russes, battailles qui n'ont jamais eu lieu, n'a-t-il pas proclamées au son des fanfares de la presse? Combien ne nous a-t-il pas blessé, tué de milliers de soldats, combien d'officiers, de chefs, qui grâces à Dieu se portent encore fort bien? Ne déverse-t-il pas, chaque jour à pleines mains les calomnies les plus perfides, sur les mesures prises par notre gouvernement, sur l'état des esprits en Russie? Pareilles *manœuvres* ne sont-elles pas tout aussi indignes, quand elles n'ont que des adversaires pour but? Il faut avouer, du reste, que de semblables manoeuvres ne sont pas nouvelles en France. Elles font aussi partie du grand héritage recueilli par l'élu du 2 Décembre. On peut voir dans les mémoires du roi Joseph, comment au moment où les alliés s'avançaient sur Paris, son frère lui recommandait, lui ordonnait de répandre par la voie des journaux le plus de fausses nouvelles possible. „Les journaux après tout, disait naïvement l'empereur, ne sont pas de l'histoire." Il le disait probablement pour lever les scrupules de conscience d'un frère, qu'il avait toujours trouvé par trop candide. De toutes les traditions napoléoniennes remises à neuf aujourd'hui, la tradition du mensonge officiel est celle qui est pratiquée avec le plus de zèle et de succès. Sous les guerres de l'em-

pire, on disait: menteur comme un bulletin. Aujourd'hui qu'il y a guerre, mais qu'il n'y a pas encore de bulletins et pour cause, on dit: menteur comme le *Moniteur*.

Il faut avouer que la presse européenne en général, sauf d'honorables et de rares exceptions, marche dans ce sens sur la trace du *Moniteur universel*. Le mensonge et la calomnie sont à l'ordre du jour. Et c'est tout naturel. Cette guerre que l'Europe nous a suscitée est née d'un mensonge politique; et toutes les conséquences qui en découlent sont forcément empreintes de cette origine. Un seul mot de vérité ferait crouler tout l'échafaudage élevé par les gouvernements occidentaux, dissiperait tous les mirages qu'ils ont fait jouer sur l'horizon pour induire en erreur les peuples et leur donner le change sur tout ce qui se passe derrière les coulisses. A côté du grand mensonge, il en faut encore de secondaires, de petits, pour l'étayer et le nourrir: car le mensonge est comme l'esprit, qui selon l'expression du poète est: *un feu qui s'éteint s'il ne se nourrit.* Et Dieu ne plaise qu'ils laissent jamais éteindre ce feu mensonger qui fascine les yeux! Ce feu une fois éteint, la Turquie y verrait clair, l'Allemagne aussi et toute la fantasmagorie anglo-française tomberait du coup. Que la presse française, condamnée au baillon par la volonté nationale, ne recouvre la parole que pour répéter le mensonge qu'on lui met dans la bouche, cela s'explique. Que la presse anglaise se passionne pour le mensonge, quand il est revêtu de couleur patriotique, c'est-à-dire d'un intérêt mercantile, c'est encore tout simple. Mais que la presse allemande, qui pourrait rester indépendante, se mette au service du mensonge—anglais et français, ceci est plus difficile à comprendre, et surtout à excuser.

Champfort disait, qu'il fallait chaque matin avaler un crapaud pour ne plus être dégoûté de tout ce que l'on verrait faire et de tout ce que l'on entendrait dire dans la journée.

Aujourd'hui, nous sommes tous soumis à ce régime: et chacun de nous avec sa tasse de café et son journal avale *le crapaud préservatif*. Toute pudeur, tout sentiment d'humanité sont mis de

côté quand il s'agit de parler de la Russie. L'empereur, ses ministres, la nation, nos braves guerriers sont le point de mire où vont frapper tous les mensonges, tous les contes odieux et absurdes. Jamais un mot de justice et d'impartialité pour les actes de dévouement qui se renouvèlent chaque jour d'un bout du pays à l'autre. Jamais un mot, nous ne dirons pas d'admiration, mais même de généreuse compassion pour les beaux faits d'armes où l'héroïsme du soldat russe, du soldat chrétien, éclate avec tant d'ardeur et d'abnégation. A la première nouvelle qu'un de ces braves est tombé sur le champ de bataille, voyez un peu comme toutes ces plumes se complaisent à accumuler autour de cet événement tous les détails imaginables, comme elles se tournent et retournent dans la blessure de la victime, blessure qui souvent n'a été faite que par ces plumes elles-mêmes, mais cela a toujours porté le trouble et l'effroi dans plus d'un coeur, et cela suffit. On dirait des sauvages féroces qui dansent autour du bûcher de leurs prisonniers.

Pour se faire une juste idée des proportions que le mensonge officiel a prises en France, il suffit de citer le rapport publié par le *Moniteur* sur le bombardement d'Odessa. Tout est faux dans ce rapport, à commencer par le motif qui a soi-disant autorisé ce bombardement, à finir par tous les détails que l'on donne sur cet acte gratuit de vandalisme et de piraterie. Evidemment ce rapport a été fabriqué à Paris dans les ateliers du gouvernement, ou du moins il y a été revu, corrigé et considérablement augmenté. L'amiral a pu être contraint à prêter son nom. Mais la marine française et l'amiral Hamelin lui-même ont de trop nobles antécédents, pour supposer un instant qu'il ait pu se permettre de dénaturer à ce point la vérité des faits qui ont eu pour témoins de braves marins et une population entière.

Le gouvernement anglais, il faut l'avouer, a tenu à cette occasion une conduite plus consciencieuse. Il a été beaucoup plus sobre de détails, et a passé presque sous silence cette victoire qui ne rappelait guère celles d'Aboukir et de Trafalgar.

Pour vous mettre à même de bien apprécier la manière dont les choses se sont passées à Odessa, je vous communique une lettre écrite par un des habitants de cette ville. Afin que vous ne soyez pas tenté de trouver à cette relation une couleur officielle, je vous préviens que celui qui l'a écrite n'est point un russe, ni un employé du gouvernement. C'est tout simplement un honnête homme et un témoin oculaire.

Lettre d'un ancien habitant d'Odessa,

le 15/27 mai 1854.

„*Moniteur universel* vient de publier le rapport officiel du vice-amiral Hamelin, daté de la *Ville-de-Paris*, en rade d'Odessa, le 24 avril, nouveau style.

„Comme cet événement fera époque dans les annales militaires de notre temps, je pense que, par respect pour la vérité de l'histoire, il est utile de placer sous les yeux du public éclairé et impartial les observations de fait qui peuvent servir à rectifier et à modifier quelques-unes des assertions contenues dans le rapport de l'amiral français. Afin de mettre plus de clarté et de précision dans mon récit, je commencerai par transcrire textuellement les divers passages de ce rapport, et j'exposerai ensuite les observations et rectifications nécessaires pour rétablir l'exactitude des faits.

„Voici le texte de quelques parties du rapport du vice-amiral Hamelin:

„Il ne pouvait entrer dans notre pensée de faire le moindre „mal à la ville d'Odessa, non plus qu'à son port de commerce, où „fourmillent des bâtiment de toutes les nations maritimes. C'était „le port impérial seul, les magasins et les navires qu'il renfermait, „et les batteries qui les protégeaient de leurs feux, que l'amiral „Dundas et moi avions résolu d'attaquer et de détruire . . . .

„L'attaque ayait commencé à six heures et demie. . . . .
. . . . . .

„Vers dix heures et demie, les obus de sept frégates à vapeur „tombent comme grêle sur la batterie du port impérial et les ma„gasins et navires qu'il renferme, où des symptômes d'incendie com„mencent même à se manifester sérieusement . . . . . .

„Non loin des frégates, six chaloupes anglaises se rapprochent „de ce port dans la partie N.-O. du môle, où l'ennemi n'a pas „établi de bouches à feu, et lancent force fusées à la congrève, „qui paraissent produire fort bon effet . . . . . .

„A une heure, l'incendie est complètement déclaré dans les ma„gasins et casernes du port impérial, dont les toitures s'écroulent „en flammes. Presque au même instant, la poudrière de la batterie „de ce port saute en l'air . . . . . .

„L'oeuvre de destruction du port impérial marche rapidement „sous les coups redoublés des frégates, qui profitent du désordre „occasionné à terre par l'explosion de la poudrière pour s'avancer de „deux encâblures et foudroyer plus promptement une quinzaine de „petits bâtiments russes renfermés dans la darse . . . . . .
. . . . . .

„Dans ce cercle de plus en plus resserré, où se meuvent neuf bâti„ments à vapeur, pas une fausse manoeuvre ne se fait remarquer.

„Tous nos coups sont dirigés contre les bâtiments russes encore „à flot dans le port impérial, et que les flammes ne tardent pas à „dévorer vers quatre heures et demie. . . . . .

„ Tel est le châtiment que nous avons cru devoir infliger, non „à la ville, mais aux autorités militaires d'Odessa, en raison de „l'attentat dont elles s'étaient rendues coupables à l'égard d'un de „nos bâtiments portant pavillon parlementaire. Ni les trente mille „hommes de la garnison d'Odessa, ni les 70 canons de sa forte„resse et de ses batteries, n'ont pu préserver le port impérial du „désastre que nous lui avions réservé.
. . . . . .

„Hier 23, les établissements du port impérial brûlaient encore. „La corvette le *Fury*, capitaine Ed. Thatam, sur laquelle j'avais „envoyé mon premier aide-de-camp, M. le lieutenant Garnaut, a eu „mission d'aller constater les ravages faits dans le port impérial. „Elle a reconnu qu'à l'exception de deux ou trois, les bâtiments „que renfermait ce port avait été brûlés et coulés; que la batterie „construite au bout du môle n'existait plus, et que les établisse-„ments de l'amirauté étaient détruits ou complètement dévastés".

OBSERVATIONS ET RECTIFICATIONS.

„A la lecture du premier paragraphe du rapport du vice-amiral Hamelin, il se présente une question embarrassante. On ne saurait révoquer en doute la véracité de M. le vice-amiral Hamelin, lorsqu'il déclare qu'*il n'était pas dans la pensée des deux amiraux de faire le moindre mal à la ville d'Odessa*, etc.—Nul ne pourrait non plus nier l'habileté et la justesse du tir des marins anglais et français. Or, comme beaucoup de maisons de la ville, qui se trouve située sur une hauteur de 18 à 20 sagènes russes, c'est-à-dire à plus de 40 mètres d'élévation au-dessus du niveau de la mer, ont reçu un grand nombre d'obus, de boulets de gros calibre et de fusées à la congrève, il en résulte nécessairement de deux choses l'une, ou *les commandants des neuf frégates à vapeur qui ont foudroyé pendant dix heures le port impérial* ont méconnu les bonnes intentions des amiraux et transgressé leurs ordres, ou bien la justesse du tir des pièces des frégates a été telle que leurs projectiles ont porté à 40 mètres plus haut que le point attaqué. Nous livrons ce problème à résoudre à la sagacité des lecteurs.

„Cela posé, commençons par constater le mal fait au port impérial, que l'on appelle à Odessa le *port de pratique,* en opposition au *port de la quarantaine*, qui est le *port du commerce.*—La seule et unique batterie de *quatre canons* établie au bout du môle a été détruite et les quatre pièces démontées. Cette batterie, que commandait un jeune enseigne de 21 ans (Stchogoleff), a tenu pendant plus de six heures contre les sept frégates à vapeur qui la fou-

droyaient avec leurs obus, *tombant comme grêle*, ainsi que le dit l'amiral Hamelin. Le petit magasin à poudre, qui avait été improvisé sur le môle pour le service de la batterie, *n'a pas sauté en l'air*. Chacun peut voir aujourd'hui que ce magasin existe encore intact dans son état primitif. Ce n'est qu'un caisson portatif, placé extérieurement, qui a fait explosion. Cette batterie de quatre pièces de canon, que l'on appelle aujourd'hui la batterie Stchogoleff, était servie par *vingt-huit hommes*, dont *deux* ont été grièvement blessés (un des blessés est mort le lendemain) et un troisième a été contusionné; de sorte que sur 28 hommes il n'y en a eu en tout que *trois* mis hors de combat pendant les dix heures qu'a duré le bombardement.

„N'en déplaise au vice-amiral Hamelin, il n'a jamais existé en aucun temps sur le môle ce qu'on appelle *le port impérial*, et par conséquent il n'existait point au jour du 22 Avril, ni *magasins*, ni *casernes*, ni *établissements de l'amirauté*. C'est ce que peuvent attester les nombreux habitants étrangers de toutes les nations qui se trouvent à Odessa, aussi bien que tous les consuls étrangers qui y résidaient, voire même les consuls de France et d'Angleterre, qui ont tout récemment quitté notre ville. Les seules propriétés du gouvernement sur le môle du prétendu *port impérial* consistaient: 1° en *un hangar en planches*, établi vers le bout du môle pour le service des bateaux à vapeur qui, en temps de paix, faisaient le cabotage entre Odessa et les ports de la Crimée, de Nicolaeff et de Kherson, et 2° en *une maison en pierres* où sont placés les employés de la douane pour cette parti du port. *Le hangar en planches* a été détruit et brûlé par les obus et les fusées à la congrève qui *tombaient comme grêle*. La maison en pierres de la douane a reçu trois ou quatre obus et boulets qui ont fait quelques trous dans les murs. La maison entière est restée intacte sur pied; chacun peut le vérifier de ses yeux.

„Parmi les navires qui étaient dans la darse du *port impérial*, il y avait, appartenant au gouvernement: 1° *Un bateau à vapeur „l'Andia"* qui est resté intact; 2° *trois ou quatre machines à dra-*

guer, dont une *seule* a été complètement submergée; et 3° *une grosse barcasse*, servant de phare flottant à Kimbourn qui n'a reçu aucun mal. Un petit bateau à vapeur en fer le „*Dniester*" appartenant à un particulier, a reçu un boulet qui l'a un peu endommagé.

„Tous les autres bâtiments qui se trouvaient dans le *port impérial*, étaient des navires marchands et des propriétés particulières. Dans ce nombre, il y avait *un bâtiment finlandais* à trois mâts qui a été complètement détruit et brûlé, et *un brick autrichien* qui a été grandement endommagé. Quelques barques cabotières russes ont été les unes en partie brûlées, les autres atteintes par des boulets et complètement submergées. Plusieurs ont été relevées, et on peut les voir aujourd'hui dans ce port, réparant leurs dommages.

„Voilà donc, dans la plus exacte vérité, tout le dégât causé sur le môle et dans le *port impérial* par un bombardement de dix heures.

„Voyons actuellement ce qui en a été des maisons des habitants de la ville à laquelle l'amiral Hamelin dit qu'*il n'etait pas dans leur pensée de faire le moindre mal.*

„La première en ligne sur la hauteur des boulevards est la maison d'habitation du prince Worontzoff. Nous tenons à rappeler ici que cette maison, comme toutes les autres désignées plus loin, est située à plus de quarante mètres au-dessus du niveau de la mer.....

„Or, la maison du prince Worontzoff a reçu dans le principal corps de logis, dans ses dépendances et dans le jardin au-delà de cent projectiles, obus, boulets à gros calibre et fusées à la congrève. Une quarantaine de ces projectiles ont pu être ramassés, et parmi ceux-ci plusieurs obus qui n'ont pas éclaté, ainsi que des fusées à la congrève. Certes, le prince Worontzoff tient à honneur de voir que sa propre maison a été plus maltraitée que celles des autres habitants. C'est probablement par un mouvement de reconnaissance que les boulets anglais et français sont venus tomber de préférence sur cet hôtel qui, pendant plus de 20 ans, a accueilli avec tant

d'obligeance et d'hospitalité les nombreux voyageurs de toutes les classes de ces nations qui venaient visiter Odessa.

„Après la maison du prince Worontzoff viennent, sur la ligne du boulevard, les habitations suivantes qui ont reçu des projectiles: savoir la maison de M. Marasly, fils d'un ancien et respectable négociant grec de notre ville, où se trouvait logée la chancellerie du gouverneur général; celles de Mme Stolipine et de Mme Marini, la maison de M. Vassal, Français; celle de M. le comte Jacques Porro, consul général de Portugal; de M. Verel, sujet français; de Mme Narischkine; de M. Théodore Rodocanaki, négociant grec; de M. Jean-Baptiste Carouta, sujet toscan. — Puis dans la rue derrière le boulevard, la maison du bourgeois Bondareff; celle de M. John Menger, consul de Prusse; de M. le comte Léon Potocki, de M. de Stourza, du prince Gagarine et quelques autres. — Plus loin, à gauche du boulevard, au-delà du ravin, toujours à la même hauteur, les deux maisons du docteur Hkewitch, une maison appartenant à M. Napoléon Rossi, négociant gênois; celle du prince Manoukbey; la maison et le magasin de M. Zurifi, négociant grec; la maison de Mme Molodetzka; enfin dans des rues plus reculées, la maison qu'habite M. Hansen, consul de Saxe; celle de M. Dallas, docteur en médecine; celle de Mme Minciaki; celle de Mme Kiriakoff; celle de M. Scarjinski; celle de M. Jean Mavro, négociant grec, et enfin la maison de l'archevêché. Plusieurs projectiles sont tombés jusque dans le centre de la ville. Un obus qui a éclaté sur la place du marché, appelé le nouveau bazar, a tué une pauvre femme et blessé deux ou trois hommes du peuple.

„Pour clore cette longue énumération, j'ajouterai qu'un projectile de gros calibre a frappé et ébréché le piédestal en granit de la statue du duc de Richelieu, élevée au milieu de la place de ce nom, sur la hauteur du boulevard. Si c'est un boulet anglais qui a porté ce coup, il n'y a rien à dire; celui-là n'était pas tenu à respecter la statue d'un duc de Richelieu, mais si ç'a été un boulet français!..... Libre à chacun de penser là-dessus ce que bon lui semble. Quoiqu'il en soit, ce monument que l'autorité voudra, j'ose

l'espérer, conserver dans son état actuel, sans le faire réparer, restera pour attester à tout jamais l'agression que les alliés du Croissant se sont permise contre l'inoffensive et hospitalière ville d'Odessa.

„Je m'attends à une objection que l'on pourrait faire à mon récit, et je veux y répondre d'avance. Puisque tant de projectiles, dira-t-on, ont atteint bon nombre de maisons de la ville, comment se fait-il donc que le mal causé ait été aussi minime qu'on l'a dit et publié?

„A cela il y a deux raisons: La première, c'est que la nature molle et friable de la pierre employée dans la construction de toutes nos maisons, nous a admirablement servi dans cette occasion. Les plus gros projectiles, voire même les obus de 96 qui frappaient nos murs, n'y faisaient qu'un trou, sans causer le moindre ébranlement au reste de l'édifice. Il y a même de cela un exemple curieux dans une des pièces de l'intérieur de l'hôtel du prince Worontzoff. Un boulet de gros calibre, après avoir traversé une fenêtre, est venu se loger dans l'angle des deux murs de la chambre, et y est resté encadré très-exactement, comme si on l'y avait placé tout exprès, sans même déranger le stuc des murailles.

„La seconde raison, c'est que, par un bonheur providentiel, beaucoup d'obus ont éclaté en l'air et que d'autres sont tombés sans faire explosion. On peut en dire autant des fusées à la congrève. Aussi n'y a-t-il pas eu d'incendies. Sans ces deux causes réunies, il est incontestable que les maisons frappées par les projectiles, auraient éprouvé de grands dégâts.

„J'allais oublier une observation de peu d'importance, mais que je ne dois pourtant pas omettre. Le vice-amiral Hamelin parle des 70 canons de la *forteresse* et des batteries d'Odessa. Or, les six batteries improvisées dans le courant de février et de mars, n'étaient armées que de *48 pièces* d'artillerie. Quant à une forteresse d'Odessa, elle n'existe que dans le rapport de l'amiral Hamelin. Personne n'ignore que l'*ancienne forteresse,* abandonnée depuis plus de qua-

rante ans, et dans laquelle il n'y a pas un seul petit canon, sert depuis longtemps de quarantaine, et renferme dans son enceinte les logements destinés aux nombreux passagers qui affluaient dans notre ville, arrivant par Constantinople.

„Il me reste à mentionner un fait que le rapport du vice-amiral Hamelin passe entièrement sous silence.

„Pendant que les bateaux à vapeur canonnaient la batterie du môle et le *port impérial*, c'est-à-dire le port de pratique, des vaisseaux à voile, sortant de la ligne des deux flottes qui se tenaient à l'ancre à une assez grande distance à droite du port de commerce, s'approchaient de la hauteur où est située la quarantaine, et lançaient à toute volée des projectiles qui allaient tomber au milieu des logements, où un certain nombre de passagers achevaient leur terme quarantenaire, à tel point que M. l'aide-de-camp, général baron d'Osten Sacken, a été forcé, afin de soustraire ces passagers au danger qui les menaçait, de les faire sortir de l'enceinte de la quarantaine, et de les transporter dans des maisons éloignées de la ville, où ils ont été placés en contumace. Quelques-uns de ces projectiles sont même venus tomber jusque dans le port de commerce, et ont blessé un Anglais qui se trouvait sur un bâtiment de cette nation, et qui a eu la cuisse fracassée.

„C'est ainsi que vers les dix heures du matin, une frégate à voiles, portant pavillon anglais, profitant d'un vent du sud favorable, s'est approchée des bords du rivage au-delà de la quarantaine, où se trouvent, sur les hauteurs de la falaise plusieurs maisons de campagne, appartenant à des particuliers, et de là elle s'est amusée à lancer sur ces campagnes isolées, et qui sont à deux werstes de la ville, des bordées de projectiles de gros calibre.

„Des familles entières occupaient en ce moment-là quelques-unes de ces maisons, des petits enfants se promenaient dans les jardins, et nombre de spectateurs garnissaient les toits de ces maisons d'où ils regardaient paisiblement ce qui se passait. C'est au milieu de

cette population innocente et inoffensive que sont venus tomber quelques dixaines d'obus et de gros boulets qui par le plus grand bonheur n'ont fait de mal à personne.

„Dans tout ce qui vient d'être relaté, on s'est scrupuleusement attaché à dire *la vérité, rien que la vérité, toute la vérité.*

„Quant au prétexte d'insulte au pavillon parlementaire, mis en avant pour motiver l'agression des deux flottes contre Odessa, la note écrite de M. l'aide-de-camp général, baron d'Osten Sacken à M. l'amiral Dundas, en date du 2/14 avril, était faite pour détruire la supposition, d'ailleurs inadmissible, que dans les ports de la Russie on ne respecte pas le pavillon parlementaire, dont l'inviolabilité est garantie par les lois communes à toutes les nations civilisées."

LETTRE XVIII.

Août.

On a souvent répété que la conduite téméraire tenue par le gouvernement russe dans la question orientale était due principalement à ce qu'il avait persisté à méconnaître la possibilité d'une alliance sérieuse entre la France et l'Angleterre: cette erreur, dit-on, l'aurait poussé dans une voie qu'il se fût bien gardé de choisir s'il avait prévu ce qui est arrivé. Des personnes, d'ailleurs bien intentionnées, accusent notre diplomatie d'avoir, par un manque de clairvoyance, entretenu à ce sujet les illusions du cabinet de Saint-Pétersbourg. J'avoue que, pour ma part, j'admets difficilement cette opinion, toute plausible et toute accréditée qu'elle est. On est généralement trop porté à croire que les gouvernements et ceux qui les servent ont moins de perspicacité et plus d'ingénuité que tout premier venu qui juge des événements après coup. Je n'ai pas une foi bien robuste dans la mission que la diplomatie est appelée à remplir de nos jours. Je crois volontiers que la diplomatie a fait son temps. Jadis science occulte, dont les arcanes n'étaient connus que des grands maîtres et de quelques adeptes, elle pourrait bien n'être aujourd'hui qu'un rouage secondaire, si ce n'est superflu, dans la machine gouvernementale. Les diplomates, je leur en demande humblement pardon, rentrent un peu dans la catégorie des maîtres de poste: ceux-ci ont été forcément mis à la retraite par la vapeur, ceux-là par la publicité. *Que ces deux grands débris se consolent entre eux.*

Mais s'il n'est point raisonnable d'attendre de la diplomatie les services qu'elle ne peut plus rendre et le bien qu'elle ne peut plus faire, il serait injuste de lui mettre à dos le mal qu'elle n'a pu prévenir. Non, je ne crois pas à l'aveuglement de notre gouvernement. Non, je me garderai bien de jeter la pierre à aucun de nos diplomates. La force des choses a décidé de tout, et qui dit force des choses dit Providence, pour ne pas dire fatalité, car ce mot n'est pas chrétien. Dans les grandes questions, qui, à un moment donné, surgissent d'une manière tout-à-fait imprévue, à une de ces époques de l'histoire qui agitent et ébranlent le monde, il serait puéril d'attribuer la gravité des événements à telle ou telle dépêche, à tel ou tel conseiller d'Etat. Ce qui a déchaîné le torrent, ce n'est personne et c'est tout le monde. Ce n'est rien de précis, de saisissable, mais c'est un ensemble vague, un tout qui était dans l'air et que le moindre vent, parti on ne sait d'où a fait éclater sous un ciel pur et où l'œil n'apercevait aucun nuage. Dans tout autre moment, les mêmes choses et avec la participation des mêmes hommes se seraient aisément passées tout différemment.

Au reste, entendons-nous. Si le gouvernement russe n'a point cru à une alliance entre la France et l'Angleterre, le moment n'est pas encore venu pour décider s'il a eu tort ou non. Une alliance entre les deux Etats, contractée dans un but honnête et généreux, est encore impossible aujourd'hui. Les intérêts de deux pays, les caractères des deux peuples sont trop diamétralement opposés pour que leurs gouvernements puissent s'unir dans une action commune qui serait à l'avantage de la paix et du bien-être de l'Europe. Divisés dans le bien, ils peuvent être unis dans le mal. Et c'est ce que nous voyons. Ici, il ne s'agit pas d'alliance, mais bien de conjuration. La France et l'Angleterre ne sont point des alliées: elles sont des complices. Il faudrait accorder à notre gouvernement une trop grande dose d'inexpérience, de crédulité, de bonhomie pour le croire avoir été dupe de ce qui se passe. Comment admettre que lui seul ne sache pas que des rivaux et des ennemis peuvent un jour se liguer entre eux et se donner la main pour faire tort à un tiers, quand l'occasion leur semble favorable, sauf après à se

quereller et à se déchirer de plus belle. Les événements politiques, les actes de la vie privée fournissent là-dessus de nombreux exemples et de salutaires leçons: il ne faut pas être bien malin pour les comprendre. Il n'y a qu'à lire l'histoire et les débats des procès criminels pour se convaincre que les passions amènent souvent de bizarres et de monstrueuses alliances. L'Angleterre ne saurait jamais être l'alliée de la France monarchique, de la France prospère et puissante sous un gouvernement régulier, traditionnel et vraiment national. Mais la France, jouet et victime des révolutions, est toujours sûre de voir le gouvernement anglais, tel qu'il est composé aujourd'hui, tendre le premier la main à tout pouvoir qui se sera violemment mis à la tête du pays. Le ministère anglais a trop d'adresse et trop peu de scrupules pour en agir autrement. Il sait bien que les révolutions désorganisent, affaiblissent, démoralisent le pays, le discréditent dans la confiance de l'Europe: ce n'est pas lui qui l'arrêtera jamais sur la pente fatale où il se précipite et qui tentera de le remettre sur la voie qui lui est tracée par les siècles. Toute nouvelle révolution en France est une bonne fortune pour l'Angleterre. Toujours ennemie du pays, mais toujours amie et complaisante d'un pouvoir illégitime, l'Angleterre joue un double-jeu et profite des chances telles qu'elles se présentent.

Si on l'a vue tenir une autre conduite à l'époque de la première révolution et sous la menace de l'épée de Napoléon, c'est, comme nous l'avons dit, que l'Angleterre d'alors avait le respect des principes et qu'aujourd'hui elle a celui des faits accomplis. D'ailleurs, qu'y a-t-il de commun entre l'ère napoléonienne et son supplément improvisé du *deux* Décembre. La puissance du premier Napoléon était de celles qu'il fallait combattre pour pouvoir vivre, qu'il fallait à tout prix abattre pour rester soi-même debout. Celle du troisième de ce nom est bien plus accommodante pour l'Angleterre. Pitt et son école ne pouvaient s'entendre avec Napoléon: les Russell et les Palmerston sont bien faits pour s'entendre avec son homonyme. Nous le répétons: ce que nous voyons aujourd'hui, ce n'est point du tout une alliance entre la France et l'Angleterre. Ces deux pays restent forcément ce que l'histoire les a faits. Nous assistons

simplement à un tripotage politique entre quelques individus qui croient qu'en bonne politique, il n'y a ni foi, ni lois à observer.

M. Guizot a dit un jour: „La France est assez riche pour payer sa gloire." Nous verrons plus tard si elle sera assez riche pour payer sa..... Comment le dire moins crûment? disons: pour payer son désappointement. Trop heureuse encore si elle en est quitte pour si peu. En parlant ici de la France, il s'entend bien que nous ne parlons pas de la France officielle. Celle-là n'aura que ce qu'elle mérite, et ce n'est pas nous qui la plaindrons. Le pouvoir existant en France n'a pas de racine dans le pays et par conséquent doit peu s'inquiéter de l'avenir qu'il lui prépare. Tant qu'il vivra, c'est-à-dire tant qu'il sera pouvoir, il aura toujours sa liste civile et ses petits compléments par dessus le marché. Cela lui suffit. Après lui le déluge! Mais la France, la vraie France cachée aujourd'hui sous les oripeaux qui la recouvrent, la France qui a eu les sympathies de l'Europe et qui doit nécessairement survivre à tout ce gâchis politique; cette France-là sera indubitablement la dupe de cette soi-disant alliance. Entraînée dans une guerre qui, même menée à bonne fin, ne saurait jamais lui être profitable, elle aura brisé une alliance naturelle pour renforcer une alliée qui redeviendra toujours son adversaire, en vertu de la nature des choses et de la logique des intérêts. Car supposons même que la fortune des armes passe définitivement du côté des Français et des Anglais, et que, „parti pour la Syrie, le jeune et beau Dunois", revienne près de son cousin couronné de lauriers et peut-être même fiancé à une des nombreuses filles du grand Turc, à part la joie de famille, qu'en reviendra-t-il?

La Turquie, épuisée par ses victoires, étouffée par les succès qu'on lui aura fait subir, sera prise sous tutelle, et l'on sait ce que cela veut dire dans le code politique des lois anglaises. Il serait ridicule à la France de se faire illusion là-dessus. Elle serait sans doute tutrice aussi, mais tutrice nominale. Quant aux revenant-bons, ils seraient tous au profit de la politique et du commerce anglais.

La Russie, dont la marine, le commerce et les tendances naturelles à nouer de plus étroites relations avec l'Asie mineure font

ombrage à l'Angleterre et à l'Angleterre seule, serait nécessairement affaiblie et paralysée pour quelque temps dans son action politique et commerciale. Mais quelles sont dans tout cela les compensations que pourrait trouver la France, en retour des énormes sacrifices qu'elle a déjà faits et devra faire encore?

La France n'est pas pratique, et si elle l'oubliait, l'Algérie et les Etats de la reine Pomaré seraient là pour le lui rappeler. Tandis que l'Angleterre n'est qu'un grand comptoir de commerce, elle réduit en valeurs sonnantes et encaisse tout le mal qu'elle fait et le bien que, par hasard, il peut être dans son intérêt de faire. L'Angleterre a partout et toujours tout à gagner. Si la Russie a le dessous, il n'y a pas à en parler, le gain de l'Angleterre est clair. Mais quand même elle aurait le dessus, l'Angleterre aurait obtenu comme fiche de consolation d'avoir affaibli la France, porté un rude coup à ses finances et à sa flotte. Pour elle, en tout cas, les pertes seraient moins sensibles; d'ailleurs l'agitation est son élément: il faut toujours qu'elle marche, qu'elle avance pour vivre, qu'elle accapare de l'espace pour se mouvoir et pour s'épancher: le calme serait sa mort. Sous de telles conditions, elle doit s'exposer, à ses risques et périls, de perdre ou de gagner, peu importe pour le moment, pourvu que ses bras, ses capitaux, ses machines, ses navires, sa politique ambitieuse et envahissante ne chôment pas un seul jour. La puritaine Angleterre observe scrupuleusement le repos du dimanche: mais l'Angleterre politique ne connaît pas de jours de repos, et la sanctification d'un seul dimanche suffirait à lui enlever tout les bénéfices de la semaine et des siècles.

Ce qu'elle pourrait perdre sur un ennemi, elle le regagnerait bientôt sur une alliée.

Voilà la clef de l'énigme de cette alliance anglo-française qui étonne le vieux monde, habitué aux anciens errements de la politique, et qui comble de béatitudes le gouvernement français, fier d'avoir été pris au service de l'Angleterre et d'avoir le droit de porter sa livrée.

LETTRE XIX.

Juillet.

M. Oliveira, membre de la Chambre des Communes, a fait, dans la séance du 23 juillet, la motion suivante: „Hier, les débats d'une » affaire portée devant la cour du shérif ont établi que le lord » Contrôleur de la maison de la reine avait parié qu'un boxeur de » profession, nommé John Walker, en battrait un autre, et avait » engagé mille livres dans le pari. Je demande au lord président » du conseil privé s'il ne conviendrait pas d'ouvrir une enquête pour » savoir si un noble lord qui a de tels goûts est un homme qu'il » convient de mettre en rapport de tous les jours avec Sa Majesté".

Voilà quelque chose de bien anglais pour le fond et pour la forme: moeurs sociales, moeurs politiques, tout s'y trouve. Pareille motion ne choque-t-elle pas nos idées continentales? Nous aurions peine à comprendre que les relations privées d'un souverain pussent être jamais soumises à une enquête officielle. Cette tutelle despotique exercée par des ministres sur un souverain qui n'est plus mineur, est une des anomalies de la constitution monarchique en Angleterre, qu'il faut admettre, puisque tout le monde a l'air de bien s'en trouver. Aussi, n'est-ce pas pour relever ou critiquer cette excentricité que nous avons pris la plume. Cet incident parlementaire a fait naître en nous d'autres réflexions que nous allons vous soumettre.

Ce qui nous surprend, c'est que, jusqu'à ce jour, il ne se soit pas trouvé à la Chambre des Communes un seul homme d'assez de bon sens et de coeur pour proposer une enquête, afin de savoir si des ministres qui, au nom de leur reine, emploient ses flottes à commettre des actes de piraterie pareils à ceux dont Odessa, Libau et bien d'autres petits ports marchands ont été témoins et victimes, sont *des hommes qu'il convient de mettre en rapport de tous les jours avec Sa Majesté?*

Les goûts du noble contrôleur sont peut-être peu délicats et peu distingués; mais, en fin de compte, ils lui sont personnels. L'honneur de la couronne et du pays n'en est point atteint; tandis que les ministres-boxeurs que nous avons en vue ici mettent comme enjeu, non l'argent de leur poche, mais l'argent et le sang du peuple, pour se donner impunément le plaisir d'assister de loin à la lutte sanglante où ils ont poussé l'Europe. De pareils goûts peuvent satisfaire à merveille leurs passions haineuses et leur mesquine vanité; mais, à coup sûr, ils sont moins inoffensifs et plus onéreux pour le pays que ceux du noble lord.

Au début de la guerre, le ministère anglais a fait de délicieuses pastorales sur la manière toute pleine d'aménité et de justice avec laquelle elle serait conduite: on pouvait se croire en plein âge d'or. Il n'y avait que les loups, et encore les loups éminemment hostiles, que l'on menaçait de châtier durement: les brebis n'avaient rien à craindre et pouvaient se promener et paître tout à l'aise. On se souvient de quelle façon catégorique et avec quelle solennité le ministère anglais a déclaré que le commerce et ses intérêts privés resteraient autant que possible en dehors de la guerre; que les mesures arrêtées par lui et par son auguste ami sauvegarderaient les fortunes privées; enfin, que tous les boulets et toutes les bombes qu'on se verrait obligé (bien à contre-coeur) de lancer, seraient étiquetés et adressés exclusivement au grand coupable, au gouvernement russe, et auraient pour mission unique de foudroyer ses forts, ses arsenaux et autres propriétés. Comment ces belles promesses se sont-elles traduites dans la réalité? Les événements sont

là pour répondre. Les flottes alliées, laissant de côté les ports militaires et fortifiés, se sont bornées, du moins jusqu'aujourd'hui, à attaquer, à brûler et à piller des ports marchands et à capturer des navires chargés de sel, de goudron et d'autres denrées. L'amirauté anglaise est glorieusement occupée, non à enregistrer les beaux faits d'armes et les victoires de ses marins, mais à évaluer les prises faites sur les Russes, et bien plus souvent sur les Anglais eux-mêmes et sur les négociants des puissances neutres; car il est, en effet, incontestable que les pertes subies par le commerce russe, qui, pour son propre compte, s'occupe médiocrement d'exportations, sont de peu d'importance, si on les compare à celles dont souffre déjà le commerce européen. Interpellé à ce sujet par un des membres de la Chambre des Communes (le 29 juin), sir James Graham a répondu avec une impartialité vraiment héroïque: „On a dit qu'une „partie de ces marchandises appartenait à des Anglais. C'est pos„sible." C'est possible! Cet aveu n'est-il pas sublime et ne rappelle-t-il pas dignement le *qu'il mourût* de Corneille? On ne saurait douter que le commerce anglais, dont le désintéressement est connu, applaudira de grand coeur à ce patriotisme.

On conçoit encore qu'à l'aide de subtilités et de paradoxes politiques, le ministère anglais se soit cru en droit et en devoir de secourir la Turquie, dont l'intégrité et l'indépendance lui semblaient menacées par la Russie. Sous ce point de vue, la présence de la flotte anglaise dans le Bosphore s'explique tant bien que mal. Une intervention armée en Turquie pour disputer à nos armées le passage des Balkans, rentre encore dans la catégorie des mesures explicables. Mais dites-nous, au nom de Dieu et du bon sens, par quel abus d'extension géographique le petit port de Libau, par exemple, port situé dans la Baltique, peut-il se trouver enclavé dans les limites de la question orientale? Si l'Angleterre n'avait réellement en vue que la défense de la Turquie, qu'avait-elle besoin d'envoyer sa flotte dans la Baltique, où le Grand Turc, que je sache, n'a rien à voir?

La mer Noire ne lui suffisait-elle pas pour aider son alliée d'une manière efficace? Si l'occupation des principautés danubiennes

par un corps d'armée russe a pu être considérée par elle comme un attentat à l'équilibre européen, comment qualifier la conduite qu'elle tient à son tour? Toute agression—si agression il y a—peut avoir de justes représailles; mais pour que les représailles soient justes, il faut, en tout cas, qu'elles soient proportionnées à l'offense qu'elles sont destinées à venger. Tout ce qui dépasse cette mesure est contraire aux principes de l'équité. On vous a, je suppose, porté des dommages pour la valeur de mille francs, et, à titre d'indemnité, vous en causez à votre adversaire pour des centaines de mille francs. Il ne s'agit plus alors de représailles même quasi-légitimes,—c'est une violation, un acte de brigandage, dont vous vous rendez coupable. La répression alors laisse bien loin derrière elle l'infraction que vous avez cru devoir châtier.

Aussi, quand après les actes de brutalité et de violence commis contre la Russie par la France et l'Angleterre, on voit les journaux parler encore aujourd'hui de *sommation envoyée au Czar d'évacuer les principautés danubiennes*, les gens sensés et de bonne foi ne voient dans cette sommation qu'une mauvaise plaisanterie inventée par les nouvellistes. La raison se refuse à admettre qu'on ait jamais pu adresser à la Russie une proposition aussi incongrue. Il s'agit bien des principautés danubiennes! La Turquie nous a déclaré la guerre et nous la fait avec vigueur. La France et l'Angleterre cernent et attaquent la Russie d'un pôle à l'autre; elles proclament hautement leurs projets d'affaiblissement et de démembrement *du colosse du Nord*. Et c'est dans ce moment qu'on nous proposerait d'évacuer la position militaire que nous avons prise comme point de défense! Mais, puisque nous sommes attaqués, il nous faut bien nous défendre; car on ne se donne même pas la peine de nous promettre, en gage de réciprocité, de cesser les attaques et de retirer les forces qui nous menacent.

Ces projets de démembrement sont évidemment absurdes et ne se réaliseront qu'alors qu'il ne restera plus à la Russie un seul homme pour défendre son territoire. Cependant, le jour où pareils projets ont été publiquement avancés, toute sommation n'est-elle pas

devenue insultante et dérisoire? D'ailleurs, la Russie n'est-elle plus rien dans la balance de l'équilibre européen dont on est si préoccupé aujourd'hui, et son affaiblissement se ferait-il au profit des puissances centrales et secondaires qui bien des fois nous ont appelés à leur aide et on été sauvées par nous? L'occupation des principautés danubiennes qui, de fait et de droit, ne sont pas la Turquie, et dont le commerce n'a pas une grande portée, entrave, nous dit-on, la liberté du commerce européen et de celui de l'Allemagne en particulier. Soit! Mais l'occupation par les flottes alliées de tout le littoral de l'Europe russe pour y empêcher toute relation commerciale, ne doit-elle pas entrer en ligne de compte, et n'affecte-t-elle pas bien davantage les intérêts commerciaux du monde entier? Il faudrait que l'esprit des hommes d'Etat fût saisi d'un singulier vertige pour méconnaître des vérités aussi simples et aussi évidentes.

Après cela, si l'on suppose le lion malade et le moment propice pour lui dicter la loi, encore ne serait-il point honorable de se mettre en avant pour lui donner le coup de pied de la fable. Mais le lion est-il aussi abattu, aussi étroitement traqué qu'on le croit? Il est au moins permis d'en douter. La Russie a été attaquée par surprise. C'est du sein des négociations pacifiques, tramées à la fois par des mains ennemies et par des mains amies, que l'attaque a éclaté. La Russie n'y était point préparée; ce qui réfute d'une manière victorieuse les projets d'ambition et d'envahissement qui lui ont été prêtés. L'immensité de notre pays, dont la population n'est point en rapport direct avec sa vaste étendue, nous rend plus difficile qu'à d'autres tout mouvement de troupes, toute concentration de forces sur un point donné, alors surtout que les points menacés sont nombreux et séparés par de longues distances. Les préparatifs d'une guerre nous causent bien plus de temps et de sacrifices que la guerre elle-même: il nous est plus difficile de la commencer que de la mener à bonne fin. Le colosse a de la peine à se lever et à se mouvoir; mais, une fois redressé et armé de pied en cap, sa marche est irrésistible. C'est pourquoi notre première campagne dans toutes les guerres que nous avons eu à soutenir, n'a amené ordinairement que de faibles résultats. Ce n'étaient point de défaites, ce n'étaient

que des succès forcément incomplets. Nos ennemis pouvaient s'en réjouir et proclamer notre faiblesse, comme on le fait aujourd'hui; mais nous qui savions ce qu'il en était, nous ne nous laissions pas décourager alors que nos premiers bulletins ne nous annonçaient pas toujours d'importantes victoires. Nous ne sommes pas de ceux qui enregistrent et publient *une victoire par jour*. Notre calendrier militaire est plus modeste. Nous nous contentons de pouvoir accepter la guerre et de la continuer quand on nous y provoque. Il nous suffit de tenir aujourd'hui et d'attendre avec confiance le lendemain, et jusqu'ici le lendemain ne nous a point fait défaut. C'est dans ces mêmes conditions que nous avons accepté le défi que l'Europe nous a jeté à l'heure présente. Nous n'avons jamais compté sur des succès brillants et foudroyants à remporter d'emblée au début de la campagne. Tout au contraire, nous avons cru que les premiers pas que nous aurions à faire seraient plus pénibles qu'ils ne l'ont été jusqu'à présent, et que nos premières rencontres avec l'ennemi nous porteraient de plus graves atteintes que celles qu'elles ont produites en effet.

Si les journées de Synope, d'Achaltzik, de Bach-Kadik-Lar et quelques autres sont venues donner un nouvel éclat à nos armes, ce sont de bonnes fortunes que nous devons à la valeur exemplaire de nos braves soldats. Nous les regardons comme de brillants-à-compte; mais les comptes eux-mêmes et la balance du passif et de l'actif doivent se régler plus tard. Nous sommes en fonds pour ne point craindre ce qui en adviendra. Le courage de nos troupes, qui, dans aucune de nos guerres, ne se sont battues avec plus d'ardeur et d'abnégation qu'aujourd'hui; le patriotisme qui, à aucune époque de notre histoire, n'a provoqué dans la nation un élan aussi généreux, aussi soutenu et aussi unanime, sont des garanties suffisantes pour l'avenir.

Pour notre part, nous avouons humblement que nous ne sommes nullement initiés aux secrets de la politique de notre gouvernement, et ne prétendons pas savoir ce qu'il compte faire. Il nous manque le passe-partout des publicistes européens, qui les fait facilement pénétrer dans les cabinets des gouvernements, pour surprendre toutes

les combinaisons du présent et toutes les probabilités de l'avenir. L'esprit sert communément à bien comprendre ce que l'on a appris. En France, au contraire, on paraît disposé à croire que l'esprit peut suffire à juger des choses que l'on ne sait pas. Aussi, y voyons-nous souvent les intelligences les plus hautes se fourvoyer et tomber dans l'absurde, quand elles se lancent dans les régions de la politique extérieure. Nous ne nous hasarderons pas à les suivre dans ces espaces imaginaires, et nous ignorons complétement ce que pourra faire notre gouvernement dans telle ou telle conjoncture. Il est possible que dans l'intérêt de l'Europe dont la paix et l'équilibre viennent d'être si imprudemment et si criminellement compromis par ceux mêmes qui, au mépris de toute pudeur, se posent aujourd'hui en défenseurs de cette paix et de cet équilibre, le gouvernement russe ait de pénibles devoirs à remplir, de douloureux sacrifices à faire. Il en a déjà beaucoup fait. Plus d'une fois, il s'est imposé des barrières à lui-même; il s'est, pour ainsi dire, lié les bras, afin de ménager les susceptibilités des gouvernements alliés, pour leur donner le temps de réfléchir et de prendre le parti le plus convenable, le seul convenable à leurs intérêts, à leur indépendance, à leur dignité. Nos opérations militaires ont dû par conséquent se ressentir de ces généreux égards et de cette longanimité. Puisse la conduite loyale et délicate de l'empereur Nicolas être comprise et appréciée par ceux qui en sont l'objet! Nous le répétons, ce n'est qu'en passant que nous touchons à ces questions diplomatiques; mais ce dont nous avons la conviction instinctive, c'est que les concessions que l'empereur croirait devoir faire ne seront jamais forcées ni enlevées par la violence. Ce dont nous sommes tout aussi profondément convaincus, c'est que ce ne sera jamais, quoi qu'il arrive, le découragément de la nation qui pourrait neutraliser ou contrarier les projets de l'empereur.

Bien loin de là, si la nation pouvait être consultée sur la conduite ultérieure à tenir dans le cours des événements qui se déroulent, elle n'écouterait certainement que son dévouement et son courage. Satisfaction complète sur tous les points en litige, ou guerre à mort, tel serait son dernier mot. L'occupation de quelques villes

maritimes, quelques grandes batailles perdues n'épuiseraient pas son énergie, et, après tout, il n'y a encore rien de tout cela, rien de si désespéré dans notre situation. Le pays n'est nullement entamé: des boulets ont effleuré ses côtes, mais ces blessurês sont de celles qui se cicatrisent aisément. Nous n'avons point perdu une seule grande bataille, et nous en avons gagné plus d'une. Le pays est entraîné dans de fortes dépenses, il a déjà subi de grands sacrifices; c'est vrai! mais on dirait que nos ennemis nous font la guerre avec de l'argent qui leur pleut du ciel. La différence qui existe entre eux et nous, c'est que nous savons pourquoi nous nous battons: nous nous battons parce que nous sommes provoqués et que nous défendons notre honneur et notre territoire indignement attaqués. Quant à nos ennemis, ils nous font la guerre parce qu'il se trouve quelques ministres brouillons et révolutionnaires dans les cabinets de l'Europe, et qu'une force occulte travaille ces gouvernements, les mine et les pousse à leur perte. Notre position peut être dure, mais nous sommes dans le vrai; nos adversaires sont dans le faux.

Certes, de suprêmes et saintes douleurs ont déjà frappé plus d'un coeur en Russie, dans les rangs de ces officiers, de ces chefs, de ces soldats qui rivalisent de courage et d'ardeur, se portent partout en avant, s'exposent, à l'envi les uns des autres, au feu le plus meurtrier. Bien des nobles victimes ont dû être vouées à la mort. Nous déplorons la perte de ces braves dont le sang a été répandu; mais notre admiration, notre pieuse reconnaissance pour ce sublime dévouement ôte à la douleur tout ce qu'elle pourrait avoir d'amer. Ce sang, si généreusement versé, cimente d'une nouvelle puissance la foi et l'amour qui nous rattachent à notre mère commune. La Russie se fortifie, s'ennoblit, se sanctifie dans se sang. Nous sommes fiers des soi-disants échecs que nous attribuent nos adversaires; et, si nous avions à choisir, nous préférerions encore les glorieuses blessures du prince Paskévitch aux succès et à la santé florissante des invulnérables vainqueurs d'Odessa et de Libau.

LETTRE XX.

Juillet.

La presse politique, en France, a vu paraître une nouvelle spécialité pour la confection des articles d'Orient. Longtemps cette branche d'industrie littéraire a appartenu exclusivement à M. Saint-Marc Girardin. Bien que nous éprouvions une haute estime pour l'esprit bien né, fin et lucide de cet écrivain distingué, nous n'hésitons pas à mettre ses leçons de littérature bien au-dessus de ses leçons de politique, le professeur au-dessus du publiciste. Et c'est tout naturel. L'un est maître de son terrain et de son sujet qu'il a étudiés à fond et qui conviennent à la nature et aux tendances de son esprit; l'autre est poussé dans la politique par l'erreur de son temps et de son pays. De nos jours, tout homme d'esprit qui, en France, est habitué à manier une plume, se croit appelé à régenter les gouvernements et à régénérer les peuples. M. Thiers, par exemple, au lieu de se borner à être un des premiers écrivains de son pays, a voulu être et a été premier ministre. Vous savez, du reste, ce qui est arrivé de M. Thiers et du pays. Ce qui constitue le mérite de M. Saint-Marc Girardin en littérature, c'est qu'il y porte un esprit indépendant et que, tout en restant Français et plus Français que les adeptes de la nouvelle école littéraire, il ne s'assujettit pas à ce qu'on est convenu d'appeler les idées françaises. En politique, au contraire, il juge de tout et de tous au point de vue exclusif de ces idées. Nous avons été témoin de tout ce qu'elles ont produit en France depuis 89. Il n'y a que les Français qui ne

le voient pas. Et aujourd'hui encore, après tant de mécomptes, après tant de chutes subies par la société, en vertu et sous la pression de ces idées, s'agit-il, par hasard, de régénérer l'Orient: Rien de plus facile, vous diront ces publicistes français et M. Saint-Marc Girardin à leur tête,—il n'y a qu'à y transplanter les idées françaises, et vous nous en donnerez des nouvelles.

Le nouveau venu dans la presse politique orientale, M. Eugène Forcade, a, plus encore que les autres, bridé son indépendance. Il se place au point de vue des idées officielles françaises, et croit, dans cette position, pouvoir faire l'*histoire de causes de la guerre d'Orient.* Il a la candeur d'ajouter une foi explicite aux contes bleus du *Moniteur* français et au livre bleu du parlement anglais. Il effeuille et épluche les documents officiels donnés par les deux gouvernements, ou plutôt ceux qu'ils ont eu intérêt à rendre tels, et sur ces documents falsifiés pour le débit public, il base l'analyse et l'appréciation des événements. Porte-t-il son attention sur les documents russes, il y voit au fond un sens caché, des arrière-pensées, et toujours le contraire de ce que ces documents semblent dire. Quant aux pièces officielles françaises et anglaises, elles sont pour lui d'une limpidité où l'œil plonge et voit clair comme en plein midi.

Le nouveau travail publié dans la *Revue des Deux-Mondes*, sous le titre: l'*Autriche et la politique du cabinet de Vienne dans la question d'Orient*, est rédigé évidemment sous l'inspiration et la dictée de la légation française à Vienne. Cette légation qui exerce sur une partie de la presse autrichienne et allemande une influence dont il est facile d'évaluer approximativement le prix, ne devait pas manquer, comme on le devine aisément, d'avoir aussi ses échos en France. Cette fois, sans beaucoup d'efforts et sans aucun frais, l'écho était tout trouvé. L'esprit candide et gouvernemental de l'écrivain qui venait de faire ses premières preuves dans une rédaction élégante et facile, a été choise pour la glorification de M. Drouyn de Lhuys et M. de Bourqueney, dont les noms, ainsi qu'il est dit dans la *Revue des Deux-Mondes, demeureront attachés au souvenir d'un succès qui fait trop d'honneur à notre diplomatie et sert trop*

nos intérêts, pour que la France n'en soit point fière et reconnaissante.

Quant à ce qui nous concerne, nous l'avons dit plus d'une fois, nous ne tenons pas à la diplomatie; nous sommes retiré des affaires et même, depuis des années, éloigné de la Russie. Aussi n'avons-nous à profiter des inspirations et des indiscrétions de personne au monde. Dans cet état d'isolement, nous ne nous sentons nullement autorisé à juger de la conduite politique de l'Autriche dans la question d'Orient. Le dessous des cartes nous étant inconnu, l'éloge et le blâme nous sont également interdits. Ce n'est que le travail de M. Eugène Forcade qui fera le sujet de notre analyse. Nous sommes tout porté à croire, d'après le tableau tracé par l'auteur, que le rôle de l'Autriche n'a pas été celui que lui prêtent les illusions de la diplomatie française. Comme apologie du gouvernement autrichien, cette appréciation est une maladresse. M. Forcade refuse à l'Autriche toute indépendance, ou, pour mieux dire, la fait consister à se placer sous la tutelle de l'Angleterre et de la France. Selon l'auteur, elle ne saurait rester neutre et doit infailliblement, en cas de collision, se mettre à la remorque de la Russie ou des puissances maritimes. Singulier rôle à assigner à une nation dont on reconnaît la grandeur! En lisant le travail que nous avons sous le yeux, on croirait que l'Autriche n'a jamais su spontanément et de plein gré adopter une décision, et que, se trouvant en face de deux routes, elle hésite, tergiverse et louvoie jusqu'à ce que le coup de vent de la nécessité lui fasse prendre une direction. L'auteur semble professer une haute estime et une grande admiration pour l'intelligence et la conduite politique du prince de Metternich; — et cependant, quel est le rôle qu'il lui fait jouer dans la *lutte diplomatique que, depuis 1821 jusqu'en 1829, M. de Metternich soutint seul contre la Russie? (Revue des Deux-Mondes,* 1er juin 1854.) „Après une „lutte opiniâtre de neuf années, M. de Metternich n'ayant réussi „qu'à attirer sur sa tête le ressentiment d'un voisin redoutable „(l'Empereur de Russie), finit par céder au plus fort et à la né„cessité!... Il fut obligé, est-il dit plus loin, de revenir à la Russie, „comme un défectionnaire repentant et humilié". Nous croyons à

notre tour que c'est un triste compliment à faire à un homme d'Etat, qui était tout-puissant dans son pays et exerçait une grande influence en Europe, que d'avouer qu'il a échoué dans ses projets, après les avoir nourris et défendus pendant neuf années! Cela prouverait nécessairement ou que ces projets ne valaient rien, ou que celui, qui tenait à les mettre en exécution, n'avait ni les capacités ni le courage moral nécessaires pour les faire triompher. En tout cas, un homme d'Etat d'un esprit supérieur et d'un cœur ferme— et ce sont ces deux qualités réunies qui constituent l'homme d'Etat — lorsqu'il se voit dépassé ou dérouté par les événements, ne cède pas, comme un défectionnaire, au plus fort et à la nécessité... Il se retire et laisse la direction des affaires à des mains plus heureuses ou plus habiles que les siennes. L'exemple donné récemment par lord Aberdeen, qui, après avoir été opiniâtrément premier ministre de la paix, reste, dans la même question, premier ministre de la guerre, ne relève pas précisément le rôle que M. Forcade prête au prince de Metternich.

Quand on songe que ce travail est destiné à être un plaidoyer en faveur de l'Autriche, il est assez curieux et assez important de tenir compte de toutes les indiscrétions de l'auteur; — indiscrétions et naïvetés auxquelles il était nécessairement condamné, car, tout en faisant l'apologie de l'Autriche, il ne devait pas négliger d'exalter tout ce qui pouvait être une flatterie à la vanité de la diplomatie française. Nous allons appeler l'attention du lecteur sur quelques citations prises de l'écrit de M. Forcade.

„La formation de la conférence de Vienne avait pour effet „naturel de soustraire progressivement l'Autriche à l'ascendant ex„clusif de l'alliance russe". Ce qui signifie, en d'autres termes, que son effet naturel était de la soumettre progressivement à l'alliance anglo-française, c'est-à-dire encore, de déclarer hautement que l'Autriche n'est pas une puissance indépendante, mais doit infailliblement subir une pression, soit d'un côté, soit de l'autre.... Plus loin nous lisons: „M. de Nesselrode répondit à M. de Buol que la Russie „était prête à traiter. Quoiqu'il fût autorisé par M. de Nesselrode

„à faire part directement à la Porte de ces dispositions, M. de „Buol s'empressa de les transmettre à la conférence, afin de lui „rendre la vie et de conserver le lien collectif". (N'oubliez pas que, selon l'auteur, cette conférence avait pour but et pour effet de surprendre la conscience de l'Autriche et de la soustraire à son alliance naturelle et légitime.) „Muni de cette base, il entre dans „les idées de M. Drouyn de Lhuys, qui a presque toujours eu l'heu„reux et rare mérite, dans le cours de ses négociations, de devancer „les événements". Ce que, encore une fois, nous traduirons ainsi: *devancer les événements*, c'est-à-dire être un vrai boute-feu, avoir capté et subjugué l'intelligence de M. de Buol, et, par lui, l'indépendance de l'Autriche de plus en plus enlacée dans les réseaux qu'on lui avait tendus. Continuons à citer: „La Turquie avait dé„claré la guerre à la fin de septembre; les flottes combinées avaient „reçu l'ordre d'aller au Bosphore au commencement d'octobre, et „d'entrer dans la mer Noire à la fin de décembre, après l'affaire „de Sinope. De quel œil l'Autriche avait-elle vu ces actes de vigueur? „Nous croyons pouvoir affirmer (on sent bien que le *nous* veut dire „M. de Bourqueney et M. Forcade) qu'au lieu d'en être effarouchée, „l'Autriche n'en fut que plus raffermie dans son union diplomatique „avec les puissances maritimes, et qu'au lieu de se plaindre de „notre attitude de plus en plus décidée, *au fond du cœur*, elle „s'en félicite."

Nous laissons à tout Autrichien, honnête homme, le soin d'apprécier cette *affirmation* de M. de Bourqueney et de son confident, et de la concilier avec les *sentiments personnels* que l'auteur attribue à l'empereur d'Autriche, „élevé, dès l'enfance, dans le respect de l'em„pereur Nicolas, habitué à le regarder comme la personnification „de l'ordre et de la conservation en Europe, et *croyant* lui devoir „l'affermissement de la couronne sur sa tête." Et la *croyance*, ici, pourrait bien être prise pour de la conviction, car l'empereur d'Autriche ne pouvait méconnaître et n'aurait pas dû oublier le service que lui a rendu l'empereur Nicolas.

D'ailleurs, l'auteur qualifie lui-même la neutralité de l'Autriche, de *neutralité partiale en faveur des puissances occidentales.* Et, pour

ne pas avoir l'air de risquer au hasard une semblable épithète, il ajoute: „A chaque pas en avant des puissances maritimes dans l'ac- „tion" (des *puissances maritimes*, entendez-le bien, et non à chaque pas en avant de la Russie, ce qui aurait pu jusqu'à un certain point justifier la conduite de l'Autriche) „répondit un pas en avant de l'Autriche dans la négociation".

L'Autriche aussi, comme M. Drouyn de Lhuys, cherchait à *devancer les événements.*

On ne sait, en vérité, si l'auteur a pris à tâche de dresser un acte d'accusation contre le cabinet de Vienne, ou bien si, aveuglé par la prévention, il n'est plus en état de discerner la loyauté de la déloyauté, une conduite honnête et franche d'une conduite pusillanime et perfide. On est toujours tenté, en le lisant, de lui adresser la question qu'il prête à la reine de Grèce dans une conversation avec le ministe d'Autriche: „Est-on encore chrétien à Vienne." (*Revue des Deux Mondes*, 15 juillet 1854).

Ce qui est certain, c'est qu'il fait jouer à l'Autriche un rôle diamétralement opposé à celui que lui prescrivaient les devoirs d'alliée loyale de la Russie, et qui eût été de l'appuyer moralement, au moins, contre les agressions ou les *pas en avant* des puissances occidentales, au lieu de l'amuser et de la tromper par des négociations que nous ne saurions mieux définir qu'en citant encore M. Forcade lui-même. „L'Autriche, il est vrait, n'a pas tiré le premier „coup de canon; mais l'on conviendra que notre déclaration de guerre „à la Russie a été *bourrée par une suggestion autrichienne*" (page 875).

La diplomatie française, fille de la révolution qui bouleverse périodiquement de fond en comble le gouvernement en France, fait naturellement bon marché des traditions nationales, des traditions légitimes et des principes qui doivent servir de bases à la politique d'un pays. C'est donc avec un dédain superbe qu'elle parle de *l'alliance russe*, qui était naturellement un *des pivots de l'ordre d'idées*

en Autriche au commencement de 1853. „Ni dans la société de „Vienne, dit le confident de la diplomatie française, ni dans la „haute aristocratie militaire (l'aveu est bon à enregistrer), ni dans „le gouvernement, il n'y avait d'apparence qu'un autre mouvement „d'esprit pût de longtemps se produire. L'alliance russe était quelque „chose de sacré comme une religion, de fixe comme une convenance, „de populaire comme une mode."

Toutes ces considérations sont, aux yeux de la diplomatie française, une vieillerie dont il faut faire table rase: qu'importe le caractère *sacré* et *populaire* de cet ordre d'idées?

Le baptême révolutionnaire de 1848 a régénéré la maison de Habsbourg et a lavé la tache du péché originel dont elle était souillée. Toutes les calamités qui ont fondu sur le pays à la suite de ce baptême et l'auraient mis à deux doigts de sa perte sans l'intervention de ce *méchant allié* qui l'a sauvé, sont aux yeux de l'auteur „suffisamment rachetées par l'introduction d'un avocat et „d'un professeur dans les conseils de l'empire, signe et présage du „rajeunissement de la vieille politique autrichienne."

Voilà le mot de l'énigme tout trouvé. Nous remercions l'auteur de nous l'avoir fait toucher du doigt. Ces débris des barricades qui ont survécu à la révolution et se sont sinterposés dans les rouages du gouvernement, ce sont précisément eux qui l'ont fait dérailler et le précipitent dans une voie funeste. Kossuth, il est vrai, est abattu; mais quelques-uns de ces complices dans l'oeuvre de la révolution sont restés au pouvoir. La cause n'est pas définitivement perdue. 1854 est appelé à venger 1848 des défaites de 1849.

L'auteur, cet enfant terrible, veut bien nous mettre sur la voie d'une autre vérité. S'il ne parvient pas précisément à nous convaincre de la nécessité et de l'avantage pour l'Autriche de se mettre à la disposition de l'alliance anglo-française, il nous explique du moins à merveille la nécessité absolue où se trouve cette alliance d'avoir l'Autriche pour elle. Cette explication se révèle dès le début de l'article en question.

„L'Autriche et l'Allemagne avec elle feront-elles cause commune „avec la France et l'Angleterre contre la Russie? Le noeud de la „crise orientale est là; c'est la question qui a pesé depuis plusieurs „mois sur les anxiétés et les espérances du public européen. (Li- „sons: des gouvernements français et anglais). La réponse que l'é- „vénement apportera bientôt à cette question doit déterminer le but, „les proportions, le caractère et l'efficacité de la guerre active com- „mencée aujourd'hui par les puissances maritimes."

L'aveu est naïf et fort édifiant. La déduction logique que l'on doit en tirer est infailliblement celle-ci: Si l'Autriche et l'Allemagne, à sa suite, ne marchaient pas contre la Russie, le gouvernement français, pour ne parler que de lui et de son ministre qui *devance les événements*,—se serait lancé à l'aventure et bien imprudemment dans une guerre dont la France, n'ayant que l'Angleterre pour alliée, ne saurait déterminer ni *le but*, ni *les proportions*, ni *le caractère*, ni même *l'efficacité*.

La pensée secrète des gouvernements français et anglais se trahit dans cet aveu. Au reste, cette pensée secrète est le secret de la comédie. Si elle n'avait pas échappé à l'indiscrétion de la diplomatie, les faits par eux-mêmes l'auraient hautement proclamée.

N'en déplaise à lord Clarendon, qui, en dépit des critiques de l'opposition, se trouve très-satisfait des résultats déjà obtenus par la guerre commencée depuis le mois de mars, il est certain que l'Angleterre, l'Europe et la Russie elle-même s'attendaient à des résultats plus importants. On ne saurait nier que les forces colossales dirigées contre nous ont été jusqu'à présent paralysées par l'inactivité de l'Allemagne. „Comment porter à la Russie des coups „décisifs, demande très-judicieusement M. Forcade, qui la contrai- „gnent à demander la paix, si les puissances qui bordent les fron- „tières russes, au lieu de lui présenter leurs baïonnettes, lui font „un rempart de leurs corps?"

Nous ne savons pas si ces baïonnettes mêmes, tournées contre nous, réussiraient à contraindre notre gouvernement à demander la

paix; mais nous n'en sommes pas moins flattés de voir un adversaire obligé de reconnaître que ce n'est qu'une coalition générale de l'Europe contre la Russie, qui pourrait venir à bout de son courage et de son énergie.

Il demeure évident que depuis le début de la guerre, c'est-à-dire depuis le mois de mars, rien de sérieux n'a été entrepris contre la Russie, rien qui pût répondre aux forces employées contre elle par des puissances qui s'abusent, il est vrai, sur leur grandeur, mais qui ne laissent pas d'être des puissances formidables. Sur mer, nous avons vu des actes de piraterie; sur terre, nous avons entendu parler d'ovations faites en Turquie à M. le maréchal et à *madame* la maréchale Saint-Arnaud et à d'autres sommités de l'alliance anglo-française. Je crois même que la romance de la reine Hortense, pour ne pas parler du chant national anglais, a été solennellement adoptée par la musique de Sa Hautesse le Sultan. C'est bien quelque chose, c'est peut-être même beaucoup; mais enfin cela ne porte pas encore à la Russie les coups décisifs que réclame à grands cris M. Forcade.

Quand le ministère anglais vient dire au parlement que la marine n'est point faite pour attaquer des murs de granit et que si les flottes n'ont encore rien fait, il faut s'en prendre au mauvais vouloir de l'ennemi qui, au lieu de rester dans ses positions fortifiées, aurait dû venir faire à ses adversaires les honneurs de la mer, on sait bien que c'est une mauvaise plaisanterie à l'adresse du bon et crédule John Bull, si l'on ne préfère que ce soit un aveu d'impuissance.

Non contents de réclamer à votre secours l'Europe entière, vous voulez encore que la Russie fasse la moitié de votre besogne! C'est par trop exigeant. Puisque vous avez voulu la guerre, faites-là sérieusement, et ne rejetez pas sur votre ennemi une accusation de timidité qui ne retombe que sur vous. Si l'ennemi ne vient pas vers vous, allez le chercher. S'il ne vous attaque pas, attaquez-le, vous qui êtes impatients de le foudroyer. Nous, qui n'avons pas

voulu la guerre, nous devons naturellement ne pas nous presser de nous mesurer avec un ennemi qui a la force numérique pour lui. Les premières notions de prudence et de tactique militaire nous prescrivent d'attendre et de ne pas tenter un coup hasardé.

Si quelqu'un pouvait encore douter de l'origine officielle de l'écrit de M. Forcade, nous n'aurions qu'à signaler un petit tableau de genre intercalé dans ce travail diplomatique. C'est un hors-d'oeuvre, si l'on veut; mais la main du maître s'y dessine entièrement. Comme dans ces tableaux d'école où quelques coups de pinceau d'un grand peintre viennent caractériser et relever l'oeuvre de l'élève, ainsi, les pages 861—862 (*Revue des Deux Mondes*) trahissent l'atelier ou le cabinet qui les vit naître.

Jamais, sous la plume d'un journaliste de Paris n'auraient pu s'accumuler tous ces détails intimes de cour et de famille qui égaient l'aridité du factum diplomatique. Une haute position, et une position spéciale, a pu être seule à même de surprendre ces secrets et de les livrer indiscrètement à la curiosité du public. Par motif de haute convenance, nous ne pouvons en dire davantage.

Nous nous bornerons à signaler cette idylle fraîche et suave que l'on est tout heureux de rencontrer en passant. On ne saurait trop féliciter M. le baron de Bourqueney sur le talent qu'il a révélé dans cet essai qu'il appelle *une éclaircie de la question d'Orient;* car il est impossible de ne pas reconnaître que cette *éclaircie* est de lui. Si M. Saint-Marc Girardin a trouvé un compétiteur dans M. Forcade, Berquin et Florian, de pastorale mémoire, viennent de trouver un rival heureux dans l'illustre diplomate.

Avant d'en finir avec l'écrit publié par la *Revue des Deux-Mondes*, nous ne devons pas passer sous silence une erreur et une maladresse qui s'y trouvent. L'auteur cite quelques fragments de lettres écrites de Russie et les attribue *à un homme éminent placé au coeur du gouvernement*, afin qu'à la faveur de la position qu'il assigne à leur auteur, il puisse trouver dans ces lettres *la révélation*

de l'ordre d'idées où s'inspire la politique aujourd'hui dominante à Saint-Pétersbourg. Nous connaissons ces lettres et connaissons intimement celui qui les a écrites. Si M. Forcade atteste l'éminence de l'esprit et du talent de l'auteur, il a parfaitement raison; mais s'il sous-entend que l'auteur occupe une position politique *éminente* en Russie, il a parfaitement tort. Le personnage en question n'est nullement *placé au coeur du gouvernement.* Au contraire, sa position officielle, en Russie, est moins que secondaire. D'une ambition fort modeste, peu porté par ses goûts à une existence active, il se tient à l'écart du mouvement gouvernemental. Nous avons cru devoir relever l'erreur de la *Revue des Deux-Mondes,* pour dégager l'expression d'une opinion absolument indépendante, et tout individuelle, du cachet ministériel qu'on a cherché à lui apposer.

Quant à la maladresse, la voici: Si M. Forcade (chose que nous ne voulons pas admettre) à été fidèlement l'interprète de la conduite tenue par l'Autriche durant la crise orientale, les lettres qu'il cite seraient autant d'armes contre lui et contre le gouvernement dont il se fait l'apologiste. Dans ce cas-là, tout ce qu'il qualifie de *violences et de fanfaronnades effusions naturelles de l'irritation que doit éprouver la Russie dans l'impasse où elle s'est fourrée,* toutes les accusations dirigées par l'écrivain russe contre la politique allemande, ne seraient que trop justifiées par les faits. Dans la fascination diplomatique et toute française où se trouve l'apologiste ou plutôt l'accusateur de l'Autriche, il ne se doute pas de la vraie portée et de l'effet immédiat, irrésistible, des arguments qu'il invoque si imprudemment. Ces arguments livrés à la publicité ne peuvent manquer de réveiller une réaction dans l'esprit de tous les Allemands de bonne foi qui aurait pu jusque-là apprécier la question en litige au point de vue français et anglais.

Le publiciste parisien ne laisse pas échapper l'occasion de répéter, avec l'aplomb des banalités erronées, qu'il y a à Saint-Pétersbourg un parti allemand et un parti russe proprement dit. Il ajoute que l'auteur de ces lettres est un des membres les plus ardents de ce dernier parti, de celui qui triomphe complétement au-

jourd'hui. Il oublie que dans ces lettrss mêmes, toutes privées et toutes confidentielles, l'auteur fait l'aveu suivant: „Quant à moi „qui, par nature, suis condamné à l'impartialité, ce n'est certes pas „au point de vue de l'animosité nationale que je trouve la politique „allemande misérable." Et quiconque a connu l'auteur soit en Russie, soit en Allemangne, soit en France, ne peut pas se méprendre sur la valeur de cet aveu qui n'est nullement un artifice de langage, mais l'expression pure et simple de la vérité. Quant à la présence d'un certain nombre d'Allemands en Russie, les uns indigènes, les autres implantés, elle est incontestable. Que dans les temps calmes et ordinaires, que dans les transactions de la vie privée, la communauté de religion, de langage, de moeurs, puisse établir quelques nuances qui distinguent les Allemands de la masse nationale et primitive, c'est tout naturel. Voudrait-on même affirmer que dans des questions municipales, de priviléges spéciaux et de localité, d'intérêts de clocher, quelques légers dissentiments, quelques tiraillements se font quelquefois sentir, nous ne dirons pas non. Mais dans toutes les grandes questions de dignité nationale, toutes les fois qu'il s'agit de l'Etat et non de telle ou telle province, toutes les nuances s'effacent ou plutôt se confondent et s'unissent dans une expression commune à tous. Il n'y a plus alors de camp allemand ou de camp russe; il n'existe plus qu'un seul camp et une seule bannière: l'année 1854 en fait foi, aussi bien que l'année 1812. Il peut évidemment se trouver en Russie, comme partout ailleurs, des hommes plus ou moins portés pour la guerre ou pour la paix; mais la divergence d'opinions, qui ne devient pas le mot d'ordre d'un parti, n'est pas un indice de factions opposées, et peut également se retrouver parmi les Russes et parmi les Allemands. Cette qualification de boyards russes qu'emploie constamment la presse étrangère, est un anachronisme au moins aussi ridicule que celui que nous pourrions commettre si, pour apprécier l'état des esprits en France, nous y voyions encore des Bourguignons et des Armagnacs. Nous avons d'autant moins de raison de nous défier du dévouement et de l'affection qui rattachent à la Russie les Allemands et les autres races extra-nationales, que nous trouvons à leurs sympathies une cause toute pratique et toute rationelle. Loin de suivre l'exemple des autres gouvernements, le

nôtre a toujours eu pour principe de favoriser, autant que le permettait l'intérêt général de l'Etat, les nationalités incorporées à la mère patrie. Sous plus d'un rapport, ce n'étaient pas les vainqueurs, mais les vaincus, qui étaient privilégiés. Les provinces baltiques, la Finlande, les provinces asiatiques jouissent d'immunités, de franchises commerciales et municipales qui ne sont pas également réparties entre elles et la Russie proprement dite. Il a fallu toute la folie des Polonais pour détruire, de leurs propres mains, tous les avantages qui leur avaient été octroyés par le gouvernement russe. Tout Allemand faisant partie de la Russie, tout Finlandais de bon sens, seront toujours fiers et heureux de tenir à un grand empire qui les associe à sa puissance. Ce ne sont pas ceux-là qui rêveraient de former un petit Etat indépendant et pauvre, ou qui brigueraient l'honneur d'appartenir à des Etats de second ordre, ou à des Etats formés d'agglomérations hétérogènes et qui ont deux poids et deux mesures pour les vainqueurs et pour les vaincus.

LETTRE XXI.

Juillet.

On est encore à se demander si l'*Empereur de la Paix*, une fois qu'il se mettra à la tête de ses armées, gagnera plus ou moins de batailles que n'en a gagnées l'Empereur de la Guerre. Mais ce qui est certain, dès aujourd'hui, c'est que le premier Napoléon s'entendait mieux que le troisième à faire des proclamations à des soldats. La chose nous semble tout naturelle. L'éloquence du premier s'inspirait du sanglant spectacle des champs de bataille. Tandis qu'il mettait le feu à l'Europe, il ne se tenait point à l'écart, ne se dorlotait pas, ne soignait pas sa petite santé aux bains de Biarritz, loin du théâtre de la guerre et loin de la capitale où l'épidémie exerçait ses ravages. Il payait alors de sa personne, bivouaquait avec ses soldats et partageait en famille avec eux toutes les fatigues et tous les dangers de la guerre. Aussi, quand il les appelait: *mes enfants*, cette paternité se concevait, le baptême du feu l'avait consacrée. Il n'avait pas à leur dire, comme vient de faire celui-ci: „*Soldats, à revoir!* comme qui dirait: Soldats! à tantôt! une fois la besogne finie, vous viendrez m'en donner des nouvelles". Non! quand ses enfants se battaient, ils le savaient à leur tête. Les plaines de Marengo et tant d'autres plaines n'ont rien de commun avec celle de Satory, où l'on n'a entendu que l'explosion des bouchons et répandu que force vin de Champagne.

Il y avait bien d'outrecuidantes vanteries dans les proclamations du premier; mais ses vanteries, à lui, sentaient la poudre à canon et non la médecine. Celui-ci, à défaut de combats glorieux, en est réduit à féliciter ses soldats d'avoir su si bien mériter de la patrie en résistant aux attaques du choléra. Pareils éloges auraient mieux été adressés aux officiers de santé qu'aux soldats. Le premier se serait bien gardé de complimenter ses braves de *n'avoir pas encore combattu*, car il lui aurait suffi, pour leur en fournir le temps et l'occasion, de les mener à l'ennemi, au lieu d'attendre que celui-ci vînt les trouver. Les vieux grognards eussent été blessés d'un pareil compliment, et ce n'est pas à eux qu'on aurait pu dire que *leur seule présence avait suffi pour contraindre l'ennemi à repasser le Danube;* comme si les soldats ne savaient pas, de reste, que leur présence n'avait pas le moins du monde empêché l'ennemi de faire le siége de Silistrie, et que s'il y a renoncé, les Français et les Anglais n'y sont pour rien. Ce n'est pas le premier Napoléon qui aurait dit, non plus: *les vaisseaux russes restent honteusement dans leurs ports.* Je ne veux pas prétendre qu'il fût envers l'ennemi d'une bien grande courtoisie; mais il était trop homme de guerre et trop homme de tact pour avancer de pareilles absurdités. Il savait fort bien que l'ennemi agit sagement quand il se retranche dans une bonne position, et que, s'il y avait de la honte à y demeurer, il y en aurait tout autant, si ce n'est plus, de ne pas l'en déloger quand on a intérêt à le faire.

Dans la première proclamation adressée aux soldats du corps expéditionnaire de la Baltique, la gaucherie politique saute aux yeux aussi bien que la gaucherie militaire. En parlant de l'approbation que donne l'Europe à la conduite du gouvernement français, on fait aussi mention des *vœux secrets* qu'elle forme pour le succès des armes françaises. C'est là une maladresse de la part de celui qui le dit et une injure pour ceux à qui on semble faire allusion, c'est-à-dire aux puissances que l'on n'est pas encore parvenu à entraîner dans une attaque directe contre la Russie. L'orateur oublie qu'un gouvernement loyal et indépendant n'a pas de *vœux secrets* à faire. Il doit hautement les proclamer et agir en conséquence. De sem-

blables *discrétions* ne sont dignes que des pouvoirs usurpateurs. Dans la même proclamation, on finit par évoquer les souvenirs de la bataille de la Moskowa. Nous en acceptons l'augure. Nous aussi, nous évoquons le souvenir de ce grand jour. La bataille de Borodino, que les Français, on ne sait trop pourquoi, ont baptisée à leur manière, n'a nullement été pour nous une bataille perdue, même sous le rapport militaire. Elle a été une lutte acharnée, gigantesque, où les deux partis ont gardé leur position respective. C'est la nuit qui mit fin au combat. — Il y a mieux: considérée sous d'autres rapports, l'affaire de Borodino, par ses conséquences, a été pour nous une bataille politiquement et moralement gagnée. La reddition de Moscou n'a pas le moins du monde été une suite inévitable et immédiate de la bataille; car, si nos troupes étaient fatiguées et affaiblies par les pertes qu'elles avaient essuyées, l'ennemi aussi avait grand besoin de prendre du repos pour se refaire. La reddition de Moscou fut un piége héroïque tendu à l'ambition de Napoléon et à la vanité française. Son occupation par l'ennemi a déterminé le caractère de popularité que la guerre n'a pas tardé à prendre. De ce moment date le premier échec subi par la puissance de Napoléon. C'est du Kremlin qu'il a fait son premier pas rétrograde dans sa carrière de conquêtes et de domination universelle. Le bulletin de son entrée à Moscou est devenu la préface de son acte d'abdication à Fontainebleau. S'il n'était pas entré à Moscou, s'il n'y avait pas fait un aussi long séjour, il eût été bien des années encore maître de la France, serait mort aux Tuileries, et aurait, non en fiction, mais en réalité, légué à son fils le trône et l'empire.

„L'occident de l'Europe marche sur Moscou; mais, hélas, un „hiver a tout changé!! L'Europe napoléonienne ne peut plus exister!!" C'est Napoléon III qui le dit dans ses *Idées napoléoniennes.*

Nous ne relèverons pas la naïveté de l'auteur, qui est commune à la majorité des Français et qui les porte à rejeter sur l'hiver tout l'insuccès de la campagne de Russie (comme si l'hiver de l'année de 1812 avait été un accident fortuit, impossible à prévoir); mais nous aimons à nous appuyer de son autorité pour constater,

avec lui, que c'est de Moscou que date *l'impossibilité d'une Europe napoléonienne*. Si, plus tard, le prophète a lui-même fait mentir sa prophétie, c'est tant mieux ou tant pis pour lui: ce n'est pas là notre affaire. Mais, en tout cas, il est permis d'admettre que la Russie est peut-être appelée par la Providence à démontrer encore une fois deux choses identiques: aux idées napoléoniennes, que la Russie est le terrain où elles échouent; à l'Europe, qu'elle ne peut ni ne doit être napoléonienne. La Russie est un pays tellement bizarre, que l'étranger, sans prévoir ni où, ni quand, risque toujours de se heurter contre un hiver quelconque.

LETTRE XXII.

Septembre.

Monseigneur, plus d'homélie! Comment à la cour du deux Décembre, où plus d'un Gil-Blas a sa place officielle, ne s'en trouve-t-il pas un seul qui ait le courage de dire: Votre Majesté, plus de proclamation! Jamais, nous l'avons fait voir, nous ne nous sommes laissé éblouir par l'éloquence militaire du héros de Strasbourg et de Boulogne. Pourtant, nous avouons que la dernière proclamation à l'armée du Nord (2 septembre 1854) est bien au-dessus de toutes nos appréciations antérieures et de nos espérances, en fait de ridicule, bien entendu. Cependant, l'*Empereur de la Paix* était là sur son terrain. „Malbrough s'en allait en guerre!" tout pacifiquement. Il n'y avait là ni coups de fusil, ni mitraille à craindre. Son beau page ne courait aucun danger de venir dire à sa belle et jeune épouse:

«Otez vos habits roses,
«Vous beaux yeux vont pleurer!»

La santé et la vie de Malbrough étaient hors d'atteinte. Il s'agissait, tout simplement, d'une représentation théâtrale qui devait avoir, tout comme jadis, pour spectateurs *un parterre de rois*. Les seuls Cosaques qu'on s'exposait à y rencontrer étaient ceux de la Gaîté, déjà de bonnes et anciennes connaissances de Sa Majesté. Les soldats français sont d'humeur impatiente et goguenarde. Figurez-vous les bâillements furtifs et les rires étouffés, quand ils écoutaient cette

harangue scolastique que leur tenait un autre Denys, devenu maître d'école dans ses moments de loisir. Comme il devait être flatteur et instructif pour ces braves d'apprendre de la bouche impériale de Sa Majesté „qu'une armée nombreuse est obligée de se diviser pour „vivre et que la leur occupe un *triangle* dont St-Omer est le som- „met et dont la base s'étend d'Ambleteuse à Montreuil, et que ce „triangle, qui plus est, a huit lieues de base sur douze de hau- „teur!!!" Que l'on doit être heureux et fier de savoir tout cela!— Quant à la division obligée de l'armée, nous avons jusqu'à ce jour cru naïvement, avec *l'autre*, qu'une armée devait au contraire et le plus possible se concentrer sur un point pour mieux vaincre l'ennemi. D'après *l'autre*, aussi, *Dieu était pour les gros bataillons*. Mais il est vrai aussi que pour *l'autre*, il s'agissait toujours d'une armée sérieuse, tandis que pour celui-ci, il s'agissait d'une armée pour s'amuser, qui avant tout doit vivre et laisser vivre les autres. Aussi, comme l'observe judicieusement et avec pleine confiance l'illustre capitaine de la paix, cette armée déployée sur son *victorieux triangle* n'a pas de défaite à craindre: „Soldats! dit-il, les chefs expéri- „mentés que j'ai placés à votre tête et le dévouement qui vous „anime *me rendront facile* le commandement de l'armée du Nord". Pour notre part, nous n'en doutons pas. Ce commandement, on a tout lieu de s'y attendre, n'offrira aucune difficulté, et l'armée du Nord peut, sur son triangle *vivre* et dormir en toute sécurité.

Cette représentation à grand spectacle, avec son prologue triangulaire, est devenue un excellent à-propos de circonstance après la glorieuse victoire de Bomarsund.

Il est cependant à remarquer que ce haut fait d'armes n'a pas été rigoureusement exécuté selon la méthode enseignée par le maître. Loin de diviser leurs forces, il semble *que les chefs expérimentés* aient au contraire, pour obtenir un succès plus facile, rassemblé une force qui était plus que décuple de celle de l'ennemi. Si le fait militaire par lui-même n'est pas de ceux qui assurent ordinairement le bâton de maréchal, on ne saurait nier que le maréchal Baraguey d'Hilliers méritait une récompense en qualité de nouveau Christophe

Colomb. C'est décidément lui, avec ses illustres Argonautes, qui a découvert Bomarsund. Jusque-là, c'était une *terra incognita*, non-seulement pour l'Europe, mais même pour la majorité des Russes. Et disons, à ce propos, qu'on ne saurait trop louer la modestie de chefs des armees alliées, qui, au lieu de faire parler d'eux en s'attaquant à des forteresses connues et célèbres, ont préféré se porter sur une forteresse de peu de valeur et non encore achevée, et se mesurer avec des forces tout à fait minimes. Au reste, il y aurait mauvaise grâce à trop chicaner le nouveau maréchal sur les lauriers qu'il vient de cueillir. Noble vétéran de Napoléon 1er, il doit sans doute lui en coûter d'avoir gagné son bâton de maréchal dans les conditions présentes. Ce bâton a dû lui sembler bien lourd et bien déplaisant, quand après sa fameuse expédition de Bomarsund, il a débarqué à Dantzig, où il a perdu un bras en 1813. Ce lointain et glorieux souvenir, qui lui est précieux à plus d'un titre, n'a certes pas manqué de l'affecter péniblement, en présence de ses dernières impressions. Le ridicule et la mesquinerie du second empire devaient tomber à plat sur le cœur du brave qui avait servi sous les drapeaux du premier et sous les ordres de chefs dont le bâton de maréchal a été conquis sur un terrain autrement difficile que celui de Bomarsund.

LETTRE XXIII.

Septembre.

La préoccupation exclusive des intérêts du moment exerce une singulière et fâcheuse influence, même sur les esprits les plus distingués. Pour arriver plus promptement à une solution qui mette fin aux agitations et aux anxiétés du présent, pour donner gain de cause à ce qu'ils croient être utile et vrai, ces esprits s'accrochent à la première chance venue et ne tiennent plus aucun compte de l'histoire et des conditions qu'elle impose, ou, du moins, qu'elle légitime et consacre. Quand le sacrifice qu'ils ont fait des enseignements de l'histoire n'a pas suffi, c'est la géographie, avec ses vérités matérielles et topographiques, qui tombe sous leurs coups. Homme d'un esprit supérieur, de connaissances variées, d'opinions modérées et bienveillantes, M. Saint-Marc Girardin vient, en dernier lieu, de donner un exemple frappant de ce genre de sacrifice. A propos de la nouvelle brochure de M. le comte de Ficquelmont, ayant pour titre: *De la politique de la Russie et les principautés danubiennes*, M. Saint-Marc Girardin a inséré quelques observations dans le *Journal des Débats* (16 septembre 1854). Nous n'avons pas encore eu l'occasion de lire l'œuvre de M. de Ficquelmont. Les déductions qu'on en tire en sont-elles des dérivations naturelles et directes, ou appartiennent-elles à l'auteur de l'article du journal? C'est ce que nous ne saurions dire.

Aussi, ce n'est pas au livre, c'est au journal que nous voulons répondre, et encore ne suivrons-nous pas l'auteur dans toutes ses préoccupations: à savoir ce que deviendront les principautés, — ce qu'en fera l'Europe, sous quelle influence prépondérante elles seront placées,—quels sont les intérêts de l'Autriche dans la question des principautés danubiennes.— Tous ces problèmes, à notre avis, seront résolus par la guerre, et la guerre n'a point encore commencé. Quoi qu'il advienne, n'est-il pas curieux de voir les champions de l'indépendance et de l'intégralité de la Turquie se préoccuper du protectorat que l'on doit assurer à ces principautés au moment même où l'Europe est sur pied et en armes pour maintenir cette intégralité elle-même contre une puissance qu'elle accuse d'y porter atteinte. Ce qui nous frappe dans l'article de M. Saint-Marc Girardin, c'est que, à l'entendre, on croirait que c'est pour la première fois, depuis que le monde est monde, qu'il y a guerre entre la Russie et la Turquie. Tout y est, pour lui, nouveau, imprévu, irrévocable. Il oublie, et tout le monde semble avoir oublié avec lui, que nous avons déjà plus d'une fois occupé, soit hostilement, soit pacifiquement, les principautés danubiennes, que tour à tour nous en retirâmes ou nous y fîmes rentrer nos armées, — tout cela sans que l'équilibre européen fût mis en péril. Ce péril est une découverte d'hier. L'Europe a toujours vu de fort mauvais œil nos guerres contre la Turquie. L'Autriche s'en préoccupait surtout, et il n'y a pas à y redire. Mais alors le bon sens des hommes d'Etat, l'entente vraie et sage de l'équilibre européen, l'emportaient sur les mécontentements, les rivalités, les jalousies du moment. On cherchait bien sourdement à nuire à nos intérêts, mais on ne nous niait pas le droit de les défendre, et, certes, l'Europe n'a pas eu à se repentir de cet esprit d'équité et de déférence envers nous. Se croirait-on, ou serait-on en effet plus sage qu'on ne l'était jadis? Le moment est-il venu où l'Europe doit se placer entre la Turquie et la Russie, ou plutôt du côté de la première contre la seconde? C'est ce que les événements nous apprendront. Notre confiance dans les événements est bien plus grande que dans les articles des journaux les mieux écrits, et nous attendons. Mais notre étonnement est de-

venu de la stupéfaction à la lecture de ces lignes de l'article de M. Saint-Marc Girardin:

„Tant que les grands Etats européens ne s'éloignent pas outre „mesure du point central de leur puissance, ils sont forts et redou„tables; quand ils s'en écartent, ils deviennent faibles. Le grand „art de la politique consiste donc à savoir, soit pour soi-même „soit pour les Etats voisins, quel est le centre de puissance de cha„que Etat. Napoléon n'est tombé que parce qu'il a oublié cette „grande règle de la politique. Il avait fini par déplacer le centre „de gravité de l'empire français, qui est naturellement entre les „Pyrénées, les Alpes et le Rhin supérieur. Il l'avait mis entre l'Adria„tique et la mer du Nord. Le centre de gravité de l'empire russe „est naturellement au nord, entre Saint-Pétersbourg, Moscou et Var„sovie; il n'est point au midi de la Russie, il n'est point sur les „bords de la mer Noire, etc."

En nous resserrant ainsi entre Saint-Pétersbourg, Moscou et Varsovie, l'auteur, d'un seul trait de plume, raie quelques siècles de notre histoire et quelques milliers de lieues de notre géographie. Il oublie que dès le Xme siècle nous avions pris pied dans le Midi, que plus tard nos rapports avec l'empire turc, basés sur des guerres et sur des traités, étaient des faits consacrés. Il oublie que notre ancienne capitale, Kiew, est à quelques journées de la mer Noire et, par conséquent, à quelques journées de Constantinople. Les Grecs l'apprirent, en 941, en voyant une armée russe sous les murs de leur capitale. Si la Russie, comme le dit l'auteur, est faible sur la mer Noire, parce que tout empire est faible à ses extrémités, pourquoi serait-elle plus forte à Saint-Pétersbourg et sur la Baltique qui est aussi une de ces extrémités? Il est incontestable que tout empire est plus fort dans son centre; mais un empire dispose toujours de forces mobiles qu'il transporte à volonté sur les points où son intérêt les appelle. Si cela n'était, nous n'aurions jamais vu de guerre nulle part. Sans doute le génie inventeur des temps modernes a bien perfectionné les machines de destruction dont se servent les armées; mais on n'en connaît pas encore qui puisse porter du centre d'un

Etat jusqu'au centre d'un autre Etat. Les armées ennemies pour se rencontrer doivent toujours franchir les extrémités. D'ailleurs tout grand Etat a des intérêts moraux et politiques à défendre et à protéger, et ces intérêts ne reposent pas tous sur son sol.

L'exemple de Napoléon, que cite l'auteur, n'est nullement concluant. Napoléon a pu tomber parce qu'il a voulu faire de son vivant, et en quelques années, ce qui ne peut être que l'œuvre des siècles. *Il a déplacé le centre de gravité de l'empire français*, — il a démesurément agrandi l'empire, et toujours au pas de course. Il faisait des conquêtes matérielles que la force morale n'avait pas le loisir d'appuyer et d'assurer. La Russie ne s'est pas étendue à vue d'oeil: elle a grandi à travers les âges et les générations. Quelque supérieur que soit l'homme, il ne lui est pas permis de s'affranchir du temps, soit pour édifier, soit pour détruire tout à coup ce qui est l'oeuvre de plusieurs siècles.

Lorsque à l'appui de sa thèse M. Saint-Marc Girardin veut rattacher ce qu'il apelle la *mollesse* et la *faiblesse* de la campagne que viennent de faire les Russes sur le Danube, il fait encore une fois abstraction de l'histoire, non de l'histoire ancienne qu'il est peut-être excusable d'oublier, mais de l'histoire toute contemporaine. Sont-ils faux ou controuvés les avantages que nous remportâmes dans la dernière guerre contre la Turquie? Et n'est-ce pas en dépit du système de l'auteur que ces avantages furent remportés, et n'étions-nous pas alors *à une tout aussi grande distance du centre de notre puissance?* L'erreur ou la distraction de M. Saint-Marc Girardin est chose qu'il n'est pas besoin de discuter.

„On croyait, dit-il, que la Russie, aussitôt que la guerre serait „engagée, arriverait en quelques marches à Constantinople, et tout „le monde se souvient qu'on calculait avec inquiétude les dates et „la distance pour savoir si les soldats de la France et de l'Angle„terre auraient le temps d'arriver à Constantinople avant la Russie?" Eh! sans doute, ils auraient eu le temps d'y arriver bien avant les armées alliées: ils étaient les plus rapprochés. Une seule chose s'y

opposait: c'était la volonté de l'empereur de Russie, qui ne voulait pas la guerre et qui laissait à d'autres la responsabilité si lourde de la commencer.

„Les armées occidentales n'ont pas eu besoin de repousser la „Russie. Les Turcs ont suffi à la besogne." Nous ne voulons pas longuement discuter avec l'auteur la force qu'il attribue aux Turcs et la faiblesse qu'il prête aux Russes; mais nous l'engageons à se mettre d'accord avec lui-même. „*Les Turcs ont*, d'après lui, *suffi „seuls à la besogne*, et, toujours d'après lui, *on a vu la Russie, „cette année, une fois qu'elle a bien été convaincue qu'elle n'avait „pas l'Autriche pour elle, évacuer la Valachie et la Moldavie*".

Cette fois encore, nous n'entrerons pas en discussion avec l'auteur sur l'influence qu'il attribue à l'Autriche dans cette circonstance; nous nous contenterons de lui faire observer qu'en tout cas il a eu tort d'avancer que *les Turcs ont suffi à la besogne.*

Voilà comment les esprits d'élite eux-mêmes se fourvoient dans les contradictons les plus flagrantes, tombent dans les fautes de logique les plus grossières, quand ils partent d'un point qui n'est pas une vérité. Nous n'en faisons pas un tort particulier à l'auteur; il est de *son époque* et de *son pays:* cela explique bien des choses. Oui, c'est le caractère de l'époque, toute positive et matérielle qu'elle peut être, de se laisser entraîner avec une facilité prodigieuse aux illusions qui flattent ses penchants. C'est peut-être même ce côté matériel et positif de l'époque qui est son côté vulnérable à la séduction. Les *époques morales* sont plus patientes et plus réfléchies. Elles ne sont ni aussi crédules, ni aussi mobiles, dans l'adversité aussi bien que dans la bonne fortune. Le siècle est livré aux spéculations de la Bourse: *par-dessus* toute chose, tout le monde joue à la hausse et à la baisse. On abat le passé, et sur le premier grain de sable qui tombe dans la main, on bâtit un nouvel avenir. Il y a un an à peine, l'Europe voyait avec inquiétude la Russie prête à absorber la Turquie. C'était une idée fixe. Aujourd'hui que les événements n'ont pas marché aussi vite que la peur qui s'était

emparée des esprits, non-seulement on est tout rassuré à l'endroit de la Turquie, mais on escompte déjà les funérailles de la Russie. Autre idée fixe! Parce que le lion n'a pas déchiré l'homme du premier coup de dent, on est convaincu que c'est l'homme qui avalera le lion.

N'en déplaise à tous les diseurs de bonne ou de mauvaise aventure, il n'y a pas encore d'horoscope certain à tirer des symptômes qui se sont manifestés jusqu'ici. La force de la Turquie et la faiblesse de la Russie demeurent encore des choses à prouver. Ce qui est plus positif, c'est que dans la Turquie européenne, nous n'avons encore eu que des escarmouches. En Asie, les Turcs ont subi de sérieuses défaites. L'action des armées alliées en Orient a été, jusqu'à ce jour, nulle. Quel est l'avantage qu'en fin de compte elles vaudront à leurs pays, si elles obtiennent des succès éclatants? L'avenir nous le dira. Que doit perdre ou gagner l'Autriche par sa participation à la guerre et son occupation des provinces danubiennes? *C'est encore là le secret de l'avenir.* Quand le maréchal Lauriston, après la prise de Moscou, vint au camp russe tenter des négociations de paix, disant qu'il était bien temps de mettre fin à une guerre aussi désastreuse pour l'humanité, il lui fut répondu par le chef de l'armée russe, Koutousoff: „Mais vous voulez plaisanter, M. „le maréchal. Vous oubliez que jusqu'ici nous nous sommes bornés „à nous retirer. C'est aujourd'hui que la guerre commence pour „nous." Nous en disons autant à ceux qui sont si pressés d'arriver à des conclusions définitives et qui voudraient faire l'addition avant qu'ait sonné le quart d'heure de Rabelais.

LETTRE XXIV.

Septembre.

Il est impossible de calculer et de prévoir tout le mal que pourra nous faire l'Europe dans la lutte qu'elle a engagée contre nous. Le sort des armes seul en décidera, et qui dit *sort*, dit une force qui peut déjouer toutes les prévisions et tous les calculs de l'esprit humain. Mais si nous ne pouvons, même approximativement, déterminer le mal que nous causeront nos ennemis, nous pouvons, dès aujourd'hui, apprécier le bien qu'ils nous ont déjà fait et celui qu'ils nous feront encore. Les épreuves et les châtiments que la Providence inflige aux individus et aux peuples, sont dans la main de Dieu: on ne saurait les éviter. Mais les leçons et les fruits que les uns et les autres peuvent et doivent moralement en retirer, leur appartiennent: ces resultats-là sont à l'abri des coups de l'ennemi, tout puissant qu'il pourrait être. Ce ne serait que par leur propre faute que les individus ou les Etats pourraient rendre ces épreuves stériles. Oui, sans abonder dans le sens de Panglos, il est permis de dire que le mal a son bon côté toutes les fois qu'il ne décourage et n'endurcit pas ceux qu'il frappe. Examinons donc un peu le bon côté du mal prémédité contre nous par nos ennemis. Et tout d'abord constatons que l'acharnement de toutes les passions hostilement réunies pour nous attaquer, a réveillé en nous un profond et ardent sentiment de nationalité et de dignité. Ce sentiment

a toujours existé en nous, mais souvent à l'état platonique. Nous aimions bien notre patrie, mais nous l'aimions un peu à l'instar de ces maris et de ces pères de familles qui, au fond et en principe, aiment leurs femmes et leurs enfants, mais en pratique, négligent les devoirs, les soucis et les sacrifices que cet amour impose. Le Slave est de sa nature tant soit peu insouciant et, par conséquent, imprévoyant. Au moment du danger, il résiste et lutte avec force; mais dans les temps calmes, il oublie aisément que la vie entière n'est qu'une résistance, une lutte continue, et qu'il y a toujours des ennemis à combattre, tantôt un ennemi du dehors, tantôt, et plus souvent, les ennemis que nous portons en nous mêmes: les passions, les inclinations coupables, les défaillances morales, auxquelles la nature humaine n'est que trop sujette. Ce qui nous manque, c'est la volonté soutenue et persévérante de nous maintenir dans la bonne voie, une fois que le danger imminent est conjuré. Nous avons un proverbe qui dit: *Le Russe ne fait le signe de la croix, que quand il entend gronder le tonnerre.* Ce proverbe révèle ingénieusement les dispositions que nous trouvons au fond du naturel Slave. Eh bien, aujourd'hui le tonnerre a grondé, l'orage a mis le feu aux quatre coins du ciel. Aussi la Russie a-t-elle fait son grand signe de la croix du nord au midi, du levant au couchant. Elle est sur pied comme un seul homme, toute à la prière, et prête à affronter le danger qui la menace, avec ce courage et cette énergie que la prière, c'est-à-dire la foi seule peut donner. Depuis 1812, jamais élan, jamais ferveur pareille n'ont retrempé et fortifié l'âme de la nation. Tout le monde court aux armes: le père de famille, le vieillard, le pauvre tout aussi bien que les fils des plus nobles et des plus riches maisons. Les offrandes sont incalculables: les journaux russes consacrent, à les énumérer, plusieurs de leurs colonnes, et il ne s'agit pas ici de ces *prêts patriotiques*, dont les journaux allemands et français font si grand bruit, et qui, en réalité, ne sont que des impositions frappées violemment sur les fortunes particulières et les modiques traitements des employés du gouvernement; comme on l'a vu en Autriche. Singulière façon de stimuler le courage des officiers que de commencer par rogner leurs moyens d'existence! Violence et hypocrisie à la fois! Non, ici ce sont bien

des offrandes spontanées, des actes de charité chrétienne et patriotique: vous trouvez et le millon du riche et l'obole du pauvre, et le denier de la veuve. Quelques-unes de ces offrandes, sublimes par leur simplicité, suffiraient à elles seules pour bien peindre le caractère de notre peuple. Mais si les grandes crises provoquent parmi nous de beaux dévouements, il faut avouer que l'énergie se détend une fois le danger maîtrisé. Bientôt après les triomphes de 1812 à 1814, nous sommes rétombés dans cette apathie et ce laisser aller qui flattent si bien notre nature. Non-seulement, nous ne sommes point capables de garder rancune à nos ennemis une fois le combat terminé, mais ce qui est plus fâcheux, nous perdons le souvenir des efforts que nous avons dû faire, pour ne pas rester au-dessous de la gravité des circonstances; aussi sommes-nous condamnés à recommencer incessamment à de nouveaux frais. „Evidemment la Russie „*s'occidentalisait* au profit de l'Occident, et son gouvernement, eût-il „été contraire à cette tendance, n'avait pas le moyen de l'arrêter, „ou plutôt il suivait lui-même le flot du temps."

Nous empruntons cette citation, qui rend parfaitement notre idée, à une brochure remarquable parue récemment sous le titre: *La guerre d'Orient, ses causes et ses conséquences, par un habitant de l'Europe continentale*. Cet écrit n'a probablement pas produit dans le public européen la sensation qu'il eût dû produire en raison de son mérite et de son importance. Mais il est bon de ce rappeler que le public ne recherche pas la lecture des ouvrages qui peuvent désarmer ses passions et rectifier ses erreurs. Ce qu'il demande, ce sont des écrits qui flattent et nourrissent ses erreurs et ses passions.

C'est depuis Pierre-le-Grand, et grâce à lui que nous nous sommes définitivement rattachés à l'Occident, sauf quelques ruptures passagères. A dater de ce règne, nous avons toujours témoigné une grande prédilection et soumission envers les tendances étrangères. Notre réformateur a voulu nous *occidentaliser*, pour être mieux à même de nous approprier la civilisation européenne. Tel qu'un père de famille enseigne à ses enfants les langues étrangères, non pour

les contraindre à abjurer leur langue maternelle et encore moins pour leur faire prendre gout aux livres immoraux et pernicieux publiés dans ces langues, mais uniquement pour varier et enrichir leur intelligence, ainsi Pierre I-er a voulu nous initier aux mystères et aux conquêtes de l'esprit humain en Occident, sans chercher, le moins du monde, à nous détourner de la voie nationale et à nous *dérussifier*. Tout au contraire, jugeant par lui-même, il a espéré que nous serions d'autant plus *Russes*, que nous deviendrions des *Russes éclairés*. Si, dans son oeuvre de réforme, il n'a pas toujours réussi à séparer l'ivraie du bon grain, s'il a transporté sur notre sol, non-seulement ce qui devait le fortifier, mais aussi des plantes parasites et nuisibles par elles-mêmes, ou qui le sont devenues plus tard par le changement de climat, la faute n'en est pas toute à lui. Il en revient quelque chose à la nature humaine, qui traîne toujours l'abus à la suite de l'usage légitime. Quoiqu'il en soit d'ailleurs, ses intentions, ses vues, sa politique ont été éminemment nationales. Peut-être est-ce nous-mêmes qui, plus tard, avons en partie faussé son oeuvre. A l'Occident instructif, tel que Pierre-le-Grand nous l'avait donné pour guide, nous avons substitué l'Occident amusant et séducteur, vers lequel nous portaient nos caprices et notre nature plus impressionnable que réfléchie; administrations, politique, moeurs, littérature, tout a plus ou moins subi une influence que nous ne raisonnions pas. Mais heureusement et presque à notre insu, il restait au fond de nous un élément inaltéré qui nous sauvait à une heure donné. C'est pourquoi notre société, qui peut-être plus que toute autre a reçu une empreinte étrangère, a toujours eu un instinct répulsif et invincible pour toute domination étrangère. Dans les cas suprêmes, où il s'agissait d'opter entre deux voies, elle n'a jamais capitulé ni devant l'ennemi, ni devant sa propre conscience. Quant à la masse, il n'est pas besoin d'en parler, car elle a constamment conservé, dans toute son intégrité, l'individualité et l'indépendance de sa nationalité: ceci prouve péremptoirement que les réformes introduites n'étaient qu'accessoires et non radicales. ou, en d'autres termes, que ces *réformes* n'ont jamais été ni un *bouleversement* ni une *révolution*.

Aujourd'hui l'Occident s'est donné la peine de nous avertir que, non-seulement il ne nous considérait pas comme des siens, malgré nos constants efforts pour nous assimiler à lui, mais qu'il nous tenait même pour ses ennemis, et qui plus est, pour ennemis de la civilisation. A l'entendre, notre place au soleil est incompatible avec le progrès des lumières. Nous obcurcissons, nous cachons le soleil. Triompher de nous, c'est triompher des ténèbres et de la barbarie. — Ces arguments n'ont point été émis par des voix isolées. L'Occident entier les a proclamés par l'organe de la presse et des gouvernements. Cet avertissement, j'espère, nous sera salutaire, tout absurde qu'il est; quoiqu'échappé à l'emportement de la passion et de la colère, nous en prenons note. Nous en ferons notre profit, même alors que les événements qui ont donné lieu à ces imprécations, seraient suivis d'une trève entre nous et l'Occident. Oui, la crise qui vient d'éclater doit provoquer en nous une forte et bienfaisante réaction; elle doit nous faire replier sur nous-mêmes et rasseoir notre existence morale et politique sur des bases profondément nationales. Après avoir emprunté à l'Occident les sciences et les arts, et tout en continuant de profiter de ce qu'il pourra nous offrir de sage et de bon, nous devons, plus que jamais, porter la lumière au dedans de nous, pour mieux explorer et exploiter les ressources et les forces qui résident dans notre sein. Il ne doit plus nous suffire de nous servir du flambeau que nous avons allumé au foyer de l'Occident pour mieux le suivre pas à pas. Nous trouverons en nous-mêmes un monde que nous avons trop négligé jusqu'ici, parce que nous avons préféré vivre à moins de frais et de peine dans un monde d'emprunt. Ce monde nouveau dont nous consoliderons la conquête, nous révélera de voies inconnues et un but nouveau. Notre compagnonage avec l'Occident, nous a souvent fait faire fausse route. En cheminant bras-dessus bras-dessous avec lui, nous avons été plus d'une fois obligés de faire sa besogne et de suivre ses tendances au lieu des nôtres.

Nous étions distraits de nos intérêts propres par la recherche des intérêts à atteindre en commun. Et comme souvent, sans nous en douter, nous marchions à côté d'un ennemi, nos soi-disant allian-

ces devaient aboutir à des duperies, dont nous ne nous apercevions que trop tard. Les fait sont là pour attester que notre politique a maintes fois été entraînée dans une orbite, non-seulement étrangère, mais diamétralement opposée à celle de nos vrais intérêts.

Dans ce mouvement anormal notre éducation, nos mœurs sociales ont beaucoup perdu de leur sévère chasteté; notre littérature en a reçu une impulsion peu en harmonie avec nos instincts, avec nos besoins intellectuels. Le mal qui découlait de ces influences fâcheuses devait naturellement s'aggraver de jour en jour. On ne saurait, quoi qu'on fasse, s'approprier le santé d'un homme sain et robuste; mais il n'est malheureusement que trop facile de gagner une maladie contagieuse, au contact d'un homme qui en est affligé. Le gouvernement actuel a déjà beaucoup fait en Russie pour ranimer et fortifier la sève nationale; il fera plus encore dans l'avenir.

C'est sous le règne de l'empereur Nicolas que notre littérature a pris un développement plus intime, plus russe. Sans parler des encouragements accordés aux écrivains distingués pour assurer leur indépendance contre les besoins et les soucis de la vie matérielle, l'empereur a activement protégé ce que nous appellerions volontiers la renaissance de notre littérature. Il lui a ouvert des sources nationales qui étaient restées cachées. La publicité des matériaux littéraires, philologiques, historiques, militaires, juridiques, diplomatiques, enfouis dans les archives officielles, est venue répandre une vie nouvelle dans notre mouvement littéraire. Une tendance sage et libérale se manifeste dans cette publicité bien comprise et déjà si féconde. Elle nous familiarise davantage avec nous-mêmes, nous relie plus intimement à notre passé, constate et met en relief notre individualité historique, et affranchit notre avenir des influences étrangères. L'Occident par son hostilité systématique, vient puissamment aider le gouvernement dans cette œuvre d'émancipation, et nous n'avons qu'à l'en remercier. L'attaque qu'il dirige contre nous, la voie où il nous pousse, non-seulement à son insu, mais à son détriment, est un premier bienfait de la situation actuelle. Nous ne saurions méconnaître ni négliger les avantages que nous devons en

recueillir. — Les événements du jour creusent entre nous et l'Occident un abîme que rien ne saurait plus combler désormais et que nous ne serions plus tentés de franchir: le bon sens du gouvernement et de la nation sauveront la Russie d'une aussi folle tentative.

Dès maintenant, la Russie et l'Europe ne sont plus une, mais sont deux. Et non dans le sens que nos ennemis voudraient donner à cette séparation, mais dans un sens tout opposé. Ce n'est pas nous qui serons refoulés chez nous, mais c'est l'Occident qui sera expulsé de notre sol, matériellement d'abord, moralement ensuite. Ce divorce, à la suite d'un mariage de convenance, fera notre force. Au lieu de gaspiller nos ressources et nos richesses dans un ménage commun, nous ferons maison à part; nous agirons selon nos seuls intérêts et dans le cercle de notre activité naturelle et légitime. Pour atteindre ce but, les succès ou les revers que la guerre nous prépare sont une voie également infaillible. Dans l'un et dans l'autre cas, nous resterons toujours maîtres de nous-mêmes. Si les rêves de nos ennemis venaient même à se réaliser momentanément, l'espace que nous garderions nous suffirait encore pour rester forts chez nous. — C'est l'essentiel. La force n'est ni inerte, ni stationnaire. Dans notre réclusion, nous nous retremperions aisément, nous regagnerions le terrain perdu: bien plus, nous nous assurerions l'avenir qu'on nous dispute aujourd'hui. Ces revers mêmes, si la Providence nous les envoie, seraient une consécration nouvelle dans la mission que nous sommes appelés à remplir. Les sacrifices que nous faisons à la cause que nous devons défendre, n'auront pas besoin d'être couronnés de succès immédiats pour nous rattacher plus indissolublement à elle: cette sainte cause, en vertu de ces sacrifices mêmes, se rattachera plus vivement à nous. Ce ne sont pas les succès faciles qui font triompher les bonnes causes, tout comme ce ne sont pas eux qui assurent la puissance des Etats.

On aura beau mettre en regard notre abandon du siége de Silistrie et la prise de Bomarsund par les forces alliées, on ne saurait en tirer une déduction qui nous soit défavorable. Nos soldats

n'ont pas besoin de faire leurs preuves de vaillance, elles sont toutes faites depuis longtemps. Il ne s'agissait pas là d'obtenir un succès de vanité: du moment que de plus grands sacrifices étaient superflus, du moment que l'occupation de Silistrie, dans les circonstances données, devenait pour nous d'une importance secondaire et peut-être même tout-à-fait nulle, le bon sens nous prescrivait de nous retirer. C'est ainsi que notre retraite s'explique et se justifie aux yeux des hommes de guerre et de bonne foi. Quand les alliés, pour faire enfin quelque chose, dirigèrent des forces supérieures sur Bomarsund, dénué de tout moyen de défense, tout le monde en Russie s'attendait à ce que cette place tomberait infailliblement en leurs mains. De pareils échecs et de pareils succès ne prouvent rien. Il y a plus: des échecs et des succès plus sérieux ne sauraient changer ce que l'on est convenu d'appeler *la question d'Orient*. Ils pourraient tout au plus en ajourner la solution, mais ne pourraient la dénaturer. Et comme la Russie n'est pas un fidéicommis, ni son souverain un usufruitier, mais que la souveraineté et l'empire, les intérêts du présent et ceux de l'avenir constituent un tout complet, la question de temps est, pour l'empereur et pour la Russie, d'une importance secondaire. Ce que n'a pu accomplir une génération sera achevé par une autre. Les alliés auront beau faire, ils ne pourront jamais empêcher que la Russie ne soit un Etat slave et orthodoxe, dont l'homogénéité est puissamment consolidée. Ce point reconnu, il est tout aussi impossible d'empêcher les populations slaves et orthodoxes, morcelées et souffrantes, de porter leurs regards et leurs vœux vers la Russie, non dans l'intention de s'incorporer à elle, mais pour invoquer ses sympathies de race et de religion et son appui protecteur jusqu'au jour de leur émancipation. Le joug qui pèse sur ces populations, ou la protection insolite qui voudrait le remplacer, sont, au jugement et devant la conscience de ces populations, également tyranniques. Il est d'une impossibilité historique, ou plutôt providentielle, que des pouvoirs étrangers de race et de culte, et envisagés comme force dominante numériquement plus faibles que les nationalités asservies, maintiennent la puissance qu'ils exercent aujourd'hui.

Notre abstention dans les affaires de l'Occident, au lieu de retarder une solution inévitable, la hâtera probablement. Jusqu'à présent, les convenances et les engagements de notre politique nous ont souvent portés à aider nos adversaires et à leur sacrifier nos alliés naturels. Notre poids dans la balance des événements l'a souvent fait pencher d'un côté opposé à nos intérêts et à nos sympathies. C'était la dette que nous nous sommes crus devoir payer à l'Europe pour notre droit de cité. Cette dette est depuis longtemps liquidée. Tout calcul fait, il se trouverait peut-être que c'est l'Europe qui est notre débiteur. Moins nous serons mêlés aux affaires de l'Occident et plus nous pèserons sur lui par notre absence.

Les alliances nous reviendront plus tard. La force des choses les ramènera vers nous. Mais alors nous choisirons celles qui nous conviennent et repousserons celles qui n'ont besoin de nous qu'à un moment donné et dans leur intérêt exclusif. Les révolutions que l'Europe a subies ont rompu les anciennes traditions, déplacé les intérêts, créé un nouvel ordre de choses qui nous laisse en dehors de ce changement radical ou plutôt de cette décomposition du corps social. A quel propos irions-nous maintenir, en dépit des choses, des faits et de la réalité, d'anciens rapports qui n'ont plus leur raison d'être. La Russie peut aussi dire à ceux qui furent ses alliés comme J.-J. Rousseau disait à l'archevêque de Paris: „Quelle lan„gue commune pouvons-nous parler? Comment pouvons-nous nous „entendre? Et qu'y a-t-il entre vous et moi?"

Je crois que notre rôle, à nous, est d'entrer le moins possible dans des négociations diplomatiques. Si les circonstances l'exigent, il nous faut agir vigoureusement; si l'affaire peut être remise au lendemain, il faut attendre patiemment, mais avec vigilance, que le temps vienne à notre aide et dénoue les difficultés. Car dans les questions qui sont vraiment russes, il nous faudrait à plaisir gâter nous-mêmes nos affaires, pour que le dernier mot ne fût pas dit en notre faveur. L'Océan n'a pas besoin de s'agiter pour que les fleuves viennent se verser dans son sein, l'ordre de la nature les

pousse à lui. Il y a aussi des courants historiques qu'on ne saurait détourner de leur direction.

Pour conclure, nous répéterons qu'on peut regarder notre rupture avec l'Occident comme un fait accompli et absolu. L'esprit peut admettre la possibilité d'une guerre de dix ans, de quinze ans, nous ne disputerons pas sur le chiffre. Il peut admettre toutes les chances qui nous sont défavorables. Mais ce que ni l'esprit, ni le sentiment national ne sauraient avouer, c'est qu'au point où les choses en sont arrivées, après ce qui a été dit, après ce qui a été fait, une fois la lutte matérielle terminée, les choses et les positions puissent reprendre leur ancienne assiette. Non, nos relations diplomatiques et sociales ne sauraient plus se traîner dans l'ancienne ornière. Nous aussi nous reconnaissons, avec la diplomatie occidentale, l'impossibilité de revenir à l'état de choses *ante bellum*. Des individus avec qui nous ne saurions nous réconcilier se sont placés entre cet état et nous; d'odieuses paroles ont été prononcées; le sentiment national ne saurait ni les oublier, ni les pardonner. C'est pour tout de bon que dès aujourd'hui nous nous sommes *désoccidentalisés*.

LETTRE XXV.

Septembre.

Le bon côté du mal que veulent nous faire nos ennemis, et qu'en partie ils ne manqueront pas de nous faire, car ils sont puissants et nombreux, se retrouve dans la sphère matérielle, tout aussi bien que dans la sphère morale. Dans l'une comme dans l'autre, la routine, le laisser aller qui nous est naturel endormait notre vigilance et paralysait notre initiative. Nous nous bornions à consommer les produits de la civilisation et de l'industrie européenne tout faits et tels que nous les apportaient les bateaux à vapeur et les chemins de fer. On ne se donnait pas la peine d'examiner si tous ces produits nous étaient également nécessaires et utiles, si quelques-uns d'entr'eux n'étaient pas susceptibles d'être modifiés et mieux appropriés à notre usage; si le développement de nos ressources intérieures ne pouvait pas suppléer avec avantage à certaines de ces ressources exotiques, ne fût-ce que pour tenir en éveil et stimuler notre activité et nos forces.

En disant que la Russie est un monde à part, on n'avance ni une forfanterie, ni une banalité. Mais il ne sert à rien de le dire si l'on veut ensuite rester les bras croisés. Du moment que la Russie est un monde à part, il faut avant tout le traiter comme tel; appliquez-y vos bras, votre tête, votre âme, toutes vos facultés, votre travail: en un mot, soyez les Robinson Crusoë de ce monde nouveau.

D'abord nous avons de l'espace, et vu l'agglomération qui gêne d'autres peuples, dans leurs mouvements, au point de les étouffer en Europe, cet avantage n'est pas à dédaigner: il nous assure les coudées franches, et nous ouvre un long avenir. Aussi pendant bien des siècles encore, pouvons-nous obéir sans crainte aucune, à ce divin commandement: croissez et multipliez. Nous avons où respirer à l'aise et où nous loger. Nous avons chez nous de quoi nous nourrir et de quoi nous vêtir. Avec cela on peut vivre et rester indépendants.

Moyennant un peu de bonne volonté, on se résigne aisément à se passer d'objets de luxe. Et si un certain luxe, par suite des exigences toujours croissantes du bien-être et de l'aisance, est absolument nécessaire aux raffinements de l'homme civilisé, on n'aura en tout cas pas besoin de se rendre, par singerie, tributaire d'un luxe étranger. On finira par avoir un luxe à soi, né des conditions et des ressources du pays où l'on vit. — Nous avons jusqu'ici fait trop de cas du commerce extérieur. C'est le commerce de l'intérieur que nous devons principalement protéger et agrandir. L'autre ne manquera pas de le suivre de près. Là aussi, nous n'avons pas de sitôt à craindre, de croître et de multiplier. Nous ne sommes point soumis à l'inévitable et inexorable nécessité de nous répandre au dehors, à moins de suffoquer par excès de vitalité. En Angleterre, les débouchés de l'industrie nationale fermés, le géant aux cent, aux mille bras, meurt d'un coup de sang. Chez nous, la fermeture momentanée des débouchés extérieurs donnera au contraire au sang une impulsion plus puissante et plus féconde, qui répandra *jusqu'aux extrémités* la chaleur et la vie—et Dieu sait s'il y a du chemin à faire pour arriver à ces extrémités!—Quand nous viendrons à sentir effectivement le besoin de ce qui pourra nous manquer, faute d'importation, nous le chercherons et nous finirons par le trouver chez nous, ou par le remplacer par des équivalents. Peut-être aurions-nous eu tort de pousser, de *gaieté de cœur,* ces tours de force à l'extrême, Mais quand on nous y oblige, nos devoirs changent avec les circonstances. Si le système continental, tel que l'avait conçu Napoléon, avait été sérieusement et scrupuleusement observé par ceux à qui il voulait l'imposer, une révolution radicale se serait opérée,

sans nul doute, dans le monde industriel et la puissance de l'Angleterre y eût finalement succombé. Mais personne ne se souciait de faire tort à l'Angleterre pour les beaux yeux de Napoléon: tyrannie pour tyrannie, on préférerait encore la tyrannie déguisée de l'une à la tyrannie brutale de l'autre. Aujourd'hui l'Europe veut nous enfermer dans les réseaux d'*un nouveau système continentale* et nous tenir en charte privée. A merveille! l'application de ce système dirigé contre nous, ne ruinera pas l'Angleterre, j'en suis convaincu, bien qu'il puisse porter atteinte à plusieurs de ses intérêts privés; mais à coup sûr, il fortifiera, enrichira, émancipera la Russie. Les avantages que pourront en retirer le gouvernement et les spéculations privées sont immenses. Nous n'avons pas sous la main les données statistiques nécessaires pour dresser le tableau de toutes les nouvelles branches de richesses que l'avenir nous prépare. Mais nous remercions Dieu de ce que la force des choses nous condamne à un pareil avenir. Poussés désormais par l'irrésistible puissance des événements, nous ne pouvons plus errer à l'aventure ni marcher au but par le chemin des écoliers; nous irons vers lui droit et ferme. A défaut de cailles tombant du ciel toutes rôties, nous les faisons venir des cuisines étrangères. Maintenant nous irons à la chasse, notre appétit y gagnera, et nous les rôtirons nous-mêmes.

Le *Journal de Saint-Pétersbourg* du 20 août rend compte d'un banquet donné à Nachitchewan, qui s'est converti en un véritable meeting national par suite du speech qui a été tenu par un des convives: „Messieurs, a-t-il dit, jadis dans nos réunions d'amis, nous buvions avec plaisir du porter, et avec joie du vin de Champagne, mais aujourd'hui que l'Angleterre et la France sont devenues nos ennemies et celles de tous les orthodoxes, le porter anglais doit nous répugner, et le Champagne français, malgré son montant et sa saveur doit être amer, sinon à notre bouche, du moins à nos cœurs. C'est pourquoi je propose à tous et à chacun de ne boire ici, ni dans toute notre contrée soit porter, soit vin de Champagne, ou toute autre espèce de vin de France, etc.“..... Cette proposition a été signée par plusieurs assistants, en témoignage de l'adhésion empressée qu'ils y donnaient.

Ceci peut ne paraître qu'une bonne plaisanterie, mais la chose prise au sérieux par la majorité en Russie, ne manquerait pas d'avoir des résultats importants. Pareille résolution serait digne de notre patriotisme. Si les hautes classes et toutes les classes aisées de notre société se donnaient le mot de renoncer, ne fût-ce que pour essai, pendant quelques années, à tous les objets de luxe et non de nécessité, qui nous viennent du dehors, la perte, j'en conviens, serait probablement peu sensible au commerce européen, mais notre gain à nous serait évident, cet essai serait un effort moral, un sacrifice, un acte de renoncement à des jouissances matérielles, dont l'habitude nous a fait un besoin factice et impérieux, et pareils actes de pénitence sont toujours salutaires. Les jours de jeûne institués par l'église ont nécessairement une influence bienfaisante sur le corps et sur l'âme.

Mon patriotisme ne va pas jusqu'à abuser et endurcir mon palais et mes facultés dégustatrices. Quand ma santé me permettait l'usage du vin et mon humeur aimait sa douce et chaude influence; je préférais, je l'avoue volontiers, les produits d'Epernay et de Bordeaux à ceux de la Crimée, du Don et du Caucase. Mais je ne nie pas que les vins de nos crus, n'ayent aussi leur saveur et la puissance de fortifier le corps et de réjouir l'esprit. D'ailleurs il faut faire en tout de nécessité vertu, et quand il y aura une nécessité, la vertu y gagnera.

Nous perfectionnerons chez nous la culture de la vigne et l'industrie vinicole. Les améliorations que nous apporterons dans cette branche, nous les transporterons à toutes les autres. L'activité et l'industrie nationales y trouveront leur compte. Il y a cinquante ans de cela, qu'on ne connaissait en Europe que le sucre des colonies, et chacun pouvait dire avec le jésuite philantrope et négrophile: „Il n'arrive point en Europe un baril de sucre qui n'ait abrégé la vie de plus d'un esclave". Eh bien! aujourd'hui, on consomme en Europe une grande quantité de sucre, qui loin d'être une cause de mort et de désolation pour les travailleurs, fait vivre et nourrit des milliers de gens de la campagne. C'est une justice à

rendre à Napoléon. C'est en grande partie à lui que l'on doit cette heureuse transformation. Ses lauriers ont été frappés par la foudre et dispersés par l'orage; mais la betterave qu'il a protégée lui a survécu et porte un témoignage reconnaissant à sa mémoire.

Au commencement de la guerre, on était préoccupé chez nous du manque de houille qui pourrait se faire sentir dans nos usines, notre industrie maritime et nos voies de communication, car c'était en grande partie de l'Angleterre qu'elle nous était importée. Ces craintes, aujourd'hui, sont complètement évanouies. Le gouvernement et des entreprises particulières ont fait d'heureuses explorations. Outre les houillères déjà connues en Russie, on a trouvé dans plusieurs localités et entre autres non loin de Saint-Pétersbourg de riches zones de charbons de terre. La houille rendue sur place reviendra à un prix moins élevé que celui qu'on payait pour la houille anglaise, et voici, soit dit en passant, un des premiers résultats obtenus par l'Angleterre dans la guerre inique qu'elle nous fait. Son industrie n'a qu'à rayer d'aujourd'hui à jamais cet article d'importation en Russie qui figurait sur ses tableaux de commerce. Nous répétons encore, l'Angleterre n'en deviendra guère plus pauvre. Mais que diront là-dessus les industries particulières et les maisons de commerce anglaises qui retiraient de grands profits de leurs relations avec la Russie? Celles-là ne voient pas les choses d'aussi haut et ne se soucient probablement pas d'acheter l'intégrité de l'empire ottoman au prix du charbon qui restera dans leurs magasins.

La guerre donnera une nouvelle et forte impulsion à l'extension et à la multiplication de nos voies ferrées. Déjà plusieurs nouveaux projets sont en train d'exécution. Notre rupture avec l'Angleterre, qui était presque exclusivement notre grand comptoir de messagerie maritime, va favoriser le développement de notre marine marchande. Quand notre commerce n'avait pas besoin d'exporter ses denrées, mais qu'on venait les chercher sur le marché national, il ne songeait guère à augmenter le nombre de ses navires. On avait beau dire à nos négociants qu'ils négligeaient leurs intérêts au profit des étrangers, ils aimaient mieux restreindre leurs bénéfices, mais

ne pas courir les chances de spéculations lointaines. A proprement parler, nos plus riches négociants, à quelques exceptions près, n'étaient que des fournisseurs: le commerce avec l'étranger était tout entre les mains d'individus qui étaient venus de tous les pays de l'Europe, et principalement de l'Angleterre, chercher et faire fortune en Russie. Les capitaux ne manquent pas à notre commerce: ce qui lui manque, c'est l'esprit d'entreprise, d'association, et la confiance en ses propres ressources. Cet esprit et cette confiance vont naître d'eux-mêmes en présence de la nécessité. Les maisons de commerce étrangères vont laisser la place vacante; et les nôtres seront bien forcées de l'occuper. Le développement de la marine marchande sera une pépinière et un auxiliaire pour les forces navales de l'Etat. Ce résultat, nous le devrons encore à l'Angleterre et elle s'en souviendra en temps et lieu. C'est alors qu'elle pourra apprécier à sa juste valeur la sagesse et la politique du ministère actuel.

Pendant que les amiraux de l'Angleterre font les policemens sur nos mers et nous gardent à vue, le commerce déjoue leurs intentions hostiles, il se fraie une nouvelle route par terre. Il va enrichir des provinces qui depuis longtemps, et peut-être jamais, n'avaient assisté et participé à un mouvement commercial pareil à celui qui sillonne aujourd'hui leur sol, et porte l'aisance et les bénéfices parmi les populations des gouvernements limitrophes. C'est encore une compensation aux souffrances infligées par la guerre. Les recettes de nos douanes en général ont été peu altérées par suite du blocus de nos ports.

On me dira, peut-être, que ce système que je prône, système d'isolement pour *désoccidentaliser* la Russie, est finalement un système *de chinoiserie*. Pas le moins du monde. D'ailleurs ce qui rend la Chine stationnaire, ce n'est pas la muraille qui l'entoure, mais c'est le principe de mort qui frappe sa religion, et par suite tout le développement moral dont la nation serait susceptible. Quant à nous, grâce à Dieu, nous portons en nous le principe de vie qui nous a été révélé et assuré par le christianisme. Avec ce principe et cet élément, nous ne saurions ni nous engourdir ni nous

stériliser. Quand même dans l'absence de ce principe, la Chine a pu trouver en elle même de fécondes ressources intellectuelles, qu'elle a pu devancer l'Europe dans des inventions comme celles de la boussole, de l'imprimerie, qu'elle a créée et perfectionnée, des industries auxquelles ne peuvent pas atteindre les industries européennes; qu'elle a une littérature riche et variée, qu'aurions-nous à craindre, nous nation intelligente et chrétienne à rester un peu plus nous-mêmes et beaucoup chez nous? D'ailleurs ce n'est pas avec la civilisation que nous voulons rompre, mais avec les soi-disant *civilisateurs*. Les Anglais, par exemple, ces missionnaires du progrès, cherchent à civiliser les Chinois en leur important de l'opium. Eh bien! il y a différentes espèces d'opium dans la boutique anglaise et toutes étiquetées comme remèdes infaillibles contre tous les maux de la société humaine. Aujourd'hui, nous y regarderons de plus près et ne prendrons de la civilisation que ce qu'elle a de bon et ce qui nous convient en particulier. Soit! la Russie sera une autre Chine, mais une Chine qui a de l'avenir, chose qui manque au *céleste empire* et à bien d'autres terrestres empires en Europe.

Je me garderai bien de prédire que nous aurons le dessus dans la guerre où nous sommes engagés. Mais ce que je me permets de prédire, c'est que cette guerre, qui, dans les intentions de nos ennemis, doit nous refouler d'un siècle en arrière, nous poussera, Dieu et nos ennemis aidant, d'un siècle en avant; déjà elle a appelé notre attention et l'a portée sur nos côtés faibles et en souffrance. L'Occident veut abattre notre puissance; il ne parviendra, en nous ayant donné l'éveil, qu'a nous forcer la main pour abattre les abus et les entraves qui gênaient les voies de notre prospérité. Après la bataille de Pultawa, Pierre Ier buvait à la santé de *ses maîtres*, les généraux suédois prisonniers, qui assistaient à sa table et lui avaient enseigné l'art de la guerre. Un jour aussi, et ce jour ne tardera pas, nous boirons, sans rancune et de bon cœur, à la santé de *nos maîtres*, qui nous ont révélé nos faiblesses et nous ont corrigé de nos défauts.

LETTRE XXVI.

Novembre.

Il faut l'avouer en toute franchise, les hommes d'Etat sont, dans certains pays, encore bien plus à plaindre que les écrivains: ceux-ci du moins n'assument que la responsabilité de ce qu'ils écrivent et impriment, tandis que les autres ont à redouter la responsabilité publique de toutes les sottises que leur bouche laisse échapper.

L'inévitable sténographe veille sans cesse à leurs côtés, et à l'affût de la moindre des paroles qu'ils prononcent, il la saisit au passage pour la livrer sans pitié en pâture au jugement et souvent à la risée du public. Passe encore pour les harangues d'apparat, les discours de tribunes, etc., mais la sténographie guette tout ce qui se dit entre la poire et le fromage, entre un ou plusieurs verres de vin de Champagne et beaucoup de verres de Sherry. Et les mille échos de la presse répercutent, à l'infini, et d'un bout de la terre à l'autre, une improvisation que l'homme d'Etat, revenu du trouble de la veille, lit, le lendemain, dans son journal, et qu'il voudrait, en vain, n'avoir jamais faite.

On le sait: les hommes d'Etat anglais aiment passablement les banquets. Si c'est là qu'ils débitent ces énormes et incroyables speech, probablement pour mieux aider à la digestion et dissiper les fu-

mées d'un vin qu'ils n'épargnent guère en pareille occurrence, c'est là aussi que se produisent et se révèlent les plus singulières indiscrétions.

Le dernier banquet qui, selon l'usage antique et solennel, a eu lieu à Londres pour l'installation du nouveau Lord-maire, nous fournit un exemple remarquable de cette malencontreuse faconde infligée à certains hommes, pour les punir, peut-être déjà ici-bas, de tous les maux qu'ils causent par leurs actes.

Nous ne relèverons pas le discours de l'ambassadeur de France, ce n'est d'ailleurs que le plagiat affadi de l'allocution de son auguste maître tenue à ses soldats, je ne sais plus dans quel camp, mais en tout cas, dans aucun de ceux de l'armée belligérante. Si le maître a pu, dans un écart de licence poétique, annoncer officiellement à ses soldats la prise de Sévastopol, il est bien permis à son fidèle serviteur d'espérer qu'au moment où il tenait le verre en main, les drapeaux réunis de France, d'Angleterre et de Turquie flottaient sur les murs ou plutôt sur les ruines de Sévastopol. En tout cas, M. l'ambassadeur n'y va pas de main morte: il lui faut la ville et encore qu'elle soit réduite en cendres. Il est tout naturel d'espérer ce qu'on désire, surtout quand on est sous la douce influence d'un vin généreux qui égaie l'esprit et ragaillardit le cœur.

Nous nous appesantirons encore moins sur le discours de lord Aberdeen. On ne se sent pas le courage de plaisanter en présence du triste spectacle que donne un homme d'Etat qui, par amour du pouvoir et pour s'y maintenir, renie, à la fin d'une carrière honorable, ses antécédents, ses principes, ses convictions, et enfin les devoirs impérieux de la conscience. Laissons donc le ministre de la paix se battre les flancs et enfler ses poumons pour lancer des phrases belliqueuses entremêlées des madrigaux obligés en l'honneur de la *grande alliée*.

Comme nous ne cherchons aujourd'hui qu'à nous divertir, c'est le discours de lord Palmerston, ce *capitaine tempête* de la chanson

russe, qui fera les frais de notre lettre. Le clown est le personnage inévitable de toutes les farces anglaises. Ce rôle est d'ordinaire rempli par le noble lord dans toutes les réprésentations officielles qui se donnent en Angleterre, pour amuser le peuple et faire oublier aux contribuables l'argent qu'ils déboursent et le sang qu'ils versent.

Le journal français la *Presse*, qui s'y connaît, recommande à l'attention générale *la verve intarissable de l'homme d'Etat et son toast semi-politique et semi-galant qui a été comme la grâce et la gaîté de la réunion.*

Après avoir, comme de raison, répété la phrase sacramentelle en l'honneur de „la grande nation et de son représentant distingué", car notons, en passant, qu'une clause secrète du traité d'alliance conclue entre la France et l'Angleterre, oblige, sous peine d'amende, à ne jamais, en parlant l'une de l'autre, hasarder le substantif tout crû, mais à l'assaisonner du qualificatif *grande*, l'orateur ajoute: „Si d'une part sa présence est l'emblême d'une heureure alliance „nationale, d'autre part, celle de lady Mayoress est le symbole d'une „heureuse alliance conjugale!" Plus loin, le galant orateur „espère „que l'alliance nationale entre l'Angleterre et la France durera aussi „longtemps que la plupart de ces alliances conjugales dont on a „sous les yeux les heureux et fidèles partners".

Observez, je vous prie, la présence d'esprit et la circonspection de l'homme d'Etat. Il ne s'est pas aventuré à dire *toutes les alliances*, mais s'est sagement renfermé dans le mot *la plupart*, faisant, pour éviter toute équivoque, la part probable des cas de divorce et de morts subites, qui auraient pu, si l'on avait trop abusé de la rhétorique, singulièrement compromettre la durée de l'alliance des deux nations.

Dans sa verve de *conjugaison*, lord Palmerston ne s'arrête pas aux mariages déjà accomplis. Entrepreneur de noces et festins, il songe aussi aux miss innocentes et disponibles qui assistent au banquet.

„Tandis que nous voyons, dit-il, les alliances naturelles et con-„jugales, longtemps cimentées et destinées, je l'espère, à avoir en-„core une longue et heureuse durée; d'autre part, en arrêtant nos „regards sur les charmantes figures des jeunes miss qui nous entou-„rent, nous pouvons pressentir une foule d'autres alliances à vénir, „destinées à être heureuses et aussi longues que leurs devancières".

Ici, ajoute la *Presse:* hilarité générale. Je le crois bien. On rirait à moins. L'ambassadeur de France, qui doit connaître son Molière, a dû se délecter étrangement à l'ouïe de ce langage qui lui rappelait si parfaitement celui des *Précieuses ridicules*, des Vadius et des Trissotins.

Cependant, en y regardant de plus près, je soupçonne le malicieux orateur d'avoir glissé une allusion politique sous le voile transparent de sa phrase galante.

Sous ces gracieuses figures de jeunes miss, serait-ce abuser de la liberté d'interprétation que d'y reconnaître l'Autriche, la Prusse et les autres puissances qui n'ont pas encore prononcé le *oui* fatal, et que le noble lord convie adroitement à venir goûter les douceurs matrimoniales d'un ménage à cinq, à six, etc.? Cette interprétation, selon nous, peut fort bien s'admettre d'autant qu'il s'agit de la question orientale et que lorsqu'on est en plein Orient ni la bigamie, ni la trigamie, etc., ne sont, en aucune sorte, des cas pendables. Après ce discours le Lord-Maire qui n'est pas d'humeur jalouse, a remercié lord Palmerston d'avoir trouvé Lady-Mayoress de son goût. Il est fâcheux que les sténographes ne nous renseignent pas sur ce qu'a pu dire et penser lady Elvire, en présence des excentricités galantes de son aimable don Juan.

Quant à nous, si nous avons, à notre tour, pris part à l'hilarité générale provoquée par la lecture de ce facétieux discours, nous dirons cependant aussi que ce rire momentané dont nous n'avons point su nous défendre, a bientôt fait place à un sentiment d'indicible tristesse: car enfin, c'est à propos et au milieu des circon-

stances les plus sérieuses et les plus pénibles, qu'a été donné ce grotesque spectacle. Nous n'avons malheureusement pas assez de charité et d'amour du prochain pour nous attrister de toutes les sottises qui se disent par le monde et encore moins à un dîner du Lord-Maire. Nous avouerons même que ce n'est pas sans une espèce de satisfaction que nous voyons nos ennemis se couvrir de ridicule. Mais ici le personnage qui est en scène donne au ridicule un nouvel aspect. Quand on pense que cet homme est un de ceux qui ont le plus contribué à amener la guerre qui ébranle aujourd'hui l'Europe et qui a déjà tant entraîné d'infortunes; quand c'est sur sa tête que doit retomber en partie le sang qui a déjà abondamment coulé; quand on pense qu'au moment où il débitait ses misérables quolibets, des centaines de ses braves et malheureux compatriotes tombaient, peut-être, sur le champ de bataille et sur une terre lointaine, on se demande si un pareil manque de moralité, de sentiment humain, de décence publique, une si complète absence de simple convenance n'a pas de quoi faire oublier le côté ridicule de son discours pour ne mettre en évidence, après tout, que ce qu'il a d'insultant et d'odieux.

Que dans les pays où l'on a maintenu les traditions de la monarchie pure et absolue, la nation qui n'est pas appelée à intervenir dans la nomination de ses ministres, refuse par fois sa sympathie et sa confiance à tel mandataire du pouvoir, cela se conçoit et s'explique aisément. Mais un pays qui a la prétention d'être la plus haute et la plus complète expression de la liberté politique et civile, est nécessairement solidaire des hommes qui sont à la tête de son gouvernement. Tant qu'ils se maintiennent au pouvoir, c'est que la nation sympathise avec leurs principes et approuve leur conduite. S'il en était autrement et si, tout en les désavouant au fond de la conscience, on était obligé de les supporter et de leur laisser la direction des affaires du pays, ne serait-on pas tenté de se demander: Si tous ces gouvernements représentatifs et constitutionnels, si cette pondération des pouvoirs dont on fait tant de bruit, ne seraient pas, en fin de compte, une fiction, une duperie, une mauvaise plaisanterie? Ou ce qui serait encore plus grave, on pourrait

se demander si des ministres comme ceux que nous voyons et des discours comme ceux que nous venons de lire n'accuseraient pas le triste symptôme de l'abaissement moral et de la déchéance d'une société qui abdique? Comment expliquer autrement le spectacle qui vient de nous être donné? Non, ce n'est pas impunément qu'une nation qui se croit placée à la tête de la civilisation et de la régénération du monde, assiste, dans l'élite de sa société, à une semblable turpitude et ne condamne pas au silence et à la retraite un ministre qui, dans les graves circonstances où se trouve son pays, ne recule pas devant le rôle de mauvais plaisant. Il ne faut jamais l'oublier, et jamais on ne saurait le répéter avec plus d'à propos: *le style c'est l'homme.*

LETTRE XXVII.

Décembre.

Nous n'avions pas tort dans notre précedente lettre de prêter une arrière-pensée politique aux fadaises que lord Palmerston a débitées au banquet du lord-maire. Le malin orateur, tout en faisant le mauvais plaisant à l'adresse des *jeunes miss*, flairait dans l'air un mariage qui devait sous peu lui assurer le titre de prophète. L'entrepreneur d'alliances ou de mésalliances conjugales, cet émule du forgeron de *Gretna-Green*, qui, comme l'on sait, a sur les frontières d'Ecosse une chapelle de contrebande, où se bâclent les mariages illicites, s'est, bientôt après le banquet, mis en campagne pour se rendre à Paris. Là, il a conféré avec son compère sur les moyens les plus prompts et les plus efficaces pour hâter la conclusion d'une affaire qui leur tenait à cœur. Le mariage était depuis longtemps sur le tapis; mais ce contrat était difficile à stipuler dans certaines clauses.

On avait un instant supposé que l'honorable commis-voyageur se rendrait dans le même but de Paris à Vienne, car c'était là que se trouvait la *jeune miss* qu'il fallait marier de gré ou de force, mais la saison était déjà mauvaise. Le négociateur, pour s'épargner l'ennui et les fatigues du voyage, a pensé qu'il suffisait d'y envoyer sa carte de visite. Le *Times* s'est chargé de cet envoi

pour être remis en main propre à son Excellence M. Buol de Schauenstein. Cette carte portait des armoiries convenables, composées d'un paquet d'allumettes chimiques et d'une pipe avec ces mots pour légende: *Il suffit de la pipe d'un caporal français pour mettre le feu aux possessions autrichiennes en Italie.* Cette aimable politesse n'a pas manqué de produire l'effet voulu. Lord Palmerston, c'est une justice à lui rendre, connaît son monde et M. Buol a compris sa seigneurie à demi-mot. Il est de ces natures délicates qui sont très-sensibles à l'outrage; on est toujours sûr de les amener à soi en leur adressant de fortes injures et de brutales menaces. Aussi, le digne représentant de la politique autrichienne s'est-il empressé de faire d'une pierre deux coups. Avec cet à-propos historique et ce sentiment de susceptibilité nationale qui le caractérisent, il a voulu, pour être poli avec tout le monde, que le traité d'alliance entre l'Autriche, la France et l'Angleterre, fut signé le 2 décembre, anniversaire de la bataille d'Austerlitz, anniversaire, comme on sait, de glorieuse mémoire pour les armes et la puissance autrichiennes. Il est vrai, soit dit en passant, que, grâce aux Autrichiens, nous avons aussi notre part dans ces souvenirs. Mais du moins, plus tard *le soleil d'Austerlitz* a un peu pâli devant la flamme de l'incendie de Moscou et s'est à jamais éteint dans les glaces de la Bérésina. L'Autriche, que nous sachions, n'a pas eu de pareilles représailles à faire valoir. En tout cas, grâce à M. Buol, elle a désormais deux soleils d'Austerlitz pour un: celui du 2 décembre 1805 et celui du 2 décembre 1854. Ce traité, d'ailleurs, était, comme nous l'avons dit, prévu depuis longtemps. Or, ce qu'on pouvait faire était de le retarder un peu, par motif de pruderie et un reste de fausse honte. Fausse honte, en effet, car la véritable datait de plus loin.

Pour en revenir aux figures de rhétorique de lord Palmerston, nous observerons que dans les mésalliances conjugales, ce n'est pas l'acte même qui peut porter atteinte à l'honneur de la *jeune miss*, quand elle oublie ses traditions de famile et les devoirs qu'elles lui imposent; non, ce pui lui inflige le blâme des honnêtes gens, c'est la conduite qu'elle a dû tenir précédemment et qui l'a poussée à ce mariage comme à une fatalité inévitable.

En y changeant quelques mots, on pourrait appliquer à ces mariages scandaleux le vers si souvent répété:

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.

L'échafaud n'est qu'une conséquence logique du crime, comme un mariage inconvenant n'est qu'une conséquence impérieuse et déplorable d'une conduite coupable ou du moins irréfléchie.

Du reste, quant à ce qui concerne le traité du 2 Décembre, il ne nous appartient pas de le juger et de l'apprécier sous le rapport autrichien. Chaque gouvernement est libre de rompre les alliances qui ne lui conviennent pas et de les échanger contre d'autres qui sont plus de son goût. Il est de ces affinités qui portent les individus, ainsi que les gouvernements, les uns vers les autres; ou pour parler plus simplement et plus bourgeoisement: Qui se ressemble s'assemble. D'ailleurs, il nous serait impossible, à nous autres profanes dans les mystères de la diplomatie, de bien saisir toute la portée de ce document politique, puisque les ministres anglais eux-mêmes, payés ou payant pour le comprendre, divaguent et se contredisent entre eux sur son véritable sens. Ce qu'il nous est permis, à nous autres simples gens, d'en conclure: c'est que l'Autriche a plus peur de l'Angleterre et de la France qu'elle n'a peur de la Russie. Car la politique autrichienne se résume toujours en une peur quelconque. Quant à nous, comme Russes, ce qui nous intéresse dans cet acte politique, c'est l'ère nouvelle qu'il semble devoir inaugurer pour nous et que nous saluons avec joie. L'Alliance autrichienne, que notre gouvernement a de temps immémorial maintenue et consolidée, souvent au prix des plus grands sacrifices, n'a jamais été populaire en Russie. Elle a toujours été une épine au cœur de la nation. De tous nos ennemis, nos bons amis les Autrichiens ont été constamment ceux que nous aimions le moins. Nous ne jugeons pas, nous racontons. Chaque fois que les exigences politiques nous rapprochaient d'eux et que nos armées marchaient au secours de l'Autriche, ce sentiment d'éloignement, ou d'antipathie, pour me servir du mot propre, se renouvelait et se fortifiait en nous. Les jugements portés par Souvorow, pendant la campagne d'Italie, sur le

caractère et les procédés du cabinet de Vienne, jugements empreints d'une vigueur et d'une originalité d'expression très-piquante, sont devenus populaires et proverbiaux en Russie.

Je regrette, pour le moment, de n'avoir pas sous la main l'histoire des campagnes de Souvorow, publiées à Pétersbourg il y a quelques années. J'aurais pu y trouver dans les actes publics, dans sa correspondance avec les autorités autrichiennes, plus d'une trace de la mauvaise foi, de la jalousie, de toutes sortes d'entraves et d'embûches que le cabinet de Vienne mettait en jeu pour contrecarrer et faire avorter les projets du chef de l'armée russe, que l'Autriche avait appelé à son secours.

Les historiens russes de nos guerres contre Napoléon, quand nous avions les Autrichiens pour auxiliaires, nous fourniraient aussi, dans ce sens, des preuves irrécusables. Notre dernière campagne en Hongrie, où nous avons sauvé et relevé l'Autriche qui était à la veille de sa chute, n'a guère été propre, si l'on consulte les sentiments et l'opinion de notre armée, à affaiblir ces antipathies nationales.

Ce n'est pas, j'ai hâte de le dire, que cet antagonisme soit fondé sur une antipathie de peuple à peuple, d'homme à homme. Il est vrai de dire qu'il y a au fond peu de sympathie entre le caractère russe et le caractère allemand. Ce manque de sympathie se retrouve d'ailleurs dans toutes les races slaves mises en contact avec l'élément germanique. Mais il ne s'en suit pas que les Autrichiens, comme individus, nous soient peu agréables. Bien loin de là; pour ma part, je revendique l'avantage et l'honneur d'avoir rencontré dans mes voyages plusieurs Autrichiens doués des qualités sociales les plus distinguées. J'ignore jusqu'à quel point sont fondées les assertions de la majorité de la presse européenne, qui prétend que l'esprit public nous est profondément hostile en Autriche. Ce qui est sûr, c'est que dans les personnages les plus haut placés dans la société autrichienne, soit par leur naissance, soit par leur talent, soit par leur position, je n'ai jamais trouvé que des hommes franchement oppo-

sés à l'alliance avec les puissances occidentales et douloureusement préoccupés de la nouvelle tendance que leur gouvernement commençait à manifester. Si je ne craignais d'être indiscret, je les nommerais, et je crois que la presse européenne aurait de la peine à m'opposer des noms plus respectables et plus respectés. Quant à l'esprit qui règne dans les conciliabules révolutionnaires et les estaminets de Vienne, je ne puis rien en dire avec connaissance de cause. Et, sous ce rapport, les journaux n'ont peut être pas tort en consultant l'opinion autrichienne prise dans ce milieu. En tout cas, il y aurait peut être lieu de répéter ici avec un écrivain très distingué, M. Bungener, qu'en temps de révolution et de désordre moral, ce sont les *minorités* qui sont toujours fortes et les *majorités* toujours faibles.

Si mon exemple ne suffisait pas, je pourrais ajouter en toute conscience qu'en Russie même, abstraction faite de la politique autrichienne, plusieurs des représentants de cette politique ont été dignement appréciés et goûtés, grâce aux qualités éminentes et aimables qui les distinguaient. La société de Pétersbourg. qui, après tout, a conservé les traditions sociales des meilleures époques se souvient, sans remonter plus loin, avec reconnaissance et regret de ses relations d'estime et d'affection avec les comtes de Lebzeltern, Fiquelmont et Collorédo. Si d'autres par leur tenue et leur conduite n'ont pas su s'associer à ces noms qui nous sont chers, la faute n'en est pas à nous. Si après avoir échoué dans les salons de Pétersbourg et auprès de l'opinion publique, ils ont emporté une rancune qui a pu avoir ses échos dans les conférences de Vienne et dans le traité du 2 décembre, nous n'y trouvons qu'une preuve nouvelle que les grands événements sont souvent amenés par de petites causes. On a bien dit que la France avait subi les désastres de la guerre de sept ans pour venger des sarcasmes de Frédéric-le-Grand, la vanité blessée de Madame de Pompadour et de son poète et favori l'abbé de Bernis, qu'elle était parvenue à faire cardinal et premier ministre. Comme nous sommes sur le chapitre des commérages politiques, mentionnons aussi que nos enfants pourront trouver dans les mémoires sur notre époque qu'à la rancune

diplomatique signalée plus haut, s'associe peut-être une autre rancune *de barbe et de moustaches rasées.* Des Viennois nous ont conté qu'un personnage influent avait fait le sacrifice de ses souvenirs de barricades dans l'espoir d'obtenir une audience d'un souverain qui passe pour ne point aimer les barbes et les moustaches de contrebande. Malheureusement le sacrifice a été fait en pure perte, le personnage n'a pas été reçu et a dû subir au retour de son voyage les mauvaises plaisanteries des méchants de la capitale, qui se sont égayés sur la mésaventure du ministre tondu.

Ces petits commérages nous ont éloignés de notre sujet: revenons-y. Le fait est que ce n'est pas le caractère intime de l'Autrichien qui nous éloigne de lui, mais bien le caractère de la politique autrichienne qui creuse un abîme entre elle et nous. Les principes et les traditions de cette politique sont tellement invariables et tout puissants qu'ils triomphent toujours des meilleurs sentiments individuels. En Autriche, le souverain officiel et l'homme privé sont souvent des êtres tout différents et parfaitement opposés l'un à l'autre. L'un, dans le fond de son âme, a le sentiment le plus vrai de tout ce qui est juste, bon et honorable: il peut avoir de la franchise, de la loyauté, mais dans la politique qu'il aura à suivre, aucune de ces tendances généreuses ne pourra se faire jour. Les traditions gouvernementales autrichiennes s'y opposent. L'histoire en fournit de nombreux exemples. Certes l'impératrice Marie-Thérèse était une femme d'un grand courage et d'un noble caractère. Sa tête était bien faite pour porter la couronne. Cela ne l'a pas empêchée, en vue d'intérêts diplomatiques, d'être en correspondance avec M-me de Pompadour et de ternir sa dignité de femme et de souveraine en l'appelant: *ma cousine.*

Après ce cousinage pourquoi ne serait-on pas le frère et l'allié d'un M. de Pompadour quelconque?

Les infortunes de Marie-Antoinette n'ont guères ébranlé et ému la politique du cabinet de Vienne; et cependant cette reine infortunée, livrée au bourreau pour le crime capital d'être autrichienne,

était sœur et fille des empereurs d'Autriche. Mais les puissances coalisées et l'Autriche à leur tête, avaient bien autre chose à faire qu'à marcher sur Paris pour prévenir ou venger les crimes qui s'y commettaient: préoccupés de petits intérêts d'égoïsme et de vanité, les gouvernements et les chefs se paralysaient entre eux et agissaient avec mollesse et désunion.

L'empereur François II avait certainement, comme homme privé et sous bien des rapports comme souverain, un caractère respectable. Eh bien! pour gagner quelques jours de répit, ne l'a-t-on pas vu livrer sa fille à son ennemi le plus acharné et qui avait porté les coups les plus rudes à sa dignité et à sa puissance! Il a consommé ce sacrifice inutile et contraire à ses sentiments de père et à ses croyances catholiques, puisque Napoléon était marié; il l'a consommé au moment où son ami l'empereur Alexandre lui avait donné un exemple tout opposé en refusant sa sœur à l'empereur des Français. Et certes, il eût suivi cet exemple, s'il avait obéi à sa conscience de père et d'honnête homme et non aux traditions impérieuses de la politique autrichienne, qui méconnaît toujours que les défaillances de l'honneur et les violations du devoir sont non-seulement une honte, mais encore un mauvais calcul, et plus tard un remords et un regret à la fois.

Je sais bien que la sentimentalité n'est pas de mise dans la politique et qu'il faut avant tout consulter les intérêts de l'Etat et les faire prévaloir sur les sentiments intimes, les prédilections, les engouements, ou les répulsions personnelles. Mai il est de ces cas suprêmes où le souverain et l'homme privé sont indivisibles. Ce qui porte atteinte à la moralité de l'homme, blesse aussi la dignité du souverain et la nation à son tour est atteinte dans sa dignité.

Qui pourrait, après les exemples que nous avons cités, être surpris du traité du 2 décembre? Ce n'est qu'un pas de plus dans l'ornière immuablement suivie par le cabinet de Vienne!

Rendons justice à M. de Buol. Il n'a rien inventé: il a continué. Les étonnements causés par *l'énormité de l'ingratitude* et l'énormité de la peur ne sont plus de saison. Tout le monde a eu le temps de se blaser là-dessus.

Du reste, pour être juste jusqu'au bout envers M. de Buol et envers le gouvernement autrichien, car il faut être juste même avec ceux que l'on aime le moins, on ne saurait méconnaître que la position de l'Autriche est difficile. Pour se défendre contre les accusateurs, elle aurait des causes atténuantes à faire valoir et qui pourraient jusqu'à un certain point sinon justifier (car ce qui est blâmable ne peut jamais être justifié), mais du moins expliquer sa conduite. L'Autriche n'est pas un Etat indépendant et homogène comme l'est la France, l'Angleterre, la Russie, la Prusse et même tout Etat de second ordre qui a une nationalité forte et compacte. L'Autriche est une autre Turquie, moins le fanatisme et la barbarie, qui, dans des conditions voulues, est aussi une force nationale. L'Autriche dans l'empire d'Autriche n'est qu'une faible fraction, une partie qui, contrairement aux lois de l'ordre physique et logique, est plus grande, plus puissante que son tout. Il y a longtemps que Voltaire disait à propos du feu Saint-Empire Romain: Je voudrais bien savoir pourquoi saint? pourquoi romain? et pourquoi empire? Depuis le nom a changé; mais on pourrait encore aujourd'hui se demander ce que veut dire l'empire d'Autriche? on le conçoit quand on se trouve à Vienne. Mais il devient plus difficile de le comprendre quand on est à Trieste, à Venise, à Milan, à Prague, à Bude, à Cracovie et dans la douzaine de capitales qui relèvent la bigarrure de cet empire, et qui, comme ces couleurs ou comme ces mots disparates dont parle le poète, *hurlent de se trouver ensemble.* Ce qui frappe le plus dans l'empire de Turquie, c'est le manque de Turcs; dans l'empire d'Autriche également, ce sont principalement les Autrichiens qui font défaut. Cette puissance n'est donc qu'une combinaison politique, une abstraction revêtue de formes conventionnelles pour satisfaire à un système voulu et toléré par les cabinets européens. Que leur politique change d'avis et que pour asseoir l'équilibre européen sur de nouvelles bases, ils jugent nécessaire de favo-

riser la création d'un empire slave, ou de quelques Etats slaves indépendants, d'un royaume de Hongrie indépendant, d'une Italie indépendante et ainsi de suite, et l'Autriche, réduite à sa plus simple et à sa véritable expression, devient du coup un Etat de second ou de troisième ordre. Le démembrement, certes, ne coûterait pas beaucoup d'efforts à être effectué. Il est permis de croire que si l'Europe le voulait, ce ne seraient pas les membres violemment incorporés à un trône étranger qui y mettraient opposition.

Le gouvernement autrichien sent bien, comme l'a dit un de nos spirituels compatriotes, que tout l'Empire d'Autriche n'est qu'un *talon d'Achille*, vulnérable sur tous les points. Au milieu d'Etats qui ont leur raison d'être, non dans les combinaisons d'autrui, mais dans des éléments de nationalité fortement organisés, cet Etat ne saurait être libre dans ses actions. Selon les circonstances, il doit toujours pencher et s'appuyer d'un côté ou de l'autre, être toujours à la merci du plus fort ou du plus violent. Toute sa politique fallacieuse ou pusillanime, et le plus souvent l'une et l'autre à la fois, n'est que l'expression inévitable de cette position fausse d'un grand empire qui n'a pas de force intrinsèque, mais dont la force est le résultat factice de combinaisons hostiles qui cherchent toujours à se détacher.

Sans aller chercher au loin les preuves de cet état de *dépendance* qui assujettit l'Autriche, nous les trouvons dans l'acte récent du 2 Décembre; quoique les clauses du traité d'alliance ne le mentionnent pas, quoique lord Aberdeen, dans un de ses derniers discours, ait nié que la France et l'Angleterre se soient engagées à garantir à l'Autriche ses possessions en Italie, en Hongrie et en Pologne, en reconnaissance de l'accord qu'elle leur prête; il est indubitable que cette assurance a été secrètement donnée. Si les expressions du traité ne le disent pas, l'esprit et le sens de ce traité le disent assez haut. Le cabinet de Vienne est trop prudent pour s'être livré pieds et poings liés aux puissances occidentales et s'être mis à leur discrétion, sans avoir pris des garanties contre ce qui pourrait se passer chez elle, tandis qu'elle serait occupée à faire les

affaires de la France et de l'Angleterre. Et on ne saurait le blâmer de cet acte de prévoyance. L'instinct naturel de la conservation et le simple bon sens lui en faisaient une loi. Mais de part et d'autre, on a cru nécessaire de passer cette clause sous silence. La chose n'était pas avouable pour l'Autriche, car de cet aveu elle se reconnaissait pour une autre Turquie qui a besoin, même chez elle, d'être sauvegardée par des baïonnettes étrangères, ni avouable pour la France qui, quoique courbée sous le despotisme le plus brutal, parle encore de liberté chez les autres, et bien moins pour l'Angleterre, dont la puissance sur le continent repose sur la protection qu'elle promet à toutes les révoltes.

Un fois entraînée dans la mauvaise voie qu'elle a choisie, l'Autriche ne pouvait se dispenser de s'assurer avant tout chez elle, et c'est certainement ce qu'elle aura fait, n'en déplaise au bon lord Aberdeen qui peut-être, au reste, n'est pas du secret, car ses collégues auraient pu craindre de troubler, par une nouvelle alarme, sa pacifique béatitude.

Après tout, ce traité, si on finit par en saisir le sens, a-t-il quelque chose de bien effrayant pour nous? car c'est là la question qui nous intéresse; pour ma part, je ne le crois pas. Comme de raison, c'est une complication de plus dirigée contre nous, et les hostilités auxquelles nous sommes en butte sont déjà assez nombreuses et compliquées. Mais, d'un autre côté, notre position en est plus franchement dessinée, et en politique, c'est beaucoup. Mieux vaut un ennemi déclaré qu'un neutre perfide. Dieu en soit loué, nous n'avons plus de ménagements à garder envers l'Autriche. Et ces ménagements ont trop longtemps paralysé et usé nos forces. J'ignore ce qu'en pensera notre cabinet mieux placé que nous pour embrasser la question dans son ensemble et dans ses conséquences, mais ce qui est hors de doute, c'est que cette rupture est un triomphe pour l'opinion publique en Russie. Et dans les moments suprêmes, le sentiment national, les sympathies et les convictions nationales, sont de puissants auxiliaires. Nous aurons plus de force en combattant les Autrichiens, si le sort nous amène à nous mesurer avec eux, que nous n'en aurions à les avoir à nos côtés.

En tout cas, il vaut mieux pour nous; tout en rendant pleine justice à la bravoure des soldats autrichiens, recontrer l'Autriche sur le champ de bataille que dans les conférences de Vienne et les tripotages de Londres et de Paris. Il est plus digne de la Russie d'avoir pour adversaire le noble et brave maréchal Radetzky que d'avoir M. de Buol pour négociateur et pour arbitre.

Il y aurait de la forfanterie et de la mauvaise foi à nier que la neutralité ferme, franche et consciencieuse de l'Autriche, telle que la Russie la lui demandait, nous eût été préférable dans les circonstances présentes, mais cette neutralité de sa part était impossible. La politique traditionnelle de ce pays et la composition de son cabinet actuel s'y opposaient. La politique de l'Autriche, aujourd'hui moins que jamais, n'aurait pu être *ferme, franche et consciencieuse.* A notre premier revers, à la première possibilité de gagner quelque chose, au prix d'une trahison, elle nous eût trahis. Il vaut mieux être trahi, avant qu'après, et il y a plus à gagner en cédant un allié perfide à ses ennemis, qu'en le gardant pour soi. Dans ce cas, nous avons encore la chance de voir l'Autriche nous rendre quelque service.

D'ailleurs, la neutralité d'après le nouveau code de droit, publié, promulgué par la presse et les publicistes européens, n'est plus de mise aujourd'hui. Selon leur doctrine, la neutralité est un acte de faiblesse, d'annihilation et de suicide de la part d'un gouvernement. Cette doctrine, faite pour attraper les niais et mettre le couteau à la gorge des faibles et des poltrons, semble vouloir gagner les hommes d'Etat. On méconnaît ou plutôt ont fait mine de méconnaître que la neutralité est au contraire un symptôme de force et indépendance. Tout petit Etat peut, dans certaines circonstances, être poussé à la guerre contre un ennemi plus puissant, ou à une guerre étrangère et contraire à ses intérêts. Mais il n'y a qu'un Etat véritablement puissant, fortement organisé qui puisse se tenir en dehors d'une conflagration, où se trouvent engagées d'autres puissances, et maintenir la paix à ses peuples, tandis que d'autres peuples sont autour de lui livrés aux ravages de la guerre. Il ne faut pas être

un fin et grand politique pour comprendre une pareille vérité: il suffit d'un peu de sens commun et de bonne foi. Mais c'est nommément ce qui manque souvent aux grands hommes d'Etat de notre époque. La preuve que la neutralité est une force et que les plus grandes puissances doivent compter avec elle, c'est que si lAutriche était restée strictement neutre, la France et l'Angleterre ne pourraient pas continuer la guerre contre la Russie. Et aujourd'hui encore, si la Prusse est assez courageuse et assez sage pour maintenir sa neutralité, les efforts des trois puissances n'aboutiront à aucun résultat important et seront paralysées par l'attitude de la Prusse. Pourra-t-on dire, par exemple, que c'est aussi par faiblesse que le gouvernement des Etats-Unis proclame et maintient aujourd'hui la neutralité! La France et l'Angleterre viendront-elles le sommer, comme elles l'ont fait avec l'Autriche, de se décider pour ou contre elles, dans les vingt-quatre heures? A en juger par le dernier message du Président, quelques tentatives auraient été faites dans ce sens, mais elles ont été repoussées comme elles méritaient de l'être par un Etat qui se respecte. Ces prétentions de la part de gouvernement étrangers *à dominer et à diriger la politique extérieure des Etats-Unis*, sont vigoureusement redressées par le noble langage de M. Pierce.

Il révèle aussi avec force et beaucoup de verve, les scrupules hypocrites des gouvernements qui prêchent la modération et le maintien de l'équilibre politique aux autres, tandis qu'eux-mêmes ne cessent *de subjuguer et d'absorber d'anciens royaumes, de planter leurs drapeaux sur tout le continent et possèdent aujourd'hui, ou manifestent la prétention de dominer toutes les îles de tout océan, comme étant leur domaine.*

C'est une réponse indirecte, mais péremptoire aux verbeux discours des ministres anglais, qui rabâchent encore aujourd'hui sur les projets ambitieux de l'impératrice Catherine, et qui pour s'opposer rétrospectivement et d'une manière posthume à leur mise à execution, poussent toute l'Europe à la guerre contre la Russie.

Tout cela serait absurde et ridicule si, avant tout, cela n'était odieux et lâche. Car les ministres anglais savent bien que si l'empereur Nicolas avait voulu s'emparer de Constantinople, il n'avait pas beaucoup de chemin à faire en 1829 quand son armée victorieuse se trouvait à Andrinople; plus tard, en 1848, l'occasion aussi était bonne pour faire ce voyage; c'était un train de plaisir que l'Europe occupée chez elle, et les révolutionnaires eux-mêmes, nous eussent laissé accomplir sans beaucoup de difficultés. Dans ces derniers temps encore, on l'a déjà dit et on ne saurait trop le répéter à qui veut l'entendre, aussi bien qu'à celui qui ne voudrait pas l'entendre, si au lieu d'occuper pacifiquement les principautés danubiennes, l'empereur de Russie eût voulu occuper hostilement Constantinople, il en eût été le maître, avant la levée de troupes en Turquie et l'arrivée des flottes alliées dans le Bosphore. Tout cela est clair comme le jour et vrai comme deux fois deux font quatre.

A l'inverse de l'œuvre de la création qui, par un mot, est sortie du chaos, la politique a dans son dictionnaire de poche certains mots qui rejettent le monde dans le chaos. Les mots mis en avant aujourd'hui sont l'équilibre européen et l'indépendance de l'Europe. Nous passons sous silence *la cause de la civilisation*, car il est par trop ridicule de faire représenter son triomphe par celui de la puissance mahométane; nous avons honte pour ceux qui affichent sur leurs drapeaux une pareille absurdité ou un pareil sacrilège. Humainement parlant c'est stupide; chrétiennement parlant c'est une abjuration. La civilisation turque n'est que le Coran. Combattre pour elle, c'est donner au Coran le pas sur l'Evangile. D'après tout ce qui se dit, c'est donc l'équilibre européen et l'indépendance de l'Europe qu'il faut maintenir à tout prix, et pour y arriver, il faut abattre la Russie, qui est un obstacle à l'un et une menace pour l'autre.

Nous pourrions citer l'opinion de Napoléon qui a dit que *l'équilibre politique était une rêverie.* Mais en parlant de ceux qui aujourd'hui le mettent en avant, nous dirons que cet équilibre n'est point une rêverie, mais un mensonge. Ces hommes d'Etat peuvent rêver,

j'en conviens; mais en tout cas, ils trompent, ceci est positif. La France et l'Angleterre ne veulent pas de l'équilibre; comme la Russie par son étendue et sa puissance est un contre-poids en Europe et un contre-poids salutaire pour les Etats du centre et les Etats de second ordre, la France, c'est-à-dire Napoléon III, hostile par sa nature révolutionnaire et usurpatrice à la légalité et à la légitimité des gouvernements, et l'Angleterre, jalouse et cupide de sa nature et révolutionnaire par le fait de ses ministres, veulent amoindrir le poids et la valeur de la Russie monarchique. C'est toute la question en deux mots. Pour parvenir à l'équilibre qui n'est que la paix et la sécurité, ces gouvernements contractent des alliances impossibles, rompent ou veulent faire rompre des alliances traditionnelles, emploient également la violence et la fourberie, tiennent l'Europe en suspens et dans un état de crise et d'angoisse, qui n'a jamais eu rien de pareil, la bouleversent d'un bout à l'autre, font couler des torrents de sang, ont soif d'en répandre encore davantage, et ne veulent tolérer qu'aucune nation sage et puissante se tienne à l'écart de cette boucherie. A les entendre, toutes ces horreurs se commettent pour obtenir la paix que seuls ils ont troublée et qu'ils rendent impossible. Pompiers étrangers, accourus pour éteindre l'incendie, qui menaçait deux maisons, ils mettent le feu aux quatre coins de la ville.

Cette conduite est jugée, même en Angleterre telle qu'elle le mérite. Il est probable qu'en France aussi elle trouve des juges sévères. Mais le suffrage universel y a fermé la bouche à tout le monde. M. le comte de Morny, président du corps législatif, dit qu'il s'en trouve très bien. Cela se conçoit; on conçoit aussi que les députés avec lesquels il va avoir à faire soient de bons et de sages enfants, peu turbulents, pas disputeurs, pas discuteurs, mais *courtois* et *polis*, comme il aime à le reconnaître.

Si le pouvoir du 2 décembre, même avant le 2 décembre, a pu saisir de nuit et traîner en prison les représentants légaux du pays qui ne lui convenaient pas, que ne ferait-il aujourd'hui avec ceux qui oseraient émettre la moindre opinion contraire à la sienne!

M. Bright, membre du parlement anglais, n'a pas craint, tout bon Anglais qu'il est, de dire ouvertement:

„Le danger de la puissance de la Russie n'est qu'un fantôme; „la nécessité de maintenir en permanence la domination mahomé- „tane en Europe est une absurdité; notre amour pour la civilisa- „tion, lorsqu'en même temps nous assujettissons les Grecs et les „chrétiens aux Turcs, est une honte, et nos sacrifices pour la li- „berté, lorsqu'en même temps nous exécutons les ordres de l'empe- „reur des Français qui a abattu une constitution libre et a dis- „persé par la violence militaire une assemblée nationale, est une „pitoyable imposture".

Ce discours a pu être lacéré par les mains de démagogues, ou de stupides séïdes du ministère anglais, dans je ne sais plus quel meeting, mais néanmoins l'opinion de l'honnête et courageux citoyen prévaudra sans appel dans le jugement que l'histoire portera sur notre époque.

Je ne sais si l'existence d'une Turquie mécréante et barbare est nécessaire au maintien de l'équilibre de l'Europe chrétienne, et si la clef de cet équilibre doit être confiée aux Turcs, ainsi que la chrétienté leur a déjà confié la clef du Saint-Sépulcre, cela peut-être, mais avouons cependant que cette nécessité serait assez étrange.

Quant à l'indépendance de l'Europe, il est plaisant de l'entendre proclamer par l'Angleterre et la France. Le message du président des Etats-Unis nous a déjà initiés au sens de cette indépendance, telle qu'elle est comprise par l'Angleterre. Nous n'y reviendrons pas. Mais nous rappellerons à la France que depuis soixante ans et plus, elle n'a cessé de menacer et de troubler l'indépendance et l'existence de tout ce qui est, à commencer par son existence à elle-même. Passe encore, si elle ne se démenait que chez elle, mais malheureusement l'esprit public en Europe, vicié par elle, se ressent toujours de ses crises fiévreuses. La France en est fière et appelle cela une puissance d'action. Soit, mais quelle puissance et

quelle action! voilà ce qu'il faut apprécier. La peste comme la contagion révolutionnaire est aussi une force active. Mais il ne s'en suit pas de là que les pestiférés aient lieu de s'en vanter.

Au nombre des mots sacramentels employés aujourd'hui par la politique pour conjurer les dangers que la Russie appelle sur l'Europe, j'avais oublié de parler des *intérêts allemands* qui se trouvaient singulièrement compromis et fortement menacés par *le sable* dont la Russie encombrait les bouches du Danube. Cela peut être, mais je ne puis rien en dire; n'étant pas allemand, je ne comprends pas bien la question dans toute son importance et sa profondeur. Nous avons une chanson qui dit que l'Allemand est un penseur si profond qu'on risque toujours de s'enfoncer et de se perdre quand on a affaire à lui.

Les embouchures de la politique allemande ont aussi leurs bancs de sable et leur profondeur qu'il est difficile de sonder. Il faut être deux fois Allemand pour comprendre un homme d'Etat allemand; le comprendre premièrement pour lui et puis pour soi, comprendre ce qu'il a dit et ensuite ce qu'il a voulu dire.

Si nous menaçons l'indépendance de l'Europe, on doit avouer que cette menace, comme le *poison lent* dont parlait Voltaire est bien lente à agir. Quand avons-nous porté nos armes en Europe pour attaquer l'indépendance de tel ou tel Etat? La réponse à faire à cette question est facile à trouver: jamais! Nous avons repoussé les agressions, nous avons combattu pour venir au secours des faibles qui nous appelaient quand ils étaient menacés par la force et la violence; mais nous avons toujours respecté les droits et l'indépendance de chacun. Notre cabinet a pu donner des conseils quand on les lui demandait, des avis et des avertissements quand l'intérêt de la Russie et de l'Europe les réclamait; nos avis dictés dans un sens de conservation et d'ordre public ont pu quelquefois prévaloir dans les cabinets de l'Europe. Mais où est donc le crime dans tout cela, et en quoi cette conduite tantôt généreuse, tantôt sage et prévoyante, a-t-elle eu quelque chose d'attentatoire à l'indépendance de l'Europe et à l'indépendance de tel ou tel Etat?

Quant à l'équilibre européen basé sur la puissance de la Turquie et l'affaiblissement de la Russie, c'est une question diplomatique que je laisse à juger et à trancher à d'autres plus experts que moi. Mais je pense qu'en dehors ou plutôt au-dessus de cet équilibre de cabinets qui est de pure convention, il en est un autre providentiel et humanitaire, et que cet équilibre ne nous a pas été confié en vain: c'est l'équilibre entre l'Occident et l'Orient.

La nation russe n'est pas une agglomération arbitraire de différentes nationalités: un élément national y domine. Nous sommes une race, et les races ne se dispersent et ne disparaissent que sous la main de Dieu quand leur heure a sonné; non par la main des hommes, non sous le coup de protocoles, ni même sous le coup de quelques batailles perdues. Eh bien! je crois que cette heure fatale n'a point encore sonné, et que la Providence ne se retirera pas de nous avant que nous ayons accompli l'œuvre à laquelle nous avons été appelés. Nous sommes dans la famille humaine les seuls représentants légitimes, indépendants et constitués de la race slave et de l'Eglise d'Orient. Notre position et notre cercle d'activité sont tracés: la Providence nous y maintient, nous y affermit, nous y aide depuis des siècles: elle nous y maintiendra, je le crois et l'espère.

Nous avons pu commettre des fautes et en porter quelquefois le châtiment dans le cours des âges et la succession des événements. Les nations, comme les individus, comme les gouvernements sont sujets à l'erreur. Rien de ce qui est humain n'est infaillible. Aujourd'hui encore nous sommes appelés à de rudes épreuves. Si cela est, c'est que cela devait être. Mais nous avons la foi que c'est pour notre bien.

Le peuple russe a ses défauts, mais il n'est pas orgueilleux dans le sens de l'orgueil du siècle, il est religieux, charitable, simple et généreux, fidèle à son souverain, résigné, brave et humble à la fois; il est toujours prêt à voler à la défense des opprimés: l'Eglise d'Orient est pour lui une mère qui a tout son amour, toute sa vénération; les fils aînés de cette Eglise sont ses frères et il aime à

verser son sang pour venger, et s'il est possible pour racheter leurs souffrances.

Ces vertus qu'il a toujours pratiquées et qu'il pratique encore aujourd'hui sont sa force; la Providence le laissera vivre et le maintiendra fort, car un peuple ne peut vivre que quand il est moralement fort.

La pratique de ces vertus, et l'influence qu'elles doivent avoir sur les destinées du monde, voilà l'équilibre que nous sommes appelés à maintenir et à faire triompher sur les empiétements et les perturbations de l'Occident.

La vie des peuples ne se compte pas par des années: elle ne se compromet pas par des époques d'arrêt ou d'empèchement dans sa marche vers le but qui lui est assigné par la Providence, ou que du moins le peuple considère pour tel. Car qui oserait prétendre à deviner les mystères de la Providence, et à expliquer d'avance ses décrets impénétrables? Mais l'accomplissement du devoir prescrit et approuvé par la conscience n'en est pas moins une chose sacrée.

Succès momentanés, échecs momentanés, ne veulent rien dire. C'est beaucoup pour les gazettes et les vanités du jour, mais ce n'est rien pour l'avenir et pour l'histoire. Tout se retrouve et se résume à la fin, ce qu'on a perdu et ce qu'on a gagné. Souvent les échecs d'aujourd'hui sont un gage des succès du lendemain, et le lendemain d'une nation puissante, ne s'accomplit pas dans les vingt-quatre heures. Une puissante nation doit avant tout savoir être patiente.

Ce que craint aujourd'hui la Russie, ce n'est pas la guerre avec un ennemi de plus, mais ce serait une paix qui l'arrêterait avant terme dans la consommation du sacrifice, qu'elle est fière et heureuse de faire. Ce sacrifice a pour but la cause la plus sainte qui puisse jamais stimuler l'ardeur et le dévouement d'une nation: c'est son indépendance, l'émancipation de son Eglise, la sécurité de ses frères

livrés aux violences et aux caprices de leurs dominateurs; c'est la majesté du trône de son souverain, lâchement outragée par de viles clameurs et d'odieuses calomnies. Ces injures n'atteignent certainement pas à la hauteur contre laquelle elles sont dirigées, elles retombent dans la fange d'où elles sont sorties, mais la nation en garde néanmoins un ressentiment profond et invincible.

LETTRE XXVIII.

Décembre.

Tel est l'esprit de vertige qui s'est répandu d'un bout du monde à l'autre, que bien peu de personnes sont encore en état d'apprécier les questions de l'époque à la clarté du bon sens et sous leur vrai point de vue. Le langage officiel de la plupart des gouvernements, celui de la presse, tout contribue à amasser et à condenser les ténèbres. Ce qui est encore bien pis, on jette à travers ces ténèbres des lueurs fausses et mensongères. Mieux vaudrait une obscurité complète, qui ne serait que l'ignorance. A sa place, on met l'erreur et la fraude. Les journaux, avides de combats meurtriers, étourdissent leurs lecteurs du bruit des canons qui grondent. Ils énumèrent once par once, la quantité de poudre consommée de part et d'autre, le chiffre des boulets et des bombes partis soit des camps alliés soit du camp russe, le chiffre des blessés et des tués. Et il s'entend bien que ces chiffres improvisés s'additionnent régulièrement dans un total favorable aux alliés et préjudiciable aux Russes. C'est toujours le côté matériel de la question qu'on fait valoir. On ne se doute pas ou on voudrait nier qu'il y a dans cette question un côté moral qui, même en admettant la vérité des chiffres qu'on étale, est tout-à-fait à notre avantage. C'est la répétition de la fable de Kriloff: Un visiteur curieux était allé admirer un musée d'histoire naturelle. Rien n'avait échappé à ses investigations studieuses:

les moindres insectes, les cirons les plus microscopiques, il les avait vus de ses yeux et touchés de la main. Il n'y avait que l'éléphant, qui était placé au milieu du musée, qu'il n'avait pas aperçu. Le chiffre de nos pertes, même reconnu pour vrai, serait très-douloureux pour nous, mais encore ne serait-ce pas lui qui pourrait constituer le bilan moral de la situation présente et le devis final de l'avenir. Ce n'est pas dans les batailles de l'Alma et d'Inkermann, perdues ou gagnées, à demi-gagnées ou à demi-perdues, que l'on doit chercher la valeur morale et le côté édifiant de la guerre qui ébranle le monde. Ce qui est important et serait digne d'éveiller l'attention de l'Europe et l'inviter à la réflexion, c'est le spectacle que donne la Russie. Attaquée par des forces combinées et formidables des bords de la mer Noire jusqu'au Kamtschatka, de la Baltique et de la mer Blanche jusqu'aux provinces trans-caucasiennes, rencontrant des ennemis partout et ne trouvant d'alliés nulle part, elle tient cependant bon. L'étendue qu'elle a à défendre fatigue et confond la pensée: et cependant si ce n'est toujours avec succès, c'est du moins avec une opiniâtreté soutenue qu'elle résiste partout aux attaques simultanées, conduites avec force, énergie et bravoure, et soutenues par toutes les ressources qu'une civilisation avancée offre comme moyens d'extermination. Certes, la Russie ne s'attendait pas que la question turco-russe pouvait, entre autres, se vider sur les côtes lointaines de l'océan Pacifique. Eh bien! là encore les efforts acharnés d'un ennemi qui se multiplie partout et sans cesse, sont venus se briser bien plutôt contre la force morale que contre la force matérielle de la Russie. Cette résistance générale sur tous les points est déjà, quoi qu'on en dise, une victoire de tous les jours, de tous les instants. C'est le triomphe de la force morale sur la force matérielle.

Nous le demandons à tous les hommes sensés et de bonne foi, fût-ce même parmi nos ennemis, quelle est la puissance en Europe qui aurait pu tenir tête à cette explosion, à ce débordement d'hostilités qui nous enserre dans un cercle de fer et de feu? Nous ne demanderons pas: serait-ce l'Autriche? nous demandons serait-ce la France? serait-ce l'Angleterre? Tout en rendant justice au patriotisme

de leurs peuples et à la valeur de leurs soldats nous ne craignons pas la réponse qu'on pourrait nous faire. La Russie seule est capable de ne pas plier sous un pareil orage. Et ce qui est tout aussi incontestable, c'est qu'elle ne pliera pas, tant que son gouvernement croira nécessaire de résister. Depuis plus d'un an qu'elle combat, son énergie morale n'a subi aucune atteinte; loin de là, elle grandit avec les dangers. Ses forces matérielles mêmes ne sont point entamées. Nous ne parlerons pas de la Turquie; mais voyez où en sont la France et l'Angleterre après quelques semaines de luttes sérieuses et, selon elles, à la suite de victoires brillantes et d'exploits qui, à en croire lord Palmerston, font pâlir *l'histoire* et *la fable:* la fable surtout, notons-le en passant. Eh bien! ces deux grandes puissances sont déjà aux abois. Aux cris de triomphe qui ont précédé leur attaque, succèdent les cris de découragement et de détresse, une fois qu'ils ont eu à se mesurer corps à corps avec *le colosse aux pieds d'argile*, dont on allait si promptement et si aisément avoir raison. Ils voient bien, à présent, que le prestige dont le colosse est entouré quand on le regarde de loin, n'est pas de nature à s'évanouir quand on a l'imprudence de venir l'affronter de près. Je vous livre ses bras: peut-être n'ont-ils pas encore fait tout le mal qu'ils auraient pu vous faire. Mais loin d'être d'argile, ses pieds sont de bronze: ils tiennent vigoureusement au sol, et vous ne sauriez le faire reculer d'un pas.

Nous ne nierons pas que vous n'ayez obtenu quelques succès: mais encore quelques victoires pareilles à celles qui enflent vos bulletins, et, nous autres battus, nous finirons bientôt par avoir raison de ces légions formidables qui ont envahi notre pays: elles sont déjà décimées et ne tarderont point à être complètement absorbées par vos victoires.

Déjà la France retire ses troupes de l'Algérie, d'Athènes, de Rome, pour aller au secours de celles qui sont en Crimée. A peine a-t-elle conclu un emprunt qu'elle en conclut un second deux fois plus considérable que le premier, et qui, comme le dit naïvement l'empereur (dans son discours d'ouverture de la session de 1855),

„accroîtra *sans doute* la dette publique." (Il est encore fort généreux à lui de permetre qu'on n'en doute pas.)

L'Angleterre, bien plus que la France, réduite aux abois, recourt aux mesures les plus contraires à sa législation et aux sentiments de la nation. Elle a commencé la campagne en chantant aux banquets donnés en l'honneur de Napier: elle la continue en poussant des soupirs, en faisant des jérémiades, des aveux d'impuissance et d'imprévoyance. Et le même ministère qui a poussé hier à la guerre, vient aujourd'hui déclarer qu'il a eu grand tort de l'entreprendre. Il ne le dit pas en toutes lettres, cela s'entend bien. Mais les aveux et les doléances ne veulent et ne peuvent dire autre chose.

L'empereur des Français est aussi contraint à faire de pareils aveux. Voyez sa lettre au général Canrobert: „Après la brillante victoire de l'Alma, y est-il dit, j'avais *espéré* que l'armée ennemie *en déroute* n'aurait pas réparé si promptement ses pertes, et que Sévastopol serait bientôt tombé sous nos coups". Que veut dire en d'autres termes cet aveu forcé? c'est qu'une armée *en déroute* avait plus facilement réparé *ses pertes*, qu'une armée victorieuse ne s'était *relevée* de ses succès. Ou bien encore que la brillante victoire de l'Alma n'en a pas été une, ou du moins qu'elle n'a été qu'une victoire incomplète et stérile; que *la déroute* de l'armée ennemie, qui s'est retirée en bon ordre devant des forces bien supérieures, n'a jamais existé que dans l'imagination de Sa Majesté. La bataille d'Inkermann, pas plus que celle de l'Alma, n'est une de ces victoires qui décident du sort de la guerre. Et la preuve, c'est que Sévastopol a résisté à ces deux combats, n'a point encore jusqu'à aujourd'hui réalisé les espérances impatientes des alliés et n'est point tombée sous leurs coups.

Ce n'est pas à nous à relever ce que cet aveu et la façon dont il est formulé, ont de flatteur pour le général de l'armée d'Orient et les braves soldats qu'il commande. Quand on parle d'un espoir déçu à des soldats dont on attendait la réalisation de cet espoir,

c'est comme si on leur disait: Vous avez peut-être bien fait, mais j'avoue que je croyais que vous feriez mieux. Au reste, ce qui est plus que probable, c'est que les rapports confidentiels du général en chef, et on aime à le croire pour son honneur et sa franchise de soldat, n'étaient pour rien dans les rêves qui berçaient l'imagination de son auguste maître, rêves si singulièrement compromis et dénoncés par la réalité. Toutes ces fanfaronnades *à la tartare* et au *Moniteur universel*, annoncées à grand bruit à Paris, sont des spéculations de bourse et de gouvernement qui jouent ensemble pour arrêter la baisse des fonds et de la confiance publique. Le chrétien dit: à chaque jour sa peine. La France du 2 décembre dit: à chaque jour son mensonge. Le gouvernement français le pratique, comme don Basile pratiquait la calomnie. L'une tombe comme l'autre, mais il en reste toujours quelque chose dans l'air. Les badauds et les niais l'avalent en respirant. Et cela suffit, le mensonge du jour une fois tombé et oublié, sera suivi du mensonge du lendemain.

Il n'est pas hors de propos de signaler ici que l'Europe ne croit plus qu'aux bulletins du prince Menschikoff. A Paris même, les gens intéressés à connaître la réalité et les gens de bon sens partagent cette confiance. C'est le triomphe de la vérité sur l'opinion égarée. Mais c'est aussi notre triomphe. On commence à reconnaître la véracité de nos bulletins: on finira par reconnaître la vérité de notre situation et de notre attitude.

C'est encore une des victoires morales que nous avons eu à remporter sur nos ennemis. Elle ne nous surprend pas: nous nous y attendions.

Bien des rectifications ont déjà été amenées par les événements: l'avenir en prépare encore de nouvelles.

Y a-t-il longtemps qu'on disait notre armée affaiblie et démoralisée! Toute rencontre avec les Turcs était une défaite pour elle. Si cela était vrai, il paraîtrait que les Russes se font battre plus volontiers par les Turcs que par les Français et les Anglais. Ces

pauvres Turcs qui hier encore étaient des héros, paient cher les dithyrambes que la presse chantait en leur honneur, aujourd'hui qu'ils sont dans les rangs des alliés. De héros et de soldats qu'ils étaient, on en fait des bêtes de somme, bonnes tout au plus à faire le gros ouvrage. Mais à titre de combattants et d'auxiliaires, les généraux alliés n'en veulent plus. Omer-Pacha, ce héros de la veille, n'est plus qu'un mythe. On l'attend en Bessarabie, on l'attend en Crimée, où jusqu'à présent il n'a pas paru. Satisfait des lauriers qui lui ont été généreusement offerts, tandis que l'ennemi ne l'avait jamais rencontré sur le champ de bataille, il ne se soucie pas de les risquer à la première rencontre avec les Russes. Aussi jusqu'à aujourd'hui n'a-t-il guère bougé, il a probablement ri dans sa barbe de renégat en voyant les Anglais et les Français aux prises avec les Russes, et il attend que ses chers compatriotes les Autrichiens aillent aussi se compromettre dans la bagarre. Et Schamyl, cet autre allié des puissances occidentales dans la grande lutte de la civilisation contre la barbarie, où est-il à l'heure qu'il est? Ses fonds ont considérablement baissé et l'Europe ne songe guère à lui, à lui qui devait également porter un coup mortel à la puissance de la Russie. Quant aux Turcs, il se pourrait en effet qu'ils se battent moins bien, et que peut-être ne veulent-ils plus se battre, depuis qu'ils sont enrôlés sous les drapeaux alliés.

L'explication n'en serait pas difficile à trouver. Ce que l'on ignore en Europe, c'est que les Turcs ont beaucoup de bon sens et de dignité, choses qui manquent complétement à leur gouvernement dévoué ou vendu aux puissances occidentales. Quand les Turcs se battaient seuls contre nous, ils étaient animés d'un fanatisme religieux et national et croyaient combattre pour l'indépendance de leur foi et de leur empire menacés par la Russie. Aujourd'hui que les alliés ont fait du Sultan et de ses ministres des muets du sérail, les vrais Turcs voient bien que leur indépendance est bien plus compromise par leurs amis que par leurs ennemis. Pourquoi donc iraient-ils se battre? Le *fatalisme* turc a remplacé le *fanatisme* turc: ils ne font plus d'efforts pour vaincre ou mourir. Ils laissent les chrétiens s'égorger entre eux et sont indifférents à l'issue d'une lutte

qui ne peut être profitable pour eux, ni d'un côté, ni de l'autre. Bien plus, il est très-probable que s'ils font des vœux, c'est plutôt pour nous que pour les alliés. Ils ont déjà été à même, plus d'une fois, d'apprécier la générosité d'un ennemi. Aujourd'hui ils apprécient les violentes arrogances, l'ambition et la cupidité d'alliés, qui, par leur soi-disante protection, les humilient et les épuisent plus que ne pourraient le faire dix batailles perdues. Je connais une lettre d'un personnage éminent en Turquie qui disait: „Il paraît que nous avons grandement péché en désirant la retraite des Russes, car grand est notre châtiment en ayant les Français, les Anglais, et surtout les Autrichiens sur les bras".

Il n'y a pas de doute que les vrais Turcs sont aussi profondément blessés du silence que les alliés gardent à leur égard, au milieu des éloges fastidieux qu'ils se renvoient d'un parlement à l'autre. Ils comprennent la portée de ce silence et l'avenir qu'ils doivent en augurer. Ils pourraient d'ailleurs s'en consoler par le ridicule que les éloges inopportuns jettent sur les deux gouvernements. Il n'y a pas à nier la bravoure des troupes anglaises et françaises. Ce n'est pas nous qui la révoquerons en doute, car le mérite de notre résistance est en proportion de la valeur de l'attaque. Que cette valeur propre aux deux armées, que les dangers, les fatigues qu'elles ont à subir en commun, établissent entre elles une fraternité pour le moment cordiale, c'est tout naturel, et c'est tellement naturel, qu'on ne saurait comprendre l'espèce de surprise et d'admiration qu'en ressentent leurs gouvernements. Ils se décernent réciproquement des médailles de sauvetage, comme s'il y avait le moindre dévouement, la moindre abnégation, dans la coopération que l'armée anglaise prête à l'armée française et celle-ci à l'autre. Il est clair que la défaite de l'une aurait été tout aussi préjudiciable à son alliée.

Quand le *Monitenr* nous dit que cette *solonnelle manifestation* des sentiments d'un grand peuple envers son loyal allié *a été jusqu'ici sans exemple*, il a fortement raison. Il est vrai que jusqu'ici personne n'avait donné le spectacle d'un ridicule aussi solennel. Les

gouvernements alliés croyaient-ils donc que leurs armées respectives iraient se faire de niches au milieu de la bataille pour se nuire réciproquement. Un peu de patience, les niches viendront après. La naïveté des éloges que se passent l'un à l'autre, l'empereur des Français et la reine Victoria, sont dignes de la naïveté du langage du premier, qui disait dans sa lettre au général Canrobert: „Si *la victoire* est encore venue illustrer nos drapeaux, c'est, je le *déclare* avec fierté, au patriotisme et à l'indomptable bravoure de l'armée que je le dois".

Cette déclaration, et faite encore avec *fierté*, est par trop plaisante. Dites-moi de grâce à qui donc peut-on devoir la victoire (si victoire il y a) si ce n'est à l'armée? L'attendait-on par hasard de la coopération des épiciers et des marchands de bonnets de coton?

Le langage de Napoléon III n'est pas d'ailleurs toujours aussi naïf. Nous ne nous arrêterons pas sur la phrase de son discours au corps législatif, quand il parle d'un grand empire, *rajeuni par les sentiments chevaleresques de son souverain*, parce qu'il s'est détaché d'une puissance à laquelle cet empire avait toujours été allié. Nous laissons les Autrichiens juges de ce compliment qui flétrit tout leur passé. Nous ne relèverons pas non plus l'abus d'amplification et d'exagération quand il dit: „Ainsi, Messieurs, plus la guerre se prolonge, plus *le nombre* de nos alliés augmente." Notez que le nombre se réduit jusqu'à présent à un chiffre premier et unique. Notez encore qu'il ne s'agit pour le moment que d'une alliance purement défensive, car son caractère d'alliance offensive se trouve dans la région des *peut-être*, comme l'avoue l'empereur lui-même. Ce qui nous frappe le plus dans ce discours, c'est le langage hautain et méprisant que l'on y tient envers l'Allemagne. Jamais Napoléon I-er, au faîte de sa toute-puissance, quand il s'était fait proclamer le protecteur de l'Allemagne, ou de la Confédération du Rhin, ne l'avait traitée avec plus de dédain et de sans-façon.

Après avoir remercié l'armée anglaise de s'être bien battue pour lui, l'empereur des Français ajoute:

„L'année prochaine, si la paix n'est pas encore rétablie, j'espère avoir les mêmes remerciements à adresser à l'Autriche et à *cette* Allemagne dont nous désirons l'union et la prospérité".

Et quand on se dit que *cette* Allemagne, cette bonne et excellente Allemagne brigue et mendie, du moins par l'organe de quelques-uns de ses membres, l'honneur de recevoir à genoux et au prix de son sang, les remerciements que daigne lui promettre Sa Majesté, on ne sait trop ce qui doit le plus surprendre, de l'arrogance française ou de l'humilité allemande.

LETTRE XXIX.

Décembre.

Il est édifiant d'apprécier le taux auquel le ministère anglais évalue le patriotisme de sa nation. Pour justifier le gouvernement du cachet de nullité et de ridicule dont a été frappée l'expédition de la flotte dans la Baltique, lord John Russell répondait dernièrement à l'opposition que cette nullité et ce ridicule avaient été commandés par les circonstances; que la flotte en attaquant Sveaborg, Cronstadt ou Revel risquait de perdre quelques vaisseaux, et que la perte de trois ou quatre vaisseaux aurait répandu dans le pays une panique qui pouvait compromettre tout le succès de la guerre. De l'aveu du ministère, il est donc constaté que le patriotisme anglais ne saurait résister au moindre échec. On est très-patriotique en Angleterre quand on croit avoir quelque chose à gagner à coup sûr: mais dès qu'il y a de sérieux sacrifices à faire, c'est autre chose. Le patriotisme est à la baisse et la panique gagne la bourse, les esprits et les âmes.

Plus récemment encore, à propos du projet de loi pour autoriser le gouvernement à faire des enrôlements à l'étranger, le ministère anglais, par l'organe du même lord John Russell, disait ouvertement et hautement que si ce projet n'était pas adopté par les représentants du pays, il devenait impossible de continuer la guerre. Autre preuve tout aussi édifiante et concluante du patriotisme et

de la puissance de l'Angleterre. Après quelques semaines de campagne, et notez encore d'une campagne signalée, au dire du ministère, par des victoires sans exemple, les Anglais n'en peuvent plus. L'Angleterre, qui a encore des guinées dans sa poche, peut bien continuer la guerre, si l'on veut, ce ne sera plus en se battant, mais en achetant et payant argent comptant le sang étranger. Quant au sang anglais il n'y en a plus dans les veines. Tout bien pesé, il n'y en avait que pour deux batailles, et encore parce qu'on se flattait qu'au bout de ces deux batailles, on aurait Sévastopol et la paix. Le calcul déjoué, il faut avoir recours à d'autres expédients: d'une affaire d'honneur, on va faire une affaire d'argent. Le ministère a posé cette question comme question de cabinet. Il se retirait, si le projet tombait. Cette menace, comme on le comprend bien, n'était qu'une tactique parlementaire. On voulait effrayer le pays et surtout les ministres qui auraient été appelés à remplacer les démissionnaires. On savait bien que personne n'aurait envie d'accepter l'héritage d'un ministère imprudent et incapable, qui avait entraîné le pays dans une guerre désastreuse, avait tout embrouillé, soit dans l'administration intérieure, soi dans les rapports diplomatiques, et avait rendu la guerre, par son imprévoyance et par son arrogance, aussi impossible que la paix. C'était céder à son prochain une maison en feu: on était sûr d'avance que personne ne se soucierait d'y entrer pour en prendre possession.

Aussi le projet a-t-il été forcément imposé. Battu moralement par l'opinion du pays et de ses représentants, il s'est relevé flétri et meurtri à l'appui d'un chiffre minime. Ce succès matériel et numérique n'en est pas moins, pour le ministère, une grave défaite morale et politique. C'est un signe de sa chute prochaine. Mais ce ministère est aguerri à de pareils échecs. De culbute en culbute, il se redresse, se cramponne à quelques chiffres, si médiocres qu'ils soient, et reste suspendu en l'air, jusqu'à ce qu'un bon coup de majorité parlementaire le fasse tomber à plat.

Voici donc le gouvernement anglais qui va aujourd'hui faire le métier du juif Shylloc. Il donnera de l'argent à ceux qui s'engage-

ront à lui donner de la chair vive. Il va proposer ce scandaleux et odieux marché en Suisse, en Hollande, en Belgique, en Allemagne, en Suède, en Danemark, partout où il espèrera trouver des gens sans aveu, sans feu ni lieu, des forçats libérés, des aventuriers de tout genre. Mais si l'Europe ne pouvait pour le moment lui fournir ce contingent de *chair à canon* et d'enfants perdus, si les gouvernements, bien avisés et attentifs au cri de l'humanité et de la conscience, s'opposaient formellement à cette *presse* européenne pour le bon plaisir de l'Angleterre, que ferait-elle dans cette cruelle alternative? Elle veut la guerre, mais son ministère déclare que sans légion étrangère elle doit y renoncer, et que lord Raglan doit prendre congé de Sévastopol et de la Crimée, tout comme l'amiral Napier a pris congé de la Baltique.

Quoi qu'il en arrive, l'Angleterre chrétienne, l'Angleterre libre et civilisatrice met aux enchères le sang des blancs et des chrétiens, elle qui, avec hypocrisie et dans un but d'intérêt mercantile, fait tant de tapage au sujet du trafic des noires. Elle n'a pas honte de recourir à d'odieux expédients dans une question où, selon les principes qu'elle met en avant, il s'agit de son honneur, il s'agit d'avoir raison d'un ennemi qui la nargue et l'outrage. Que dirait-on d'un homme qui, dans une affaire d'honneur qu'il aurait lui-même provoquée, irait soudoyer des spadassins pour tuer un adversaire? En pareil cas, la déloyauté d'une nation est tout aussi flagrante que celle de l'individu.

Lord Palmerston se moque du bon sens et de son pays, quand, pour justifier la mesure proposée, il cite l'exemple de Napoléon qui avait aussi sous ses ordres des troupes de toutes nations et s'en trouvait fort bien. L'armée française n'a jamais eu parmi elle de légions louées à tant par tête et à l'heure, elle avait des auxiliaires qui, de gré ou de force, lui étaient envoyés par leurs gouvernements. C'est tout autre chose. Ces auxiliaires pouvaient gémir d'être condamnés à se battre et à verser leur sang pour la cause française, mais sans faire de politique et aussi sans trafiquer de leur sang, ils obéissaient à leur souverain, ils se battaient pour l'honneur

de leur drapeau et de la nation à laquelle ils appartenaient. Les soldats français sur le champ de bataille n'avaient pas à rougir en fraternisant avec des mercenaires et des sicaires. Napoléon, tout Corse, tout despote et ambitieux qu'il était, comprenait mieux l'honneur français que le cabinet de Londres ne comprend l'honneur anglais.

Lord Palmerston lui-même, quand les circonstances le permettent et que les intérêts de l'Angleterre l'exigent, apprécie mieux qu'il ne le fait aujourd'hui ce qu'il y a d'honorable pour une nation et un gouvernement dans le maintien d'une neutralité stricte et absolue. En 1840, lors du traité du 15 juillet qui avait isolé la France des cinq grandes puissances, Sa Seigneurie, alors principal secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères, faisait, par l'organe de M. Morier (ministre plénipotentiaire de S. M. britannique près la Confédération suisse), remercier le Haut Vorort pour les mesures qu'il avait adoptées afin de maintenir avec *bonne foi* les obligations de neutralité contractées par la déclaration signée à Vienne en 1815.

Aujourd'hui, il paraît qu'on craint cette *bonne foi* qu'on applaudissait alors, et l'on cherche à la suborner. Les journaux suisses parlent de négociations ouvertes par le ministre anglais près du président du Conseil fédéral, pour être autorisé à faire *ouvertement*, au compte de l'Angleterre, des enrôlement en Suisse. La duplicité de la politique anglaise se retrouve toujours et partout. Il n'y a qu'à soulever le feuillet officiel et public qui recouvre le dossier secret de toute négociation anglaise, pour y trouver un mensonge, une déloyauté ou une trahison.

Que ces tentatives d'embauchage réussissent, ou non, en Suisse et ailleurs, c'est l'affaire des gouvernements de les tolérer ou de les repousser avec indignations. Ce qu'il nous tenait à constater, c'est que cette mesure était de la part de l'Angleterre un aveu d'impuissance et une tache à son honneur et à son patriotisme.

Au milieu de ce déplorable débordement de mesures déloyales, d'actes et de discours mensongers, auxquels se livrent nos ennemis,

en présence d'actes timides accompagnés toujours de quelque restriction mentale, de promesses et de discours ambigus de ceux qui ne se sont point encore ouvertement déclarés contre nous, qu'il est consolant pour tout Russe de voir l'exemple donné par la Russsie et son gouvernement. Là tout est simple et édifiant de vérité, beau de dévouement. A chaque action, à chaque parole, on retrouve la conviction qu'un seul sentiment, qu'un seul devoir anime, soutient et guide le souverain et la nation. Comparez le dernier manifeste émané le 14 décembre 1854 avec d'autres manifestes et documents publics qui ont paru depuis le commencement de la guerre. C'est toujours le même langage, car quand on est dans le vrai on ne saurait varier d'opinion et de principe. Une année de luttes, de sacrifices n'a pas affaibli le courage, ni aigri les ressentiments du gouvernement. Ce qu'il a toujours voulu, c'est, comme le dit le manifeste: „*sauvegarder les immunités solennellement reconnues de l'Eglise orthodoxe et de nos corcligionnaires d'Orient.*" C'est encore uniquement ce qu'il veut aujourd'hui. La paix qui assurerait ces garanties, la paix *qui serait compatible avec la dignité de l'empire et les intérêts de ses sujets*, l'empereur *ne la repousse pas*, il l'accepte, car ce n'est pas lui, *pénétré du devoir de chrétien* qui pourrait *désirer une plus longue effusion de sang.* Mais il a *un devoir non moins sacré* à observer: ce devoir, dans la lutte opiniâtre où la Russie s'est trouvée engagée, *lui commande de se tenir prêt à des efforts et à des sacrifices proportionnés aux moyens d'action dirigés contre lui.* Il fait appel aux Russes, *à ses fidèles enfants*, et il est sûr de retrouver en eux les Russes de l'empereur Alexandre, *qui, dans une année d'épreuves semblables à celles d'aujourd'hui, ont fait face aux rangs des ennemis pour défendre les biens les plus précieux au monde: La sécurité et l'honneur de la patrie.*

Ce langage simple, vrai et énergique, est à la portée de tout le monde; il fait vibrer en Russie les mêmes cordes dans le cœur du patricien et de l'homme du peuple, du soldat et du laboureur. La Russie est brutalement attaquée: elle doit se défendre à outrance et jusqu'à la dernière goutte de son sang. Ceci n'est pas de la politique transcendante, ni abstraite: c'est de la politique élémentaire

et populaire. Tous, jusqu'aux femmes et aux enfants, la comprennent en Russie. Les mères envoient leurs fils sur le champ de bataille. Les adolescents s'enrôlent sous les drapeaux. Comparez un peu cette politique à la phraséologie que mettent en avant les puissances occidentales pour demander aux peuples leur argent et leur sang, qu'on va répandre à torrents sur le sol russe. C'est, par exemple: le maintien de l'équilibre européen, énigme à laquelle les populations n'entendent rien. C'est le duel de la civilisation contre la barbarie, autre métaphore aussi stupide que mensongère; c'est soi-disant l'intégrité de l'Empire ottoman, pour laquelle aucun Anglais et Français de bon sens ne donnerait ni un penny, ni un liard, si on ne lui mettait le couteau sur la gorge pour l'obtenir; c'est la conquête de la paix, à laquelle on veut atteindre par la guerre, c'est-à-dire on inocule la peste à l'Europe pour lui donner le plaisir de l'en guérir.

Voilà les misérables prétextes que la France et l'Angleterre font valoir pour donner à leur cause, toute aussi misérable, une apparence de justice et d'utilité. Il y a bien un duel à mort aujourd'hui en jeu, mais ce n'est pas celui de la civilisation et de la barbarie: c'est celui du mensonge et de la vérité.

Le bon sens des peuples finira bien par se faire jour. Une voix immense s'élèvera et demandera aux gouvernements français et anglais de dire en bonne prose et en termes clairs et précis le but de la guerre qu'ils ont entreprise. Vous dites, leur criera cette voix, que vous êtes allés venger l'honneur de vos pays outragés par la Russie: mais en quoi et où cet honneur a-t-il été outragé? La Russie vous a-t-elle menacé d'envahir vos champs et de brûler vos villes? Non! pourquoi donc allez-vous porter chez elle le feu et le carnage?

Le ministère anglais, fort alors de ses légions étrangères, répondra comme Pitt après le honteux désastre de Quiberon: „*Du moins le sang anglais n'a pas coulé.*“ Mais la clameur générale lui jettera au visage la foudroyante réplique de Shéridan: „Non! Mais l'honneur anglais a coulé par tous les pores“.

Quant à ce que répondra le gouvernement français, comme c'est probablement M. Granier de Cassagnac qui sera chargé de prendre la parole au nom de la France du 2 décembre, nous pouvons tout aussi bien ne pas nous occuper de ce qu'il dira.

LETTRE XXX.

Plus d'une fois vous m'avez témoigné, cher ami, le désir de voir réunies en un recueil les lettres que je vous ai écrites dans le courant de l'année. Je me suis rendu à votre appel. Mais laissez-moi aujourd'hui vous traiter un peu en *respectable public* et vous adresser humblement tout ce que j'aurais eu à dire dans une préface ou un *avis au lecteur*.

Les lettres que contient ce recueil n'ont point été rédigées avec l'intention de faire un livre. Nées, le plus souvent, des préoccupations du moment, provoquées, quelquefois, par une simple causerie ou par la lecture d'un journal, toujours tracées au courant de la plume, il ne faut y chercher ni suite bien logique, ni plan arrêté d'avance. Quelques-unes d'entre elles ont déjà paru dans les feuilles périodiques, et peut-être ont-elles éveillé l'attention du petit nombre de lecteurs de bonne foi et d'hommes de bonne volonté qui, dans toute cause, aiment à entendre les deux partis. Plus tard, les journaux, qui probablement ne se soucient guère de répondre aux besoins de ces lecteurs consciencieux et impartiaux, se sont refusés à l'insertion de nouvelles lettres. Cette considération n'aurait pas suffi pour réimprimer les premières et les compléter par d'autres, forcément restées inédites jusqu'à ce jour. L'auteur ne se sent pas assez fort et ne se croit pas la main assez heureuse pour ramener l'o-

pinion égarée et faire triompher la vérité dans sa lutte avec les erreurs, les préventions et les calomnies de tout genre. Il obéit à un mobile plus sérieux et plus élevé: il croit remplir un devoir de conscience. Tout soldat dans les rangs, en face de l'ennemi, ne rêve pas toujours la victoire: il se bat, parce que telle est sa mission. Ecrivain inconnu dans les rangs de la polémique, tout aussi bien qu'il fut soldat obscur à la bataille de Borodino, l'auteur se voue aujourd'hui, comme il s'est voué alors, à la cause nationale et paie de sa personne. Dans les temps de mensonge, il y a de la lâcheté à garder le silence. Dès que l'honnête homme peut, selon ses moyens, combattre pour la vérité, ou pour ce qu'il reconnaît comme tel dans son for intime, il doit la proclamer hautement; si ce n'est pour lui assurer gain de cause (ce résultat final ne vient pas des hommes), du moins pour protester contre les séductions et la propagande des artisans de mensonge. On ne doit pas oublier que la puissance et les triomphes de l'esprit d'imposture ont leur lendemain, comme toutes les choses ici-bas. Sans doute,une fois le tumulte des passions apaisé, une fois les questions brûlantes refroidies, l'histoire vient succéder aux feuilles quotidiennes et aux pamphlets du jour. Mais, dans tous les cas, elle doit les consulter avec prudence et critique, comme pièces du procès qu'elle est appelée à juger en dernier ressort. Au milieu des mille voix de la presse, l'historien impartial et consciencieux ne dédaignera pas de prêter l'oreille à ces quelques voix isolées et perdues qui, dans le principe, ont été étouffées par les violences et le tapage de la majorité. C'est à cet historien-là que l'auteur offre son humble tribut. Les lettres qui composent ce recueil n'ont qu'un seul mérite, mais il est important: elles sont l'expression du sentiment national en Russie. Quoique écrites loin de la patrie et sous une inspiration tout individuelle, quoique leur auteur n'ait point été à même de soumettre au jugement de ses compatriotes l'appréciation qu'il fait des événements et des hommes, depuis l'explosion de la crise orientale, néanmoins il a la conviction instinctive et intime que, sauf peut-être quelques légères nuances et à quelques réserves près, ses opinions personnelles seront approuvées et ratifiées par la grande majorité de ses compatriotes.

En général, on refuse en Europe à tout Russe la faculté de penser. On suppose qu'il ne peut jamais avoir une idée que sous l'influence du gouvernement, ni parler et écrire que sous sa dictée. C'est afin de nier l'existence d'une opinion individuelle et publique, que la presse ne manque jamais d'attribuer au gouvernement lui-même tout écrit de la part d'un Russe qui prend la plume pour rectifier les erreurs avancées par l'ignorance ou la mauvaise foi. N'a-t-on pas vu encore dernièrement *la Revue des Deux-Mondes*, à propos de la réponse de M. Tengoborski à l'article de M. Léon Faucher sur *les finances de la Russie*, contester à l'auteur l'initiative qui lui appartenait de droit et de fait? Et sur quoi se fondait-on en lui témoignant cette méfiance? M. Tengoborski est un publiciste tout aussi connu en Europe que M. Léon Faucher. Ses ouvrages ont été lus, appréciés, et sont consultés par tous ceux qui portent un intérêt spécial à ce genre d'étude. Dans sa réponse, M. Tengoborski a opposé avec modération et égards pour son adversaire des chiffres mathématiquement et moralement vrais aux chiffres erronés et malveillants de *la Revue des Deux-Mondes*. Pour répliquer, M. Léon Faucher a brutalement mis en doute l'identité de son adversaire à lui, il a adressé au gouvernement russe des invectives malséantes et pleines de fiel; et il est mort là-dessus. Paix à son âme! Mais comme cette manière d'opiner et de réfuter les critiques lui survit, et que, même après sa mort, *la Revue des Deux-Mondes* revient encore avec complaisance et jubilation sur *la réplique péremptoire* du défunt, il n'est pas inutile de protester contre ces accusations banales et parfaitement injustes. Il ne sera pas dit que, par égard pour les morts, on épargnera et absoudra les vivants, complices et échos de leurs fautes et de leurs erreurs.

On sera peut-être surpris de voir ces lettres, publiées dans le but de combattre l'aveuglement et la mauvaise foi, contenir si peu de réfutations directes des nombreux ouvrages qui, tant en Angleterre qu'en France, ont servi à propager les mensonges et les calomnies auxquelles nous sommes en butte. La cause de cette omission est cependant toute naturelle.

La majeure partie des auteurs de ces écrits ont su se mettre à couvert de toute controverse de la part des honnêtes gens qui se respectent. Leur répondre, ce serait avouer publiquement qu'on les a lus, et pareil aveu ne serait pas bienséant à faire. Leur répondre, ce serait se mettre en contact et se mesurer avec des individus qui ont abjuré non-seulement tout esprit de convenance et toute moralité, mais ont encore affiché, avec une impudence arrogante, le cynisme le plus effronté, le dévergondage le plus abject de la pensée et du langage.

Quels sont les écrivains qui, depuis les derniers événements, se sont le plus signalés dans ces spéculations de mensonge et de diffamation? Ce sont des réfugiés politiques qui ne savent pas relever leur infortune par une attitude honorable et digne; des étrangers renvoyés de Russie pour méfaits et inconduite; des précepteurs chargés de l'éducation d'enfants que les parents ont eu l'imprudence de confier à leurs soins, et dont l'un a été mis à la porte pour avoir été surpris fouillant dans les papiers renfermés dans le secrétaire du père de famille *(authentique);* des gens sans foi et sans aveu qui trafiquent du scandale pour vivre; en un mot, la honte et le rebut de la société. Pourrait-on, en conscience, exiger d'un homme comme il faut qu'il aille défendre la réputation de ses proches, attaqués et vilipendés dans des lieux mal famés?

Pour l'acquit de notre conscience, nous avons encore une réserve à faire et une explication à donner.

En relisant nos lettres avec calme et à tête reposée, nous nous sommes aperçu que de nos appréciations des individualités et des nationalités étrangères, on pourrait déduire une conclusion contre laquelle nous protestons hautement. Il serait facile de nous reprocher une prévention acharnée, une animosité passionnée contre tout ce qui n'est pas Russie et russe. Que Dieu nous garde de mériter jamais un pareil reproche!

C'est une des phases de la constitution sociale et politique de l'Occident que nous blâmons: ce sont les individualités telles que cet

état de choses les a faites que nous citons à notre barre. *Je suis homme et rien de ce qui est humain ne peut m'être étranger*, puis-je dire avec le poète latin; rien, ni le bon, ni le mal, ni les vertus, ni les erreurs et les passions coupables ne me trouvent insensible. *Plus on aime l'humanité* et plus il est naturel d'être attristé et indigné de ce qui la flétrit et la dégrade.

Nous savons qu'en France, il y a une France morale et honorable qui se tient aujourd'hui à l'écart, qu'il y a même, on pourrait dire, plusieurs Frances loyales et estimables sous la couche officielle qui recouvre aujourd'hui le pays. Il y a la France légitimiste, orléaniste, la France constitutionnelle et libérale, la France républicaine, voire même la France impériale du premier empire, qui ne vit plus aujourd'hui que dans les souvenirs amers et les regrets stériles des débris héroïques de Waterloo.—Napoléon, découragé et peu sûr de l'avenir qu'il léguait à son pays, a pu dire qu'il regrettait de n'être pas son petit-fils. Mais on ne l'a jamais entendu dire qu'il aurait voulu être son neveu. Chacune de ces Frances compte dans son sein des hommes de conviction sincère et honorable. Nous n'avons nulle antipathie pour les représentants vrais et honnêtes de ces différentes opinions. Mais nous ne saurions, à la rigueur, être de l'avis de chacune de ces factions, car il faudrait, pour cela, avoir une demi-douzaine d'opinions à son service. C'est avec amour et compassion que nous plaignons le pays d'être ainsi morcelé en plusieurs parties, dont chacune, par dévouement pour sa cause personnelle, néglige le bien-être général, au lieu de s'employer activement à relever en commun le pays de l'abîme où les révolutions l'ont versé. Oui, nous avons encore bien des sympathies françaises au fond du cœur, sympathies, nous ne le cachons pas, nées de l'éducation que nous avons reçue. Mais nous n'oublions pas ce que bien d'autres semblent avoir oublié: l'Europe est encore française, mais la France ne l'est plus. Le pays que nous avons sous les yeux n'est plus cette belle France qui, par l'éclat de sa littérature, l'urbanité, l'élégance de ses mœurs, la dignité et la splendeur de sa cour, a longtemps servi de modèle à la civilisation européenne. Cette France-là a été plus d'une fois reniée, abjurée, traînée aux

gémonies par les Français eux-mêmes. Ils ont brûlé ce que nous avons adoré; comment notre adoration survivrait-elle à ce qui n'existe plus?

C'est du fond de notre cœur et de nos convictions que nous reconnaissons à l'Allemagne beaucoup de nobles et studieuses inspirations, bien des vertus privées, quelquechose de sain et de moral, qui donne à l'existence une sérénité peu commune à notre époque; mais ce n'est pas l'Allemagne héritière et dépositaire de ces antiques qualités et qui également a contribué à notre éducation nationale, ce n'est pas cette Allemagne qui pose devant nous.

L'Allemagne que nous aimons est aussi masquée par une autre, qui a abjuré les principes et les traditions que lui ont légué ses pères, et qui aujourd'hui, moitié par peur, moitié par aberration, s'est jetée dans une voie contraire à son esprit national et funeste à ses intérêts. Nous flétrissons de notre blâme l'Allemagne qui veut être française à tout prix, comme le *bourgeois* de la comédie voulait être *gentilhomme* et en singer les ridicules et les vices. Nous flétrissons les hommes d'Etat qui veulent appuyer l'édifice social et politique de leurs pays ou sur un volcan qui ne cesse d'épouvanter et de ravager le monde par ses éruptions, ou sur des trétaux qui croulent d'un jour à l'autre et se rebâtissent à la hâte à l'occasion d'un nouveau carnaval ou d'une nouvelle foire.

Nous sommes toujours prêts à payer notre tribut d'estime et de sympathie aux qualités éminentes du caractère individuel de l'anglais. Mais nous devons avouer que sur plusieurs de ces qualités se sont entés de grands défauts. Le sentiment patriotique, par exemple, a dégénéré en un égoïsme brutal et hostile aux principes de justice et de fraternité, base de la charité chrétienne qui est à l'usage des nations, tout aussi bien qu'à celui des individus. Le patriotisme de l'Angleterre a quelque chose de semblable à l'amour maternel de la louve qui déchire le premier venu pour donner de la pâture à ses enfants. Nous regrettons de le dire, mais nous le disons cependant en conscience. Si les Anglais, comme individus sont

en majorité, dignes d'être estimés et honorés, comme corps de nation ils sont intolérables, comme gouvernement ils sont odieux. On pourrait prétendre que nous trouvons la politique anglaise odieuse par ce que nous l'avons aujourd'hui pour adversaire. Cette supposition ne serait pas fondée. Nous la trouvons également odieuse en Chine et en Irlande, en Italie et aux Indes, en Portugal comme aux îles Ioniennes. Elle est odieuse par ce qu'elle est à la fois hypocrite et violente.

On la voit fomenter des troubles partout où elle a intérêt à le faire. Elle répand son argent et ses agents pour exciter et appuyer les révolutionnaires dans leurs menées et leurs attentats contre les gouvernements légitimes, dont l'Angleterre se prétend être l'alliée. Pour prévenir la concurrence qui pourrait un jour porter ombrage à sa marine et à son commerce, et pour gagner un shelling, elle est toujours prête à toute perfidie, à toute voie de fait et arbore avec une égale indifférence soit la bannière du juif Pacifico, soit celle de l'intégrité de l'empire ottoman.

Au nom des constitutions représentatives à implanter, ou de l'opium à introduire en fraude, la politique anglaise ne recule devant aucun mensonge, devant aucun attentat.

APPENDICE.

Février 1855.

Pendant que ce volume s'imprimait, les événements sont venus onner raison à plusieurs previsions de l'auteur.

Nous avons dit et répété plus d'une fois qu'un ministère incapable, présomptueux et brouillon, avait jeté l'Angleterre dans une voie qui ne pouvait que lui être funeste; que ce ministère, mû par des passions personnelles, ne saurait faire ni la paix ni la guerre, et qu'il tomberait dès que la réalité se ferait jour à travers les ténèbres et les fausses lueurs que l'on avait évoquées pour cacher la vérité. Toutes ces conjectures se sont traduites en faits au bout de quelques mois. Le ministère anglais n'a pas su aboutir à la paix dans les conférences, quand le gouvernement russe lui offrait franchement et généreusement toutes les facilités honorables et possibles pour atteindre à ce but, désiré par l'Europe entière. Entraîné par la fatalité, c'est-à-dire par son aveuglement et son opiniâtreté, il a poussé à la guerre. Et voici qu'après quelques semaines de campagne, une armée comme jamais l'Angleterre n'en avait envoyé sur les champs de bataille, une armée *l'orgueil et l'amour du pays*, ainsi que s'expriment les journaux anglais, est désorganisée, à plus des deux-tiers détruite par les combats meurtriers, par les maladies tout aussi meurtrières, par toutes les privations et les souffrances aux-

quelles elle se trouve en butte sur un sol lointain, toujours inhospitalier et implacable pour tout ennemi qui ose y mettre le pied. Ce n'est que dans la retraite de l'armée française en 1812 que l'on pourrait trouver quelque chose d'analogue à l'état où est réduite l'armée anglaise. Napoléon, du moins, avant de finir par la Bérézina, avait eu la satisfaction et la gloriole de bivouaquer au Kremlin avec ses soldats; tandis que les soldats anglais ont commencé par la Bérézina et ont péri avant d'atteindre le but.

Le tableau de ce *désastre*, bien plus fait que le soi-disant *désastre de Sinope* pour éveiller les susceptibilités et les compassions généreuses du pays, n'a pas manqué de soulever en Angleterre un cri de détresse, de réprobation et d'indignation, sous lequel le ministère est tombé d'une chute éclatante.

Cette chute était attendue, mais néanmoins elle a frappé tout le monde de surprise, car personne n'avait pu prévoir que les choses iraient si mal et si vite. En tout cas, elle fait naître de sérieuses réflexions et met sous un jour nouveau une foule de questions dont on ne se rendait pas assez raison tant que les événements n'avaient pu donner une solution subite et péremptoire.

Voici donc cette Angleterre, si fière de ses institutions politiques, de ses forces intellectuelles, matérielles et morales, qui, au premier moment où elle est appelée à agir, est condamnée à faire devant le monde entier l'aveu de son *impuissance*, car comment qualifier autrement la déroute complète de son gouvernement? Elle qui, au bout de quelques efforts vigoureux, était sûre de triompher d'un ennemi qu'elle supposait si inférieur à elle, n'a pu, tout au plus, lui porter que quelques coups à peine sensibles, et cela encore au prix des plus grands sacrifices; sacrifices qui, du moins pour l'heure présente, ont mis à néant non-seulement tout le prestige de sa grandeur, mais encore toutes les forces matérielles qu'elle avait à sa disposition; elle avait voulu prouver la faiblesse du colosse du Nord et c'est sa propre faiblesse qu'elle a démontrée.

Imposez pour un moment silence à l'esprit de parti et de prévention, et dites consciencieusement après, de quel côté se trouvent *la civilisation* et *la barbarie*, qui au dire des hommes d'Etat et des publicistes, sont aujourd'hui en présence l'une de l'autre. D'un côté, une ambition effrénée entreprend une guerre inique, sans le moindre grief raisonnable contre l'ennemi qu'elle attaque, elle n'a pas même pour elle le succès qui seul pouvait donner quelque éclat à cette iniquité. De l'autre, le dévouement au devoir poussé jusqu'à l'abnégation et à l'exaltation la plus sublime, qui résiste aux efforts d'ennemis nombreux ligués contre lui.

De quelque point de vue que l'on considère les résultats dont nous sommes témoins, ils sont féconds en instructions de tout genre. Les résultats décèlent ou une incapacité radicale dans le gouvernement anglais, incapacité inhérente à son principe, ou une grande démoralisation dans la sphère administrative. Sans nous arrêter pour le moment sur l'impossibilité de succès pour toute invasion en Russie, il est évident que l'armée anglaise a été victime d'une incurie complète ou de désordres et de fraudes honteuses, dans tout ce qui devait sinon assurer son bien-être, du moins alléger ses souffrances et les rendre supportables.

Reportez vos regards de ce triste théâtre où gisent par milliers les cadavres d'une armée d'élite et les malheureux qui lui ont survécu pour les suivre de près, reportez-les vers le centre du gouvernement, vers le foyer d'où sont parties toutes ces calamités, et vous serez saisi d'un spectacle tout aussi déplorable. Vous y verrez un des plus beaux et des plus intelligents pays du monde administré par un gouvernement de son choix, pour ainsi dire nommé par lui, et cependant livré à la merci de quelques incapacités arrogantes qui, par suite d'intrigues électorales et parlementaires, se sont imposées au pays et le conduisent à sa ruine. Il est vrai que ce pays, ravisé et détrompé, peut, par la voie de ses mandataires, faire tomber un ministère malencontreux: mais à quoi peut lui servir cet acte de volonté et de puissance? La chute du ministère ne sera point pour le pays un moyen de salut: elle ne fera qu'embrouiller

davantage les affaires et mettre plus à nu les misères de ce gouvernement modèle.

La motion d'enquête faite par M. Roebuck et les incidents qu'elle a soulevés, nous prouvent une fois de plus tout ce qu'il y a d'incomplet et de faux dans le gouvernement parlementaire, quand les hommes qui le composent n'ont point la conscience de leur mission et ne sont point à sa hauteur. Lui aussi peut tout abattre, mais ne saurait rien édifier.

Dans ces scènes, du plus haut comique et de la plus triste réalité, qui se sont successivement déroulées et où les ministres sont venus exposer aux yeux du public leurs discordes et leurs *débats de famille*, comme l'a dit le duc de Newcastle, ou tout bonnement laver leur linge plus que sale, nous avons vu passer toutes les distinctions et les sommités politiques et sociales du pays, et le dernier mot de chacun a été un aveu d'incapacité. Lord John Russell, un des premiers instigateurs de cette guerre, reconnue comme calamité par le pays, se retire avant la tempête qu'il avait provoquée. On dirait un homme qui, menacé d'être mis à la porte, se jette par la fenêtre. Mais le noble lord oublie que le suicide pour un coupable n'est qu'une lâcheté de plus. Son digne émule, son complice dans le grand attentat contre la sécurité publique, tient bon; il affronte le danger, mais c'est parce qu'il est un homme à expédients; sous le poids des plus graves accusations, honni et expulsé de son poste, il se laisse mettre dehors, mais c'est avec l'espoir de rentrer par quelque porte dérobée ou muni d'un passe-partout qui lui aura été envoyé de St-Cloud.

Les ministres, traqués, harcelés, cernés de tous côtés, après s'être renvoyés l'un à l'autre les récriminations les plus vives et les moins édifiantes, se retirent enfin, accablés par une majorité écrasante. Après cette déconfiture, le pouvoir délaissé et ne sachant que faire, car la seule chose sage qu'il aurait à faire lui est interdite par la surexcitation des passions populaires, cherche à se reconstruire sur de nouvelles bases et avec de nouveaux éléments, les anciens

ayant révélé leur impuissance; mais il n'aboutit qu'à de vaines tentatives qui échouent l'une après l'autre. Tous les chefs de partis sont appelés tour à tour par lui pour reconstituer un gouvernement; mais il n'y a plus de gouvernement possible en Angleterre. Il n'y a que des ambitions personnelles, des fractions ou plutôt des factions qui peuvent entraver la marche du gouvernement, le pousser à de folles entreprises, mais ne sauraient lui imprimer un mouvement régulier.

En attendant, l'Angleterre, sous le coup de cette crise ministérielle et nationale, est à la veille d'une révolution. *Le Times*, entre autres, cet organe important de l'opinion publique du pays, ne se gêne pas pour dire (le 5 janvier): „Ce n'est pas le temps des dissidences, ni même de beaucoup *de scrupules*. Nous n'avons jamais été dans *un pire embarras*. Nous avons vécu depuis la paix sur la réputation militaire que nous avons acquise dans la Péninsule et à Waterloo. *Nous l'avons perdue dans la moitié d'une année.*

„Nous avons soutenu jusqu'ici l'efficacité du gouvernement constitutionnel. *Ce gouvernement se disloque à son tour.*

„Mais à qui la faute si *l'armée, le gouvernement, la constitution* paraissent, comme une machine mal ajustée, *éclater sous l'épreuve!* La force de cette machine n'est point en elle-même: elle tire *son pouvoir du peuple.*

„*Est-il nécessaire que nous indiquions au peuple ses devoirs?*"

Ces paroles sont un écho affaibli, si l'on veut, mais cependant assez intelligible, de la presse montagnarde à la veille de la chute de la royauté en France.

C'est le cas de dire: à bon entendeur, salut!

Aussi le pouvoir s'est-il empressé de bâcler un ministère tel quel, pour prévenir l'action du peuple, qui n'avait pas besoin *qu'on*

lui indiquât ses devoirs. Mais quel est le ministère qui va surgir de ce chaos? Un ministère rapporté, rajusté, replâtré des débris de celui qui venait de tomber sous les coups de l'indignation publique. Ce qui prouve encore une fois que si l'Angleterre n'a pas d'armée, elle n'a pas davantage d'hommes d'Etat. Ce sont le mêmes vases qui reparaissent à la table parlementaire, mais sous d'autres étiquettes. On change de place, et on croit par cette mutation changer l'état des choses.

„Vous, très-honorable sir Sidney-Herbert, qui avez fait une piètre besogne au département de la guerre, tout comme moi qui n'ai rien fait de bon dans le mien, essayez un peu de changer de fauteuil, dit lord Palmerston. Quant à moi, j'aimerais bien, avec mon humeur tapageuse, occuper celui de mon collègue le ministre de la guerre, que j'ai un peu aidé à dégringoler de sa place; mais comme il paraît que le pays n'a pas grande confiance en mes capacités militaires, j'essaierai, comme pis aller, de remplacer lord Aberdeen, à la chute duquel, vanité à part, je n'ai également pas nui. Et ainsi de suite! Vous verrez après cela comme les affaires prendront subitement tout une autre tournure. Les tués et les morts ressusciteront de leurs tombes, les malades se porteront bien et ceux qui souffrent du froid auront chaud. Si Sévastopol et le prince Menschikoff ont fait jusqu'à aujourd'hui une aussi opiniâtre et valeureuse résistance, c'est qu'ils savaient que lord Aberdeen et le duc de Newcastle étaient à la tête de notre gouvernement. Mais une fois qu'on apprendra que c'est moi qui suis premier ministre, les murailles de Sévastopol crouleront d'elles-mêmes comme celles de Jéricho au son de la trompette. Mon nom et ma parole, je m'en flatte, valent bien une trompette!"

C'est encore la répétition de la fable de Kryloff, que nous avons citée au début de notre correspondance. On croit entendre maître Gille du *quatuor* s'écrier, après de malheureuses tentatives: „Arrêtez mes amis, arrêtez-vous! Comment voulez-vous que le concert aille bien? Nous ne sommes pas assis comme il convient. Toi, maître Martin, avec ton basson, place-toi devant l'alto; moi, *premier violon*,

je me planterai vis-à-vis du second, et la musique que nous allons faire sera tout autre!" etc., etc.

Et le public anglais, qui a l'oreille juste, comme on le sait, d'applaudir d'avance au nouveau charivari que l'orchestre ministériel va faire entendre.

Lord Palmerston *est l'homme de la situation*, disent les journaux, et ils disent plus vrai qu'ils ne le pensent. La situation est un désordre complet, et lord Palmerston est l'homme du désordre. Ajoutez que le désordre est dû en grande partie à lui, et vous avouerez qu'il nage en plein dans son élément. Le fait est que pour mener la guerre à bonne fin, il ne suffit pas d'être un cerveau brûlé, *un casse cou*, *un casse tout* en politique et en diplomatie. Ce qu'il faut c'est un grand capitaine et un grand homme d'Etat, un homme de tête et un homme de cœur, de bon sens et de loyauté, être en un mot ce qu'était simultanément le duc de Wellington. Mais, s'il vivait encore, cette guerre déloyale et imprudente n'aurait jamais eu lieu.

La leçon donnée au pays est bonne. Il est puni par où il péche. La plaie de l'Angleterre c'est l'orgueil, et cet orgueil est cruellement humilié. Mais l'autorité de l'expérience est lente à prévaloir sur la passion des hommes. Il aurait fallu trop augurer de la sagesse humaine, pour s'être attendu à voir le gouvernement et la nation revenir du coup à des idées justes et pratiques et juger de l'avenir aussi sensément qu'ils ont apprécié le présent. Comme un malade imprévoyant attaqué d'un mal chronique, au lieu de changer de régime, ils changent d'empiriques. Comme un joueur passionné et malheureux, au lieu de s'arrêter, ils doublent la mise et ne font que s'enfoncer de plus en plus.

Si les Français avaient encore une tribune et une presse libres, le contre-coup et la contre-chute du gouvernement anglais se seraient infailliblement fait sentir en France. Relativement, l'état des choses et de l'armée n'y est pas aussi déplorable; mais le malaise

est grand. L'inefficacité, la stérilité de l'action militaire est patente. Non-seulement cette guerre n'est point populaire en France, mais l'absence de succès complets, de résultats productifs, la dépopularise encore davantage. Les sacrifices que le pouvoir impose, ne sont pas en proportion avec les avantages et la gloire qu'il donne.

C'est une autre guerre d'Espagne moins Napoléon I-er, c'est-à-dire, moins le prestige attaché à son nom par le souvenir des victoires qu'il avait remportées et l'espoir de *victoires* nouvelles qui ne pouvaient pas lui faire défaut. Le succès de l'*emprunt national* n'est point du tout un verdict de confiance et de sympathie accordé à la guerre. Le sentiment national n'y a été pour rien. *La bourse est prêteuse*, mais n'est pas patriotique: *c'est là son moindre défaut.* Tout le monde sait que le pays est riche et a beaucoup de capitaux dont il ne sait que faire. L'industrie et le commerce sont en souffrauce. Vaut tout autant placer son argent dans cet emprunt à un taux avantageux. On sait d'ailleurs que ce n'est pas au gouvernement que l'on prête, mais au pays, et que tout gouvernement qui succéderait à celui-ci serait forcé de reconnaître la dette de son prédécesseur. Les notions élémentaires de l'économie politique et du système financier sont assez répandues aujourd'hui, pour qu'on n'ait pas à craindre un déni de justice de la part de tout gouvernement tant soit peu raisonnable. D'ailleurs les chiffres en France, comme nous l'avons déjà observé, ont une valeur relative et tout appropriée au pays. Des milliards en français et sur la place de Paris ne sont pas des milliards en tout autre langue et sur tout autre place. Les petits capitalistes, crainte de trop grandes concurrences et de voir leurs mises fortement réduites ont triplé et quadruplé la somme de leurs offres disponibles et effectives pour obtenir un minimum. Ces milliards proposés ne se seraient jamais trouvés si on avait voulu les réaliser et prendre les souscripteurs au mot. D'ailleurs on sait que la France est saisie du vertige des spéculations et de la fièvre d'argent. Elle a toujours été âpre au gain, mais jamais, comme aujourd'hui. Etait-ce aussi par patriotisme et par confiance dans *le régent* que la France a livré des millions à l'époque du système de *Law* et fut en partie ruinée, escomptant la domi-

nation du Mississipi, comme on escompte aujourd'hui la prise de Sévastopol?

Nous avons aussi dit dans le courant de nos lettres, que la coalition de la France et de l'Angleterre, conclue soi-disant pour maintenir l'équilibre et l'indépendance de l'Europe pèserait de tout son poids et de la manière la plus arbitraire et la plus brutale sur l'Europe, si elle ne se tenait en garde contre ses prétendus défenseurs. Les événements ont prouvé que nous n'avions pas tort. L'*empire d'Autriche, rajeuni par la politique chevaleresque* de M. Buol de Schauenstein, comme l'a dit ou à peu près le chevaleresque empereur des Français, a le premier plié le genou devant les grands maîtres du chapitre, pour se mettre au cou le collier et la chaîne de la nouvelle alliance. M. de Cavour, hier et probablement demain adversaire, mais aujourd'hui digne émule du ministre de Vienne, a aussi à son exemple incliné la tête et celle de son pays pour recevoir les insignes de la féauté et du vasselage. Voici donc le roi de Chypre et de Jérusalem, qui, oubliant les titres qu'il porte, va se mettre à la solde d'une alliance qui a pour but avoué de raffermir la domination des infidèles sur Chypre et Jérusalem. A quelle époque de l'histoire vit-on une plus grande confusion de principes, un mépris pareil pour les convenances historiques et nationales, un enchaînement de faits plus effrontément illogiques?

Il n'a pas suffi à la France et à l'Angleterre de faire subir à l'Autriche l'humiliation d'une alliance imposée par la force, elles se donnent encore le plaisir ironique de rattacher cette même Autriche à un joug commun avec sa rivale et son ennemie. Les deux Etats ont encore au fond du cœur les rancunes d'offenses récentes. L'Italie frémit de douleur et d'indignation en voyant la couronne de fer sur la tête de l'Autriche, et l'Autriche à son tour voit avec crainte suspendue sur sa tête *la spada d'Italia*, cette autre épée de Damoclès. Les deux gouvernements ont entr'eux de graves sujets de débats que ne sont point aplanis: tout cela importe fort peu à la France et à l'Angleterre; il faut que les rivaux se donnent la

main, non pour faire la paix, mais pour se river à la même chaîne et servir les mêmes maîtres.

Au reste, ce n'est pas la peur seule qui a dicté l'adoption de cette alliance: M. Cavour avait un autre stimulant pour la recommander au pays. Ne se fiant pas trop à la spéculation mise en train de la vente des biens du clergé, il a, en attendant, vendu à l'Angleterre un corps d'armée de 15,000 hommes pour la somme ronde d'un million de livres sterlings. Voici la vraie signification de cette alliance réduite à sa plus simple expression et à sa valeur intrinsèque. Et Victor Emmanuel a jugé dans sa haute sagesse, que, si M. Cavour n'agissait pas tout-à-fait en premier ministre du roi de Chypre et de Jérusalem, il n'avait peut-être pas tort comme premier ministre du roi de Sardaigne, dont la caisse est en assez mauvais état. Le marché est conclu à raison de 1666 francs et 66 centimes par tête. Cela n'est pas cher, d'autant plus que les soldats piémontais sont braves et aguerris. Mais si le roi de Sardaigne ne les estime pas davantage ce n'est pas notre affaire. Nous n'avons ici qu'une seule observation à émettre, que l'Occident n'aille plus, après cela, nous crever les yeux avec notre servage et nos cultivateurs attachés à la glèbe. Aussi bien que tout autre en Russie, je déplore cet héritage qui nous est légué par les siècles et que l'on ne peut que modifier progressivement et non abattre d'un coup de plume; mais du moins le gouvernement ne trafique pas en Russie du sang de ses sujets, ne prête pas ce sang au premier venu à tant l'once. Chez nous le sang de la nation appartient au pays, et ce n'est qu'au nom de la patrie et quand ses intérêts et son honneur le réclament qu'il est versé sur les champs de bataille.

Encore une fois, de quel côté en tout ceci est *la vraie barbarie* et *la vraie civilisation*, c'est-à-dire la civilisation morale et chrétienne?

L'état de la Russie est grave, mais celui de l'Europe l'est encore davantage. Du train dont vont les choses, ce qui se prépare pour elle, c'est une époque d'abaissement et de déchéance comme

istoire jamais n'en a signalé de pareille. On dirait que l'Europe ırt à sa honte avec empressement. De tout temps on a vu des ıvernements et des peuples plier sous la nécessité, mais c'était du ins après une défaite et après avoir été désarmés par un ennemi torieux. Aujourd'hui, la première menace suffit et tient lieu de toire. On se sent et on s'avoue battu avant de se battre. Si la ssie succombait, elle seulle succomberait avec honneur et gloire, :s d'elle nous ne voyons nulle part aucun essai, aucun symptôme résistance morale. Ceux mêmes qui ont l'air de résister ne font ıt au plus que controverser, et cela avec des ménagements et des écautions oratoires, des échappatoires diplomatiques où l'intelli- nce se perd et qui ôtent à la vérité, si vérité il y a, toute sa ırté et sa puissance. Quel est le gouvernement neutre en Europe, i, en présence du conflit élevé entre la Russie et les puissances :identales, ait dit à ces dernières hautement et avec le courage e donne le bon sens et la droiture, la seule chose raisonnable 'il y ait eu à dire: „Vous savez que dès le principe nous n'a- ns pas donné raison à la Russie; partageant votre point de vue, us avons regardé l'occupation des principautés danubiennes comme e infraction à l'indépendance des Etats et nous avons cherché ec vous à ramener la Russie à un ordre d'idées pacifique et lé- l. Mais aujourd'hui que la Russie a volontairement évacué les incipautés, qu'elle a témoigné à plusieurs reprises l'intention de ire les concessions les plus réelles à la paix de l'Europe, qu'elle ı a faites de plein gré et non sous le poids de défaites, qu'on la it encore aujourd'hui répéter ces mêmes offres et leur donner une uvelle extension, quand sa résistance triomphe avec éclat de tous s efforts, les choses ont entièrement changé de face. En aucun s, ce n'est plus la Russie qui est agressive, mais c'est vous qui es les agresseurs. Si, par respect pour les principes, nous avons ı au commencement nous rapprocher de vous, aujourd'hui, en vertu : ces mêmes principes que vous violez, nous nous détachons de us. Et si vous n'acceptez pas notre neutralité, si la force des ıoses nous obligeait à prendre part à la lutte, ce ne pourrait re que pour nous ranger du côté de la Russie, car désormais :st de son côté qu'est le droit, c'est elle qui défend l'équilibre

européen que vous cherchez à ébranler et à faire pencher en faveur de vos intérêts personnels et exclusifs*.

Nous sommes encore à attendre qu'une pareille voix s'élève et fasse triompher la logique et le droit.

A défaut d'un pareil auxiliaire, nous ne saurions négliger de recueillir les témoignages isolés qui déjà ont été déposés en notre faveur, non à notre réclamation et à notre appel, mais à la voix de la conscience et de l'inexorable vérité. Et c'est au milieu de nos adversaires que nous irons chercher nos avocats. Un des plaidoyers que nous allons citer envisage la guerre que nous fait l'Angleterre sous le point de vue moral et politique, l'autre sous le point de vue pratique et exécutif. Toute la question pendante et grosse d'avenir se résume et se formule dans les deux citations que nous allons faire. M. Bright représente le principe; sir Charles Napier, les conséquences de ce principe méconnu. Les amateurs qui se souviennent du discours *avant la campagne*, pourront le comparer avec le discours *après la campagne*. On verra que l'air de la Baltique a singulièrement rafraichi et rasséréné l'esprit du noble amiral.

ANNEXES

ANNEXE.

I.

Le *Times*, journal anglais de Londres, a publié dans son numéro du 6 novembre 1854 la correspondance suivante:

Manchester, 27 octobre 1854.

Cher Monsieur, dans le peu de mots que j'ai échangés avec vous dans la rue il y a quelque temps de cela, vous avez dit que la guerre actuelle est une des choses les plus criminelles que le pays ait jamais faites. Je crois que telles étaient vos paroles, ou du moins leur sens. Comme je tiens votre opinion en grande considération, et comme d'un autre côté je suis arrivé à une conclusion opposée, je me suis mis à consulter les livres que je possède sur la loi des nations, principalement Vattel, et ce qu'il y a d'étrange, je trouvais qu'il y a plus d'un quart de siècle j'avais consulté les mêmes pages pour apprécier la justice de la première croisade. La lecture que j'en ai faite maintenant, m'a confirmé dans ma première opinion, et comme Manchester se réunira prochainement pour ouvrir une souscription en faveur des veuves et des orphelins de ceux qui tomberont dans la lutte, et comme les membres de Manchester devront assister à la réunion, je vous serais fort obligé de développer alors les motifs qui vous font condamner la guerre et de nous mettre à même de décider si nous devons donner à cette guerre notre cordial appui ou bien signer des pétitions en faveur de la paix.

Absalon WATKIN.

RÉPONSE DE M. BRIGHT.

Rhyl, 29 octobre 1854.

Mon cher Monsieur,

Je pense, après mûre délibération, que vous serez d'avis que le meeting prochain ne saurait offrir une occasion convenable pour discuter la justice de la guerre. Juste ou injuste, la guerre est un fait, et les hommes dont la vie est misérablement sacrifiée ont un droit à faire valoir et principalement à la charge de ceux qui, en se prononçant pour la guerre, ont assumé la responsabilité de celle-ci. Je ne puis donc prendre sur moi l'apparence de décourager la libéralité de ceux qui croient la guerre juste et dont la générosité la plus illimitée ne pourra, selon mon opinion, qu'offrir une faible compensation des malheurs qu'ils auront déversés sur des centaines de familles. Quant à la guerre en elle-même, je ne suis pas surpris de voir nos opinions se contredire, du moment que vous décidez une question de cette nature en vous référant à Vattel. La loi des nations n'est pas ma loi, et dans le sens le plus favorable, elle offre un code rempli de confusion et de contradictions, qui est fondé sur l'usage et non sur les principes élevés de la morale; sur l'usage, qui a toujours pour arbitre la volonté du plus fort. Il peut y avoir quelque intérêt à considérer si la première croisade est légitimée par la loi et les principes de Vattel; mais quant à savoir si la première croisade a été juste ou si elle a été déterminée par une politique sage, c'est là une question toute différente. Je n'ai aucun doute que la guerre d'Amérique a été juste d'après les principes consacrés par les auteurs qui ont écrit sur la loi des nations, et cependant il n'y a pas en Angleterre un homme sensé qui dira que la politique de Georges III à l'égard des colonies américaines ait été sage, ou que la guerre ait été équitable. La guerre avec la France a aussi été juste d'après les mêmes autorités, car il s'agissait de combattre les dangers qui préoccupaient et de soutenir

le droit et l'ordre en Europe; et cependant il y a peu d'hommes éclairés aujourd'hui qui envisagent cette guerre comme ayant été nécessaire ou juste. Vous m'excuserez si je me refuse absolument de baser mon opinion sur Vattel. Il y a eu des auteurs de droit public qui ont voulu démontrer que le meurtre et que l'empoisonnement des puits étaient justifiés en temps de guerre, et peut-être serait-il difficile de prouver en quoi ces horreurs diffèrent de quelques-unes des pratiques qui sont aujourd'hui admises. Je ne vous demande pas de fixer votre opinion sur ces points d'après ces auteurs, pas plus que je ne veux subordonner mon jugement à celui de Vattel. La question relative à la guerre actuelle se résume en deux points: premièrement, était-il nécessaire pour nous d'intervenir les armes à la main dans une querelle entre les Russes et les Turcs; secondement, l'intervention étant décidée, pourquoi toute cette question n'a-t-elle pas été terminée lorsque la Russie a accepté la note de Vienne? Le théâtre de la guerre est à 3,000 lieues de notre pays. Nous n'avons pas été attaqués, ni même insultés d'aucune manière. Deux gouvernements indépendants étaient à se disputer et nous nous sommes mis de la partie. Qu'il y eût quelque fondement à la dispute, c'est ce que les quatre gouvernements ont admis par la proposition de la note de Vienne. Si ce n'était le ministre anglais à Constantinople, et le cabinet à Londres, la dispute se serait terminée d'elle-même et la dernière note du prince Menschikoff aurait été acceptée, et il n'y a pas d'être humain capable d'indiquer une différence matérielle entre cette note et celle de Vienne, acceptée plus tard et recommandée par les gouvernements de France, d'Angleterre, d'Autriche et de Prusse.

Mais notre gouvernement n'a pas voulu permettre que la dispute fût réglée. Lord Strattford de Redcliffe eut des entrevues privées avec le Sultan, fit son possible pour l'effrayer, insista sur le rejet de tous les termes d'accommodement et promit l'assistance armée de l'Angleterre pour le cas où la guerre viendrait à éclater. Les Turcs rejetèrent la note russe et les Russes passèrent le Pruth et occupèrent les Principautés comme une „garantie matérielle".— Je ne défends pas cet acte de la Russie; je l'ai toujours considéré

comme impolitique et immoral, mais je pense qu'il ne serait pas difficile de le défendre en se fondant sur Vattel, et dans tous les cas, il est tout aussi justifiable que la conduite de lord John Russell et de lord Palmerston, en 1850, lorsqu'ils envoyèrent 10 ou 12 vaisseaux de guerre au Pirée, menaçant la ville d'un bombardement si les prétentions malhonnêtes de don Pacifico n'étaient pas tout de suite satisfaites. Mais le passage du Pruth fut déclaré par l'Angleterre, la France et la Turquie comme n'offrant pas un *casus belli*. Des négociations s'ouvraient à Vienne, et la fameuse note de Vienne fut rédigée. Cette note eut son origine à Paris, fut acceptée par la conférence de Vienne, ratifiée par les cabinets de Paris et de Londres, et considérée par toutes ces autorités comme devant satisfaire l'honneur de la Russie, et, en même temps, comme étant compatible „avec l'indépendance et l'intégrité de la Turquie et l'honneur du Sultan". La Russie accepta cette note tout de suite, si je ne me trompe par le télégraphe et avant même que la rédaction précise eût été reçue à Saint-Pétersbourg. Tout le monde crut la question réglée; un ministre du cabinet m'assura que nous n'en entendrions plus parler. „Tout est terminé," me dit-il, et l'apparence y était en effet. Mais le Turc refusa la note, arrêtée par ses propres arbitres et que la Russie avait acceptée. Et que dirent alors les ministres, et que dit leur organe le *Times?* Ils déclarèrent que la différence roulait sur des mots, qu'il était fâcheux que le Turc fît des difficultés, mais que tout s'arrangerait bientôt. Mais on ne s'arrangea pas et pourquoi? On dit que le gouvernement russe donna une interprétation inexacte à la note. Mais, il est malheureux pour ceux qui le disent, que les Turcs l'interprétèrent précisément de la même manière, et de plus, il est connu que le gouvernement français recommanda au gouvernement russe de l'accepter par la raison „que sa portée générale ne différait en rien de la proposition du prince Menschikoff. „Il est facile de voir pourquoi le gouvernement russe devait, au cas où les Turcs ne ce soumettraient pas au jugement de leurs arbitres, rétablir sa réclamation primitive, afin de ne pas avoir à souffrir de la concession qu'il avait faite en acceptant ce jugement, et telle est évidemment l'explication du document signé par le comte de Nesselrode et au sujet

duquel il a été dit tant de choses. Mais plus tard, l'empereur de Russie s'entretint avec lord Westmoreland sur ce sujet à Olmütz, et se déclara prêt à accepter la note de Vienne, avec telle clause que la conférence jugerait nécessaire d'y ajouter pour l'interpréter, et il ajouta qu'il fallait y procéder tout de suite, vu qu'il était désireux de faire repasser le Pruth à ses troupes avant l'hiver. Ce fut dans la même semaine que les Turcs convoquèrent un grand conseil, et contrairement aux avis de la France et de l'Angleterre, se décidèrent à déclarer la guerre.

Maintenant, observez la ligne de conduite tenue par notre gouvernement. Il avait accepté la note de Vienne; il n'y a pas dans le cabinet moins de cinq membres qui n'aient rempli les fonctions de secrétaire d'Etat pour les affaires étrangères, et qui par conséquent doivent être considérés comme capables de saisir le sens de ce document; cette note avait été rédigée par les amis de la Turquie, qui s'étaient posés comme arbitres dans son intérêt; elle fut recommandée à l'acceptation de la Russie et celle-ci y adhéra; il y eut ensuite discussion sur son sens véritable et la Russie consentit et même proposa qu'elle fût amendée, expliquée, limitée, de manière à la modifier complétement. Mais la Turquie l'ayant rejetée, notre gouvernement fit *volte face*, déclara la note de Vienne, sa propre note, comme inadmissible, et justifia les Turcs de l'avoir repoussée. Les Turcs déclarèrent la guerre contrairement à l'avis des gouvernements anglais et français, c'est au moins ce qui dit le *blue book;* mais, la guerre déclarée, notre gouvernement y applaudit ouvertement. L'Angleterre se trouvait dès lors engagée dans la guerre. Elle avait promis son assistance armée à la Turquie, un pays sans gouvernement et dont l'administration était à la merci de factions hostiles; et comme elle n'avait pas su adopter une politique à elle, l'Angleterre se laissa entraîner par le courant des événements à Constantinople. C'est à la dérive, comme l'a si justement dit lord Clarendon, qu'elle se précipita dans la guerre, en apparence sans gouvernail et sans boussole.

Toute la politique de notre gouvernement dans cette question est marquée au coin d'une imbécillité peut-être sans exemple. Je ne

dirai pas qu'il a voulu la guerre dès l'origine, quoique maintes indications laissent croire que la guerre a été le but d'au moins une partie du cabinet. Un membre distingué des communes a dit à un de mes amis aussitôt après la formation du gouvernement actuel: „Vous avez un ministère de guerre." Mais j'abandonne cette question, pour signaler la honteuse faiblesse du cabinet en l'absolvant de l'accusation d'avoir recherché la guerre. Ils avaient promis aux Turcs une assistance armée conditionnellement ou inconditionnellement. De concert avec la France, l'Autriche et la Prusse, ils avaient retiré la querelle des mains de la Russie et de la Turquie, et constitué une cour d'arbitrage dans l'intérêt de la Turquie; ils avaient porté un jugement, déclarée par eux juste et honorable pour les deux parties; ce jugement, accepté par la Russie, est rejeté par la Turquie, et aussitôt ils abandonnent leur propre jugement, le déclarant „complétement inadmissible", et font la guerre au pays dont le gouvernement, à leur recommandation et suggestion, avait franchement accepté ce jugement. Dans ce moment, l'Angleterre est engagée dans une guerre sanglante avec la Russie, quoique le gouvernement de la Russie ait accepté les termes de paix proposés, et se soit déclaré disposé à les accepter dans le sens de l'interprétation qu'y avait donnée l'Angleterre dès l'origine. En même temps, l'Angleterre est alliée avec la Turquie, dont le gouvernement a rejeté le jugement de l'Angleterre, et qui a déclaré la guerre en opposition aux avis de l'Angleterre. Assurément, lorsque la note de Vienne avait été acceptée par la Russie, les Turcs auraient dû être empêchés de ce précipiter dans la guerre, ou bien ils auraient dû la faire à leurs propres risques. Je n'ai rien dit de la circonstance que toutes ces complications ont pris leur origine dans les demandes adressées par la France au gouvernement turc, en usant d'un langage plus insultant que le langage avéré tenu par le prince Menschikoff. Je n'ai rien dit de la lutte diplomatique qui, depuis plusieurs années, se poursuivait à Constantinople, et dans laquelle l'Angleterte ne l'a cédé à aucune autre puissance dans ses efforts de soumettre la Porte à des influences étrangères. Je n'ai rien dit de l'évidence que nous ne sommes pas seulement avec la Russie en guerre, mais encore avec toute la popu-

lation chrétienne de la Turquie, et que nous élevons notre politique orientale sur un fondement faux, savoir: sur le maintien du plus immoral et du plus infâme des despotismes, qui pèse sur une des plus belles parties du globe qu'il a ruinée et sur une population qu'il a dégradée, mais n'a pas pu détruire. Je n'ai rien dit de cette misérable déception que nous combattons pour la civilisation, en soutenant le Turc contre le Russe et contre la population chrétienne de la Turquie. Je n'ai rien dit de nos prétendus sacrifices à la liberté dans cette guerre, où nous avons pour notre grand et dominant allié un souverain qui, le dernier, a abattu une Constitution libre, et a dispersé par la violence militaire une Assemblée nationale.

Ma doctrine eût été dans ce cas la non-intervention. Le danger de la puissance de la Russie n'était qu'un fantôme; la nécessité de maintenir en permanence la domination mahométane en Europe est une absurdité; notre amour pour la civilisation, lorsqu'en même temps nous assujétissons les Grecs et les Chrétiens aux Turcs, est une honte; et nos sacrifices pour la liberté, lorsqu'en même temps nous exécutons les ordres de l'empereur des Français, et cherchons par nos flatteries à gagner l'Autriche, est une pitoyable imposture. Les maux de la non-intervention étaient éloignés et douteux, et n'auraient jamais pu être définis ou appréciés clairement. Le bien qui en serait résulté peut déjà être évalué rien qu'en voyant ce que nous a valu la politique contraire. Que nous vaut-elle? La guerre au Nord et au Midi, menaçant de s'étendre à tous les pays de l'Europe. Plusieurs millions, cinquante peut-être, auront à être prélevés sur les taxes d'un peuple, qui ne saurait être arraché à l'ignorance et à la pauvreté, que grâce à la continuation de la paix. L'interruption du commerce dans le monde entier, le dérangement des affaires monétaires, les difficultés et la ruine pour des milliers de familles. Une autre année de prix élevés pour les aliments, malgré une bonne récolte en Angleterre, principalement parce que la guerre gêne les importations et que nos principaux fournisseurs d'aliments sont déclarés être nos ennemis. Le sacrifice de vies d'hommes a un degré extraordinaire. Plusieurs milliers de nos

compatriotes ont déjà succombé à la maladie et au fer, et des centaines, des milliers de familles anglaises seront plongées dans la douleur, comme part de la punition qu'il faut payer pour la folie des nations et de leurs chefs. Lorsque viendra le moment de „l'enquête du sang", qui aura à en répondre? Vous avez lu les nouvelles de la Crimée; vous avez peut-être tressailli au récit de cette boucherie; vous vous rappelez le tableau terrible,—je ne parle pas de la bataille, de l'attaque, de l'excitation, de la lutte,— mais du champ de bataille où les Russes, dans leur frénésie, tiraient sur des Anglais, qui venaient leur offrir de l'eau pour adoucir leur agonie ou étancher leur soif; où des Anglais dévalisaient ceux qu'ils avaient tués ou blessés, pour leur enlever quelques roubles, et trouvaient sur les cadavres, au milieu du butin, des images „de la Vierge et de son Enfant". Vous avez lu et suivi dans votre imagination ces horribles détails. Telle est la guerre, avec tous les crimes que la nature humaine peut imaginer ou commettre, avec toutes les horreurs qu'elle peut accomplir ou souffrir. Et c'est là ce que notre gouvernement chrétien a si légèrement voulu, ce qu'un grand nombre de nos compatriotes trouvent patriotique d'applaudir dans ce moment! Vous m'excuserez de ne pas pouvoir marcher avec vous. Je ne veux être pour rien dans ce crime. Mes mains ne seront pas souillées du sang qui sera versé. La nécessité de se maintenir au pouvoir peut influencer une administration; les déceptions peuvent égarer un peuple; Vattel peut nous fournir une loi et une raison; mais aucun égard pour les hommes qui constituent le gouvernement, aucun désir de „marcher avec le courant", aucune crainte d'être accusé de manque de patriotisme, ne me fera approuver une politique que, dans ma conscience, je considère comme étant criminelle devant Dieu, tout comme elle est contraire au véritable intérêt de mon pays. Il ne me reste qu'à vous demander pardon d'avoir écrit une si longue lettre. Vous m'y avez obligé, et je ne l'aurais pas écrite si je n'appréciais comme je le fais votre sincérité et vos bonnes intentions à mon égard.

John BRIGHT.

ANNEXE.

II.

8 Février.

Avant-hier, le lord-maire a donné son repas annuel, et il y avait invité sir C. Napier et lord Cardigan. Sir C. Napier y a prononcé un discours fort original, comme on pouvait l'attendre de lui, et qui lève un coin du voile sur les tiraillements secrets des Anglo-Français dans la Baltique. Le voici d'ailleurs:

„Milords et Messieurs, si un officier qui revient de l'étranger, comme mon noble ami (lord Cardigan), après avoir accompli des prodiges de valeur, si cet homme est fier de la manière dont on le reçoit ici aujourd'hui, quels doivent être mes sentiments, à moi qui reviens sans avoir accompli ma mission, après avoir été censuré par le gouvernement et privé de mon commandement (non! non!), je le répète, privé de mon commandement. Vous vous attendez sans doute à ce que je vous dise quelques mots de la campagne de la Baltique. J'avais une flotte magnifique..... jusqu'à un certain point. Les équipages ne valaient rien; nous sommes partis sans pilotes, sans cartes, avec des officiers inexpérimentés, et nous sommes parvenus à y arriver en parfaite santé.

„Mon premier but a été de satisfaire le pays. Je savais très-bien en partant que je ne pourrais accomplir le dixième de ce qu'on attendait de moi, mais j'étais décidé pourtant à faire de mon mieux.

„Je voulais donner aux Russes l'occasion de se montrer en mer Ils ne le voulurent point. En second lieu, j'allai à Cronstadt pour voir ce que j'y pouvais faire. J'y voulais attaquer l'escadre ennemie, mais je reconnus bientôt que c'était chose impossible.

„D'abord, l'eau n'était pas assez profonde pour nos vaisseaux; ensuite, les batteries étaient d'une force à ne pas nous permettre de tenter l'attaque de la place sans vouer notre flotte à la destruction. Je crois donc avoir prudemment agi.

„L'amiral français fut de mon avis, et nous projetâmes d'attaquer Bomarsund. Il ne me fallait point de troupes pour cela; mais l'amiral français croyait qu'il lui en fallait, et il écrivit à son gouvernement. Je crois encore que nous n'en avions pas besoin, et que ces soldats eussent été plus utiles à Sébastopol. — Bomarsund fut pris en moins de rien; c'était chose très-facile, et nous détruisîmes sans perte et sans peine une très-grande ligne de fortifications.

„J'ai été vivement censuré par le gouvernement. Le public m'a attaqué, et le gouvernement, au lieu de me défendre, a encouragé les clameurs publiques. Quand on apprit en Angleterre et en France que l'armée française allait retourner, un conseil de guerre fut convoqué. Avez-vous jamais entendu parler de conseils de guerre pour de semblables motifs? (On rit).

„Enfin la question fut examinée par un maréchal de France, un amiral français, un général du génie anglais et trois de nos amiraux, et ils décidèrent, à l'unanimité, qu'il était impossible d'aller plus loin sans compromettre les flottes et nous exposer à une défaite presque certaine.

„L'amirauté anglaise ne fut pas satisfaite et voulut un second conseil de guerre, que l'amiral français refusa de convoquer, disant qu'il n'acceptait plus de conseil pour des opérations purement navales. —Votre gouvernement fut mécontent, mais l'armée française rentra en France.

„Je déclare que si nous avions remonté de nouveau le golfe de Finlande, nous eussions perdu notre flotte. Je voulus pourtant faire une nouvelle exploration du côté de Cronstadt, la plus solide forteresse de l'Europe.

„Je vis qu'il n'y avait rien à faire, et je fis mon rapport à mon gouvernement. Quand on apprit la fausse nouvelle de la prise de Sébastopol, on demanda: Pourquoi Napier ne prend-il pas Cronstadt et Saint-Pétersbourg? On me demanda même pourquoi je n'allais pas à Moscou? (Rires).

„Certes, je ne crus pas que jamais l'amirauté s'associerait à ces clameurs, afin de rendre odieux un amiral qui avait tout fait pour servir l'honneur de son pays. J'écrivis à l'amirauté, pour lui indiquer le moyen de prendre Sweaborg. Que fit-on? je vais le dire, afin que le gouvernement, s'il a le moindre cœur, me donne sur-le champ ma démission. (Rires).

„L'amirauté travestit mon langage et m'écrivit des lettres ridicules. On me demanda pourquoi je ne prenais pas Sweaborg, quand je réclamais les moyens de le faire! Je n'étais pas l'homme à supporter cela. (Rires).

„Je ne suis pas homme à subir des outrages, je protestai. On me répondit que je les avais induits en erreur. On m'adressa les lettres les plus outrageantes qu'on ait jamais adressées à un officier. Je dis cela dans l'espoir que le monde l'apprenne, et que sir J. Graham ne siége plus jamais au pouvoir comme premier lord de l'amirauté,

„Je désire que le public sache que, si j'avais suivi les avis de sir J. Graham, j'aurais laissé toute la flotte derrière moi dans la Baltique. Je prouverai cela au monde, et si sir J. Graham a une parcelle d'honneur, il ne s'asseoira plus sur son siége avant que cela soit éclairci. D'autre part, j'ajouterai que je n'ai plus le droit de figurer dans l'annuaire de la marine, et que l'on peut rayer

mon nom des cadres si je ne dis pas la vérité. (Bravos). Je saisis cette occasion de faire cette déclaration au public, et je suis prêt à exposer ma conduite devant la chambre des communes quand elle le voudra. (Bravos).

ПИСЬМА

РУССКАГО ВЕТЕРАНА 1812 ГОДА

О

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

„Нечего и говорить, что въ изложеніи моей мысли я постараюсь избѣгать всякой враждебности. Нѣтъ, я постараюсь быть лишь справедливымъ и въ обвиненіяхъ не дозволю себѣ не только клеветы, но даже и сомнительной истины. Впрочемъ я отнюдь не полагаю своего честолюбія въ томъ, чтобы принимать на себя видъ безразличнаго равнодушія относительно того, что я считаю заблужденіемъ".

Хомяковъ.

ПЕРЕВЕДЕНЫ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

П. И. БАРТЕНЕВЫМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Говоря о газетахъ нашего времени, смѣло можно примѣнить къ нимъ знаменитое выраженіе, которое приписываютъ Талейрану и сказать: „Печать дана человѣку для замаскированія мысли“. Въ самомъ дѣлѣ, бывало ли когда, чтобы современныя, такъ-сказать проходящія передъ нашими глазами событія, искажались столь недостойнымъ образомъ? Подвергаются сомнѣнію нѣкоторые разсказы древнихъ историковъ, находятъ, что у Тацита или Светонія невѣрно переданы характеры Римскихъ цезарей, и въ изображеніяхъ преувеличены пороки однихъ и добродѣтели другихъ; и мы не особенно удивляемся этому: тогда не существовало повременной печати, не знали критики и провѣрки, писателей было мало, и творенія ихъ почитались непреложными. Но въ наши дни, когда писателей не оберешься, когда опроверженіе непосредственно слѣдуетъ за утвержденіемъ, какимъ образомъ выходитъ, что недобросовѣстность постоянно беретъ верхъ надъ логикою и правдою?

Знаменитый писатель намѣревался основать изданіе подъ названіемъ: „Безпристрастный“; ему показали, что въ области печати безпристрастіе есть безсмыслица. Всѣ газеты основаны людьми партій, и подъ вліяніемъ страсти отличаются горячею и рѣзкою рѣчью, передъ которою безсильно разсудительное и спокойное слово писателя, не принадлежащаго ни къ какой партіи. Стало быть, борьба уже выходитъ неравная. Чтобы настоять на своемъ, необходимо кричать громко, возражать безъ оглядки,

преувеличивать не краснѣя и пускать въ ходъ похвальбу и наглость,—боевыя силы, которымъ правда ни по чемъ.

Но неужели потомство безъ разбору приметъ исторію въ томъ видѣ, какъ для него готовитъ ее повременная печать? Станемъ вѣрить въ проницательность грядущихъ поколѣній и надѣяться, что они выслушаютъ странный урокъ, который преподается имъ повѣствованіями нашего времени, не иначе какъ подъ условіемъ строгой отчетности. Быть можетъ, найдется еще возможность отобрать плевелы отъ добрыхъ колосьевъ и въ лживыхъ хроникахъ отдѣлить извѣстіе точное отъ общественной лжи, страсть отъ исторіи. Какъ бы то ни было, посреди истинъ неопровержимыхъ займетъ себѣ мѣсто много лжи, пущенной въ ходъ по поводу случаевъ, настоящій смыслъ которыхъ уже будетъ потерянъ. Даровито изложенныя, въ блестящей оправѣ діалектики, выдумки могутъ пойти за дѣйствительно бывшія событія, а для многихъ людей что̀ напечатано, то имѣетъ уже значеніе подлинности: verba volant, scripta manent *).

Имѣя въ виду эту позорную и умышленную порчу первыхъ жизненныхъ припасовъ, коими питается человѣческое разумѣніе, мы зовемъ на помощь всѣхъ, у кого есть дарованіе и сердце и для кого событія, волнующія міръ, являются въ неискаженномъ видѣ. Пусть каждый принесетъ на это великое состязаніе свою дань труда и отваги, логики и совѣсти. Надо срывать маску съ лицедѣйства и обличать лживость и коварство; надо, чтобы къ честному историку не относились презрительно люди, смѣющіеся надъ доблестью, коль скоро она малоприбыльна и умѣющіе изготовлять искусную ложь и хитросплетенія, повидимому болѣе правдоподобныя чѣмъ самая правда. Лишь этимъ путемъ будемъ мы въ состояніи оставить нашимъ наслѣдникамъ безпристрастныя показанія, которыя они сопоставятъ съ горячечнымъ измышленіемъ. Посредствомъ сравненія они уже легко отличатъ событія дѣйствительныя отъ вымышленныхъ, и потомство съумѣетъ воздать Кесарево Кесареви.

Въ издаваемыхъ нами письмахъ рѣшительно и безповоротно,

*) Слова разлетаются, а что̀ написано, то остается.

опровергаются безчисленныя неправды, съ такою назойливостью распущенныя этимъ роемъ писателей, подкупленныхъ, запуганныхъ или увлеченныхъ неразумнымъ предубѣжденіемъ. Письма эти довѣрены намъ однимъ старымъ пріятелемъ, также какъ и мы, ветераномъ достопамятной войны 1812 года. Мы напрасно пытались помѣстить ихъ въ газетахъ и всякій разъ встрѣчали безпричинный отказъ, представляющійся намъ въ юридическомъ отношеніи отнятіемъ права защиты у обвиненнаго. Сей послѣдній могъ бы сказать, подобно защитнику Людовика XVI-го: „Я напрасно ищу посреди васъ судей, передо мною только обвинители!“ Эти отказы принудили насъ прибѣгнуть къ другому способу и выдать „Письма“ отдѣльною книжкою.

Сочинитель намѣренъ слѣдить за политическимъ и военнымъ ходомъ великаго пожара, все еще именуемаго восточнымъ вопросомъ, тогда какъ, собственно говоря, это вопросъ по преимуществу Англійскій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ источникъ ему въ чемъ либо иномъ, кромѣ закоренѣлой ненависти Англичанъ ко всякому народу, желающему положить предѣлы ихъ морскому всемогуществу? Разрушить флоты, начинающіе пріобрѣтать силу, задавить всякое преуспѣяніе, которое можетъ оказаться помѣхою Англичанамъ: такова несомнѣнная цѣль этой политики, которая съ такимъ лукавствомъ и тонкою плутнею провела Французовъ и заставила ихъ издержать, можетъ быть, милліарды и пролить драгоцѣнную кровь, единственно въ угоду новѣйшихъ морскихъ разбойниковъ. Другія „Письма“, въ дополненіе къ этимъ, появятся по мѣрѣ раскрытія великихъ событій этой странной борьбы. Можетъ быть, не далекъ день, когда Европа, убѣдившись въ коварствѣ Великобританской политики, неразрывно соединится на защиту общаго столькимъ народамъ блага и единогласно повторитъ твердое Катоново выраженіе: Delenda est Carthago *)!

* * *

*) Надо разрушить Карѳагенъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Январь 1854.

Въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ газеты подавали собою примѣръ невозмутимой наивности. Каждое утро удивлялись онѣ тому, что совѣщанія и переговоры по Русско-Турецкому вопросу только прибавляли новыя усложненія къ тѣмъ, которыя существовали наканунѣ. Простодушіе удивленія равнялось въ нихъ развѣ съ простодушіемъ довѣрчивости: ибо, заявляя о недочетахъ общественнаго ожиданія, они въ тоже время велеречиво перечисляли надежды слѣдующаго дня, основанныя на новыхъ, предстоявшихъ переговорахъ. Напомнить бы этимъ господамъ басню нашего поэта Крылова *Квартетъ*. Она объяснила бы имъ, почему переговоры оканчивались ничѣмъ, и отняла бы всякую надежду на успѣхъ переговоровъ будущихъ. Мнимые виртуозы басни, мучась и принимаясь за дѣло на всѣ лады, ничего не добились своими усиліями. Имъ хотѣлось гармоніи, а выходилъ невообразимый сумбуръ. Въ отчаяніи они обратились къ соловью и спросили его мнѣнія. Тотъ отвѣчалъ коротко и рѣшительно: „У васъ никогда не будетъ хорошей музыки, потому что вы не музыканты".

Вмѣсто соловья здравый народный смыслъ въ Россіи примѣнилъ туже мораль къ баснѣ, которая въ дѣйствіи такъ долго разыгрывалась на Вѣнскихъ совѣщаніяхъ. Онъ чутьемъ угадывалъ, что дипломатическій квартетъ не приведетъ ни къ чему удовлетворительному, потому что въ немъ участвовали лица, изъ которыхъ двое желали намъ зла, а двое другихъ не

желали намъ добра. Въ этомъ отношеніи правительство менѣе публики независимо. Связанное политическими и дипломатическими преданіями, оно, по совѣсти, не могло заранѣе отвергнуть добрыя услуги союзниковъ, предложившихъ ему свое примирительное посредничество. Оно и терпѣло до конца, и переговаривалось до тѣхъ поръ, пока переговоры получили явно значеніе наступательное.

Если бы упомянутая выше наивность была принадлежностью лишь нѣкоторыхъ газетъ, не стоило бы говорить о ней. Но въ наши дни значительная часть повременной печати пользуется могущественнымъ и всеобщимъ вліяніемъ. Постоянною и убійственною работою удалось ей лишить многихъ людей способности самостоятельнаго мышленія и сужденія, и — да простятъ мнѣ это выраженіе — *кретинизировать* ихъ въ свою пользу. Отсюда ясно, что заблужденіе газетъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ заблужденіе публики. Вліяніе это идетъ еще далѣе; оно часто простирается и на людей, которые, по своему положенію, призваны сообщать событіямъ извѣстное направленіе. Примѣръ такого подчиненія представленъ государственнымъ человѣкомъ, во время преній Англійскаго парламента, по поводу проекта адреса королевѣ въ отвѣтъ на рѣчь, которою она открыла парламентъ. Упрекая министерство въ мало-заботливости относительно давленія Россіи на Турцію, государственный человѣкъ этотъ прибавляетъ: „Министерство не можетъ отговориться незнаніемъ, ибо печать обращала его вниманіе въ эту сторону“. И подобная выходка могла быть допущена безнаказанно среди палаты лордовъ, въ этомъ верховномъ засѣданіи, рѣшенія котораго такъ важны для судебъ Англіи, а по воздѣйствію для судебъ Европы и цѣлаго свѣта! Итакъ кабинеты призываются сообразовать впередъ свои дѣйствія и свое направленіе съ указаніями газетъ, этихъ флюгеровъ, подчиненныхъ произволу не только всякого вѣтра, но и всякой несмысленной или закупленной духомъ партіи руки.

Дѣло въ томъ, что печатью и парламентскими рѣчами созданъ искусственный міръ, въ которомъ дѣйствительность подвластна фразѣ и какъ бы задушена ею. Въ этой ложной ат-

мосферѣ новыя поколѣнія привыкли жить заимствованною жизнью. Здравый смыслъ утратилъ тутъ всѣ свои права и всю свою силу. Иначе Русско-Турецкій вопросъ могъ-ли бы достигнуть нынѣшняго размѣра? Всякому независимому и дѣльному человѣку ясно, что самъ по себѣ онъ не сопряженъ съ тѣми затрудненіями, которыми его позднѣе обставили. Всѣ эти затрудненія вызваны газетною шумихою и созданы непрошеннымъ и самовольнымъ вмѣшательствомъ западныхъ державъ. Со стороны Россіи относительно Турціи распря была въ началѣ исключительно международною и основывалась на договорахъ и вѣковыхъ преданіяхъ. Сношенія между двумя странами, конечно, могли омрачиться; но это не повело бы къ бурѣ, которая нынѣ угрожаетъ помутить на неизвѣстный срокъ спокойствіе и благосостояніе Европы. Буря эта зародилась въ кабинетахъ Французскомъ и Англійскомъ. Европейскія правительства могли по праву и по обязанности зорко слѣдить за ходомъ этой распри. Съ оружіемъ въ рукахъ они могли готовиться къ вмѣшательству и ожидать минуты, когда наступитъ опасность для того, что̀ условлено называть цѣлостью Отоманской имперіи и (по воздѣйствію) для того, что́ также условлено называть Европейскимъ равновѣсіемъ. Вмѣсто такого твердаго, но терпѣливаго образа дѣйствій, захотѣлось рѣшить дѣло опрометью, прежде чѣмъ заговорили событія, и принять подъ свою защиту одного изъ соперниковъ, во вредъ другому. Оттого, даже и теперь, распря между Турціею и Россіею имѣетъ значеніе лишь второстепенное. Для Россіи дѣло уже не въ томъ, чтобы получить отъ Порты то, чего она считаетъ себя въ правѣ отъ нея требовать или сдѣлать ей какую ни на есть уступку, по снисхожденію и миролюбію. Великія державы, помѣстившіяся между воюющими сторонами, чтобы прикрыть Турцію своими вооруженными силами, вынуждаютъ Россію не отступать отъ первоначальныхъ своихъ требованій: иначе покажется, будто она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ угрозъ, что́ несообразно съ ея достоинствомъ.

Если державы эти воспользовались первымъ представившимся предлогомъ, чтобы поссориться съ Россіею, то они поступили хорошо, и было бы слишкомъ сантиментально порицать

ихъ за неоткровенность и недостатокъ прямодушія: извѣстно, что въ политикѣ хитрость, сшитая самою бѣлою ниткою, почитается дѣломъ ловкости, которымъ кабинеты любятъ пользоваться. Но если эти правительства взаправду хотѣли и надѣялись дѣйствовать путемъ примирительнымъ, то они позволятъ намъ сказать имъ, что они поступили неловко. Прежде чѣмъ принять какую-либо мѣру, надо хорошенько узнать поприще, на которомъ придется дѣйствовать и оцѣнить по достоинству положеніе и протекшую судьбу тѣхъ лицъ, которыхъ хочешь заставить плясать подъ свою дудку.

Русскій народъ, какъ и его правительство, и характеръ императора Николая, никогда не подавали повода предполагать, чтобы на нихъ можно было подѣйствовать угрозою.

Ниже мы возвратимся къ этимъ соображеніямъ и подкрѣпимъ ихъ примѣрами изъ исторіи и уроками современной эпохи. Надѣемся доказать, что западныя державы сдѣлали значительную ошибку въ образѣ дѣйствій своихъ съ начала Русско-Турецкой распри и до сего дня. Покамѣстъ мы намѣрены въ слѣдующемъ письмѣ коснуться возникновенія нынѣшней неурядицы и оцѣнить то, чѣмъ она была въ своемъ происхожденіи.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Январь.

Съ прибытіемъ князя Менщикова въ Константинополь закипѣли политическія страсти, до сихъ поръ не перестающія бушевать и волноваться. Европейская печать, еще не зная настоящихъ поводовъ этого посольства, уже пришла въ возбужденіе отъ присутствія Русскаго посла въ Константинополѣ. Толковали о пышной военной обстановкѣ его, о блескѣ и шумѣ, которымъ сопровождалось посольство. Но кѣмъ возбужденъ весь этотъ шумъ, кѣмъ преувеличенъ этотъ, такъ-сказать, театральный эфектъ, который придали посольству? Конечно, не Россіею; потому что еще и теперь печать и кабинеты ставятъ ей въ упрекъ, что она прикрыла и умалила важность этого посольства, съ цѣлью яко бы надежнѣе заручиться довѣріемъ державъ. Весь этотъ шумъ и вся эта театральность пошли отъ газетъ. За отсутствіемъ другихъ поводовъ, печать начала свой походъ нападеніемъ на туалетъ посла. Франція, вчера республиканская, нынѣ безпощадно возвращенная къ преданіямъ монархіи и короткихъ штановъ, глубоко возмутилась небрежностью въ нарядѣ князя Менщикова. Получивъ увѣдомленіе изъ Перы, отъ своихъ корреспондентовъ, она испустила крикъ негодованія и тревоги. Неприбранность въ туалетѣ Русскаго посланника явилась посягательствомъ на цѣлость Оттоманской имперіи. Франція не могла отнестись къ тому равнодушно, и вѣрная союзница ея въ силу „сердечнаго соглашенія“ (entente cordiale), должна

была ощутить тоже справедливое негодованіе. Такимъ образомъ фешьонабельный Англичанинъ и чудодѣй (le merveilleux) новой имперіи въ одинъ голосъ закричали: караулъ! противъ Московскаго варвара. Княжескій нарядъ былъ буквально разобранъ по ниточкамъ на обѣихъ сторонахъ пролива. И въ этотъ по крайней мѣрѣ разъ, благородному лорду не пришлось произносить обвиненіе, о которомъ мы упоминали въ предъидущемъ письмѣ: ибо печать не вотще взывала къ бдительности правительствъ. Не имѣвъ случая отобрать показанія у комнатнаго слуги князя Менщикова, я не могу поручиться, въ какой мѣрѣ изящно былъ онъ одѣтъ, навѣщая великаго визиря. Но кто лично знаетъ князя, тотъ не могъ безъ смѣха встрѣтить его изображенія въ газетахъ. Человѣкъ высокаго образованія, обогащенный познаніями всякаго рода, дѣловитый и въ тоже время съ тонкимъ умомъ, настоящій *джентльменъ* и вельможа въ привычкахъ и обращеніи, блистательный въ салонахъ и трудолюбивый въ тиши кабинета — таковъ князь Менщиковъ, и остается желать, чтобы и въ другихъ странахъ посреди правительственныхъ и политическихъ знаменитостей были люди столь непререкаемыхъ достоинствъ и отличія.

Впрочемъ, я долженъ отнестись съ нѣкоторою недовѣрчивостью къ разсказамъ объ его дѣйствіяхъ и поступкахъ и притомъ на основаніи моихъ собственныхъ воспоминаній. Я былъ въ Константинополѣ въ 1849 году, во время посольства князя Радзивила. Туалетъ этого посланника былъ предметомъ сплетней между обитателями Перы, и эти сплетни сочинялись подонками тамошняго населенія, изъ котораго Англійскія и Французскія газеты по бо́льшей части набираютъ себѣ вѣстовщиковъ. Тогда также увѣряли, будто Русскій посолъ, съ цѣлью подразнить султана, явился на аудіенцію къ его величеству въ каскѣ. Этой баснѣ, сколько мнѣ извѣстно, не повѣрили въ Европѣ; но сочинители новостей не утратили бодрости и позднѣе кинулись на фуражку князя Менщикова. И на этотъ разъ простая изношенная фуражка обошла кругомъ Европу. Она отнынѣ имѣетъ себѣ мѣсто въ исторіи на ряду съ знаменитою шляпою губернатора Геслера. Одна послужила началомъ борьбы,

предпринятой за независимость Швейцаріи; по поводу начнется борьба за независимость и цѣлость Турціи.

Это пустяки, и стыдно на нихъ останавливаться; и хуже для эпохи, коль скоро, при всей нелѣпости своей, эти принадлежатъ исторіи.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Январь.

Несомнѣнно, что Европа мало и очень поверхностно знаетъ Россію. Частью недоброжелательство, частью безсиліе пониманія ограничиваютъ ея свѣдѣнія объ этой странѣ тѣснымъ и неисходнымъ кругомъ предвзятыхъ понятій, глупыхъ пошлостей, нелѣпыхъ предубѣжденій. Вѣрованія и нравственныя качества Русскаго народа кажутся на взглядъ Европы странностями и принадлежностями варварства, потому что они не согласуются съ ея собственными предразсудками и противорѣчатъ ея склонностямъ, проистекшимъ отъ цивилизаціи, которая, конечно, ушла далеко впередъ, но слишкомъ часто направлялась по ложнымъ путямъ. Чтобы заставить умнаго Англичанина или Француза сказать глупость, нужно заговорить съ нимъ о Россіи: это такой предметъ, отъ котораго они пьянѣютъ, и разумѣніе у нихъ тотчасъ мутится.

Россія прежде всего есть земля благочестивая и царелюбивая. Ея историческія преданія ей также дороги, какъ и преданія вѣры, потому что тѣ и другія проистекаютъ изъ одного источника. Россія то что́ она есть, преимущественно потому, что она дочь Восточной церкви и потому что она всегда оставалась вѣрна ей. Въ *Православіи* заключается ея право на бытіе; въ немъ развивалась протекшая ея жизнь, и въ немъ же задатки ея будущности *). Всякій великій народъ призванъ Промысломъ

*) Любопытно здѣсь единомысліе автора съ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ, который, лѣтъ десять спустя, въ проповѣди на тысячелѣтіе Русскаго государства, спрашиваетъ: „кто виною огражданствованія Россіи?“. *П. Б.*

исполнить на землѣ какое-нибудь назначеніе. Отвергните это участіе Промысла въ главнѣйшихъ міровыхъ событіяхъ, и вамъ останется въ исторіи таблица фактовъ, неясныхъ и безплодныхъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ или сталкиваются между собою, имѣя лишь значеніе минутное, такъ какъ никакой порядокъ, никакая разумная мысль не руководятъ ихъ сочетаніями и ихъ развитіемъ. Добросовѣстная оцѣнка предначертаній Промысла—вотъ настоящая и единственная философія исторіи. Есть событія второстепенныя, вызываемыя лишь случайностью, страстями, выгодами людей; но есть и такія, въ которыхъ дѣйствуетъ Промыслъ. Отличать одни отъ другихъ и опредѣлять каждому изъ нихъ подобающее мѣсто—такова задача исторіи.

Если бы благодать Божія подѣйствовала сильнѣе на посланниковъ Владимира Великаго въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, а не въ соборѣ св. Софіи, гдѣ они слушали богослуженіе, то вся наша исторія получила бы совсѣмъ иной видъ. Принявъ Римское ученіе, мы стали бы участниками борьбы вѣроисповѣдной и политической, которою наполнялись, въ теченіи вѣковъ, жизнь и дѣятельность западныхъ народовъ. Этою борьбою ускорено ихъ развитіе, но ею же они напослѣдокъ ослаблены, и лишь благодаря новымъ сотрясеніямъ эти народы могли снова окрѣпнуть и вступить въ новое бореніе. Находясь внѣ этихъ великихъ столкновеній, мы сберегли народность и свойственную намъ особенность, которая, славу Богу, нѣсколько обособляетъ насъ отъ прочихъ членовъ Европейской семьи. Въ силу такого обособленія, мы не подверглись болѣзненности, истощенію, преждевременному разслабленію, коими во многихъ отношеніяхъ постигнуто западное общество. Цѣлые вѣка Россіи пришлось вести борьбу, такъ-сказать, физическую, съ варварскими народами, и отъ того она, конечно, осталась позади другихъ на пути гражданственности и умственнаго совершенствованія; но за то она могла сберечь свою независимость и юность. Прошедшее не тяготитъ ея. Въ движеніяхъ своихъ она не затруднена историческимъ багажемъ, который ей приходилось бы тащить за собою, на пути къ будущему. Средніе вѣка не представляютъ у насъ для однихъ страшилища, для другихъ запоздалаго идеала, къ

достиженію котораго потребны попятные шаги. Церковь наша не состоитъ въ одно и тоже время въ зависимости и отъ первосвященника, и отъ свѣтскаго государя. Россія не знаетъ этого неизсякаемаго источника противорѣчій, неминуемыхъ столкновеній, перетягиваній къ противоположному концу, которыми искажается вѣра, и дѣло небесное смѣшивается съ мелкою земною суетностью и жалкою политическою щепетильностью. Французская церковь, въ одно и тоже время законная и беззаконная, получивъ бытіе свое, съ одной стороны, отъ власти ультрамонтанской, а съ другой—отъ Галликанскаго мятежа, напоминаетъ собою въ извѣстномъ отношеніи то смѣшанное королевство, которое нѣсколько лѣтъ было *лучшею изъ республикъ* *). Подобныхъ безсмыслицъ не мало въ устройствѣ Европейскихъ обществъ.

У насъ нѣтъ также — не во гнѣвъ будь сказано тѣмъ, кто судитъ о дѣлахъ, не изучивъ ихъ основательно, — у насъ нѣтъ церкви казенной. По сущности своей, церковь наша, хотя и принадлежитъ къ общему монархическому составу имперіи, не есть однако учрежденіе земное. Она старшая дочь Апостоловъ, которые сберегли и распространили истину, открытую имъ Господомъ. Нерѣдко обращаются къ нашей церкви съ страннымъ упрекомъ, обвиняютъ ее, что она остается неподвижна посреди перемѣнъ, происходящихъ въ мірѣ политическомъ и умственномъ. Но въ этой неизмѣнности не заключается-ли ея сила, и не служитъ-ли оная доказательствомъ ея священнаго происхожденія? Она неизмѣнна, какъ Откровеніе и какъ Евангеліе, которое служитъ ей оправданіемъ и закономъ.

Ревнители Римской церкви еще любятъ ставить намъ въ упрекъ отсутствіе церковнаго единства, которое яко бы невозможно по причинѣ многочисленныхъ сектъ. Упрекъ этотъ со стороны Франціи свидѣтельствуетъ о непониманіи и легкомысліи. Въ Россіи много сектъ, это правда; но церковь и духовенство въ нихъ вовсе не участвуютъ. Секты эти порождены необузданною ревностью по вѣрѣ и плохо руководимы лжеучительствомъ; къ тому же послѣдователи ихъ принадлежатъ къ низменнымъ слоямъ общества. Буквальное толкованіе священныхъ

*) Т.-е. королевство при Людовикѣ-Филиппѣ. *П. Б.*

текстовъ, не признающее правила, по которому *буква мертвитъ, а духъ животворитъ*, извѣчное и суевѣрное уваженіе къ старинным оборотамъ рѣчи и старинным изданіямъ священныхъ книгъ, пересмотрѣннымъ и исправленнымъ въ послѣдствіи по подлинному тексту,—вотъ на чемъ обыкновенно стоятъ и чего держатся мало просвѣщенные, но ревностные представители этихъ разноученій. Но церковь и духовенство отъ того не страдаютъ, пребывая въ нерушимомъ единеніи. У насъ нѣтъ высшаго духовенства, раздѣленнаго на два стана, хотя и не враждебные, но вполнѣ одинъ другому противоположные, состязающіеся между собою подъ знаменами церкви Римской и церкви Галликанской на аренѣ повременной печати и, за неимѣніемъ политическаго парламента, образующіе изъ себя въ дѣлѣ церковномъ правую и лѣвую стороны.

Мы—православные, и этимъ словомъ сказано все. Тутъ нашъ символъ вѣры, народный и политическій. Отсюда и узы сочувствія, приверженности и признательности, коими связаны мы съ Восточною церковью и съ народами, отъ нея зависящими. Народы эти суть наши братья,—вдвойнѣ намъ родственные, и какъ христіане, и какъ дѣти одной церкви. Вотъ единственный источникъ и поводъ нашихъ распрей съ Турціей. Власть, по существу своему враждебная христіанству (ибо она становится христіанскою, какъ только покинетъ свою враждебность), держитъ подъ своимъ гнетомъ многіе милліоны нашихъ братьевъ о Христѣ Іисусѣ. Мы обязаны имъ покровительствовать, бдительно опекать ихъ и въ случаѣ нужды подкрѣплять нашимъ оружіемъ. И если мы пренебрежемъ этимъ, то некому будетъ замѣнить насъ въ этомъ святомъ дѣлѣ: мы отречемся отъ нашей исторіи, отъ нашей народности; мы явимся передъ Небомъ и людьми отступниками дѣла, предназначеннаго намъ Промысломъ.

Говоря и дѣйствуя такъ, мы не увлекаемся несбыточною мечтою, напротивъ пребываемъ въ области исторіи и политики: потому что, повторю еще, наша особенность, наша сила, вся наша дѣятельность, все сосредоточивается въ Православіи. Остальныя международныя отношенія наши второстепенны и условны. Мы могли быть увлечены потокомъ западныхъ событій, точно также

какъ могли бы и не принять въ нихъ никакого участія, что вѣроятно было бы и лучше; но отъ потока событій на православномъ Востокѣ устраниться намъ невозможно: это наше естественное, неотвратимое теченіе. Пусть невѣрные, удручающіе нынѣ своимъ господствомъ эти народности, постигнутъ точнѣе собственную свою выгоду и перестанутъ внимать коварнымъ внушеніямъ друзей своихъ; пусть они окажутъ нашимъ братьямъ должное покровительство, и наше вѣковѣчное вмѣшательство въ Турецкія дѣла будетъ разомъ обезоружено. Въ тотъ день, когда Турецкое покровительство окажется дѣйствительнымъ, а не обѣщаннымъ только, когда оно утвердится на чѣмъ либо иномъ, а не на фразахъ Гюлианейскаго акта, заключающаго въ себѣ столько же обезпеченія, какъ и всякая другая бумага, въ тотъ день, повторяю, когда покровительство это сдѣлается полнымъ, искреннимъ и безповоротнымъ: въ тотъ самый день отношенія наши къ Турціи совершенно измѣнятся. Изъ враждебныхъ, какими они часто были, сдѣлаются они мирными и дружественными. Мы никогда не домогались для себя политическаго и исключительнаго покровительства Грекамъ: это на насъ выдумали, съ цѣлью придать вѣроподобіе химерѣ, порожденной недобросовѣстностью. Но Русское правительство желало быть, такъ сказать, законнымъ свидѣтелемъ и порукою того, что Турція исполнитъ обѣщанія, данныя ею своему православному населенію. Подобный уговоръ, конечно, былъ бы страненъ между двумя христіанскими и образованными державами; но будетъ ли добросовѣстно желаніе видѣть въ Турціи законнаго члена Европейской семьи и сообразно тому обращаться съ нею? Присутствіе Турокъ въ Европѣ и господство ихъ надъ христіанскими народами, превосходящими своихъ угнетателей численностью и образованіемъ, есть не болѣе, какъ случай. Его можно терпѣть до извѣстной степени; можно покамѣстъ по поводу его входить въ соглашенія съ цѣлью предупредить неблаговременную смуту; но нравственно и правомѣрно признавать это господство есть дѣло невозможное и небывалое. Ни одна изъ Европейскихъ державъ никогда не относилась къ Турціи какъ равная къ равной. Враждебныя между собою державы избирали

ее поприщемъ для своего частнаго соперничества и поочередно то грозили ей, то ласкались къ ней. Въ наши дни защитники и союзники полумѣсяца менѣе чѣмъ когда либо считаютъ ее державою независимою. Они не предлагаютъ ей своего союза, а налагаютъ его на нее. Они берутъ ее подъ опеку, какъ малолѣтку и держатъ подъ запрещеніемъ, какъ лишенную умственныхъ способностей.

Не будь Турецкое правительство такъ невѣжественно и такъ спѣсиво, оно легко могло бы постигнуть, какой союзъ удовлетворяетъ важнѣйшимъ и единственно прочнымъ его выгодамъ. Оно убѣдилось бы въ необходимости оказывать разумное покровительство и по нуждѣ дѣлать уступки своимъ христіанскимъ подданнымъ, которые одни только и могутъ продлить его существованіе или ускорить его паденіе. Отъ того, какъ Турки относятся къ нимъ, зависитъ ихъ сила и погибель. Эти народы одни хранятъ въ себѣ начала гражданственности и развитія, которыя могутъ быть благоразумно примѣнены къ Турецкой природѣ и устройству. Грековъ, освобожденныхъ изъ подъ ига, достаточно будетъ слишкомъ на сто лѣтъ для умственнаго воспитанія и нравственнаго возрожденія Турокъ. Отъ цивилизаціи же, которую Турція дозволяетъ Западу налагать на себя, разсѣваются въ ея организмѣ лишь семена смерти.

Говорятъ, лордъ Стратфордъ Редклифъ хвалится тѣмъ, что онъ врагъ Россіи. Англійское правительство открыто признаетъ за нимъ эту спеціальность. Рѣшившись предложить свои добрыя услуги Петербургскому кабинету для разбора и умиренія возникшихъ между Россіею и Портою несогласій, кабинетъ Сенъ-Джемскій, съ обычнымъ своимъ прямодушіемъ, немедленно возложилъ это щекотливое порученіе не на кого другаго, а именно на лорда Стратфорда Редклифа. Это называется вылить боченокъ масла на загорѣвшійся домъ, чтобы скорѣе потушить пожаръ. Можетъ быть, скажутъ мнѣ, что этотъ посолъ пользовался расположеніемъ Турокъ и могъ лучше всякого другаго образумить ихъ и склонить къ уступчивости; но стоитъ припомнить рѣчь, произнесенную этимъ дипломатомъ-туркофиломъ на публичномъ обѣдѣ въ 1852 году, когда онъ уѣзжалъ изъ Константинополя,

чтобы оцѣнить, сколько лестнаго для Турецкаго правительства въ этомъ новомъ его назначеніи. Въ знаменитой рѣчи своей онъ не поскупился высказать ему самыя обидныя истины, самые рѣзкіе упреки.

C'est ainsi qu'en partant il lui fit ses adieux *).

Послѣ такой рѣчи, произнесенной въ самой столицѣ и, такъ сказать, въ присутствіи властей, которымъ наносилось въ ней оскорбленіе, никакое независимое и уважающее себя правительство не допустило бы къ себѣ въ представители дружественной державы человѣка, показавшаго примѣръ такого полнаго пренебреженія приличій. Но такова судьба бѣдной Турціи: въ бою ее уничижаютъ враги ея, въ дипломатическихъ переговорахъ — друзья.

Какъ бы то ни было, лордъ Редклифъ ошибается, почитая себя врагомъ Россіи: въ сущности и вопреки самому себѣ, онъ есть врагъ Турціи. Будучи на Востокѣ, я видѣлъ его дѣятельность. Признаю необыкновенныя качества его, какъ лица частнаго; но его политика, страстная, придирчивая, узкая и предвзятая, всегда казалась мнѣ гибельною для Турціи. Эти, такъ называемыя, улучшенія, эти кажущіяся учрежденія, заводимыя имъ въ томъ краю, вопреки разуму и природѣ, эти усилія всячески отстранить Русское вліяніе, все это на мой взглядъ представлялось какими то ямами, которыя онъ копалъ подъ ногами своего пріемыша.

Легко писать газетныя статьи о неприкосновенности Турціи, держать парламентскія рѣчи въ родѣ лорда Кларендона, разсылать циркуляры и депеши, какъ дѣлаетъ Друенъ-де Люисъ, „не сходить съ коня на берегу Понта Эвксинскаго“ (Друенъ-де Люисъ литераторъ и обойтись безъ украшеній не можетъ), все это легко; но, въ сущности, никогда нельзя достигнуть, чтобы *Турція сдѣлалась Турецкою.* Это существительное нуждается въ постороннемъ для него прилагательномъ; иначе оно не имѣетъ смысла и значенія: оставшись одно, оно является лишь отвлеченнымъ понятіемъ. Турція Англо-Французская была бы аномаліею безъ почвы и безъ всякаго ручательства долговѣчности.

*) Такъ прощался онъ съ ними передъ отъѣздомъ.

Набрать ее можно бы развѣ изъ отступниковъ Корана (которые однако вслѣдствіе отступничества не становятся послѣдователями Евангелія): это дрянные Турки и въ тоже время дрянные Европейцы, взявшіе отъ цивилизаціи лишь то, что могло быть преподано революціонными ученіями и газетами. Настоящій Турецкій народъ, здравое большинство, хотя и упрямое и закоснѣвшее въ предразсудкахъ, никогда не полюбитъ такого составнаго и противународнаго правительства. Въ минуту опасности Турокъ приметъ помощь отъ гяуровъ, но съ минованіемъ опасности ни за что не побратается съ ними. По нуждѣ онъ скорѣе довѣрится Московитамъ, хотя и часто воевалъ съ ними. Между Турками и Славянами есть нѣчто общее по восточному ихъ происхожденію, чего нельзя не признавать и нельзя истребить. Настоящіе Турки мягкосердечны и откровенны. Близкое сожительство и, за исключеніемъ вѣры, общіе патріархальные обычаи и многія другія сходныя черты могли бы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, повести къ соединенію двухъ племенъ, нынѣ раздѣленныхъ. Имѣя милліоны мусульманъ въ числѣ своихъ подданныхъ, Россія знакома съ мусульманскимъ характеромъ и натурою. И такъ, вѣроятность жизненной цѣлости можно бы признать развѣ за Турціею Греко-Русскою. Нельзя отрицать и забывать, что Греки въ Европейской Турціи представляютъ собою единственный элементъ прочности и будущности. Западное вліяніе въ тѣхъ странахъ не можетъ долго оставаться въ предѣлахъ одной политики: рано или поздно въ нему непремѣнно примѣшается властолюбивая Римская церковь, и эти властолюбивыя поползновенія неизбѣжно встрѣтятся съ противодѣйствіемъ православнаго населенія, Греческаго и Славянскаго. Отсюда одинъ только шагъ къ паденію Турецкой имперіи, чѣмъ и воспользуется Россія. Русское правительство, какъ бы оно ни желало избѣгнуть крайностей, волею и неволею, по самому ходу дѣлъ и въ силу народнаго возбужденія, принуждено будетъ дѣйствовать. *Востокъ можетъ дождаться улучшеній только отъ этого правительства* (т.-е. Русскаго). Слова не наши: они принадлежатъ Наполеону III-му. Можетъ быть, *Наполеоновскія идеи*, гдѣ напечатано это выраженіе, нѣсколько измѣнились

съ тѣхъ поръ, какъ имперія стала миромъ (l'empire c'est la paix); тѣмъ не менѣе смыслъ вѣренъ и теперь, какъ былъ въ 1839 году.

Народы и правительства, утратившіе чувство вѣры, думаютъ оскорбить насъ, упрекая въ фанатизмѣ. Хорошо! Но у всякаго народа есть болѣе или менѣе свойственный ему фанатизмъ. У одного фанатизмъ гинеи, у другаго фанатизмъ фразы. Въ Европѣ не понимаютъ, что въ настоящее время еще возможно пойти на войну изъ за вѣры. Но прежде всего столкуемся. Россія вовсе не думаетъ предпринять войну съ тѣмъ, чтобы навязать свое ученіе иновѣрцамъ. Мы отнюдь не желаемъ обращать Турокъ въ Православіе посредствомъ пушекъ; но мы всегда готовы стоять за святость и неприкосновенность нашей матери-церкви и защищать тѣхъ, кто къ ней принадлежитъ. Разница великая! Впрочемъ, теперь это даже выше философскаго пониманія Европы. Англичане, напримѣръ, находятъ весьма естественнымъ и разумнымъ начать войну противъ миролюбиваго народа за то только, что правители этого народа мѣшаютъ иностранцамъ оскотинивать и отравлять его посредствомъ тайнаго ввоза опіума. Подобная война, въ глазахъ Англичанъ, есть дѣйствіе хорошей и мудрой политики; о Синопахъ Небесной имперіи, съ рѣзнею и бѣдствіями, у нихъ говорятъ лишь мимоходомъ.

Французы, въ свою очередь, признаютъ возможность гражданской войны изъ за аксіомъ метафизико-политической галиматьи, въ родѣ того, что „король царствуетъ, а не управляетъ“. Высшіе умы, государственные люди готовы предать страну свою ужасамъ безначалія и пожертвовать династіею, которую они сами возвели на престолъ и которой долго служили, все въ предѣлахъ законности, я не сомнѣваюсь. Они готовы съ радостью идти на всѣ эти опасности, лишь бы до дна исчерпать вопросъ, кто правъ по дѣлу объ избирательныхъ банкетахъ [1]).

Эти великіе народы по обоимъ берегамъ пролива гордятся своимъ политическимъ воспитаніемъ, которое унаслѣдовано послѣ многихъ вѣковъ гражданственности и которое даетъ такіе плоды.

[1]) Февральская революція 1848 года началась по поводу этихъ банкетовъ.

П. Б.

Мы младшія дѣти Европейской семьи, смиренно сознаемся, что такая гражданственность намъ не по плечу; и въ дѣтскомъ невѣжествѣ нашемъ мы постыдились бы являться передъ лицомъ свѣта съ торгашескою плутнею и съ преступнымъ легкомысліемъ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Январь.

То, что̀ мы сказали въ предыдущемъ письмѣ о чувствѣ вѣры, преобладающемъ во всей нашей исторіи и о семейной такъ сказать связи, существующей между Россіей и Восточною Церковью, достаточно, какъ мнѣ кажется, объясняетъ, въ чемъ существенно состояло посольство князя Менщикова. Оно было нравственнымъ выраженіемъ нашихъ правъ и нашихъ обязанностей: ни болѣе, ни менѣе. Если смотрятъ на него иначе, если оно подало поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, то виновата въ томъ Европа, а не мы. Слѣдовало бы удивляться, что подобное посольство не состоялось ранѣе. Но ни сама Турція, ни наши политическіе противники не могутъ жаловаться на это и винить насъ въ упущеніи. Русское правительство было уже давно озабочено этимъ вопросомъ. Оно могло поднять его въ такое время, когда Европѣ было не до того, чтобы оборонять неприкосновенность Полумѣсяца, когда она сама оборонялась отъ революцій, которыя грозили гибелью не только престоламъ, но и кореннымъ основамъ всякой общественности. Русскому правительству постоянно приписываютъ либо изворотливость, тоньше и коварнѣе всякихъ ухищреній Макіавелевской политики, либо простоту и непониманіе своихъ выгодъ, достойныя золотого вѣка.

Искренность нашего правительства неопровержимо свидѣтельствуется тѣмъ, что оно не захотѣло ловить рыбы въ мутной

водѣ, не воспользовалось для своего дѣйствія тѣмъ временемъ, когда вниманіе державъ было занято тяжкими заботами самозащиты. Къ вопросу, который необходимо было разрѣшить нашему правительству, оно приступило открыто, при свѣтѣ дня, среди всеобщаго мира. Русскій народъ давно уже съ чувствомъ оскорбленнаго недоумѣнія относился къ тому, что дѣло самое для него дорогое и священное какъ будто предавалось забвенію. Страданія Восточной Церкви отзывались въ самой глубинѣ народнаго сердца, и лишь наше безграничное довѣріе къ правительству могло сдерживать и обнадеживать умы. Нетерпѣніе страны уступало, не безъ усилія, долготерпѣливости правительства и предоставляло ему выборъ дня для своевременнаго дѣйствія, въ томъ убѣжденіи, что оно не измѣнитъ вѣроисповѣдному и народному завѣту. За исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, у насъ не существуетъ никакой партіи, которая мечтала бы о завоеваніи Константинополя или о другихъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ. Можно положительно сказать, что ни правительство Русское, ни народъ не имѣютъ въ настоящее время честолюбивыхъ замысловъ, которые имъ приписываются; также не подлежитъ сомнѣнію, что весь народъ всегда будетъ готовъ принести самыя тяжкія жертвы и пролить до послѣдней капли свою кровь, чтобы обезпечить независимость Восточной Церкви.

Съ самаго начала Русско-турецкаго столкновенія, еслибъ императоръ Николай захотѣлъ, онъ успѣлъ бы двадцать разъ двинуть свои военныя и морскія силы и овладѣть Турецкою столицею, а также и Дарданелами, послѣ чего ему не трудно было бы отнять у морскихъ державъ всякую охоту встрѣчаться съ нимъ въ тѣхъ мѣстахъ. Если онъ этого не сдѣлалъ, то потому, что не хотѣлъ.

Исходная точка столкновенія — вопросъ о Палестинѣ для всѣхъ кромѣ насъ, Русскихъ, есть вопросъ не только второстепенный, но совершенно праздный. Это доказывается невозможностью для западной политики заняться имъ существенно и понять его иначе какъ только предлогомъ для борьбы съ нами. Не кстати возбужденный Французскимъ кабинетомъ (трудно

сказать, съ какою цѣлью) этотъ вопросъ не вызываетъ никакихъ сочувствій въ большинствѣ Французскаго народа. Исключая небольшое число духовныхъ лицъ и еще гораздо меньшее число искренно благочестивыхъ душъ, онъ не занимаетъ никого. Въ этомъ отношеніи Франція вполнѣ согласна съ воззрѣніями бонапартизма. Когда предлагали вождю Египетской экспедиціи идти на Іерусалимъ изъ Яффы, гдѣ онъ тогда находился, онъ отвѣчалъ, что *Іерусалимъ не входитъ въ линію его операцій*: слова не лишенныя значенія въ устахъ христіанина. Его преемникъ, уклонившись на этотъ разъ отъ семейнаго преданія, возымѣлъ неловкую мысль включить Святыя Мѣста въ линію своихъ дипломатическихъ операцій.

Въ Россіи, напротивъ, святой городъ есть городъ любимый, куда съ незапамятныхъ временъ усердно ходятъ наши богомольцы. Словесность наша, довольно бѣдная историческими памятниками, имѣетъ очень старинныя описанія такихъ „хожденій“. Эти разсказы простыхъ людей, чуждые всякой писательской притязательности, носятъ на себѣ печать простодушія и набожности, что́ и составляетъ ихъ великое достоинство. Чувство вѣры не подверглось у насъ искаженію, и потому паломничество сохранило въ Россіи значеніе, которое оно имѣло въ средніе вѣка. Каждый годъ въ Іерусалимъ стекаются многочисленные богомольцы изъ всѣхъ сторонъ Россіи, изъ всѣхъ слоевъ общества. Тутъ, кромѣ свѣтскихъ людей, бываютъ купцы, крестьяне, женщины изъ простонародья, отпускные солдаты. Бѣдный людъ съ береговъ Волги, съ Бѣломорскаго прибрежья, изъ глубины Сибири, пѣшкомъ проходитъ всю необъятность Россіи, чтобы добраться до завѣтной цѣли своего благочестиваго чувства. Они копятъ деньги въ продолженіи многихъ лѣтъ и лишаютъ себя необходимаго, лишь бы принести къ Святому Гробу лепту своего труда и своихъ лишеній.

Спрашиваю всякаго безпристрастнаго и добросовѣстнаго путешественника, который, подобно мнѣ, былъ въ Іерусалимѣ: много ли повстрѣчалось ему *истинныхъ паламниковъ*, кромѣ Русскихъ? Безъ сомнѣнія встрѣчались любознательные или праздные Французы, люди науки, пріѣзжающіе изслѣдовать

эту землю для своихъ географическихъ или историческихъ развѣдокъ. Вы тутъ найдете и Англичанъ-туристовъ, которыхъ впрочемъ навѣрное можно встрѣтить во всѣхъ углахъ міра и которые странствуютъ въ Іерусалимъ также, какъ поѣхали бы въ Мономотапà. Но только изъ Россіи, къ праздникамъ Рождества Христова и Пасхи, являются цѣлыя толпы богомольцевъ говѣть и причаститься у Гроба Господня. Мало бываетъ Французовъ между паломниками свѣтскаго званія, и даже мало духовныхъ лицъ. *Двадцать два года тому назадъ* (говоритъ г. Пужулà въ книгѣ о Святыхъ Мѣстахъ, 1853 г.), *когда я посѣтилъ Святую Землю, я не встрѣтилъ ни одного духовнаго лица изъ нашего народа; ни въ одномъ Сирійскомъ монастырѣ не говорили на языкѣ древнихъ освободителей Святого Гроба.* Это признаніе, соскочившее съ пера защитника Французскаго дѣла въ Іерусалимѣ, не есть ли очевидное доказательство того, что вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ не имѣетъ никакого значенія для Франціи? Заговорите о Парижѣ или о Лондонѣ въ какомъ нибудь отдаленномъ углу Россіи или человѣку изъ простого народа: ваши разсказы не возбудятъ особаго вниманія. Но если вы возвращаетесь изъ Іерусалима, то можете расчитывать на внимательныхъ и сочувственныхъ слушателей. Для этого простонародья, въ большинствѣ безграмотнаго, Іерусалимъ есть живое преданіе, которое сохранилось изъ поколѣнія въ поколѣніе и постоянно обновляемо у сельскаго очага благочестивыми разсказами возвратившихся поламниковъ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Январь.

Французская повременная печать произнесла лишь одно правдивое и дѣльное слово о Восточномъ вопросѣ.

Это слово появилось въ *Revue des Deux Mondes*. Но вы не найдете его ни въ двухнедѣльномъ обозрѣніи, ни въ статьяхъ о Русской политикѣ на Востокѣ, которыя печатаетъ Евгеній Форкадъ. Истина, недоступная гордынѣ, открывается иной разъ смиренномудрію. Слово это находится въ скромномъ примѣчаніи къ Русской повѣсти *Ксенія Демьяновна*, въ одномъ изъ октябрьскихъ выпусковъ 1853 года. Вотъ это примѣчаніе: „Авторъ предлагаемаго разсказа имѣлъ возможность изучить многія стороны въ жизни Русскихъ крестьянъ, ускользающія отъ вниманія путешественниковъ, которымъ не достаетъ ни времени для пополненія своихъ наблюденій, ни того ясновидѣнія, которое дается лишь народному духу. Въ повѣствованіи, которое связано здѣсь съ нѣкоторыми воспоминаніями о Святыхъ Мѣстахъ, читатели найдутъ вѣрную картину народныхъ нравовъ въ Россіи и, быть можетъ, безошибочную, хотя и отдаленную оцѣнку тѣхъ вѣроподобныхъ вліяній, которыя воодушевляютъ и волнуютъ въ настоящее время эту великую имперію“. Сдѣлаемъ лишь одну небольшую оговорку. Замѣните слово *можетъ быть* положительнымъ утвержденіемъ, и вся приведенная замѣтка будетъ заключать въ себѣ сущую правду.

Да, объясненія посольству князя Менщикова слѣдуетъ искать въ добросовѣстномъ изученіи народныхъ нравовъ, вѣроисповѣд-

ныхъ убѣжденій Русскаго народа, въ его приверженности, сердечномъ благоговѣніи къ Восточной церкви и къ Святому Граду въ особенности. Вы напрасно будете громоздить догадки на догадкахъ, разсужденія на разсужденіяхъ: вы только истощите ваше воображеніе и будете искать полудня среди ночи; истина ускользнетъ отъ васъ. Да, нужно *ясновидѣніе, которое дается лишь родному духу*, чтобы понимать историческія и нравственныя стремленія извѣстнаго народа. Вотъ почему Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ и всѣ лорды Англіи, члены адмиралтейства и Foreign Office'a ничего не поняли въ Русско-Турецкомъ вопросѣ. Каждый судилъ о немъ съ исключительной точки зрѣнія своей національности, нисколько не принимая въ разсчетъ Русскихъ воззрѣній. Вопросъ этотъ былъ для всѣхъ для нихъ непрерывнымъ маревомъ.

Нѣсколько ошибочныхъ и несправедливыхъ мѣръ, послѣдовательно принятыхъ Оттоманскимъ правительствомъ, не для пользы Турціи, а подъ давленіемъ чуждыхъ вліяній, наконецъ, повлекли за собою опасный переворотъ въ его отношеніяхъ къ Россіи, основанныхъ на правомѣрномъ и обоюдномъ покровительствѣ православному населенію. Эта точка соприкосновенія между обоими правительствами неизбѣжна. Она можетъ поочередно дѣлаться силою и опорою для Турціи, если эта держава съумѣетъ оцѣнить ея значеніе, или же камнемъ преткновенія, если она потеряетъ ее изъ виду. Послѣднее осуществилось, не единично, не случайно, а въ цѣломъ рядѣ явленій, берущихъ свое начало издалека, и въ послѣдовательныхъ нарушеніяхъ законнаго порядка вещей. Было бы слишкомъ долго исчислять здѣсь эти нарушенія, притѣсненія и жестокости, которымъ подвергались вообще христіане. Униженіе Восточной церкви подъ Турецкимъ владычествомъ не подлежитъ сомнѣнію ни для кого изъ безпристрастныхъ путешественниковъ, хотя бы Француза или Англичанина. Порта даровала Римскому исповѣданію многочисленныя преимущества, во всякомъ случаѣ, представляющія собою доказательство недовѣрія и презрѣнія къ Православію, которое не пользуется этими преимуществами; а замѣтьте, что Православіе исповѣдуется испоконъ-вѣку боль-

шинствомъ коренныхъ жителей страны. Между тѣмъ, Римскія церкви, могутъ, напримѣръ, звонить въ колокола, что̀ не дозволено церквамъ православнымъ. Мы слышали отъ Греческихъ священниковъ горькія жалобы на такое запрещеніе. Вообще Греки и Русскіе очень дорожатъ этимъ торжественнымъ призывомъ вѣрующихъ къ Божественной службѣ. Купцы и крестьяне часто сооружаютъ у себя въ приходахъ драгоцѣнные и прекрасные колокола, отличающіеся въ православныхъ церквахъ разнообразіемъ звука и звона. Замѣчательно, что у насъ этотъ колокольный призывъ называется *благовѣстомъ*, что̀, какъ и самое слово *Евангеліе*, означаетъ *благую вѣсть*. По буквальному смыслу *бератовъ*, выдаваемыхъ Греческимъ патріархамъ, они формально утверждаются въ этомъ санѣ пожизненно, съ тѣмъ, что въ случаѣ ихъ неспособности или измѣны султанскому правительству, они должны быть судимы полнымъ собраніемъ синода, изъ митрополитовъ и епископовъ, и могутъ быть осуждены не иначе, какъ единогласнымъ постановленіемъ Синода. И что же? Съ 1839 года отрѣшенія патріарховъ происходили безпрестанно безъ всякаго синодальнаго обсужденія, а единственно по произволу Высокой Порты или какого-нибудь посла западныхъ державъ; былъ даже примѣръ, что въ избирательномъ собраніи Греческаго духовенства, созванномъ для выбора патріарха, предсѣдательствовалъ клевретъ исламизма.

Могло-ли Русское правительство остаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ своей церкви, измѣнить своимъ священнѣйшимъ сочувствіямъ и обязанностямъ? Цѣлью Русскаго посла было поставить эти жалобы на видъ Султану, который, вѣроятно, не зналъ о нихъ, и испросить отъ него удовлетворенія, которое до сихъ поръ безуспѣшно требовано отъ его министровъ. Это было запросомъ государя къ государю. Искренность одного взывала къ прямодушію другого. И, конечно, если бы сторонніе злобные внушенія не обольстили довѣренности Султана, человѣка по природѣ добраго и великодушнаго, но не имѣющаго достаточно душевной силы и твердости ума для борьбы съ своимъ окруженіемъ, то вопросъ разрѣшился бы безъ большихъ затрудненій. Дѣло шло вовсе не объ оскорбленіи исламизма или

о стѣсненіи правъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Дѣйствительныя выгоды Турціи и Европы оставались въ сторонѣ. Предстояло только возвратить Грекамъ свободу вѣры и богослуженія, на которую они имѣли право и которая торжественно имъ обѣщана. Власть Султана нисколько не умалялась. Наши требованія могли возбудить неудовольствіе лишь нѣкоторыхъ мнимо-государственныхъ людей новой Турецкой школы. Люди эти, промѣнявъ чалму на феску, выучившись бормотать по-французски и пить шампанское, даже не приговаривая: „*О, Магомедъ, закрой свои очи!*“ почитаютъ себя маленькими Ришелье, маленькими Питтами и хотятъ, съ помощію закупленныхъ ими туркофильскихъ газетъ, прослыть таковыми.

Какъ бы то ни было, пріѣздъ князя Менщикова произвелъ смятеніе въ средѣ Высокой Порты. Извѣстно, что каждый разъ, когда къ ней обращаютъ рѣчь, она не вѣдаетъ, что̀ ей отвѣчать, что̀ дѣлать. Вѣрная своимъ привычкамъ, она и тутъ вмѣсто всякаго отвѣта завопила: „*пожаръ! разбой!*“ Еще недавно она звала Россію на помощь; теперь ей нужна помощь противъ Россіи. Призывъ этотъ, какъ слѣдовало ожидать, раздался не втунѣ: Франція, по завѣту *оратора человѣчества* [1]), всегда готова на фразы, хотя бы онѣ должны были вызвать бурю, открыла кампанію трескучими циркулярами, которые вскорѣ должны замѣниться пушечными выстрѣлами. Англія, съ тюкомъ коленкора подъ мышкой, всегда озабоченная мыслію наклонить вѣсы событій въ ту сторону, гдѣ видитъ наибольшее удобство сбыта своему товару, прибѣжала, въ свою очередь, на мѣсто посмотрѣть, что̀ можно сдѣлать. Въ самомъ началѣ, призывъ Англійскаго флота къ Дарданелламъ полковникомъ Розомъ былъ очень знаменателенъ. Хотя Англійскій адмиралъ не послушался приглашенія, но это не измѣняетъ нисколько существенности дѣла. Если должностное лицо, и при томъ второстепеннаго значенія, рѣшается принять на себя подобное вчинаніе по собственному побужденію, то необходимо допустить одно изъ двухъ: или его правительство имѣло на этотъ предметъ втайнѣ установившіеся виды или же оно предоставляетъ направленіе событій затѣямъ

[1]) Анахарсиса Клоца? *П. Б.*

людей съ пылкой головою и любаго безтолковаго хлопотуна, занимающаго передовой постъ. Во всякомъ случаѣ, возможно-ли не остерегаться державы, которая готова съ минуты на минуту опрометчиво произвести взрывъ столь важныхъ событій? Одною попыткою полковника Роза не объясняется-ли вполнѣ движеніе нашихъ войскъ? Или, прежде чѣмъ принять соотвѣтственную мѣру, мы должны были ждать, чтобы событіе совершилось? Мы не знаемъ, какъ подтасованы были карты въ игрѣ, которая разыграна впослѣдствіи. Была-ли предварительная стачка игроковъ, или какая-нибудь тайная причина обусловила перемѣщеніе ролей; все равно, шла-ли Франція на буксирѣ Англіи, или сія послѣдняя на буксирѣ Франціи: дѣло въ томъ, что и та, и другая скоро стали на сторонѣ Турціи въ положеніи, намъ враждебномъ. Мы утверждаемъ, что, говоря постоянно о мирѣ и согласіи, въ тоже самое время подстрекать къ сопротивленію малосмыслящее правительство, отуманивать и опьянять его обѣщаніями вооруженной поддержки, въ случаѣ, если дипломатамъ не удастся выиграть его дѣло, — это, можетъ быть, высшая политика, но никакъ не политика добросовѣстная. На нашей сторонѣ остаются право и честное намѣреніе. Нынѣ ясно, что хотѣли протянуть переговоры и потомъ выставить невозможныя предложенія; нужно было выиграть время, для Турокъ и для себя, приготовиться къ войнѣ, предоставляя себѣ впослѣдствіи, по окончаніи приготовленій, воспользоваться первымъ предлогомъ къ войнѣ. Здравому смыслу это было уже давно понятно. Впрочемъ, долговременная загадка разъяснена въ такомъ смыслѣ признаніемъ самаго Англійскаго министерства, поставленнаго въ тупикъ запросами оппозиціи.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Февраль.

Господинъ Эмиль де-Жирарденъ [1]), въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, по обычаю своему, рѣзко и воинственно, совѣтуетъ Англіи и Франціи немедленно занять Константинополь корпусомъ войскъ или назначить Австріи и Пруссіи краткій срокъ, послѣ котораго эти двѣ державы должны будутъ, выйдя изъ нейтральнаго бездѣйствія, приступить къ союзу съ ними противъ Россіи; въ противномъ случаѣ, говоритъ онъ, появится второе изданіе 1815-го года: Русскіе вступятъ въ Парижъ и принесутъ на своихъ плечахъ сліяніе обѣихъ линій Бурбонскаго дома.

Мы оставимъ безъ вниманія первое предложеніе и не послѣдуемъ за г. Жирарденомъ въ его военномъ походѣ; еще менѣе станемъ прекословить ему по поводу пророчества о повтореніи въ 1854 году событій 1814 и 1815 гг. Можетъ статься, онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ думаетъ самъ онъ. Мы въ этомъ письмѣ желаемъ только представить автору нѣкоторыя соображенія относительно роли, которую онъ хочетъ навязать Австріи и Пруссіи. Его заблужденіе проистекаетъ изъ хронологической ошибки, на которую необходимо указать. Онъ имѣлъ въ виду только 1815 годъ; но еслибъ онъ потрудился отступить нѣсколько назадъ, то легко отыскалъ бы 1812 годъ, который вполнѣ опровергаетъ его выводы изъ прошедшаго, какъ и соображенія о будущемъ. Франція, именно сдѣлала въ 1812 году то, что г. де-Жирарденъ

[1]) Наканунѣ недавней войны, старикъ Жирарденъ заговорилъ инымъ языкомъ: онъ горячо защищалъ дѣло Россіи и Славянъ. *П. Б.*

совѣтуетъ ей теперь: она несправедливо и вопреки здравой политикѣ напала на Россію. Наполеонъ насильно повлекъ за собою не только Австрію и Пруссію, но всю Германію. Смиренно спрашиваемъ г. де-Жирардена, въ барышѣ ли осталась Франція, и ея положеніе сдѣлалось ли лучше? Сотни тысячъ солдатъ, нахлынувшихъ на Русскую землю подъ славными знаменами Наполеона Великаго, не могли принудить Россію къ малѣйшей уступкѣ. Великому полководцу, привыкшему предписывать мирныя условія въ столицахъ пораженнаго непріятеля, суждено было испытать новую, истребительную войну въ то самое время, когда, овладѣвъ Москвою, онъ считалъ Россію покоренною и согласною на условія мира, которыя онъ соблаговолитъ предписать.

У г-на Жирардена, какъ и у многихъ Французовъ, существуютъ прогалины въ умѣ и въ памяти; онъ схватываетъ и твердо удерживаетъ только тѣ числа и событія, которыя ему пригодны для подведенія и округленія итога, нужнаго въ данное время. Такимъ способомъ Французы пишутъ не только газетныя статьи, но самую исторію. Вотъ почему нашъ публицистъ не затрудняется перескочить черезъ 1812 годъ, какъ бы желаетъ его повторенія, забывая объ исходѣ; онъ прямо бросается къ призраку 1815-го года, которымъ хочетъ устрашить Францію, забывая опять, что годы 1814 и 1815 были только роковымъ и приснопамятнымъ послѣдствіемъ событій 1812 года. Но память у Нѣмцевъ не такъ своенравна и податлива. Они не могутъ забыть неблагодарную и тяжкую роль, противную ихъ совѣсти и благу, которую пришлось имъ играть въ 1812 году, подъ давленіемъ Франціи.

Конечно не намъ, Русскимъ, жаловаться на тяготу жертвъ, принесенныхъ нами въ 1812 году. Наше терпѣніе и выдержка снискали намъ столь прекрасное мѣсто въ исторіи, наше возмездіе было столь полно, и мы должны гордиться испытаніемъ, чрезъ которое прошли. Но если бы Франція могла размышлять спокойно, не увлекаясь порывами страсти, то ей не мудрено было бы придти къ заключенію, что именно Европейскому характеру, который она старалась придать войнѣ противъ Россіи,

слѣдуетъ приписать паденіе Наполеона и утрату преобладающаго вліянія, которымъ Французы пользовались въ Европѣ до того времени. Наполеонъ, въ гнѣвѣ своемъ на Россію, которая казалась ему не довольно уступчивою, поднялъ противъ нея всю материковую Европу. Что же вышло потомъ? Какъ скоро арміи его и его союзниковъ потерпѣли пораженіе въ Россіи, вся Европа возстала противъ него съ Россіею въ главѣ. Эта справедливая кара, это воздѣйствіе насильственнаго положенія противъ его виновника, потерявшаго силу, были вполнѣ дѣломъ естественнымъ. Что произошло тогда, то неминуемо должно повториться еще разъ, коль скоро настоящему времени пошли не въ прокъ уроки прошедшаго.

Держа перо въ рукѣ, я не предполагаю, подобно другимъ газетнымъ корреспондентамъ, что вслѣдствіе этого я посвященъ въ тайны Европейской дипломатіи и правительствъ, а тѣмъ менѣе Провидѣнія и будущихъ событій. Я не знаю дальнѣйшихъ намѣреній нашего правительства. Но я знаю, что честь Россіи находиться въ надежныхъ рукахъ. Я убѣжденъ, что, въ случаѣ необходимости, если бы народному достоинству предстояло уступить или бороться до конца, то примѣръ императора Александра не будетъ забытъ императоромъ Николаемъ, и Россія покажетъ, чего можно ожидать отъ нея, коль скоро она вызвана на смертный бой. Какъ Русскій, я далекъ отъ ослѣпленія и похвальбы въ обсужденіи важныхъ событій, угрожающихъ спокойствію Европы и въ особенности намъ, и въ виду случайностей, которыя могутъ временно обратиться противъ насъ вслѣдствіе Европейской коалиціи, намъ враждебной. Но, какъ старый ветеранъ 1812 года, я смотрю на эти случайности безъ смущенія и безъ страха и я убѣжденъ, что согласно со мною мыслитъ и чувствуетъ вся Россія.

Какъ скоро начнется великая война, мы должны предвидѣть, что наши враги могутъ одерживать надъ нами частные успѣхи по превосходству силъ, если не вездѣ и всегда, то временно, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Мы, слава Богу, не исповѣдуемъ догмата непобѣдимости, и поэтому неудачи не могутъ смущать насъ. Но каждый Русскій имѣетъ врожденное чувство

долга и нравственной силы. Онъ знаетъ изъ уроковъ своей исторіи, что могущественный и единодушный народъ, вѣрный своему народному и вѣроисповѣдному преданію, не можетъ быть побѣжденъ, если того не хочетъ, и что, не отступая передъ врагомъ до конца, онъ, наконецъ, своимъ мужествомъ и постоянствомъ истощитъ его и доведетъ до безсилія.

Допустимъ на время самую неблагопріятную для насъ случайность и отдадимъ смиренно и добровольно полное превосходство врагамъ. Они одержали блестящій успѣхъ, сожгли нѣсколько нашихъ кораблей; больше того, они подожгли нѣсколько сараевъ въ одной изъ нашихъ морскихъ пристаней и вмѣстѣ съ тѣмъ склады торговыхъ домовъ, принадлежащіе ихъ же соотечественникамъ, которые водворились и разбогатѣли въ Россіи. А потомъ? Двинется ли дѣло ихъ хоть на одинъ шагъ? Всѣ эти потери ничто иное, какъ вещественные убытки, легко возмѣщаемые, о чемъ свидѣтельствуютъ Москва и другіе наши города, обращенные въ пепелъ въ 1812 году (я люблю къ нему возвращаться). Однако эти потери наши будутъ сопровождаться нѣкоторымъ истощеніемъ силъ и чувствительнымъ вредомъ для нашего врага, съ тою разницею, что мы потерпимъ неудачи [illegible] такъ сказать въ своемъ хозяйствѣ, что обезпечиваетъ [illegible]

[illegible]

ни были они прискорбны, никогда не касались правъ и чести Россіи. Теперь же я имѣю въ виду только тѣ войны, которыя Россія вела одна и за свой собственный счетъ, такъ что *одиночество*, которымъ нынѣ грозятъ намъ, становится для насъ новымъ побужденіемъ и новымъ ручательствомъ того, что за нами, рано или поздно, останется послѣднее слово въ борьбѣ, на которую насъ вызовутъ.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Февраль.

Много было страннаго въ случаяхъ и разныхъ обстоятельствахъ, породившихъ Русско-турецкій вопросъ; но кажется, всего неожиданнѣе, по крайней мѣрѣ необъяснимѣе, тотъ взрывъ негодованія и напускной чувствительности, который раздался въ Европейской печати и даже въ кругахъ правительственныхъ, по случаю Синопской побѣды, одержанной Русскимъ флотомъ, или Синопскаго *бѣдствія* (désastre), — какъ оффиціально принято называть это событіе. Вслѣдствіе этой побѣды, какъ гласятъ документы, обнародованные на обѣихъ сторонахъ пролива, Восточный вопросъ вступилъ въ новый періодъ, такъ что Французское и Англійское правительства вынуждены были приступить къ мѣрамъ наступательнымъ въ замѣнъ мнимо-пассивныхъ и выжидательныхъ, которыми они ограничивались до тѣхъ поръ. Поэтому небезполезно, можетъ быть, еще поговорить о Синопскомъ дѣлѣ. Для устраненія мелочныхъ придирокъ, къ которымъ прибѣгали, чтобъ исказить и затемнить истину, мы обратимся къ нѣкоторымъ новымъ соображеніямъ.

Внимая жалобамъ и проклятіямъ этихъ господъ, можно бы дѣйствительно подумать, что мы совершили безчестное и неслыханное дѣло, атаковавъ и поразивъ непріятеля, который объявилъ намъ войну. Подумаешь, что мы среди полнаго мира и неожиданно напали на столицу дружественнаго народа, какъ былъ тому примѣръ въ 1807 году [1]); или что мы, превращая на-

[1]) Разореніе Копенгагена Англичанами.

шихъ отважныхъ моряковъ въ судебныхъ приставовъ, налагающихъ запрещеніе на имущество, позволили себѣ, также въ мирное время, блокировать порты беззащитной и дружественной страны, для взысканія по аптекарскимъ счетамъ еврея, принадлежащаго болѣе или менѣе къ Англійскому народу, или Англичанина, который болѣе или менѣе есть еврей.

Замѣтьте еще (достопочтенные Туркофилы позабыли объ этомъ), что задолго до Синопскаго сраженія, т.-е., до 18 Ноября, Русскій фрегатъ *Флора*, шедшій изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале, былъ атакованъ ночью 6 Ноября тремя Турецкими пароходами, изъ которыхъ одинъ былъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ починъ произошелъ не съ нашей стороны: первое нападеніе на морѣ произведено Турками.

Добро бы однѣ газеты позволяли себѣ такіе пристрастные и оскорбительные отзывы; но оффиціальными глашатаями этихъ нелѣпыхъ и гнусныхъ газетныхъ толковъ явились люди государственные и, къ величайшему нашему изумленію, все это занесено въ дипломатическіе документы, обнародованные отъ имени правительствъ, въ явное свидѣтельство умственнаго помраченія и наглой недобросовѣстности.

У Французскаго кабинета промелькнулъ, однако, лучъ правды въ оцѣнкѣ этого событія. Въ депешѣ отъ 13 Декабря къ генералу Барагэ-д'Илье оно названо *смѣлымъ и счастливымъ ударомъ со стороны Россіи*. Но раздраженные Англійскіе министры заговорили языкомъ, которому нѣтъ примѣра. Мы хорошо понимаемъ неудовольствіе Сентъ-Джемскаго кабинета на Петербургскій за то, что сей послѣдній не внялъ угрозамъ, которыми думали или надѣялись стѣснить свободу его дѣйствій. Но морской державѣ, уважающей себя, непозволительно было посягать на честь и доблесть нашихъ моряковъ отрицаніемъ качествъ, которыя они проявили въ этомъ дѣлѣ. Судя по этимъ отзывамъ, надо полагать, что завистливые хулители славнаго военнаго подвига не имѣютъ уже въ себѣ ни единой капли той благородной крови, которая текла въ жилахъ Нельсона, и не въ состояніи постигать значенія простыхъ и высокихъ словъ днев-

наго приказа во время Трафальгарской битвы: „Англія ожидаетъ, что каждый человѣкъ исполнитъ свой долгъ“. Вѣдь наши моряки тоже исполнили свой долгъ и не обманули ожиданія Россіи.

Побѣда, которую они одержали, не была случайнымъ ударомъ, нанесеннымъ изъ-за угла. Поврежденные непріятельскимъ огнемъ нѣкоторые корабли наши свидѣтельствуютъ, что было сопротивленіе, и что побѣда оспаривалась. Предубѣжденія разсѣются, время и новыя событія заглушатъ вопли, нынѣ столь пронзительные, и имена адмирала Нахимова и его доблестныхъ сподвижниковъ останутся безсмертными въ лѣтописяхъ морскаго дѣла.

„Чувство ужаса (сказалъ лордъ Кларендонъ по поводу Синопскаго сраженія), котораго не могло не возбудить такое страшное побоище, отозвалось единодушно во всѣхъ безъ исключенія подданныхъ ея величества“.

Я не могу понять хорошенько, чего тутъ было ужасаться. Если бы благородный лордъ разумѣлъ только чувство досады, происшедшее отъ ошибки въ расчетахъ у нѣкоторыхъ подданныхъ ея Британскаго величества, то я легко согласился бы, что къ этому чувству былъ основательный поводъ. Турецкій флотъ есть питомецъ и выученикъ флота Англійскаго: понятно, что Синопское пораженіе не польстило самолюбію *достопочтеннаго паши* Англійскаго происхожденія, который взялъ этотъ флотъ подъ свою опеку.

„Турецкая эскадра (продолжаетъ благородный лордъ), стоявшая на якорѣ въ Синопѣ, истреблена *флотомъ, который превосходилъ ее своею силою.* Она была истреблена на якорѣ въ Турецкомъ портѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, слѣдовательно, флоты Англіи и Франціи охранили бы ее и отразили бы нападеніе, если бы находились на лицо“.

Таковы жалобы и обвиненія Англійскаго правительства. Разсматривая ихъ, мы удостовѣряемся, что съ Англійской точки зрѣнія не дозволено:

1) Атаковать непріятеля, пока онъ не находится въ выгодномъ для него положеніи (хотя намъ трудно понять, въ чемъ

заключается невыгодность положенія для флота, который стоитъ на якорѣ въ принадлежащемъ ему и укрѣпленномъ портѣ).

2) не дозволено атаковать его иначе, какъ слабѣйшими, сравнительно, силами, и

3) во всякомъ случаѣ, для нападенія на непріятеля, необходимо дождаться, чтобы его союзники, если онъ имѣетъ ихъ, изъявили свое согласіе или выдвинули на помощь ему свои силы, для уравненія вѣроятностей успѣха.

Эти новыя стратегическія правила, безъ сомнѣнія, очень назидательны и проникнуты рыцарскимъ духомъ. Привѣтствуемъ Англійское правительство съ ихъ провозглашеніемъ. Мы въ особенности поздравили бы враговъ Англіи, еслибы въ день боя она держалась этихъ правилъ на дѣлѣ и за свой счетъ, точно также, какъ нынѣ проповѣдуетъ ихъ въ теоріи и для другихъ. Но прежде чѣмъ согласиться съ такими началами, подождемъ, чтобъ Англія подала намъ примѣръ въ ихъ примѣненіи на дѣлѣ.

Отвѣтъ графа Нессельроде на жалкіе софизмы и вздорныя требованія, предъявленныя Англійскимъ посланникомъ, рѣшителенъ.

„Турція объявляетъ намъ войну“, говоритъ онъ, „она от„крываетъ кампанію даже до срока, назначеннаго ею; она втор„гается въ наши предѣлы, овладѣваетъ маленькою крѣпостью, „которую донынѣ занимаетъ, и вы обвиняете насъ въ томъ, „что мы отвѣчаемъ *враждебными дѣйствіями на враждебныя дѣй„ствія*. Но благоволите вспомнить, что мы въ войнѣ съ Тур„ціей, и никогда, сколько мнѣ извѣстно, не бывало войны, ко„торая не сопровождалась бы такими дѣйствіями, на которыя „вы жалуетесь. Наше нападеніе было дѣломъ обороны. Всѣмъ „извѣстно, что Турецкіе корабли были нагружены военными „запасами для племенъ, возставшихъ на нашей границѣ“.

Какія возраженія, сколько нибудь разумныя, можно было противопоставить этимъ словамъ, исполненнымъ правды и логики? Оттого Англійскій посланникъ и прибѣгнулъ къ разнорѣчивости показаній о назначеніи флота, застигнутаго у Синопа. По нашимъ свѣдѣніямъ, основаннымъ на донесеніяхъ Русскихъ

властей. Впрочемъ вѣсти были знакомѣе наступившимъ. Эскадра имѣла цѣлью только провести нѣсколько военныхъ припасовъ. По увѣренію Англичанъ, почерпнутому изъ сообщеній нѣкоторыхъ корреспондентовъ или самихъ Турокъ, эскадрѣ поручено было только доставить продовольствіе въ Батумъ. Но если бы даже допустить мнѣніе (хотя это и невѣрно), то въ чемъ же измѣнился бы вопросъ? Развѣ на войнѣ не атакуютъ транспортовъ съ продовольствіемъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ? Развѣ не захватываютъ у непріятеля одиночныхъ передовыхъ постовъ или отсталыхъ отрядовъ, когда представляется къ тому случай? Предположимъ даже, что Синопская эскадра не была нагружена ничѣмъ, ни военными снарядами, ни продовольствіемъ; что она просто прогуливалась: тѣмъ не менѣе, наши моряки имѣли право и были обязаны атаковать ее, предупреждая нападеніе, подобное тому, какому подвергся фрегатъ *Флора*. Странно, что приходится излагать такія первобытныя истины и защищаться въ дѣлѣ, очевидно, правомъ. Но здравый смыслъ помрачается духомъ партій. Чего можно ожидать отъ обмѣна мнѣній, коль скоро одна изъ сторонъ, подъ вліяніемъ мономаніи, оставляетъ постоянно безъ вниманія доводы своего возражателя и находится подъ исключительною властію предубѣжденія, овладѣвшаго умомъ ея?

Поэтому, отдавая должную справедливость долготерпѣнію и умѣренности Русскаго правительства, которое медлило прекращеніемъ переговоровъ праздныхъ и сдѣлавшихся невозможными, всѣ Русскіе люди радостно и съ благодарностью привѣтствовали отозваніе нашихъ пословъ изъ Лондона и Парижа.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Мартъ.

Недавно Англійское правительство обмолвилось признаніемъ, которое мы принимаемъ къ свѣдѣнію, нисколько однако не думая, чтобы занесеніе этого признанія въ протоколъ могло въ настоящее время просвѣтить и образумить ослѣпленныхъ людей. Но приговоры, состоявшіеся подъ вліяніемъ духа партіи и страстей, подвергаются въ будущемъ и въ исторіи высшему судилищу, которое возстановляетъ истину, и этому отдаленному, но непогрѣшимому суду мы приносимъ нашу кассаціонную жалобу.

Вспомнимъ географическія и хронологическія придирки въ циркулярахъ г. Друэнъ-де-Люиса, которыми онъ возражалъ на циркуляръ графа Нессельроде, отъ 20 іюня (2 іюля) 1853 года. Русскій министръ говорилъ: „Двѣ морскія державы, предоставляя себѣ починъ дѣла, сочли необходимымъ предупредить немедленно *дѣйствительною мѣрою* то, что мы объявили имъ лишь какъ мѣру *возможную*, подчиненную конечнымъ рѣшеніямъ Порты, и къ исполненію которой въ настоящую минуту еще не приступлено: онѣ тотчасъ послали свои флоты въ сосѣдство Константинополя. Онѣ уже занимаютъ воды и порты Оттоманскаго владѣнія вблизи Дарданелъ“.

Всѣ дальнѣйшіе циркуляры и депеши, Французскіе и Англійскіе, вертятся вокругъ того же пункта, принятаго за основаніе операцій, т. е. утверждаютъ, будто нападеніе произошло со стороны Россіи.

Дѣло въ томъ, что, когда нужно свалить на противника отвѣтственность за починъ, тогда не скупятся на изъявленія скромности, смиренія, терпѣнія и довѣрчивости, доходящей яко бы до простодушія. Затѣмъ рѣчь измѣняется сообразно обстоятельствамъ. И вотъ Англійское министерство, подъ напоромъ оппозиціи, которая обвиняетъ его въ слабости, нерѣшительности и равнодушіи, спѣшитъ объявить устами перваго лорда адмиралтейства (въ засѣданіи Палаты Общинъ, 17 Февраля): „Посмотрите числа. Англійскій флотъ получилъ приказаніе вступить въ Безикскую бухту 31 мая, тогда какъ занятіе Дунайскихъ княжествъ началось только 2 іюля".

Кажется, это ясно и опредѣлительно. Такое, хотя и позднее, сознаніе не оправдываетъ ли, не служитъ ли неопроверженнымъ подтвержденіемъ слѣдующихъ словъ графа Нессельроде въ его циркулярѣ: „принявъ такое вызывающее положеніе, обѣ державы поставили насъ подъ давленіемъ угрозы, которая, какъ мы уже намекали имъ, должна была усложнить кризисъ новыми затрудненіями. Въ виду отказа Порты, подкрѣпляемаго заявленіемъ Франціи и Англіи, *для насъ становится болѣе, чѣмъ когда либо невозможнымъ* видоизмѣнить рѣшенія, поставленныя Императоромъ въ зависимость отъ этого отказа".

Тутъ сущность всего вопроса. По мѣрѣ того, какъ онъ развивался, угрожающія заявленія, включая сюда и пресловутое письмо отъ 29 Января, появившееся въ Монитерѣ, усиливали затруднительность положенія. Переходя отъ одного мѣропріятія къ другому, державы понудили правительство, уважающее себя и страну, ввѣренную ему Богомъ, отклонить всѣ высокомѣрныя требованія, которыя, подъ личиною примирительныхъ предложеній, клонились къ посягательству на его достоинство и на его независимость.

Если, съ одной стороны, Русское правительство никогда не отклонялось отъ окончательныхъ требованій, которыя оно сочло себя въ правѣ предъявить Портѣ, то съ другой стороны, невозможно доказать, чтобы оно, въ теченіе всѣхъ переговоровъ, выступило съ какимъ либо новымъ притязаніемъ, въ виду все болѣе и болѣе враждебныхъ заявленій и дѣйствій Порты и ея

союзниковъ. Въ чёмъ же состояли сущность и основа этихъ требованій, столь неумѣренныхъ и недопустимыхъ? „Вы знаете, говоритъ графъ Нессельроде (въ томъ же циркулярѣ), что мы, отрекшись послѣдовательно отъ мысли получить обезпеченіе въ видѣ конвенціи, сенеда или другаго договорнаго акта, ограничились, наконецъ, предложеніемъ, чтобы Турція подписала *простую ноту*, которая, независимо отъ постановленій, относящихся въ особенности къ Святымъ Мѣстамъ, не заключала бы собственно ничего иного, въ смыслѣ общаго обезпеченія для Восточной церкви, какъ простое подтвержденіе права, издавна принадлежащаго намъ". —„Подписаніе этой ноты (сказано далѣе) было въ глазахъ Императора единственно достаточнымъ удовлетвореніемъ за обиду, нанесенную ему нарушеніемъ фирмана 1852 года и личныхъ обѣщаній самого султана".

Россія донынѣ говоритъ тѣмъ же языкомъ, какъ въ самомъ началѣ своего разногласія съ Турціей, ничего не прибавляя, ничего не уменьшая. Но прослѣдите сколько нибудь въ документахъ и актахъ другихъ правительствъ поступательный и ежедневно ускоряемый ходъ принятыхъ ими мѣръ, все будто бы съ цѣлью примиренія, имѣвшихъ послѣдствіемъ только большее и большее ожесточеніе распри. Если самыя простыя понятія о правомъ и неправомъ, о возможномъ и невозможномъ, о приличіяхъ и неприличіяхъ, совершенно искажены и спутаны въ Европѣ вслѣдствіе революцій и совершившихся фактовъ, то въ этомъ Россія невиновна. Чуждаясь такого политическаго и нравственнаго колебанія, она осталась вѣрна монархическимъ и дипломатическимъ преданіямъ, нынѣ забытымъ. Она готова продолжать переговоры отъ державы къ державѣ; но она никогда не дозволитъ посадить себя на скамью подсудимыхъ и не подпишетъ условій, предписанныхъ ей хотя бы цѣлою соединившеюся Европою. Ея положеніе вполнѣ опредѣлено сознаніемъ ея права и ея долга. Она одна между всѣми державами знаетъ, чего домогается; она одна въ этомъ сложномъ вопросѣ видитъ передъ собою ясную цѣль, которой не имѣетъ надобности скрывать. Вслѣдствіе этого, она выражается языкомъ твердымъ и точнымъ въ одно и тоже время искреннимъ и умѣреннымъ. Какая про-

тивоположность съ неловкимъ и натянутымъ положеніемъ Англіи! Ея правительство гласитъ о миролюбіи, о потребности отклонить войну и приводитъ къ войнѣ. Посмотрите, съ какимъ усиліемъ она путается въ парламентскихъ преніяхъ. Запальчивыя рѣчи, напримѣръ, лорда Джона Росселя изобличаютъ крайнюю слабость убѣжденія. Кто сознаетъ, что поступаетъ согласно долгу, кто чувствуетъ себя честно вооруженнымъ двойнымъ оружіемъ права и силы, тотъ не прибѣгаетъ, какъ сдѣлалъ Англійскій министръ въ своей рѣчи 17 Февраля, къ личнымъ нападкамъ, сплетнямъ, браннымъ выходкамъ и необузданнымъ порывамъ грубаго и дикаго краснорѣчія, которому даже самъ лордъ Пальмерстонъ могъ бы позавидовать. Напрасно онъ, возбуждая въ себѣ отвагу и разжигая народныя страсти, громогласно утверждаетъ, что посольство князя Меншикова „имѣло цѣлью обезпечить преобладаніе Россіи надъ Турціей и сдѣлать Турцію въ будущемъ подвластною, вполнѣ подвластною Россіи, какъ ленное владѣніе“: онъ человѣкъ слишкомъ умный, слишкомъ опытный въ государственныхъ дѣлахъ, чтобы вѣрить этому. Напрасно выступаетъ онъ, какъ рыцарь и боецъ за цѣлость и за независимость Турціи: онъ знаетъ, что лишь по чувству ложнаго самолюбія или по увлеченію другаго рода вовлекаетъ Англію, яко бы для спасенія Турціи отъ несуществующей опасности, въ войну, безъ поводовъ и цѣлей. Что касается цѣлости Турціи, онъ слишкомъ убѣжденъ, вопреки собственнымъ словамъ, въ честномъ характерѣ Императора Николая и не можетъ имѣть тутъ никакихъ опасеній. А независимость Турціи (онъ долженъ это знать лучше всѣхъ) гораздо сильнѣе и невозвратнѣе поколеблена вмѣшательствомъ ея мнимыхъ друзей, чѣмъ нападеніями мнимаго врага. Турція, рано или поздно, убѣдится въ этой истинѣ горькимъ опытомъ. *Протекторатъ*, на который будто бы имѣетъ притязаніе Россія, никогда не доходилъ до того, чтобы лишать Турцію естественнаго права всякой державы: воевать или заключать миръ по своему благоусмотрѣнію. А нынѣ ея друзья требуютъ, чтобъ она не принимала никакого мира безъ соизволенія Англіи и Франціи. Кровавое видѣніе, не дающее ни отдыха, ни покоя нервному и

лихорадочному воображенію Англійскаго кабинета, Синопское *бѣдствіе* (тутъ это названіе кстати), вновь вызвано на свѣтъ въ рѣчи досточтимаго лорда. Превосходя товарищей смѣлостью, онъ даже рѣшается выразить свое удивленіе и неудовольствіе по поводу того, что Русскій Императоръ позволилъ себѣ объявить благоволеніе своимъ офицерамъ и адмираламъ за Синопскую побѣду. Если мы вѣрно поняли смыслъ его словъ, то Русскому Императору, для удовлетворенія Англіи и Франціи, слѣдовало по крайней мѣрѣ подвергнуть адмирала Нахимова аресту, дабы впредь онъ научился уважать союзницу этихъ державъ *повсюду, куда могутъ достигать ихъ пушки.*

Но вотъ (мимоходомъ замѣтимъ) разгадка задачи вѣчнаго мира. Кроткая тѣнь аббата де-Сенъ-Пьера должна была вздрогнуть отъ радости, и г. Кобденъ можетъ считать себя удовлетвореннымъ. Пусть Франція и Англія объявятъ себя союзницами всего свѣта, и война станетъ невозможною. Пушки должны умолкнуть, оружіе выпасть изъ рукъ передъ святынею этого союза, который самъ по себѣ всѣхъ обезпечиваетъ. Мы посовѣстились бы отыскивать смѣшную сторону въ роковыхъ событіяхъ, волнующихъ теперь всѣ умы; но когда смѣшное напрашивается и бросается въ глаза, невозможно обойти его молчаніемъ.

Слѣдя за нынѣшними преніями въ парламентѣ и вспоминая тѣ, которыя происходили въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ текущаго, нельзя безъ огорченія видѣть, какъ далеко Англія отстала отъ этихъ славныхъ, краснорѣчивыхъ и энергическихъ состязаній, бросавшихъ такой яркій свѣтъ на ея политику, государственныхъ людей и ораторовъ. Но тогда еще не было изобрѣтено и усвоено язычески-грубое поклоненіе *совершившемуся факту.* Англія, напротивъ, сильная своею мудростью, своимъ постоянствомъ, своими возвышенными жертвами, ставила себѣ цѣлью бороться до послѣдней крайности противъ *совершившагося факта*, хотя торжествующаго и всемогущаго, но за которымъ она не признавала ни права, ни нравственнаго достоинства. Тогда Англія имѣла министровъ съ убѣжденіями: теперь она имѣетъ только министровъ, дѣйствующихъ на удачу.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Мартъ.

Если бы въ черепословіи доктора Галля не упоминалась особенная шишка *возраженія*, то ее несомнѣнно можно бы открыть у Друэнъ-де-Люиса. Онъ не останавливается передъ тѣмъ, что ничего не произошло новаго или замѣчательнаго: ему лишь бы удовлетворять потребности велерѣчія и заканчивать букетомъ фразъ посланія къ своимъ агентамъ. Такъ, напримѣръ, теперь, казалось бы все уже сказано послѣ обмѣна писемъ между императорами Французскимъ и Русскимъ, послѣ рѣчи, произнесенной при открытіи законодательнаго собранія и манифеста къ Русскому народу. Можно было думать, что время словопреній миновало послѣ того, какъ пробилъ и сильно потрясъ умы часъ дѣйствія *безъ фразы*. Людямъ пера оставалось только отойти назадъ и уступить мѣсто людямъ меча. Но министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи съ этимъ несогласенъ (смотри циркуляръ 5 Марта). Нынѣ скромный человѣкъ пера, а нѣкогда малоизвѣстный воинъ на другомъ боевомъ полѣ, я намѣренъ слѣдить за Друэнъ-де-Люисомъ въ его послѣднемъ ратоборствѣ.

По его мнѣнію, письмо Французскаго императора было послѣднею попыткою соглашенія, а отвѣтъ на это письмо „уничтожилъ послѣднюю вѣру, которую можно было имѣть въ благоразуміе Петербургскаго кабинета.“

Министръ Наполеона III-го въ этомъ случаѣ исполняетъ какъ слѣдуетъ, свою обязанность. Друэнъ-де-Люисъ, вѣроятно,

теперь уже не держится мыслей, которыя нѣкогда заявлялъ онъ. Вспомнимъ слишкомъ извѣстное и слишкомъ странное дѣло *Причара*, въ которомъ оппозиція играла такую жалкую роль. Депутатъ Мелюна и директоръ торговли въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, подъ управленіемъ Гизо, считая возможнымъ въ одно и тоже время получать жалованье отъ правительства и пользоваться милостями отъ оппозиціи, нынѣшній министръ взошелъ тогда на каѳедру и произнесъ рѣчь, за которую его уволили отъ службы, что и было на другой день возвѣщено въ *Монитерѣ*. Отставка эта надѣлала, разумѣется, большого шуму въ оппозиціонной печати, и депутатъ былъ причисленъ къ лику мучениковъ, пострадавшихъ отъ тиранскаго правительства. Нынѣ онъ министръ правительства *по волѣ народной*; нынѣ, въ силу народнаго самодержавства, не только чиновники, но и журналы лишены даже свободы молчанія, и желательно бы знать, какъ поступитъ Друэнъ-де-Люисъ, если ему придется быть въ положеніи, въ какомъ тогда находился Гизо.

Во всякомъ случаѣ, эта парламентская, начавшаяся не такъ давно, горячка свидѣтельствуетъ объ умѣ, въ которомъ мало дѣловитости и правительственныхъ способностей. Становясь на высоту, люди дѣлаются болѣе требовательны, но природныхъ свойствъ не мѣняютъ. Въ министрѣ такъ и видѣнъ искатель приключеній, депутатъ Мелюна. Въ его циркулярахъ всегда что-то оскорбительное, вызывающее. Можно подумать, что онъ пишетъ ихъ съ тѣмъ, чтобы легче было дѣйствовать его товарищу, министру военному. Въ его рѣчахъ о мирѣ слышится призывъ къ оружію.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи министръ есть только вѣрное орудіе своего правительства, о чемъ достаточно свидѣтельствуетъ письмо императора Французовъ. Великій Боже! Что же сталось съ идеями приличія, обязательнаго другъ къ другу уваженія, коль скоро письмо это, какъ о немъ выражается циркуляръ, „представлятъ собою величайшее миролюбіе, соединенное съ благороднѣйшею откровенностью“. Развѣ умъ человѣка, диктовавшаго это письмо, уже совсѣмъ ослѣпленъ страстью и не замѣчаетъ, что оно не могло имѣть другой цѣли, какъ

устранить окончательно всякую возможность соглашенія? Не говоримъ уже о томъ, что, въ противность обычаю, который соблюдается и между частными людьми, тѣмъ паче между государями, письмо это было не кстати обнародовано, прежде чѣмъ на него полученъ отвѣтъ. Въ немъ все наступательно: и сущность, и внѣшнее выраженіе. Какъ документъ политическій, оно ничтожно. Оно ничего не сказываетъ новаго, не предоставляетъ почетнаго выхода тому, къ кому обращено. Да и общественное мнѣніе съ массою журнальныхъ читателей ничему изъ него не научается. Это жвачка повременной печати, повторенная потомъ въ циркулярахъ министра иностранныхъ дѣлъ и окончательно получившая себѣ мѣсто въ императорскомъ письмѣ: сто первое изданіе слишкомъ извѣстнаго текста. Смѣшно видѣть серьезную уступку въ томъ, что Русскому правительству, „такъ какъ оно предпочитаетъ сношенія непосредственно съ Турціею," благоволили предоставить возможность „назначить посланника, который бы съ уполномоченнымъ отъ султана вошелъ въ соглашеніе, каковое будетъ обсуждено четырьмя державами." Развѣ это не значитъ оставить вопросъ въ томъ безъисходномъ кругу, въ которомъ онъ безплодно вращается уже столько мѣсяцевъ? Если вы признаете независимость Турціи, позвольте же по крайней мѣрѣ Россіи считать себя также независимою. Подъ вліяніемъ неотвязчивой галлюцинаціи продолжайте думать, будто Россія хочетъ овладѣть Турціею; но не забывайте, что Россія еще не находится въ подчиненіи ни у какой иностранной державы. Она вольна принять добрыя услуги своихъ союзниковъ, но точно также вольна и отклонить ихъ. Воюйте съ нею, коли желаете; но не навязывайте ей посредничества съ такими условіями, которыя оскорбительны для чести ея. Что бы сказали о человѣкѣ, который, имѣя въ виду склонить своего противника къ примиренію, сталъ бы наканунѣ поединка твердить ему, какъ хорошо и мѣтко у него оружіе, и какъ отлично онъ владѣетъ имъ? Во всякомъ случаѣ, подобное желаніе застращать очень неблаговидно. Точно также неприлично говорить великой державѣ о мирѣ и указывать *на три тысячи огнестрѣльныхъ орудій*. Зачѣмъ напоминать Россіи о присутствіи этихъ трехъ тысячъ

пушекъ у входа въ Босфоръ, о томъ, что Турція можетъ быть спокойна, такъ какъ двѣ морскія державы не дадутъ напасть на нее съ моря? Державы эти могли многое сказать Туркамъ во всеуслышаніе и особенно, какъ я полагаю, втихомолку; но Россія внимаетъ лишь голосу своихъ обязательствъ и своихъ правъ. Какъ! Турція, подстрекаемая этими самыми державами, объявитъ намъ войну, атакуетъ насъ на сухомъ пути и на морѣ, а мы, прежде чѣмъ отразить нападеніе, должны освѣдомляться, что о томъ подумаютъ державы съ нами равноправныя? Намъ великодушно предоставляютъ возможность принять бой и нашего противника явно призываютъ побить насъ, а мы въ свой чередъ не должны пользоваться случаемъ къ его побіенію. Право, это какой-то бредъ, а не здравая рѣчь. И образованныя правительства, чтобы оправдать подобныя софизмы, увлекаютъ своихъ подданныхъ и Европу въ такую борьбу, исходъ и послѣдствіе которой никто, какимъ бы умомъ одаренъ ни былъ, опредѣлить не въ состояніи.

Въ письмѣ говорится: „Куда только могутъ достигнуть наши пушки, должно оказывать уваженіе нашимъ союзникамъ: таковъ общій кличъ!“ Но развѣ мы, точно также какъ и Турки, не были въ то время союзниками Англіи и Франціи? И такъ союзники бываютъ разные! Однихъ вооружаютъ, другихъ хотятъ обезоружить. Здравый смыслъ, по ходу переговоровъ, давно разгадалъ эту разницу въ образѣ дѣйствій. Но хорошо, что она теперь обозначилась яснѣе личнымъ признаніемъ тѣхъ, кто участвовалъ въ переговорахъ. Во всякомъ случаѣ, эта фраза, если ее переложить въ стихи, могла бы служить отличнымъ припѣвомъ въ какой нибудь пѣсенкѣ Беранже. Публика, поклоняющаяся острословію, покрыла бы ее громомъ рукоплесканій. Но въ прозѣ, и особенно въ прозѣ политической, она не выдерживаетъ критики. Что до меня лично, я очень уважаю вообще пушки, и въ особенности пушки Французскія. Мнѣ извѣстно, какъ они прославились въ военныхъ лѣтописяхъ, и я нисколько не сомнѣваюсь, что въ войнѣ, которая готовится, эти пушки могутъ иной разъ много повредить нашимъ храбрецамъ. Но все же эти *огненныя жерла* не имѣютъ свойства Медузиной

головы: отъ нихъ не оцѣпенѣютъ ни наши пушки, ни наши пушкари, которые въ свой чередъ просто и скромно исполнятъ что имъ слѣдуетъ исполнить. Въ присутствіи непріятеля и въ часъ боя они не станутъ разбирать, кто союзникъ Турціи, какъ не разбирали союзниковъ Англіи и Франціи. Пушки, какъ и штыки, ничего не смыслятъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ.

Когда человѣкъ заявляетъ во всеуслышаніе, что онъ вышелъ въ люди изъ толпы, тутъ есть своего рода достоинство благородной откровенности. Но коль скоро онъ желаетъ имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе и насмѣшниковъ, то необходимо, чтобы его рѣчь и его поступки не изобличали его происхожденія. Въ разбираемомъ письмѣ, какъ его ни поворачивай, слышна непріятная нота, напоминающая Страсбургскую и Булонскую прокламаціи.

Чтобы оцѣнить письма обоихъ императоровъ, нужно прочитать ихъ во Французской Петербургской газетѣ (Journal de S.-Pétersbourg), гдѣ они помѣщены одно вслѣдъ за другимъ. Представимъ себѣ, что все количество бумаги, израсходованное со времени возникновенія Русско-турецкой распри, пропало за исключеніемъ этихъ двухъ писемъ: ихъ однѣхъ будетъ достаточно потомству, чтобы понять, на чьей сторонѣ правда и слѣдовательно умѣренность, всегдашняя спутница правды. Отвѣтъ Русскаго императора можетъ служить образцомъ соблюденія законности и приличія. Такъ именно говорятъ государи. Правда, чувствуются, хотя и не выражаются, удивленіе и негодованіе великодушнаго человѣка, непривыкшаго выслушивать подобныя къ себѣ обращенія; но тѣмъ больше цѣнишь откровенную силу того, кто сдержалъ въ себѣ и подавилъ эти ощущенія. Всякій Русскій не можетъ безъ сильнаго волненія и безъ глубокой благодарности къ своему Государю прочитать эти благородныя слова: „Неужели ваше величество думаете, что въ сердцахъ народа, честь котораго я долженъ защищать, не отзовутся упоминаемое вами угрожающее присутствіе трехъ тысячъ огнестрѣльныхъ орудій у входа въ Босфоръ и возможность вступленія ихъ въ Черное море? Если бы вы, государь, были на моемъ мѣстѣ, неужели бы согласились стать въ подобное положеніе?

Неужели васъ допустило бы до того народное чувство? Смѣло утверждаю, что нѣтъ....“ Эти послѣднія слова, столь благородныя и откровенныя, суть въ тоже время доказательство уваженія къ Французскому народу. Противникъ, не выходящій изъ предѣловъ законности, лучше понимаетъ народную щекотливость, нежели самъ представитель Франціи, дѣйствующій въ ослѣпленіи страсти. Не будь этого ослѣпленія, какимъ образомъ избранникъ народа, котораго народъ посадилъ на престолъ, знаменитый въ теченіи столѣтій сильною и славною королевскою властью, какимъ образомъ могъ онъ выразиться, что ему „трудно понять“, почему государь, тоже имѣющій за собою славное прошедшее, отвергнетъ предложенія, не согласующіяся съ народною честью?

Друэнъ-де-Люисъ въ циркулярѣ своемъ возвращается къ вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, который постоянно желаютъ разбирать совершенно особнякомъ отъ остальныхъ предложеній князя Менщикова. „Вопросъ этотъ—говорится въ циркулярѣ—былъ улаженъ на первыхъ же порахъ пребыванія князя Менщикова, и посолъ возбудилъ его, получивъ удовлетвореніе по другому вопросу, отъ котораго встрепенулся міръ.“

Стоитъ безпристрастно прочитать послѣдній *проектъ ноты* къ Портѣ, излагавшій вкратцѣ всѣ требованія Русскаго посла, чтобы убѣдиться, что эти два вопроса суть двѣ взаимно пополняющія части одного и того же. Мы не имѣемъ подъ глазами подлиннаго доказательства тому, что двѣ половины были вполнѣ раздѣлены въ первыхъ предложеніяхъ, поданныхъ княземъ Менщиковымъ. Но что нашимъ противникамъ было выгодно раздѣлить эти два вопроса, это доказывается бумагами, которыя обнародовало Англійское правительство. „Домогайтесь, говорилъ лордъ Стратфордъ Оттоманскому министру, *раздѣлить* дѣло о Святыхъ Мѣстахъ отъ остальныхъ Русскихъ предложеній, какія бы они ни были.“ Слова эти доказываютъ во первыхъ, что Оттоманскій министръ и представители западныхъ державъ знали о предложеніяхъ, соединенныхъ съ вопросомъ о Святыхъ Мѣстахъ и стало быть, коль скоро предложенія эти стали извѣстны, ихъ надо было сдѣлать въ одно и тоже время; во

вторыхъ, изъ словъ этихъ ясно, что совѣтъ Портѣ *домогаться* обособленія вопроса, внушенъ опасеніемъ, какъ бы не помѣшалъ тому Русскій посолъ.

Остановимся на выраженіи: дѣло о Святыхъ мѣстахъ было *улажено*. Правда, если хотите, улажено, но не опредѣлено окончательно. Нельзя допускать, чтобы Россія могла довольствоваться простымъ обѣщаніемъ Турціи. Порта проявила въ этомъ дѣлѣ такъ много недобросовѣстности, или по меньшей мѣрѣ, безсилія, уклончивости и противорѣчій, что Русское правительство имѣло право требовать чего нибудь болѣе существеннаго, чего нибудь такого, что болѣе торжественнымъ образомъ возлагало бы отвѣтственность на блистательную Порту. Чтобы Англичане лучше насъ поняли, представимъ, что это дѣло денежное. Когда должникъ неисправенъ, и ничто его не понуждаетъ дорожить своимъ честнымъ словомъ, то нельзя довольствоваться его словеснымъ признаніемъ долга, и заимодавецъ, конечно, въ правѣ требовать, чтобы онъ заявилъ объ этомъ долгѣ на письмѣ, въ надлежащемъ и законномъ видѣ. Такова точно нота, къ подписанію которой князь Меншиковъ приглашалъ не султана, а министра. Въ рукахъ честнаго заимодавца, который многократно доказывалъ свое великодушіе и многократно являлся на выручку своего должника, подобная бумага скорѣе была нравственнымъ обезпеченіемъ, чѣмъ средствомъ давленія.

Циркуляръ, по видимому, ставитъ Русскому правительству въ упрекъ, что оно *вызвало воспоминанія 1812 года*. Но почему же не обратиться намъ къ этимъ воспоминаніямъ, въ виду великой борьбы, которая теперь начинается и которая приводитъ на память нашу тогдашнюю борьбу противъ соединенныхъ силъ Европы? Эти воспоминанія—наша слава въ прошедшемъ: они въ тоже время служатъ намъ ободреніемъ и примѣромъ, какъ намъ вести себя въ будущемъ. Императоръ Александръ достойнымъ образомъ оцѣнилъ мужественное и великодушное сопротивленіе своего народа, и народъ благородно соотвѣтствовалъ ожиданію своего государя. Тотъ и другой исполнили свои обязанности. Возможность согласиться на безславный миръ никогда не входила ни въ голову Государя, ни въ сердца его

подданныхъ. Наше теперешнее положеніе точно таково, какъ въ 1812 году.

Въ свою очередь циркуляръ напоминаетъ *о славномъ наслѣдствѣ, которое оставлено Наполеону III-му главою его семейства.* Это нуждается въ нѣкоторомъ поясненіи. Можно завѣщать наслѣдникамъ своимъ то, чѣмъ владѣешь во время кончины. Фортуна, какая бы она ни была, въ капиталахъ, въ недвижимой собственности, въ побѣдахъ и завоеваніяхъ, коль скоро она растрачена при жизни владѣльца, доставляетъ наслѣднику, каковъ бы онъ ни былъ, лишь расчетную книгу расхода и прихода. Императоръ Наполеонъ былъ, конечно, великій военный человѣкъ и мужъ великой дѣятельности и силы; но, совершивъ много славныхъ дѣлъ, онъ не умѣлъ ни одного изъ нихъ упрочить. Послѣ всѣхъ его подвиговъ, Франція очутилась дважды побѣжденною. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ два раза отрекся отъ власти, будучи покинутъ войскомъ и народомъ. Благодаря ему, Франція была удручена бѣдствіями, огромною контрибуціею и принуждена была содержать вспомогательное войско, которое ее заняло.

Благодаря своему легкомыслію и тѣмъ *пробѣламъ* въ памяти, о которыхъ мы упоминали, Французы восхищаются перечисленіемъ городовъ и столицъ, въ которыхъ побывали ихъ войска. Всякій другой народъ огорчался бы подобными воспоминаніями, такъ какъ нельзя же забыть, что въ концѣ концовъ владѣтели этихъ столицъ два раза являлись съ войсками предписывать законы Парижу и Франціи.

Еще болѣе странна подобная забывчивость въ министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Какая ему надобность напоминать своимъ дипломатическимъ агентамъ, а черезъ нихъ и правительствамъ, при которыхъ они находятся, объ этомъ *наслѣдствѣ славы?* Вѣдь оно, если и досталось кому, то, конечно, этимъ же самымъ правительствамъ, получившимъ назадъ свое достояніе, временно захваченное и раздѣлившимъ между собою военную добычу послѣ великаго завоевателя, который пережилъ свои побѣды и заплатилъ за нихъ тяжкимъ изгнаніемъ. Великій урокъ — вотъ истинное и единственное наслѣдство, оставленное Наполеономъ для

своихъ потомковъ. Въ эпоху чрезвычайную, по мысли Кошидьера, можно творить порядокъ посредствомъ безпорядка; но это по нуждѣ, и что либо прочное такими пріемами никогда не создается. Наполеонъ хотя и былъ представителемъ порядка, но для монархической Европы онъ осуществлялъ собою начало безправія. По роковому и своеобразному ходу дѣлъ онъ всегда являлся воплощенною революціей, хотя и въ императорской порфирѣ. Можетъ быть, онъ былъ бы долговѣчнѣе оставаясь консуломъ; но, какъ императоръ, онъ неминуемо долженъ былъ пасть и не могъ оставить по себѣ династію. Подобныя династіи всякій разъ приходится основывать вновь. Онѣ могутъ быть признаваемы по нуждѣ и по малодушію современниковъ, но исторія никогда не усвоятъ ихъ себѣ. Великая страна, подобная Франціи, требуетъ болѣе широкихъ и прочныхъ основъ и не можетъ покоиться на революціонныхъ подмосткахъ, которыя сегодня воздвигаются, а завтра обрушиваются. И коль скоро имѣются основы, освященныя вѣками, великій народъ не можетъ безнаказанно отрекаться отъ нихъ.

Философическіе доводы циркуляра также неудачны, какъ и воспоминанія исторіи, которыя онъ вызываетъ. Въ немъ говорится, что, „наша эпоха, столь тревожная, избавлена была, по крайней мѣрѣ, отъ золъ, нѣкогда наиболѣе волновавшихъ собою міръ: т. е. войны изъ-за вѣры. Русскому народу дѣлаются внушенія, напоминающія объ этихъ бѣдственныхъ временахъ: выставляютъ дѣло въ такомъ видѣ, будто идетъ борьба у Креста съ Полумѣсяцемъ, и, будучи не въ силахъ предъявить доводы разума, прибѣгаютъ къ помощи фанатизма.“

Прежде чѣмъ разобрать эти слова, спросимъ мимоходомъ, зачѣмъ Французскія войска вступили въ Римъ въ 1849 году? Развѣ не по дѣлу вѣры? Вѣроятно, не изъ монархическихъ побужденій Французская республика послала свои пушки громить Римъ, сдѣлавшійся республиканскимъ. Нѣтъ, она поступила такъ для того, чтобы возстановить въ правахъ начальника Римско-католической вѣры и самую эту вѣру, которая въ немъ олицетворяема.

Теперь обратимся къ прежнему. Во-первыхъ, не мы ведемъ

вѣроисповѣдную и политическую войну; ее ведутъ съ нами, и мы только обороняемся. Въ силу договоровъ, мы потребовали у невѣрной власти, чтобы она обезпечила вѣроисповѣдную безопасность единовѣрныхъ намъ христіанъ; а христіанскія державы, изъ которыхъ одна въ теченіи вѣковъ славилась титуломъ *самой христіанской* (très-chrétienne), нашли, что подобное требованіе съ нашей стороны вызываетъ войну (casus belli). Они не только побудили враждебную христіанскому имени власть объявить намъ войну, но и отдались ей тѣломъ и душою, чтобы поддерживать ее въ этой войнѣ. Дѣло вовсе *не выставляется* въ видѣ борьбы *Креста съ Полумѣсяцемъ* (эта борьба и безъ того совершается), но хотятъ защитить угнетенныхъ сыновъ Креста противъ угнетателей, сыновъ Полумѣсяца. Держась философскихъ мыслей и ставя ни во что чувство вѣры, можно называть это *фанатизмомъ*; народу же, каковъ нашъ, напомнить объ его вѣрѣ и о великодушныхъ его сочувствіяхъ, это значитъ воззвать къ его разуму. „Франціи и Англіи нечего защищаться противъ обвиненія, которое ставятъ имъ на видъ: они не поддерживаютъ Ислама противъ Греческаго православія“ и пр. Да что же иное онѣ дѣлаютъ? Я хорошо знаю, что онѣ не смѣютъ въ этомъ признаться. Но снимите съ вопроса софизмы и мелочи, которые его опутали, и останется, что христіанская Европа вооружилась противъ христіанскаго государя, который потребовалъ у Ислама обезпеченія для христіанъ.

Вслѣдствіе ослѣпленія или недобросовѣстности и ненависти къ Русскому правительству, державы эти роковымъ образомъ очутились на этомъ злосчастномъ пути и, обольщая какъ самихъ себя, такъ и народы, обрекаемые ими на бѣдствія войны, провозглашаютъ, что *онѣ хотятъ защитить Оттоманскія владѣнія отъ жадности Россіи.*

Прежде всего слово *жадность* (les convoitises) тутъ неумѣстно. Россія, во всякомъ случаѣ, умѣетъ ждать и, какъ сказалъ императоръ Александръ, „за нее пространство и время.“ Въ этомъ ея сила и ея величіе. Если Оттоманская власть должна пасть въ Турціи, паденіе это совершится непремѣнно въ нашу пользу, будемъ ли мы тому содѣйствовать или нѣтъ. Мы жадни-

чаемъ не побѣды, а историческаго наслѣдства, которое рано или поздно перейдетъ къ намъ. Мы не торопимъ нынѣшняго владѣльца уступить намъ свое мѣсто; но послѣ него, съ исторіею въ рукахъ, мы придемъ вступить въ законное владѣніе.

Чтобы скрыть свое противу-христіанское вмѣшательство и придать ему благовидности, западныя державы возвѣщаютъ, что онѣ хотятъ вести либеральную пропаганду въ Турціи, то есть, добиться, чтобы султанъ, подъ ножемъ ихъ покровительства, сдѣлалъ уступки гораздо болѣе важныя и болѣе подрывающія его власть, нежели всѣ тѣ, которыя были требованы княземъ Меншиковымъ.

Общественное мнѣніе оглушено и спутано громкими фразами о властолюбіи императора Николая, и въ этомъ смыслѣ сдѣлано было все возможное: но умы могутъ же и отрезвляться. Истина можетъ снова вступить въ права свои, которыя были попраны, и народы, наконецъ, попросятъ отчета въ жертвахъ, которыя заставили ихъ принести, и въ пролитой ими крови. Они заподозрятъ, не подсмѣялись ли надъ ихъ легковѣріемъ, и въ самомъ ли дѣлѣ угрожала опасность ихъ достоинству, для обороны котораго водили ихъ драться. Гдѣ эта опасность, съ чьей стороны, какова она? Что общаго между народнымъ достоинствомъ Франціи и Англіи и требованіями, предъявленными въ пользу православныхъ племенъ? Если представители двухъ державъ сбились съ пути и ошибались на каждомъ шагу во все время переговоровъ, то это должно быть досадно только имъ, а народная честь вовсе не связана съ ихъ мелочною суетностью. Министерства падаютъ, народы пребываютъ. Въ настоящемъ вопросѣ невозможно отыскать ни малѣйшаго повода къ враждебности между Англичанами и Французами съ одной стороны и Русскими съ другой. Чтобы предупредить разбирательство и справедливое недоумѣніе народовъ, у Россіи подтасовкою отнимаютъ законный предлогъ, коимъ она руководилась въ образѣ своихъ дѣйствій, и воображаютъ, что поступили съ чудесною ловкостью. Съ этою цѣлью сказано, что западные флоты и арміи, отклонивъ наступательное движеніе Россіи, „уничтожатъ предразсудки, вслѣдствіе которыхъ еще не согласны между

собою разные классы подданныхъ Высокой Порты". Они устроятъ и навсегда освободятъ въ христіанскомъ и политическомъ смыслѣ христіанскія племена, подчиненныя Исламу.

Для всякаго, знающаго Востокъ, эти громкія фразы лишены смысла. Если мусульманское безсиліе и окончательно поддастся этимъ требованіямъ западныхъ державъ, то, вмѣсто намѣреваемой поддержки обветшалаго зданія, подкопаны будутъ самыя его основы. Даже если и отмѣнится султанская власть, христіанское народонаселеніе не будетъ удовлетворено. Оно никогда не повѣритъ льготамъ, которыя дадутъ ему по внушенію Запада, и будетъ въ правѣ относиться къ нимъ недовѣрчиво. Эти льготы въ ложномъ направленіи старческой разсудочности, напускнаго либерализма, вѣроисповѣднаго безразличія, всегда будутъ ненавистны племенамъ молодымъ, пылкимъ и простодушнымъ. Имъ нужно горячее сочувствіе, что либо живое и оживляющее, а не мертвая буква бумажнаго постановленія. Лорды Радклифъ и Пальмерстонъ воображаютъ, что лишь бы снабдить Турцію такою хартіею, какую Англичане ввели въ Португаліи, и все отлично устроится. Я это знаю; но спросите у Португаліи, хорошо ли ей, и заключайте, каково будетъ и въ Турціи. Западъ вовсе не понимаетъ Востока. Онъ судитъ о немъ по блуднымъ сынамъ его, являющимся въ западныя школы и гостинныя получать ложное образованіе, плоды котораго не могутъ освоиться и произрасти на восточной почвѣ. Православныя племена Востока чувствуютъ почти такое же глубокое и живое отвращеніе къ западной образованности, какъ и къ варварству мусульманскому. Спросятъ меня, почему это такъ; скажу въ отвѣтъ: читайте исторію.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Мартъ.

Русскія суда, какъ извѣстно, подверглись обвиненіямъ Франціи и проклятіямъ Англійскаго министерства за то, что подъ Синопомъ онѣ напали на непріятеля, превосходя его силами. Въ то время мы отнеслись недовѣрчиво къ этимъ рыцарскимъ заявленіямъ и сказали, что слѣдовало бы судить не по словамъ, а по дѣлу, и посмотрѣть, какъ поступили бы эти державы, если бы имъ самимъ довелось находиться въ подобныхъ обстоятельствахъ. Такой случай насталъ. Имъ не довольно быть тремъ противъ одной; для проявленія своей доблести онѣ захотѣли непремѣнно дѣйствовать впятеромъ противъ одного непріятеля. И этого мало: подавай имъ шестаго, десятаго союзника! Поглядите, какъ онѣ хлопочатъ, изо всѣхъ силъ, не щадя ни ласкательства, ни угрозъ, чтобы къ нападенію на Россію привлечь Австрію и Пруссію. Для полной надежности имъ необходимо нужно имѣть при себѣ или, вѣрнѣе, впереди себя всю Германію. Напрасно бѣдная Германія, въ измѣну своимъ наиболѣе существеннымъ выгодамъ, обѣщаетъ оставаться безучастною зрительницею борьбы и увѣряетъ, что не воспротивится нападенію на державу, которая для нея всѣхъ нужнѣе, которая одна можетъ защитить ее и отъ революціонныхъ поползновеній Франціи, и отъ завистливыхъ и грязныхъ инстинктовъ Англіи; ничто не помогаетъ. Германія должна пожертвовать собою, чтобы уготовить пути для Франціи и Англіи, и чтобы потомъ уплатить за разбитые горшки, если таковые ока-

жутся. Наполеонъ I-й, послѣ похода 1812 года, говорилъ аббату Прадту: „Посмотрите: изъ Баварцевъ не осталось въ живыхъ ни одного!“ [1]). Наполеону III-му тоже хотѣлось бы имѣть возможность, въ случаѣ нужды, обратиться къ Французамъ съ подобнымъ утѣшеніемъ. „Посмотрите, скажетъ онъ имъ: Нѣмцы пострадали гораздо больше васъ!“ И къ изумленію нашему, въ Германіи нашлись люди неразумные и дряблосердечные, добивающіеся чести предоставить его величеству Наполеону III-му подобную утѣху и подбивающіе свои правительства совершить на сухомъ пути то великое дѣло, которымъ морскія державы заняты будутъ на водахъ.

Но какъ однако согласить эти тревожныя хлопоты Франціи и Англіи со взаимными увѣреніями, которыя они расточаютъ одна другой въ томъ, что, какъ скоро они заключили между собою союзъ, имъ ничто не страшно, что отнынѣ онѣ могутъ распоряжаться судьбами Европы? Очевидно, что дѣло выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Вступивъ въ союзъ, они должны всего опасаться, если только Европа восчувствуетъ свое достоинство и свою силу; ибо союзъ этотъ, по извѣстному направленію обоихъ правительствъ, не можетъ существовать безъ ущерба благу и независимости другихъ народовъ. Такимъ образомъ, слѣдовало бы имъ не распоряжаться судьбами Европы, а слушаться ея велѣній. Удивительно, что до сихъ поръ не обратятся дѣятельно къ этому, столь простому пріему. Франція и Англія всегда были виновницами всѣхъ бѣдствій, удручавшихъ Европу. Онѣ суть естественные, коренные, заклятые враги независимости всѣхъ остальныхъ державъ. Для Франціи люди были *пушечнымъ мясомъ* (chair à canon); для Англіи они никогда не переставали быть чѣмъ либо инымъ, какъ *хлопчато-бумажнымъ мясомъ* (chair à coton). И та и другая видятъ въ человѣчествѣ лишь предметъ, отъ котораго бы имъ чѣмъ нибудь попользо-

[1]) Въ Мюнхенѣ, на памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Баварскихъ воиновъ, на задней сторонѣ находится надпись, въ которой именно значится, что изъ Баварцевъ, ходившихъ въ 1812 году въ Россію, не возвратилось ни одного. Это не мудрено: Баварцы въ Москвѣ изобрѣли особаго рода грабежъ; они ходили по кладбищамъ и отыскивали себѣ драгоцѣнныя вещи на покойникахъ. Народная месть въ особенности постигла Баварцевъ и Виртембергцевъ. *П. Б.*

ваться. Когда одна изъ нихъ или обѣ ищутъ союза съ какимъ либо правительствомъ, это значитъ, что имъ нужно найти себѣ поддержку или обмануть. Читая въ газетахъ льстивыя и угодливыя выраженія, которыми онѣ подчуютъ одна другую, я всегда вспоминаю актера Одри, который въ какомъ-то водевилѣ снимаетъ шляпу, всякій разъ, какъ ему приходится произнести слово жандармъ. Дѣло въ томъ, что онѣ боятся одна другой и, чтобы подбодриться, поютъ дуэтъ взаимнаго восхваленія, словно два путешественника, заблудившіеся ночью на незнакомой дорогѣ и оба на сторожѣ одинъ противъ другаго. Въ силу этой-то взаимной опасливости имъ хочется взять себѣ въ провожатые Нѣмцевъ. Но неужели Германія будетъ настолько недальновидна и простодушна, чтобы принять участіе въ подобномъ приключеніи?

ПИСЬМО ОДИНАДЦАТОЕ.

Мартъ.

Прямота и опредѣлительность рѣчи Русскаго кабинета сравнительно съ обиняками другихъ кабинетовъ поразительны для всякаго безпристрастнаго человѣка: стоитъ только прочитать вмѣстѣ бумаги, обнародованныя съ обѣихъ сторонъ. Противники наши, съ своей ложной точки зрѣнія, могутъ находить, что мы неправы; но имъ нельзя не признаться, что все нами высказанное, высказано ясно. Причина этой разницы въ заявленіяхъ Россіи и другихъ странъ очень проста. Русская дипломатія выражаетъ собою направленіе и волю одного человѣка; отъ этого можетъ она иной разъ погрѣшать (такъ какъ все человѣческое погрѣшимо), но за то, когда воля эта законна, она даетъ себя чувствовать въ ясной и твердой рѣчи. Совсѣмъ иное на сторонѣ противной. Посмотрите хоть на Англію. Кабинетъ ея связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ; министерство, въ словесныхъ и письменныхъ заявленіяхъ своихъ, всегда болѣе или менѣе подчинено повременной печати, которая то содѣйствуетъ ему, то его дразнитъ, то усиливаетъ, то ослабляетъ; оно въ зависимости отъ бурныхъ *митинговъ* и должно сообразоваться съ ихъ толками, какъ бы иной разъ ни были они сумасбродны; оно въ зависимости отъ парламентскихъ избирателей, которые его поддерживаютъ или устраиваютъ его паденіе. По необходимости надо идти путемъ извилистымъ, щадить самолюбія, заискивать, дѣлать болѣе или менѣе важныя уступки всѣмъ партіямъ. Гдѣ же тутъ уберечь свободу совѣсти и независимость рѣчи? Та-

лейраново слово о томъ, что языкъ данъ человѣку, чтобы скрывать свою мысль, въ особенности примѣнимо къ парламентскому правленію. Тутъ невозможно добиться истины иначе, какъ путемъ лжи, и напрасно полагаютъ, будто широкою гласностью общественнаго мнѣнія обезпечиваются вѣрное пониманіе дѣла и полная гармонія между потребностями народа и дѣйствіями правительства. Конечно, если бы въ совѣщательномъ собраніи присутствовали одни ангелы, то преобладала бы истина съ заботою о благѣ общемъ; но человѣческія страсти направлены къ инымъ цѣлямъ. Духъ партій всегда бываетъ дѣятельнѣе и сильнѣе здраваго смысла. Повременная печать, въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, есть военное орудіе, которое властно все сокрушить и уничтожить и не можетъ ничего создать. Разливаемые ею неопредѣлительные лучи поражаютъ зрѣніе, темнятъ его, и ничего не освѣщаютъ. Шумъ ею производимый ошеломляетъ и притупляетъ разумѣніе. Короче сказать, истина заглушается гласностью. Ложь выходитъ обязательною; она упорядочена и узаконена, такъ что при этомъ все содѣйствуетъ къ извращенію истины и къ искаженію самыхъ дѣйствій. Довѣрчивые простяки удивляются, напримѣръ, беззаботливости и откровенности Англійскаго правительства, предоставляющаго общественному мнѣнію разслѣдовать его дипломатическія бумаги; а между тѣмъ, это ничто иное, какъ обманъ въ большомъ размѣрѣ. Знаменитая *синяя книга,* эта мнимая исповѣдная запись Англійскаго министерства, которая ведется на виду у всѣхъ, есть ничто иное, какъ запись недомолвокъ по части политическаго крючкотворства. Всякому дипломату, имѣвшему случай читать въ неизданномъ подлинникѣ эту министерскую переписку, хорошо извѣстно, что *синяя книга* наполняется *бумагами, искаженными примѣнительно къ народному чтенію* (ad usum populi). Министры и послы обыкновенно выражаютъ сущность того, что имъ надо сказать, въ довѣренномъ письмѣ, которымъ сопровождается оффиціальная депеша, точь въ точь какъ въ женскихъ письмахъ говорится о пустякахъ, а цѣль письма скрывается въ припискѣ. Правительство бережетъ про себя эти письма, либо уничтожаетъ ихъ. И нечего ставить ему въ вину, что оно такимъ

образомъ обманываетъ публику: оно къ тому вынуждено нескромностью безпокойныхъ и шальныхъ дѣтей парламента. Какъ бы то ни было, а полуправда, правда урѣзанная, выходитъ все-таки ложью, и ложью тѣмъ болѣе соблазнительною и увлекательною, что она имѣетъ видъ правды, яко бы обнаруженной по нескромности.

Франція, во сколько въ ней было парламентскаго управленія, находилась въ такомъ же положеніи, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что еще болѣе увлекалась политическою ложью и выдумками вслѣдствіе подвижнаго характера своего народа. Нынѣ вся эта парламентская фантасмагорія исчезла во Франціи, и ея правленіе возвращено къ пріемамъ наиболѣе простымъ; но истина отъ этого ни мало не выиграла. Тутъ отводятся глаза инымъ способомъ. Впрочемъ, привычки долговѣчнѣе учрежденій. Это обманъ не парламентскій, но чиновничій. Казенный барометръ *Монитера* неизмѣнно показываетъ хорошую погоду, но въ атмосферѣ Франціи чувствуются электрическіе токи миновавшихъ или наступающихъ громовыхъ тучъ. Все неустойчиво, начиная съ самого правительства. Императорскія преданія олицетворяются въ одномъ человѣкѣ, и то лишь, какъ отблескъ или отзвукъ. Можетъ быть, тутъ много поэтическаго, но мало прочнаго и къ дѣлу примѣнимаго. Наше время очень склонно ко всякаго рода галлюцинаціямъ; мы видимъ, что люди, иной разъ и толковые, вѣрятъ въ тайную силу вертящихся столовъ. Власть, вчера родившаяся, не имѣетъ корней въ странѣ и не можетъ разсчитывать на завтрашній день. Европа это знаетъ, а также и Франція. Условія, налагаемыя необходимостію, колебательнымъ положеніемъ, естественно, заставляютъ правительство прибѣгать ко лжи. Посмотрите, какъ даже въ пріемахъ обнародованія правительствомъ его государственныхъ бумагъ отзываются противорѣчія, и рѣчь ведется обинякомъ: „Божіею милостію и волею народною, императоръ Французовъ.“ Тутъ не забыты и мнѣніе всего свѣта, и апологисты божественнаго права, и проповѣдники народнаго верховенства. Во внутреннемъ противорѣчіи между этими словами слышится вся политика новой имперіи.

Когда желаешь всѣмъ угодить, то всѣхъ раздражаешь, на каждомъ шагу впадая въ противорѣчіе и противосмысліе. *Имперія-миръ.* Этотъ лозунгъ, въ силу котораго имперія однимъ разомъ была захвачена, есть опять-таки игра словъ. Имперія во Франціи случайно и привременно олицетворилась въ первомъ и единственномъ Наполеонѣ; императоръ и имперія возникли и пали только вслѣдствіе войны. Если слово имперія можетъ что либо обозначать, то развѣ обѣщаніе возобновить во Франціи то, что̀ въ ней было при императорѣ Наполеонѣ. Иначе это пустое и безсмысленное выраженіе. Вдобавокъ, титулъ Наполеона III имѣетъ несомнительное значеніе: въ немъ слышится вызывающій кличъ противъ всего того, что̀ совершено Европою въ достопамятную борьбу, которую она вынесла для спасенія своей независимости Это—отрицаніе Европейскаго приговора, которымъ навсегда лишено престоловъ Банапартово семейство. Это вызовъ Европѣ, и не видать тутъ ничего, что̀ бы свидѣтельствовало о миролюбіи. Значеніе такой притязательности нѣсколько ослабляется развѣ только его страстностью. Зачѣмъ *Наполеонъ III*, а не просто по настоящему имени, Людовикъ? Зачѣмъ же не Людовикъ XIX? Это было бы, по крайней мѣрѣ забавнѣе, хотя одинаково противорѣчило бы логикѣ и правдѣ. И послѣ этого удивляются, что власть, не преклоняющаяся передъ тѣмъ, что̀ совершилось, власть, себя уважающая, выразила недоумѣніе, признавая на время такой порядокъ вещей. Благодаря Бога, Россія еще не управляется Пальмерстонами и Джонами Росселями, и пріемы ихъ не для всѣхъ могутъ быть удобны. Сдѣлаемъ еще замѣчаніе, чтобы составить себѣ точное понятіе объ этой имперіи, опирающейся на *волю народную*. Воля эта, что̀ бы тамъ ни говорили, подлежитъ еще нѣкотораго рода испытанію. Вообще, во Франціи все до такой степени искусственно и условно, что самыя цыфры не имѣютъ своего надлежащаго числоваго значенія. Мы не намѣрены подвергать сомнѣнію, точно ли сосчитаны восемь милліоновъ голосовъ, которыми, въ два пріема, выразилась эта народная воля. Но оставляя безъ возраженія внѣшнюю сторону дѣла, нельзя принять безъ оговорки сторону нравственную. Мы были во Франціи въ

эпоху 2-го Декабря 1851 года и нѣсколько знакомы съ тогдашними ея порядками. Во-первыхъ, когда вы ходили по улицамъ Парижа, люди, разставленные по разнымъ мѣстамъ и наружности довольно подозрительной, незамѣтно совали вамъ въ руку клочки бумаги съ печатнымъ обозначеніемъ утвердительнаго голоса. Голосовъ отрицательныхъ, сколько намъ извѣстно, никто не раздавалъ. Сосчитайте, сколько во Франціи людей, которые не умѣютъ читать и которые тѣмъ не менѣе приносили въ мэрію эти бумажные клочки, подобранные ими, такъ сказать, на улицѣ, и вамъ тотчасъ станетъ понятно, что такое всеобщая подача голосовъ. Въ качествѣ иностранца, я съ любопытствомъ вывѣдывалъ мнѣнія о необходимости и законности государственнаго переворота. Многіе признавались, что они его не одобряютъ; но эти же самые люди открыто говорили, что пойдутъ въ мэрію подать утвердительный голосъ. Если бы глубже изучить это обстоятельство и вывести заключеніе, то многое объяснилось бы въ событіяхъ Французской исторіи за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Храбрые на боевомъ полѣ Французы совершенно обдѣлены гражданскимъ мужествомъ. Они не боятся непріятеля, но боятся полиціи. Какъ бы то ни было, но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, страна желала предотвратить междоусобную войну, которая бы неминуемо вспыхнула въ случаѣ значительнаго неравновѣсія голосовъ. Обращеніе власти съ законными на ту пору представителями народа не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, какъ она поступитъ, коль скоро воспрепятствуютъ успѣху государственнаго переворота. Опираясь на войско, она, однако, ставила на карту свою фортуну и свое существованіе; отступить, признать себя побѣжденною было для нея невозможно. Съ другой стороны были старые счеты изъ-за баррикадъ 1848 года у людей военныхъ съ гражданами, которые въ то время обезоружили ихъ, такъ что 2 Декабря служило отместкою за 24 Февраля. Я слышалъ объ этомъ отъ самихъ воиновъ: они выражали нетерпѣніе подраться и поколотить тогдашнихъ побѣдителей. Если бы въ 1812 году генералъ Мале оставался на свободѣ еще нѣсколько часовъ, его дерзкая попытка тоже приняла бы размѣры государственнаго перево-

рота [1]), и то, что произошло теперь, могло произойти и тогда. Власть во Франціи съ давнихъ поръ похожа на крѣпость, которою завладѣваетъ врасплохъ первый, кто къ ней подошелъ. Коль скоро Ламартинъ, Косидьеръ и Ледрю-Ролленъ могли посредствомъ нѣсколькихъ фразъ заставить страну сдаться на капитуляцію, то овладѣть ею легко всякому, лишь была бы настойчивая воля, и имѣлись въ распоряженіи пушки. У Французовъ давняя привычка относиться съ почтеніемъ къ законченному событію. Правда, событіе у нихъ длится недолго. Оно уступаетъ внезапно свое мѣсто другому, которое также недолговѣчно, и смѣняется третьимъ, и такъ далѣе. Парижанинъ въ особенности (а онъ — телеграфическій указатель Франціи), не любитъ помѣхи въ установившемся расположеніи часовъ. Обѣдъ въ кафе, кресло въ театрѣ — для него предметы священные. Вступаютъ ли союзныя арміи въ столицу, овладѣваетъ ли ею власть революціонная, Парижанинъ спѣшитъ помириться съ тѣмъ, что случилось, заботясь прежде всего, чтобъ не нарушился ежедневный привычный порядокъ его жизни и комфорта. Исключеніе составляютъ Парижане, которымъ не на что поѣсть въ ресторанѣ или купить билетъ на спектакль; они-то и производятъ революціи и почти всегда съ цѣлью добыть и себѣ мѣсто въ кафе, билетъ въ театрѣ. Красный призракъ во Франціи есть просто-на-просто человѣкъ голодающій и не имѣющій надежнаго крова. Стоитъ ему насытиться и удовлетворить своимъ похотѣніямъ, онъ легко мѣняетъ цвѣтъ свой. Во Франціи и въ Европѣ слишкомъ много поднято шуму изъ-за этого призрака. Онъ исчезъ бы самъ собою. Дѣло въ томъ, что 2 Декабря выставило впередъ это пугалище и съумѣло извлечь для себя выгоды изъ этого шуму и этихъ страховъ. Увидимъ, въ барышѣ ли остались отъ того Франція и Европа. Отличнымъ подтвержденіемъ моихъ словъ можетъ служить маленькая очень занимательная исторійка, разсказанная въ письмахъ Поля-Луи Курье.

[1]) Одинъ изъ генераловъ Французской революціи Малле (Mallet) содержался въ заточеніи въ Парижѣ, но успѣлъ освободиться и посредствомъ печатныхъ листовъ, въ которыхъ разглашалось, будто Наполеонъ умеръ, произвелъ волненіе. Малле былъ скоро схваченъ и разстрѣлянъ. Это происходило осенью 1812 года, въ то самое время какъ Наполеонъ оставался въ обгорѣлой Москвѣ. *П. Б.*

Говорится объ избраніи перваго императора. Авторъ находился гдѣ-то въ гарнизонѣ, и вотъ что онъ повѣствуетъ, какъ подавались голоса въ его отрядѣ. „Мы сдѣлали императора, и съ „моей стороны, я не мѣшалъ тому. Вотъ исторія. Нынче утромъ „собираетъ насъ Антуаръ и сказываетъ намъ, въ чѣмъ дѣло, „но попросту и безъ предварительныхъ разъясненій: императоръ или республика, что̀ вамъ больше по вкусу? Точно какъ „предлагаютъ: жаренаго или варенаго мяса, чего хотите? Ни „слова, никто ни раскрываетъ рта. Такъ проходитъ четверть „часа; Антуару и всѣмъ становится неловко. Такъ продолжалось бы и еще, еслибъ я не заговорилъ: „Господа, сказалъ я, „извините; но мнѣ сдается, что тутъ мы ни при чемъ. Народъ „хочетъ императора; наше ли дѣло разсуждать о томъ?“ Слова „эти показались такъ удачны, такъ шли къ дѣлу, что всѣ увлекались ими. Ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь полнаго успѣха. „Идемъ играть на биллiардѣ. Мэръ говорилъ мнѣ: „Ей-ей, „господинъ начальникъ, вы говорите, точно Цицеронъ; но скажите, пожалуйста, для чего вамъ хочется, чтобъ онъ былъ „императоромъ?“ — „Для того, чтобъ покончить чѣмъ-нибудь и „пойти играть въ биллiардъ. Неужели оставаться тутъ изъ-за „этого цѣлый день!“ и проч. Читая это письмо, подумаешь, что оно писано вчера. Выборы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должны были происходить именно такъ, а не иначе. Но, во всякомъ случаѣ, придется еще подождать, прежде чѣмъ увидимъ въ печати подобное письмо съ описаніемъ выборовъ второй имперіи. Я даже боюсь, чтобъ и это письмо, не смотря на то, что оно устарѣло, не было захвачено правительствомъ, которое учредилось по „волѣ народной“!

Можно бы написать назидательную и остроумную книгу подъ заглавіемъ: *Французы, изображенные самими Французами.* Сочинителю или вѣрнѣе составителю не пришлось бы сказать ни единаго собственнаго слова: весь его трудъ состоялъ бы въ подборѣ выраженій, принадлежащихъ лучшимъ умамъ, коими справедливо гордится Франція, публицистамъ, моралистамъ, историкамъ изо всѣхъ эпохъ и всѣхъ партій. Вышелъ бы драгоцѣнный сборникъ признаній и нескромностей ихъ. Они, какъ

и всѣ Французы, безпрестанно твердятъ о прекрасной Франціи, о великомъ, первомъ въ мірѣ народѣ, шествующемъ во главѣ человѣческаго рода и цивилизаціи. Такъ вообще, но иначе въ частныхъ подробностяхъ. Тутъ, въ силу признанія самихъ Французовъ, пришлось бы значительно поубавить изъ этого величія и превосходства, и отыскалось бы довольно утѣшеній для насъ, обдѣленныхъ дѣтей этого бѣднаго человѣчества, не имѣющихъ чести принадлежать къ привилегированнымъ членамъ человѣческой семьи.

Пушкинъ помѣстилъ въ своихъ Запискахъ слѣдующій анекдотъ. Одинъ ребенокъ привыкъ по всякому поводу твердить: „Какой папенька умный, какой папенька храбрый! Какъ папеньку Государь любитъ!“—„Кто тебѣ все это сказалъ?“ спросили его однажды.—„Папенька“, отвѣчалъ ребенокъ.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Мартъ.

Въ Европѣ все еще думаютъ, что мы родились только вчера, и что во всякомъ случаѣ существованіе Россіи начинается лишь съ Петра Перваго. Это одно изъ множества заблужденій на нашъ счетъ, распространенныхъ и укоренившихся вслѣдствіе незнанія и зложелательства. Нѣтъ, мы не такъ молоды, какъ дѣлаютъ намъ честь о насъ думать; ибо наши политическія и военныя сношенія съ Восточною имперіею восходятъ къ десятому вѣку. Еще въ то время Греческіе императоры и патріархи искали союза съ Кіевскимъ княжествомъ, и въ Греческомъ флотѣ служило нѣсколько сотъ Русскихъ. Наше оружіе съ раннихъ поръ гремѣло въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи оно покрывалось такою славою. Въ 906 году, великій князь Олегъ совершилъ разчетливо веденный и удачный походъ подъ Константинополь. Днѣпръ покрылся двумя тысячами небольшихъ лодокъ, и на каждой лодкѣ помѣщалось по сорока вооруженныхъ воиновъ. Всадники пошли сухимъ путемъ. Въ этомъ походѣ преодолѣны препятствія, которыя и въ наше время могутъ почитаться почти непреодолимыми. Тѣмъ не менѣе, походъ удался. Императоръ Левъ, по прозванію Философъ, поспѣшилъ купить миръ цѣною значительной для того времени дани. Соглашеніе, за которымъ послѣдовалъ мирный договоръ, состоялось на очень выгодныхъ для насъ условіяхъ. Русскіе торговцы получили право проживать въ Константинополѣ и въ теченіи шести первыхъ мѣсяцевъ на счетъ правительства, которое обязывалось доставлять

имъ все необходимое для ихъ содержанія, предоставляло имъ между прочимъ *свободный входъ въ общественныя бани*, а при отбытіи изъ Константинополя снабжало всѣмъ нужнымъ для плаванья: парусами, якорями, канатами и пр. Въ память славнаго похода своего, передъ отъѣздомъ въ Кіевъ, Олегъ прибилъ свой щитъ къ городскимъ воротамъ Константинополя. Занесенное въ древнѣйшую нашу лѣтопись, сіе послѣднее обстоятельство принадлежитъ болѣе къ области преданій, нежели исторіи; тѣмъ не менѣе мы не можемъ не дорожить имъ.

Владиміръ Великій, еще до обращенія къ христіанству, посватался за сестру императоровъ Василія и Константина. Имъ не хотѣлось отдавать княжну-христіанку за государя-язычника, и они просили его напередъ принять Христову вѣру. Великій князь отвѣчалъ, что онъ готовъ сдѣлаться христіаниномъ, но не желаетъ обязываться условіемъ и потребовалъ отъ императоровъ, чтобы, въ доказательство довѣрія и дружественнаго расположенія, они прислали къ нему свою сестру. Тѣ поспѣшили исполнить его требованіе. Затѣмъ вскорѣ послѣдовало крещеніе Владиміра и его бракосочетаніе. И такъ, съ незапамятныхъ временъ наши государи не любили подчиняться чужимъ условіямъ. Впрочемъ, Греческимъ императорамъ не пришлось раскаяваться въ оказанной довѣренности; потому что зять ихъ, въ качествѣ вѣрнаго друга и союзника, прислалъ имъ вскорѣ войска, которыя помогли умиротворить имперію, потрясенную возмущеніями. Затѣмъ послѣдовательно мы находились съ Восточною имперіею въ многообразныхъ и частыхъ сношеніяхъ, какъ политическихъ, такъ и касавшихся области искусства и знаній. Издавна переведены были Греческія священныя книги на Славянскій языкъ. Греческіе художники пріѣзжали къ намъ украшать наши храмы живописью и мозаикою. Русская столица уже въ тѣ времена домогалась поравняться съ столицею Восточныхъ императоровъ роскошью и великолѣпіемъ зданій. Въ началѣ XI вѣка въ Новгородѣ существовало училище, въ которомъ триста человѣкъ юношей духовнаго и благороднаго происхожденія приготовлялись къ отправленію церковныхъ, городскихъ и правительственныхъ должностей. Къ

этому же времени относится и первый писанный сводъ нашихъ законовъ.

По лѣтописямъ нашимъ, первое Русское посольство къ султанамъ состоялось въ 1497 году. Нашему посланнику, между прочимъ, велѣно было привѣтствовать султана отъ имени великаго князя, „стоя", не преклоняя „колѣнъ", какъ было, повидимому тогда въ обычаѣ, обращаться съ рѣчью только къ султану, а не къ пашамъ и не уступать мѣста ни которому послу, прибывшему отъ другихъ державъ. По пріѣздѣ въ Константинополь, посланникъ Плещеевъ отказался отъ обѣда, который паши хотѣли дать ему въ честь; онъ не принялъ также предложенныхъ ему одеждъ, подарковъ и десяти тысячъ Турецкихъ монетъ. Онъ отвѣчалъ приставленному чиновнику, что не станетъ носить ихъ платья, не имѣетъ надобности въ ихъ деньгахъ, и что ему нѣтъ дѣла до пашей, а присланъ онъ своимъ государемъ для непосредственнаго сношенія съ султаномъ.

Въ наши дни обвиняли князя Меншикова въ излишней гордости; но Европейскіе газетчики должны признаться, что дипломатическіе пріемы его (если только вѣрно передаютъ о нихъ) выдуманы не имъ, а основаны на преданіи, которое восходитъ къ XV вѣку. Даже и въ то время, когда Россія была слаба передъ могущественною и страшною Портою, государи наши въ сношеніяхъ съ невѣрною властью, со врагами Христова имени и народовъ, живущихъ подъ сѣнію креста, всегда дѣйствовали съ достоинствомъ, которое подобаетъ представителямъ христіанской державы.

Султанъ Баязетъ очень ласково принялъ Русскаго посланника и согласился на все, ради чего онъ пріѣхалъ: вѣроятно въ это время еще не знали нынѣшняго *примиряющаго* вмѣшательства Европейской дипломатіи и еще не дошли до такихъ изобрѣтеній, какъ Вѣнскія конференціи, циркуляры Друенъ-де-Люиса, лордъ Пальмерстонъ и великій посредникъ Буоль.

Наши сношенія со Святыми Мѣстами также восходятъ къ очень отдаленной эпохѣ. У насъ есть описаніе богомольнаго странствія въ Іерусалимъ, которое совершилъ въ XII вѣкѣ инокъ, по имени Даніилъ. Съ отмѣннымъ простосердечіемъ и

съ чувствомъ признательности онъ разсказываетъ, какъ его принялъ Балдуинъ I-й. Онъ былъ вмѣстѣ съ нимъ на всѣхъ церковныхъ службахъ страстной сельмицы, и что̀ любопытно, зажиганіе *святаго огня* въ святую субботу, противъ котораго нынѣ такъ рѣзко и злобно вооружаются Римско-католическіе писатели въ укоръ Греческому духовенству, происходило при Балдуинѣ совершенно также, какъ происходитъ въ настоящее время. Къ богомольному странствію отца Даніила относятся первая Русская лампада у Святаго Гроба. Въ этомъ же описаніи находимъ очень замѣчательное историческое показаніе: путешественникъ засталъ въ Іерусалимѣ многихъ значительныхъ лицъ изъ Новгорода и Кіева. Какъ они туда попали, съ первымъ ли крестовымъ походомъ, который кончился завоеваніемъ Святыхъ Мѣстъ, или поспѣшили воспользоваться первою возможностью поклониться Святому Гробу, это не разъяснено ни въ нашей исторіи, ни въ описаніи Даніилова хожденія; но во всякомъ случаѣ присутствіе извѣстнаго числа Русскихъ людей того времени въ Іерусалимѣ—явленіе любопытное и знаменательное. Отецъ Даніилъ былъ тамъ, какъ мы видѣли, въ то время, когда началось королевство крестоносцевъ. Можно сказать, наканунѣ паденія этого королевства, ѣздила въ Іерусалимъ Русская богомолка, Полоцкая княжна Ефросинія: она посѣтила тѣ мѣста за немного лѣтъ до завоеванія Іерусалима Саладиномъ. Съ тѣхъ поръ участились наши сношенія съ Палестиною. Великіе князья, цари, по случаю какой нибудь радости или горя, непремѣнно посылали богатые дары въ Святыя Мѣста. За сборомъ пожертвованій нерѣдко пріѣзжали монахи отъ восточныхъ патріарховъ и всякій разъ привозили домой обильныя доказательства Русскаго усердія и щедрости. Любопытно, что Синопъ, имя котораго надѣлало столько шуму въ настоящее время, упоминается также въ старинныхъ нашихъ лѣтописяхъ. Преданіе повѣствуетъ, что Апостолъ Андрей прибылъ изъ Синопа на тѣ горы, гдѣ позднѣе воздвигся Кіевъ, и что онъ предвозвѣстилъ могущество и богатство этой древнѣйшей изъ нашихъ столицъ. Стало быть, отъ Синопа пролился первый лучъ Святой Истины, которая впослѣдствіи озарила наши души и наши умы, и тамъ же чрезъ восьмнадцать вѣковъ, наше

христіанское воинство нанесло столь страшный ударъ врагамъ нашего вѣроисповѣданія. Разумѣется, мы не имѣемъ въ виду представлять полный очеркъ Русской исторіи. Но кто любитъ руководствоваться лучше показаніями временъ протекшихъ, нежели выдумками и сплетнями современныхъ газетъ, тотъ можетъ прослѣдить у нашихъ историковъ поступательное развитіе нашихъ сношеній съ Востокомъ, а равно и съ западными державами, тотъ увидитъ, что Европа, съ самыхъ давнихъ поръ, не рѣдко искала союза съ нами, что она неоднократно просила у насъ помощи въ борьбѣ съ мусульманскою силою, которая была въ то время пострашнѣе, нежели теперь. Онъ увидитъ также, что Россія часто призывала Европейскихъ государей соединиться съ нею для совокупнаго дѣйствія противъ насилій этой враждебной христіанству державы. Если мы были вовсе неизвѣстны въ Европѣ, то какъ же могло случиться, что съ XI вѣка короли и князья вступали въ родственныя связи съ нашими государями. Норвежскій князь Гаральдъ, Польскій король Казиміръ поженились на Русскихъ княжнахъ. Королевы Венгерская и Французская были также изъ Русскихъ княженъ. Генрихъ Первый прислалъ къ намъ сватомъ Шалонскаго епископа. Князья Норвегіи, Венгріи, Англіи, преслѣдуемые у себя дома, являлись ко двору великаго князя Ярослава искать убѣжища и покровительства.

Попытки Рима присоединить насъ къ своей церкви начались издавна. Посланникъ знаменитаго папы Иннокентія III-го являлся къ Русскому великому князю съ самыми заманчивыми предложеніями. Въ случаѣ принятія Римскаго обряда, папа вызывался доставить ему, помощью своего меча, многія области и содѣлать его однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей. „Я совершу нужныя мнѣ завоеванія по примѣру моихъ предковъ, цѣною собственной крови и мечемъ собственнымъ“, отвѣчалъ великій князь и выпроводилъ посланника. Затѣмъ слѣдовали многія другія попытки со стороны святаго престола, но съ такимъ же успѣхомъ. Однажды было пущено въ ходъ новое средство обольщенія. Папа Павелъ II-й и его преемникъ помогли Ивану III-му вступить въ бракъ съ царевною Греческою Софіею,

которая бѣжала въ Римъ послѣ завоеванія Константинополя Турками. Они дѣйствовали въ надеждѣ пріобрѣсти сильнаго союзника противъ Магомета II-го, угрожавшаго Италіи, и въ томъ разсчетѣ, что, можетъ быть, Русскій князь изъ чувства признательности согласится перемѣнить вѣру.

Въ началѣ XVI вѣка императоръ Максимиліанъ разсчитывалъ помощью Россіи управиться съ Венгріею, которая уходила изъ подъ его власти. Любопытно слѣдить, какъ въ теченіи вѣковъ однѣ и тѣже событія воспроизводятся и повторяются съ поразительною одинаковостью. Это злыя шутки исторіи, и должно напоминать объ нихъ въ поученіе посредственности, забывчивой и тщеславной. Позднѣе эта же держава снарядила въ Москву великолѣпное посольство, предлагавшее царю союзъ, именемъ императора и Европы, для разрушенія на землѣ и на морѣ Оттоманскаго владычества. „Прогонимъ Турокъ", говорилъ посолъ, „прогонимъ ихъ изъ Константинополя и оттѣснимъ въ Аравію; воздвигнемъ снова крестъ во Ѳракіи и въ Элладѣ, и вся Греческая имперія, отъ предѣловъ *гдѣ встаетъ солнце*, да принадлежитъ тебѣ, о могущественный царь! Такъ говорятъ тебѣ императоръ, святой отецъ и король Испанскій". Что́ скажетъ его сіятельство, графъ Буоль-Шауенштейнъ объ этихъ словахъ, принадлежащихъ одному изъ его предшественниковъ?

Первыя историческія извѣстія о сношеніяхъ между Англіею и Россіею относятся къ половинѣ XVI вѣка. Они начались для Англіи при условіяхъ неблагопріятныхъ и могли бы служить предзнаменованіемъ неудачи, которою постигнутъ *Тигр*. Однажды рыбаки увидали Англійское судно, которое разбилось и было выброшено на берегъ. Весь экипажъ погибъ отъ холода; капитанъ найденъ замерзшимъ съ путевымъ журналомъ въ рукахъ. Чрезъ нѣсколько времени возникли другаго рода сношенія, постоянныя и очень дружественныя, между королевою Елисаветою и царемъ Іоанномъ IV-мъ. Говорятъ даже, что нѣкоторое время царь намѣревался жениться на королевѣ, которой въ это время было 50 лѣтъ отъ роду. Вѣрно то, что этотъ Русскій Генрихъ VIII, вступавшій въ бракъ шесть или семь разъ, сватался у королевы

Англійскую принцессу, и что Елисавета охотно выслушивала его предложенія.

Позднѣе, подобные же переговоры происходили между нею и царемъ Борисомъ Годуновымъ по поводу бракосочетанія его сына: „Мнѣ жаль", отзывалась она, „что у меня нѣтъ дочери для молодаго царевича Ѳеодора: такъ расположена я къ его отцу и такъ дорожу царевичемъ, про котораго много говорятъ хорошаго".

Что̀ сказали бы достопочтенные лорды Джонъ-Россель и Пальмерстонъ, если бы они знали объ этихъ тайныхъ и любительныхъ сношеніяхъ великой ихъ королевы Елисаветы съ государями народа, который и теперь еще въ ихъ глазахъ остается варварскимъ?

Въ 1675 году, въ Кремлѣ, состоялся Европейскій конгрессъ: уполномоченные Голландіи, Даніи, Брауншвейга и Германской имперіи пріѣзжали къ царю Алексѣю Михаиловичу просить дѣятельнаго и вооруженнаго посредничества въ Европейскія дѣла, дабы сообща воспротивиться властолюбивымъ намѣреніямъ Франціи, которая въ то время была въ союзѣ съ Швеціею.

Кажется, достаточно этихъ бѣглыхъ историческихъ справокъ, чтобы убѣдить самыхъ упрямыхъ и невѣжественныхъ людей въ томъ, что Россія, задолго до Петра 1-го, уже не была *страною невѣдомою* (terra incognita), что и у нея есть на что сослаться, что въ разныя времена она играла дѣятельную и преобладающую роль, и ея значеніе много разъ было важнѣе многихъ другихъ державъ, которыя нынѣ, въ невѣжественномъ тщеславіи, думаютъ насъ уничтожить, налегая всею тяжестью своего историческаго аристократизма. Ходъ Русскаго развитія и распространенія всегда отличался разумною послѣдовательностью. Наше движеніе стѣснилось или замедлилось подъ господствомъ Монголовъ, которое, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, дѣйствовало *издали* и потому не наложило своей печати на нашу народность, крѣпкую чувствомъ вѣры и оттого оставшуюся въ чистотѣ и независимости. Свергнувъ Татарское иго, мы опять стали тѣмъ же народомъ, какимъ были прежде. Выдержавъ болѣзнь, мы не измѣнили своихъ природныхъ качествъ. Выздо-

ровленіе шло быстро, силы и здоровье возвращались въ изобиліи. Оттого мы вынесли всѣ великіе погромы и недавно еще погромъ 1812 года. Россія содержитъ въ себѣ запасъ живучести и потому способна ко всевозможнымъ успѣхамъ. Если ей суждено погибнуть, она погибнетъ не иначе, какъ вслѣдствіе собственныхъ ошибокъ, а не отъ внѣшнихъ ударовъ, которые скользятъ по ней, не поражая. Петръ I-й засталъ свое государство въ полной готовности къ совершенію великихъ преобразованій. Одаренный могучимъ и предпріимчивымъ геніемъ, онъ двинулся въ путь, уже приготовленный для него, и не довольствовался медленнымъ движеніемъ, какъ его предшественники, а съ горячностью и нетерпѣливостью устремился къ своей цѣли. Онъ предугадалъ силу пара и приложилъ ее къ преобразованіямъ, которыя долженствовали довершить собою дѣло времени. Это въ одно и тоже время хорошо и дурно. Мы воспользовались доброю стороною, и она сдѣлалась нашимъ достояніемъ, и всегда зависитъ отъ насъ видоизмѣнить и ослабить то зло или тѣ невыгоды, которыя отсюда могутъ проистекать. Будемъ лишь пользоваться умственными завоеваніями Европы, не подчиняясь ея вліянію. Останемся Русскими посреди Европы. Укрѣпимъ нашу народность и перестанемъ ею жертвовать для чужихъ выгодъ. Въ этомъ смыслѣ наше разобщеніе съ Европою, какъ мы уже говорили, не будетъ означать слабости и истощенія, а, напротивъ, послужитъ намъ источникомъ силы и благоденствія.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Мартъ.

Нѣкоторые дѣловые и притомъ благонамѣренные люди отнеслись съ недовѣрчивостью къ требованіямъ Русскаго правительства и находятъ не совсѣмъ благоразумными его дѣйствія, въ отношеніи къ настоящему вопросу. Хотя они и видятъ въ Россіи послѣдній оплотъ противъ революціонныхъ и демократическихъ волнъ, тѣмъ не менѣе ихъ вѣра въ Россію нѣсколько поколебалась, не по причинѣ самаго вопроса, а скорѣе потому, что Россія вдругъ сдѣлалась предметомъ почти всеобщаго поношенія: коль скоро всѣ осуждаютъ, значитъ же, есть тому какая нибудь существенная причина. Не желая быть парадоксальнымъ, я все-таки позволяю себѣ, напротивъ, думать, что если мнѣнія самыя противоположныя, партіи самыя крайнія соединяются между собою, чтобы оспорить у кого нибудь его право, то въ этомъ самомъ заключается ручательство въ законной неотъемлимости этого права. Вспомнимъ выраженіе Шамфора: „Сколько надо глупцовъ, чтобы составить публику?“ Можно бы прибавить: „и сколько людей злонамѣренныхъ!“ Риваролю случилось сказать слово, которое понравилось всѣмъ безъ исключенія, кто его слышалъ: „Развѣ я сказалъ какую нибудь глупость?“ спросилъ онъ своего сосѣда по этому поводу. Во всякомъ спорномъ дѣлѣ сторона разумѣнія еще доступнѣе для толпы, нежели сторона законности и нравственности. Страсти рѣже возстаютъ противъ разума, нежели противъ права. Одинъ изъ нашихъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, архіепископъ Инно-

кентій, отлично опредѣлилъ цѣну того, что̀ называютъ общественнымъ мнѣніемъ, всеобщею подачею голосовъ и верховенствомъ народа, которое, не смотря на всю его фальшь, считается, по ученію новой школы, наилучшимъ и послѣднимъ выраженіемъ общественнаго совершенствованія. Вотъ смыслъ словъ Иннокентія. Когда Пилатъ спросилъ у старѣйшинъ Іерусалима и у народа, кого отпустить на свободу, Іисуса или Варраву, народное верховенство объявило себя въ пользу разбойника и осудило Праведника.

Общее мнѣніе до того отвлеченно, неуловимо и произвольно, до такой степени ускользаетъ отъ провѣрки разума и правды, что нѣтъ возможности имъ руководиться и основать на немъ какое либо сужденіе. Гдѣ тотъ трибуналъ, которымъ опредѣляются и узакониваются его приговоры? Отъ имени общаго мнѣнія говоритъ всякій газетчикъ. Прежде всего существуетъ въ одно и тоже время два общихъ мнѣнія: одно страстное, крикливое и тѣмъ самымъ сильное; другое совѣстливое, но иной разъ робкое, ограничивается тѣмъ, что молчаніемъ своимъ протестуетъ противъ перваго. Одно овладѣваетъ публичнымъ мѣстомъ, и, какъ у насъ нѣтъ болѣе древняго форума на открытомъ воздухѣ, то вмѣсто форума служатъ ему парламентскія трибуны, кабачки и журналы; другое, болѣе выносливое, ищетъ себѣ убѣжища въ исторіи. Благоразумные люди всегда относятся недовѣрчиво къ приговорамъ общаго мнѣнія, возвѣщаемымъ сразу и не терпящимъ возраженій. Въ особенности нужно остерегаться его въ смутныя эпохи, во времена политическаго и нравственнаго мятежа. При настоящемъ положеніи дѣлъ, это мнѣніе, основанное на началахъ вредныхъ и разрушительныхъ, конечно, должно не благопріятствовать намъ. Мы не можемъ пользоваться сочувствіемъ черни, подъ именемъ которой я разумѣю здѣсь не населеніе, а различныя части общества, изъ котораго образовалось теперь страстное и задорное большинство. Правительства и общества въ послѣднее время подверглись болѣе или менѣе революціонной заразѣ. Не говорю о Франціи, которая, втеченіи слишкомъ шестидесяти лѣтъ, только и дѣлала, что мѣняла одно революціонное управленіе на

другое; но и у другихъ народовъ, у которыхъ болѣзнь эта не перешла въ состояніе хроническое и которые избавились отъ острыхъ ея припадковъ, все же остаются въ организмѣ нѣкоторые слѣды ея и признаки.

Англія съумѣла, до нѣкоторой степени, остаться незараженною. Но чуждается революціи только народъ Англійскій, правительство же революціонно въ высшей степени. По своимъ стремленіямъ и сочувствіямъ оно всегда склонно если не къ возбужденію, то къ оправданію мятежа повсюду, гдѣ мятежъ не затрогиваетъ его выгодъ. Припомнимъ всегдашніе его отзывы и его дѣйствія во время революціонныхъ вспышекъ въ Польшѣ, въ Швейцаріи, Италіи, Венгріи. Народныя движенія только двухъ странъ въ Европѣ не пробуждаютъ сострадания въ Англійскомъ кабинетѣ: это Ирландія и острова Іоническіе. Чтобы имѣть вѣрное понятіе о томъ, какихъ началъ держится этотъ кабинетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, стоитъ взглянуть на Лондонъ, этотъ гостепріимный Ботани-бей, гдѣ находятъ себѣ убѣжище и покровительство всѣ зажигатели, всѣ составители подложныхъ бумагъ, всѣ преступники политическіе. И замѣтьте, убѣжище дается имъ не потому, что они бѣдствуютъ (въ этомъ отношеніи они имѣютъ право на общественное сострадание), а потому, что они могутъ пригодиться: ихъ держатъ про запасъ, въ видѣ страшилища, которымъ, смотря по надобности, можно пригрозить благоденствію Европы. Эти элементы смуты принадлежатъ къ числу вѣтровъ въ мѣхахъ Эола, по извѣстному выраженію Каннинга: Англійское правительство держитъ ихъ въ своемъ распоряженіи и не нынче-завтра можетъ ихъ выпустить на погибель людскую.

Одна Россія осталась не только совершенно недоступна революціонной заразѣ, но всѣхъ болѣе содѣйствовала къ ея истребленію. Вотъ чего ей не прощаютъ. Революціонеры негодуютъ на нее по инстинкту и питаютъ къ ней чувства мести и ненависти. Другимъ до нѣкоторой степени совѣстно, что они поддались угрозамъ революціи, и они негодуютъ на Россію за то, что она ни малѣйше не соучавствовала въ ихъ ошибкахъ и въ ихъ слабости.

Что̀ касается до общаго мнѣнія, которое въ нѣкоторыхъ Германскихъ земляхъ съ такимъ ожесточеніемъ высказывается противъ Россіи и въ пользу Франціи, то здѣсь дѣйствуетъ иное побужденіе, и его не слѣдуетъ упускать изъ виду. Всѣмъ извѣстно, что между Нѣмцами есть довольно сильная партія, которая до смерти боится Французовъ; но признаться въ этомъ совѣстно, и они скрываютъ этотъ вполнѣ физическій страхъ подъ видомъ вполнѣ моральнаго страха передъ Русскимъ, яко бы, давленіемъ на Германію. Столь ревностно заботясь о своей независимости, эти люди тѣмъ не менѣе не задумываются звать насъ на помощь, когда силъ у нихъ не хватаетъ и они изнемогаютъ подъ гнетомъ опасности. До того же времени они пробуютъ заклясть и отвратить гибель воплями на Россію или, освобожденные нами, отталкиваютъ руку, которая спасла ихъ.

Князю Шварценбергу приписывается довольно неблаговидное выраженіе о томъ, что Австрія готова удивить міръ вопіющею неблагодарностью. Во всякомъ случаѣ, если выраженіе ново, то самое дѣло не ново. Неблагодарностью уже никого не удивишь. По поводу этого страха передъ Французами, коимъ одержимы нѣкоторыя Нѣмецкія газеты, я всякій разъ припоминаю поэму Пушкина о Петербургскомъ наводненіи 1824 года. Молодой человѣкъ, лишившійся вслѣдствіе этого бѣдствія всего, что̀ было ему наиболѣе дорого въ жизни, сходитъ съ ума; въ помѣшательствѣ онъ негодуетъ на основателя столицы и обращается съ отчаянными упреками къ его конной статуѣ. Съ этихъ поръ онъ бродитъ по городу днемъ и ночью, и ему кажется, что статуя гонится за нимъ по пятамъ, что онъ слышитъ, какъ бронзовыя копыта скачутъ по каменной мостовой. Люди, о которыхъ идетъ рѣчь, походятъ на этого безумца. Со времени войнъ первой Французской республики и первой имперіи, какъ только завидятся тучи на небосклонѣ, имъ все кажется, что они слышатъ топотъ и ржанье Французскихъ коней, то на Рейнѣ, то на берегахъ По. Впрочемъ, страхъ основательный. Франція никогда ничего не дѣлала для Германіи, кромѣ зла. Россія всегда была съ нею чистосердечна и великодушна. Понятно, что враговъ и зложелателей нужно опасаться и ублажать;

съ друзьями же не стѣсняются, особливо, когда опытъ доказалъ, что эти друзья люди честные и скоро забываютъ обиды. Однакожъ, не слѣдовало бы злоупотреблять этою честностью и миролюбіемъ. Уладивъ неоднократно, иногда себѣ въ ущербъ, дѣла своихъ сосѣдей, государство можетъ очутиться въ такомъ положеніи, что по необходимости станетъ думать и о дѣлахъ собственныхъ, уже не заботясь о томъ, будетъ ли то угодно или нѣтъ сосѣдямъ.

Кромѣ, того не надо забывать, что страхъ плохой совѣтчикъ. Можно надѣяться, что онъ не возобладаетъ въ совѣтахъ Нѣмецкихъ державъ. Тутъ дѣло не въ связяхъ родственныхъ, не въ обязательствахъ, налагаемыхъ благодарностью: эти соображенія заурядной нравственности не имѣютъ большой цѣны въ политикѣ. Германіи предлежатъ иныя заботы. Одинъ умный человѣкъ, хорошо знающій Россію и Германію, писалъ къ пріятелю: „Почти враждебное положеніе, принятое нѣкоторою частью Германіи, въ виду сильнаго союза, составившагося противъ Россіи, и въ особенности тѣ побужденія, изъ за которыхъ принято это положеніе, доставляютъ истинное торжество народной Русской партіи, всегда недовѣрчиво относившейся къ Нѣмцамъ. Что́ касается до меня, то, будучи по природѣ осужденъ на безпристрастіе, и, конечно, не по чувству народной враждебности, я почитаю такое настроеніе Нѣмцевъ презрительнымъ. Оно презрительно потому, что лживо и ребячливо. Нѣмцы тѣшатъ себя мыслью о томъ, что, при внутреннемъ единеніи, они достаточно сильны, чтобы оставаться безучастными зрителями борьбы. Но тутъ именно и заключается ложь, такъ какъ они хорошо знаютъ, что единенія у нихъ нѣтъ, и что, отставъ отъ союза съ Россіею, Австрія и Пруссія всегда будутъ враждебны между собою *)“.

Да, лишь союзомъ съ Россіею сдерживается взаимная вражда разныхъ Нѣмецкихъ народовъ, ибо союзъ этотъ со стороны Россіи безкорыстенъ. Если бы Россія была властолюбива, какъ о ней думаютъ, то она желала бы междоусобной войны въ Германіи, отъ которой сія послѣдняя неминуемо должна ослабѣть и разориться. Дѣло ясно само по себѣ, и всякій можетъ судить

*) Ѳ. И. Тютчевъ?

о немъ. Пруссіи нельзя не помнить послѣдняго слова Французской политики. Географическія притязанія Франціи всегда обращены къ одному и тому же, будетъ ли имперія войною для достиженія мира, какъ она была, или будетъ имперія миромъ, для того, чтобы привести къ войнѣ, какъ она теперь. Австрія же можетъ, кажется, основательно судить о симпатіи, которую къ ней питаетъ Англія. Объ этомъ имѣются обильныя свидѣтельства въ парламентскихъ рѣчахъ, въ дипломатическихъ депешахъ и поѣздкахъ, въ торжествахъ въ честь Кошута, который хотѣлъ раздробить имперію, и въ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ генералу Гайнау, который храбро сражался за цѣлость этой же имперіи. Англійское министерство, какъ я знаю, объявило, что оно не обязано играть роль полиціи относительно материковыхъ правительствъ, и что, слѣдовательно, всѣ политическіе убійцы могутъ свободно проживать въ Англіи и заниматься своими человѣко-убійственными предначертаніями. Я знаю также, что Германскіе государственные мужи новой школы, витая въ высокихъ сферахъ гуманной политики, не обращаютъ теперь вниманія на эти мелочи и на щекотливость народную, которую въ былое время нельзя было задѣвать безнаказанно. Теперь все это ни почемъ, и союзы, какъ и размолвки, могутъ быть неправомѣрны и позорны. Но мы тогда лишь повѣримъ этимъ уклоненіямъ, когда они перейдутъ въ самое дѣло, а до тѣхъ поръ намъ хочется считать ихъ невозможными. Въ самомъ дѣлѣ, для довершенія картины представляемаго намъ бѣдствія, не достаетъ еще, чтобы Австрія и Пруссія пошли противъ Россіи, на буксирѣ у Турціи, Франціи и Англіи.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Апрѣль.

Иной разъ поддаешься чувству глубокой скорби, когда подумаешь о томъ, что́ теперь дѣлается. И конечно, это скорбное чувство въ Русскомъ человѣкѣ пробуждается не вслѣдствіе страха передъ испытаніями, которыя намъ предстоятъ въ близкомъ будущемъ. Россія всегда принимала подобныя испытанія со смиреніемъ, несла ихъ съ самоотверженіемъ и преодолѣвала доблестно. Такъ свидѣтельствуетъ исторія. Цѣлые вѣка мы стенали подъ чуждымъ и варварскимъ господствомъ, но Русская вѣра и народность сохранились неприкосновенны. Позднѣе Россія пережила продолжительныя смуты междуцарствій, внутреннія войны и насилія. Большая часть ея владѣній находилась подъ вражескимъ нашествіемъ; Поляки и Шведы наперерывъ захватывали ея достояніе, и престолъ Русскій упразднялся. Но посреди этихъ бѣдствій, Россія сберегла во всей святынѣ и цѣлости свою вѣру и народность. И недавно еще вся Европа соединилась противъ нея подъ знаменами перваго полководца новаго времени, и ей пришлось отстаивать свою независимость въ самомъ средоточіи своемъ. Европа знаетъ, чѣмъ это кончилось. Подъ кровомъ Божественнаго Провидѣнія, надѣлившаго Россію вѣрою и смиреніемъ, нравственною силою и способностью къ самопожертвованію, она всякій разъ являлась побѣдительницей, выходила всякій разъ сильнѣе изъ уготованныхъ ей бѣдствій. Одинъ нашъ писатель сказалъ про нея, что всѣ ея

[illegible] были [illegible] къ росту *). И такъ Русскаго человѣка [illegible] и [illegible] не [illegible] флоты и не сухопутныя [illegible]. Наши [illegible] современныхъ событій [illegible] съ соображеніями высшаго рода. Нынѣ [illegible] въ правѣ отнестись къ ней [illegible] ибо настоящее время заставляетъ насъ [illegible] въ [illegible] гражданственности, въ ея преуспѣяніи и въ [illegible] ея дѣйствій. Вотъ что до чрезвычайности грустно. Мы задаемъ себѣ вопросъ, неужели и Россія, по примѣру другихъ странъ, вслѣдствіе избытка въ достояніи и знаніи, осуждена нѣкогда ослабѣть въ нравственности и въ человѣческомъ достоинствѣ по мѣрѣ того, какъ будетъ усиливаться ея могущество и матеріальное благосостояніе. Англія можетъ намъ служить въ этомъ отношеніи зловѣщимъ примѣромъ.

Страна эта, безъ сомнѣнія, достигла апогея могущества и гражданственности. Нѣтъ возможности не удивляться ей. Что касается до меня, то, живучи въ Англіи, видя ея сильное и блестящее процвѣтаніе, эту роскошь политическаго и общественнаго, частнаго и обще-народнаго благосостоянія, чѣмъ такъ отличается она отъ другихъ странъ и во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше ихъ всѣхъ, я иной разъ чувствовалъ себя неловко, былъ почти что оскорбленъ и уничиженъ не только въ качествѣ русскаго, но какъ европеецъ, какъ житель материка. Я невольно прощалъ англичанину его гордость Англійскимъ именемъ, какъ благороднымъ титуломъ, который заслуженъ и упроченъ въ теченіи вѣковъ подвигами благоразумія и отваги. Къ тому же англичанинъ, въ частномъ быту, отличается здравомысліемъ и прямотою характера негибкаго, но симпатическаго, и сношенія съ нимъ правомѣрны и надежны. И при всѣхъ этихъ залогахъ превосходства, Англія способна привести въ отчаяніе благомыслящихъ людей, которые бы вздумали слѣдовать по ея стопамъ. Она скорѣе предупрежденіе и урокъ, а не примѣръ для подражанія. И замѣтьте, что ея несостоятельность произошла не отъ революціонныхъ переворотовъ, но вытекла

*) Намъ припоминается сравненіе, принадлежащее С. Т. Аксакову, съ огромнымъ слономъ котораго поранять, а онъ становится послѣ того еще тучнѣе и громаднѣе.

П. Б.

изъ естественнаго развитія ея учрежденій; законною силою обстоятельствъ, обусловившихъ отчасти ея величіе, она пришла къ нынѣшнему нравственному разслабленію, коимъ подкапывается самое ея могущество. Вотъ, повторяемъ, что́ возбуждаетъ скорбь во всякомъ мыслящемъ и неравнодушномъ къ тому, что́ будетъ, человѣкѣ. Посмотрите, что́ происходитъ въ этой столь мудрой и законной Англіи. Неистовая печать, одержимое страстью министерство ввергаютъ ее въ войну несправедливую и безсмысленную. Королева, еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ и украшенная всѣми добродѣтелями женщины и государыни, принуждена, въ силу законовъ страны своей, подчиняться министрамъ, неспособнымъ внушить ни симпатій женщинѣ, ни уваженія государынѣ. Женщина, вполнѣ развитая, англичанка и, слѣдовательно, не любящая ничего рѣзкаго (shocking), должна, хотя бы и молча, показывать, что она одобряетъ грубую до неблагопристойности рѣчь министровъ, которые и на тощакъ, и послѣ обѣда (смотри парламентскіе запросы по поводу прощальнаго обѣда сэру Непиру) оправдываютъ на себѣ извѣстное выраженіе Вольтера про Шекспира. Она не можетъ любить войны, а ее заставляютъ объявить войну союзнику, котораго въ глубинѣ своего сердца она, конечно, уважаетъ за честный и благородный его характеръ. Она, разумѣется, дорожитъ началомъ царственной власти, а ее принуждаютъ считать врагомъ человѣка, который въ ея мнѣніи (какъ и во мнѣніи всѣхъ законныхъ государей) есть искренній рыцарь и охранитель монархической законности и общественнаго порядка въ Европѣ *) „Королева (сказано въ сообщеніи парламенту о войнѣ) находитъ себѣ утѣшеніе въ мысли, что съ ея стороны употреблены всѣ усилія, дабы ея подданные продолжали пользоваться благами мира. Справедливыя ожиданія королевы были обмануты“ и пр.

Безъ сомнѣнія всѣ убѣждены, что королева должна была искренно и многократно стараться о предотвращеніи войны. Но *ея справедливыя ожиданія были обмануты*. Кѣмъ же? Въ

*) См. сочувственные отзывы королевы Викторіи объ императорѣ Николаѣ Павловичъ, выраженные въ письмѣ объ его пребываніи въ Англіи къ королю Бельгійскому Леопольду отъ 4 іюня 1844 года (Русскій Архивъ 1875, I, 237).

П. Б.

упомянутомъ сообщеніи объ этомъ не сказано, но про то скажетъ нѣкогда исторія: эти ожиданія были обмануты ея министрами. Если Богъ дастъ, мы потомъ увидимъ, не обманутся ли въ свою очередь и министры въ своихъ ожиданіяхъ. Начертанія Промысла недовѣдомы. Зло физическое и зло нравственное живутъ на землѣ, и бываютъ дни ихъ торжества. Стало быть, зло необходимо. Въ извѣстную минуту Промыслъ попускаетъ дѣламъ самаго вопіющаго насилія. Приступая къ предстоящей намъ борьбѣ, мы не станемъ кричать о побѣдахъ, подобно храбрымъ и достопочтеннымъ участникамъ Непировскаго банкета. Вмѣсто криковъ веселья, Россія обращается къ Богу съ горячею молитвою, чтобы Онъ укрѣпилъ и благословилъ ея мужество. Она не раздѣляетъ мысли лорда Абердина, который въ засѣданіи 24 Марта выразился, что для Англіи еще рано просить Божьей помощи. Россія не желаетъ обольщаться; она постигаетъ важность борьбы, на которую ее вызываютъ; однако, знаетъ, въ тоже время, что, дѣйствуя оборонительно, нельзя никогда разсчитывать на быстрые успѣхи, возможные для нападающаго, который пользуется по своему выбору благопріятнымъ мѣстомъ и временемъ. Но вѣра въ Божественный Промыслъ не покинетъ насъ. Безъ хвастовства, но и безъ колебанія и унынія, мы вступаемъ на открывающееся намъ поприще. Если первые шаги наши и будутъ неудачны, мы все-таки пойдемъ къ нашей цѣли. Для поддержки и оживленія нашего мужества намъ нечего прибѣгать ко лжи; мы не обманываемъ другихъ и не говоримъ, что *война скоро кончится*, какъ говорятъ кабинеты западныхъ державъ. Нѣтъ, мы знаемъ, напротивъ, что война будетъ долгая, и желаемъ того, конечно, не для удовольствія воевать, но потому что время окажется нашимъ союзникомъ, и отъ продолжительной войны наиболѣе потерпятъ наши непріятели.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Апрѣль.

Если очистить Русско-Турецкій вопросъ отъ наростовъ и околичностей и возвратить къ надлежащему значенію, какъ оно выражено Россіею, то онъ можетъ быть изложенъ въ нижеслѣдующемъ распредѣленіи:

1-е. Посольство князя Меншикова въ Константинополь;

2-е. Послѣдній проэктъ ноты, который предложенъ имъ Оттоманскому министерству;

3-е. Занятіе Дунайскихъ княжествъ корпусомъ Русскихъ войскъ;

4-е. Проэктъ ноты, составленный Вѣнскою конференціею 31 Іюля, одобренный Россіею и отвергнутый Портою.

Разберемъ вкратцѣ каждый изъ этихъ четырехъ періодовъ въ развитіи вопроса.

Посылка чрезвычайнаго посланника къ дружественному двору, и особенно въ то время, когда не было акредитованнаго министра, не составляла сама по себѣ ничего необыкновеннаго, ничего вызывающаго и противнаго добрымъ отношеніямъ между двумя сосѣдними державами, у которыхъ всегда бывали общія дѣла, подлежащія обсужденію и устройству.

Именно въ это время такихъ дѣлъ, и притомъ важныхъ, было много. Зная событія и безпристрастно оцѣнивая ихъ, всякій долженъ согласиться, что посольство князя Меншикова было необходимостью и отнюдь не дѣйствіемъ скоропоспѣшнаго, нетерпѣливаго честолюбія или высокомѣрнаго и раздра-

жительнаго произвола. Оно вызвано цѣлымъ рядомъ враждебныхъ и оскорбительныхъ поступковъ со стороны Порты, направленныхъ къ тому, чтобы создать новый порядокъ вещей, не только помимо договоровъ, заключенныхъ съ нами, но и совершенно вопреки этимъ договорамъ и обязательствамъ. Обязательства эти (что бы ни говорили о нихъ) были благословляемы христіанскимъ населеніемъ Турціи и нѣкогда одобрялись Европою. Купленныя и скрѣпленныя Русскою кровью, которая столько разъ проливалась ради этого населенія, они въ тоже время служили залогомъ спокойствія и для Европы, которой не могло не быть выгодно, что Россія воздвигла спасительный оплотъ противъ разлива мусульманской, варварской силы. Но Турецкое правительство послушалось коварныхъ внушеній, которыя все далѣе и далѣе влекли его по роковому пути и, наконецъ, сочло себя свободнымъ отъ всякаго стѣсненія относительно Россіи. Это новое направленіе проявилось въ многочисленныхъ и не оставлявшихъ никакого сомнѣнія заявленіяхъ. Льготы, которыя были выговорены для Греческаго духовенства, послѣдовательно отбирались; высшія духовныя должности болѣе чѣмъ когда-либо сдѣлались предметомъ соблазнительной торговли; христіанъ Греческаго исповѣданія угнетали, вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ танзимата, изданнаго только для того, чтобы обмануть Европу и подъ лоскомъ фальшиваго свободолюбія скрыть самые непростительные пріемы преслѣдованія; неискренность и изворотливость въ дѣлѣ о Святыхъ Мѣстахъ, поддержка революціоннаго духа въ княжествахъ, какъ силы, непріязненной для Россіи, въ ущербъ самой Портѣ, противъ которой эта сила рано или поздно должна обратиться; Польскіе выходцы въ почетѣ, жалуемые титулами и окладами,—это настоящее ополченіе, набираемое для похода на Россію, пользующееся покровительствомъ и ласками Французскихъ и Англійскихъ дипломатическихъ чиновъ, якшавшихся съ такими лицами, которыхъ, въ качествѣ людей частныхъ, они бы посовѣстились пускать къ себѣ въ домъ; флотъ адмирала Паркера по близости Дарданеллъ и военныя суда этого флота, появляющіяся, вопреки трактатамъ, въ Босфорѣ при каждомъ строгомъ, но

вовсе не воинственномъ заявленіи Русскаго правительства Оттоманской Портѣ. Все это, взятое въ совокупности, безъ сомнѣнія, достаточно, чтобы дать содержаніе вѣскому обвинительному акту.

Новое направленіе обнаружилось и получило озабочивающее для Россіи значеніе въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ управленіе перешло въ руки Решида-паши. Человѣкъ этотъ, самолюбивый не въ мѣру своихъ государственныхъ способностей, не то что образованный, но скорѣе оглушенный Европейскимъ образованіемъ, лишенный всякаго нравственнаго чувства, жадный къ богатству и власти, вдобавокъ покорный высокомѣрному и злорадному произволу своего покровителя, иностраннаго министра, этотъ человѣкъ воплощаетъ въ своей особѣ неумолимую судьбу Турціи. Люди, близко знающіе Решида-пашу и по своему положенію болѣе или менѣе причастные передрягѣ, которая грозитъ имперіи, полагаютъ, что онъ, для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи благосклонность Европейской печати, кромѣ другихъ способовъ обольщенія, къ которымъ тоже, по всему вѣроятію, прибѣгаетъ, способенъ на всякую мѣру для достиженія своей цѣли, даже еслибы пришлось подвергнуть гибели самый престолъ своего государя.

Принявъ во вниманіе все вышеописанное, необходимо согласиться, что мѣра была переполнена, и что дивиться слѣдовало не отправленію чрезвычайнаго посла, а скорѣе терпѣнію Русскаго правительства и въ особенности тому, что, пребывая на пути законности, оно, вслѣдъ за неудачею въ переговорахъ, тотчасъ же не отправило своего флота въ Константинополь.

И все-таки появленіе князя Менщикова въ Константинополѣ не представляло собою чего либо необычайнаго. Оно вполнѣ соотвѣтствовало настоятельному требованію обстоятельствъ и было гораздо понятнѣе, нежели посылка графа Лейнингена, пріѣхавшаго нѣсколько времени прежде, отъ имени Австріи, предписать Портѣ рѣшительныя условія, которымъ она и подчинилась безъ всякаго возраженія.

Послѣ этого вовсе не важно, ѣздилъ ли посолъ къ министру въ парадной одеждѣ или *въ пальто*, о чемъ недавно еще и съ

особенною настойчивостью повторялъ достопочтенный издатель Вѣнскаго Лойда. Во всякомъ случаѣ позволительно думать, что Европейскія дѣла немного пострадали отъ того.

Что касается до второго періода Восточнаго вопроса, мы не станемъ разсматривать требованія, которыя предъявлялъ князь Меншиковъ до подачи Портѣ ультиматума и еще менѣе разбирать дипломатическія сплетни по поводу этихъ требованій. Ультиматумъ содержится въ нотѣ, которую мы приведемъ вполнѣ. Посолъ отступился отъ первоначальныхъ своихъ настояній, которыя сочтены и въ особенности оглашены были для легковѣрной публики какъ настоянія *неслыханныя и превосходящія всякую мѣру*. Онъ сократилъ и выразилъ желанія своего правительства въ проэктѣ ноты и представилъ его министерству къ подписанію. Стало быть, только этотъ проэктъ и долженъ быть принимаемъ въ соображеніе, и на основаніи его слѣдуетъ оцѣнивать то, что произошло; все же прочее принадлежитъ къ предварительнымъ переговорамъ. Въ угоду нашимъ хулителямъ согласимся, пожалуй, что условія, сначала предъявленныя нами Туркамъ, были, можетъ быть, чрезмѣрны; это произошло изъ желанія имѣть больше простору, чтобы было потомъ изъ чего уступать и входить въ соглашеніе. Подобная предосторожность дозволительна и даже нужна съ людьми, съ которыми велось дѣло: Турки всегда готовы проволачивать и торговаться. Ни умъ восточный, ни восточный синтаксисъ не освоиваются съ простотою рѣчи и пріемовъ. Имъ всегда нужны усложненія.

Приведемъ буквально ноту, которую князь Меншиковъ предложилъ подписать Турецкому министерству: „Высокая Порта, „разсмотрѣвъ самымъ внимательнымъ и основательнымъ обра„зомъ требованія, составляющія предметъ посольства, поручен„наго послу Россіи князю Меншикову и поднеся выводъ сдѣ„ланный изъ этого разсмотрѣнія его величеству султану, счи„тастъ настоятельнымъ долгомъ своимъ заявить настоящею но„тою его сіятельству послу объ императорскомъ рѣшеніи, со„стоявшемся по сему поводу въ высочайшемъ *ираде* отъ.... „(числа по мусульманскому и христіанскому лѣтосчисленію). Его „величество султанъ желаетъ преподать своему августѣйшему

„союзнику и другу Императору Россійскому новое свидѣтель-
„ство своей искреннѣйшей дружбы и своего усерднаго желанія
„сохранить старинныя отношенія добраго сосѣдства и совер-
„шеннаго согласія, существующія между обоими государствами,
„и въ тоже время, питая полную вѣру въ постоянно благосклон-
„ныя намѣренія его императорскаго величества относительно
„цѣлости и независимости Оттоманской имперіи, благоволилъ
„основательно обсудить и оцѣнить искреннія и откровенныя
„представленія, заявленныя чрезъ посредство Россійскаго посла
„въ пользу восточной православной вѣры, которую исповѣдуетъ
„его августѣйшій союзникъ, равно какъ и большинство поддан-
„ныхъ обоихъ государствъ. Вслѣдствіе этого нижеподписавшемуся
„приказано настоящею нотою торжественнѣйше завѣрить импе-
„раторское Россійское правительство, представителемъ котораго
„при его величествѣ султанѣ состоитъ его сіятельство князь
„Меншиковъ, что его величество султанъ неизмѣнно держится
„попечительнаго великодушія и вѣротерпимости относительно
„безопасности и благоденствія духовенства, церквей и духов-
„ныхъ учрежденій восточнаго христіанскаго исповѣданія въ его
„владѣніяхъ".

„Дабы точнѣе опредѣлить сіе завѣреніе, формально выра-
„зить главные предметы сего высокаго попеченія, подкрѣпить,
„согласно требованіямъ времени, дополнительными поясненіями
„смыслъ статей, которыя въ прежде заключенныхъ между двумя
„державами договорахъ относятся къ вопросамъ вѣроисповѣда-
„нія и, наконецъ, навсегда предотвратить малѣйшее недоразу-
„мѣніе и несогласіе между двумя правительствами по сему
„предмету, нижеподписавшійся уполномоченъ султаномъ объя-
вить нижеслѣдующее:

1-е. „Восточное православное исповѣданіе, его духовенство,
„его церкви и владѣнія, равно какъ и духовныя учрежденія,
„будутъ впередъ, подъ покровительствомъ его величества сул-
„тана, пользоваться, безъ всякаго нарушенія, правами и при-
„влегіями, которыя они имѣютъ издавна (ab antiquo) или ко-
„торыя въ разныя времена были имъ дарованы императорскою
„милостью и, въ силу высокой справедливости, примутъ участіе

„въ правахъ, предоставленныхъ другимъ христіанскимъ обря„дамъ, равно какъ иностраннымъ посольствамъ, состоящимъ при „Блистательной Портѣ, по конвенціи или по отдѣльному распо„ряженію".

2-е. „Его величество султанъ признаетъ нужнымъ и спра„ведливымъ укрѣпить и разъяснить свой государскій фирманъ, „снабженный хатти-гумаюномъ отъ 15 луны Ребіусъ-Акира 1268 „(16 февраля 1852) государскимъ фирманомъ и сверхъ того „другимъ фирманомъ разрѣшить починку купола на храмѣ Свя„таго Гроба. Эти два фирмана будутъ буквально выполнены и „вѣрно соблюдаемы, дабы навсегда сохранить настоящее со„стояніе (statu quo) святынь, находящихся во владѣніи исключи„тельно у Грековъ или совмѣстно съ другими исповѣданіями".

„Разумѣется, что это обѣщаніе равно простирается и на со„храненіе всѣхъ правъ и льготъ, которыми пользуется издавна „(ab antiquo) православная церковь и ея духовенство, какъ въ „городѣ Іерусалимѣ, такъ и внѣ его, безъ всякаго предосужде„нія для другихъ христіанскихъ общинъ".

3-е. „Если потребуетъ императорскій Россійскій дворъ, то „назначено будетъ приличное мѣсто въ городѣ Іерусалимѣ или „окрестностяхъ для построенія церкви, въ которой Русскія ду„ховныя лица могли бы совершать божественную службу, и для „странно-пріимнаго дома, въ которомъ могли бы жить бѣдные „или больные богомольцы. Эти заведенія будутъ находиться подъ „исключительнымъ надзоромъ Россійскаго генеральнаго консуль„ства въ Сиріи и Палестинѣ".

4-е. „Издадутся фирманы и необходимые указы подлежащимъ „лицамъ и Греческимъ патріархамъ для исполненія сихъ государ„скихъ рѣшеній, и затѣмъ опредѣлятся подробности, опущен„ныя какъ въ фирманахъ касательно Святыхъ Іерусалимскихъ „Мѣстъ, такъ и въ настоящей нотѣ".

Такова во всей полнотѣ и наготѣ совокупность *чрезмѣрных и чудовищных требованій*, предъявленныхъ *съ неслыханною дерзостью* Русскимъ правительствомъ правительству Турецкому. Спрашиваю, есть ли возможность усматривать въ этихъ строкахъ, не говорю *настоящее протекторство*, но даже и тѣнь

протекторства, присвояемаго Россіею, въ ущербъ султанскихъ правъ и въ противность прежнимъ договорамъ? Возможно ли утверждать, что если бы Турецкое министерство подписало эту ноту, то погибла бы независимость и цѣлость Турціи, потрясено было бы въ глубинѣ своей, однимъ почеркомъ пера, все общественное и политическое зданіе и самая основа, на которой оно зиждется.

Обратите вниманіе на умѣренность и приличіе выраженій, употребленныхъ посломъ для того, чтобы не раздражить и не обидѣть Высокую Порту. Не говорится, что султанъ формально принимаетъ на себя передъ Россіею обязательство сдѣлать то и то, испрашивается только *торжественнѣйшаго завѣренія*, т. е. употреблена обыкновенная вѣжливая фраза въ родѣ того, какъ въ письмахъ подписываются *вашимъ покорнѣйшимъ слугою*, изъ чего никому не придетъ въ голову заключать, что тотъ, къ кому писано, есть вашъ господинъ, а вы почитаете себя состоящимъ у него въ услуженіи.

Это завѣреніе испрашивается, чтобы, *наконецъ, навсегда предотвратить малѣйшее недоразумѣніе и несогласіе между двумя правительствами*, и напрасно было бы видѣть тутъ требованіе политическихъ или гражданскихъ правъ для православнаго населенія подъ ручательствомъ Россіи или иначе. Говорится только *о православномъ восточномъ исповѣданіи, объ его духовенствѣ, церквахъ и владѣніяхъ, равно какъ и о духовныхъ учрежденіяхъ*. Тутъ нѣтъ никакого повода къ возраженію со стороны Европы и въ особенности со стороны вѣротерпимой Англіи и ея министерства, которое такъ давно ведетъ пренія въ пользу терпимости и допущенія Евреевъ, а особенно богатыхъ, къ засѣданіямъ въ парламентѣ.

Требуется, чтобъ православная восточная вѣра, безъ всякаго посягательства, *подъ защитою его величества султана* (замѣтьте, о надворѣ Русскаго министра не говорится) пользовалась напередъ льготами и правами, которыя ей обезпечены издавна или которыя въ разныя времена были ей дарованы императорскою милостью. Требуется сверхъ того, чтобы въ силу высокой справедливости, вѣра, духовенство, церковныя учрежденія, соуча-

ствовали отнынѣ въ выгодахъ, предоставленныхъ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, какъ и акредитованнымъ при Высокой Портѣ иностраннымъ посольствамъ, конвенціею или особымъ распоряженіемъ. Какъ бы далеко ни простиралось честолюбіе Россіи, все таки *это торжественное завѣреніе* никакъ не можетъ дать ей право, въ виду Европы, вмѣшиваться въ правительственныя и административныя дѣйствія Порты.

Нисколько не усиливается то вліяніе, которое она всегда имѣла въ Турціи въ пользу своихъ единовѣрцевъ, и которое, какъ мы уже замѣтили, пріобрѣтено ею великими пожертвованіями и цѣною ея лучшей крови. Всякое Европейское правительство, какъ бы оно ни было слабо у себя, все таки охраняетъ и защищаетъ своихъ подданныхъ и людей, находящихся подъ его покровительствомъ въ этой странѣ, которая, что́ бы ни говорили, находится, и по справедливости, внѣ Европейскаго публичнаго права: ибо для христіанской Европы было бы противоестественно оставлять милліоны собратьевъ на произволъ власти, которая не можетъ и не хочетъ брататься съ христіанами и видитъ въ нихъ только людей побѣжденныхъ, обязанныхъ повиноваться волѣ побѣдителя.

Въ этомъ смыслѣ христіанская Европа обязана держать Турцію въ нѣкотораго рода опекѣ. Это ея право, ея долгъ. Такъ будетъ и такъ должно быть всегда до тѣхъ поръ, пока Турція не приметъ христіанства, или Европа не сдѣлается вѣроотступницею, подобно нѣкоторымъ блуднымъ сынамъ своимъ, которые къ стыду нашего вѣка, служатъ Исламу своими познаніями, силами и совѣстью. Европа должна заботиться о христіанахъ вообще, попеченіе же исключительно о христіанахъ Греческаго исповѣданія подобаетъ Россіи. Этого святого дѣла и этой тяжелой задачи не могутъ присвоить себѣ ни Римское католичество, ни протестанство. Въ этомъ отношеніи ни Англія, ни Франція, ни Пруссія, ни Австрія, не могутъ по совѣсти замѣнить собою Россію.

Какъ ни переворачивай ноту князя Менщикова, изъ нея не извлечешь того смысла, который ей придается отъявленною недобросовѣстностью или безпримѣрнымъ неразумѣніемъ. Мнѣ

извѣстно изрѣченіе: „Дайте мнѣ написанную строчку, и я отыщу поводъ къ тому, чтобы осудить на висѣлицу писавшаго.“ Если держаться подобной логики и справедливости, то, пожалуй, въ Менщиковской нотѣ можно прочесть между строкъ намѣреніе Русскаго императора когда нибудь обратиться къ султану съ такими словами: „Сдѣлайте одолженіе, пустите меня на свое мѣсто.“ Но, разъ допустивъ возможность такихъ толкованій, придется отказаться отъ всякаго письменнаго соглашенія между частными людьми и правительствами. Во всякомъ случаѣ, мѣсто очистится не изъ за листа бумаги, и судьба имперій рѣшается не дипломатическими нотами, а войною. И если хотятъ войны, всегда легко сыскать предлогъ къ ея объявленію. Вѣдь Англія и Франція объявили же намъ ее подъ предлогомъ, если не ошибаюсь, Синопскаго бѣдствія; ибо въ ихъ манифестѣ о войнѣ довольно трудно разобрать, изъ за чего именно объявлена она.

Наши противники замѣчаютъ, что Русскія требованія были невыносимы; потому, что они относились не къ какимъ нибудь тысячамъ, а къ милліонамъ людей. Какое оскорбленіе здравому смыслу и всѣмъ понятіямъ о нравственности и человѣколюбіи. Прискорбно думать, что христіанскія и образованныя правительства рѣшились на столь постыдное заявленіе. Лордъ Кларендонъ писалъ лорду Страдфорду: „Предполагать возможнымъ, чтобы распространены были на многіе милліоны Турецкихъ подданныхъ тѣ церковныя привилегіи (замѣтьте церковныя, а не политическія), которыя, въ разныя времена, даны подданнымъ другихъ державъ, живущихъ въ Турецкихъ владѣніяхъ, есть просто нелѣпость.“ Да будетъ намъ позволено сказать, что *нелѣпо* и отвратительно во всемъ этомъ находить нелѣпымъ подобное попеченіе о христіанахъ со стороны единовѣрной державы. Итакъ, позволительно сострадать малому числу несчастныхъ, и невозможно, когда число ихъ очень велико? Тѣмъ хуже для Грековъ,— разсуждаетъ филантропическая Англійская политика,—они сами виноваты, что представляютъ собою цифру слишкомъ значительную. Они должны, по необходимости, терпѣть и не имѣютъ никакого права на церковныя льготы, которыми пользуются Римскіе католики и протестанты, благоразумно составляющіе

собою лишь слабое меньшинство. Этимъ, впрочемъ, превосходно объясняется бѣдственное и унизительное состояніе, въ которомъ Англійское правительство держитъ Ирландію *). Оно, вѣроятно, находитъ также, что Ирландцевъ слишкомъ много и что поэтому нельзя себѣ позволить въ отношеніи къ нимъ справедливости и великодушія.

Безполезно разбирать, въ какой мѣрѣ были приняты и допущены Турціею и западными державами прочія статьи Меншиковской ноты.

Турецкое правительство отказалось подписать эту ноту, послѣ чего посолъ уѣхалъ и произошелъ разрывъ дипломатическихъ сношеній между двумя кабинетами. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было занятіе Дунайскихъ княжествъ, вызванное, впрочемъ, и движеніемъ союзныхъ эскадръ. Мы нѣсколько разъ заявляли Портѣ, что, въ случаѣ ея упорства и несогласія дать Россіи единственное удовлетвореніе, котораго у нея просятъ и котораго умѣренность нами изложена, княжества могутъ быть заняты Русскими войсками. Россія дѣйствовала открыто, и занятіе это, разумѣется, было дѣйствіемъ крупнымъ и значительнымъ; но во всякомъ случаѣ оно не имѣло характера нежданности и поступка насильственнаго. Оно не служило началомъ войны, не было даже объявленіемъ войны, благодаря исключительному положенію и условіямъ этихъ княжествъ, которыя до такой степени не принадлежатъ Турціи, что по трактатамъ она не имѣетъ права держать въ нихъ гарнизоны, и Туркамъ запрещено въ нихъ жить, развѣ по какой либо частной надобности и съ особеннаго дозволенія и покровительственнаго вѣдома Россіи. Самостоятельное и вполнѣ независимое отъ Порты управленіе этихъ княжествъ признано султаномъ. Благодаря Русскому покровительству, формально утвержденному трактатами, они пользуются старинными правами и льготами и достигли такого благоденствія, что имъ завидуютъ другія области, находящіяся подъ мусульманскою властью. Это возстановленіе порядковъ, которые существовали три столѣтія назадъ, и

*) Авторъ по матери своей, Евгеніи Ивановнѣ Д'Орельи, происхожденія Ирландскаго. *П. Б.*

которымъ для полной независимости недоставало лишь двухъ условій: упраздненія подати, платимой Портѣ, и наслѣдственности господарей,—было дѣломъ Россіи. Она совершила его постепенно, тяжкою борьбою и великими жертвами. Не пустыми словами, не разглагольствованіями политической идеологіи старалась она улучшить положеніе Турецкихъ христіанъ, но своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ. Дипломатическими каверзами людей которыхъ западная Европа посылаетъ къ Высокой Портѣ въ качествѣ своихъ представителей, происками неудачниковъ революціи, пріѣзжавшихъ въ Турцію возобновлять свои затѣи и поправлять дѣла свои, подкопано это благоденствіе, распространенъ духъ недовѣрія и распри, смущены умы, и вперено убѣжденіе, будто гражданственность невозможна безъ мятежа. Во всякомъ случаѣ, исторически и политически неопровержимо, что Дунайскія княжества не принадлежатъ къ коренному составу Оттоманской имперіи, и слѣдовательно временное занятіе ихъ не можетъ считаться прямымъ посягательствомъ на цѣлость этой имперіи.

Если принять въ соображеніе все вышесказанное, то занятіе Дунайскихъ княжествъ представляется далеко не съ тѣмъ значеніемъ насильственнаго вторженія, какое оно могло бы имѣть при другихъ обстоятельствахъ. Конечно, Русскія войска выступили изъ предѣловъ Россіи, но они вступили въ землю не-Турецкую. По крайней мѣрѣ, это понимать и толковать можно было розно, что доказывается тѣмъ, что сначала ни Турція, ни ея друзья не считали этого занятія за событіе, неминуемо влекущее за собою войну. Лишь гораздо позже заговорили они иначе, предъявляя жалобы свои заднимъ числомъ. Стало быть, Россіи не для чего было придавать этой условной и временной мѣрѣ значеніе болѣе важное и болѣе враждебное, нежели какъ понималась она ея противниками. Если сіи послѣдніе не видѣли тутъ рѣшительнаго военнаго дѣйствія, тѣмъ позволительнѣе было Россіи думать также. То, что̀ по латыни не значило casus belli, то̀ впослѣдствіи во Французскомъ и Англійскомъ переводѣ оказалось un cas de guerre, Впрочемъ. Русское правительство, принявъ эту мѣру, вполнѣ сознавало, что̀ оно сдѣлало и

что сдѣлаетъ. Оно вовсе не хотѣло овладѣть этими землями; оно заявило о томъ, и сильное законностью своихъ намѣреній и памятью о своихъ дѣйствіяхъ въ 1828 году, оно могло пренебрегать воплями газетъ и лицемѣрною подозрительностью кабинетовъ. Но скоро вопросъ перемѣнилъ свой видъ и перешелъ на другую почву: изъ Русско-Турецкаго онъ сдѣлался Европейскимъ, и обсуждать его стали въ Вѣнѣ.

Такъ какъ относительно ноты князя Меншикова, отстранившей всѣ предварительныя негоціаціи и контръ-негоціаціи, которыя слѣдовали одна за другою, перекрещивали и отрицали одна другую въ долгихъ и томительныхъ Вѣнскихъ совѣщаніяхъ. Перейдемъ прямо къ нотѣ 31-го Іюля 1853 года: въ ней окончательно сосредоточена и выражена послѣдняя мысль, верховное fiat lux которое должно было, наконецъ, проявиться изъ хаоса совѣщаній. Не станемъ никого винить, повѣримъ добросовѣстности и благожелательству всѣхъ вообще и каждаго въ частности. Допустимъ даже, что, при данныхъ обстоятельствахъ, лучше и мудрѣе этой ноты ничего нельзя было произвести. Предложенная Русскому Государю, она охотно принята имъ и, конечно, не потому что представляла ему явныя выгоды относительно предмета распри, но потому что Государь желалъ, даже цѣною нѣкотораго пожертвованія, покончить вопросъ, починъ котораго хотя и принадлежалъ ему, но усложненія огорчали его болѣе, чѣмъ кого либо другаго; предупредить же и отвратить эти усложненія состояло не въ его власти.

Нота эта задумана и составлена въ духѣ особливой заботливости о Турціи, съ цѣлью отклонить малѣйшее посягательство не только на ея выгоды, но и на самолюбіе ея. Тѣмъ не менѣе она отвергнута была Султаномъ.

Это разслабленное правительство, неспособное ни къ какому самостоятельному дѣйствію, всегда нуждающееся въ руководствѣ, не умѣющее ни ступить шага безъ поддержки, ни произнести слова безъ суфлера, это правительство внезапно видоизмѣняется, заявляетъ свободу дѣйствій, отказывается отъ опеки и отвергаетъ все ею сдѣланное отъ его имени и для его

пользы. Какъ объяснить это странное и неожиданное явленіе? Во всемъ томъ, что предшествовало этому внезапному рѣшенію, во всемъ ходѣ видимыхъ событій, главнѣйшія черты которыхъ нами указаны, не найдемъ разрѣшенія этой загадкѣ. Разгадку надобно искать въ томъ, что́, въ первыхъ строкахъ этого письма, назвали мы околичностями, *наростами* Русско-Турецкаго вопроса, въ образованіи которыхъ Россія не участвовала, которыя возникли помимо нея, вопреки ей, и которыя возникали съ явнымъ намѣреніемъ ей поперечить и повредить. На нихъ надо обратить все наше вниманіе. Станемъ пересматривать ихъ:

1-е. Вмѣшательство (сначала, можетъ быть, миролюбивое и услужливое, но во всякомъ случаѣ непрошенное и неблаговременное) западныхъ державъ въ распрю исключительно международную и касавшуюся только двухъ государствъ. Это притязаніе разсудить, а потомъ принять участіе въ чужомъ дѣлѣ вовсе не вызывалось важностью завязавшейся распри. Благодаря только этому притязанію, вопросъ, имѣвшій значеніе пока онъ оставался въ предѣлахъ своихъ, вопроса вполнѣ мѣстнаго, получилъ исполинскіе размѣры вопроса Европейскаго и важность чрезвычайную. Мнѣ хочется вѣрить, что въ началѣ со стороны западныхъ державъ болѣе было увлеченія и недальновидности, нежели недобросовѣстности, но послѣ перваго неправильнаго шага пришлось поневолѣ идти путями непрямыми, чтобы оправдать себя.

2-е. Повѣстка, посланная Англійскимъ повѣреннымъ Англійскому флоту, чтобы онъ подошелъ ближе. Хотя она на ту пору осталась безъ послѣдствій, но естественно должна была возбудить въ Русскомъ правительствѣ опасенія и заботу, которыя слишкомъ скоро и оправдались нарочнымъ отправленіемъ Французской эскадры въ Левантъ, затѣмъ появленіемъ Англо-Французскаго флота въ Безикскомъ заливѣ, у входа въ Дарданеллы. Кто сколько нибудь знаетъ Турокъ и правительство ихъ, тому безполезно разъяснять важность и значеніе этой морской демонстраціи: война сдѣлалась неотвратимою, неизбѣжною. Упрямые и высокомѣрные до самыхъ крайнихъ предѣловъ нелѣпости, Турки увидали себѣ поддержку въ союз-

номъ флотѣ. Въ тоже время это была угроза, вызовъ Россіи, послѣ котораго она уже лишилась возможности хотя бы одинъ шагъ отступить изъ занятаго положенія и выкинуть хотя бы одно слова изъ своихъ предложеній.—Повторимъ еще разъ: съ этой минуты оказывать Портѣ великодушіе сдѣлалось для Россіи болѣе невозможнымъ; она должна была показать, что угроза Англіи и Франціи на нее не дѣйствуетъ. Пришлось имѣть дѣло не съ одною Турціею, а съ двумя сильными державами. Объ эти державы имѣютъ, видно, очень странное понятіе о народномъ и правительственномъ достоинствѣ, если онѣ могли вообразить себѣ, что демонстрація ихъ миролюбива и пригодна къ разъясненію вопроса.

Турція очутилась въ положеніи наиболѣе выгодномъ. Къ ея услугамъ явился союзный флотъ. Кромѣ того, она обнадежена была убѣжденіемъ, что Русскія войска останутся въ княжествахъ и не вступятъ въ ея предѣлы, такъ какъ Русскій Государь заявилъ, что онъ ограничится оборонительными дѣйствіями, а Турецкое правительство хорошо знало, что Государево слово твердо. Знали это и западныя державы, на этомъ заявленіи строили свои разсчеты и напослѣдокъ злоупотребили имъ. Они всячески подзадоривали Турецкое министерство, и небезуспѣшно.

„Они теперь таковы—писалъ про Турецкихъ министровъ лордъ Редклифъ лорду Кларендону—что скорѣе надо опасаться ихъ отваги, нежели ихъ робости". Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ глазахъ Англійскаго правительства *робость Турецкаго министерства* являлась чѣмъ-то *опаснымъ* для такъ называемыхъ мирныхъ и согласительныхъ проэктовъ, которыми, повидимому, столь занятъ былъ Англійскій кабинетъ. Признаніе заслуживаетъ того, чтобы его не забыть. Но во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, отзывъ Англійскаго посла черезчуръ скроменъ. Чтобы заявить о своей умѣлости, онъ могъ и долженъ былъ сказать: „мнѣ удалось до того возбудить и раззадорить Турецкихъ министровъ, что опасаться робости съ ихъ стороны уже нечего, и, слѣдовательно, Англійское министерство достигло своей цѣли и можетъ объ этомъ не заботиться". Что

касается до *отваги* Турецкаго министерства, она пребывала въ распоряженіи посла: стоило ему сказать слово, чтобы союзный флотъ отступилъ, и эта *опасная отвага* тотчасъ опадала до своего естественнаго уровня, то есть до земли.

3-е. Къ числу околичностей, усложнившихъ и запутавшихъ Русско-турецкій вопросъ, главнѣйше принадлежатъ Вѣнскія конференціи. Бываютъ слова, отъ которыхъ не жди добра. Коль скоро заговорятъ объ *Европейскомъ концертѣ или соглашеніи*, будьте увѣрены, что находитесь наканунѣ какой-нибудь великой политической смуты. Дѣло просто. По нуждѣ, дѣло еще выгораетъ, когда его ведутъ два лица; лучше, когда дѣйствуетъ одно лицо; но когда за него примутся четверо или пятеро, навѣрное пиши: пропало! Кто-то причислялъ любительскіе концерты къ числу бѣдствій человѣчества; не увлекаемся желаніемъ сказать плохой каламбуръ, а право можно бы назвать Европейскій концертъ, состоявшійся въ Вѣнѣ, концертомъ любительскимъ. Ни одна изъ державъ, принявшихъ въ немъ участіе, въ сущности не обязывалась къ тому никакою настоятельною необходимостью; двѣ не должны были являться на засѣданія, такъ какъ одна изъ тягавшихся сторонъ не признавала за ними права обсужденія. Двумъ другимъ не слѣдовало бы участвовать изъ высшаго приличія, такъ какъ не могли же онѣ не чувствовать, что подпадутъ давленію двухъ первыхъ. Теперь онѣ и наказаны за свою непредусмотрительность. Предупреждать и устранять было ихъ обязанностію и выгодою, а они ничего не могли сдѣлать въ этомъ отношеніи. Одинъ шагъ въ одномъ направленіи, другой непремѣнно въ противномъ. Это можетъ быть очень искусно, но это не честно. На повѣрку вышло, что они на буксирѣ двухъ союзныхъ державъ, и барыша не предстоитъ имъ никакого, а ущербъ всяческій, въ силѣ, въ достоинствѣ, въ политическомъ значеніи,—чѣмъ бы ни разыгрались нынѣшнія событія. Словомъ, зрѣлище вышло безпримѣрно-плачевное. Дипломатія проявилась тутъ во всей своей гордыни и блескѣ, но и во всей своей неспособности къ рѣшенію важныхъ дѣлъ. Бумаги, подписанныя на этихъ конференціяхъ, отличаются дѣятельною и разсчетливою заботливостью

о томъ, какъ бы не оскорбить Порту и замѣчательно безстрастнымъ отношеніемъ къ чести и выгодѣ Россіи. Столь явное предрасположеніе, кромѣ дипломатическаго шушуканья, было понято Турецкимъ министерствомъ. Въ Константинополѣ имѣло оно за себя союзный флотъ, въ Вѣнѣ усердныхъ адвокатовъ. Русское же правительство и тамъ, и тутъ являлось только съ своимъ твердымъ правомъ, которое у него оспаривали. Порта и не позадумалась отвергнуть ноту, составленную западными державами. Прежде всего, въ ея глазахъ, вмѣсто четырехъ державъ являлись только двѣ, и съ волею этихъ двухъ она сообразовала свои дѣйствія. Онѣ же все время, пока длились переговоры, играли двойную роль Януса, съ мирнымъ лицемъ въ сторону Россіи, и съ воинственнымъ въ сторону Турціи, и чѣмъ миролюбивѣе была одна сторона, тѣмъ воинственнѣе другая. Поэтому Турецкое министерство является съ предложеніемъ замѣнить Вѣнскую ноту нотою, изготовленною въ Константинополѣ. Вѣнскіе миротворцы, вѣроятно чтобы скорѣе достигнуть цѣли, имѣли въ Константинополѣ особыхъ заправителей, которые, по ихъ волѣ, передѣлывали то, что̀ имъ присылалось изъ Вѣны. Въ новой нотѣ устранены и малѣйшія уступки, сдѣланныя въ пользу Россіи, которая, конечно, въ свою очередь отвергла ее. Весь міръ ждалъ, чѣмъ это кончится. Если бы западныя державы дѣйствительно хотѣли возстановить спокойствіе *Вѣнскимъ способомъ* (какъ выразился графъ Нессельроде), то само собою разумѣется, что имъ слѣдовало настаивать у Порты, чтобы она безъ всякихъ оговоровъ приняла Вѣнскую ноту, объявивъ, что если она не удовольствуется тѣмъ, что̀ выговорено въ ея пользу, то пусть болѣе не разсчитываетъ на ихъ поддержку, а вѣдается и мирится съ Россіею одна. Дать дѣлу это направленіе было тѣмъ легче, что въ согласіи Турціи не могло быть сомнѣнія: Турецкое правительство, какъ и всякое правительство, неуступчиво до тѣхъ поръ, пока убѣждено, что въ минуту опасности его поддержатъ; въ концѣ концевъ она непремѣнно сдается, какъ скоро предоставлено самому себѣ. Но дипломатія продолжала играть свою двойную игру: относительно Турціи она ограничилась голословными увѣща-

ніями, а къ Россіи обратилась съ настойчивымъ предложеніемъ принять Турецкую ноту. Она была увѣрена въ Русскомъ отказѣ; но это ей было все равно, или вѣрнѣе отказъ былъ ей нуженъ, чтобы продлить комедію и довести дѣло къ предположенной развязкѣ.

Позднѣе, для объясненія и оправданія снисходительности по отношенію къ Турціи, Европейская дипломатія придралась къ депешѣ графа Нессельроде, въ которой откровенно и честно разъяснены причины, недозволившія нашему правительству согласиться на видоизмѣненія, сдѣланныя Турецкимъ министерствомъ, тѣмъ болѣе, что и первая нота была принята безъ всякихъ возраженій только потому, что мы желали доказать союзникамъ нашу уступчивость. Коль скоро Турція видоизмѣнила ее, то и Россія тѣмъ самымъ пріобрѣтала право сдѣлать заднимъ числомъ нѣкоторыя замѣчанія на нее. Не надо впрочемъ забывать, что прежде всего эту ноту поисправили въ Парижѣ и Лондонѣ, „въ видахъ миролюбія и изъ желанію скорѣе достигнуть окончательнаго рѣшенія“, на что Россія не возразила. Русская депеша съ полнѣйшею точностью излагаетъ весь ходъ дѣла и показываетъ невозможность принять Турецкія измѣненія, благодаря которымъ, даже и то что̀ осталось въ нотѣ послѣ ея исправленія, лишается всякаго значенія и всякаго смысла.

Впрочемъ депеша эта, какъ сказано въ Русскомъ меморандумѣ 19-го Февраля (3 Марта) не назначалась къ оглашенію и разослана была къ нашимъ министрамъ лишь довѣрительно; кто злоупотребилъ довѣріемъ и разгласилъ ее, о̀сталось неразъясненнымъ. Иностранная дипломатія поспѣшно ухватилась за нее. Доселѣ столь дѣятельная, дипломатія эта, подобно Ахиллесу, на время удалилась къ себѣ въ палатку, но не замедлила появиться снова, въ оружіи съ ногъ до головы и болѣе чѣмъ когда-либо задорная. Разгадка въ томъ, что эта депеша доставила ей заднимъ числомъ возможность оправдаться въ своемъ пристрастіи къ Туркамъ. Словомъ сказать, минута наступила, и Турція объявила войну, чѣмъ довершились и увѣнчались всѣ эти миротворныя и согласительныя каверзы мор-

скихъ державъ. Въ упомянутомъ нами Русскомъ меморандумѣ съ поразительною истиною выставлено, какъ необходимо было это объявленіе войны со стороны Турціи, *дабы законно оправдать призывъ цѣлыхъ эскадръ въ Мраморное море и продолжительное ихъ пребываніе тамъ*. Далѣе указывается на сцѣпленіе неотвратимыхъ необходимостей. „Такъ какъ флоты находились въ Безикской бухтѣ, то необходимо было, чтобы они двинулись къ Константинополю. Появленіемъ ихъ въ Константинополѣ вызывалась необходимость, чтобы намъ была объявлена война, и тажа роковая сила, которая направила флоты къ Босфору, неудержимо повлекла ихъ къ намъ въ Черное море".

Чтобы лучше оцѣнить, какъ справедливо это объясненіе, припомнимъ, что время года было уже позднее, и зимовать въ Безикской бухтѣ союзныя эскадры рѣшительно не могли.

Всѣ дальнѣйшія событія являются неотвратимымъ послѣдствіемъ объявленія войны со стороны Турціи. Мы продолжали оставаться въ оборонительномъ положеніи, такъ какъ Государь заявилъ, что не пойдетъ за Дунай, и желаетъ ограничить свои дѣйствія извѣстными предѣлами, пока его не вынудятъ переступить ихъ. Но вотъ Турція, не столько по собственной волѣ, сколько по внушенію злыхъ своихъ геніевъ *) начинаетъ нападать на насъ въ Европѣ и въ Азіи, на сушѣ и на морѣ.

Турецкое объявленіе войны служило предисловіемъ къ объявленію ея со стороны Англіи и Франціи. Чтобы оправдать ее передъ Лондонскими и Парижскими *болтунами*, позволили себѣ *глупость и наглость* назначить *шестидневный* срокъ, въ теченіи котораго Россія должна была дать удостовѣреніе, что войска ея выдутъ изъ Дунайскихъ княжествъ; отказъ означалъ войну. Таже недобросовѣстность, тѣже пріемы къ уловленію общественнаго мнѣнія. Надо имѣть большой запасъ политическаго безстыдства, чтобы взять на себя и до конца выдержать подобную роль.

Цѣль нашего труда достигнута. Мы желали выставить на видъ,

*) Кто-то умно и вѣрно сказалъ про двухъ лицъ, Англичанина и Австрійца, играющихъ дѣятельную роль въ этой дипломатической смутѣ (всякій догадается, кто они): „Если одинъ—*геній зла*, то другой—*зло безъ генія* (si l'un est le génie du mal, l'autre est le mal sans génie).

что̀ было положительнаго и существеннаго въ Русско-турецкомъ вопросѣ и отдѣлить то что́ было прибавочнаго и нанесеннаго постороннимъ участіемъ. Положительная сторона принадлежитъ намъ, и за нее мы принимаемъ на себя относительную отвѣтственность. Выше показано, во сколько предѣлы ея были ограничены; она имѣла значеніе только для насъ, и притомъ единственно въ отношеніи нравственномъ и вѣроисповѣдномъ. Вещественное дѣло со стороны Россіи состояло лишь въ занятіи княжествъ, и мы указали на облегчающія обстоятельства этой вполнѣ условной и временной мѣры. Оно было лишь предостереженіемъ, не представляло собою чего либо небывалаго и оправдывается многократнымъ подобнымъ же отношеніемъ къ Турціи со стороны Франціи, Англіи и Австріи. Событія побочныя, остающіяся на отвѣтственности Западныхъ державъ, говорятъ сами за себя. Извѣстно, что послѣдствія не всегда прямо отвѣчаютъ почину, особливо когда направлять ихъ не во власти начинателя. Конечно, если бы князь Менщиковъ остался въ Россіи и не былъ посланъ въ Константинополь, то не произошло бы всѣхъ тѣхъ событій, которыхъ мы были и теперь еще остаемся свидѣтелями. Въ этомъ отношеніи намъ нельзя отклонить отъ себя доли отвѣтственности на насъ падающей; но въ бѣдствіяхъ, которыя проистекутъ отсюда, мы останемся неповинны. Человѣкъ подвергнется нападенію на большой дорогѣ, возникнетъ судебное разбирательство, и судьи сложатъ отвѣтственность на потерпѣвшаго, такъ какъ, если бы онъ оставался дома, то никто бы и не напалъ на него. Не лучше этаго оправдывали Европейскіе кабинеты дипломатическое и военное нападеніе на Россію. „Зачѣмъ князь Менщиковъ ѣздилъ вести переговоры въ Константинополь, да еще въ пальто? говорятъ намъ Парижскій и Лондонскій кабинеты. Не прогнѣвайтесь послѣ этаго, если мы пошлемъ войска наши въ Россію и постараемся потащить за собою Европу“. Во всемъ случившемся Россія, хотя и заняла княжества, всегда стояла за сохраненіе мира, за цѣлость Турціи и Европейское равновѣсіе; а такъ называемыя посредствующія, покровительствующія и миротворныя державы, усложняя дѣло и стараясь втянуть въ него всю Европу, желали войны и все-

общаго потрясенія, чего и достигли своимъ насильственнымъ вмѣшательствомъ. Еще недавно Русскій кабинетъ, по привычной ему откровенной прямотѣ въ отзывахъ и поступкахъ (прямотѣ понятной, такъ какъ правительство Русское сосредоточено *въ человѣкѣ*) не усомнился преподать Англіи возможность огласить секретные, дипломатическіе документы, имѣвшіе болѣе или менѣе прямое отношеніе къ текущему вопросу. Документы эти возбудили любопытство въ дипломатическомъ мірѣ и чрезвычайно какъ взволновали его. Офиціальная и офиціозная печать нѣкоторое время вращалась вокругъ этихъ документовъ, такъ сказать нюхала и обнюхивала ихъ, точила на нихъ зубы въ надеждѣ сыскать пригодную пищу для своей страсти къ скандалу, но вскорѣ должна была покинуть свой трудъ, потому что укусить было не за что. Русскій Государь, какъ оказалось изъ этихъ документовъ, считалъ Турцію близкою къ распаденію и полагалъ нужнымъ, чтобы державы, выгоды которыхъ наиболѣе связаны съ ея судьбою, напередъ подумали, какъ быть въ случаѣ, если нельзя будетъ ни предотвратить, ни отсрочить ея погибель и, по словамъ его, *когда это событіе настанетъ, необходимѣе опредѣлить чего не будетъ сдѣлано, нежели знать, что будетъ сдѣлано.*

Въ первомъ отношеніи намѣренія Государя ясны. „Я не желаю, сказалъ онъ, постояннаго занятія Константинополя Русскими, равно какъ не желаю, чтобы Константинополь когда либо принадлежалъ Англичанамъ, Французамъ или иной великой державѣ“. Вызванная къ прямому отвѣту на эти сообщенія, Англія, по своему обыкновенію, прибѣгла къ околичностямъ и умолчаніямъ, дабы не связать себя отвѣтственностью въ будущемъ. Она отвѣчала, что „въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, кабинетъ королевы имѣетъ счастіе усматривать умѣренность и дружественное расположеніе Его Императорскаго Величества;“ онъ усматриваетъ, что Императоръ готовъ заодно съ королевою поддержать, „независимость и цѣлость Оттоманской имперіи;“ но чтобы предусмотрѣть заранѣе, что́ надо будетъ дѣлать, когда не окажется этой независимости и цѣлости, Англійскій кабинетъ слишкомъ къ тому чувствителенъ и не

можетъ затрогивать столь щекотливый вопросъ; „ему было бы слишкомъ тяжело дѣлать разсчетъ наслѣдію стариннаго друга и союзника". Словомъ сказать, медикъ, держащійся поговорки: *тѣмъ лучше*, и призванный на консультацію, находитъ, что больной не особенно труденъ, какъ о немъ думаютъ и что умирающій еще въ достаточныхъ силахъ. И все это съ единственной цѣлью не высказаться, не связывать себя на будущее время, имѣть возможность, когда пробьетъ часъ, половить въ мутной водѣ въ волю и ничѣмъ не стѣсняясь. Приписывать словамъ Русскаго Государя на счетъ опаснаго состоянія Турціи какую-нибудь тайную и личную цѣль, было бы явною нелѣпостью, и нельзя также сказать, что Государь одинъ и впервыя указалъ на распаденіе этой страны: уже двадцать лѣтъ какъ объ этомъ твердятъ въ одинъ голосъ парламентскія трибуны, министры, оппозиція, повременная печать. Сошлемся, между прочимъ, на статью въ *Таймсѣ* и въ *Конституціонелѣ*, которыя, прошедшею зимою, приглашали Европу, и въ особенности Англію, покончить съ этимъ трупомъ. Разница только въ томъ, что Россія хотѣла поступить открыто и законно, а другіе предпочитали дѣйствовать тайкомъ и изворотами. Если предвидѣнное давно паденіе еще не совершилось, если существованіе или, вѣрнѣе, агонія его еще продолжается, причиною тому не внутреннее устройство этаго государства, яко бы не совсѣмъ поддающееся разложенію, а искусственныя и въ тоже время насильственныя мѣры, поперемѣнно принимаемыя со стороны Европейскаго взаимнаго соперничества. Благодаря имъ, день похоронъ отсрочивается. Странно не знать этого и не соглашаться съ этимъ. Англія, въ настоящемъ случаѣ, только лукавствуетъ. Впрочемъ, держась принятаго сравненія, надо замѣтить, что симптомъ, по которому Россія почитаетъ Турцію умирающею находился въ Англійскихъ рукахъ, и все что́ Англія творила въ Турціи; неизбѣжно долженствовало ускорять полное ея разложеніе. Присоедините сюда присутствіе въ достаточномъ числѣ революціонеровъ, съѣхавшихся въ Турцію со всѣхъ концовъ свѣта, полное разстройство финансовъ и коренную рознь между людьми власть предержащими и народонаселеніемъ. При

первой бурѣ, всѣ эти элементы смуты могутъ разнести Оттоманскую имперію.

Относящіяся къ этому предмету слова Государя обнаруживаютъ собою великую предусмотрительность, высокую мудрость и несомнѣнную честность характера. Можно жалѣть, что эта честность ошиблась, обратившись съ прямою и откровенною рѣчью къ кабинету, неспособному оцѣнить ее. Должно также жалѣть, что собесѣдникъ, которому случай давалъ возможность выслушать эти откровенія, не въ состояніи былъ подняться до уровня бесѣды, слишкомъ привыкъ къ лицемѣрнымъ рѣчамъ своего правительства и по умственной немощи совершенно растерялся отъ того, что̀ ему говорили. Какъ всѣ люди, почитающіе себя тонкими и не выходящіе изъ посредственности, онъ самъ себя обманывалъ, и ему показалось, что Государь не можетъ говорить правдиво, потому что въ словахъ его слишкомъ много правды.

Въ чемъ же сущность словъ Государя? Онъ говоритъ положительно, что не желаетъ видѣть въ Турціи ни Русскаго, ни Европейскаго владѣнія, ни Византійской имперіи, ни Греческаго королевства, ни республики на манеръ Мадзини, и что кромѣ этихъ различныхъ сочетаній рѣшительно нечего предложить. Не явно ли, что Государь не желаетъ никакой перемѣны, и что для него лучше бы оставаться при томъ, что̀ существуетъ; и лишь на тотъ случай, когда это существующее погибнетъ, Европейскія державы должны предварительно сговориться—чему быть дальше.

Одинъ дипломатъ говорилъ, что „Европа (читай Англія) не можетъ дозволить Турціи ни слишкомъ дружиться съ Россіею, ни слишкомъ ссориться съ нею.“ Иначе сказать, Англія должна стараться, чтобы посредничество ея или двухъ и трехъ державъ, смотря по обстоятельствамъ, всегда было нужно въ сношеніяхъ между двумя великими сосѣдними державами. Вотъ сущность Англійской политики въ восточномъ вопросѣ.

Возвращаясь къ упомянутой бесѣдѣ, замѣтимъ, что въ концѣ концовъ для Россіи нѣтъ надобности что либо отрицать изъ того, что̀ тогда было сказано. Напротивъ, слѣдуетъ радо

ваться этому открытому выраженію мысли, которая лежитъ въ основѣ ея честной и предусмотрительной политики. Назовите это, если угодно, нескромностью; но такая нескромность даетъ понятіе о характерахъ и о положеніяхъ, и во всякомъ случаѣ къ такой нескромности способенъ только человѣкъ честный.

Чтобъ оцѣнить политическое дарованіе Англійскаго посланника, стоитъ прочитать его депешу отъ 19-го Января 1854 года. „Если миръ составляетъ предметъ и цѣль Русскаго правительства—пишетъ онъ—то оно, конечно, всячески старается обольстить общественное мнѣніе, такъ какъ идутъ вездѣ приготовленія къ этой великой войнѣ.“ Въ чемъ же состоятъ эти страшныя и угрожающія приготовленія, коими встревожился зоркій дипломатъ? Онъ вамъ скажетъ про нихъ и поразитъ ужасомъ Европу: „Мнѣ говорили о покупкѣ пятисотъ бочекъ селитры и о томъ, что покупаютъ свинецъ у купца, который запасся наибольшимъ количествомъ онаго“. Посмотрите, какъ лукаво это Русское правительство: говоритъ о желаніи сохранить миръ, а въ тоже время заботится, чтобы было изъ чего приготовить пороху и отлить пули. Ясно, что селитра и свинецъ ему нужны, чтобы громить цѣлый свѣтъ. Ничто не ускользаетъ отъ мудрости этого государственнаго человѣка. Шутки въ сторону: что̀ сказать о министрѣ, забавляющемъ свое правительство подобными донесеніями, и что̀ подумать о правительствѣ, которое, чтобы убѣдить своихъ подданныхъ въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ Россіи, оглашаетъ подобный вздоръ?

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Іюнь.

При настоящихъ обстоятельствахъ Россія уязвима только въ одномъ отношеніи, и этой уязвимости надо искать не въ Севастополѣ и не въ Кронштадтѣ; она—въ чувствѣ долга, одушевляющемъ императора Николая. Прямота его характера, его правилъ и намѣреній по необходимости отражается во всей его политикѣ, которою спекулируютъ какъ враги, такъ и друзья. Тѣ и другіе вѣрятъ его слову. Зная, что онъ сказалъ, они знаютъ, что онъ сдѣлаетъ; зная, чего онъ хочетъ, они знаютъ, что другаго онъ уже не захочетъ и станетъ преслѣдовать только ту цѣль, которую себѣ предположилъ и которая имъ заявлена во всеуслышаніе. Обнадеженные съ этой стороны, друзья и недруги имѣютъ всю возможность стакнуться и каверзничать. Они убѣждены, что въ отпоръ ихъ происканъ и каверзамъ Русская политика ничего не сдѣлаетъ. Россія выбрала себѣ правиломъ дѣйствовать правдиво и откровенно; противники ея предпочли дѣйствовать обманомъ. Отъ этого вопросы, выставленные и поднятые Русскимъ правительствомъ, не медленно обходятся и сбиваются движеніями Европейской дипломатіи. Съ самаго начала восточнаго кризиса, кабинетъ нашъ откровенно высказалъ, чего онъ считаетъ себя въ правѣ требовать и чего намѣренъ достигнуть. Онъ ни разу не покинулъ выбраннаго съ перваго раза направленія. Сколько отъ

него зависѣло, онъ не заходилъ впередъ и не уклонялся на пути окольные. Мы вооружались, но извлекли мечъ изъ ноженъ только тогда, какъ намъ объявили войну и прямо стали нападать на насъ. Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ обманъ съ самаго появленія своего на сценѣ. Начавшись, все равно въ Парижѣ или въ Лондонѣ, онъ перенесся въ Вѣну, велъ тамъ интригу и составилъ протоколы. Вскорѣ за тѣмъ видимъ его въ Дарданелахъ, откуда онъ переправился въ Босфоръ, изъ Босфора въ Черное море, съ Чернаго моря въ Балтійское, съ Балтійскаго въ Бѣлое. По дорогѣ и, вѣроятно, ради скуки онъ занялся морскимъ разбоемъ. Во имя торговой свободы и неприкосновенности онъ хваталъ купеческія суда и громилъ незащищенныя пристани; во имя гражданственности и народнаго права не пропускалъ случая грабить монастырь, давая тѣмъ знать христіанскому міру, что коль скоро Западъ сталъ подъ знамя Полумѣсяца, нужно же ему, хоть для очистки совѣсти, иной разъ посвятотатствовать. Пословица говоритъ: „хорошо тому лгать, кто приходитъ издалека“; глядя теперь на пространство, обойденное *легконогою* ложью, можно бы сказать: „хорошо тому ходить вдаль, кто не задумывается лгать“.

Русское же правительство, связавъ себя словомъ и передъ собою, и передъ Европою, по необходимости ограничило кругъ своихъ дѣйствій. Сохраненіе мира въ Европѣ было ему дорого, и оно хотѣло, чтобы, благодаря ему, театръ войны не раздвигался, а, напротивъ, съузился. Когда дѣла стали запутываться, ему легко было бы перенести войну въ другое мѣсто и поразить враговъ своихъ тамъ, гдѣ они не ждали. Въ Россіи люди государственные полагали, что надо идти на Вѣну и въ этомъ средоточіи всякой каверзы и политическаго вѣроломства разрубить Гордіевъ узелъ восточнаго вопроса. Перемѣна фронта была бы внезапностью, а чувство долга чуждается такой внезапности.

Послѣдняя депеша графа Нессельроде, обращенная къ Русскому посланнику въ Вѣнѣ отъ 17-го (29-го) Іюня 1854 года, неопровержимо излагаетъ и доказываетъ эту стойкость и неизмѣняемость въ направленіи Русской политики при всѣхъ

многократныхъ перепетіяхъ великой драмы, которую Англія и Франція, общими издержками, поставили на сцену. Сравните новый документъ со всѣми прежними депешами и циркулярами, выходившими изъ императорской канцеляріи, и вы встрѣтите тѣ же убѣжденія, совершенно тотъ же языкъ. Друэнъ де-Люисъ въ своей депешѣ барону Буркенею, отъ 22-го Іюля 1854 г., отвѣчая на депешу графа Нессельроде, повидимому, ставитъ въ упрекъ Русскому кабинету самую эту неизмѣнность намѣреній. „Я сдѣлаю возраженіе на первыя строки депеши графа Нессельроде—говоритъ онъ—лишь въ немногихъ словахъ. Россія не перестаетъ слагать на западныя державы отвѣтственность за тревогу, которую одна она причинила; она привязывается къ внѣшнему виду ихъ заявленія и въ ихъ поступкѣ, вызванномъ ея дѣйствіями, видитъ главнѣйшую причину войны". Мы, въ свою очередь, скажемъ: какъ и для чего Россія должна была перестать находить справедливымъ то, что было до сихъ поръ справедливо? Неужели Друэнъ де-Люисъ думаетъ, что позволительно быть тверду только въ обманѣ?

„Съ того дня какъ Русскія войска вторглись въ Дунайскія княжества (говоритъ депеша), миръ былъ нарушенъ, и самыя честныя, самыя терпѣливыя усилія не могли возстановить его".

Такое изложеніе, многократно, но заднимъ числомъ предъявленное, опровергается самымъ ходомъ дѣла. Если уже допустить, что *переходъ черезъ Прутъ подымаетъ всемірную тревогу*, то слѣдовало считать занятіе Дуйнайскихъ княжествъ за объявленіе и начало войны въ то самое время, какъ оно произошло; но припомнимъ, что переходъ черезъ Прутъ и военное занятіе княжествъ были оффиціально и торжественно признаны западными державами и самою Турціею какъ такія событія, за которыми неминуемо должна слѣдовать война. Въ доказательство приведемъ только слѣдующія слова графа Нессельроде: „Занятіе княжествъ не помѣшало открытію и продолженію переговоровъ; Вѣнская нота оставлена безъ дѣйствія, и Ольмюцкія предложенія, сдѣланныя съ согласія и при помощи Австріи, отвергнуты не вслѣдствіе этого занятія, равно какъ и подверглись совершенной перемѣнѣ всѣ основанія, существовавшія до

переговоровъ". По любви къ миру устранялись затрудненія, дѣлались вамъ уступки; да и вы тотчасъ же воздвигали новыя затрудненія, предъявляли новыя притязанія. И это вы называете „рядомъ долгихъ и неустанныхъ переговоровъ, которыми занятъ былъ прошедшій годъ"; и это по вашему „самыя честныя, самыя терпѣливыя усилія?" „Терпѣливыя",—я вполнѣ согласенъ, но оттого, что вамъ нужно было терпѣть, дабы ваша каверза успѣла созрѣть и принести плодъ. Но скажите, ради Бога, при чемъ же тутъ честность?

Теперь, какъ и всегда, тотъ же способъ дѣйствія. Вы безпрестанно толковали объ очищеніи княжествъ; онѣ на-дняхъ будутъ очищены, и вамъ уже этого мало. Французская депеша гласитъ, „что нужно постановить новыя правила и сдѣлать значительныя видоизмѣненія въ томъ положеніи, которое было передъ войною (statu quo ante bellum). Словомъ сказать, нужно передѣлать исторію. Исторія, послѣдовательно образовавшаяся чрезъ событія, не угодна Друенъ де-Люису, виды котораго разнятся съ видами Провидѣнія. Друенъ де-Люисъ признается, что ему не понятно, что́ такое хотѣлъ сказать графъ Нессельроде, объявляя, что „Россія не станетъ угрожать цѣлости Оттоманской имперіи до тѣхъ поръ, пока не посягнутъ на нее державы, занимающія въ настоящее время воды и земли султана". Но въ объявленіи этомъ нѣтъ ничего непонятнаго, и оно ясно для всякаго, кто не привязывается къ мертвой буквѣ, а просто вдумывается въ значеніе словъ и въ тотъ смыслъ, который они могутъ получить по вліянію страсти и людскихъ выгодъ. „Между нападающимъ и оказывающимъ покровительство нѣтъ равенства", говорится въ депешѣ. Совершенно такъ; но вѣдь и Кромвель, когда онъ овладѣлъ Англіею, удовольствовался титуломъ и обстановкою *покровителя*. Англія и Франція навязали Турціи покровительство въ родѣ Кромвелевскаго. Посмотрите! Занятіе Дунайскихъ княжествъ не лишило султана свободы дѣйствій, чему доказательствомъ служитъ, что онъ во время этого занятія объявилъ Россіи войну и велъ ее съ нею наступательно, пользуясь всѣми своими средствами. Въ настоящихъ обстоятельствахъ можетъ ли султанъ, по своей доброй волѣ, не го-

ворю уже объявить войну Англіи и Франціи, а просто даже попросить, чтобы онѣ благоволили избавить его отъ своего покровительства? Если мы обратимся съ этимъ вопросомъ къ Друенъ де-Люису, достанетъ-ли у него духу отвѣчать утвердительно? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; стало-быть и дѣйствительно „между нападающимъ и оказывающимъ покровительство нѣтъ равенства“: въ этомъ мы съ нимъ согласны.

Французскій министръ взываетъ къ поддержкѣ „общаго мнѣнія, которое осуждаетъ дѣйствія Россіи“. Легко взваливать на спину общаго мнѣнія все то, что выгодно ему приписать; но гдѣ найти выраженіе этого общаго мнѣнія? Не во Французской ли печати, порабощенной и принужденной молчать, коль скоро она не захочетъ повторять оффиціальную ложь и подличать, пускаясь въ клевету на противниковъ правительства? Не въ большинствѣ ли Нѣмецкихъ изданій, получающихъ плату изъ тайныхъ суммъ Французскаго правительства, закупленныхъ революціей или одержимыхъ страхомъ всего того зла, которое Франція и Англія способны причинить Нѣмцамъ, если бы они отказались быть ихъ соумышленниками. Взывайте къ нему, къ *этому общему мнѣнію*. Оно отупѣло отъ лжи и отъ застращиванья, и мы не станемъ къ нему обращаться, пока оно не отрезвится, не оправится отъ страха и не станетъ снова свободнымъ.

Какъ бы то ни было, въ двухъ новыхъ депешахъ, Русской и Французской, еще разъ сопоставлены истина и ложь, политика честная и политика пронырства и подкупа. Уже нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя въ значительной степени возобладала надъ первою. Но что изъ этого слѣдуетъ? Что честная политика не выгодна для страны, которая держится ея; что благоразумно выть съ волками и передергивать въ карты, когда ведешь игру съ шулерами; что въ защиту отъ морскаго разбойника полезно самому заниматься его ремесломъ и даже перещеголять его? Нимало! Въ подобномъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, надо не покидать истины и терпѣливо дожидаться, пока она не восторжествуетъ надъ своими врагами. Ложь успѣваетъ, но она не долговѣчна. Въ наши дни уже сколько

разъ проявлялась она съ напускнымъ могуществомъ и сколько разъ гибла! Не даромъ люди древніе, афоризмы которыхъ всегда отличаются такою мудростью, говорили, что истина находится на днѣ колодца. Не всѣмъ дано находить ее тамъ, и ей самой много нужно времени и труда, чтобы выдти оттуда.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ.

Августъ.

Русское правительство никогда не прибѣгало къ лицемѣрію гласности. Оно можетъ умалчивать истины, которыя, по его мнѣнію, не своевременны, неумѣстны, а часто и опасны; но оно никогда не унижается до лжесвидѣтельства. Фонтенель справедливо говоритъ, что будь у него пригоршня полна истинъ, онъ остерегся бы раскрыть ее. Правительство еще въ большемъ правѣ не бросать толпѣ всего, что́ оно знаетъ. Поклонники гласности безусловной могутъ упрекать наше правительство въ избыткѣ осторожности и въ томъ, что пригоршня у него, иной разъ, слишкомъ крѣпко сжата. Это возможно; но за то поклонники истины могутъ вѣрить тому, что́ оно оглашаетъ. А это уже много. Я помню, что давно, лѣтъ тридцать назадъ, лордъ Каннингъ, будучи въ Россіи, говорилъ, что какъ природа прикрыла мясомъ и кожею внутреннюю работу человѣческаго тѣла, такъ точно и всякое правительство обязано скрывать отъ глазъ толпы многія отправленія общественнаго организма, и это для пользы самаго общества. По моему, сравненіе умно и вѣрно. Стеклянные дома и прозрачныя правительства, можетъ быть, были хороши въ золотой вѣкъ; но теперь они не желательны не по одному опасенію нескромностей, но и потому, что имъ сдобровать трудно. Какъ бы то ни было, молчаніе можетъ быть, какъ уже сказано, дѣломъ осторожности, иной разъ преувеличенной, но въ немъ нѣтъ недобросовѣстности; тогда какъ недобросовѣстно увѣрять управляемое общество, буд-

то для него не существуетъ тайны, а между тѣмъ давать ему только истину искаженную, а часто и отъявленную ложь. Эту должность исполняетъ во Франціи Всеобщій Монитёръ (Moniteur Universel). Отъ имени правительства, избраннаго всеобщею подачею голосовъ, ему предоставлена монополія розничной торговли всеобщею ложью. Всякое вѣрное или невѣрное извѣстіе, помѣщенное въ другихъ газетахъ и противное видамъ правительства, почитается контрабандою. Провинившіеся подвергаются предостереженіямъ, и послѣ третьяго предостереженія изданіе прекращается. Забавно, что при, такъ называемой, свободѣ слова и печати, правительство черезъ свой оффиціальный органъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе, недавно прочтенное нами въ Монитёрѣ: „Нельзя довольно строго отнестись къ недостойнымъ способамъ, состоящимъ въ распространеніи неблагопріятныхъ извѣстій съ театра войны. Правительство съумѣетъ воспользоваться *средствами*, *коими оно вооружено*, чтобы подвергнуть жестокому преслѣдованію тѣхъ, кто сочиняетъ и распространяетъ лживые слухи.“ А само правительство что же дѣлаетъ? Сколько оно разгласило велерѣчивыми устами печати, проигранныхъ Русскими сраженій; между тѣмъ какъ сраженій этихъ вовсе не происходило! Сколько у насъ поранено и убито тысячъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ, между тѣмъ, какъ они, слава Богу, еще въ добромъ здоровьѣ? Не сѣетъ ли оно ежедневно и со всеусердіемъ самую злостную клевету на мѣропріятія нашего правительства, на состояніе умовъ въ Россіи? Подобные *способы* развѣ не одинаково недостойны, когда они употребляются и противъ непріятелей? Надо, впрочемъ, замѣтить, что они во Франціи не новость. Они составляютъ часть великаго наслѣдія, доставшагося избраннику 2-го Декабря. Въ запискахъ короля Іосифа читаемъ, что, когда союзники приближались къ Парижу, братъ совѣтывалъ и приказывалъ ему распространять, посредствомъ газетъ, всевозможныя лживыя извѣстія. „Вѣдь газеты, наивно замѣчаетъ императоръ, не составляютъ исторіи.“ Замѣчаніе это сдѣлано, по всему вѣроятію, для того, чтобы Іосифъ преодолѣлъ колебанія совѣсти, которая у него, по мнѣнію брата, всегда была слишкомъ чиста. Изъ

всѣхъ нынѣ воскрешенныхъ Наполеоновскихъ преданій оффиціальная ложь разработывается съ наибольшимъ усердіемъ и успѣхомъ. Во время войнъ имперіи говорили: „лгать какъ бюлетени". Теперь опять война, но бюллетеней еще нѣтъ, и потому можно говорить: „лгать какъ Монитеръ."

Вообще Европейская печать, за немногими почтенными исключеніями, слѣдуетъ въ этомъ отношеніи по стопамъ *Всеобщаго Монитера*. Ложь и клевета стали дѣломъ обыкновеннымъ. Оно и естественно. Война, поднятая противъ насъ Европою, есть произведеніе политической лжи, и все, что отъ нея послѣдовало, по необходимости, носитъ на себѣ печать ея происхожденія. Отъ одного слова истины могутъ рухнуть всѣ эти подмостки, взгроможденные западными правительствами, можетъ разсѣяться все это лживое освѣщеніе, которое они устроили для того, чтобы ввести въ обманъ народы и скрыть отъ нихъ то, что происходитъ за кулисами. Возлѣ большой лжи, для поддержки ея и питанія, нужны еще лжи малыя, второстепенныя; ибо про ложь можно сказать тоже, что сказано поэтомъ про дыханіе: „это — огонь гаснущій, коль скоро ему нечѣмъ питаться." И сохрани Богъ, чтобы они когда нибудь дали потухнуть этому огню, которымъ обманывается зрѣніе. Въ ту минуту, какъ онъ погаснетъ, Турція и Германія увидятъ предметы въ настоящемъ ихъ видѣ, и тогда — конецъ всей Англо-Французской фантасмагоріи. Понятно, что Французы принимаются говорить только для того, чтобы повторять ложь, которую имъ кладутъ въ уста: они на это осуждены волею народною. Еще понятнѣе, что Англичане страстно предаются лжи, когда она окрашена патріотическимъ цвѣтомъ, то есть цвѣтомъ торговыхъ барышей. Но что Нѣмецкая печать, которая могла бы оставаться независимою, отдаетъ себя на службу лжи, это понять и въ особенности извинить не такъ легко.

Шамфоръ говорилъ, что надо каждое утро проглатывать жабу для того, чтобы не тошнило потомъ ото всего, что̀ увидишь и ото всего, что̀ услышишь въ теченіи дня. Въ наши дни всѣмъ доводится прибѣгать къ такому лекарству, и каждый изъ насъ за утреннимъ кофеемъ и за газетою глотаетъ *предо-*

хранительную жабу. Какъ только рѣчь коснется Россіи, пропадаетъ всякій стыдъ, всякое чувство человѣческаго достоинства. Про Государя, про его министровъ, про народъ, про наше храброе войско распускаются всевозможныя выдумки, всяческая нелѣпая и гнусная клевета. Никогда—ни слова о проявленіяхъ преданности, которыя ежедневно повторяются на всемъ пространствѣ Россіи. Ни малѣйшаго, не говорю удивленія, но даже простаго благороднаго сочувствія къ высокимъ военнымъ подвигамъ, въ которыхъ съ такимъ усердіемъ и самоотверженіемъ выражается геройство Русскаго солдата-христіанина. При первомъ извѣстіи, что кто нибудь изъ этихъ храбрецовъ палъ въ бою, посмотрите, съ какимъ злорадствомъ передаются всяческія подробности о его гибели, какъ эти перья выбиваются изъ силъ, чтобы пуще разбередить раны падшей жертвы. Иной разъ оказывается, что ранъ и жертвъ вовсе не было; это ничего: впечатлѣніе тревоги и ужаса все-таки произведено. Подумаешь, что свирѣпые дикари ждутъ своихъ плѣнниковъ и пляшутъ вокругъ костра.

Чтобы составить себѣ точное понятіе, до какихъ размѣровъ дошла во Франціи оффиціальная ложь, достаточно припомнить обнародованное въ *Монитерѣ* донесеніе о томъ, какъ обстрѣливалась Одесса. Тутъ все ложно, начиная съ причины, якобы побудившей къ обстрѣливанію, и кончая всѣми подробностями, которыя сообщаются объ этомъ безцѣльномъ подвигѣ вандальства и морскаго разбоя. Очевидно, что донесеніе составлялось въ Парижѣ, въ правительственной мастерской или, по крайней мѣрѣ, тамъ просмотрѣно, исправлено и значительно пріумножено. Адмирала, можетъ быть, заставили дать свое имя. Но Французскій флотъ и самъ адмиралъ Гамеленъ имѣютъ за собою слишкомъ благородныя преданія, и мы никакъ не думаемъ, чтобы онъ могъ до такой степени искажать событіе, которому свидѣтелями были храбрые моряки и населеніе цѣлаго города.

Англійское правительство, надо согласиться, поступило въ этомъ случаѣ добросовѣстнѣе. Оно гораздо воздержнѣе на подробности и почти что умолчало объ этой побѣдѣ, столь не похожей на Абукирскую и Трафальгарскую.

Чтобы вамъ лучше знать, какъ происходило дѣло, я приведу письмо, написанное однимъ изъ Одесскихъ жителей. Не подумайте, чтобы тутъ замѣшалась оффиціальность: тотъ, кто писалъ письмо—человѣкъ не Русскаго происхожденія и не состоитъ въ правительственной службѣ. Это—честный человѣкъ и очевидецъ.

ПИСЬМО ДАВНИШНЯГО ОДЕССКАГО ЖИТЕЛЯ.

15 (27) Мая 1854.

Во Всеобщемъ Монитёрѣ обнародовано оффиціальное донесеніе вице-адмирала Гамелена, помѣченное такъ:

„Пароходъ Городъ Парижъ, въ Одесской гавани, 2-го Апрѣля, новаго стиля".

„Это событіе составитъ эпоху въ военныхъ лѣтописяхъ нашего времени, и потому я думаю, что, изъ уваженія къ исторической истинѣ, полезно представить вниманію просвѣщенной и безпристрастной публики нѣсколько поправокъ и замѣтокъ на то, что́ содержится въ донесеніи Французскаго адмирала. Для большей ясности и точности моего повѣствованія, сначала приведу буквально разныя мѣста изъ этого донесенія и уже потомъ сообщу замѣтки и поправки, необходимыя для возстановленія истины".

„Вотъ что говорится въ донесеніи вице-адмирала Гамелена":

„Намъ не могло придти въ голову причинять малѣйшій вредъ городу Одессѣ и въ особенности его коммерческой гавани, гдѣ въ такомъ множествѣ толпятся суда всѣхъ морскихъ народовъ. Адмиралъ Дундасъ и я вознамѣрились разрушить только императорскую гавань съ ея магазинами и судами, а равно и батареи, которыя ее защищали".....

„Нападеніе началось въ шесть съ половиною часовъ".....

„Около половины одиннадцатаго, бомбы съ семи паровыхъ фрегатовъ понеслись градомъ на батарею императорской гавани, на магазины и суда, въ ней находящіеся, и тамъ стали показываться признаки значительнаго пожара".....

„Недалеко отъ фрегатовъ, шесть Англійскихъ шлюпокъ приблизились къ этому порту, съ сѣверо-западной стороны плотины, гдѣ у непріятеля не было поставлено пушекъ, и пустили знатное число конгревовыхъ ракетъ, которыя, по видимому, дѣйствовали отлично“.....

„Въ часъ занялись полнымъ огнемъ магазины и казармы императорской гавани; видно было, какъ обрушивались ихъ крыши. Почти въ тоже время взрывается на воздухъ пороховой складъ батареи“.....

„Императорская гавань быстро гибнетъ подъ усиленными выстрѣлами фрегатовъ, которые пользуются безпорядкомъ на берегу, вслѣдствіе пороховаго взрыва, подвигаются впередъ на два анкаблюра и поспѣшно громятъ небольшія Русскія суда, укрывшіяся въ углубленіи гавани, въ числѣ около пятнадцати“.....

„Мѣсто, гдѣ дѣйствуютъ девять паровыхъ судовъ, все болѣе и болѣе съуживается; и, однако, не замѣчено ни одного невѣрнаго движенія“.....

„Всѣ наши удары направлены на Русскія суда, еще находившіяся въ императорской гавани, пока, около половины пятаго, они не были истреблены пламенемъ“.....

„Таково наказаніе, которое мы сочли своимъ долгомъ учинить не городу, а военнымъ властямъ Одессы, которыя виновны въ посягательствѣ на одно изъ нашихъ судовъ, шедшее съ парламентерскимъ флагомъ. Ни тридцати-тысячный Одесскій гарнизонъ, ни пушки въ крѣпости и на батареяхъ не могли спасти императорскую гавань отъ гибели, которую мы ей причинили“.....

„Вчера, 23-го, строенія императорской гавани еще горѣли. Корвету *Фюри* (капитанъ Ед. Чатамъ), на который я посылалъ моего перваго адъютанта, г-на лейтенанта Гарно, поручено было удостовѣриться въ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ императорской гавани. Оказалось, что суда, въ ней находившіяся, сожжены и потоплены, за исключеніемъ двухъ или трехъ; батарея, стоявшая на концѣ плотины, несуществуетъ, и адмиралтейскія заведенія разворены или совершенно опустошены“.

Замѣтки и поправки.

Читая донесеніе вице-адмирала Гамелена, въ самомъ началѣ встрѣчаешься съ затруднительнымъ вопросомъ—подвергать ли сомнѣнію правдивость г-на вице-адмирала, когда онъ объявляетъ, что ему и Англійскому адмиралу не входило въ голову причинить городу Одессѣ какой либо вредъ и прочее. Въ тоже время никто не станетъ отрицать, что Англійскіе и Французскіе моряки стрѣляютъ искусно и мѣтко. Одесса находится на высотѣ отъ 18 до 20 Русскихъ сажень, то есть слишкомъ 40 метровъ надъ морскимъ уровнемъ, и множество бомбъ, ядеръ большаго калибра и конгревовыхъ ракетъ попало во многія Одесскія зданія. Изъ этого, по необходимости, надо заключить, что или командиры девяти паровыхъ фрегатовъ, громившихъ въ продолженіи десяти часовъ императорскую гавань, не слѣдовали благимъ намѣреніямъ адмираловъ и не исполнили ихъ распоряженій, или же орудія на фрегатахъ не попадали въ цѣль, а брали на 40 метровъ выше. Предоставляемъ благоразумію читателей разрѣшить эту задачу.

За тѣмъ, прежде всего, удостовѣримся, какой вредъ причиненъ императорской гавани, которую въ Одессѣ зовутъ *гаванью практическою*, въ противоположность *карантинной* или коммерческой. Единственная батарея о четырехъ пушкахъ, устроенная на концѣ плотины, разрушена, и ея четыре орудія сбиты. Батарея эта, которою командовалъ молодой поручикъ 21 года (Щеголевъ), слишкомъ шесть часовъ держалась противъ семи паровыхъ фрегатовъ, громившихъ ее градомъ своихъ бомбъ, какъ свидѣтельствуетъ адмиралъ Гамеленъ. Небольшой пороховой магазинъ, наскоро устроенный на плотинѣ для дѣйствія батареи, *не взлеталъ на воздухъ*. Всякій и теперь можетъ его видѣть цѣлехонькій, въ томъ самомъ видѣ, какъ его устроили сначала. Взорвался подвижной ящикъ съ порохомъ, вывезенный наружу. На этой четырехпушечной батареѣ, нынѣ называемой Щеголевскою батареею, было *двадцать восемь* человѣкъ прислуги; изъ нихъ *двое* получили тяжкія раны (одинъ на другой день умеръ), а третій былъ контуженъ, такъ что изъ 28 чело-

вѣкъ только *трое* выбыли изъ бою въ продолженіи десятичасоваго бомбардированія.

Не во гнѣвъ будь сказано адмиралу Гамелену, *императорской гавани* у плотины вовсе и никогда не было, и слѣдовательно, 22-го Апрѣля, не было ни *магазиновъ*, ни *казармъ*, ни *адмиралтейскихъ* заведеній, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать иностранцы всѣхъ наименованій, во множествѣ населяющіе Одессу, равно какъ и всѣ находящіеся въ ней иностранные консулы, даже Французскій и Англійскій, недавно выѣхавшій изъ нашего города. Правительству принадлежатъ на плотинѣ мнимой императорской гавани: 1) досчатый сарай, выстроенный на концѣ плотины для паровыхъ судовъ, которыя плавали въ мирное время вдоль береговъ, между Одессой и Крымскими пристанями, а также Николаевымъ, Херсономъ и 2) каменное строеніе, гдѣ живутъ чиновники мѣстной таможни. *Досчатый сарай* разрушенъ и сожженъ бомбами и конгревовыми ракетами, которыя *сыпались градомъ*. Въ каменный таможенный домъ попало три или четыре бомбы и ядра, отъ которыхъ осталось нѣсколько дыръ въ стѣнахъ; самый же домъ пребываетъ невредимъ, въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться, взглянувъ на него.

Изъ судовъ, укрывшихся въ *императорской гавани*, правительству принадлежатъ: 1) паровое судно *Андія*, оставшееся въ цѣлости, 2) три или четыре черпальныя машины, изъ которыхъ одна совершенно потоплена и 3) большой баркассъ, служившій пловучимъ маякомъ въ Кимбурнѣ и нисколько не поврежденный. Въ небольшое паровое судно, обшитое желѣзомъ, *Днѣстръ*, составляющее частную собственность, попало одно ядро и нѣсколько повредило его".

„Всѣ остальныя суда, находившіяся въ *императорской гавани*, суть суда купеческія и частныхъ людей. Тутъ было *Финляндское* трехмачтовое судно, совершенно разрушенное и сожженное, и *Австрійскій* бригъ, получившій значительныя поврежденія. Нѣсколько Русскихъ каботажныхъ барокъ частію сожжено, повреждено ядрами и совсѣмъ потоплено. Многія изъ нихъ подняты, и теперь можно видѣть, какъ ихъ починяютъ.

Вотъ вполнѣ точное исчисленіе вреда, причиненнаго на

плотинѣ въ *императорской* гавани десятичасовымъ обстрѣливаніемъ.

Посмотримъ, теперь что́ сталось съ обывательскими домами, которымъ нанести какой либо вредъ *не приходило въ голову* адмиралу *Гамелену*.

На высотѣ бульвара первый домъ, по порядку, принадлежитъ князю Воронцову. Припомнимъ, что домъ этотъ, какъ и всѣ ниже исчисляемые, находится слишкомъ на сорокъ метровъ выше морскаго уровня....

Въ главный корпусъ Воронцовскаго дома, въ его пристройки и въ садъ пущено свыше ста бомбъ, ядеръ большаго калибра и конгревовыхъ ракетъ; изъ нихъ до сорока можно было собрать, и въ томъ числѣ—много не разрядившихся бомбъ и конгревовыхъ ракетъ. Конечно, для князя Воронцова лестно, что его собственный домъ почтенъ бо́льшимъ числомъ Англійскихъ и Французскихъ ядеръ, нежели дома другихъ обывателей, вѣроятно, въ знакъ признательности за радушіе и гостепріимство, которыми, въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ пользовались въ этомъ дворцѣ многочисленные путешественники, Англичане и Французы всякаго званія, посѣщавшіе Одессу.

За домомъ князя Воронцова обстрѣлены слѣдующіе дома на бульварѣ: домъ Маразли, принадлежащій сыну стараго и почтеннаго нашего негоціанта, Грека по происхожденію,—въ немъ помѣщалась канцелярія генералъ-губернатора; дома г-жъ Столыпиной и Марини, домъ Француза Вассаля, домъ Португальскаго консула, графа Якова Порро, домъ Французскаго подданнаго Вереля, г-жи Нарышкиной, Греческаго негоціанта Ѳедора Родоканаки и домъ Тосканскаго подданнаго, Жанъ-Батиста Каруты.—Далѣе, въ улицѣ сзади бульвара, дома: гражданина Бондарева, Прусскаго консула Джона Менгера, графа Льва Потоцкаго, Стурдзы, князя Гагарина и нѣкоторые другіе; влѣво отъ бульвара, по ту сторону оврага, но все на той же высотѣ, два дома доктора Хевича, дома Генуэзскаго негоціанта Наполеона Росси, князя Манукбея, домъ и магазинъ Греческаго негоціанта Цурифи, г-жи Молодецкой, и наконецъ въ болѣе далекихъ улицахъ: домъ, гдѣ живетъ Саксонскій консулъ

Ганзенъ, дома доктора медицины Далласа, Минчаки, Кирьякова, Скаржинскаго, Греческаго негоціанта Іоанна Мавро и архіерейское подворье. Многіе выстрѣлы попадали въ середину города. Бомбою, которая разорвалась на такъ называемомъ „Новомъ Базарѣ", убита одна бѣдная женщина и поранено двое или трое изъ простолюдиновъ.

Въ заключеніе этого долгаго перечня сообщу, что выстрѣломъ изъ орудія большаго калибра задѣтъ и поврежденъ гранитный пьедесталъ статуи герцога Ришилье, находящейся на Ришильевской площади, на высотѣ бульвара. Если это выстрѣлъ Англійскій,—сказать нечего: Англичане не обязаны почтеніемъ къ изображенію герцога Ришилье; но если то былъ выстрѣлъ Французскій!.... Пусть всякій судитъ о томъ, какъ угодно. Какъ бы то ни было, но эта статуя, которую, какъ смѣю надѣяться, правительство сохранитъ въ настоящемъ ея видѣ, безъ починокъ, останется навсегда памятникомъ насилія, которое позволили себѣ учинить союзники Полумѣсяца противъ мирной и гостепріимной Одессы.

Ожидаю возраженія, которое можно мнѣ сдѣлать, и хочу заранѣе отвѣчать на него. Коль скоро столько выстрѣловъ попало въ немалое число городскихъ домовъ, отчего же, скажутъ мнѣ, говорили и печатали, что нанесенный вредъ ничтоженъ?.

Тому двѣ причины: во первыхъ, намъ удивительно благопріятствовало то обстоятельство, что всѣ дома наши выстроены изъ мягкаго, рыхлаго камня. Даже бомба изъ орудія 96 калибра, ударяясь въ нашу стѣну, производила въ ней только дыру, не причиняя никакого сотрясенія всему остальному зданію. Любопытный примѣръ можно видѣть въ одной изъ внутреннихъ комнатъ въ домѣ князя Воронцова: ядро большаго калибра, пронизавъ окно, засѣло въ углу между двумя стѣнами, точно кто нибудь нарочно всадилъ его туда, и при этомъ не повредилась даже щекатурка *).

Во вторыхъ, по милости Божіей, много бомбъ разряжалось въ воздухѣ и падало безъ взрыва. Тоже можно сказать про

*) Эти ядра въ Одесскомъ приморскомъ домѣ князя Воронцова остаются историческими свидѣтельствами: они не вынуты, нѣкоторые изъ нихъ окружены надписью: „Великая Суббота 1854 года" (день бамбардированія). *П. Б.*

конгревовыя ракеты. Вотъ почему не было пожаровъ. Безъ этихъ двухъ обстоятельствъ дома, подвергшіеся выстрѣламъ, конечно, потерпѣли бы значительныя поврежденія.

Я позабылъ сдѣлать еще замѣчаніе; — оно не важно, но я не долженъ опустить его: вице-адмиралъ Гамеленъ говоритъ о 70 пушкахъ на Одесскихъ батареяхъ и *крѣпости*. Шесть батарей, наскоро устроенныхъ въ Февралѣ и Мартѣ, были вооружены всего 48-ю артиллерійскими орудіями; Одесская же крѣпость существуетъ лишь въ донесеніи г-на Гамелена. Всѣмъ извѣстно, что старая крѣпость, разоруженная слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ и не имѣющая ни одной пушки, давнымъ давно обращена въ карантинъ; въ ней помѣщаются многочисленные пассажиры, прибывающіе въ нашъ городъ изъ Константинополя".

«Мнѣ остается упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое совершенно умолчено въ донесеніи вице-адмирала Гамелена».

«Въ то время, какъ пароходы обстрѣливали батарею на плотинѣ и *императорскую* (то есть практическую) *гавань*, парусныя суда, выступя изъ линіи обоихъ флотовъ, которые стояли на якорѣ въ довольно-большомъ разстояніи направо отъ коммерческой гавани, приблизились къ карантину и начали осыпать ядрами зданія, въ которыхъ выдерживали карантинный срокъ пассажиры. Генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ вынужденъ былъ вывести ихъ изъ карантина и перемѣстить въ болѣе отдаленную часть города, чтобы спасти отъ угрожавшей опасности. Нѣсколько выстрѣловъ попало въ самую коммерческую гавань, и однимъ изъ нихъ раненъ Англичанинъ, находившійся на Англійскомъ суднѣ; ему оторвало ляшку».

„Около десяти часовъ утра, парусный фрегатъ подъ Англійскимъ флагомъ, пользуясь благопріятнымъ южнымъ вѣтромъ, подошелъ къ берегу за карантиномъ (гдѣ на скалахъ расположены многіе загородные дома, принадлежащіе частнымъ лицамъ) и забавлялся бросаніемъ ядеръ большаго калибра въ эти дачи, находящіяся въ двухъ верстахъ отъ города. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проживали цѣлыя семейства, дѣти гуляли по

садамъ, мирные зрители, взобравшись на крыши, смотрѣли что происходило на морѣ. Нѣсколько десятковъ бомбъ и большихъ ядеръ пущено было въ это неповинное и беззащитное населеніе, но по счастію никто не пострадалъ„.

«Во всемъ вышесказанномъ мы старались неуклонно слѣдовать правдѣ, одной только правдѣ, сущей правдѣ».

«Предлогомъ къ нападенію на Одессу двухъ флотовъ выставлено оскорбленіе, яко бы нанесенное парламентёрскому флагу. Но генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, бумагою на имя адмирала Дундаса, опровергъ предположеніе, и безъ того недопустимое, будто въ Россійскихъ портахъ не уважается парламентёрскій флагъ, неприкосновенность котораго обезпечена законами у всѣхъ образованныхъ народовъ“.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Августъ.

Часто повторяли, будто Русское правительство поступал опрометчиво по отношенію къ восточному вопросу главнѣйш потому, что ему долгое время казался невозможнымъ дѣйстви тельный союзъ между Франціей и Англіей. Благодаря этом заблужденію, оно приняло такія мѣры, отъ которыхъ бы, ко нечно, воздержалось, зная напередъ то, что произошло. Даж люди благонамѣренные винятъ нашу дипломатію въ томъ что она, по своей недальновидности, не разъяснила Петербур скому кабинету настоящаго положенія дѣлъ. Хотя мнѣніе эт въ большомъ ходу и весьма вѣроподобно: но, что касается д меня, я не могу вполнѣ раздѣлять его. Вообще, мнѣ кажетс напрасно думаютъ, будто правительства и тѣ люди, которы имъ служатъ, менѣе зорки и болѣе наивны, нежели публика судящая о событіяхъ уже по совершеніи ихъ. Не питаю крѣп кой вѣры въ дипломатію и въ современное ея назначеніе охотно вѣрю, что время дипломатіи миновало. Нѣкогда он была тайною наукою, и пріемы ея доступны были лишь вели кимъ мастерамъ и немногимъ посвященнымъ; нынѣ это второ степенная, иной разъ, пожалуй, лишняя шестерня въ прави тельственной машинѣ. Смиренно прошу прощенія у господ дипломатовъ. Они мнѣ напоминаютъ почтмейстеровъ. Тѣ и дру гіе отошли на задній планъ, одни—вслѣдствіе перевозки по средствомъ пара, другіе—отъ усиленія гласности. Que ces deu

grands débris se consolent entre eux*). Но если неблагоразумно ждать отъ дипломатіи услугъ, которыхъ она не можетъ больше оказывать, и добра, сдѣлать которое уже не въ ея власти: то несправедливо приписывать ей и зло, которое предотвратить она не могла. Нѣтъ, не вѣрю я ослѣпленію нашего правительства и остерегусь бросить камень въ кого нибудь изъ нашихъ дипломатовъ. Все сдѣлалось силою вещей, то есть по волѣ Провидѣнія (чтобы не сказать,—по волѣ судьбы, такъ какъ это слово не христіанское). Когда возникаютъ нежданно-негадано великіе вопросы, когда наступаютъ историческія эпохи, въ которыя колеблется и потрясается міръ, то ребячливо пріурочивать событія къ той или другой депешѣ и слагать за нихъ отвѣтственность на того или другаго государственнаго чиновника. Потокъ прорвался: никто ни виноватъ въ томъ, и виноваты всѣ. Тутъ нѣтъ ничего неопредѣленнаго, уловимаго. Что-то блуждало, что-то чувствовалось въ воздухѣ, и подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ, неизвѣстно откуда, подулъ вѣтерокъ, и разразилась буря. Въ другое время, тѣ-же самыя обстоятельства и при участіи тѣхъ же самыхъ людей легко бы направились совсѣмъ въ другую сторону.

Впрочемъ, разберемъ дѣло. Положимъ, что Русское правительство не вѣрило въ союзъ между Франціей и Англіей; но еще не время рѣшать, было ли оно право или нѣтъ. Теперь еще невозможно, чтобы эти два государства заключили между собою союзъ съ честными и благородными цѣлями. Выгоды двухъ странъ, характеры двухъ народовъ слишкомъ противоположны, чтобы ихъ правительства могли соединиться въ общемъ дѣйствіи въ пользу мира и благоденствія Европы. Разномысля въ добрѣ, они могутъ быть единодушны во злѣ, что́ мы теперь и видимъ. Это не союзъ, а заговоръ. Франція и Англія—между собою не союзницы, а только прикосновенны къ одному и тому же дѣлу. Надо, чтобы Русское правительство было черезъчуръ неспособно, легковѣрно и добродушно, чтобы не видѣть того, что́ происходитъ. Оно не можетъ не знать, что враги и соперники иной разъ сходятся и подаютъ другъ другу руки,

*) Пусть эти два великіе обломка утѣшаютъ другъ друга.

когда представляется имъ возможность нагадить третьему; но потомъ они непремѣнно опять повздорятъ и станутъ грызться между собою. Политическія событія и случаи изъ частной жизни представляютъ тому многочисленные и поучительные примѣры, понятные самому нехитрому человѣку. Читайте исторію, читайте пренія по уголовнымъ дѣламъ и увидите, какъ, подъ вліяніемъ страстей, часто возникаютъ странные и уродливые союзы. Англія никогда не можетъ быть союзницею Франціи монархической, Франціи благоденствующей и сильной, подъ властію правильною, основанною на историческомъ преданіи, подъ властію истинно-народною. Но какъ скоро Франція — игралище и жертва революціи, Англійское правительство, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, непремѣнно и раньше всѣхъ протягиваетъ руку всякой власти, какая насильственно становится во главѣ Французскаго народа. Англійское министерство слишкомъ ловко и слишкомъ беззастѣнчиво, чтобы дѣйствовать иначе. Оно хорошо знаетъ, что революціи разстроиваютъ, ослабляютъ, развращаютъ страну, роняютъ къ ней уваженіе Европы. Англія ни за что не станетъ удерживать Францію на роковомъ пути къ погибели и не поможетъ ей возвратиться на путь, начертанный для нея вѣками ея исторіи. Всякая новая революція во Франціи есть событіе, благопріятное для Англіи. Всегда ненавидя Францію, но всегда дружась съ незаконною въ ней властію, Англія играетъ двойную игру и не упускаетъ случаевъ попользоваться.

Она поступала иначе въ первую революцію и подъ грозою Наполеонова меча; но въ то время, какъ мы уже говорили, Англія еще держалась извѣстныхъ началъ; теперь же она принимаетъ въ разсчетъ только то, что совершилось. Къ тому же нѣтъ ничего общаго между эрою Наполеона 1-го и ея импровизированнымъ добавленіемъ 2-го Декабря. Могущество перваго Наполеона было таково, что надо было съ нимъ бороться для того, чтобы имѣть возможность жить, надо было его ниспровергнуть, чтобы самому удержаться на ногахъ. Могущество человѣка, назвавшагося *третьимъ*, гораздо удобнѣе для Англіи. Питтъ и его друзья не могли войти въ соглашеніе съ Наполеономъ; Рэссели и Пальмерстоны отлично ладятъ съ его тескою. Повто-

ряемъ: то что́ мы теперь видимъ вовсе не есть союзъ между Франціей и Англіей. Обѣ страны остаются въ тѣхъ самыхъ отношеніяхъ, которыя создала имъ исторія; на нашихъ глазахъ совершается только политическая плутня, и совершаетъ ее нѣсколько лицъ, полагающихъ, что для настоящей политики не нужно вѣрить ни въ Бога, ни въ чорта *).

Гизо сказалъ однажды: «Франція довольно богата, чтобы платить за свою славу». Посмотримъ, хватитъ ли у нея богатства, чтобы заплатить за свое..... какъ бы сказать повѣжливѣе?.. за свое разочарованіе. Хорошо еще, если она отдѣлается только этимъ.

Говоря о Франціи, мы, конечно, не имѣемъ въ виду Франціи оффиціальной. Ея удѣломъ будетъ то, чего она заслуживаетъ, и не намъ жалѣть о ней. Теперешнее Французское правительство не имѣетъ корней въ странѣ и, слѣдовательно, ему нечего особенно заботиться о будущности, которую оно готовитъ ей. Пока оно существуетъ, то есть покуда власть за нимъ, оно всегда останется при казенномъ содержаніи и при своихъ добавочныхъ доходцахъ. Этого ему достаточно; а послѣ него хоть трава не рости! Но Франція настоящая, Франція, которая нѣкогда пользовалась сочувствіемъ Европы, которая нынѣ скрывается и молчитъ, но которая однако не погибнетъ же окончательно отъ нынѣшней политической плутни; эта Франція останется несомнѣнно въ накладѣ отъ такъ называемаго «союза». Увлеченная въ войну, которая не обѣщаетъ ей выгодъ даже и въ томъ случаѣ, если увѣнчается побѣдами, она разорветъ союзъ естественный для того только, чтобы усилить союзника, который непремѣнно, по природѣ вещей и по логикѣ интересовъ, обратиться снова въ соперника. Предположимъ, что побѣда окончательно перейдетъ на сторону Французовъ и Англичанъ и что «отправившись въ Сирію» (partant pour la Syrie) «молодой красавецъ Дюнуа» возвратится къ своему братцу украшенный лаврами и, можетъ быть, даже обрученный съ одною изъ мно-

*) Новѣйшія разоблаченія (именно бумаги членовъ Конвента и письма графа С. Р. Воронцова) доказали, что и въ то время великій Питтъ, ведя войну съ Франціею яко бы изъ за монархическихъ началъ, въ тоже время черезъ своихъ тайныхъ агентовъ содѣйствовалъ внутреннимъ Французскимъ смутамъ. *П. Б.*

гочисленныхъ дщерей великаго Турка,—кромѣ семейнаго веселья, что̀ изъ этого выдетъ?

Турція, истощенная своими побѣдами, отуманенная успѣхами, которые будутъ ей доставлены, все-таки очутится подъ опекою; а извѣстно, что̀ это значитъ въ политическомъ кодексѣ Англійскихъ законовъ. Удивительно, какъ можетъ Франція обольщаться этимъ. Она, безъ сомнѣнія, также будетъ опекуншею, но опекуншею только по имени, а доходы по опекунству всѣ достанутся на долю Англійской политикѣ и Англійской торговлѣ.

Морская сила Россіи, ея торговля и естественное стремленіе войти въ ближайшія сношенія съ Малою Азіею тревожатъ Англію, и только одну Англію. Россія, конечно, ослабнетъ и на нѣкоторое время будетъ задержана въ своемъ политическомъ и торговомъ развитіи; но какое до всего этого дѣло Франціи, и чѣмъ она вознаградитъ себя за страшныя жертвы, которыя принесены ею и которыя предстоитъ еще принести?

Франція неразчетлива. Поучиться бы ей примѣромъ Алжира и владѣній королевы Помаре. Англія есть ничто иное, какъ большая коммерческая контора. Она переводитъ на звонкую монету и кладетъ въ сундуки всякое содѣянное ею зло и всякое добро, какое случается для нея выгоднымъ сдѣлать. Англія вездѣ и всегда ищетъ барышей. Нечего и говорить, что пораженіе Россіи будетъ для нея прибыльно; но и въ противномъ случаѣ она, какъ въ карточной игрѣ, запишетъ себѣ консоляцію ослабленіемъ Франціи, разстройствомъ ея финансовъ и флота. Для нея самой потери будутъ менѣе чувствительны. Волненіе—ея стихія. Оно необходимо ей, чтобъ жить. Она захватываетъ кругомъ себя пространство для того, чтобы свободно двигаться и заявлять о себѣ; съ наступленіемъ спокойствія наступаетъ ея гибель. При такихъ условіяхъ она по необходимости пускается въ предпріятія, не заботясь о томъ, къ чему приведутъ онѣ и имѣя въ виду только то, чтобы ни на минуту не оставались въ бездѣйствіи ея руки, ея капиталы, машины, суда, ея честолюбивая и загребущая политика. Пуританская Англія строго соблюдаетъ воскресный день; но Англія политическая не знаетъ дней покоя, и для

нея почтить хоть одно Воскресенье значитъ лишиться барышей цѣлой недѣли и цѣлыхъ столѣтій.

Потерявъ въ борьбѣ съ непріятелемъ, она наверстаетъ на союзницѣ.

Вотъ разгадка этого Англо-французскаго союза, которому удивляется старый міръ, привыкшій къ прежнимъ политическимъ пріемамъ и отъ котораго въ упоеніи Французское правительство, предовольное тѣмъ, что Англія взяла его къ себѣ на службу и что оно имѣетъ право носить ея ливрею.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Іюль.

Членъ Палаты Общинъ, Оливейра, въ засѣданіи 23 Іюля, сдѣлалъ нижеслѣдующее заявленіе: „Вчера, у шерифа разбиралось дѣло, изъ котораго явствуетъ, что лордъ-контролёръ королевина двора бился объ закладъ въ тысячѣ фунтахъ за извѣстнаго кулачнаго бойца по имени Джона Уолкера. Спрашиваю лорда президента тайнаго совѣта, прилично-ли допускать благороднаго лорда, который отличается такими вкусами, до ежедневныхъ сношеній съ ея величествомъ и не нужно-ли произвести о томъ надлежащее разслѣдованіе?“

Это прямо по-англійски и въ существѣ, и по внѣшнему выраженію. Тутъ сказались и общественные, и политическіе нравы. Намъ, жителямъ материка, подобное заявленіе дико. Намъ трудно понять, какимъ образомъ частныя отношенія царственнаго лица могутъ подвергаться офиціальному разслѣдованію. Эта деспотическая опека министровъ надъ совершеннолѣтнею королевою принадлежитъ къ числу аномалій въ Англійской монархической конституціи. Но объ этомъ нечего распространяться, потому что, повидимому, всѣ къ тому привыкли, и мы взялись за перо не для того, чтобы указать на чудачество и осуждать его. Это вышеприведенное парламентское заявленіе наводитъ насъ на другія размышленія. Намъ удивительно, отчего до сихъ поръ не нашлось въ Палатѣ Общинъ ни одного человѣка съ здравымъ умомъ и сердцемъ, кто бы предложилъ произвести разслѣдованіе, *прилично-ли допускать до ежедневныхъ*

сношеній съ ея величествомъ министровъ, злоупотребляющихъ именемъ своей государыни и посылающихъ ея флоты на морской грабежъ, свидѣтелями и жертвами котораго были Одесса, Либава и многіе другіе торговые порты. Благородный контролёръ, пожалуй, неразборчивъ и грубоватъ въ своихъ вкусахъ; но они все-таки составляютъ только его личную принадлежность и нимало не относятся къ чести престола и страны, тогда какъ министры, кулачные бойцы, отдаютъ въ закладъ не деньги изъ своего кармана, а деньги и кровь народа, и безнаказанно доставляютъ себѣ удовольствіе смотрѣть издали на кровавую борьбу, въ которую они ввергли Европу. Подобные вкусы, можетъ быть, какъ нельзя лучше удовлетворяютъ ихъ страстному злорадству и пошлой суетности; но, конечно, они не такъ безвредны, какъ вкусы благороднаго лорда, и ложатся тяжкимъ бременемъ на страну.

Въ началѣ войны, Англійское министерство не скупилось на обѣщанія дѣйствовать елико возможно справедливо и кротко. Его рѣчи были умильны и отзывались преданіями золотаго вѣка. Говорилось, что строгому наказанію подвергнутся лишь волки, и волки особенно зубастые; овцамъ же расточались увѣренія въ полной безопасности и возможности мирно пастись на лугу. Припомните, какъ положительно и съ какою торжественностью Англійское министерство объявляло, что торговля и выгоды частныхъ людей будутъ елико-возможно пощажены войною; что Англія и августѣйшій другъ ея приняли мѣры къ обезпеченію частнаго достоянія; что, наконецъ, всѣ ядра и всѣ бомбы, которыми по необходимости придется дѣйствовать (конечно, къ сердечному сожалѣнію), будутъ исключительно направлены противъ великаго виновника бѣдъ т. е. противъ Русскаго правительства, съ единственною цѣлью громить его крѣпости, его арсеналы и прочее имущество. Какъ же исполнились на дѣлѣ эти прекрасныя обѣщанія? Событія служатъ отвѣтомъ. Не подходя къ военнымъ и укрѣпленнымъ портамъ, союзные флоты, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, ограничивались тѣмъ, что громили, жгли и грабили коммерческіе порты и забирали суда, нагруженныя солью, дегтемъ и другими товарами. Англійское адмиралтей-

ство достославно занимается не перечисленіемъ подвиговъ храбрости и морскихъ побѣдъ, а оцѣнкою призовъ, захваченныхъ у Русскихъ, и гораздо еще чаще у самихъ Англичанъ и у негоціантовъ державъ нейтральныхъ, такъ-какъ несомнѣнно, что убытки Русской торговли, которая занимается вывозомъ на свой счетъ въ размѣрахъ скромныхъ, весьма незначительны, если сравнить ихъ съ убытками, уже понесенными Европейскою торговлею. Когда въ Палатѣ Общинъ (29 Іюня) спросили объ этомъ сэра Джемса Грегама, онъ отвѣчалъ съ истинно-героическимъ безпристрастіемъ: „Говорили, что нѣкоторые изъ этихъ товаровъ принадлежали Англичанамъ. Можетъ быть.“ Можетъ быть! Признаніе великолѣпное, достойно напоминающее собою Корнелево: „Пусть онъ умретъ!“ (qu'il mourût). Безъ всякаго сомнѣнія, Англійская торговля, безкорыстіе которой всѣмъ извѣстно, отнесется къ такому патріотизму съ полнѣйшимъ сочувствіемъ.

Еще можно понять, что Англійское правительство, посредствомъ политическихъ софизмовъ и ухищреній, сочло себя вправѣ и въ обязанности поддержать Турцію, цѣлость и независимость которой яко-бы въ опасности отъ Россіи. Съ этой точки зрѣнія, пожалуй, понятно и присутствіе Англійскаго флота въ Босфорѣ. Вооруженное вмѣшательство въ предѣлахъ Турціи съ цѣлью воспрепятствовать нашему войску переправиться за Балканы, также принадлежитъ къ числу мѣропріятій объяснимыхъ. Но скажите, ради Бога и ради здраваго смысла, по какому случаю и какою географическою натяжкою крошечный портъ Балтійскаго моря, Либава, очутилась въ сферѣ восточнаго вопроса? Коль скоро Англія дѣйствительно имѣла въ виду лишь оборону Турціи, съ какой стати посылать ей свой флотъ въ Балтійское море, до котораго, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакого дѣла Великому Турку? Развѣ ей мало Чернаго моря, чтобъ оказать дѣятельную помощь своему союзнику? Если она считаетъ занятіе Дунайскихъ княжествъ Русскимъ войскомъ за посягательство на Европейское равновѣсіе, то какъ назвать ея собственныя дѣйствія? За всякимъ насиліемъ можетъ слѣдовать справедливое воздаяніе; но чтобы воздаяніе было справедливо, нужно, во всякомъ случаѣ, чтобы оно соразмѣрялось съ обидою, за которую

отмщеваетъ. Воздаяніе чрезмѣрное противно началамъ справедливости. Положимъ, причинили вамъ убытокъ въ тысячу франковъ; а вы, подъ предлогомъ вознагражденія, разоряете вашего противника на сотни тысячъ франковъ. Тутъ уже, конечно, нѣтъ и тѣни якобы законнаго воздаянія—это просто насиліе, разбойничество, и вамъ не оправдаться въ немъ. Вы сочли своею обязанностію наказать виновнаго, но ваше наказаніе превысило мѣру виновности и само стало преступленіемъ.

Франція и Англія отнеслись къ Россіи съ грубымъ насиліемъ и, тѣмъ не менѣе, газеты продолжаютъ толковать о томъ, чтобы *потребовать отъ царя очищенія Дунайскихъ княжествъ*. Но въ глазахъ людей здравомыслящихъ и добросовѣстныхъ, подобное требованіе есть ничто иное, какъ грубое изобрѣтеніе газетнаго шутовства. Разумъ отказывается допустить возможность обращаться къ Россіи съ предложеніемъ столь нелѣпымъ. Дунайскія княжества! Турція объявила намъ войну и дѣятельно ведетъ ее. Франція и Англія оцѣпляютъ Россію и производятъ нападенія отъ однаго полюса до другого; онѣ во всеуслышаніе говорятъ о своемъ намѣреніи ослабить и разчленить *сѣвернаго колосса*. И въ эту минуту предлагать намъ, чтобы мы оставили военную позицію, которая занята нами съ оборонительною цѣлію! Но коль скоро нападаютъ на насъ, нужно же намъ защищаться, тѣмъ болѣе, что не даютъ себѣ даже труда обѣщать намъ, что, въ случаѣ нашего согласія, прекратятся нападенія и отодвинутся назадъ силы, намъ угрожающія.

Мысль о разчлененіи просто нелѣпа и можетъ осуществиться развѣ, когда у насъ не останется ни одного человѣка, способнаго защищать Русскую землю. Но коль скоро эта мысль заявляется громогласно, то всякое обращеніе къ Россіи, подобное вышесказанному, пріобрѣтаетъ смыслъ оскорбительной насмѣшки. Впрочемъ, неужели Россія уже ничего не значитъ въ Европейскомъ равновѣсіи, о которомъ теперь такъ много толковъ, и неужели ослабленіе ея послужитъ въ пользу центральныхъ и второстепенныхъ державъ, которыя столько разъ обращались къ нашей помощи и были спасаемы нами? Намъ говорятъ, будто занятіе Дунайскихъ княжествъ (которыя на дѣлѣ и по праву не составляютъ

Турціи и торговые обороты которыхъ незначительны) затрудняетъ Европейскую торговлю и въ особенности Германскую. Согласны. Но несравненно болѣе страдаетъ торговля цѣлаго міра отъ союзныхъ флотовъ, которыми задержано всякое торговое сношеніе по всему побережью Европейской Россіи. У государственныхъ людей какъ-нибудь особенно вскружились головы, если они не понимаютъ истинъ столь простыхъ и очевидныхъ.

Затѣмъ, коль-скоро считаютъ, что левъ боленъ и что наступило удобное время одолѣть его, благородно-ли издѣваться надъ нимъ и, какъ говорится въ баснѣ, лягать въ него ногою? Да вправду ли левъ ослабѣлъ и опутанъ тенетами, какъ полагаютъ? Позволительно, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ этомъ. На Россію напали врасплохъ. Нападеніе послѣдовало посреди мирныхъ переговоровъ, которые направляемы были ко вреду ея въ одно и тоже время ея недругами и друзьями. Россія не была готова къ войнѣ, чѣмъ всего лучше опровергается обвиненіе въ честолюбивыхъ и завоевательныхъ замыслахъ, которое на нее возводятъ.

Земля наша такъ обширна и народонаселеніе до такой степени не соотвѣтствуетъ ея пространству, что для насъ затруднительнѣе, чѣмъ для другихъ государствъ, всякое передвиженіе войскъ и всякое сосредоточеніе силъ на извѣстномъ мѣстѣ, особливо, когда такихъ угрожаемыхъ мѣстъ много и разстояніе между ними велико. Приготовленія къ войнѣ берутъ у насъ больше времени и жертвъ, нежели самая война: намъ труднѣе начать ее, нежели докончить успѣшно. Колоссъ нелегко подымается и двигается; но стоитъ ему встать и вооружиться — ничто не устоитъ передъ нимъ. Вотъ почему, во всѣхъ войнахъ, которыя намъ приходилось вести, первый походъ обыкновенно сопровождался успѣхомъ посредственнымъ. Не было пораженія, но успѣхъ по необходимости выходилъ неполный. Враги наши могли этому радоваться и провозглашать о нашей слабости, какъ и теперь это дѣлается; но мы знали, въ чемъ дѣло, и не предавались унынію, если первыя военныя извѣстія не сообщали намъ о значительныхъ побѣдахъ. Мы не изъ тѣхъ, которые ведутъ и оглашаютъ *побѣдные дневники*. Военный календарь нашъ болѣе скроменъ. Для

насъ довольно быть въ состояніи начать войну и продолжать ее, коль-скоро насъ на нее вызвали. Держась твердо въ теченіи сегодняшняго дня, мы вѣримъ въ завтрашній, и до сихъ поръ этотъ завтрашній день насъ не обманывалъ. При такихъ именно условіяхъ приняли мы и нынѣшній вызовъ на борьбу, который предложила намъ Европа. Мы никогда не разчитывали на успѣхи блестящіе, громоносные, непосредственно за открытіемъ военныхъ дѣйствій. Напротивъ, намъ казалось, что въ началѣ трудностей будетъ больше, нежели до сихъ поръ оказалось, и что при первыхъ встрѣчахъ непріятель надѣлаетъ намъ больше вреда, нежели вышло на самомъ дѣлѣ.

Если оружіе наше покрылось новою славою подъ Синопомъ, Ахалцыкомъ, Башъ-Кадыкъ-Ларомъ и въ другихъ мѣстахъ, этою удачею мы обязаны примѣрной доблести нашихъ храбрыхъ солдатъ; но мы не ставимъ въ счетъ этихъ побѣдъ. Счетъ настоящій, балансъ прихода и расхода, будетъ выведенъ позднѣе. У насъ имѣется капиталъ запасный, дающій намъ возможность безъ опасеній ждать того, что̀ будетъ. Наши войска ни въ одну изъ прежнихъ войнъ не дрались съ такимъ усердіемъ и самоотверженіемъ, и никогда еще въ Русской исторіи не помнимъ мы такихъ благородныхъ, сдержанныхъ и единодушныхъ проявленій любви къ отечеству. Вотъ на что можно намъ надежно положиться.

Что̀ касается до меня лично, я скромно признаюсь, что вовсе не посвященъ въ политическія тайны нашего правительства, и не могу похвастать знаніемъ того, какъ оно полагаетъ дѣйствовать. У меня нѣтъ отворяющаго всѣ замки ключа, посредствомъ котораго Европейскіе газетчики проникаютъ въ правительственные кабинеты и добываютъ оттуда непреложныя свѣдѣнія обо всѣхъ сопряженіяхъ настоящаго часа и обо всѣхъ возможностяхъ будущаго. Обыкновенно умъ служитъ на то, чтобы ясно понимать то̀, чему выучиваешься. Во Франціи, напротивъ, кажется, склонны думать, что достаточно ума для сужденія о томъ, чего не знаешь. Отъ этого тамъ иной разъ самые высокіе умы сбиваются съ толку и приходятъ къ нелѣпостямъ, пускаясь въ область внѣшней политики. Не дерзаемъ послѣдовать

за ними въ эти созданныя воображеніемъ пространства и совсѣмъ-таки не знаемъ, какъ можетъ поступить наше правительство при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Миръ и равновѣсіе Европы безразсудно и преступно поколеблены тѣми самыми державами, которыя нынѣ, безъ зазрѣнія совѣсти, провозглашаютъ себя охранительницами этого мира и этого равновѣсія, и при этомъ, можетъ быть, Русское правительство, для блага Европы исполнитъ нелегкія обязанности и принесетъ тяжкія жертвы. Въ этомъ смыслѣ оно уже много сдѣлало. Нѣсколько разъ оно само себя стѣсняло въ дѣйствіяхъ и, такъ сказать, вязало себѣ руки съ цѣлью удовлетворить щекотливости союзныхъ правительствъ, съ цѣлью дать имъ время одуматься и принять рѣшеніе наиболѣе для нихъ подходящее, исключительно соотвѣтствующее ихъ выгодамъ, ихъ независимости и достоинству. Отъ этихъ великодушныхъ уваженій, отъ этой долготерпѣливости, разумѣется, потерпѣли наши военныя дѣйствія. Честные и пощадливые поступки императора Николая да будутъ поняты и оцѣнены тѣми, къ кому они относились. Повторяемъ, что этихъ дипломатическихъ сторонъ дѣла мы касаемся лишь мимоходомъ; но мы инстинктивно убѣждены, что тѣ уступки, которыя, руководясь чувствомъ долга, государь можетъ сдѣлать, никогда не будутъ вынуждены и предвосхищены у него силою. Равнымъ образомъ питаемъ мы глубокое убѣжденіе и въ томъ, что, какія бы ни случились обстоятельства, народное одушевленіе не ослабнетъ, и съ этой стороны государь не встрѣтитъ помѣхи для исполненія своихъ намѣреній. Напротивъ, если-бы можно было посовѣтоваться съ народомъ о томъ, какъ дѣйствовать въ ближайшемъ будущемъ, онъ непремѣнно предложилъ бы дать просторъ проявленіямъ своей преданности и отваги. Полное удовлетвореніе по всѣмъ спорнымъ статьямъ, или же война на жизнь и на смерть—вотъ что скажетъ народъ. Пусть нѣсколько морскихъ городовъ будутъ забраны, пусть проиграемъ мы нѣсколько значительныхъ битвъ, духъ народа отъ этого не ослабнетъ. До сихъ же поръ еще ничего этого нѣтъ, и положеніе наше далеко не отчаянное. Война не проникла въ глубь страны: берега ея обстрѣлены, но это такія раны, которыя заживаютъ скоро. Мы

не проиграли ни однаго большаго сраженія и нѣсколько ихъ выиграли. Правда, затраты сдѣланы значительныя, жертвы принесены великія; но и непріятелямъ нужны деньги, чтобы вести войну, и деньги для нихъ не падаютъ съ неба. Между ними и нами та разница, что мы знаемъ, за что́ деремся: насъ вызвали на бой, и мы защищаемъ нашу честь и наше достояніе противъ неправаго нападенія; они же ведутъ войну, потому что въ Европейскихъ кабинетахъ засѣдаютъ министры-охотники до смутъ и переворотовъ, что сокровенная сила руководитъ Европейскими правительствами, подкапывается подъ нихъ и влечетъ ихъ къ гибели. Положеніе наше, пожалуй, тяжко; но на нашей сторонѣ правда, которой нѣтъ на сторонѣ нашихъ противниковъ.

Многія сердца въ Россіи поражены святою, высокою скорбію. Наши офицеры, наши генералы, наши солдаты соперничаютъ между собою въ отвагѣ и усердіи, всюду рвутся впередъ, подвергаютъ себя наперерывъ другъ передъ другомъ убійственному огню, и много благородныхъ жертвъ уже пало. Мы оплакиваемъ гибель этихъ храбрецовъ, пролившихъ кровь свою за родину. Но горечь утраты услаждается для насъ чувствами удивленія и благоговѣйной признательности къ высокимъ подвигамъ самоотверженія. Кровь, великодушно пролитая, придаетъ новую силу вѣры и любви тѣмъ узамъ, которыми связаны мы съ нашею общею матерью. Россія крѣпнетъ, облагороживается, освящается отъ этой крови. Такъ-называемыя потери, о которыхъ твердятъ наши враги, составляютъ нашу гордость, и если бы возможенъ былъ выборъ, мы предпочли бы славныя раны князя Паскевича успѣхамъ и цвѣтущему здоровью, которыми пользуются неуязвленные побѣдители Одессы и Либавы.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ.

Во Французской политической печати обособился новый отдѣлъ для изготовленія статей о Востокѣ. Долгое время эта отрасль словесной производительности принадлежала исключительно Сенъ-Марку-Жирардену. Питая глубокое уваженіе къ благовоспитанному, свѣтлому и тонкому уму этого отличнаго писателя, мы однако полагаемъ, что его лекціи о словесности безспорно выше его политическихъ лекцій, и профессору мы отдаемъ предпочтеніе надъ публицистомъ. Это весьма естественно: какъ профессоръ онъ твердо стоитъ на ногахъ, вполнѣ владѣя своимъ предметомъ, который имъ изученъ основательно и близокъ ему по свойству и направленію его ума, тогда какъ въ область политики онъ пустился, увлекшись заблужденіемъ своего времени и своей страны. Въ наши дни во Франціи всякій умный человѣкъ, привыкшій владѣть перомъ воображаетъ, что онъ призванъ обновлять народы и руководить правительствами. Напримѣръ, г-нъ Тьеръ, вмѣсто того, чтобы довольствоваться положеніемъ одного изъ первыхъ писателей страны своей, захотѣлъ быть и былъ первымъ министромъ. Но вы знаете, что́ сталось съ г-номъ Тьеромъ и со страною? Заслуга Сенъ-Марка-Жирардена въ словесности состоитъ въ томъ что онъ отличается независимостью и, оставаясь Французомъ и болѣе Французомъ, нежели поклонники новой литературной школы, онъ не порабощается тому, что́ принято называть Французскими идеями. Въ политикѣ, напро-

тивъ, онъ судитъ обо всемъ и обо всѣхъ, держась исключительно этихъ идей. Мы были свидѣтелями всего, что̀ идеи эти произвели во Франціи съ 1789 года. Одни Французы того не видятъ. И нынѣ опять, послѣ столькихъ недочетовъ, послѣ всѣхъ пережитыхъ обществомъ разочарованій, зайдетъ ли рѣчь о томъ, какъ долженъ обновиться Востокъ,—нѣтъ ничего легче, скажутъ вамъ Французскіе публицисты и Сенъ-Маркъ-Жирарденъ во главѣ ихъ: перенесите туда Французскія идеи, и обновленіе состоится.

Эженъ Форкадъ, новый дѣятель восточно-политической печати, еще болѣе, чѣмъ другіе, пожертвовалъ своею независимостью. Онъ держится Французскихъ идей оффиціальныхъ и воображаетъ, что на ихъ основаніи ему можно составить „исторію причинъ восточной войны“. Онъ добродушно и вполнѣ вѣритъ синимъ сказкамъ Французскаго Монитера и Синей Книгѣ Англійскаго парламента. Онъ изучаетъ оффиціальныя бумаги, изданныя обоими правительствами или, вѣрнѣе, тѣми лицами, которыя находили свою выгоду въ ихъ изданіи; онъ роется въ этихъ искаженныхъ показаніяхъ, выпущенныхъ про обиходъ публики, и на нихъ основываетъ разъясненіе и оцѣнку событій. Въ Русскихъ документахъ ему видятся сокровенныя цѣли, заднія мысли, всегдашнее притворство; документы же Французскіе и Англійскіе для него вполнѣ откровенны и ясны, какъ Божій день.

Новый трудъ, появившійся въ Revue des Deux Mondes, подъ заглавіемъ: «Австрія и политика Вѣнскаго кабинета въ восточномъ вопросѣ», написанъ, очевидно, по внушенію и подъ диктовку Французскаго посольства въ Вѣнѣ. Нетрудно понять и оцѣнить вліяніе, производимое этимъ посольствомъ на нѣкоторыхъ представителей Австрійской и Нѣмецкой печати; немудрено также, что ему отзываются во Франціи. На этотъ разъ послѣдовалъ отзывъ вполнѣ отчетливый, и для того не потребовалось особаго труда и никакихъ издержекъ. Обратились къ писателю съ направленіемъ благонамѣреннымъ, который вѣренъ правительству и котораго первые опыты отличаются изяществомъ и общедоступностью изложенія, дабы превознести гос-

[illegible] Друэнъ-де-Люиса и Буркенея. Эти имена, какъ сказано въ Revue des Deux Mondes, «навсегда связаны съ памятью объ успѣхѣ, который дѣлаетъ честь Французской дипломатіи, который такъ благопріятенъ, что Франція относится къ нимъ съ чувствомъ гордости и признательности».

Что до меня лично, то, какъ уже не разъ замѣчено, я не состою ни въ какихъ отношеніяхъ къ дипломатіи. Я не у дѣлъ и даже не живу въ Россіи уже нѣсколько лѣтъ. Стало быть, на меня не могутъ дѣйствовать чьи-либо внушенія или нескромности. Живу особнякомъ и чувствую, что не имѣю права судить о политическихъ дѣйствіяхъ Австріи въ восточномъ вопросѣ. Мнѣ неизвѣстна сокровенная сущность этихъ дѣйствій, и я не смѣю ни хвалить, ни порицать, и потому ограничусь лишь разборомъ сочиненія г-на Эжена Форкада. Судя по картинѣ, имъ начертанной, я очень склоненъ думать, что Французская дипломатія обольщается, приписывая Австріи не ту роль, которую она играла и защищая Австрійское правительство, оно дѣлаетъ неловкость. У г-на Форкада выходитъ, что Австрія лишена независимости или, лучше сказать независимость ея состоитъ въ томъ, чтобы находиться подъ опекою Англіи и Франціи. Г-нъ Форкадъ полагаетъ, что Австріи нельзя оставаться непричастною къ борьбѣ и, въ случаѣ столкновенія, она неминуемо должна очутиться на буксирѣ либо у Россіи, либо у морскихъ державъ. Толкуется о величіи Австріи, и въ тоже время приписывается ей такая странная роль. Читая сочиненіе г-на Форкада, подумаешь, что Австрія ни разу не умѣла произвольно и добровольно остановиться на какомъ-либо рѣшеніи и что когда лежатъ передъ нею два пути, она колеблется, сѣменитъ и виляетъ, пока случайная необходимость не двинетъ ее по тому или другому направленію. Повидимому, г-нъ Форкадъ глубоко уважаетъ политическій образъ дѣйствій князя Меттерниха и не можетъ надивиться уму его; а, между тѣмъ, посмотрите, какую роль заставляетъ онъ его играть въ «дипломатической борьбѣ противъ Россіи, борьбѣ, которую съ 1821 по 1829 годъ г-нъ Меттернихъ велъ одинъ?» (См. Revue des Deux Mondes, 1-го Іюня 1854). «Черезъ девять лѣтъ упорной

борьбы, г-нъ Меттернихъ успѣлъ лишь въ томъ, что обратилъ на главу свою зложелательство страшнаго сосѣда (Русскаго императора) и наконецъ долженъ былъ уступить преобладающей силѣ и необходимости.....! Ему пришлось (говорится далѣе) обратиться къ Россіи съ видомъ уничиженнаго раскаянія.» Хороша похвала государственному человѣку! Онъ дѣлалъ, что̀ хотѣлъ въ странѣ своей, онъ имѣлъ великое вліяніе въ Европѣ, и тѣмъ не менѣе не исполнилъ своихъ замысловъ, которые питалъ и проводилъ въ теченіе девяти лѣтъ! Стало быть, либо замыслы эти были никуда негодны, либо тотъ, кому они принадлежали, не имѣлъ достаточно способностей и нравственнаго мужества, чтобы восторжествовать надъ препятствіями. Во всякомъ случаѣ, государственный человѣкъ съ высокимъ умомъ и крѣпкою волею (безъ сочетанія этихъ двухъ качествъ государственный человѣкъ невозможенъ), когда событія перечатъ ему, не раскаевается, не уклоняется съ пути и не уступаетъ преобладающей силѣ и необходимости.... Онъ просто удаляется съ поприща и предоставляетъ управленіе дѣлами рукамъ болѣе удачливымъ и болѣе искуснымъ. Недавній примѣръ лорда Абердина, который, бывъ такъ долго первымъ до сихъ поръ министромъ мира, остается по тому же самому вопросу, первымъ министромъ брани, не оправдываетъ князя Меттерниха въ той роли, которая ему приписана г-номъ Форкадомъ.

Сочиненіе сего послѣдняго написано въ пользу Австріи. Между тѣмъ довольно любопытно и важно перечислить обмолвки и нескромности сочинителя, которыя сказались у него по необходимости, такъ какъ, восхваляя Австрію, онъ долженъ былъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы польстить суетности Французской дипломатіи. Обратимъ вниманіе читателя на нѣкоторыя выдержки изъ труда г-на Форкада.

„Вѣнскія конференціи, естественно, были придуманы для того, чтобы мало-по-малу освободить Австрію изъ подъ исключительнаго вліянія Русскаго союза“. Это значитъ, другими словами, что естественною цѣлью, для которой придуманы Вѣнскія конференціи, было мало-по-малу подчинить Австрію вліянію Англо-Французскаго союза. Изъ сего прямо слѣдуетъ, что Ав-

стрія не есть держава независимая и что она неизбѣжно должна находиться подъ чьимъ либо давленіемъ... Далѣе читаемъ: „Г-нъ Нессельроде отвѣчалъ г-ну Буолю, что Россія готова вступить въ переговоры и уполномочивалъ его сообщить о томъ непосредственно Портѣ; но г-нъ Буоль поспѣшилъ передать это заявленіе на конференціи, дабы оно получило значеніе и дабы не порвать общей связи". (Не забудьте, что конференціи придуманы съ цѣлью подѣйствовать на совѣсть Австріи и отвлечь ее отъ ея естественной и законной союзницы). „Заручившись этимъ основаніемъ, г-нъ Буоль слѣдуетъ идеямъ г-на Друэна-де-Люиса, къ рѣдкимъ достоинствамъ и счастію котораго принадлежитъ то, что, въ теченіи переговоровъ, онъ почти всегда предупреждалъ событія". Devancer les événements въ нашемъ переводѣ будетъ значить: быть настоящимъ крамольникомъ, помрачить разумѣніе г-на Буоля и устроить такъ, чтобы Австрія все болѣе и болѣе лишалась независимости, запутываясь въ разставленныхъ ей сѣтяхъ. Продолжаемъ наши выписки: „Турція объявила войну въ концѣ Сентября; союзные флоты получили приказаніе идти въ Босфоръ въ началѣ Октября и войти въ Черное море въ концѣ Декабря, т.-е. послѣ Синопскаго дѣла. Какими глазами смотрѣла Австрія на эти сильныя мѣры? Кажется, мы можемъ (подъ словомъ *мы*, конечно, надобно разумѣть г-дъ Буркенея и Форкада) утвердительно сказать, что эти мѣры не испугали ея, напротивъ утвердили ее въ дипломатическомъ единеніи съ морскими державами, и что вмѣсто того, чтобы жаловаться на наши умножавшіяся вооруженія, она *въ глубинѣ сердца* радовалась имъ".

Предоставляемъ всякому честному Австрійцу оцѣнить по достоинству это *утвержденіе* г-на Буркенея и его приверженца и согласить оное съ *личными чувствами*, которыя сочинитель приписываетъ Австрійскому императору, „воспитанному съ дѣтства въ уваженіи къ императору Николаю, привыкшему видѣть въ немъ олицетвореніе порядка и охранительныхъ началъ Европейскаго мира и *полагающему*, что онъ ему обязанъ тѣмъ, что утвердился на престолѣ". Вмѣсто *полагающему* можно бы здѣсь сказать *сознающему*, потому что императоръ Австрійскій не могъ

не признавать и не долженъ былъ бы забывать услуги, которую ему оказалъ императоръ Николай.

Впрочемъ, самъ г-нъ Форкадъ называетъ Австрійское невмѣшательство *пристрастнымъ въ пользу западныхъ державъ*. И въ подтвержденіе своего слова онъ прибавляетъ: „Каждому поступательному шагу морскихъ державъ (слышите, *морскихъ державъ*, а не каждому поступательному шагу Россіи, чѣмъ, до извѣстной степени, можно было бы оправдать Австрію) соотвѣтствовалъ поступательный шагъ Австріи въ дѣлѣ переговоровъ".

Австрія, какъ и г-нъ Друэнъ-де-Люисъ, также старалась *предупредить событія*.

Право не знаешь, хотѣлъ ли сочинитель составить обвинительный актъ противъ Австрійскаго кабинета или, можетъ быть, въ слѣпомъ предубѣжденіи своемъ онъ не въ состояніи отличить честное отъ безчестнаго, дѣйствія благородныя и прямодушныя отъ дѣйствій лукавыхъ и утопленныхъ. Читая трудъ г-на Форкада, все хочется обратиться къ нему съ вопросомъ, который онъ приписываетъ Греческой королевѣ въ ея разговорѣ съ Австрійскимъ министромъ: „Что въ Вѣнѣ исповѣдуютъ ли еще христіанскую вѣру"? (Revue des Deux Mondes, 15 Іюля 1854).

Вѣрно то, что онъ заставляетъ Австрію играть роль, діаметрально противоположную той, которая ей предписывалась обязательствами честнаго союза съ Россіею и которая состояла въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, нравственно поддержать Россію противъ нападеній или *поступательныхъ шаговъ* западныхъ державъ, а не проводить ее и не обманывать переговорами, смыслъ которыхъ мы не умѣемъ лучше опредѣлить, какъ приведя еще разъ слова г-на Форкада: „Правда, Австрія не была зачинщицею, и первый выстрѣлъ принадлежитъ не ей; но всякій согласится, что, *зарядивъ пушку, мы заткнули зарядъ Австрійскимъ подстрекательствомъ*" (стр. 875).

Французская дипломатія, дочь революціи, періодически потрясающей Францію, разумѣется, не дорожитъ народными преданіями, законностью и тѣми началами, на которыхъ должна держаться государственная политика. Поэтому она отзывается

[illegible] и презрѣніе о *Русскомъ союзѣ*, который въ началѣ [illegible] года естественно, служилъ одною изъ основъ политическихъ [illegible] Австріи. Клеветъ Французской дипломатіи говоритъ что, по видимому иной складъ мыслей не могъ пустить корней ни въ Вѣнскомъ обществѣ, ни въ высшей военной аристократіи прочнымъ памятникъ, ни въ правительствѣ; Русскій союзъ считался чѣмъ-то священнымъ, чѣмъ-то въ родѣ религіи, неприкосновеннымъ какъ правила приличія, общенароднымъ какъ мода[4]. Но для Французской дипломатіи все это ни по чемъ, все это старая вещь которую надо истребить до тла. Какое ей дѣло, что такое [illegible] стало *священнымъ* и *общенароднымъ*? Габсбургскій домъ возродился въ революціонномъ крещеніи 1848 года омытъ и очищенъ отъ первороднаго грѣха своего. Всѣ бѣдствія, которыя постигли Австрію вслѣдствіе этого крещенія и благодаря которымъ она очутилась на краю пропасти и должна была погибнуть, если бы не спасъ ее этотъ *злой союзъ*, все это, по мнѣнію г-на Форкада, „достаточно искуплено тѣмъ, что въ совѣтѣ имперіи открытъ доступъ адвокату и профессору; знакъ и предвѣстіе того, что старая Австрійская политика должна обновиться[5].

И такъ вотъ въ чемъ разгадка. Спасибо автору, что онъ помогъ намъ найти къ ней ключъ. Эти остатки баррикадъ, не убранные со времени революціи, не только затрудняли ходъ правительственной колесницы, но и заставили своротить съ прямаго пути и перебраться на путь погибельный. Кошутъ палъ, но нѣкоторые изъ его соумышленниковъ по революціи остались при дѣлахъ и во власти. Революція не совсѣмъ побѣждена, и 1854 годъ предназначенъ для того, чтобы отмстить за невзгоды 1849-го.

Шалунъ-авторъ желаетъ навести насъ еще на другую истину. Если ему не удается убѣдить насъ въ томъ, что для Австріи необходимо и полезно отдаться въ распоряженіе Англо-Французскаго союза, за то изъ его разсказа до очевидности явствуетъ, что для Англіи и Франціи крайне необходимо имѣть за себя Австрію. Это разъясненіе находится въ самомъ началѣ разбираемой статьи.

„Австрія и Германіа вслѣдъ за нею станутъ ли дѣйствовать сообща съ Франціею и Англіею противъ Россіи? Тутъ узелъ восточнаго вопроса, и Европейская публика (читай: Французское и Англійское правительства), въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, съ тревогою и надеждою относилась къ этому вопросу. Отвѣтомъ на него, который въ скоромъ времени послѣдуетъ, должны опредѣлиться цѣль, размѣры, характеръ и поприще дѣятельной войны, нынѣ начатой морскими державами".

Простодушное и весьма назидательное признаніе. Неминуемый логическій выводъ изъ него таковъ: если бы Австрія и за нею Германія не стали дѣйствовать противъ Россіи, то Французскому правительству и его министру, *предупреждающему событія,* пришлось бы дѣйствовать, очертя голову, и Франція, будучи въ союзѣ только съ одною Англіею, начавъ войну, не умѣла бы опредѣлить ея *цѣли, размѣровъ, характера* и *поприща.*

Въ этомъ признаніи обнаружилась тайная мысль Французскаго и Англійскаго правительствъ. Впрочемъ, тайна эта напоминаетъ собою тайны въ комедіяхъ. Если бы ее не проболтала нескромная дипломатія, то ее выдали бы сами событія.

Лордъ Кларендонъ, вопреки критическимъ заявленіямъ оппозиціи, находитъ, что война, начавшаяся съ Марта мѣсяца, уже сопровождалась весьма удовлетворительными успѣхами. Но онъ ошибается, не во гнѣвъ ему будь сказано. Англія, Европа и сама Россія ожидали чего-нибудь поважнѣе. Великія противъ насъ направленныя силы до сихъ поръ парализованы бездѣйствіемъ Германіи, и г-нъ Форкадъ весьма основательно замѣчаетъ, что „нельзя нанести Россіи рѣшительныхъ ударовъ, которые бы принудили ее попросить мира, коль скоро смежныя съ нею державы, вмѣсто того, чтобы оборотить на нее штыки свои, закрываютъ ее собою и служатъ ей обороною?"

Не знаемъ, удалось ли бы и этимъ штыкамъ принудить Россію къ исканію мира; но, не менѣе того, намъ лестно слышать, какъ противникъ нашъ принужденъ сознаться, что безъ общаго Европейскаго союза Русская сила и Русская доблесть неодолимы.

Съ начала войны, т.-е. съ Марта мѣсяца, ничего важнаго

не было предпринято противъ Россіи, ничего такого, что̀ соотвѣтствовало бы силамъ, приведеннымъ въ движеніе державами, которыя, конечно, преувеличиваютъ свое величіе, но, безъ сомнѣнія, располагаютъ страшными средствами. Это очевидно. На морѣ мы были свидѣтелями только морскихъ разбоевъ; на сухомъ пути мы слышали, что въ Турціи устроивались пышныя встрѣчи маршалу Сенъ-Арно, его супругѣ и другимъ важнымъ лицамъ Англо-французскаго союза. Да еще, если не ошибаюсь, его величество султанъ приказалъ своимъ музыкантамъ торжественно исполнить романсъ королевы Гортензіи и Англійскую народную пѣсню. Это тоже что̀-нибудь да значитъ, пожалуй, и много значитъ; но все же это не тѣ рѣшительные удары, о необходимости которыхъ вопіетъ г-нъ Форкадъ.

Англійское министерство доноситъ парламенту, что моряки не учились нападать на гранитныя стѣны, и что если флоты ничего еще не сдѣлали, то винить въ томъ надо непріятеля, которому слѣдовало не запираться въ огражденныхъ мѣстахъ, а почтить противниковъ встрѣчею на морѣ. Плохая шутка, изобрѣтенная для добраго и довѣрчиваго Джона Буля, а въ сущности—признаніе своего безсилія.

Вамъ мало того, что вы зовете къ себѣ на помощь всю Европу. Вы хотите еще, чтобы Россія облегчила вамъ тяготу дѣла. Это уже черезъ чуръ! Вамъ угодно было воевать, такъ ведите-же войну, какъ слѣдуетъ, и не говорите, что противникъ вашъ робѣетъ, тогда какъ робѣете вы сами. Онъ не идетъ къ вамъ, такъ ищите его. Онъ на васъ не нападаетъ, нападайте на него, благо вамъ такъ нетерпѣливо хочется его разгромить. Вѣдь мы не желали войны, и намъ, естественно, не торопиться встрѣчею съ непріятелемъ, который превосходитъ насъ своею численностію. Самыя простыя правила благоразумія и военной тактики предписываютъ намъ выжидать и не подвергаться случайности.

Если вы еще сомнѣваетесь въ оффиціальномъ происхожденіи Форкадова сочиненія, обращу ваше вниманіе на бытовую картинку, вставленную въ этотъ дипломатическій трудъ, пожалуй, ни къ селу ни къ городу, но важную тѣмъ, что рука мастера явственно

обозначилась въ ней, точно какъ бываетъ въ школьныхъ рисункахъ: художникъ разъ-другой прошелся кистію, и работа ученика получила смыслъ и значеніе. Прочитавъ страницы 861 и 862-ю, вы узнаете навѣрное, въ какой мастерской или кабинетѣ онѣ писаны.

Парижскому журналисту никогда бы не набрать этихъ дворцовыхъ и семейныхъ подробностей, которыми разцвѣчено однообразіе дипломатическаго изложенія. Только человѣкъ съ высокимъ и, притомъ, особеннымъ положеніемъ могъ подмѣтить всѣ эти секреты и нескромно передать ихъ любопытству публики. Высшее приличіе не дозволяетъ намъ распространяться объ этомъ.

Ограничимся указаніемъ на эту свѣжую и нѣжную идиллію, которая служитъ такимъ утѣшеніемъ и развлеченіемъ читателю. Усерднѣйше поздравляемъ барона Буркенея: онъ обнаружилъ замѣчательный талантъ въ этомъ опытѣ, который у него названъ *просвѣтомъ въ восточномъ вопросѣ*, такъ какъ невозможно сомнѣваться, что за этотъ *просвѣтъ* мы одолжены ему. Если г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ встрѣтилъ совмѣстника въ г-нѣ Форкадѣ, то идиллической памяти Беркеню и Флоріану тоже нашелся счастливый соперникъ въ лицѣ знаменитаго дипломата.

Прежде, чѣмъ покончить съ сочиненіемъ, появившимся въ Revue des Deux Mondes, мы считаемъ долгомъ упомянуть еще объ одной неловкой ошибкѣ, которая тамъ находится. Сочинитель приводитъ отрывки писемъ изъ Россіи и увѣряетъ будто они принадлежатъ человѣку, *занимающему высокое положеніе въ средоточіи правительства*, такъ что по нимъ яко бы *можно судить о политическомъ умоначертаніи, нынѣ господствующемъ въ Петербургѣ*. Намъ извѣстны эти письма, и близко знакомъ писавшій ихъ *). Г-нъ Форкадъ совершенно вѣрно свидѣтельствуетъ о необыкновенно-высокомъ умѣ и дарованіи автора; но онъ совершенно ошибается, воображая, будто авторъ занимаетъ въ Россіи *высокое положеніе въ средоточіи правительства*. Напротивъ, лице, о которомъ идетъ рѣчь, въ отношеніи служебномъ не занимаетъ даже и второстепенной должности. Его самолю-

*) Ѳ. И. Тютчевъ. *П. Б.*

бie очень скромно. вкусы и привычки мѣшаютъ вести дѣятельную жизнь, онъ держитъ себя въ сторонѣ отъ правительственнаго движенія и вполнѣ независимъ въ своихъ мнѣніяхъ. Онѣ составляютъ личную его принадлежность. и тутъ не можетъ быть и помину о правительственномъ внушеніи.

Мы назвали ошибку Revue des Deux Mondes, по отношенію къ этимъ письмамъ, *великою*. и вотъ почему. Если г-нъ Форкадъ (чего мы не желаемъ допустить) былъ вѣрнымъ истолкователемъ дѣйствій Австріи во время восточнаго кризиса, то въ письмахъ, на которыя онъ ссылается, досталось и ему, и тому правительству, которое онъ защищаетъ. Въ данномъ случаѣ все что́ онъ обзываетъ „насильственнымъ и напускнымъ наліяніемъ раздраженія. естественно испытываемаго Россіею вслѣдствіе безъисходнаго положенія, въ которомъ она очутилась", всѣ обвиненія, съ которыми Русскій писатель обращается къ Германской политикѣ, все это слишкомъ оправдалось событіями. Защитникъ или, вѣрнѣе, обвинитель Австріи, въ дипломатическомъ и чисто-Французскомъ самообольщеніи, не замѣчаетъ настоящаго значенія и непосредственнаго, неизбѣжнаго дѣйствія доводовъ, которые онъ приводитъ съ такою неосмотрительностію и которые, по оглашеніи своемъ, должны возбудить противодѣйствіе въ головѣ каждаго добросовѣстнаго Нѣмца, до сихъ поръ обсуждавшаго спорный вопросъ лишь съ точекъ зрѣнія Французской и Англійской.

Съ самоувѣренностью пошлой болтовни, Парижскій публицистъ не пропускаетъ случая повторить, что въ Петербургѣ имѣется двѣ партіи, Нѣмецкая и собственно-Русская. Онъ прибавляетъ, что авторъ этихъ писемъ принадлежитъ къ самымъ ревностнымъ членамъ сей послѣдней партіи, которая нынѣ, яко бы, пользуется полнымъ торжествомъ. Онъ забываетъ, что́ въ этихъ самыхъ письмахъ, вполнѣ личныхъ и не предназначавшихся къ оглашенію, находится слѣдующее признаніе: „Что до меня лично, то природою я осужденъ на безпристрастіе, и если нахожу Нѣмецкую политику жалкою, то уже, конечно, не изъ побужденій народной враждебности". Люди, знакомые съ авторомъ, въ Россіи, въ Германіи, во Франціи, хорошо знаютъ,

что слова эти искренни и что онѣ приведены вовсе не для красоты слога, а содержатъ въ себѣ чистую и прямую правду. Что́ до того, что въ Россіи живетъ извѣстное число Нѣмцевъ, нашихъ уроженцевъ и пріѣзжихъ, это вѣрно; что въ обыкновенное, спокойное время, въ жизни частной они нѣсколько выдѣляются изъ обще-народной массы вѣроисповѣданіемъ, языкомъ, нравами, это также очень естественно. Не отрицаемъ и того, что въ дѣлахъ самоуправленія, по отношенію къ извѣстнымъ льготамъ и мѣстной обособленности, чувствуются иной разъ легкія неудовольствія и слышится разноголосица. Но во всѣхъ важныхъ вопросахъ, касающихся народнаго достоинства, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о государствѣ, а не о той или другой области, различіе исчезаетъ или, вѣрнѣе сказать, обобщается въ одинаковомъ у всѣхъ ощущеніи. Тогда уже не бываетъ Нѣмецкаго и Русскаго лагерей: лагерь одинъ и знамя одно. О томъ свидѣтельствуетъ 1854 годъ, какъ и 1812-й. Въ Россіи, какъ и вездѣ, есть люди, болѣе или менѣе склонные къ войнѣ или къ миру; но разница во мнѣніяхъ не ведетъ къ образованію партіи и къ взаимной враждѣ; эту разницу можно встрѣтить и между Нѣмцами, какъ и между Русскими. Въ иностранной печати безпрестанно толкуютъ о Русскихъ боярахъ, не подозрѣвая, что бояръ давно не существуетъ. Это все равно, какъ если-бы мы, говоря о состояніи умовъ во Франціи, стали бы отыскивать въ ней Бургиньоновъ и Арманьяковъ. Намъ нечего сомнѣваться въ преданности и сочувствіи къ Россіи Нѣмцевъ и другихъ нашихъ инородцевъ, такъ какъ они руководятся въ этомъ отношеніи вполнѣ естественнымъ благоразуміемъ и разсчетомъ. Вопреки примѣру другихъ державъ, наше правительство всегда покровительствовало народностямъ, вошедшимъ въ составъ нашего государства, во сколько это покровительство не противорѣчитъ общему благу. Льготами, во многихъ отношеніяхъ, у насъ пользовались не побѣдители, а побѣжденные. Губерніямъ Балтійскимъ, Финляндіи, областямъ Азіятскимъ предоставлены такія права по торговлѣ и самоуправленію, которымъ могутъ позавидовать жители настоящей Россіи. Вольно же было Полякамъ взбѣлениться и собственными руками уни-

чтожить всѣ преимущества, которыя были имъ уступлены Русскимъ правительствомъ. Всякій Нѣмецъ, подданный Россіи, всякій благоразумный Финляндецъ всегда будетъ гордъ и счастливъ тѣмъ, что онъ принадлежитъ великой имперіи, которая пріобщила его къ своему могуществу. Они не станутъ мечтать о составленіи маленькаго и бѣднаго независимаго государства, не станутъ добиваться чести принадлежать государству второстепенному или составленному изъ разнородныхъ началъ, гдѣ два вѣса и двѣ мѣры: одни для побѣдителей и другія для побѣжденныхъ.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Іюль.

Будущее покажетъ, одержитъ ли *императоръ мира*, ставъ во главѣ своихъ войскъ, больше или меньше побѣдъ, нежели сколько одержалъ ихъ *императоръ войны;* но то вѣрно, что Наполеонъ первый лучше третьяго умѣлъ говорить съ солдатами. По нашему мнѣнію, это весьма естественно. Краснорѣчіе Наполеона перваго вдохновлялось кровавымъ зрѣлищемъ битвъ. Громя Европу, онъ не держался въ сторонѣ, не холилъ себя, не заботился о своемъ здоровьѣ въ Біарицкихъ купальняхъ, вдали отъ театра войны, вдали отъ столицы, опустошаемой заразительной болѣзнію. Онъ не щадилъ себя, жилъ съ солдатами въ палаткахъ и раздѣлялъ съ ними, по семейному, всѣ труды и опасности войны. Поэтому когда онъ говорилъ имъ: «Мои дѣти», это обращеніе было понятно, такъ какъ они, дѣйствительно, были усыновлены ему огненнымъ крещеніемъ. Онъ не говорилъ имъ, какъ Наполеонъ III-й: «Солдаты, до свиданья!» что̀ равняется словамъ: «Солдаты, до такого-то времени кончите дѣло, приходите меня о томъ увѣдомить». Нѣтъ, когда дѣти дрались, они знали, что отецъ во главѣ ихъ. Равнины Маренго и другія равнины не имѣютъ ничего похожаго на равнину Сатори, гдѣ слышалось хлопанье только пробокъ и проливалось въ избыткѣ только Шампанское.

Въ прокламаціяхъ перваго было довольно нахальства и хвастовства; но это нахальство и это хвастовство отзывались

порохомъ, а не лекарствами. Третьему, за недостаткомъ славныхъ битвъ, приходится поздравлять своихъ солдатъ съ тѣмъ, что они оказали услугу отечеству, преодолѣвъ опасность холеры. Съ подобными похвалами лучше бы обращаться къ чиновникамъ, которымъ поручено охраненіе народнаго здравія, а не къ солдатамъ. Первый поостерегся бы привѣтствовать своихъ молодцовъ съ тѣмъ, что *они еще не сражались;* потому что онъ поспѣшилъ бы доставить имъ возможность сразиться и повелъ бы ихъ на непріятеля, а не сталъ бы дожидаться встрѣчи съ нимъ. Старые ворчуны огорчились бы подобнымъ привѣтствіемъ. Ихъ нельзя было увѣрять, будто одного ихъ *присутствія было достаточно для того, чтобы непріятель ушелъ назадъ за Дунай.* Да и теперешніе солдаты хорошо знали, что присутствіе ихъ ни малѣйше не помѣшало непріятелю осаждать Силистрію, и что если онъ снялъ осаду, то Французы и Англичане тутъ не при чемъ. Равнымъ образомъ, первый Наполеонъ не сказалъ бы, что *Русскіе корабли постыдно остаются въ своихъ портахъ.* Я не хочу утверждать, что онъ выражался про непріятеля вѣжливѣе нынѣшняго; но онъ слишкомъ хорошо зналъ войну и имѣлъ слишкомъ много такта, чтобы сказать подобную нелѣпость. Онъ понималъ, что непріятель поступаетъ благоразумно, не покидая надежной позиціи, и что если постыдно оставаться въ ней, то не менѣе, развѣ не болѣе, постыдно не умѣть принудить его къ оставленію такой позиціи.

Первая прокламація къ солдатамъ экспедиціоннаго корпуса, отправлявшагося въ Балтійское море, неудачна какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Въ ней говорится, что дѣйствія Французскаго правительства одобряются Европою и, кромѣ того, что Европа относится къ успѣхамъ Французскаго оружія съ *тайнымъ благожелательствомъ.* Это и неловко само по себѣ, и оскорбительно для тѣхъ, на чей счетъ дѣлается намекъ, то есть для державъ, которыя еще не дали себя увлечь и не находятся въ открытой борьбѣ съ Россіею. Ораторъ забываетъ, что правительству законному и независимому нечего питать *благожелательства тайнаго.* Если оно кому желаетъ блага, то выражаетъ это открыто и дѣйствуетъ сообразно

такому желанію. Недомолвки и умолчанія — удѣлъ правительствъ, возникшихъ вслѣдствіе захвата власти.

Въ той же прокламаціи, въ концѣ, вспоминается про битву подъ Москвою. Это для насъ доброе предзнаменованіе. Мы также обращаемся къ воспоминанію о томъ великомъ днѣ. Бородинская битва, которую Французы почему-то окрестили битвою подъ Москвою, не была для насъ битвою, проигранною даже и въ военномъ смыслѣ. Это было ожесточенное и гигантское столкновеніе, въ которомъ обѣ стороны удержали за собою свои позиціи. Битва кончилась только потому, что ночь помѣшала ея продолженію. Скажемъ болѣе: въ другихъ отношеніяхъ Бородинская битва была для насъ политическою и нравственною побѣдою. Оставленіе Москвы вовсе не было непосредственнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой битвы; ибо, если наши войска истомились и ослабѣли отъ понесенныхъ потерь, то и непріятель имѣлъ крайнюю нужду въ отдыхѣ. Оставленіе Москвы было героическимъ подвигомъ и, въ тоже время, ловушкою для Наполеонова честолюбія и для Французской суетности. Какъ скоро непріятель занялъ Москву, война безповоротно получила значеніе войны народной. Тутъ нанесенъ первый ударъ могуществу Наполеона. Вступивъ въ Кремль, онъ сдѣлалъ первый попятный шагъ свой на пути побѣдъ и всемірнаго господства. Бюллетень, возвѣщавшій о вступленіи въ Москву, можно назвать предисловіемъ къ акту отреченія, подписанному въ Фонтенебло. Если бы онъ не занялъ Москвы, если бы не оставался въ ней такъ долго, то многіе годы еще владѣлъ бы Франціею; онъ умеръ бы въ Тюйлери и не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ передалъ бы въ наслѣдство своему сыну престолъ и имперію.

«Западъ Европы идетъ на Москву; но, увы, зима все измѣнила!! Наполеоновская Европа не можетъ больше существовать!» Это говоритъ Наполеонъ III-й въ своемъ сочиненіи: *Наполеоновскія идеи*. Онъ, какъ и большинство Французовъ, добродушно увѣренъ, что Русскій походъ не удался единственно потому, что наступило зимнее время, точно будто зима 1812 года была обстоятельство случайное и не могла быть

предусмотрѣна. Останавливаться на этомъ мы не будемъ; но для насъ пріятно найти у него подтвержденіе той истины, что съ Москвы начинается *невозможность Наполеоновской Европы.* Если впослѣдствіи онъ самъ устроилъ опроверженіе своего пророчества, тѣмъ лучше или тѣмъ хуже для него: это дѣло не наше. Но, во всякомъ случаѣ, позволительно думать, что, можетъ быть, Россія призвана Промысломъ еще разъ выяснить два тождественныя обстоятельства, именно, что въ примѣненіи къ намъ Наполеоновскія идеи оказываются несостоятельными, и что Европа не можетъ и не должна быть Наполеоновскою. Странная земля наша Россія: иностранцу никогда не разсчитать, гдѣ и когда наступитъ для него зима, и всякій разъ онъ подвергается опасности, что какая нибудь зима окажется для него помѣхою.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Сентябрь.

«Государь, довольно проповѣдей!» При дворѣ 2-го Декабря найдется не мало Жилблазовъ въ оффиціальныхъ должностяхъ; отчего же ни одинъ изъ нихъ не отважится сказать: «Ваше величество, довольно прокламацій!» Мы уже показали, какъ слабо дѣйствуетъ на насъ военное краснорѣчіе Страсбургскаго и Булоньскаго героя; но признаемся, послѣдняя его прокламація къ Сѣверной арміи (2 Сентября 1854) превзошла наши ожиданія, разумѣется, въ смыслѣ странностей, и прежняя наша оцѣнка уже оказывается слабою. Между тѣмъ, *императоръ мира* находился тутъ въ своей сферѣ. «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ». при совершенно-смирной обстановкѣ. Никакой тревоги, ни ружейнаго, ни пушечнаго выстрѣла! Его прекрасный пажъ могъ вполнѣ безопасно объявить молодой и прекрасной его супругѣ:

Ôtez vos habits roses;
Vos beaux yeux vont pleurer! *)

Здоровье и жизнь Мальбруга были внѣ опасности, ибо дѣло состояло въ театральномъ представленіи, которое надо было устроить совершенно такъ, какъ въ былое время, т.-е. чтобы зрителями въ партерѣ сидѣли короли. Казаки, которыхъ пришлось тутъ встрѣтить, взяты исключительно изъ актеровъ театра Гаэте, т.-е. изъ добрыхъ и старинныхъ знакомцевъ его величества. Французскіе солдаты нетерпѣливы и часто ворчатъ. Пред-

*) Снимайте ваши розовыя одежды; прекраснымъ глазамъ вашимъ придется плакать!

ставьте себѣ, какъ они зѣвали тайкомъ и какъ смѣялись про себя, выслушивая эту школярную рѣчь, которую держалъ къ нимъ новый Дени, вздумавшій на досугѣ сдѣлаться школьнымъ учителемъ. Какъ этимъ храбрецамъ было лестно и поучительно услышать изъ императорскихъ устъ его величества, „что многочисленная армія не должна скучиваться, въ видахъ продовольствія, и что ихъ армія расположена треугольникомъ, въ вершинѣ котораго Сенъ-Омеръ, а основаніе простирается отъ Амбльтёзы къ Монтрейлю, и въ добавокъ, что этотъ треугольникъ имѣетъ восемь миль въ основаніи и двѣнадцать по бокамъ!!“ Какъ они должны быть счастливы и горды, узнавъ обо всемъ этомъ! Мы до сихъ поръ простодушно думали, также какъ думалъ *тотъ*, что армія должна не расходиться, а всячески сосредоточиваться на одномъ мѣстѣ, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать противъ непріятеля. *Тотъ* говаривалъ также, что *Богъ помогаетъ густымъ батальонамъ*. Правда, что у *того* на умѣ всегда была настоящая армія, тогда какъ *этотъ* полагаетъ, что армія нужна для того, чтобы веселиться, что она должна прежде всего жить и давать жить другимъ. Знаменитый воевода мира совершенно основательно и самоувѣренно замѣчаетъ, что этой арміи, размѣщенной въ видѣ *побѣдоноснаго треугольника*, рѣшительно нечего бояться. „Солдаты!“ говоритъ онъ имъ, „опытные вожди, которыхъ я поставилъ надъ вами и одушевляющая васъ преданность, *облегчатъ мнѣ* командованіе Сѣверной арміею.“ Мы въ этомъ не сомнѣваемся. Это командованіе, какъ надо ожидать, не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, и Сѣверная армія, въ своемъ треугольникѣ, можетъ *жить* и спать, ни о чемъ не тревожась.

Такое великолѣпное представленіе, съ треугольникомъ въ прологѣ, отличнѣйше пріурочено ко времени, послѣ славной Бомарзундской побѣды.

Надо замѣтить, впрочемъ, что этотъ великій военный подвигъ исполненъ не совсѣмъ такъ, какъ предписывалъ учитель. Вмѣсто того, чтобы раздѣлять силы, *опытные вожди*, для облегченія успѣха, собрали войскъ вдесятеро больше, нежели было у непріятеля. Если самое дѣло не принадлежитъ къ числу такихъ, за которыя обыкновенно дается маршальскій жезлъ, то, нѣтъ сомнѣ-

нія, что маршалъ Бараге д'Илье заслуживалъ награды въ качествѣ новаго Христофора Коломба. Бомарзундъ открытъ конечно имъ и его славными Аргонавтами. До сихъ поръ онъ оставался *страною неизвѣстною* (terra incognita) не только для Европы, но и для большинства Русскихъ людей. Кстати скажемъ, что нельзя довольно похвалить скромность, которою отличаются начальники союзныхъ войскъ: вмѣсто того, чтобы заставить говорить о себѣ, нападая на крѣпости всѣмъ извѣстныя, они предпочли напасть на маловажное и, въ добавокъ, недостроенное укрѣпленіе съ малочисленнымъ гарнизономъ. Впрочемъ, негодится черезъ-чуръ издѣваться надъ новымъ маршаломъ по поводу лавровъ, которые онъ пожалъ. Благородному ветерану временъ перваго Наполеона, безъ сомнѣнія, было горько заслужить маршальскій жезлъ при современной обстановкѣ. Этотъ жезлъ навѣрно не радовалъ его и показался слишкомъ тяжелъ, когда послѣ своей знаменитой Бомарзундской экспедиціи онъ высадился въ Данцигѣ, гдѣ въ 1813 году оторвало ему руку. Сопоставляя эти дорогія для него во всѣхъ отношеніяхъ воспоминанія давнишней славы съ впечатлѣніями настоящаго времени, онъ, конечно, не могъ радоваться. Смѣшная и мелочная обстановка второй имперіи должна была бѣсить храбраго человѣка, который служилъ подъ знаменами первой и подъ начальствомъ вождей, получавшихъ маршальскіе жезлы не за такія дѣла, какъ взятіе Бомарзунда.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Сентябрь.

Даже самые избранные умы поддаются страннымъ увлеченіямъ, когда вниманіе ихъ занято исключительно современнымъ дѣломъ. Съ цѣлью поскорѣе придти къ рѣшительному выводу и покончить съ тревогою и злобою настоящаго дня, желая торжества тому, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заключается польза и правда, они привязываются къ первой попавшейся случайности и уже не хотятъ знать про исторію и про условія, которыя она предъявляетъ или, по крайней мѣрѣ, которыя она узакониваетъ и освящаетъ; а когда историческія показанія слишкомъ явно противорѣчатъ имъ, они берутся за географію и приносятъ въ жертву своему самообольщенію ея топографическія и вещественныя истины. Поразительный примѣръ подобнаго жертвоприношенія представилъ собою недавно Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, человѣкъ высокаго ума, разнородныхъ познаній, по образу мыслей умѣренный и благожелательный. Онъ помѣстилъ въ Jouranal des Débats (16 Сентября 1854) нѣсколько замѣтокъ на новое сочиненіе графа Фикельмона, озаглавленное такъ: „О Русской политикѣ и о Дунайскихъ княжествахъ“. Мы еще не имѣли случая прочитать эту книгу, не знаемъ, насколько вѣрны выводы, которые изъ нея дѣлаетъ Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, и хотимъ возразить не на книгу, а на газетную о ней статью.

Сочинитель озабоченъ мыслію о томъ, что̀ будетъ съ Дунайскими княжествами, что̀ съ ними сдѣлаетъ Европа, подъ

какимъ преобладающимъ вліяніемъ они останутся, какія выгоды Австріи соединены съ вопросомъ о Дунайскихъ княжествахъ. Намъ кажется, что всѣ эти задачи не подлежатъ разбору: ихъ разрѣшитъ война, а война еще не начиналась. Во всякомъ случаѣ, любопытно замѣтить, что борцы за независимость и цѣлость Турціи занимаются обезпеченіемъ участи этихъ княжествъ въ то самое время, какъ Европа вооружилась для защиты этой самой цѣлости противъ державы, которая обвиняется въ покушеніи на оную. Въ статьѣ Сенъ-Марка-Жирардена удивительно, что, читая ее, можно подумать, будто Россія воюетъ съ Турціею въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ. Все для него ново, неожиданно, безповоротно. Онъ забываетъ и, кажется, всѣ забыли вмѣстѣ съ нимъ, что намъ доводилось многократно занимать Дунайскія княжества, въ мирныхъ и военныхъ видахъ, что мы и вводили туда войска наши и выводили оттуда, и всякій разъ Европейское равновѣсіе отъ того не подвергалось опасности. Опасность эта — изобрѣтеніе вчерашнее. Правда, Европа всегда смотрѣла неблагопріятно на наши, войны съ Турціею, и въ особенности онѣ озабочивали Австрію; но въ прежнія времена здравомысліе государственныхъ людей, мудрое и вѣрное пониманіе Европейскаго равновѣсія брали верхъ надъ раздраженіемъ, соперничествомъ и завистливымъ чувствомъ. Подъ рукою принимались мѣры ко вреду нашему, но не отрицалось наше право стоять за свои выгоды и, конечно, Европѣ не приходилось раскаяваться въ томъ, что она относилась къ намъ справедливо и уважительно. Неужели полагаютъ, что теперь стали мудрѣе прежняго, или дѣйствительно умудрились? Неужели настало время, когда Европа должна стать между Турціею и Россіею или, вѣрнѣе, за Турцію противъ Россіи? Событія вразумятъ насъ на этотъ счетъ. Имъ вѣримъ мы гораздо больше, нежели самымъ лучшимъ газетнымъ статьямъ, и пребываемъ въ ожиданіи. Но мы уже не удивлялись, а просто не знали, что̀ подумать, прочитавъ слѣдующія строки въ статьѣ Сенъ-Марка-Жирардена:

„Великія Европейскія державы сильны и страшны по мѣрѣ того, какъ пребываютъ въ средоточіи своихъ средствъ; удаляясь отъ этого средоточія, онѣ ослабѣваютъ. И такъ, политическая

мудрость заключается въ томъ, чтобы, по отношенію къ самимъ себѣ и къ сосѣднимъ державамъ, знать, гдѣ именно сосредоточиваются силы каждой державы. Наполеонъ палъ потому только, что позабылъ это главное правило политики и, подъ конецъ, перемѣстилъ центръ тяжести Французской имперіи. Этотъ центръ находится естественно между Пиринеями, Альпами и верховьями Рейна. Онъ его перевелъ на пространство между Адріатическимъ и Сѣвернымъ морями. Центръ тяжести Русской имперіи естественно на Сѣверѣ, между Петербургомъ, Москвою и Варшавою. Онъ не на Югѣ Россіи и не на Черноморскомъ прибрежьѣ" и проч.

Однимъ почеркомъ пера авторъ вычеркиваетъ изъ нашей исторіи нѣсколько столѣтій, а изъ нашей географіи нѣсколько тысячь миль. Онъ забываетъ, что мы утвердились на Югѣ еще съ X-го столѣтія и что потомъ наши сношенія съ Турецкою имперіею ознаменовались военными событіями и трактатами. Онъ забываетъ, что наша древняя столица Кіевъ въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Чернаго моря и, слѣдовательно, отъ Константинополя, о чемъ Греки узнали въ 941 году, увидавъ Русское войско подъ стѣнами своего Царяграда. Если Россія, какъ говоритъ авторъ, слаба на Черномъ морѣ, такъ какъ слабо всякое государство на своихъ оконечностяхъ, отчего же быть ей сильнѣе въ Петербургѣ и на Балтійскомъ морѣ, т. е. на другой изъ своихъ оконечностей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякое государство сильнѣе въ своемъ центрѣ; но оно всегда имѣетъ возможность направлять свои подвижныя силы, куда ему надобно. Не будь этой возможности, нигдѣ не было бы войны. Изобрѣтательнымъ геніемъ новаго времени усовершенствованы орудія истребленія; но еще не изобрѣтено такого, которое бы дѣйствовало изъ центра одного государства прямо на центръ другаго. Воюющія арміи всякій разъ должны идти на оконечности; иначе онѣ не встрѣтятся между собою. Кромѣ того, всякому большому государству приходится защищать выгоды нравственныя и политическія, которыя иной разъ не ограничиваются предѣлами пространства, имъ занимаемаго.

Авторъ совершенно напрасно ссылается на примѣръ Напо-

леона. Наполеонъ могъ пасть потому, что онъ захотѣлъ, чтобы при его жизни и въ нѣсколько лѣтъ произошло то, что́ не можетъ быть произведено иначе, какъ въ нѣсколько столѣтій. *Онъ перемѣстилъ центръ тяжести Французской имперіи*, т.-е. онъ чрезмѣрно распространилъ имперію, постоянно скача на почтовыхъ. Онъ одерживалъ побѣды матеріальныя, но сила моральная не успѣвала утвердить и обезпечить ихъ. Распространеніе Россіи произошло не вдругъ: нѣсколько поколѣній участвовали въ ея ростѣ. Какъ бы ни былъ великъ человѣкъ, но силы его ограничены временемъ: онъ не можетъ ни создать, ни разрушить того, что́ созидается и разрушается вѣками.

Авторъ думаетъ подтвердить свою мысль указаніемъ на *вялость* и *слабость* Русскихъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, и въ этомъ случаѣ опять грѣшитъ противъ исторіи, не противъ древней, забывать которую еще можетъ быть извинительно, а противъ исторіи современной и нынѣшней. Развѣ наши побѣды надъ Турками въ послѣднюю войну раздуты и вымышлены? Развѣ мы не одержали ихъ, вопреки системѣ автора, *находясь на великомъ разстояніи отъ центра нашего могущества?* Разбирать нѣтъ надобности: заблужденіе или разсѣянность г-на Сенъ-Марка-Жирардена слишкомъ очевидны.

„Думали“, говоритъ онъ, „что, какъ только откроется война, Русскіе въ нѣсколько переходовъ явятся въ Константинополѣ, и всѣ помнятъ, какъ соображались разстоянія и разсчитывались дни въ тревожной заботѣ о томъ, поспѣютъ ли солдаты Франціи и Англіи въ Константинополь раньше Русскихъ“. Разумѣется, Русскіе поспѣли бы туда гораздо раньше союзниковъ, находясь въ ближайшемъ разстояніи. Помѣха была одна: это воля Русскаго государя, который не желалъ войны и предоставлялъ другимъ тяжкую отвѣтственность вчинанія.

„Западныя арміи не имѣли надобности оттѣснять Россію. Для этого достаточно было Турокъ“. Не станемъ разбирать, на какомъ основаніи авторъ приписываетъ силу Туркамъ и слабость Русскимъ, но приглашаемъ его не противорѣчить самому себѣ. По его словамъ, однихъ Турокъ было достаточно, и потомъ онъ же говоритъ: „Въ этомъ году Россія, убѣдившись,

что ей нечего разсчитывать на помощь Австріи, очистила Валахію и Молдавію".

На этотъ разъ не будемъ спорить съ авторомъ о вліяніи, которое онъ въ данномъ случаѣ приписываетъ Австріи; замѣтимъ ему только, что онъ ошибается, полагая, что *Турокъ было достаточно* для того, чтобы Русскіе очистили княжества.

Вотъ какъ даже лучшіе умы впадаютъ въ поразительныя противорѣчія и грубѣйшимъ образомъ грѣшатъ противъ логики, когда ихъ точка отправленія не вѣрна. Мы не ставимъ этого въ личный упрекъ автору. Онъ грѣшитъ за одно *съ своимъ временемъ* и *съ своею землею*, чѣмъ и объясняется многое. Нынѣшнее время, при всей своей матеріальности и положительности, готово съ необыкновенною легкостью увлекаться мечтаніями, коль скоро онѣ потворствуютъ его склонностямъ. Можетъ быть, въ этомъ именно, въ этой положительности и матеріальности, заключается уязвимая сторона нынѣшняго времени. Времена, въ которыя господствуетъ *мораль*, терпѣливѣе и разсудительнѣе: онѣ не такъ легковѣрны и не такъ скоро волнуются, какъ въ невзгодахъ, такъ и въ благоденствіи. Вѣкъ предался биржевымъ оборотамъ: прежде всего, всякій играетъ на повышеніе или на пониженіе. Попираютъ прошедшее и, попади только песчинка въ руку, уже начинаютъ созидать новое будущее. Какой нибудь годъ тому назадъ, Европа тревожно ожидала, что Россія проглотитъ Турцію. Такъ ей втемяшилось въ голову. Нынѣ, такъ какъ ходъ событій не соотвѣтствовалъ стремительному страху, которымъ были объяты умы, явилась не только увѣренность въ цѣлости Турціи, но уже разсчитываютъ на барыши отъ похоронъ Россіи. Это опять потому, что такъ застряло въ головѣ. Левъ, увидавъ человѣка, не кинулся на него тотчасъ; изъ этого заключаютъ, что не левъ человѣка, а человѣкъ разорветъ льва.

Не во гнѣвъ будь сказано всѣмъ предвѣщателямъ будущаго, потому что обнаружилось до сихъ поръ, нельзя еще гадать, кто одолѣетъ и кто падетъ. Сила Турціи и слабость Россіи еще не доказаны. Вѣрно то, что до сихъ поръ въ Европейской Турціи дѣло ограничивалось только стычками, а въ Азіи Турки понесли

тяжкія неудачи. Союзныя арміи на Востокѣ покамѣстъ бездѣйствовали. Если онѣ одержатъ блистательные успѣхи, какія отъ того выгоды получатся, объ этомъ скажетъ будущее. Что потеряетъ или что выиграетъ Австрія, принявъ участіе въ войнѣ и занявъ Дунайскія княжества? *Это опять тайна будущаго.* Послѣ взятія Москвы маршалъ Лористонъ прибылъ въ Русскій станъ для переговоровъ о мирѣ и сталъ говорить предводителю Русской арміи, Кутузову, что пора кончить бѣдственную для человѣчества войну. „Да вы шутите, г-нъ маршалъ", отвѣчалъ ему Кутузовъ. „Неужели вы забыли, что до сихъ поръ мы только и дѣлали, что отступали. Война для насъ теперь только начинается". Тоже самое можно сказать и нынѣ охотникамъ до окончательныхъ заключеній и людямъ, которымъ, какъ говорится у Рабле, желательно сдѣлать сложеніе прежде, чѣмъ пробьетъ четверть часа.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сентябрь.

Невозможно предвидѣть и вычислить все то зло, которое можетъ намъ причинить Европа въ борьбѣ, которую она начала противъ насъ. Это зависитъ единственно отъ жребія войны, т. е. отъ такой силы, которая не поддается никакому предвидѣнію и разсчету человѣческаго разума. Но если нельзя, даже и приблизительно, опредѣлить зло, которое причинятъ намъ наши непріятели: то мы можемъ, теперь же, оцѣнить добро, которое они намъ уже сдѣлали и еще сдѣлаютъ. Люди и народы не властны предотвратить испытанія и наказанія, посылаемыя Промысломъ: это дѣло Божіе. Но люди и народы могутъ и нравственно обязаны извлечь для себя уроки изъ вынесенныхъ бѣдствій и воспользоваться плодами Божескаго наказанія: это ихъ дѣло, которое исполнить не помѣшаетъ имъ никакой непріятель, какъ бы силенъ онъ ни былъ. Лишь по собственной винѣ людей и государствъ эти испытанія могутъ остаться безплодны. Да, не вдаваясь въ ученіе Панглоса, позволительно утверждать, что зло имѣетъ свою добрую сторону для того, кто не унываетъ и не ожесточается. И такъ, посмотримъ, что́ добраго въ томъ злѣ, которое готовятъ намъ наши непріятели.

Прежде всего, мы видимъ, что противъ насъ дѣйствуютъ сообща всевозможныя страсти, и этимъ самымъ пробуждено въ насъ глубокое и горячее чувство народнаго достоинства.

Оно всегда въ насъ жило, но часто пребывало въ состояніи платоническомъ. Мы любили наше отечество, но любили на подобіе тѣхъ людей и домовладыкъ, въ сущности любящихъ своихъ женъ и дѣтей, но въ ежедневной жизни пренебрегающихъ обязанностями, заботами и жертвами, которыхъ эта любовь требуетъ. Славянинъ, по природѣ своей, всегда болѣе или менѣе безпеченъ и, слѣдовательно, не глядитъ впередъ. Въ минуту опасности онъ настойчиво сопротивляется и борется; но въ мирное время легко забываетъ, что вся жизнь есть сопротивленіе и непрестанная борьба, что во всякое время должно бороться либо съ непріятелемъ внѣшнимъ, либо, еще чаще, съ непріятелемъ, который внутри самихъ насъ, т. е. съ нашими страстями, грѣховными наклонностями, нравственными недочетами, слишкомъ обыкновеннымъ удѣломъ человѣческой природы. Преодолѣвъ грозную опасность, мы легко успокоиваемся и ослабѣваемъ въ настойчивости. У насъ есть пословица: „Русскій не перекрестится прежде, чѣмъ громъ не грянетъ“, и этою пословицею отлично выражено свойство Славянской природы. Нынѣ громъ грянулъ, засверкала молнія на всѣхъ четырехъ концахъ небосклона, и Россія перекрестилась своимъ большимъ крестомъ, съ Сѣвера на Югъ, съ Востока на Западъ. Она встала, какъ одинъ человѣкъ; она вся молится и готова встрѣтить бѣду, запасшись внутреннею силою и отвагою, какая дается лишь молитвою, т. е. вѣрою. Съ 1812 года не видать было подобнаго напряженія, подобнаго пробужденія народной души. Все спѣшитъ къ оружію: отецъ семейства, старикъ, нищій наравнѣ съ представителями знати и богатства. Пожертвованія не исчислимы: столбцы Русскихъ газетъ переполнены ими, и это не *патріотическія приношенія* (prêts patriotiques), которыми такъ хвастаютъ Нѣмецкія и Французскія газеты и которыя, въ сущности, ничто иное, какъ насильственный налогъ на частную собственность и на скромное содержаніе правительственныхъ чиновниковъ, что́ мы видимъ въ Австріи, гдѣ, для возбужденія храбрости въ людяхъ, начали съ того, что обрѣзали у нихъ средства къ существованію. Лицемѣріе, сопровождаемое насиліемъ! Нѣтъ, тутъ пожертвованія не вымога-

ются; онѣ суть дѣло христіанской любви къ отечеству: тутъ и милліонъ богача, и копѣйка нищаго, и лепта вдовицы. Иныя изъ этихъ пожертвованій, въ высокой простотѣ своей, могли бы служить къ вѣрной характеристикѣ нашего народа. Но если великія событія вызываютъ насъ на прекрасные подвиги, то нужно признаться, что, управившись съ бѣдою, мы скоро забываемъ про нее.

Вскорѣ послѣ побѣдъ 1812—1814 годовъ, мы снова предались безпечности и стали жить, спустя рукава, потворствуя свойствамъ нашей природы. Мы не только не способны питать злобу къ нашимъ непріятелямъ, какъ скоро борьба кончилась, но, что̀ еще хуже, мы не помнимъ тѣхъ усилій, которыя пришлось намъ сдѣлать, чтобы возобладать надъ тяжкими обстоятельствами. Такимъ образомъ, мы осуждены начинать всегда съизнова и производить новую затрату силъ. „Россія, очевидно, объевропеивалась въ пользу Европы, и Русское правительство, если бы и захотѣло, не въ силахъ было остановить ее на этомъ пути или, лучше сказать, оно само увлекалось потокомъ времени“.

Слова эти, вполнѣ выражающія нашу мысль, взяты нами изъ замѣчательной, недавно вышедшей, брошюры подъ заглавіемъ: „Восточная война, ея причины и слѣдствія, сочинено жителемъ материка новой Европы“. Сочиненіе это, вѣроятно, не обратило на себя вниманія Европейскихъ читателей, котораго оно заслуживаетъ по своему достоинству и важности; но вѣдь публика не охотно читаетъ то, что̀ могло бы успокоить ея страсти и онровергнуть ея заблужденія. Ей нужны такія сочиненія, которыя бы потворствовали ея заблужденіямъ и питали ея страсти.

Съ Петра Великаго и благодаря ему, кромѣ недолгихъ перерывовъ, мы состояли въ постоянной связи съ Западною Европою. Съ тѣхъ поръ, мы всегда оказывали великую любовь къ иностранцамъ и подчинялись ихъ вліянію. Нашъ преобразователь захотѣлъ насъ *объевропеить* съ тою цѣлью, чтобы мы лучше усвоили себѣ западное просвѣщеніе. Его мыслію было посвятить насъ въ тайны человѣческаго ума и дать намъ возмож-

ность воспользоваться умственными завоеваніями Запада; но онъ вовсе не думалъ совратить насъ съ пути своебытности и *обезнародить*. Точно такъ отецъ семейства учитъ дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ не для того, чтобы они отреклись отъ языка роднаго и, еще меньше, для того, чтобы они полюбили чтеніе вредныхъ и безнравственныхъ книгъ, какія имѣются на этихъ языкахъ, а единственно для того, чтобы уразнообразить и обогатить ихъ разумѣніе. Руководясь личнымъ опытомъ, Петръ Великій надѣялся, что мы сдѣлаемся болѣе *Русскими* по мѣрѣ того, какъ будемъ становиться *просвѣщенными Русскими*. Нельзя безусловно обвинять его за то, что иной разъ онъ не отдѣлялъ сорной травы отъ хорошей и пересадилъ на нашу почву не однѣ плодовитыя растенія, но также чужеядныя и вредныя или сдѣлавшіяся такими впослѣдствіи, по вліянію иного климата. Въ дѣлахъ человѣческихъ злоупотребленіе всегда слѣдуетъ за пользованіемъ законнымъ. Но, какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія,—замыслы и политика Петра Великаго всегда были народны. Можетъ быть, позднѣе, мы сами отчасти испортили его дѣло. Вмѣсто того, чтобы учиться у Запада и руководствоваться его уроками по завѣту Петра Великаго, мы, вслѣдствіе нашей природной впечатлительности и прихотливости, устроили такъ, что Западъ сдѣлался для насъ преподавателемъ забавъ и соблазновъ. Пріемы управленія, политика, нравы, словесность, все, болѣе или менѣе, слѣпо подверглось Западному вліянію. Но, по счастію и почти безсознательно, сохранялись въ насъ неприкосновенныя начала, которыя выручали насъ въ извѣстныя минуты. Вотъ почему наше общество, объиностранившееся больше, чѣмъ гдѣ либо, всегда, однако, чувствовало смутное, но неодолимое отвращеніе ко всякаго рода иноземному господству. Въ случаяхъ особенной важности, когда не приходилось выбирать между двумя дорогами, оно никогда не унижалось до сдѣлки ни съ врагомъ, ни съ собственною совѣстью. О простомъ народѣ и говорить нечего: онъ постоянно былъ вѣренъ своимъ природнымъ свойствамъ и во всей неприкосновенности сохранилъ чувство своей независимости. Это доказываетъ, что у насъ преобразованія не коснулись до корней или, другими словами, что

реформы никогда не имѣли значенія переворота или революціи.

Нынѣ Западная Европа позаботилась извѣстить насъ, что она не только не считаетъ насъ своими, не смотря на постоянныя наши усилія ей уподобиться, но что видитъ въ насъ враговъ и, что еще болѣе, враговъ гражданственности. Судя по ея отзывамъ, наше существованіе подъ солнцемъ несогласимо съ успѣхами просвѣщенія: мы затемняемъ, заслоняемъ собою солнце. Возобладать надъ нами, значитъ, возобладать надъ мракомъ и варварствомъ. И эти выводы принадлежатъ не какимъ нибудь отдѣльнымъ лицамъ. Вся Западная Европа провозгласила ихъ устами своей печати и своихъ правительствъ. Я надѣюсь, что такое предупрежденіе, при всей своей нелѣпости, будетъ намъ полезно. Мы его запомнимъ, не смотря на то, что́ оно дано въ увлеченіи страстнаго гнѣва. Мы имъ воспользуемся, хотя бы вслѣдъ за событіями, по поводу которыхъ оглашены эти проклятія, наступило перемиріе между нами и Западомъ. Да, нынѣшнее положеніе должно произвести въ насъ великую и благодѣтельную перемѣну; намъ слѣдуетъ сомкнуться внутри себя и утвердить наше нравственное и политическое бытіе на основахъ глубоко-народныхъ. Занявъ у Запада науки и искусства и продолжая пользоваться тѣмъ, что́ онъ можетъ намъ доставить мудраго и хорошаго, мы, болѣе чѣмъ когда либо, должны просвѣщаться внутренно, дабы лучше разъяснить и пустить въ ходъ силы и запасы, пребывающіе въ насъ самихъ. Мы зажгли нашъ свѣточъ на очагѣ Западной Европы не для того только, чтобы слѣдовать за нею по ея пятамъ. Въ насъ самихъ откроется особый міръ, о которомъ до сихъ поръ мы забывали, предпочитая вести жизнь на прокатъ, такъ-какъ она сопряжена съ меньшимъ трудомъ и умственными издержками. Пора намъ вступить на это новое поприще, открыть новый міръ, съ новыми неизслѣдованными путями и цѣлями. Бывъ до сихъ поръ спутниками Запада, мы не разъ попадали на такой путь, который могъ довести насъ до бѣды. Это шествіе, рука объ руку съ Западомъ вынуждало насъ трудиться въ его пользу и забывать свою. Думая достигать одной съ нимъ цѣли, мы теряли

изъ виду собственное благо, и не разъ случалось, что мы и не подозрѣвали въ своемъ спутникѣ врага и догадывались, что насъ обманываютъ, когда уже было поздно. Событія свидѣтельствуютъ, какъ часто наша политика шла путемъ, не только для насъ чуждымъ, но діаметрально противоположнымъ прямой нашей выгодѣ.

На этомъ неестественномъ пути наше воспитаніе, наши общественные нравы утратили много своей суровой первобытности; наша словесность получила направленіе, мало соотвѣтствующее нашимъ сокровеннымъ побужденіямъ и умственнымъ потребностямъ. Проистекавшее отсюда зло должно было, разумѣется, усиливаться непрестанно. Присвоить себѣ здоровье человѣка свѣжаго и сильнаго нельзя никакими усиліями; но получить болѣзнь отъ прикосновенія съ человѣкомъ, ею зараженнымъ, къ несчастію слишкомъ легко. Нынѣшнее Русское правительство уже много сдѣлало для того, чтобы оживить и укрѣпить народныя производительныя силы; оно сдѣлаетъ еще болѣе. Въ царствованіе императора Николая наша словесность сходитъ съ ходулей и развивается въ направленіи болѣе Русскомъ. Лучшіе писатели поощрены и обезпечены въ нуждахъ и заботахъ матеріальной жизни, и, вообще, Государь оказалъ дѣятельное покровительство тому, что́ намъ хотѣлось бы назвать возрожденіемъ (renaissance) нашей словесности. Онъ открылъ ей источники народные, которые оставались отъ нея сокрыты. Обнародованіе хранившихся въ государственныхъ архивахъ памятниковъ словесности, филологіи, исторіи, дипломатіи, правовѣдѣнія, военнаго дѣла, придало новую жизнь нашему умственному развитію. Въ этихъ изданіяхъ, хорошо обставленныхъ и уже столь плодотворныхъ, выразилась мысль мудрая и свободолюбивая. Она роднитъ насъ съ нами самими и, связывая насъ крѣпче съ нашею прошедшею жизнію, ведетъ къ сознанію нашей исторической самобытности и обезпечиваетъ насъ въ будущемъ отъ иноземныхъ вліяній. Западная Европа, своею систематическою враждебностію, отличнѣйше помогаетъ нашему правительству въ этомъ освободительномъ подвигѣ, и намъ остается благодарить ее за это. Она не только безсозна-

тельно, но къ собственному ущербу, оказываетъ намъ благодѣяніе, заставляя насъ отдаться этому направленію, и вотъ уже первая выгода нынѣшнихъ обстоятельствъ, которою мы конечно воспользуемся. Между нами и Западомъ, вслѣдствіе современныхъ событій, образовалась пропасть, которую отнынѣ уже ничѣмъ не наполнишь. Попытка къ соглашенію была бы оскорбленіемъ правительственному и народному здравомыслію.

Съ нынѣшнихъ поръ Россія и Европа уже не могутъ быть въ единеніи; онѣ разстались, и это разлученіе имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой хотѣли бы придать ему наши враги. Не мы отойдемъ назадъ домой, а Западъ будетъ прогнанъ изъ нашей земли, сначала матеріально, а потомъ и нравственно. Бракъ былъ заключенъ для приличія, и послѣ развода мы станемъ сильнѣе. Вмѣсто того, чтобы расточать наши средства и наше богатство въ общемъ хозяйствѣ, мы заведемся своимъ домомъ, станемъ дѣйствовать, сообразуясь лишь съ своими выгодами, на естественномъ и законномъ нашемъ поприщѣ. Успѣхи и невзгоды въ войнѣ, которую намъ готовятъ, одинаково и неминуемо приведутъ насъ къ достиженію этой цѣли. Въ томъ и другомъ случаѣ мы все таки останемся господами самихъ себя. Если бы даже мечтанія нашихъ враговъ временно сбылись, намъ будетъ еще довольно пространства, чтобы оставаться сильными у себя. А это главное. Сила не можетъ пребывать въ бездѣйствіи. Сосредоточившись, мы легко укрѣпимся и возмемъ назадъ утраченное, и въ добавокъ будемъ покойны на счетъ нашей будущности, которую теперь оспариваютъ у насъ. Если Промыслу угодно послать намъ бѣдствія, то отъ этого еще дороже для насъ будетъ то назначеніе, которое мы призваны исполнить. Мы не станемъ разсчитывать на то, чтобы жертвы, приносимыя нами въ пользу дѣла, которое мы должны защищать, увѣнчались немедленными успѣхами, и не охладѣемъ къ нему: напротивъ, будемъ дорожить еще болѣе этимъ святымъ дѣломъ потому именно, что оно требуетъ жертвъ. Успѣхи скорые и легкіе не даютъ торжества правому дѣлу, и не ими обезпечивается сила государствъ.

Пусть толкуютъ, что мы сняли осаду Силистріи и что союз-

ники взяли у насъ Бомарзундъ; изъ этого еще нельзя заключить ничего обиднаго для насъ. Наши войска издавна отличаются мужествомъ, и нѣтъ надобности подвергать оное испытанію. Мы не желали суетнаго успѣха и безполезнаго пролитія крови, и съ той минуты, какъ овладѣніе Силистріею, при данныхъ обстоятельствахъ, получило для насъ второстепенное значеніе и, можетъ быть, даже стало совсѣмъ ненужнымъ, здравый смыслъ предписывалъ намъ уйти оттуда. Такъ объясняется и оправдывается наше отступленіе во мнѣніи людей военныхъ и добросовѣстныхъ. Когда союзники, чтобы, наконецъ, что нибудь сдѣлать, направили превосходныя силы на Бомарзундъ, лишенный всякаго средства обороняться, въ Россіи всѣ знали напередъ, что эта крѣпость будетъ непремѣнно взята ими. Подобныя неудачи и подобные успѣхи ровно ничего не доказываютъ. Скажемъ болѣе: неудачи и успѣхи поважнѣе этихъ не будутъ имѣть вліянія на то, что̀ принято называть *восточнымъ вопросомъ*. Благодаря имъ, рѣшеніе можетъ быть отсрочено, но измѣниться въ своей сущности оно не можетъ. И какъ Россія не есть владѣніе временное, и Государь Русскій владѣетъ ею не на какой нибудь срокъ, а, напротивъ, державныя права и государство, выгоды настоящаго и будущаго составляютъ для нея одно цѣлое, то для насъ время разрѣшенія вопроса имѣетъ важность лишь второстепенную. Чего не могло совершить одно поколѣніе, то будетъ совершено другимъ. Что̀ бы союзники ни дѣлали, они не могутъ помѣшать Россіи быть государствомъ Славянскимъ и православнымъ, внутреннее единство котораго покоится на незыблемыхъ основахъ. Признавъ это, невозможно также помѣшать, чтобы Славянскіе и православные народы, раздробленные и страдающіе, не обращали своихъ взоровъ и своихъ надеждъ къ Россіи, не для того, чтобы войти въ составъ ея, но чтобы, пока не наступитъ минута освобожденія, пользоваться ея племеннымъ и вѣроисповѣднымъ сочувствіемъ и покровительственною поддержкою. Въ понятіи и внутреннемъ сознаніи этихъ народовъ иго, подъ которымъ они стонутъ, и то непрошенное покровительство, которымъ хотятъ замѣнить это иго, являются одинаковымъ насиліемъ. Судьбы исторіи

или, вѣрнѣе, Промысла требуютъ, чтобы власть инородцевъ не тяготѣла болѣе надъ населеніемъ, которое самою численностью превосходитъ своихъ угнетателей.

Не принимая участія въ дѣлахъ Запада, мы не только не задержимъ неизбѣжнаго рѣшенія, но, по всему вѣроятію, ускоримъ оное. Изъ за разныхъ уваженій и условій нашей политики мы не разъ помогали нашимъ противникамъ и дѣйствовали въ ущербъ настоящимъ нашимъ союзникамъ. Мы считали себя, какъ будто, въ долгу передъ Европою за то, что она признала насъ въ правахъ политическаго гражданства, и нашими уступками и пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ уплачивали этотъ долгъ. Долгъ давно уже выплаченъ, и по сведеніи счетовъ, должницею можетъ оказаться Европа. Чѣмъ менѣе будемъ мы мѣшаться въ дѣла Запада, тѣмъ болѣе получимъ надъ нимъ вліянія своимъ отсутствіемъ.

Союзы у насъ будутъ впослѣдствіи. Ихъ дастъ намъ снова сила вещей. Но мы будемъ разборчивѣе и отвергнемъ союзниковъ, которые нуждаются въ насъ лишь въ данную минуту и исключительно ради своихъ выгодъ. Благодаря Европейскимъ революціямъ, погибли старыя преданія, перемѣщены выгоды, созданъ новый порядокъ вещей, и мы, не принимая никакого участія въ этихъ коренныхъ переворотахъ или, вѣрнѣе сказать, въ этомъ разложеніи вещественнаго организма, не имѣемъ никакой надобности поддерживать, вопреки обстоятельствамъ, событіямъ и дѣйствительности, прежнія наши отношенія, утратившія теперь смыслъ. Россія можетъ сказать бывшимъ своимъ союзникамъ тоже, что Ж. Ж. Руссо сказалъ Парижскому архіепископу: „На какомъ языкѣ намъ разговаривать? Какъ намъ понимать другъ друга? Что между нами общаго?“

Мнѣ кажется, что намъ слѣдуетъ, всячески, избѣгать дипломатическихъ переговоровъ. По требованію обстоятельствъ мы должны дѣйствовать сильно; но если является возможность отсрочки, вооружимся терпѣніемъ и бодростью и станемъ ждать, чтобы время пришло къ намъ на помощь и устранило затрудненія; потому что въ вопросахъ прямо-русскихъ, лишь бы мы сами не портили своего дѣла, рѣшающее слово всегда будетъ

принадлежать намъ. Океану нечего двигаться для того, чтобы рѣки текли въ его лоно; сама природа ихъ гонитъ туда. Есть также историческія теченія, которыхъ ничѣмъ не своротишь въ сторону.

Въ заключеніе повторимъ, что разрывъ нашъ съ Западомъ можно считать дѣломъ совершившимся. Умъ можетъ допустить, что война продлится десять, пятнадцать лѣтъ; о цифрѣ мы не станемъ спорить. Онъ можетъ допустить, что мы потерпимъ всяческія бѣды. Но ни умъ, ни народное чувство не допустятъ, послѣ всего того, что́ уже случилось, послѣ всего того, что́ сказано и сдѣлано, чтобы, когда внѣшняя борьба прекратится, наступили вновь прежнія отношенія. Нѣтъ, наши дипломатическія и общественныя связи должны совершенно обновиться. За одно съ дипломатіею западною мы признаёмъ невозможность возвратиться къ положенію, бывшему передъ войною (ante bellum). Между этимъ положеніемъ и нами помѣстились дѣятели, съ которыми помириться намъ невозможно. Оскорбительныя слова произнесены; народное чувство не въ состояніи ни забыть, ни простить ихъ. Словомъ сказать, съ нынѣшнихъ поръ мы *разъевропеились*.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Сентябрь.

Хорошая сторона того зла, которое хотятъ намъ сдѣлать наши враги и которое, отчасти, они навѣрно намъ сдѣлаютъ, будучи сильны и многочисленны, относится какъ къ матеріальной сферѣ, такъ и къ сферѣ нравственной: и въ той, и въ другой усыпляли нашу бдительность и парализовали нашу энергію рутина и свойственная намъ безпечность. Мы ограничивались тѣмъ, что потребляли произведенія Европейской образованности и промышленности, совершенно готовыя, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ намъ доставлялись пароходами и желѣзными дорогами, при этомъ не давая себѣ труда обсудить, одинаково ли намъ нужны и полезны всѣ эти произведенія; нельзя ли нѣкоторыя изъ нихъ измѣнить и получше приспособить къ нашему употребленію; нѣтъ ли средства, развитіемъ нашихъ собственныхъ средствъ, съ выгодою замѣнить нѣкоторые изъ этихъ привозныхъ продуктовъ, хотя бы только для того, чтобы пробуждать и поощрять нашу дѣятельность и производительность.

Что Россія есть міръ отдѣльный, это не хвастовство и не пошлость; но что въ томъ пользы, коль скоро мы пребываемъ въ бездѣйствіи? Если Россія — отдѣльный міръ, то надо съ ней обращаться какъ съ таковымъ: приложите къ ней ваши руки, вашу голову, вашу душу, всѣ ваши способности, весь вашъ трудъ, словомъ, будьте Робинсонами этого новаго міра. Прежде всего у насъ — просторъ. Въ виду тѣсноты, въ которой живутъ

другіе народы и которая затрудняетъ ихъ дѣятельность, почти душитъ ихъ въ Европѣ, этимъ преимуществомъ пренебрегать не слѣдуетъ: оно развязываетъ намъ руки и открываетъ широкую будущность. Еще многіе вѣка можемъ мы безъ страха исполнять Божественную заповѣдь: „растите и множитесь“. Есть намъ гдѣ свободно дышать и свободно селиться; есть у насъ и пища, и одежда, а при этомъ можно жить и оставаться независимыми.

Немного нужно доброй воли, чтобы рѣшиться жить безъ предметовъ роскоши. Если же, вслѣдствіе постоянно растущихъ требованій, вслѣдствіе благосостоянія и довольства, нѣкоторая роскошь безусловно необходима для человѣка образованнаго все-таки нѣтъ надобности ставить себя въ зависимость отъ иностранной роскоши изъ за одной подражательности. Со временемъ образуется своя собственная роскошь, истекающая изъ условій и средствъ страны, въ которой живешь. До сихъ поръ мы слишкомъ дорожили иностранною торговлею; слѣдуетъ болѣе покровительствовать внутренней и расширять ее, а за ней разовьется и торговля внѣшняя, и въ этомъ отношеніи намъ еще долго нечего бояться расти и множиться. Мы не подчинены неизбѣжной, неумолимой необходимости распространяться внѣ своихъ предѣловъ, чтобы не задохнуться отъ избытка жизненной силы. Англія, этотъ сто-или тысячерукій великанъ, умретъ отъ удара, если закроются для нея иностранные рынки; у насъ же временное прекращеніе иностраннаго сбыта дастъ, наоборотъ, болѣе сильное и болѣе плодотворное направленіе сокамъ и распространитъ до самыхъ оконечностей теплоту и жизнь; а донашихъ оконечностей, какъ извѣстно, не такъ-то близко. Когда же мы почувствуемъ дѣйствительную потребность въ томъ, чего намъ будетъ недоставать за отсутствіемъ ввоза, то начнемъ искать пополненія у себя и найдемъ или замѣнимъ чѣмъ нибудь равносильнымъ. Можетъ быть, опасно доводить такое напряженіе силъ до крайности; но когда насъ къ тому принуждаютъ, то слѣдуетъ поступать сообразно обстоятельствамъ. Если бы континентальная система, въ томъ видѣ, какъ ее задумалъ Наполеонъ, была серьезно и точно примѣнена тѣми, на кого

онъ хотѣлъ ее наложить: то, безъ сомнѣнія, совершилась бы коренная революція въ мірѣ промышленности, и могущество Англіи пало бы въ концѣ концовъ. Но никто не старался вредить Англіи въ угоду Наполеону; изъ двухъ гнётовъ все-таки предпочли бы скрытый гнётъ одной грубому самовластію другого. Теперь Европа хочетъ опутать насъ сѣтями новой континентальной системы и пользоваться нами для своихъ собственныхъ выгодъ. Пусть такъ! Примѣненіе въ ущербъ намъ этой системы, конечно, не разоритъ Англіи, хотя я убѣжденъ, что оно, если и можетъ вредно дѣйствовать на нѣкоторые ея частные интересы, но уже навѣрно укрѣпитъ, обогатитъ и освободитъ Россію. Выгоды, которыя при этомъ извлекутся правительствомъ и частными предпріятіями, будутъ огромны. Мы не имѣемъ подъ рукой статистическихъ данныхъ для исчисленія всѣхъ отраслей обогащенія, которыя готовитъ намъ будущее; но мы благодаримъ Провидѣніе за то, что судьба готовитъ намъ подобную будущность. Отнынѣ влекомые неотвратимою силою событій, мы уже не можемъ блуждать безъ цѣли или стремиться къ ней путемъ школьника; мы пойдемъ къ ней прямо и смѣло. За неимѣніемъ жареныхъ перепеловъ, падающихъ съ неба, мы выписываемъ ихъ изъ иностранныхъ кухонь, а теперь пойдемъ сами на охоту; апетитъ нашъ разовьется, и жарить станемъ мы сами.

Journal de S-t Pétersbourg, отъ 20 Августа, описываетъ данный въ Нахичевани обѣдъ, который обратился въ настоящій національный митингъ, благодаря рѣчи одного изъ гостей. „Господа,—сказалъ онъ,—нѣкогда, на нашихъ дружескихъ сборищахъ, мы пивали охотно портеръ и съ удовольствіемъ Шампанское; но съ тѣхъ поръ, какъ Англія и Франція сдѣлались врагами всѣхъ православныхъ, поневолѣ тошно отъ Англійскаго портера, а Французское Шампанское, несмотря на стоимость и вкусъ, отдается горечью, если не во рту, то, по крайней мѣрѣ, въ сердцѣ. Поэтому я предлагаю всѣмъ и каждому не пить ни здѣсь, ни гдѣ либо портера, Шампанскаго и другихъ Французскихъ винъ“ и т. д. Это предложеніе было подписано многими присутствующими въ знакъ полнаго ихъ согласія.

Это можетъ казаться не болѣе, какъ легкой шуткой; но будь это предложеніе серьезно принято большинствомъ въ Россіи, оно не осталось бы безъ значительныхъ послѣдствій. Такое рѣшеніе было бы достойно нашего патріотизма. Если бы высшіе и достаточные классы общества дали себѣ слово отказаться, хотя для опыта, отъ предметовъ роскоши не-необходимой, приходящихъ къ намъ изъ-за границы, потеря была бы, мы согласны, нечувствительна для Европейской торговли, но наши собственная выгода несомнѣнна. Эта попытка была бы нравственнымъ подвигомъ, жертвой, отказомъ отъ матеріальныхъ наслажденій, которыя по привычкѣ сдѣлались для насъ исскуственной, но сильной потребностью. Подобные подвиги покаянія всегда полезны. Дни поста, установленные церковью, несомнѣнно имѣютъ благотворное вліяніе на душу и тѣло.

Мой патріотизмъ не доходитъ до крайности и до желанія огрубить вкусъ и гастрономическія способности. Когда здоровье позволяло мнѣ употребленіе вина, и мой нравъ поддавался его мягкому и согрѣвающему дѣйствію, въ то время я, признаться, предпочиталъ произведенія Эпернэ и Бордо Крымскимъ, Донскимъ и Кавказскимъ; но я не отрицаю, что и наши домашнія вина имѣютъ свой ароматъ и способность укрѣплять тѣло и веселить душу. Впрочемъ, нужно всегда мириться съ необходимостью, и когда настанетъ необходимость, быть къ ней готову.

Станемъ усовершенствовать у себя наши виноградники и винопроизводство. Улучшенія, которыхъ мы достигнемъ въ этой области, перенесемъ и на другія; приэтомъ дѣятельность народа и промышленность его разовьются. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Европѣ знали только колоніальный сахаръ, и всякій могъ сказать съ іезуитомъ-филантропомъ и негрофиломъ: „въ Европу не привозится ни одной бочки сахару, которая не стоила бы жизни хоть одному рабу“. А вотъ теперь въ Европѣ потребляется большое количество сахару, которое не только не причиняетъ смерти и несчастія для рабочихъ, но, напротивъ, даетъ заработки тысячамъ поселянъ. Эту заслугу надо, по справедливости, приписать Наполеону; ему болѣе всего принадлежитъ честь этого счаст-

ливаго дѣла. Его лавры были побиты громами и разсѣяны бурею; но свекловица, которой онъ покровительствовалъ, пережила его.

Въ началѣ войны у насъ боялись, что не достанетъ угля въ нашихъ копяхъ, для морской промышленности и для путей сообщенія, потому-что этотъ продуктъ доставлялся намъ бо́льшею частію изъ Англіи. Удачныя развѣдки были произведены правительствомъ и частными предпріятіями. Кромѣ извѣстныхъ уже въ Россіи каменноугольныхъ копей, найдены во многихъ мѣстностяхъ и, между прочимъ, недалеко отъ Петербурга, богатыя залежи каменнаго угля, который на мѣстѣ обойдется дешевле Англійскаго, и вотъ, между прочимъ, каковы первые результаты, достигнутые Англіей въ ея криводушной войнѣ съ нами. Ея промышленности приходится теперь прекратить ввозъ этого продукта. Повторимъ еще: Англія отъ этого не обѣднѣетъ; но что́ скажутъ частныя компаніи Англійской торговли, извлекавшія столь громадныя выгоды изъ сношеній съ Россіей и неодержимыя, вѣроятно, столь высокими стремленіями, чтобы покупать неприкосновенность Оттоманской имперіи цѣной остающагося въ ихъ магазинахъ угля.

Война дастъ новый и сильный толчекъ разширенію и размноженію нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Уже приводятся въ исполненіе нѣсколько новыхъ предположеній. Нашъ разрывъ съ Англіей, которая была для насъ большой конторой морскаго сообщенія, благопріятенъ для развитія нашей морской торговли. Когда мы не имѣли надобности вывозить свои товары, находившіе покупщиковъ на нашемъ же народномъ рынкѣ, торговля наша не умножала числа своихъ кораблей. Немало толковали нашимъ купцамъ, что они жертвуютъ своими выгодами въ пользу иностранцевъ; они все-таки предпочитали ограничить свой барышъ, нежели взяться за рискованное предпріятіе. Въ сущности наши самые богатые купцы, за малымъ исключеніемъ, оставались поставщиками; внѣшняя торговля находилась вся въ рукахъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ всѣхъ странъ Европы, преимущественно изъ Англіи, съ цѣлью наживы. Не въ капиталахъ недостатокъ нашей торговли, но нѣтъ въ ней духа предпріимчивости, товарищества и довѣрія къ собственнымъ средствамъ. Предпріимчивость

и довѣріе явятся въ присутствіи необходимости; наши торговцы замѣнятъ собою иностранныхъ. Развитіе морской торговли будетъ разсадникомъ и подспорьемъ для морскихъ силъ государства. Мы будемъ обязаны этимъ Англіи, и придетъ время, когда она о томъ вспомнитъ и оцѣнитъ благоразуміе и политику теперешняго своего министерства.

Пока Англійскіе адмиралы занимаются полиціей на нашихъ моряхъ и стерегутъ насъ, наша торговля разрушитъ ихъ враждебныя намѣренія, прокладывая себѣ сухой путь и обогащая области, которыя съ давнихъ поръ и, можетъ быть, никогда не принимали участія въ торговомъ движеніи, подобномъ тому, которое теперь бороздитъ ихъ почву, принося довольство и барышъ населеніямъ смежныхъ мѣстъ. Вотъ еще вознагражденіе за убытки, причиняемые войной. Сборъ нашихъ таможень вообще мало потерпѣлъ вслѣдствіе обложенія нашихъ портовъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что система, которую я превозношу— система отчужденія и можетъ *разъевропеить* Россію, что это система Китайская. Нисколько. Не стѣна Китайская причиною застоя страны, но безжизненность, которою отличается религія Китайцевъ и которая губитъ всякое развитіе, могущее возникнуть у нихъ. Что́ касается насъ, то, благодаря Бога, мы носимъ въ себѣ начало жизни, которое намъ открыто и обезпечено Христіанствомъ. Съ этимъ началомъ мы не можемъ притупиться и обезплодѣть. Если даже, при отсутствіи этого начала, Китай могъ найдти въ самомъ себѣ плодотворныя силы, благодаря которымъ опередилъ Европу открытіями, какъ компасъ и книгопечатаніе, имъ созданное и усовершенствованное, какъ произведенія промышленности, которыхъ не могутъ добиться въ Европѣ; если онъ имѣетъ богатую, разнородную письменность: то нечего опасаться, коль скоро умный и Христіанскій народъ, какъ мы, сдѣлается поболѣе самимъ собою и сосредоточится у себя дома. Впрочемъ, слѣдуетъ порвать сношенія не съ просвѣщеніемъ, а съ такъ-называемыми просвѣтителями. Англичане, напримѣръ, эти миссіонеры прогресса, стараются просвѣтить Китайцевъ, привозя имъ опіумъ. Что же? Въ Англійской лавкѣ немало сортовъ опіума съ ярлычками, на которыхъ значится, что

это есть вѣрное лекарство противъ всѣхъ человѣческихъ болѣзней. Теперь приглядимся поближе къ ихъ просвѣщенію и возьмемъ у него, что дѣйствительно хорошо и въ частности для насъ пригодно. Пусть Россія станетъ вторымъ Китаемъ, но Китаемъ съ будущностью, чего у небесной имперіи, да и у другихъ земныхъ государствъ Европы непредвидится.

Не беру на себя предсказывать, что война, въ которую насъ втянули кончится для насъ удачно; но позволю себѣ предвидѣть, что эта война, долженствующая въ намѣреніяхъ нашихъ враговъ отодвинуть насъ на цѣлый вѣкъ, выдвинетъ насъ, съ помощію Божіей и благодаря нашимъ врагамъ, на цѣлый вѣкъ впередъ. Для насъ она уже сдѣлала многое, привлекши наше вниманіе на наши слабыя и больныя стороны. Западъ хочетъ сокрушить наше могущество: но, пробуждая насъ, онъ только заставитъ насъ откинуть злоупотребленія и преграды, замедлявшія наше благоденствіе. Послѣ Полтавской битвы Петръ I-й пилъ за здоровье своихъ учителей, плѣнныхъ Шведскихъ генераловъ, которые научили его военному искусству. Придетъ день, когда мы также будемъ безъ злопамятства пить за здоровье нашихъ учителей, открывшихъ наши слабости и исправившихъ насъ отъ недостатковъ.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

Ноябрь.

Надо сознаться откровенно, что въ нѣкоторыхъ странахъ государственные люди достойны сожалѣнія еще больше, чѣмъ писатели: сіи послѣдніе отвѣтственны, по крайней мѣрѣ, лишь за то что они пишутъ и печатаютъ, тогда какъ государственные люди должны опасаться отвѣтственности общественной за всѣ глупости, которыя приходится имъ произносить. При нихъ безпрестанно неизбѣжный стенографъ, подстерегающій малѣйшее ихъ слово; онъ хватаетъ это слово на-лету и безпощадно передаетъ его въ жертву пересудамъ, а иной разъ на посмѣяніе публики. Такъ бы и быть съ рѣчами, произносимыми при торжественныхъ случаяхъ, съ краснорѣчіемъ судебнымъ; но стенографія подкарауливаетъ все, что говорится въ промежутокъ между грушею и сыромъ, между часто повторяемыми бокалами Шампанскаго и еще болѣе частыми рюмками хересу; невзначай сказанное слово повторяется до безконечности стоустою печатью и разносится съ одного конца земли на другой, и государственный человѣкъ, отрезвившись отъ вчерашнихъ дѣлъ, на другой день читаетъ въ газетахъ то, чего ему вовсе бы не хотѣлось огласить или сказать въ другой разъ.

Англійскіе государственные люди, какъ извѣстно, не прочь отъ банкетовъ. На нихъ произносятся безконечныя и невѣроятныя рѣчи, помогающія, какъ надо думать, пищеваренію и служащія къ тому, чтобъ опохмѣлиться послѣ обильныхъ воз-

ліяній, но сопровождаемыя также самыми странными несвоиностями.

На послѣднемъ банкетѣ, данномъ, по старинному и торжественному обычаю, въ Лондонѣ въ честь новаго лорда-мера, проявлены замѣчательные обращики этого нелѣпаго краснобайства, на которое обреклись нѣкоторыя лица, какъ бы для того, чтобы еще здѣсь на землѣ понести наказаніе за все зло, причиняемое ихъ дѣйствіями.

Не станемъ разбирать рѣчь Французскаго посла: она не болѣе, какъ жалкій сколокъ съ воззванія его августѣйшаго повелителя, произнесеннаго солдатамъ, не помню въ какомъ лагерѣ (конечно, не въ одномъ изъ лагерей дѣйствующей арміи). Если повелитель дозволилъ себѣ, въ пылу политическаго увлеченія, оффиціально объявить своимъ солдатамъ о взятіи Севастополя, то его вѣрному слугѣ весьма позволительно надѣяться, что въ минуту произнесенія имъ тоста, стѣны или развалины Севастополя уже осѣнились соединенными знаменами Франціи, Англіи и Турціи. Во всякомъ случаѣ, господинъ посолъ не слишкомъ стѣсняется: ему нуженъ городъ, да еще обращенный въ пепелъ. Очень естественно надѣяться на исполненіе желаній, особенно когда находимся подъ пріятнымъ вліяніемъ благороднаго напитка, который веселитъ душу и оживляетъ сердце.

Не станемъ и подавно разбирать рѣчь лорда Абердина: не до шутки и не до смѣху, когда подумаешь о государственномъ человѣкѣ, который для властолюбія, для того, чтобы удержаться на мѣстѣ, открекается, подъ конецъ славнаго поприща, отъ своего прошедшаго, отъ своихъ убѣжденій, отъ руководящихъ началъ и даже перестаетъ внимать голосу совѣсти. Пусть миролюбивый министръ не щадитъ своихъ легкихъ и произноситъ величественныя фразы, пересыпанныя обязательными любезностями въ честь „великой союзницы“.

Нынче намъ не хочется думать ни о чемъ печальномъ, и потому мы беремъ предметомъ настоящаго письма рѣчь лорда Пальмерстона. Клаунъ—непремѣнный герой всякаго англійскаго фарса. Эту роль обыкновенно исполнялъ благородный лордъ во всякомъ оффиціальномъ представленіи, какія даютъ въ Англіи для увеселе-

нія народа и для того, чтобы плательщики позабывали про деньги, которыя они даютъ, и про кровь, которую они проливаютъ.

Французская газета „la Presse", которая понимаетъ въ этомъ дѣлѣ толкъ, старается обратить общее вниманіе на неизсякаемый юморъ государственнаго человѣка, на его полу-политическій, полугалантный тостъ, бывшій украшеніемъ пира. Повторивъ, какъ и слѣдуетъ, сакраментальную фразу въ честь великой націи и ея достойнаго представителя (замѣтимъ, что тайный параграфъ договора между Франціею и Англіею обязываетъ строго никогда не говорить другъ о другѣ, какъ употребляя эпитетъ „великая"), ораторъ прибавляетъ: „Если съ одной стороны его присутствіе есть знакъ счастливой народной дружбы, то съ другой присутствіе супруги лорда-мера есть символъ счастливаго международнаго супружескаго союза". Далѣе, талантливый ораторъ выражаетъ надежду, „что союзъ Англіи и Франціи продолжится столь же долго, какъ бо́льшая часть тѣхъ супружескихъ союзовъ, коихъ счастливыхъ и вѣрныхъ представителей видишь здѣсь".

Замѣтьте, пожалуйста, съ какимъ присутствіемъ духа и осмотрительностью поступаетъ этотъ государственный человѣкъ: онъ не отважился сказать — всѣ союзы; но благоразумно удовольствовался выраженіемъ „бо́льшая часть союзовъ", допуская, въ избѣжаніе двухсмыслицы, возможность разводныхъ случаевъ и внезапность смертей, которыя могли бы, при сильномъ увлеченіи реторикой, значительно компрометировать продолжительность союза обоихъ народовъ. Увлекаясь мыслью о супружескомъ соединеніи, лордъ Пальмерстонъ не ограничивается заключенными союзами. Предприниматель свадебныхъ торжествъ, онъ позаботился также и о невинныхъ, непристроенныхъ барышняхъ, которыя присутствовали на обѣдѣ. „Въ то время, когда мы видимъ", говоритъ онъ, „издавна существующіе союзы, естественные и брачные, имѣющіе, я надѣюсь, широкую и счастливую будущность, съ другой стороны я останавливаю свои взоры на прелестныхъ личикахъ окружающихъ насъ молодыхъ барышень и ясно предвижу множество другихъ будущихъ союзовъ, пред-

назначенныхъ быть столь же счастливыми и продолжительными, какъ предшествующіе имъ".

Здѣсь (прибавляетъ la Presse) раздается всеобщій смѣхъ. Неудивительно. Смѣяться было чему. Французскій посолъ, конечно, хорошо знакомый съ Мольеромъ, немало долженъ былъ порадоваться, слыша такую рѣчь, которая ему напоминала Précieuses Ridicules, Вадіуса и Трисотина. Однако, всмотрѣвшись ближе, я подозрѣваю, что шутливый ораторъ скрылъ политическій намекъ подъ прозрачнымъ покровомъ своей галантной рѣчи.

Подъ этими граціозными личиками молодыхъ барышень не позволительно ли понимать Австрію, Пруссію и другія державы, еще не произнесшія роковаго *да* и которыхъ благородный лордъ ловко приглашаетъ придти и насладиться супружескимъ счастьемъ семейства, состоящаго изъ пяти или шести человѣкъ? Это объясненіе, по нашему мнѣнію, можетъ легко быть допущено, когда дѣло идетъ о восточномъ вопросѣ въ виду того, что на Востокѣ ни двоеженство, ни троеженство и т. д. не считаются предосудительными.

Послѣ этой рѣчи лордъ-меръ, человѣкъ не ревнивый, поблагодарилъ лорда Пальмерстона за то, что его леди ему понравилась. Жаль, что стенографы не объясняютъ намъ, что́ сказала и подумала леди Ельвира, слушая галантныя эксентричности своего любезнаго Донъ-Жуана.

Если же мы, съ своей стороны, принимаемъ участіе во всеобщемъ веселіи, которое вызвано чтеніемъ этой шутливой рѣчи, то намъ должно признаться, что минутный смѣхъ, отъ котораго мы не могли воздержаться, вскорѣ уступилъ мѣсто чувству невыразимой грусти, при мысли, что такое странное представленіе дано было въ самыхъ серьезныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ. У насъ, къ несчастію, не хватитъ человѣколюбія, чтобы оплакивать всѣ глупости, которыя говорятся на свѣтѣ, да еще за обѣдомъ у лорда-мера. Мы должны признаться даже, что не безъ нѣкотораго удовольствія смотримъ на то, какъ наши враги сами себя дурачатъ. Но здѣсь само дурачество пріобрѣтаетъ особое значеніе отъ лица, выводящаго его на сцену. Когда по-

думаешь, что этотъ человѣкъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе содѣйствовали къ войнѣ, потрясающей нынѣ Европу и причинили уже столько бѣдъ, то на его преимущественно голову должна пасть отвѣтственность за кровь, пролитую въ такомъ обиліи; что въ ту минуту, когда онъ произносилъ свои пустыя шутки, сотни храбрыхъ и несчастныхъ соотечественниковъ падали, можетъ быть, на полѣ битвы, на чужой сторонѣ: пошлость его ораторскихъ пріемовъ забывается, а выступаетъ на видъ безнравственность, безчеловѣчіе, отсутствіе общественнаго приличія и простой благопристойности, и дерзость, и гнусность.

Понятно и легко объяснимо, что въ странѣ, гдѣ сохранились преданія чистой монархіи, народъ подъ-часъ отказываетъ въ своемъ сочувствіи и довѣріи какому-нибудь правительственному лицу, такъ какъ въ назначеніи его онъ не принималъ участія. Но страна, имѣющая претензію быть высшимъ и совершеннымъ выраженіемъ свободы политической и гражданской, по небходимости солидарна съ людьми, стоящими во главѣ правительства. Покуда они во власти — народъ симпатизируетъ ихъ началамъ и одобряетъ ихъ поступки. Если же не сочувствуютъ имъ въ глубинѣ души, если принуждены терпѣть ихъ и оставлять за ними управленіе дѣлами, то естественно спросить: всѣ эти представительныя и конституціонныя правительства, это равновѣсіе властей, о которомъ такъ много толкуютъ—не фикція-ли, не обманъ-ли, не плохая-ли, въ концѣ концовъ, шутка? А что еще хуже, не пришлось ли бы себя спросить: не служатъ ли подобные министры и подобныя рѣчи печальнымъ признакомъ нравственнаго паденія и несостоятельности разлагающагося общества? Какъ объяснить иначе картину сейчасъ нами видѣнную? Нѣтъ! Народъ, считающій себя вожакомъ цивилизаціи и всемірнаго возрожденія, не можетъ безнаказанно мирволить подобной гнусности; лучшіе его представители должны были принудить къ молчанію или удалить министра, позволяющаго себѣ плоскія шутки въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится его отечество. Никода не слѣдуетъ забывать и никогда не было случая болѣе подходящаго, чтобы сказать: слогъ выражаетъ человѣка (le style c'est l'homme).

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

Декабря.

Мы не ошиблись въ нашемъ предъидущемъ письмѣ, усматривая политическій умыселъ въ пошлостяхъ, которыя высказаны лордомъ Пальмерстономъ на пиру лорда-мера. Хитрый ораторъ, расточая грубыя шутки о молодыхъ дѣвицахъ (jeunes miss), проповѣдывалъ, нельзя ли устроить нѣкоего бракосочетанія, которое должно было прославить его, какъ прорицателя. Устроитель брачныхъ союзовъ, счастливыхъ и неприличныхъ, соревнуя кузнецу въ Гретна-Гринѣ, содержащему, какъ извѣстно, тайную часовню на Шотландской границѣ для совершенія недозволенныхъ браковъ, собрался вскорѣ послѣ пира въ деревню, чтобы оттуда ѣхать въ Парижъ. Тамъ онъ совѣщался съ своимъ клевретомъ, какими средствами всего успѣшнее и скорѣе уладить столь близкое его сердцу дѣло. Свадьба уже была задумана, но не легко было формулировать нѣкоторыя статьи брачнаго договора.

Одно время думали, что досточтимый „commis voyageur“ поѣдетъ съ тою же цѣлію изъ Парижа въ Вѣну, ибо тамъ-то и живетъ „молодая miss“, которую требовалось во что́ бы ни стало отдать замужъ; но погода стала уже плоховата. Сводникъ подумалъ, что можно будетъ ограничиться посылкою визитной карточки, во избѣжаніе утомительнаго и скучнаго путешествія. Передать карточку взялся „Times“ въ собственныя руки его превосходительства г-на Буоля de Шауенштейна. На карточкѣ изображенъ подходящій гербъ, составленный изъ коробки хи-

мическихъ зажигательныхъ спичекъ и трубки съ надписью „достаточно трубки Французскаго капрала, чтобы поджечь Австрійскія владѣнія въ Италіи". Эта любезность достигла своей цѣли. Лордъ Пальмерстонъ, надо отдать ему справедливость, хорошо знаетъ свѣтъ, и г-нъ Буоль сразу понялъ, чего хотѣлъ высокій лордъ. Есть такія впечатлительныя натуры, которыя поддаются угрозамъ; ихъ всегда легко подчинить себѣ: стоитъ лишь покрѣпче выбранить или погрубѣе пригрозить. Оттого-то достойный представитель Австрійской политики и поспѣшилъ однимъ выстрѣломъ подбить двухъ зайцевъ. Съ свойственнымъ ему историческимъ чутьемъ и національнымъ достоинствомъ, онъ захотѣлъ, желая быть со всѣми вѣжливымъ, подписать договоръ между Франціей, Англіей и Австріей 2 Декабря, т.-е. въ годовщину Аустерлица, столь славную, какъ извѣстно, для Австрійскаго оружія и могущества. Замѣтимъ мимоходомъ, что, благодаря Австріи, и мы имѣемъ свою долю въ этихъ воспоминаніяхъ. Но, по крайней мѣрѣ, солнце Аустерлица для насъ нѣсколько померкло въ пожарѣ Москвы и совсѣмъ загасло во льдахъ Березины. Сколько намъ извѣстно, Австрія едва ли можетъ указать на подобную отместку съ своей стороны. Во всякомъ случаѣ, благодаря г-ну Буолю, надъ нею впредь будутъ свѣтить два Аустерлицкихъ солнца—одно 2-го Декабря 1805-го, а другое 2-го Декабря 1854-го года. Этотъ договоръ, впрочемъ, какъ мы сказали, былъ уже давно предусмотрѣнъ. Единственное, что́ слѣдовало сдѣлать, изъ приличія и по нѣкоторому остатку стыдливости, было бы отложить его на нѣкоторое время. Конечно, стыдливость эта была бы ложною, потому-что настоящій стыдъ гораздо древнѣйшаго происхожденія.

Чтобы возвратиться къ реторическимъ фигурамъ лорда Пальмерстона, мы замѣтимъ, что въ неприличномъ бракѣ для молодой дѣвушки позоръ не въ томъ, что она забываетъ семейныя преданія и обязанности,—нѣтъ! Честные люди осудятъ ее за прежнее ея поведеніе, которое неизбѣжно должно было привести ее къ такому браку.

Съ перемѣною нѣсколькихъ словъ, можно бы примѣнить къ этимъ скандалёзнымъ бракамъ стихъ, столь часто повторяемый:

„Le crime fait la honte et non pas l'échafaud“ *). Казнь есть законное послѣдствіе преступленія, точно такъ же, какъ неприличный бракъ — неизбѣжное и печальное послѣдствіе дурнаго или, по крайней мѣрѣ, необдуманнаго поведенія.

Однако намъ нечего обсуживать и оцѣнивать договоръ 2-го Декабря съ Австрійской точки зрѣнія. Каждое правительство вольно разрывать неподходящіе ему союзы и замѣнять ихъ другими, болѣе соотвѣтствующими его потребностямъ. Есть притомъ наклонности, влекущія, какъ людей, такъ и правительства другъ къ другу, или, чтобы сказать по-просту — qui se ressemble s'assemble **). Во всякомъ случаѣ, намъ, не посвященнымъ въ тайны дипломатіи, трудно понять все значеніе этого дипломатическаго документа, когда сами Англійскіе министры, которымъ смыслъ его долженъ быть понятнѣе, чѣмъ кому-либо, разнорѣчатъ въ объясненіи настоящаго его значенія. Мы, простые смертные, можемъ заключить изъ всего этого, что Австрія пуще боится Англіи и Франціи, нежели Россіи; ибо Австрійская политика всегда выражается какимъ-нибудь страхомъ. Для насъ, Русскихъ, въ этомъ политическомъ актѣ интересно, что онъ открываетъ передъ нами какъ бы новую эру, которую мы привѣтствуемъ съ радостью. Никогда не былъ въ Россіи популярнымъ союзъ съ Австріею, хотя наше правительство издавна держалось его и ему иной разъ приносило величайшія жертвы. Этотъ союзъ всегда былъ занозой для народнаго сердца. Изъ нашихъ враговъ никто не былъ намъ такъ противенъ, какъ любезные наши друзья Австрійцы. Мы не судимъ, а разсказываемъ. Каждый разъ, что̀ насъ приближали къ нимъ политическія требованія и что наша армія отправлялась на границы Австріи, это чувство отчужденія или, точнѣе, отвращенія, усиливалось и укрѣплялось въ насъ. Сужденія Суворова о характерѣ и дѣйствіяхъ Вѣнскаго кабинета во время Итальянской кампаніи, сужденія, исполненныя необыкновенной силы и оригинальности, сдѣлались въ Россіи народными и обратились почти въ поговорки.

Жаль, что у меня нѣтъ подъ рукою исторіи Суворовскихъ

*) Позоръ не въ казни, а въ преступленіи.

**) Кто на кого похожъ, тотъ къ тому и стремится.

походовъ, изданной недавно въ Петербургѣ. Я нашелъ бы въ ней, въ его оффиціальныхъ бумагахъ, въ его перепискѣ съ Австрійскими властями, немало слѣдовъ недобросовѣстности, зависти и всякаго рода затрудненій и козней, которыми Вѣнскій кабинетъ старался разстроить планы вождя Русской арміи, призваннаго самой Австріею на помощь.

Русскіе историки нашихъ войнъ съ Наполеономъ, когда мы дѣйствовали въ союзѣ съ Австрійцами, дали бы намъ неопровержимыя доказательства того же самаго. Послѣдняя наша кампанія въ Венгріи, когда мы спасали и поддержали Австрію наканунѣ ея гибели, едва ли способствовала къ ослабленію этихъ народныхъ ощущеній, если судить о нихъ по чувствамъ и понятіямъ нашей арміи.

Спѣшу оговориться, что этотъ антагонизмъ основанъ не на враждѣ между народами или между отдѣльными единицами. Конечно, въ сущности немного симпатій между Русскими и Нѣмцами, и этотъ недостатокъ сочувствія выражается всегда при столкновеніяхъ между Славянскими и Германскими племенами; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Австрійцы, какъ люди, были намъ непріятны: напротивъ, съ своей стороны, я могу похвастаться, что имѣлъ удовольствіе и честь встрѣчать въ путешествіяхъ своихъ многихъ Австрійцевъ, одаренныхъ замѣчательными соціальными качествами. Мнѣ неизвѣстно, до какой степени основательны увѣренія большинства Европейской печати, утверждающія, что общественное мнѣніе въ Австріи глубоко враждебно намъ. Вѣрно то, что между лицами высокопоставленными въ Австріи, по своему происхожденію, по своимъ способностямъ или по своему положенію, я никогда не встрѣчалъ такихъ, которыя не были бы откровенно враждебны союзу съ западными державами и не были бы печально озабочены тѣмъ новымъ направленіемъ, которому правительство ихъ начинаетъ поддаваться. Если бы я не опасался быть нескромнымъ, я бы ихъ назвалъ, и едва ли Европейская печать въ состояніи была бы противупоставить имъ имена болѣе уважаемыя или болѣе достойныя уваженія. Что касается до духа, господствующаго въ революціонныхъ сборищахъ и въ трактирахъ Вѣны, то я объ этомъ ничего сказать

не могу, и, можетъ быть, газеты справлялись съ Австрійскимъ общественнымъ мнѣніемъ именно въ этой средѣ. Во всякомъ случаѣ, кажется довольно умѣстно будетъ повторить здѣсь слова очень замѣчательнаго писателя, г. Бунгенера, что во времена революціи и нравственнаго безпорядка сильно всегда бываетъ меньшинство, а большинство всегда слабо.

Если то, что я сказалъ, неубѣдительно, я могъ бы прибавить, съ полной увѣренностію, что въ самой Россіи, представители Австрійской политики, устраняя вопросъ о направленіи ея, встрѣчали себѣ достойную оцѣнку, благодаря тѣмъ высокимъ и привлекательнымъ качествамъ, которыми они отличались. Я не пойду слишкомъ далеко назадъ, но Петербургское общество, сохранившее все-таки преданія лучшихъ временъ, вспоминаетъ съ благодарностью и сожалѣніемъ исполненныя уваженія и привязанности отношенія съ графами Лебцельтернъ, Фикельмонъ и Колоредо. Если другіе не съумѣли присоединить свои имена къ этимъ именамъ, то виноваты не мы. Потерпѣвъ неудачу въ Петербургскихъ гостиныхъ и въ общественномъ мнѣніи, они, можетъ быть, унесли съ собою нѣкоторую горечь, которая могла остаться не безъ вліянія на Вѣнскихъ конференціяхъ и при составленіи договора 2-го Декабря. Если такъ, то вотъ новое доказательство, какъ великія событія часто вызываются мелкими причинами. Правильно говорятъ, что Франція претерпѣла бѣдствія Семилѣтней войны, чтобы отомстить за самолюбіе г-жи Помпадуръ, оскорбленное насмѣшками Фридриха Великаго надъ нею и ея поэтомъ и фаворитомъ, аббатомъ Бернисомъ, котораго она успѣла сдѣлать кардиналомъ и первымъ министромъ. Такъ какъ мы занимаемся теперь политическими сплетнями, то можно, между прочимъ, замѣтить, что наши дѣти найдутъ, пожалуй, въ воспоминаніяхъ о нашей эпохѣ, что къ вышеупомянутой мести присоединяется еще иногда и месть *за обритую бороду и усы*. Жители Вѣны намъ разсказывали, что одинъ вліятельный господинъ пожертвовалъ своими воспоминаніями о барикадахъ для того, чтобы получить аудіенцію у Государя, котораго считаютъ врагомъ контрабандныхъ усовъ и бородъ. Къ сожалѣнію, эта жертва была сдѣлана совсѣмъ понапрасну:

господинъ этотъ не былъ принятъ и долженъ былъ, по возвращеніи, выпесть насмѣшки столичныхъ шутниковъ, которые не мало посмѣялись неудачѣ обрившагося министра.

Мелкія сплетни отдалили насъ отъ предмета; вернемся къ нему. Дѣло въ томъ, что не личный характеръ Австрійца удаляетъ насъ отъ него; но между Австріей и нами политика ея ставитъ бездну. Основы и преданія этой политики столь всесильны, что они всегда берутъ верхъ надъ лучшими чувствами отдѣльныхъ лицъ. Въ Австріи оффиціальный правитель и частный человѣкъ бываютъ часто не только совершенно различныя существа, но даже другъ-другу во всемъ противоположны. Одинъ изъ нихъ въ глубинѣ души имѣетъ самое вѣрное чувство всего хорошаго, справедливаго, достойнаго; онъ можетъ быть откровеннымъ, честнымъ; но въ той политикѣ, которой ему приходится слѣдовать, ни одному изъ этихъ благородныхъ чувствъ не пробиться наружу: этому препятствуютъ Австрійскія правительственныя преданія, и немало тому историческихъ примѣровъ. Несомнѣнно, императрица Марія Терезія была женщина большой отваги и благороднѣйшаго характера; ея голова создана была для вѣнца; но это не мѣшало ей, въ интересахъ дипломатіи, переписываться и съ г-жею Помпадуръ, и набрасывать тѣнь на свое женское и царское достоинство, называя ее „кузиной“.

Послѣ такого родства отчего же не быть братомъ или союзникомъ какого-нибудь г-на де-Помпадуръ?

Несчастія Маріи Антуанеты нисколько не поразили и не потрясли политику Вѣнскаго кабинета, и однако эта несчастная королева, казненная преимущественно за то, что она Австрійка, была сестра и дочь Австрійскихъ императоровъ. Но союзныя государства, съ Австріей во главѣ, имѣли совсѣмъ другія заботы, чѣмъ походъ на Парижъ для предупрежденія или наказанія совершавшихся тамъ событій: озабоченныя мелкими интересами эгоизма или честолюбія, правительства и правители, парализовали взаимно другъ-друга и дѣйствовали слабо и нерѣшительно.

Императоръ Францъ II имѣлъ, конечно, какъ частный че-

ловѣкъ и во многихъ отношеніяхъ какъ государь, почтенный характеръ. А что же? Для полученія нѣсколькихъ дней отсрочки не отдалъ ли онъ своей дочери злѣйшему своему врагу, нанесшему сильнѣйшій ударъ его достоинству и могуществу. Онъ совершилъ эту жертву, безполезную и противную его чувствамъ отца и его католическимъ убѣжденіямъ (ибо Наполеонъ былъ женатъ), въ то самое время, когда его другъ Александръ давалъ ему совершенно противуположный примѣръ, отказывая въ рукѣ сестры своей императору Французовъ. И конечно, онъ послѣдовалъ бы этому примѣру, если бы онъ послушался голоса своей совѣсти, какъ отца и честнаго человѣка, а не преданій Австрійской политики, которая всегда забываетъ, что измѣна чести и нарушеніе обязанностей не только позоръ, но и плохой разсчетъ, и вызываетъ рано или поздно раскаяніе и горькое сожалѣніе. Я знаю хорошо, что сентиментальность неумѣстна въ политикѣ и что нужно прежде всего имѣть въ виду интересы государства и давать имъ перевѣсъ надъ чувствами, привязанностями, увлеченіями или отвращеніями личными. Но есть исключительные случаи, гдѣ государь неотдѣлимъ отъ частнаго человѣка. Что умаляетъ нравственное достоинство человѣка, то, въ свою очередь, подрываетъ достоинство и государя, и народъ, въ свою очередь, чувствуетъ себя оскорбленнымъ.

Кто же могъ бы, послѣ сказаннаго нами, удивляться трактату 2-го Декабря? Это только лишній шагъ по колевинѣ, по которой постоянно плетется Вѣнскій кабинетъ. Будемъ справедливы къ г. Буолю. Онъ ничего не выдумалъ, а только продолжалъ. Удивляться „величію неблагодарности“ или „величію трусости“ уже несовременно. Всѣ давно присмотрѣлись къ этому.

Во всякомъ случаѣ, чтобъ быть справедливымъ до конца къ г. Буолю и къ Австрійскому правительству (ибо надо быть справедливымъ даже и къ тѣмъ, кого менѣе всего любимъ), нельзя не сознаться, что положеніе Австріи трудное. Для защиты противъ обвиненій она могла бы указать на смягчающія обстоятельства, которыя, до нѣкоторой степени, если не оправдываютъ (ибо дурное никогда не можетъ быть оправдано), то,

по крайней мѣрѣ, объясняютъ ея образъ дѣйствія. Австрія не есть независимое и односоставное государство, подобно Франціи, Англіи, Россіи, Пруссіи, и даже всякому второстепенному государству, имѣющему свою крѣпкую и компактную національность. Австрія – вторая Турція, кромѣ фанатизма и варварства, которыя въ данномъ случаѣ составляютъ также національную силу. Австрія только малая доля Австрійской имперіи, доля, которая, въ противность законамъ физики и логики, больше и сильнѣе цѣлаго. Давно уже Вольтеръ говорилъ про покойную Священную Римскую Имперію: хотѣлъ бы я знать, отчего Святая? отчего Римская? отчего Имперія? Съ того времени названіе перемѣнилось; но и теперь можно бы спросить: что значитъ Австрійская имперія? Она понятна, покуда живешь въ Вѣнѣ; но уже труднѣе понять ее въ Тріестѣ, Венеціи, Миланѣ, Прагѣ, въ Будѣ, Краковѣ и въ этой дюжинѣ столицъ, которыя испещряютъ эту имперію и которыя подобны тѣмъ цвѣтамъ или тѣмъ противорѣчивымъ словамъ, о которыхъ говоритъ поэтъ: „Завываютъ, находясь вмѣстѣ.“ Что всего болѣе поражаетъ въ Турецкой имперіи, это—недостатокъ Турокъ; также и въ Австрійской имперіи—недостатокъ Австрійцевъ. Это государство ничто иное, слѣдовательно, какъ политическая комбинація, какъ абстракція, облеченная въ условныя формы, дабы удовлетворить извѣстной системѣ, допущенной Европейскими кабинетами. Перемѣнись ихъ политика и пускай они почтутъ нужнымъ основать Европейское равновѣсіе на новыхъ началахъ, на допущеніи новой Славянской имперіи или нѣсколькихъ Славянскихъ независимыхъ государствъ, на допущеніи независимой Венгріи, независимой Италіи, и т. п.: тогда Австрія, доведенная до своей простѣйшей и первобытной формы, сдѣлается сразу государствомъ втораго или третьяго разряда. Не труднѣе, конечно, было бы устроить разчлененіе ея. Позволительно думать, что если бы Европа захотѣла, то, конечно, этому не стали бы противиться составныя части, насильственно привязанные къ чужеземному престолу.

Австрійское правительство хорошо чувствуетъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ нашихъ остроумныхъ соотечественниковъ, что

вся Австрійская имперія—Ахиллесова пята, т. е. уязвима на всѣхъ пунктахъ*). Посреди государствъ, имѣющихъ свои законы, свои права на существованіе не въ посторонних комбинаціяхъ, а въ сильно организованныхъ элементахъ національныхъ, такое государство не можетъ имѣть свободу дѣйствій. Смотря по обстоятельствамъ, оно должно всегда склоняться и опираться на одну или другую сторону, быть въ зависимости отъ сильнѣйшаго или наиболѣе дерзкаго. Вся ея обманная или малодушная политика (обыкновенно и то, и другое за-разъ) ничто иное, какъ неизбѣжное выраженіе этого ложнаго положенія великой имперіи, которая не имѣетъ внутренней силы и которой сила есть искусственный результатъ враждебныхъ комбинацій, стремящихся постоянно къ обособленію.

Доказательствъ этой зависимости, тяготѣющей надъ Австріей, не нужно искать далеко; мы найдемъ ихъ въ недавнемъ актѣ 2-го Декабря. Хотя о томъ не сказано въ статьяхъ союзнаго договора, хотя лордъ Абердинъ, въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей, отрицалъ, что Франція и Англія обязались гарантировать Австріи ея владѣнія въ Италіи, Венгріи и Польшѣ, въ замѣнъ ея содѣйствія; однако, несомнѣнно, что это обезпеченіе было дано въ тайнѣ. Если о немъ и не говорится въ договорѣ, все-таки оно чувствуется по смыслу и духу договора. Вѣнскій кабинетъ слишкомъ остороженъ, чтобы отдаться безусловно въ распоряженіе западныхъ державъ, не взявъ гарантій, которыя обезпечивали бы его собственное спокойствіе, пока онъ будетъ занятъ дѣлами Франціи и Англіи. И нельзя порицать его за эту предосторожность: естественный инстинктъ самосохраненія и здравый смыслъ ему указываютъ на то. Но съ обѣихъ сторонъ нашли нужнымъ обойти молчаніемъ эту статью. Для Австріи публичное признаніе было бы сознаніемъ, что она—вторая Турція, которой даже у себя дома нужна охрана иностранныхъ штыковъ; не можетъ въ этомъ сознаться и Франція, шумящая, подъ игомъ грубаго деспотизма, болѣе чѣмъ другіе, о свободѣ; а еще менѣе Англія, могущество которой на континентѣ основано на покровительствѣ всякому возстанію.

*) Это выраженіе принадлежитъ Ѳ. И. Тютчеву.—П. Б.

Разъ направившись по не-хорошему пути, Австрія не могла обойтись безъ того, чтобъ не обезпечить себя прежде всего дома, и, конечно, она это уже сдѣлала не въ обиду доброму лорду Абердину, который, можетъ быть, не посвященъ въ секретъ, потому что его сотоварищи могли опасаться разстроить новою тревогою его мирное благодушіе.

Въ концѣ-концовъ, если мы поймемъ настоящій смыслъ этого трактата, можемъ ли въ немъ найти что либо очень для насъ страшное? Въ этомъ собственно вопросъ. По моему—едва ли. Конечно, это лишняя компликація, направленная противъ насъ; а вражда, которой мы уже и безъ того окружены, достаточно сильна и многообразна. Но, съ другой стороны, наше положеніе яснѣе опредѣлится; а въ политикѣ это много значитъ. Лучше открытая вражда, нежели коварный нейтралитетъ. Благодаря Бога, намъ нечего болѣе стѣсняться съ Австріей; а эти стѣсненія уже слишкомъ издавна парализуютъ и подрываютъ наши силы. Я не знаю, что̀ подумаетъ нашъ кабинетъ объ этомъ, такъ какъ ему удобнѣе обнять вопросъ въ его цѣлости и со всѣми его послѣдствіями; но что внѣ сомнѣнія—это то, что этотъ разрывъ есть торжество для общественнаго мнѣнія въ Россіи, а въ рѣшительныхъ минутахъ національное сознаніе, національныя симпатіи и убѣжденія суть могущественные союзники. Намъ будетъ выгоднѣе драться съ Австрійцами, если судьба приведетъ насъ къ борьбѣ съ ними, чѣмъ если бы они были на нашей сторонѣ.

Во всякомъ случаѣ, для насъ пріятнѣе встрѣтить Австрію на поляхъ сраженія (отдавая, впрочемъ, полную справедливость храбрости Австрійскихъ солдатъ), чѣмъ на конференціяхъ въ Вѣнѣ или посреди Лондонской или Парижской каверзы. Гораздо достойнѣе Россіи имѣть противникомъ благороднаго и храбраго фельдмаршала Радецкаго, нежели ходатаемъ и судьей г-на фонъ Буоля.

Было бы хвастовствомъ и недобросовѣстностью отвергать, что твердый, прямой и добросовѣстный нейтралитетъ Австріи, такой какого требовала отъ нея Россія, былъ бы намъ пріятнѣе при настоящихъ обстоятельствахъ; но этотъ нейтралитетъ, съ

ея стороны, былъ невозможенъ,—тому препятствовали исконная политика этого государства и составъ ея настоящаго кабинета. Политика Австріи теперь менѣе, чѣмъ когда либо, могла бы быть „твердая, прочная и добросовѣстная". При нашей первой неудачѣ, при первой возможности выгадать что нибудь цѣною измѣны, она намъ бы измѣнила. Лучше испытать измѣну сначала, нежели позже, и выгоднѣе уступить коварнаго союзника непріятелю, нежели оставаться съ нимъ. Въ этомъ случаѣ мы еще можемъ ожидать нѣкоторой услуги отъ Австріи.

Впрочемъ, по новому уставу права, распространенному прессой и Европейскими публицистами, видно, что нейтральность въ наше время не одобряется. По этому ученію нейтральность есть выраженіе слабости, разрушенія, самоубійства со стороны правительства. Этимъ мнѣніемъ, могущимъ быть только ловушкою для глупцовъ и насильственной мѣрою для слабыхъ и трусовъ, какъ будто начинаютъ заражаться государственные люди. Не признаютъ или, вѣрнѣе, дѣлаютъ видъ, что не признаютъ, что нейтралитетъ есть, на оборотъ, признакъ силы и независимости. Каждое небольшое государство можетъ быть при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ вовлечено въ войну съ болѣе могущественнымъ врагомъ или въ борьбу чуждую и противную своимъ выгодамъ. Только дѣйствительно могущественная, твердо организованная держава можетъ оставаться внѣ борьбы другихъ государствъ, поддерживая миръ для своихъ подданныхъ, рядомъ съ другими народами, испытывающими бѣдствія войны. Не нужно быть особенно тонкимъ и великимъ политикомъ, чтобы понять эту истину; для того достаточно немного здраваго смысла и добросовѣстности. А часто именно этого недостаетъ великимъ государственнымъ людямъ нашего времени. Доказательствомъ, что нейтралитетъ есть признакъ силы, которымъ не могутъ пренебречь самыя могущественныя державы, служитъ то, что, въ случаѣ строгой нейтральности со стороны Австріи, Франція и Англія не могли бы продолжать войну противъ Россіи. И еще теперь, если Пруссія достаточно мужественна и разумна, чтобы оставаться нейтральною, усилія трехъ державъ не смогутъ привести къ какому либо важному результату и будутъ парали-

зованы нейтральнымъ положеніемъ Пруссіи. Напримѣръ, можно ли сказать, что Соединенные Штаты провозглашаютъ и поддерживаютъ теперь нейтралитетъ по слабости своей? Посмѣютъ ли Франція и Англія потребовать отъ нихъ рѣшенія въ 24 часа, станутъ-ли они за или противъ нихъ, какъ то было сдѣлано съ Австріей? Судя по послѣднему посланію президента, можно думать, что были попытки въ этомъ родѣ; но онѣ были отвергнуты, заслуживая того отъ государства, чувствующаго свое достоинство. Эти притязанія распоряжаться и руководствовать внѣшнею политикою Соединенныхъ Штатовъ, проявленныя иностранными правительствами, очень рѣшительно опровергнуты благородными словами г-на Пирса.

Онъ съ силой и большимъ оживленіемъ открываетъ также лицемѣрныя недоумѣнія правительствъ, проповѣдующихъ другимъ воздержность и соблюденіе политическаго равновѣсія *въ то время, какъ сами не перестаютъ подчинять и поглощать старинныя государства, вооружать свои знамена по всему континенту и въ настоящее время владѣютъ или заявляютъ притязанія къ обладанію всѣми островами океана, какъ собственнымъ достояніемъ.*

Вотъ косвенный, но рѣшительный отвѣтъ на велерѣчивыя рѣчи Англійскихъ министровъ, которые до сихъ поръ не перестаютъ толковать о честолюбивыхъ планахъ императрицы Екатерины, и теперь, чтобы рѣшительно помѣшать ихъ посмертному исполненію, побуждаютъ всю Европу на войну съ Россіей.

Все это могло бы быть нелѣпымъ и смѣшнымъ, если бы не было гнусно и подло. Англійскіе министры хорошо знаютъ, что еслибы императоръ Николай желалъ взять Константинополь, то могъ бы въ 1829 году, когда его побѣдоносная армія была въ Адріанополѣ; позже, въ 1848 году, представлялся тоже удобный случай для этого путешествія: это было бы пріятной прогулкой, исполненіе которой было бы безъ труда допущено и Европой, занятой у себя, и самими республиканцами. Еще и въ это послѣднее время, скажу и повторю тому, кто хочетъ или не хочетъ того слушать, еслибы Русскій императоръ, вмѣсто того, чтобы мирно занимать придунайскія области, поже-

лалъ враждебно осадить Константинополь, онъ бы его взялъ до сбора войскъ въ Турціи и прибытія союзнаго флота въ Босфоръ. Все это ясно, какъ день, и справедливо, какъ дважды два—четыре.

Какъ сотвореніе міра изъ хаоса произведено силою одного слова, такъ и политика имѣетъ въ своемъ лексиконѣ извѣстныя слова, перебрасывающія міръ обратно въ хаосъ. Слова, нынѣ стоящія впереди, суть: политическое равновѣсіе и независимость Европы. Мы пройдемъ молчаніемъ доводы *цивилизаціи*, потому-что черезчуръ смѣшно считать своимъ тріумфъ магометанской державы; намъ стыдно за тѣхъ, которые выставляютъ на своихъ знаменахъ подобную нелѣпость или даже святотатство. По-человѣчески это нелѣпо, по христіански—это-отступничество. Турецкая цивилизація ограничивается Кораномъ. Бороться за нее—значитъ ставить Коранъ выше Евангелія. Такъ-какъ нужно всѣми силами поддерживать равновѣсіе и независимость Европы, стало-быть, чтобы этого достигнуть, слѣдуетъ ослабить Россію, которая—препятствіе одному и угроза другой.

Мы могли бы привести мнѣніе Наполеона, сказавшаго, что политическое равновѣсіе есть мечта. Но, говоря про тѣхъ, которые теперь выдвигаютъ это равновѣсіе впередъ, скажемъ, что оно не мечта только, но и ложь. Положимъ, что государственные люди могутъ мечтать, но во всякомъ случаѣ они лгутъ,—это достовѣрно. Франція и Англія не желаютъ равновѣсія потому, что Россія своимъ пространствомъ и могуществомъ имѣетъ перевѣсъ въ Европѣ, благопріятный для государствъ центральныхъ и втораго разряда. Франція же (то есть Наполеонъ III-й) враждебная, по своей республиканской и насильственной природѣ, всякой законности и законности своихъ правительствъ, и Англія, завистливая и корыстолюбивая по природѣ, революціонная по дѣйствіямъ своихъ министровъ, желаетъ ослабить вѣсъ и цѣну монархической Россіи. Вотъ весь вопросъ въ двухъ словахъ. Чтобы достигнуть равновѣсія, стоящаго въ мирѣ и безопасности, эти правительства заключаютъ невозможные союзы, нарушаютъ или желаютъ рас-

торгнуть искони существовавшія связи, дѣйствуютъ въ одно время нагло и мошеннически, держатъ Европу въ недоумѣніи и въ состояніи кризиса и безпокойства, которому никогда не было ничего подобнаго, потрясаютъ ее съ одного конца до другаго, льютъ потоки крови, жаждутъ ея пролитія и не позволяютъ ни одной разумной и могущественной націи оставаться въ сторонѣ отъ этой рѣзни. И всѣ эти ужасы, по ихъ увѣренію, будтобы творятся для того, чтобы имѣть миръ, который именно они нарушили и дѣлаютъ невозможнымъ. Странные люди эти пожарные, прибѣжавшіе тушить грозившій двумъ домамъ пожаръ и для того поджигающіе всѣ концы города.

Эти дѣйствія были оцѣнены даже въ Англіи, такъ-какъ они того заслуживаютъ. Вѣроятно, и во Франціи ихъ строго осуждаютъ. Но тамъ всеобщая подача голосовъ заставила всѣхъ замолчать. Графъ Морни, президентъ Законодательнаго Корпуса, находитъ, что это прекрасно. Понятно тоже, что депутаты, съ которыми онъ будетъ имѣть дѣло, тоже добрыя, умныя дѣти, не шумящія, не спорщики, но любезныя и вѣжливыя, какими онъ ихъ любитъ признавать.

Если правительство 2-го Декабря, даже до 2-го Декабря, позволило себѣ схватить ночью и посадить въ тюрьму законныхъ представителей страны, которые ему не нравились, то чего не могло бы оно сдѣлать теперь съ тѣми, которые осмѣлились бы высказать противное мнѣніе?

Г-нъ Врайтъ, членъ Англійскаго Парламента, хотя и хорошій Англичанинъ, однако не побоялся открыто сказать: „опасность могущества Россіи только призракъ; необходимость поддерживать постоянное магометанское владычество въ Европѣ — нелѣпость; наша любовь къ просвѣщенію въ то время, когда мы подчиняемъ Грековъ и христіанъ Туркамъ — постыдна, и жертвы, приносимыя нами во имя свободы, въ то время какъ мы исполняемъ приказанія императора Французовъ, уничтожившаго свободную конституцію и разсѣявшаго военною силою Національное Собраніе, суть жалкое лицемѣріе".

Листки съ этой рѣчью могли быть на какомъ-то митингѣ раздираемы руками демагоговъ или глупыхъ приверженцевъ

Англійскаго покровительства. Увы! не менѣе, на судѣ Исторіи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] также [illegible] [illegible] и [illegible] гражданина.

Не знаю, нужно ли для охраненія политическаго равновѣсія христіанской Европы существованіе невѣрной Турціи и нужно ли ключъ этого равновѣсія ввѣрить Туркамъ, какъ ввѣрены имъ были христіанами ключи Гроба Господня? Это можетъ случиться; но, признаюсь, странно, если бы оно сдѣлалось необходимостью.

Что касается независимости Европы, то забавно слышать, какъ ее провозглашаютъ Англія и Франція. Слова президента Соединенныхъ Штатовъ уже познакомили насъ со смысломъ той независимости, какъ ее понимаетъ Англія. Не станемъ къ этому возвращаться, но напомнимъ Франціи, что вотъ 60 и больше лѣтъ она не перестаетъ угрожать и нарушать какъ независимости, такъ и всему существующему порядку даже у самой себя. Благо еще, еслибы она ограничивалась волненіемъ умовъ у себя; но, къ несчастію, этимъ заражается общественный строй Европы, на которомъ отражаются эти лихорадочные кризисы. Франція этимъ гордится, называя могуществомъ вліянія. Хорошо, но какое это могущество и какое дѣйствіе? Вотъ что слѣдовало бы обсудить. Чума, какъ революціонная зараза—тоже сильное вліяніе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы зачумленному было чѣмъ хвастаться.

Въ числѣ сакраментальныхъ словъ, употребляемыхъ теперь въ политикѣ для заклинанія опасностей, которыми Россія угрожаетъ Европѣ, ненадо забыть о „Нѣмецкихъ интересахъ“, которые сильно затронуты и которымъ предстоитъ великая опасность отъ песковъ, которыми Россія засоряетъ устья Дуная. Можетъ, оно и такъ; я ничего не могу объ этомъ сказать; не будучи Нѣмцомъ, я не понимаю вопроса во всей его важности и глубинѣ. У насъ есть стихи, въ которыхъ говорится, что Нѣмецъ такой глубокій мыслитель, что всегда рискуешь утонуть или потеряться въ немъ *).

*) Нѣмецъ въ мудрецамъ причисленъ;
Нѣмецъ—дока до всего;

Устья Нѣмецкой политики имѣютъ также свои песчаныя отмели и свои пучины, которыя трудно изслѣдовать. Надо быть дважды Нѣмцемъ, чтобы понять Нѣмецкаго государственнаго человѣка, понять его сначала для него, а потомъ для себя, понять, что̀ онъ сказалъ и что́ онъ хотѣлъ сказать.

Если мы угрожаемъ Европейской независимости, то надо признаться, что эта угроза, подобно „медленному яду“, о которомъ говорилъ Вольтеръ, очень медленно дѣйствуетъ. Когда вносили мы оружіе въ Европу, въ ущербъ независимости какого либо государства? Легокъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: никогда! Мы отражали нападенія или сражались въ помощь слабымъ, когда они были подъ угрозами насилія со стороны сильныхъ; но мы всегда уважали право и независимость каждаго. Нашъ кабинетъ давалъ, можетъ быть, совѣты, когда его спрашивали, указанія и предостереженія, когда интересъ Россіи и Европы того требовалъ. Наши указанія, внушенныя духомъ консерватизма и общественнаго порядка, можетъ быть, иногда имѣли вліяніе на кабинеты Европейскіе. Какое же во всемъ этомъ преступленіе, и чѣмъ такой образъ дѣйствія, иногда самоотверженный, иногда мудрый и предусмотрительный, можетъ казаться посягательнымъ на независимость Европы, или того или другого государства?

Что касается до Европейскаго равновѣсія, основаннаго на могуществѣ Турціи и ослабленіи Россіи, это—дипломатическій вопросъ, который я оставляю на обсужденіе и на рѣшеніе людямъ, болѣе меня опытнымъ. Но я думаю, что все это равновѣсіе кабинетовъ—чисто-условное, или скорѣе, надъ нимъ есть другое провиденціальное и гуманитарное, и что оно не даромъ намъ поручено: это—равновѣсіе между Востокомъ и Западомъ.

Русская нація не есть произвольное скопленіе различныхъ народностей: одинъ національный элементъ въ ней господствуетъ. Мы—племя; а племена не распадаются и не погибаютъ иначе, какъ по волѣ Бога, когда часъ ихъ настанетъ. Они не зависятъ ни отъ людей, ни отъ протоколовъ, ни отъ нѣсколькихъ проигранныхъ сраженій. Да, я думаю, что этотъ роковой

Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него.
Стихи самого князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

часъ еще не насталъ и что Провидѣніе не отступится отъ насъ прежде, чѣмъ мы совершимъ дѣло, на которое мы призваны. Въ семьѣ людской мы единственные представители Славянскаго племени и Восточной церкви. Наше положеніе и нашъ кругъ дѣйствій ясны. Провидѣніе поддерживаетъ насъ, укрѣпляетъ насъ въ теченіи вѣковъ, и я твердо надѣюсь, что оно не оставитъ насъ въ будущемъ.

Въ теченіи вѣковъ и въ послѣдованіи событій мы, можетъ быть, дѣлали ошибки и несли за нихъ наказанія. Народы, какъ правительства, какъ отдѣльные люди, подвержены ошибкамъ. Все человѣческое погрѣшимо. Даже сегодня мы переживаемъ тяжелыя испытанія. Если такъ, значитъ—такъ и должно быть; но мы вѣримъ, что это намъ на пользу.

Русскій народъ имѣетъ свои недостатки; но онъ не гордъ, въ смыслѣ гордости мірской; онъ благочестивъ, сострадателенъ, простъ и великодушенъ, преданъ своему государю, терпѣливъ, храбръ и смиренъ; онъ всегда готовъ спѣшить на помощь угнетеннымъ. Церковь Восточная для него мать нѣжно любимая, глубоко чтимая; старшіе сыновья этой церкви—его братья, и онъ охотно проливаетъ свою кровь, чтобы платить за нихъ и если можно, искупить ихъ страданія.

Эти добродѣтели, которыя всегда составляли его достояніе, суть его сила. Провидѣніе будетъ его живить и укрѣплять, ибо жизнь народа лишь въ его нравственной силѣ.

Проявленіе этихъ добродѣтелей и вліяніе, которое онѣ должны имѣть на судьбы міра—вотъ равновѣсіе, къ поддержанію котораго мы призваны и которому должны доставить побѣду надъ захватами и смутами Запада.

Жизнь народовъ исчисляется не по годамъ. Она идетъ впередъ, не смотря на временный застой или помѣху въ движеніи къ той цѣли, которая назначена Провидѣніемъ или которую народъ считаетъ для себя цѣлію завѣтною: ибо кто осмѣлится отгадывать тайны Провидѣнія или напередъ объяснять непроницаемыя его опредѣленія? Исполнять предписанный долгъ согласно съ совѣстью есть, во всякомъ случаѣ, дѣло святое.

Минутные успѣхи, минутныя неудачи ничего не значатъ.

Они важны для газетъ и для ежедневной суеты, и не имѣютъ существеннаго значенія для будущаго и для исторіи. Въ концѣ все найдется и окажется: и выигрышъ, и проигрышъ. Часто сегодняшняя неудача бываетъ залогомъ завтрашняго успѣха, а завтрашній день великаго народа наступаетъ не черезъ двадцать четыре часа. Могущественный народъ долженъ прежде всего умѣть быть могущественнымъ.

Россія опасается въ настоящее время не войны еще съ однимъ лишнимъ врагомъ, а мира, который можетъ задержать ее преждевременно въ принесеніи жертвы, которую она счастлива и рада принести. Эта жертва имѣетъ своею цѣлью самое святое дѣло изо всѣхъ дѣлъ, вызывающихъ народное одушевленіе: это независимость и свобода народной церкви, спасеніе братьевъ, предоставленныхъ произволу поработителей, и величіе царскаго престола, оскорбляемаго подлыми разглашеніями и низкою клеветою. Эти оскорбленія, конечно, не достигаютъ той высоты, на которую они направлены, и низвергаются обратно въ грязь, изъ которой они возникаютъ; народъ, тѣмъ не менѣе, чувствуетъ въ себѣ глубокое и неодолимое раздраженіе.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЕ.

Декабря.

Такое всеобщее помѣшательство, распространившееся съ одного конца свѣта на другой, что очень немногіе люди способны оцѣнивать современные вопросы при свѣтѣ здраваго смысла и съ настоящей точки зрѣнія. Оффиціальный языкъ почти всѣхъ правительствъ, языкъ печати, все способствуетъ къ помраченію и сгущенію мрака. А что еще хуже — сквозь этотъ мракъ пропускаются иногда блудячіе и обманчивые проблески. Лучше бы ужъ полная темнота и простое невѣжество; но, вмѣсто того, ставится впереди заблужденіе и обманъ. Газеты, жаждущія кровавыхъ битвъ, оглушаютъ своихъ читателей громомъ пушекъ. Онѣ исчисляютъ по фунтамъ, сколько пороху сожжено съ обѣихъ сторонъ, число ядеръ и бомбъ, брошенныхъ изъ враждебныхъ лагерей, количество убитыхъ и раненыхъ, и понятно, что эти импровизированныя цифры обращаются постепенно въ итогъ, благопріятный для союзниковъ, а не для Русскихъ. Постоянно выставляютъ на видъ матеріальную сторону дѣла. Либо не замѣчаютъ, либо желаютъ отрицать нравственную сторону этого вопроса, которая, даже если допустить точность приводимыхъ цифръ, вся въ нашу пользу. Это повтореніе басни Крылова. Пошелъ Любопытный разсматривать зоологическій музей; ничто не скрылось отъ его подробнаго осмотра: малѣйшее насѣкомое, микроскопическія букашки онъ видѣлъ глазами, ощупывалъ руками; не замѣтилъ онъ только

слона, стоявшаго посреди музея. Цифра нашихъ потерь, если допустить даже ея вѣрность, была бы для насъ очень чувствительна; но не ею можетъ опредѣлиться нравственный балансъ настоящаго положенія и окончательная смѣта для будущаго. Не въ битвахъ при Альмѣ и при Инкерманѣ (проиграны онѣ или выиграны, полу-выиграны или полу-проиграны), не въ нихъ надо искать нравственнаго значенія и поучительной стороны войны, потрясающей міръ. Что важно и достойно бы было пробудить вниманіе Европы и вызвать ее на размышленіе — это картина, которую являетъ собою въ настоящую минуту Россія. Тѣснимая соединенными и громадными силами отъ береговъ Чернаго моря до Камчатки, отъ Балтійскаго и Бѣлаго морей до Закавказья, встрѣчая всюду враговъ и не находя нигдѣ союзниковъ, она все-таки удерживаетъ пространство, защищаемое ею, утомляетъ собою и смущаетъ мысль, и если не всегда съ успѣхомъ, то, по крайней, мѣрѣ съ постоянной настойчивостью противустоитъ всюду внезапнымъ нападеніямъ, на которыя употребляются сила, храбрость и всѣ способы разрушенія, какіе только изобрѣтены развитымъ знаніемъ. Конечно Россія не ожидала возможности разрѣшенія Турецко-русскаго вопроса на отдаленныхъ берегахъ Тихаго Океана. И вотъ, даже тамъ, настойчивыя усилія постоянно и вездѣ умножающагося врага сломились скорѣе передъ нравственною, нежели передъ матеріальною силою Россіи. Что́ бы ни говорили, а общее противодѣйствіе на всѣхъ пунктахъ уже есть каждодневная, каждоминутная побѣда. Это торжество нравственной силы надъ матеріальною.

Спросимъ у всѣхъ разумныхъ и добросовѣстныхъ людей, будь они даже врагами: какое государство въ Европѣ могло бы устоять противъ такого напора, противъ такого разлива вражды, охватившей насъ огненнымъ и желѣзнымъ кольцомъ? Мы не спросимъ про Австрію? Мы спросимъ про Францію, про Англію? Отдавая справедливость патріотизму этихъ народовъ, мужеству ихъ солдатъ, мы не побоимся отвѣта, который намъ могутъ сдѣлать: одна Россія способна не склониться передъ подобной грозой. И, что также вѣрно, она не поступится, пока

и [illegible] Въ теченіи [illegible] войны [illegible] энергія не ослабѣла; напротивъ, она растетъ по мѣрѣ опасности. Даже матеріальныя [illegible] Турціи, посмотрите до чего [illegible] Францію и Англію послѣ нѣсколькихъ недѣль серьёзной войны, послѣ [illegible] и [illegible], затѣвающихъ [illegible] исторію и смыслъ [illegible] недоходомъ). И вотъ [illegible] Крики тріумфа, раздава[illegible] разочарованія и отчаянія [illegible] въ рукопашную съ [illegible] думали такъ легко и [illegible] Они теперь видятъ, что обаяніе, окружающее [illegible] вовсе не таково, чтобы ему разсѣяться, какъ [illegible] поближе. Я не [illegible] можетъ быть, онѣ еще не причинили [illegible] способны; но у него [illegible] а сверхъ бронзовыя: крѣпко уперлись [illegible] въ землю, и не [illegible] заставить ихъ попятиться хоть [illegible]

Мы не [illegible], что вы одержали нѣкоторые успѣхи; но еще [illegible] побѣдъ, [illegible] тѣмъ, которыя раздуваютъ ваши бюллетени, и вы, разбитые, одолѣете вскорѣ тѣ страшные легіоны, которые наводнили нашу землю: они уже разстроены и [illegible], совсѣмъ истратятся на ваши побѣды.

Франція отзываетъ уже войска изъ Алжира, изъ Аѳинъ, изъ Рима на подкрѣпленіе Крымской арміи. Едва успѣла она заключить заемъ, какъ уже заключаетъ другой вдвое значительнѣе, который, по наивному выраженію императора (въ рѣчи при открытіи сессіи 1855 года) „безъ *сомнѣнія* увеличитъ собою государственный долгъ“. (Какое великодушіе въ позволеніи не сомнѣваться въ этомъ!)

Англія, еще болѣе стѣсненная, чѣмъ Франція, прибѣгаетъ къ мѣрамъ, самымъ несогласнымъ со своими законами и съ духомъ народнымъ. Она начала кампанію пѣснями на обѣдахъ въ честь Непира; она продолжаетъ ее, испуская вздохи, съ пла-

чемъ Іереміи, признаваясь въ безсиліи и непредусмотрительности. И министерство, вчера побуждавшее къ войнѣ, сегодня объявляетъ, что оно ошиблось, предпринявъ ее. Конечно не во всеуслышаніе объявляетъ оно это; но признанія и сѣтованія не могутъ означать что-либо иное.

Императоръ Французовъ также вынужденъ къ подобнымъ признаніямъ. Прочитайте его письмо къ генералу Канроберу: „Послѣ блистательной побѣды при Альмѣ, я *надѣялся*, что разбитая непріятельская армія не успѣетъ такъ скоро пополнить свои потери и что Севастополь вскорѣ падетъ передъ нами". Что значитъ въ другихъ словахъ это невольное признаніе? То, что побѣдоносная армія скорѣе оправилась отъ пораженія, нежели побѣжденная отъ своего успѣха; или кромѣ того, что блистательная побѣда при Альмѣ не была таковой, или, по крайней мѣрѣ, что она была побѣдою лишь неполною и безплодною; что *пораженіе* непріятельской арміи, удалившейся въ добромъ порядкѣ передъ превосходными силами, существовало только въ воображеніи его величества. Инкерманская битва, равно какъ и Альминская, не изъ тѣхъ битвъ, которыми рѣшаются судьбы войны. Доказательство тому Севастополь, который до сихъ поръ, вопреки нетерпѣливымъ надеждамъ союзниковъ, не палъ подъ ихъ ударами.

Не наше дѣло указывать на то, сколько въ такомъ признаніи и въ томъ, какъ оно выражено, лестнаго для начальника восточной арміи и для его храбрыхъ воиновъ. Когда говорятъ о несбывшейся надеждѣ солдатамъ, отъ которыхъ ожидали осуществленія этой надежды, это все равно, что сказать имъ: „Вы, можетъ быть, и хорошо дрались, но, признаюсь, я ожидалъ лучшаго". Впрочемъ, въ виду честности и солдатской откровенности главнокомандующаго, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что секретныя донесенія его не подавали вовсе повода къ мечтамъ, которыми увлекся его августѣйшій повелитель, мечтамъ, такъ странно разоблаченнымъ и опровергнутымъ дѣйствительностью. Всѣ эти фанфаронады *à la tartare* и во вкусѣ Монитера, возвѣщенныя съ грохотомъ въ Парижѣ, ничто иное какъ спекуляціи биржи и правительства, играющихъ вмѣстѣ, чтобы оста-

новить паденіе фондовъ и общественнаго довѣрія. Христіанинъ говоритъ: каждому дню свой трудъ. Франція 2-го Декабря говоритъ: каждому дню своя ложь! Ее практикуетъ Французское правительство, подобно тому, какъ донъ Базиль пускаетъ въ ходъ клевету. То и другое не удается, но оставляетъ слѣды въ воздухѣ, которымъ дышатъ зѣваки и глупцы. Этого достаточно, чтобы исчезнувшую сегодняшнюю ложь замѣнила другая ложь на завтра.

Здѣсь не будетъ лишнимъ замѣтить, что Европа вѣритъ только бюллетенямъ князя Меншикова. Въ самомъ Парижѣ имъ довѣряютъ интересующіеся истиной и здравомыслящіе люди. Это торжество правды надъ ложнымъ мнѣніемъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это и наше торжество. Начинаютъ признавать истину нашихъ бюллетеней; послѣ того, признаютъ и то, что истина на нашей сторонѣ.

Вотъ еще нравственная побѣда, одержанная нами надъ нашими непріятелями. Она не удивляетъ насъ: мы ея ждали. Обстоятельства многое исправили, и въ будущемъ готовятся еще поправки.

Давно ли говорили про нашу армію, будто она ослаблена и деморализована, будто самая незначительная схватка съ Турками оканчивалась для нея пораженіемъ? Если это такъ, то, казалось бы, что Россія скорѣе допускаетъ себя быть побитой Турками, нежели Французами и Англичанами. Эти несчастные Турки, бывшіе еще вчера героями, съ тѣхъ поръ, какъ они находятся въ рядахъ союзниковъ, дорого платятъ за дивирамбы, которыми ихъ воспѣвали газеты. Изъ героевъ и солдатъ, какъ они величались, они стали вьючными животными, годными развѣ на самыя грубыя работы. Союзные генералы не хотятъ болѣе считать ихъ въ числѣ своихъ ратниковъ и союзниковъ. Омеръ-паша, этотъ вчерашній герой, теперь не болѣе какъ миѳъ. Его ждутъ въ Бессарабіи, ждутъ въ Крыму, но до сихъ поръ онъ не явился. Довольный столь щедро поднесенными ему лаврами (хотя онъ не встрѣчался ни разу съ врагомъ на полѣ сраженія), онъ вовсе не желаетъ рисковать потерей ихъ при первой схваткѣ съ Русскими. И такъ до сихъ поръ

онъ не трогается съ мѣста, вѣроятно, смѣется въ свою отступническую бороду, смотря на борьбу Англичанъ и Французовъ съ Россіей и ждетъ, чтобы его дражайшіе соотечественники, Австрійцы, вмѣшались въ эту сумятицу. А Шамиль, этотъ другой союзникъ западныхъ державъ въ великой борьбѣ просвѣщенія съ варварствомъ, гдѣ онъ теперь? Его фонды значительно понизились, и Европа нимало не думаетъ о немъ, между тѣмъ какъ онъ также долженъ былъ нанести смертельный ударъ могуществу Россіи. Что́ касается Турокъ, то, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ они дерутся хуже или не желаютъ болѣе драться, съ тѣхъ поръ, какъ завербованы подъ союзныя знамена.

Объясненіе найти нетрудно. Не вѣдаютъ въ Европѣ, что у Турокъ много здраваго смысла и достоинства — качествъ, которыхъ въ полномъ смыслѣ недостаетъ ихъ правительству, преданному или проданному западнымъ державамъ. Когда Турки дрались одни противъ насъ, они были возбуждаемы народнымъ и религіознымъ изувѣрствомъ и боролись за независимость своей вѣры и государства, которымъ, по ихъ мнѣнію, угрожала Россія. Теперь, когда союзники превратили султана и его министровъ въ „нѣмыхъ сераля“, настоящіе Турки видятъ, что ихъ независимости гораздо болѣе вредятъ друзья, нежели враги. Зачѣмъ же имъ драться? Турецкій фатализмъ заступилъ мѣсто Турецкаго фанатизма: они больше не думаютъ о томъ, чтобы побѣдить или умереть. Они оставляютъ христіанъ рѣзаться между собою и равнодушны къ исходу борьбы, которая не можетъ ни съ той, ни съ другой стороны принести имъ пользу. Даже весьма вѣроятно, что если они желаютъ кому успѣха, такъ скорѣе намъ, нежели союзникамъ. Они уже не разъ имѣли случай оцѣнить великодушіе врага. Теперь они оцѣниваютъ буйныя дерзости, самолюбіе, корыстолюбіе союзниковъ, которые, подъ видомъ такъ-называемаго покровительства, унижаютъ и истощаютъ ихъ болѣе, нежели бы то сдѣлали десять проигранныхъ сраженій. Я видѣлъ письмо одного важнаго въ Турціи человѣка; онъ пишетъ: „Видно мы очень согрѣшили, желая отступленія Русскихъ, потому-что велико наше наказаніе имѣть дѣло съ Французами, Англичанами и особенно съ Австрійцами“.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинные Турки также глубоко оскорблены молчаніемъ объ нихъ союзниковъ, расточающихъ другъ-другу, отъ одного парламента до другаго, напыщенныя похвалы. Турки понимаютъ причину этого умолчанія и что́ оно предвѣщаетъ имъ въ будущемъ. Впрочемъ, они могли бы утѣшиться, видя, въ какое смѣшное положеніе поставлены неумѣстными похвалами эти правительства. Зачѣмъ отрицать храбрость Англійскихъ и Французскихъ войскъ? Не намъ зарождать о ней сомнѣніе, такъ-какъ въ силѣ атаки заключается и заслуга нашего отпора. Весьма естественно, что доблесть обѣихъ армій, перенесенныя вмѣстѣ опасности и труды установили на время между ними братство; это такъ естественно, что непонятны удивленіе и восторгъ, въ который отъ того приходятъ ихъ правительства. Они обоюдно присуждаютъ себѣ „медали за спасеніе“, какъ-будто есть капля самоотверженія въ содѣйствіи, которое оказывается войскомъ Англійскимъ войску Французскому, и наоборотъ. Ясно, что пораженіе одного изъ нихъ было бы столь же вредно для другаго.

„Монитёръ“ совершенно правъ, когда говоритъ, что это первый существующій примѣръ подобнаго торжественнаго обнародованія чувствъ великой націи къ своему вѣрному союзнику. Правда, что до сихъ поръ никто не устроивалъ столь торжественно такого страннаго зрѣлища. Ужъ не воображали ли союзныя правительства, что ихъ арміи, во время битвъ, будутъ устроивать другъ-другу ловушки, чтобы взаимно себѣ вредить? Подождемъ еще, и наступитъ чередъ ловушкамъ. Наивность взаимныхъ похвалъ между императоромъ Французовъ и королевой Викторіей достойны наивности перваго изъ нихъ въ его письмѣ къ генералу Канроберу. Онъ говорилъ: „Если побѣда еще разъ прославила наши знамена, то я провозглашаю съ гордостью, что обязанъ этимъ патріотизму и непобѣдимой храбрости нашей арміи“.

Это *объявленіе* и, въ добавокъ, провозглашенное съ *гордостью*, крайне забавно. Скажите, пожалуйста, кому можно быть обязанымъ побѣдой (если побѣда одержана), какъ не арміи? Вѣдь

не отъ бакалейщиковъ и продавцевъ бумажныхъ колпаковъ ожидалась побѣда.

Впрочемъ, языкъ Наполеона III-го не всегда столь наивенъ. Не станемъ останавливаться на фразѣ изъ его рѣчи Законодательному Корпусу, въ которой онъ говоритъ о великой имперіи, помолодѣвшей, благодаря рыцарскимъ чувствамъ своего монарха, потому-что онъ отдалился отъ державы, бывшей всегда въ союзѣ съ этой имперіей. Оставимъ Австрійцамъ судить объ этомъ комплиментѣ, которымъ клеймится все ихъ прошлое. Не будемъ тоже указывать на чрезмѣрное преувеличеніе въ этихъ словахъ: „И такъ, господа, чѣмъ долѣе длится война, тѣмъ болѣе прибавляется число нашихъ союзниковъ“. Замѣтьте, что до сихъ поръ это число ограничивается первымъ и единственнымъ. Замѣтьте еще, что до сей минуты союзъ этотъ чисто оборонительный и что его характеръ, какъ союза наступательнаго, самъ императоръ признаетъ существующимъ еще въ области сомнѣній. Въ этой рѣчи насъ болѣе всего поразило надменное и презрительное обращеніе съ Германіей. Никогда Наполеонъ I-й, съ высоты своего величія, когда онъ объявилъ себя покровителемъ Германіи или Рейнскаго союза, не обращался съ ней столь презрительно и съ такимъ пренебреженіемъ.

Поблагодаривъ Англійскую армію за то, что она такъ хорошо за него дралась, Французскій императоръ прибавляетъ: „Въ будущемъ году, если миръ еще не возстановится, я надѣюсь принести подобную же благодарность Австріи и этой Германіи, единенія и процвѣтанія которой мы желаемъ“.

А когда подумаешь, что эта самая Германія, эта добрая и отличная Германія, ищетъ и вымаливаетъ (по крайней мѣрѣ, устами нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ), чести принять на колѣнахъ, цѣной своей крови, эту благодарность, которую соблаговолило ей обѣщать его величество, то не знаешь, чему больше дивиться: Французской ли наглости или Нѣмецкому уничиженію?

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

Декабрь.

Англійское министерство положило на патріотизмъ своего народа таксу, и съ этимъ поучительно познакомиться. Оппозиція, нападая на правительство, называла дѣйствія флота въ Балтійскомъ морѣ жалкими и смѣшными. Лордъ Джонъ Россель недавно возражалъ на эти обвиненія и оправдывался обстоятельствами: по его словамъ, нападеніе на Свеаборгъ, Кронштадтъ или Ревель могло сопровождаться гибелью нѣсколькихъ кораблей, а если бы погибло три или четыре корабля, то страною овладѣлъ бы паническій ужасъ, и тогда нельзя бы уже вовсе ручаться за успѣхъ войны. И такъ, само министерство признается, что Англійскій патріотизмъ не устоитъ противъ малѣйшей невзгоды. Въ Англіи много бываетъ патріотовъ, коль скоро выгода не подлежитъ сомнѣнію; но иное дѣло, если эту выгоду надо покупать цѣною значительныхъ пожертвованій: тогда наступаетъ низкій курсъ на патріотизмъ, и паника овладѣваетъ биржею, душами и умами.

Еще недавно предполагалось уполномочить правительство набирать войско за-границею, и Англійское министерство, въ лицѣ того же лорда Джона Росселя, открыто и во всеуслышаніе, заявляло, что если представители страны не дадутъ этого полномочія, продолженіе войны сдѣлается невозможнымъ: новое поучительное и несомнѣнное свидѣтельство о патріотизмѣ и о могуществѣ Англіи. Прошло лишь нѣсколько недѣль военныхъ

дѣйствій и при томъ такихъ, замѣтьте, дѣйствій, которыя, по словамъ министерства, увѣнчались безпримѣрными побѣдами, и Англичане дальше воевать не могутъ. Англія еще богата гинеями, и воевать она, конечно, можетъ, если хотите, только безъ сраженій, а покупая чужую кровь и платя за нее наличными деньгами. А крови Англійской больше нѣтъ въ жилахъ. Выходитъ, что ея достало только на два сраженія, и то потому, что была надежда послѣ этихъ двухъ сраженій овладѣть Севастополемъ и заключить миръ. Разсчетъ оказался не вѣренъ, и приходится прибѣгать къ другимъ мѣрамъ: изъ дѣла чести сдѣлать дѣло денежное. Министерство связало этотъ вопросъ съ вопросомъ о существованіи кабинета, который долженъ разойтись, если не будетъ принято его предложеніе. Понятно, что такая угроза была дѣломъ парламентской тактики: имѣлось въ виду напугать страну и въ особенности тѣхъ министровъ, которые бы явились на смѣну ушедшихъ. Разсчитали, что никому не захочется принять наслѣдство послѣ вздорнаго и неспособнаго министерства, которое вовлекло страну въ бѣдственную войну, которое все перепутало, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и въ дипломатическихъ отношеніяхъ и благодаря непредусмотрительности и упрямству котораго сдѣлалось невозможнымъ ни вести войну, ни заключить миръ. Это значило уступать своему ближнему загорѣвшійся домъ: можно было оставаться въ увѣренности, что никому не придетъ въ голову вступить во владѣніе такимъ домомъ.

И такъ, дѣло было поставлено ребромъ. Нравственно побитое мнѣніемъ страны и ея представителей, министерство удержалось благодаря ничтожному перевѣсу голосовъ. Этотъ внѣшній и числовой успѣхъ не избавляетъ, однако, отъ тяжкаго нравственнаго и политическаго урона. Это—знакъ близкаго паденія министерства. Но ему не въ диво подобныя невзгоды: грохнувшись о земь, оно подымается снова, держится самымъ незначительнымъ меньшинствомъ и виситъ себѣ на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока голоса въ порламентѣ не соберутся противъ и не повалятъ его.

И такъ, вотъ оно нынѣшнее Англійское правительство, принявшее на себя занятіе Жида Шейлока. Оно дастъ денегъ тому, кто возмется дать ему живого мяса. Оно устроитъ эту позорную и

отвратительную торговлю въ Швейцаріи, въ Голландіи, Бельгіи, Германіи, Швеціи, въ Даніи, вездѣ, гдѣ, по его разсчету, могутъ найдтись люди безшабашные, бездомовные, авантюристы всякаго сорта, каторжники, выпущенные на волю. Но если Европа на этотъ разъ не въ состояніи доставить нужный запасъ *пушечнаго мяса* и блудныхъ сыновъ: если правительства, зная въ чемъ дѣло и повинуясь голосу совѣсти и человѣколюбія, воспротивятся рѣшительно этому Европейскому *давленію* въ угоду Англіи,—что́ ей тогда дѣлать въ этомъ тяжкомъ затрудненіи? Она хочетъ войны, но ея министерство объявляетъ, что войну нельзя вести безъ иностраннаго войска, и что лордъ Рагланъ долженъ распроститься съ Севастополемъ и Крымомъ, также какъ адмиралъ Непиръ распростился съ Балтійскимъ моремъ.

Что́ бы ни случилось, Англія христіанская, Англія свободная и распространительница цивилизаціи, торгуетъ кровью людей бѣлыхъ и Христіанъ, между тѣмъ какъ она же, изъ за разсчетовъ прибытка, лицемѣрно вопіетъ противъ торговли Неграми. Она не стыдится прибѣгать къ позорнымъ мѣрамъ въ дѣлѣ, съ которымъ, по ея заявленіямъ, связана ея честь, въ борьбѣ съ врагомъ, который яко бы ее не хочетъ знать и оскорбляетъ. Что́ сказали бы о человѣкѣ, затѣявшемъ дѣло, касающееся до чести и нанимающемъ подстрекателей-убійцъ, для того чтобы избавиться отъ противника? Въ подобномъ случаѣ безсовѣстность въ народѣ столь же нагла, какъ и въ отдѣльномъ лицѣ.

Лордъ Пальмерстонъ издѣвается надъ здравымъ смысломъ и надъ своею страною, приводя въ оправданіе предлагаемой мѣры примѣръ Наполеона, который отличнѣйше обдѣлывалъ дѣла свои, имѣя также въ распоряженіи войска изо всѣхъ народовъ. Во Французской арміи никогда не было легіоновъ, нанятыхъ на время за извѣстную поголовную плату; у нея были войска вспомагательныя, поставляемыя разными правительствами по доброй волѣ или по принужденію. Это совсѣмъ другое. Эти помощники могли стонать отъ необходимости проливать свою кровь за Французское дѣло; но, не думая о политикѣ и не торгуя своею кровью, они исполняли лишь волю своихъ государей и сражались за честь своего знамени и того народа, къ которому

они принадлежали. Французскому солдату на полѣ битвы не приходилось брататься съ наемниками и продажными убійцами. Наполеонъ, хотя и Корсиканецъ, тиранъ и честолюбецъ, понималъ, однако, Французскую честь лучше, чѣмъ Лондонскій кабинетъ понимаетъ честь Англійскую.

Самъ лордъ Пальмерстонъ, когда обстоятельства дозволяютъ и Англійскіе интересы требуютъ, умѣетъ лучше теперешняго цѣнить почетное положеніе народа и правительства, строго и нерушимо пребывающихъ въ невмѣшательствѣ. Въ 1840 году когда заключался трактатъ 15 Іюля и пять великихъ державъ исключали Францію изъ среды своей, лордъ Пальмерстонъ, будучи первымъ государственнымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, поручалъ г-ну Морье, полномочному министру ея Британскаго величества при Швейцарскомъ союзѣ, поблагодарить Швейцарское правительство за мѣры, принятыя имъ къ добросовѣстному соблюденію нейтральныхъ обязательствъ, содержащихся въ Вѣнской декларацiи 1815 года.

Нынѣ, повидимому, опасаются этой нѣкогда восхваляемой добросовѣстности и стараются подкупить ее. Швейцарскія газеты говорятъ объ явныхъ переговорахъ Англійскаго министра съ предсѣдателемъ союзнаго совѣта касательно позволенія открыто набирать въ Швейцаріи солдатъ на счетъ Англіи. Всюду и всегда проявляется двуличность Англійской политики. Стоитъ взять въ руки публичный листокъ, содержащій въ себѣ извѣстіе о тайныхъ Англійскихъ переговорахъ, чтобы отыскать въ немъ что-либо лживое, противузаконное или измѣническое.

Удадутся или нѣтъ эти попытки переманиванія солдатъ въ Швейцаріи или въ другомъ мѣстѣ—это зависитъ отъ правительствъ, которыя станутъ терпѣть ихъ или воспретятъ съ негодованіемъ.

Для насъ важно отмѣтить, что подобная мѣра со стороны Англіи равняется признанію въ ея безсиліи и служитъ поношеніемъ для ея чести и патріотизма.

Рядомъ съ этою плачевною необузданностію мѣръ беззаконныхъ, поступковъ и рѣчей лживыхъ со стороны нашихъ непріятелей, въ виду шаговъ опасливыхъ и въ тоже время всегда

заставляющихъ предполагать какое нибудь скрытное намѣреніе и сопровождаемыхъ двусмысленными словами и обѣщаніями со стороны тѣхъ, кто еще открыто не заявилъ себя противъ насъ,— утѣшительны для каждаго Русскаго человѣка дѣйствія Россіи и ея правительства. Тамъ все просто, поучительно правдою, прекрасно самоотверженіемъ. Въ каждой мѣрѣ, въ каждомъ словѣ чувствуется, что государь и народъ одушевлены и руководимы однимъ побужденіемъ, однимъ долгомъ. Сравните послѣдній манифестъ 14 Декабря 1854 года съ другими манифестами, появившимися съ начала войны. Вездѣ одинъ и тотъ же языкъ, потому-что, когда держишься истины, не для чего мѣнять мнѣнія и правила. Прошелъ годъ борьбы и жертвъ, и мужество не ослабѣло, и расположеніе правительства не ожесточилось. Оно попрежнему желаетъ, какъ сказано въ манифестѣ, *охранить признанныя торжественно преимущества православной церкви и нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ.* Вотъ, чего единственно желаетъ оно въ настоящее время. Государь не отказывается отъ мира, которымъ обезпечатся эти преимущества и *который не будетъ въ противорѣчіи съ достоинствомъ имперіи и благомъ его подданныхъ.* На такой миръ онъ согласится, потому-что, *по долгу христіанина, не можетъ желать дальнѣйшаго пролитія крови.* Но на немъ лежитъ *не менѣе священный долгъ;* этотъ долгъ ему *предписываетъ*, въ упорной борьбѣ, которую выноситъ Россія, *быть готову на усилія и жертвы, соотвѣтственно направленнымъ противъ него способамъ дѣйствія.* Онъ обращается къ Русскимъ, къ *своимъ вѣрнымъ дѣтямъ*, и онъ увѣренъ, что найдетъ въ нихъ тѣхъ же Русскихъ, *которые, во времена Александра, въ годину испытанія, подобнаго теперешнему, противостали вражескимъ полкамъ, защищая драгоцѣннѣйшія въ свѣтѣ блага — безопасность и честь отечества.*

Этотъ простой, правдивый и сильный языкъ понятенъ для всѣхъ, и въ Россіи онъ одинаково отзывается въ сердцахъ дворянина и простолюдина, солдата и пахаря. На Россію дерзко напали: она должна защищаться изо всѣхъ силъ, до послѣдней капли крови. Тутъ нѣтъ философической, отвлеченной политики; тутъ политика первоначальная и обще-народная. Всѣ

понимаютъ ее въ Россіи, женщины и дѣти. Матери посылаютъ сыновей своихъ сражаться, подростки записываются въ полки. Сравните же эту политику съ фразеологіею, къ которой прибѣгаютъ западныя державы, чтобы испрашивать у народовъ денегъ и крови, которая потечетъ потоками по землѣ Русской. Говорятъ, напримѣръ: поддержаніе Европейскаго равновѣсія — загадка, которой народонаселеніе не понимаетъ. Или борьба цивилизаціи противъ варварства: опять метафора, нелѣпая и лживая. За такъ-называемую цѣлость Оттоманской имперіи ни одинъ благомыслящій Англичанинъ и Французъ не далъ бы ни пенни, ни ліарда, если бы у него не вымогали ихъ, приставивъ ножъ къ горлу. Или говорятъ, что война нужна для того, чтобы достигнуть мира; но это тоже, что прививать Европѣ чуму для доставленія удовольствія выздоровѣть отъ нея.

Вотъ жалкіе предлоги, выставляемые Франціей и Англіей, съ цѣлью придать ихъ жалкому же дѣлу видъ справедливости и пользы. Нынѣ происходитъ смертельная борьба, но это не борьба цивилизаціи и варварства, а лжи и правды. Но придетъ наконецъ, время, когда здравомысліе народовъ вступитъ въ права свои. Возвысятся неисчислимые голоса и попросятъ Французское и Англійское правительства объявить удобопонятною прозою, просто и ясно, какая цѣль войны, ими предпринятой. Эти голоса возопіютъ: „Вы говорите, что желаете отмстить за честь вашихъ странъ, потерпѣвшую оскорбленіе отъ Россіи; но въ чемъ и гдѣ эта честь была оскорблена? Развѣ Россія грозила напасть на ваши поля и пожечь ваши города? Нѣтъ! Такъ зачѣмъ же вы желаете идти на нее съ огнемъ и опустошеніемъ?“

Тогда Англійское министерство, возлагая надежду на свои иностранные легіоны, скажетъ въ отвѣтъ, какъ нѣкогда Питтъ, послѣ позорнаго дѣла при Киберонѣ: „По крайней мѣрѣ, не пролилась Англійская кровь“. Но общій голосъ возразитъ ему и опозоритъ его громовыми словами Шеридана: „Нѣтъ! тутъ Англійская честь текла изо всѣхъ жилъ“.

Отвѣчать отъ имени Франціи 2-го Декабря и оправдывать Французское правительство будетъ, по всему вѣроятію, поручено Граньеде-Кассаньяку; но на его слова обращать вниманіе не стоитъ.

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ.

Неоднократно, любезный другъ, выражали вы мнѣ желаніе видѣть собранными вмѣстѣ письма, которыя я писалъ къ вамъ въ теченіи года. Желаніе ваше исполнено. Но позвольте мнѣ теперь обратиться къ вамъ, какъ бы къ *почтеннѣйшей публикѣ*, и нижайше изложить передъ вами, что̀ пришлось бы мнѣ высказать въ предисловіи или подъ рубрикою: *къ читателю*.

Когда я писалъ письма, заключающіяся въ этомъ сборникѣ, у меня не было намѣренія составить изъ нихъ книгу. Всего чаще онѣ вызваны заботою дня, иной разъ вызваны просто бесѣдою или чтеніемъ журнальной статьи, и всегда писаны были на-скоро; слѣдовательно, нечего отъ нихъ требовать особенной логической послѣдовательности или искать заранѣе обдуманнаго плана. Нѣкоторыя изъ нихъ появились уже въ періодическихъ листкахъ и, можетъ быть, возбудили вниманіе тѣхъ немногихъ добросовѣстныхъ читателей, которые во всякомъ спорномъ дѣлѣ охотно выслушиваютъ обѣ стороны. Впослѣдствіи, газеты отнеслись, какъ надо думать, довольно равнодушно къ потребностямъ этихъ немногихъ читателей, совѣстливыхъ и безпристрастныхъ и не захотѣли печатать у себя дальнѣйшія письма. Этого обстоятельства было бы, конечно, недостаточно, чтобы вызвать перепечатку первыхъ писемъ, дополненныхъ послѣдующими, которыя, поневолѣ, остались неизданными. Авторъ не признаетъ за собою довольно счастливыхъ дарованій и силы, чтобы поворотить на истинную стезю сбитое съ толку общественное мнѣ-

ніе и доставить торжество истинѣ въ ея борьбѣ съ заблужденіями, предубѣжденіями и всякаго рода клеветою. Онъ руководится высшимъ и важнѣйшимъ побужденіемъ и полагаетъ, что, въ настоящемъ случаѣ, исполняетъ долгъ совѣсти. Въ рядахъ арміи, стоящей передъ врагомъ, не всякій воинъ мечтаетъ о побѣдѣ; но всякій дерется, потому что на то призванъ. Будучи неизвѣстнымъ писателемъ въ области полемики, какъ былъ и неизвѣстнымъ воиномъ на Бородинскомъ полѣ, авторъ, теперь какъ и тогда, отдаетъ себя всецѣло дѣлу народному и готовъ жертвовать собою. Коль-скоро честному человѣку представляется возможность, по мѣрѣ силъ, работать за правду или за то, что̀ онъ считаетъ правдою: онъ обязанъ открыто исповѣдовать ее, если и не для того, чтобы доставить ей торжество (этотъ конечный результатъ отъ людей не зависитъ), то хотя бы для того, чтобы протестовать противъ обольщеній и пропаганды, которую ведутъ изобрѣтатели лжи. Ненадо забывать, что сила и успѣхи лжи имѣютъ, какъ и все въ здѣшнемъ мірѣ, свой завтрашній день. Конечно, какъ-скоро утихнетъ буря страстей и остынутъ жгучіе вопросы, исторія заступитъ мѣсто ежедневныхъ газетъ и современныхъ пасквилей. Но, во всякомъ случаѣ, она обязана принять ихъ къ свѣдѣнію, обсуждая ихъ осторожно и критически, видя въ нихъ какъ бы акты того процесса, который надлежитъ ей рѣшить въ послѣдней инстанціи. Посреди множества печатныхъ показаній, безпристрастный и добросовѣстный историкъ не сочтетъ лишнимъ прислушаться и къ тѣмъ одиночнымъ, затерянным голосамъ, которые въ самомъ началѣ были заглушены шумомъ и запальчивостью большинства. Этому-то историку и подноситъ авторъ свою смиренную дань.

Письма, составляющія настоящій сборникъ, имѣютъ одно лишь достоинство, но достоинство важное: онѣ выражаютъ собою Русское народное чувство. Хотя они писаны вдали отъ отечества, по внушенію личнаго впечатлѣнія; хотя авторъ ихъ былъ лишенъ возможности подвергнуть сужденію своихъ соотечественниковъ оцѣнку событій и личностей со времени взрыва восточнаго кризиса, однако онъ глубоко и инстинктивно убѣжденъ, что, за немногими легкими, можетъ быть, оттѣнками и нѣкоторыми ого-

ворками, его личныя мнѣнія будутъ одобрены великимъ большинствомъ его единоземцевъ и скрѣплены ихъ согласіемъ.

Вообще, въ Европѣ не признаютъ за Русскимъ человѣкомъ способности мыслить. Предполагаютъ, что онъ не можетъ думать иначе, какъ подъ вліяніемъ правительства; ни говорить и писать иначе, какъ подъ его диктовку. Возьмется ли Русскій за перо, чтобы возражать противъ небылицъ, взводимыхъ невѣжествомъ или недоброжелательствомъ, печать никогда не преминетъ приписать его слова правительству, отрицая самую возможность мнѣнія личнаго или общественнаго. Такъ, еще недавно, по поводу отвѣта г-на Тенгоборскаго на статью Леона Фоше, мы видѣли, что въ Revue des Deux Mondes оспоривалось у автора право почина, принадлежавшее ему по всей сущности дѣла. И на чемъ основано было это выраженіе недовѣрія? Г-нъ Тенгоборскій столь же извѣстный публицистъ, какъ и Леонъ Фоше. Его сочиненія читаются, цѣнятся и изучаются всѣми, кто спеціально занятъ этою отраслью знанія. Въ отвѣтѣ своемъ г-нъ Тенгоборскій, съ умѣренностію и уваженіемъ къ противнику, выставилъ цифры, математически и нравственно вѣрныя противъ цифръ ошибочныхъ и зложелательно подобранныхъ, помѣщенныхъ въ Revue des Deux Mondes. Вмѣсто возраженія, г-нъ Леонъ Фоше съ наглостью подвергъ сомнѣнію самую личность своего возражателя и обратилъ къ Русскому правительству неумѣстныя и исполненныя желчи ругательства. Вскорѣ затѣмъ онъ скончался. Миръ его душѣ! Но, въ виду того, что такой пріемъ въ отвѣтахъ на критики пережилъ его, и что еще недавно въ Revue des Deux Mondes съ какимъ-то самодовольнымъ ликованіемъ говорится о *неопровержимомъ опроверженіи* Леона Фоше, не лишнимъ будетъ протестовать противъ этихъ пошлыхъ и несправедливыхъ обвиненій. Нельзя же, изъ уваженія къ умершимъ, щадить и извинять живыхъ соучастниковъ и распространителей ихъ ошибокъ и заблужденій.

Удивятся, можетъ быть, тому, что эти письма, изданныя съ цѣлью бороться противъ ослѣпленія и недобросовѣстности, содержатъ въ себѣ мало прямыхъ возраженій на многочисленныя сочиненія, которыя какъ въ Англіи, такъ и во Франціи распростра-

няли про насъ ложь и клевету. Легко, однако, объяснить причину такого опущенія съ нашей стороны. Авторы этихъ сочиненій, въ большинствѣ, съумѣли оградить себя отъ всякой полемики со стороны людей порядочныхъ и сколько нибудь уважающихъ себя. Отвѣчать имъ, значило бы открыто признаться въ томъ, что знакомъ съ ихъ писаніями, а такое признаніе не совсѣмъ удобно. Отвѣчать имъ, значитъ войти въ сношеніе и въ состязаніе съ людьми, которые отреклись не только отъ всякаго приличія, отъ всякаго нравственнаго правила, но еще съ дерзкимъ безстыдствомъ щеголяютъ самымъ наглымъ цинизмомъ и безграничною распущенностью мысли и слова.

Кто эти писатели, въ послѣднее время особенно отличившіеся спекуляціями лжи и клеветы? Политическіе выходцы, не умѣющіе съ достоинствомъ нести несчастіе свое; иностранцы, высланные изъ Россіи за проступки и зазорное поведеніе; учителя, которымъ родители неосторожно ввѣрили воспитаніе дѣтей своихъ; одинъ изъ таковыхъ былъ недавно высланъ, потому что забрался въ кабинетъ къ отцу порученныхъ ему дѣтей и былъ застигнутъ надъ его бумагами (это фактъ); пройдохи, живущіе тѣмъ, что промышляютъ скандаломъ;— однимъ словомъ, позоръ и подонки общества. Возможно ли, по совѣсти, требовать отъ порядочнаго человѣка, чтобы онъ шелъ защищать доброе имя близкихъ ему лицъ, очерненное въ мѣстахъ, которыя совѣстно называть?

Для очистки совѣсти, намъ остается сдѣлать еще одну оговорку и дать одно объясненіе.

Прочитавъ наши письма спокойно и хладнокровно, мы пришли къ убѣжденію, что наша оцѣнка отдѣльныхъ личностей и народностей можетъ, пожалуй, дать поводъ къ заключеніямъ, противъ которыхъ мы громко протестуемъ. Легко могли бы обвинить насъ въ горячемъ предубѣжденіи и въ страстной враждѣ ко всему, что́ не Россія и не Русское. Сохрани насъ Богъ, когда нибудь заслужить подобный укоръ!

Мы осуждаемъ одну изъ сторонъ общественнаго и политическаго строя на Западѣ; къ отвѣту призываемъ мы личности, созданныя этимъ порядкомъ вещей. *Я человѣкъ, и ничто человѣче-*

ское мнѣ не чуждо, скажу я съ Латинскимъ поэтомъ; во мнѣ нѣтъ безучастнаго равнодушія къ добру, и злу къ доблестямъ и къ вреднымъ страстямъ. Чѣмъ живѣе любишь человѣчество, тѣмъ естественнѣе скорбѣть и негодовать на то, что́ его позоритъ и унижаетъ.

Мы знаемъ, что во Франціи есть Франція нравственная и честная, которая теперь держится въ сторонѣ, что подъ оффиціальнымъ слоемъ, прикрывающимъ теперь страну, есть даже нѣсколько Францій честныхъ и почтенныхъ. Есть Франція легитимистовъ, Франція Орлеанистовъ, Франція конституціонная и либеральная, Франція республиканская; пожалуй, даже и Франція императорская, Франція первой имперіи, которая живетъ теперь лишь горькими воспоминаніями и безплодными сожалѣніями въ лицѣ послѣднихъ, геройскихъ участниковъ Ватерлоо. Упавъ духомъ, не довѣряя будущности страны своей, Наполеонъ I могъ сказать, что желалъ бы быть внукомъ своимъ; но, конечно, никто не слышалъ отъ него, что онъ желалъ бы быть своимъ племянникомъ. Въ каждой изъ этихъ Францій насчитываются люди убѣжденій честныхъ и искреннихъ. Мы не питаемъ ни малѣйшей вражды къ честнымъ и правдивымъ представителямъ этихъ различныхъ мнѣній; но, конечно, не можемъ быть согласны съ каждой изъ этихъ партій: ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы имѣть въ своемъ распоряженіи съ полъ-дюжины мнѣній. Съ сожалѣніемъ и любовью смотримъ мы на страну раздробленную на партіи, изъ коихъ каждая, преданная своей цѣли, не радитъ о благѣ общемъ, между тѣмъ какъ слѣдавало бы, сообща, употребить всѣ усилія, чтобы извлечь страну изъ пропасти, въ которую повергли ее революціи. Да, въ глубинѣ сердца нашего живо еще искренное сочувствіе къ Франціи; сочувствіе,—мы этого не таимъ,—зародившееся въ насъ вслѣдствіе полученнаго нами воспитанія. Но мы не забываемъ того, о чемъ многіе, видно, забыли. Европа еще Французская, но Франціи уже нѣтъ; страна, которая теперь передъ глазами нашими, далеко не та прекрасная Франція, которая блескомъ своей словесности, утонченностью и изяществомъ нравовъ, достоинствомъ и великолѣпіемъ двора своего, долго служила образцомъ Европейской цивилизаціи. Отъ

этой Франціи неоднократно отрекались, эту Францію отвергали, предавали позору сами Французы. Они сожгли то, чему мы поклонялись; поклоненіе наше можетъ ли пережить то, чего уже нѣтъ?

Изъ глубины сердца и убѣжденій признаемъ мы за Германіей много возвышенныхъ и настойчивыхъ стремленій, много частныхъ добродѣтелей, что-то здравое, нравственное, сообщающее жизни ясность, въ наше время рѣдкую. Но не эта Германія — наслѣдница и хранительница сихъ древнихъ доблестей, не эта Германія, имѣвшая тоже не мало вліянія на наше народное воспитаніе, представляется теперь нашему взору. Германія, любимая нами, тоже заслонена другою Германіей, которая отреклась отъ началъ и преданій, унаслѣдованныхъ ею отъ предковъ; которая теперь, частью изъ боязни, частью по ослѣпленію, бросилась на стезю, противную ея народному духу и вредную ея истиннымъ выгодамъ. Мы негодуемъ на Германію, которая хочетъ во что бы ни стало быть Французскою, точно такъ, какъ въ извѣстной комедіи мѣщанинъ хочетъ быть дворяниномъ, подражая, какъ обезьяна, порокамъ и слабостямъ дворянъ. Мы негодуемъ на государственныхъ дѣятелей, хотящихъ установить государственное и общественное зданіе страны своей на волканѣ, который не перестаетъ устрашать и опустошать міръ своими взрывами; или на подмосткахъ, которые каждый день подламываются и наскоро воздвигаются вновь по случаю наваго карнавала или новой ярмарки.

Мы всегда готовы воздать дань уваженія и сочувствія высокимъ достоинствамъ въ личномъ характерѣ Англичанина. Но мы должны признать, что къ нѣкоторымъ качествамъ этимъ привились великіе недостатки. Патріотическое чувство, напримѣръ, выродилось въ глубокій эгоизмъ, противный началамъ справедливости и братства, основамъ христіанской любви, которая подобаетъ народамъ столько же, какъ и отдѣльнымъ людямъ. Патріотизмъ Англіи походитъ на материнское чувство волчицы готовой растерзать перваго встрѣчнаго, чтобы накормить волчатъ своихъ. Если Англичане, какъ индивидуальныя личности, большею частію заслуживаютъ уваженія и почета, то, какъ правительство, они

ненавистны. Можно бы предположить, что мы находимъ Англійскую политику ненавистною потому, что она теперь намъ враждебна; но такое предположеніе было бы неосновательно: мы считаемъ эту политику равно гнусною въ Китаѣ и Ирландіи, въ Италіи и Индіи, въ Португаліи какъ и на Іоническихъ островахъ. Она отвратительна, потому что въ одно и то же время, лицемѣрна и насильственна.

Мы видимъ Англію, какъ она заводитъ смуты вездѣ, гдѣ онѣ ей выгодны. Она употребляетъ деньги и агентовъ своихъ, чтобы возбуждать и поддерживать революціонеровъ въ заговорахъ и покушеніяхъ противъ законныхъ правительствъ, конхъ Англія считаетъ себя союзницею. Чтобы помѣшать конкуренціи, которая могла бы повредить ея морской торговлѣ и силѣ; чтобы выгадать шиллингъ, она всегда готова на всякое коварство, на всякое насильственное дѣло и съ безразличностью поднимаетъ то знамя Жида Пачифико, то знамя цѣлости Оттоманской Имперіи. То ради представительной конституціи, то ради опіума, вводимаго обманомъ, Англія не останавливается ни передъ какою неправдою, ни передъ какимъ преступленіемъ.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Февраль 1855.

Пока эта книга печаталась, многое изъ того, что̀ предвидѣлъ авторъ, оправдалось событіями.

Мы говорили и неоднократно повторяли, что Англія, по милости своего неспособнаго, высокомѣрнаго и сварливаго министерства, усвоила себѣ направленіе, которое не могло повести ее къ добру; что министерство это, руководясь личными страстями, одинако не съумѣетъ ни сохранить миръ, ни вести войну и что оно должно пасть, какъ скоро выступитъ наружу настоящая дѣйствительность изъ мраковъ и невѣрнаго освѣщенія, которыми ее нарочно окружали. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и всѣ эти предположенія обратились въ событія: Англійское министерство на конференціяхъ не съумѣло придти къ мирному соглашенію, въ то время какъ Русское правительство открыто, всѣми способами и великодушно, предоставляло ему лестную возможность достигнуть этого соглашенія къ удовольствію всей Европы. Увлекаемое рокомъ, т.-е. собственнымъ ослѣпленіемъ и упрямствомъ, Англійское министерство пожелало войны, и черезъ нѣсколько недѣль, армія, какой Англія никогда до сихъ поръ не снаряжала, армія, составляющая *гордость и любовь страны* (по выраженію Англійскихъ газетъ) очутилась въ разстройствѣ, сократилась слишкомъ на двѣ трети отъ убійственныхъ сраженій, отъ столь же убійственныхъ болѣзней, отъ всякаго рода лишеній и страданій въ странѣ отдаленной,

которая во всякомъ случаѣ не можетъ оказать гостепріимства и пощады кому бы то ни было изъ непріятелей, дерзающихъ въ нее вторгнуться. Нынѣшнее состояніе Англійской арміи можетъ быть сравнено развѣ съ отступленіемъ Французской въ 1812 году. По крайней мѣрѣ, Наполеонъ, прежде чѣмъ кончить Березиной, удовлетворилъ своему тщеславію, побывалъ съ солдатами своими на бивакахъ въ Кремлѣ, тогда какъ Англійскіе солдаты начали съ Березины, и погибли прежде чѣмъ достигнуть цѣли.

Это *бѣдствіе*, конечно болѣе тяжкое, нежели такъ-называемое *Синопское бѣдствіе*, раздражило страну и возбудило въ ней всеобщее состраданіе. Англія огласилась криками горя, упрековъ и негодованія, и министерство потерпѣло рѣшительное крушеніе.

Такой перемѣны ждали, и тѣмъ не менѣе она всѣхъ поразила потому что никто не могъ знать, что дѣла пойдутъ такъ плохо и такъ быстро. Во всякомъ случаѣ, по поводу ея, есть надъ чѣмъ крѣпко призадуматься и подвергнуть новому разбору цѣлый рядъ вопросовъ, которые оставлялись въ тѣни до тѣхъ поръ, пока не раздался внезапный и непреложный голосъ событій.

Такимъ образомъ этой Англіи, столь гордой своими политическими учрежденіями, своими умственными, вещественными и нравственными средствами, пришлось, на первыхъ же порахъ дѣятельности, обнаружить передъ цѣлымъ свѣтомъ *безсиліе*: ибо какъ иначе назвать полную безурядицу ея правительства? Она была увѣрена, что стоитъ ей сдѣлать нѣсколько настойчивыхъ усилій, чтобы восторжествовать надъ непріятелемъ, котораго она такъ мало цѣнила; а между тѣмъ она смогла нанести ему лишь весьма слабые удары, и при томъ цѣною величайшихъ жертвъ, вслѣдствіе которыхъ не только разсѣялось, по крайней мѣрѣ на теперешнюю пору, все обаяніе ея величія, но и погибли всѣ матеріальныя средства, находившіяся въ ея распоряженіи. Она хотѣла доказать, какъ непроченъ сѣверный колоссъ, и вмѣсто того обличила собственную слабость.

Откажитесь на минуту отъ пристрастій и предубѣжденій и скажите по совѣсти, на чьей сторонѣ *цивилизація* и на чьей

варварство, которыя, по словамъ государственныхъ людей и публицистовъ, стоятъ въ настоящее время другъ противъ друга? Съ одной стороны, необузданное честолюбіе начинаетъ несправедливую войну безъ малѣйшаго разумнаго повода, ни въ чемъ незадѣтое непріятелемъ и не имѣетъ за собою даже и военнаго успѣха, который бы еще могъ придать благовидность этой несправедливости; съ другой — преданность долгу, доводимая до самоотреченія и самой высокой восторженности, противостоящая усиліямъ многочисленныхъ соединившихся непріятелей.

Съ какой бы точки зрѣнія ни глядѣть на то, чему теперь мы свидѣтели, призадуматься есть отъ чего. Сдѣлалось явно, что, либо правительство Англіи, въ самой сущности своей, имѣетъ великіе недостатки, либо правители страдаютъ поврежденіемъ нравственныхъ началъ. Мысль объ успѣшномъ вторженіи въ Русскіе предѣлы сдѣлалась несбыточна, и обнаружилось явно, что не было приложено никакой заботы о благосостояніи Англійской арміи, о томъ, чтобы умалить и облегчить ея страданія, и что она была жертвою полной безпечности, неурядицы и позорнаго хищничества.

Отборная армія считаетъ уже тысячами своихъ покойниковъ, и близкая гибель грозитъ уцѣлѣвшимъ воинамъ. Зрѣлище плачевное! Но если вы перенесетесь мыслію отъ этого зрѣлища къ средоточію правительства, туда, откуда исходятъ всѣ эти бѣдствія, вамъ представится картина не менѣе горестная. Одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ даровитыхъ въ мірѣ народовъ управляется выборными людьми, которыхъ онъ, такъ-сказать, самъ для себя назначилъ, и тѣмъ не менѣе находится въ распоряженіи нѣсколькихъ бездарныхъ наглецовъ, навязавшихъ себя государству посредствомъ избирательныхъ и парламентскихъ происковъ и ведущихъ его къ погибели. Правда, одумавшись и убѣдившись въ обманѣ, народъ можетъ, черезъ своихъ уполномоченныхъ, свергнуть это злосчастное министерство; но къ чему поведетъ такое изъявленіе народной силы и воли? Паденіе министерства будетъ ли средствомъ спасительнымъ? Дѣла запутаются еще больше, и обнаружатся ярче бѣдовыя стороны этого образцовой формы правленія.

Разслѣдованіе, поднятое Ребекомъ (Roebuck) и возраженія, которыя оно вызвало собою, еще разъ доказываютъ намъ, какъ много несовершенствъ и неправды въ парламентскомъ правленіи, коль-скоро люди, его составляющіе, не сознаютъ своихъ обязанностей и неспособны къ исправленію ихъ. И Ребекъ можетъ все низвергнуть, но не былъ бы въ состояніи что-либо создать.

Происходили послѣдовательно сцены самаго высокаго комизма и самой печальной насущности. Министры не стыдились выступать передъ публикою со своими личными несогласіями и *домашними спорами*, какъ выразился герцогъ Ньюкастль, или сказать прямо, стирали на глазахъ ея свое болѣе чѣмъ грязное бѣлье. Передъ нами выступали наилучшія, политическія и общественныя силы страны, всѣ наиболѣе громкія имена, и въ концѣ концовъ оказалось, что каждый признавался въ своей неспособности. Лордъ Джонъ Россель, одинъ изъ первыхъ подстрекателей къ войнѣ, которую страна признаетъ бѣдствіемъ, уходитъ прежде чѣмъ разразилась буря, имъ вызванная. Онъ поступилъ подобно человѣку, бросающемуся въ окошко изъ опасенія, чтобы его не вытолкали за дверь. Но благородный лордъ забываетъ что самоубійство изъ-за виновности есть лишнее свидѣтельство трусости. Его достойный совмѣстникъ и соучастникъ въ великомъ покушеніи противъ общаго спокойствія пребываетъ на мѣстѣ; онъ смотритъ въ глаза опасности, но это потому, что онъ человѣкъ на всѣ руки: подъ бременемъ самыхъ тяжкихъ обвиненій, позоримый и выгоняемый съ должности, онъ уйдетъ но въ надеждѣ придти назадъ черезъ какую-нибудь потаенную дверь или съ паспортомъ, который ему пришлютъ изъ Сенъ-Клу

Министровъ щиплятъ и теребятъ со всѣхъ сторонъ; на нихъ устроена облава, и подъ сокрушительнымъ давленіемъ большинства они, наконецъ, удаляются, наговоривъ другъ противъ друга самыхъ рѣзкихъ и наименѣе назидательныхъ обвиненій. Послѣ таковаго погрома, вдовствующая власть, не вѣдая, что ей дѣлать и вслѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія народныхъ страстей не отважилась на единственное благоразумное дѣйствіе, которое ей предлежитъ, старается переустроиться на новыхъ основаніяхъ и помощью новыхъ началъ, такъ какъ начала

прежнія оказались немощны. Рядъ попытокъ въ этомъ направленіи не приводитъ ни къ чему. Представители всѣхъ партій поочередно призываются возобновить управленіе; но никакое управленіе болѣе невозможно въ Англіи. Дѣйствуютъ одни только личныя честолюбія, подраздѣленія партій или мелкія сообщества, способныя помѣшать ходу правительственныхъ дѣлъ, увлечь къ какому-нибудь нелѣпому предпріятію, и не умѣющія завести движеніе правильное.

Вслѣдствіе этого министерскаго и національнаго разстройства, Англія находится наканунѣ государственнаго переворота. Между прочимъ, „Таймсъ", сей вѣрный провозвѣстникъ общественнаго мнѣнія страны, не усумнился выразиться такъ (5 Января):

„Теперь не время разномыслить, и нечего обращать много вниманія на *околичности*. Мы никогда не были въ *болѣе тяжкомъ затрудненіи*. Со времени мира мы жили военною славою, которую снискали на полуостровѣ [1]) и при Ватерлоо. *Въ теченіи полувѣка мы утратили эту славу.*

„Доселѣ мы поддерживали силу правленія конституціоннаго. *Это правленіе въ свой чередъ становится несостоятельнымъ.*

„Кто виноватъ въ томъ, что *армія*, *правительство*, *конституція*, подобно машинѣ, плохо свинченной, *оказываются безуспѣшными?* Сила этой машины не въ ней самой: она заимствуетъ свою силу изъ народа.

„Нужно-ли, чтобы мы указали народу его обязанности?"

Слова эти представляютъ собою, правда, слабый, но тѣмъ не менѣе довольно внятный отзвукъ монтаньярской печати во Франціи, наканунѣ паденія королевской власти.

Можно сказать: имѣющій уши слышати, да слышитъ!

Такимъ образомъ правительство поспѣшило смастерить какое-нибудь управленіе, лишь бы предупредить дѣйствіе народа, не нуждавшагося въ томъ, *чтобы указали ему его обязанности*. Но каково же министерство, возникшее изъ этого хаоса? Это министерство сколоченное, починенное, смазанное изъ остатковъ того, которое пало подъ ударами общественнаго негодованія. Вотъ еще доказательство, что если нѣтъ у Англіи войска, то

[1]) Т.-е. въ Испаніи, при Наполеонѣ. *П. Б.*

нѣтъ болѣе и государственныхъ людей. На парламентскомъ столѣ появились тѣ же бутылки, только съ другими надписями. Мѣняются мѣстами и воображаютъ, что отъ этой перемѣны измѣнятся дѣла.

Лордъ Пальмерстонъ говоритъ сэру Сиднею-Герберту:

„Вы колобродили въ военномъ департаментѣ, также какъ и я не дѣлалъ ничего путнаго въ департаментѣ моемъ; попробуйте перемѣнить кресло. По моему сварливому нраву мнѣ бы хотѣлось занять мѣсто моего товарища, военнаго министра, паденію котораго я-таки посодѣйствовалъ; но страна не питаетъ большаго довѣрія къ моимъ воинскимъ дарованіямъ, и я лучше попытаюсь, куда ни шло, замѣстить собою лорда Абердина; скажу безъ хвастовства, я также вредилъ ему и причинилъ его паденіе. И такъ дальше! Вы увидите потомъ, какъ дѣла вдругъ примутъ совсѣмъ иной оборотъ. Убитые и мертвые возстанутъ изъ своихъ могилъ, немощные выздоровѣютъ, и зябкимъ сдѣлается тепло. Вѣдь Севастополь и князь Меншиковъ до сихъ поръ оказывали такое упорное и сильное сопротивленіе потому только, что они знали, что въ нашемъ правительствѣ главныя лица были лордъ Абердинъ и герцогъ Ньюкастль. Коль-скоро сдѣлается извѣстнымъ, что первымъ министромъ я, стѣны Севастополя падутъ сами собою, подобно тому, какъ стѣны Іерихона пали отъ звука трубъ. Ласкаюсь мыслію, что мое имя и мое слово стоятъ трубныхъ звуковъ!“

Опять повтореніе басни Крылова, о которой мы упоминали въ одномъ изъ первыхъ нашихъ писемъ. Это точно распорядитель квартета Жиль, восклицающій послѣ неудачныхъ попытокъ: „Перестаньте друзья мои, перестаньте! Какъ вы хотите, чтобы вышелъ концертъ? мы не такъ сѣли. Ты басъ Мартынъ садись передъ альтомъ; а я первая скрипка, помѣщусь противъ второй: музыка наша выдетъ совсѣмъ другая“, и пр. и пр. И Англійская публика, у которой, какъ извѣстно, вѣрное ухо, заранѣе рукоплещетъ новой разноголосицѣ, которая для нея будетъ сыграна министерскимъ оркестромъ.

Лордъ Пальмерстонъ есть *человѣкъ настоящаго положенія*, говорятъ газеты: выраженіе болѣе вѣрное, нежели газеты о

томъ думаютъ. Настоящее положеніе есть полный безпорядокъ, и лордъ Пальмерстонъ есть человѣкъ безпорядка. Прибавьте, что онъ же въ значительной степени виновникъ безпорядка, и вы согласитесь, что теперь онъ какъ сыръ въ маслѣ. Дѣло въ томъ, что не довольно быть *сорви-головою* въ политикѣ и въ дипломатіи, для того чтобы довести войну до удовлетворительнаго конца; тутъ нуженъ великій полководецъ и великій государственный человѣкъ, съ головою и сердцемъ, здравомыслящій и честный, словомъ съ качествами, которыя совмѣщалъ въ себѣ герцогъ Веллингтонъ. Но будь онъ живъ, не произошло бы этой беззаконной и безразсудной войны.

Странѣ данъ добрый урокъ. Она потерпѣла наказаніе въ томъ чѣмъ грѣшила. Язва Англіи – ея гордыня, и гордыня эта жестоко унижена. Но сила опыта медленно возобладаетъ надъ людскою страстью. Мудрость человѣческая слишкомъ ненадежна, и трудно разсчитывать, чтобы правительства и народъ сразу возвратились къ справедливости и толковитости и, относились къ будущему съ тою же благоразумною оцѣнкою какъ и къ настоящему. Подобно неосторожному больному, страдающему хроническою болѣзнью, вмѣсто того, чтобы перемѣнить образъ жизни, они слушаются всякихъ совѣтовъ, бросаются отъ одного средства къ другому. Какъ страстный и несчастный игрокъ, вмѣсто того, чтобы кинуть игру, они удвоиваютъ ставку и затягиваются все болѣе и болѣе въ проигрышъ.

Еслибы Французы по прежнему могли свободно говорить и свободно печатать, у нихъ навѣрное отозвались бы смута и передряга Англійскаго правительства. Во Франціи дѣла внутреннія и военныя идутъ сравнительно не такъ плачевно; но и ей очень не по себѣ. Недѣйствительность, безплодность военныхъ подвиговъ очевидны. Война эта не только не пользуется въ Франціи народнымъ сочувствіемъ, но вызываетъ недоумѣніе за недостаткомъ полныхъ успѣховъ и плодотворныхъ послѣдствій. Жертвы, налагамыя властью, не соотвѣтствуютъ получаемой отъ нея выгодѣ и славѣ.

Это другая Испанская война, безъ Наполеона I-го, то есть безъ обаянія, которое соединялось съ его именемъ вслѣдствіе

памяти побѣдъ, имъ одержанныхъ и надежды на *побѣды* новыя, несомнѣнныя. Успѣхъ *національнаго* займа не служитъ еще непреложнымъ свидѣтельствомъ довѣрія и сочувственнаго отношенія къ войнѣ. Національное чувство тутъ не при чемъ. *Биржа охотно ссужаетъ*, но до патріотизма ей нѣтъ дѣла: *это наименьшій ея недостатокъ*. Всѣ знаютъ, что страна богата, что у нея много капиталовъ и что она ищетъ гдѣ-бы помѣстить ихъ. Промышленность и торговля въ застоѣ: отчего же не отдать своихъ денегъ въ этотъ заемъ, подъ выгодные проценты? Кромѣ того, знаютъ, что ссужается не правительство, а страна и что всякая послѣдующая власть вынуждена будетъ признать долгъ своей предшественницы. Нынѣ довольно распространены начальныя понятія о политической экономіи и финансовой системѣ, чтобы не опасаться подобнаго беззаконія со стороны какого бы то ни было правительства, сохраняющаго хотя каплю смысла. Къ тому же цифры во Франціи, какъ мы уже замѣтили, имѣютъ значеніе относительное и примѣнительное только къ ней. Милліарды на Французскомъ языкѣ и на Парижской площади не суть милліарды на всякомъ другомъ языкѣ и на площади другихъ странъ. Мелкіе капиталисты, опасаясь слишкомъ большаго спроса и совмѣстничества, записались втрое и вчетверо противъ того, что они могутъ взнести, съ тѣмъ, чтобы получить на разверсткѣ что имъ нужно. Заявленныхъ милліардовъ не нашлось бы въ дѣйствительности, если бы каждому подписчику предложено было получить столько билетовъ, на сколько онъ подписался. Французы одержимы денежною лихорадкою: они только и думаютъ какъ бы нажиться. Эта страсть къ наживѣ была у нихъ всегда, но не въ такой степени какъ теперь. Конечно не изъ патріотизма и не изъ довѣрія къ *Регенту*, Франція отчасти раззорилась, неся милліоны на операцію *Ло* и занимаясь разсчетами по обладанію рѣкою Миссисипи. Такъ точно теперь она разсчитываетъ на барыши отъ взятія Севастополя.

Въ этихъ письмахъ говорено было также о томъ, что союзъ Франціи съ Англіею, заключенный яко бы для поддержанія Европейскаго равновѣсія и независимости, будетъ тяготѣть

надъ Европою самымъ грубымъ и произвольнымъ образомъ, коль скоро она не приметъ мѣръ противъ своихъ мнимыхъ оберагателей. Событія доказали, что мы не ошиблись. *Австрійская имперія, помолодѣвшая вслѣдствіе рыцарской политики* Буоля Шауенштейна (такъ или въ этомъ родѣ выразился о ней рыцарь императоръ Французовъ), первая преклонила колѣно передъ гросмейстерами капитула и надѣла себѣ на шею ожерелье и цѣпь новаго союза. Кавуръ, бывшій вчера и имѣющій вѣроятно быть завтра противникомъ Вѣнскаго министра, но сегодня достойный его совмѣстникъ, по его примѣру также наклонилъ свою и своей страны голову, для того, чтобы принять знаки зависимости и вассальства. Такимъ образомъ, государь Кипра и Іерусалима, забывъ про свои титулы, идетъ на службу союза, имѣющаго нескрываемую цѣль утвердить господство невѣрныхъ въ Кипрѣ и Іерусалимѣ. Въ исторіи не бывало болѣе разительной путаницы началъ, подобнаго презрѣнія къ историческимъ и національнымъ приличіямъ, болѣе наглой непослѣдовательности.

Франція и Англія не удовольствовались тѣмъ, что унизили Австрію, насильно заставивъ ее присоединиться къ нимъ; онѣ еще потѣшаются надъ нею, глядя, какъ она принуждена находиться подъ однимъ и тѣмъ же ярмомъ съ своею противницей. Оба государства еще не позабыли взаимно нанесенныхъ недавнихъ оскорбленій: Италія скорбитъ и негодуетъ, при видѣ желѣзной короны на головѣ Австрійской; въ свою очередь Австрія не можетъ успокоиться, видя надъ собою *spada d'Italia*, этотъ угрожающій ей мечъ Дамокловъ. Оба правительства еще не уладили между собою многихъ важныхъ недоразумѣній. Но Франціи и Англіи до этого нѣтъ никакого дѣла; онѣ требуютъ, чтобы противницы обнялись, не для заключенія мира, а для того, чтобы заковаться въ одну цѣпь и подчиниться одному господству.

Впрочемъ, союзъ этотъ состоялся подъ содѣйствіемъ не одного только страха. Вводя въ него Сардинію, Кавуръ руководился еще другимъ побужденіемъ. Спекуляція съ продажею духовныхъ имѣній казалась ему недостаточно вѣрною, и пока она

присоединилась, онъ продалъ Англіи 15 тысячъ человѣкъ за круглую сумму въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Таковъ настоящій смыслъ этого союза въ его простѣйшемъ выраженіи и настоящемъ значеніи. И Викторъ Эммануилъ, въ высокой своей мудрости, разсудилъ, что если Кавуръ дѣйствовалъ не совсѣмъ такъ, какъ подобаетъ первому министру короля Кипрскаго и Іерусалимскаго, то онъ, можетъ быть, не виноватъ, будучи первымъ министромъ короля Сардинскаго, коего казна не въ весьма хорошемъ состояніи. Торгъ состоялся по 1666 франковъ и 66 сантимовъ за душу. Это не дорого, тѣмъ болѣе, что Піемонтскіе солдаты храбры и къ войнѣ привычны. Если король Сардинскій не цѣнитъ ихъ дороже, это дѣло не наше. Замѣтимъ только, что послѣ этого Западу уже не слѣдуетъ болѣе упрекать насъ нашимъ рабствомъ и крѣпостными землевладѣльцами. Наравнѣ со всѣми Русскими я горюю объ этомъ наслѣдіи прошлыхъ вѣковъ, которое можетъ быть постепенно видоизмѣнено и которое нельзя уничтожить однимъ почеркомъ пера; но, по крайней мѣрѣ, правительство въ Россіи не торгуетъ кровью своихъ подданныхъ и не даетъ этой крови любому покупателю по стольку-то за унцію. У насъ кровь народа принадлежитъ странѣ и проливается только на поляхъ битвъ, во имя отечества, когда его дѣла и его честь того потребуютъ.

Еще разъ, на чьей же сторонѣ во всемъ этомъ *настоящее благородство* и настоящая *гражданственность*, т.-е. гражданственность нравственная и христіанская?

Положеніе Россіи затруднительно, но положеніе Европы еще болѣе. Ходомъ дѣлъ ей готовятся униженіе и разложеніе, какого не помнитъ исторія. Можно сказать, что Европа торопится опозорить себя. Во всѣ времена бывали правительства и народы, подчинявшіеся необходимости, но они подчинялись ей послѣ пораженія, обезоруженные побѣдоноснымъ непріятелемъ. Теперь же достаточно прикрикнуть, и угроза заступаетъ мѣсто побѣды. Борьбы еще не было, а уже чувствуютъ и признаютъ себя въ порабощеніи. Если Россія будетъ побѣждена, она одна понесетъ пораженіе съ честью и славою: кромѣ нея, нигдѣ больше не видно никакой попытки, никакого признака нрав-

ственнаго сопротивленія. Тѣ, которые прикидываются сопротивляющимися, ограничиваются только словопрѣніемъ, и то съ разнаго рода пощадою, ораторскими уловками и дипломатическими недомолвками, такъ что ничего не поймешь, и у правды (если тутъ есть что нибудь правдиваго) отъемлется вся ясность и сила ея. Въ Европѣ не нашлось нейтральнаго правительства, которое бы, въ виду столкновенія между Россіею и западными державами, отважилось обратиться къ симъ послѣднимъ прямо и заявило имъ откровенно и безъ обиняковъ: „Вы знаете, что въ сущности мы не оправдывали Россію; за одно съ вами мы видѣли въ занятіи Дунайскихъ княжествъ посягательство на независимость державъ, и мы также старались возвратить Россію на путь мира и законности. Но теперь, когда Россія охотно оставила княжества, когда она нѣсколько разъ выразила намѣреніе сдѣлать самыя существенныя уступки для поддержанія мира въ Европѣ и притомъ совершенно охотно, а не подъ давленіемъ неудачъ, когда она еще нынѣ повторяетъ эти предложенія и готова ихъ расширить, когда она преодолѣваетъ блистательно всѣ ваши усилія,—теперь дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Теперь, во всякомъ случаѣ, нападаетъ не Россія, а нападаете вы. Если, изъ уваженія къ праву, мы въ началѣ сближались съ вами, то нынѣ, изъ того же уваженія, мы отстали отъ васъ, потому что право нарушается вами. Коль скоро вы не признаете нашего невмѣшательства, коль скоро сила событій принудитъ насъ участвовать въ борьбѣ, мы должны будемъ стать на сторону Россіи; потому что она теперь охраняетъ Европейское равновѣсіе, вами колеблемое и наклоняемое въ пользу вашихъ частныхъ и исключительныхъ выгодъ“.

Намъ приходится еще ждать, чтобы раздалась подобная рѣчь въ пользу логики и права.

Итакъ сочувствія къ намъ нѣтъ. Но имѣются кое-какія отдѣльныя заявленія, появившіяся безъ нашего вѣдома и вызова и внушенныя требованіями совѣсти и неумолимой правды. Мы должны ихъ собрать и отмѣтить. Пойдемъ искать себѣ адвокатовъ между нашими противниками. Вотъ свидѣтельства нашихъ защитниковъ, изъ которыхъ одинъ смотритъ на войну Англіи

съ Россіею съ точки зрѣнія нравственной и политической; а другой, какъ человѣкъ практическій и участвующій въ самыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Весь перѣшенный и чреватый будущностью вопросъ сосредоточивается въ этихъ приводимыхъ ниже показаніяхъ. Г-нъ Брайтъ представляетъ идею; сэръ Чарльзъ Непиръ—послѣдствія этой невѣрно-понятой идеи. Любители, не позабывшіе *рѣчи передъ походомъ*, могутъ сравнить ее съ *рѣчью послѣ похода*. Воздухъ Балтійскаго моря какъ-то необыкновенно освѣжилъ и прояснилъ умственныя способности благороднаго адмирала.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Таймсъ, Англійская Лондонская газета, въ номерѣ отъ 6-го Ноября 1854 года, помѣстилъ слѣдующее письмо:

Манчестеръ, 27 Октября, 1854.

Любезный господинъ! Нѣсколько времени тому назадъ, мы обмѣнялись съ вами на улицѣ немногими словами, причемъ вы сказали про настоящую войну, что она есть одно изъ самыхъ преступныхъ дѣлъ, какія когда-либо совершала наша страна. Мнѣ кажется, что таковы именно были ваши выраженія или, по крайней мѣрѣ, таковъ ихъ смыслъ. Я отмѣнно уважаю ваше мнѣніе, самъ же я дошелъ до противоположнаго; и потому я захотѣлъ посовѣтоваться съ имѣющимися у меня сочиненіями о народномъ правѣ, и преимущественно съ Ваттелемъ. Странно, что я напалъ у него на тѣже самыя страницы, которыя отысканы были мною четверть вѣка тому назадъ, когда мнѣ приходилось искать оправданія первому крестовому походу. Читая нынѣ эти страницы, я утвердился въ моемъ прежнемъ мнѣніи. Въ Манчестерѣ скоро начнутся собранія для подписки въ пользу вдовъ и сиротъ послѣ тѣхъ, которые падутъ въ этой войнѣ. Манчестерскимъ членамъ придется участвовать въ этихъ собраніяхъ, и вы меня очень обяжете, если при этомъ изложите тѣ доводы, которые заставляютъ васъ осуждать войну. Этимъ вы

вамъ возможете рѣшить, должны ли мы относиться къ ней съ серьезнымъ сочувствіемъ, или, напротивъ, подписывать заявленія въ пользу мира.

Авессалом Ватткинс.

ОТВѢТЪ г-на БРАЙТА.

Рим, 29 Октября 1854.

Мой любезный господинъ!

По зрѣломъ размышленіи, полагаю, вы согласитесь, что на предстоящемъ митингѣ неудобно было-бы разсуждать о справедливости войны. Справедлива или несправедлива эта война, но она ведется, и люди, жизнь которыхъ приносится въ жертву ей, имѣютъ право заявить про себя, въ особенности тѣмъ лицамъ, которые, стоя за войну, приняли и отвѣтственность за нее. Поэтому я не берусь стѣснять свободу сторонниковъ войны, хотя, по мнѣнію моему, безграничная широта ихъ воззрѣній представляетъ собою лишь слабое возмѣщеніе тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергнется множество семействъ. Что̀ касается до самой войны, то противорѣчіе въ нашихъ съ вами мнѣніяхъ для меня непонятительно, коль скоро вы разрѣшаете подобный вопросъ, руководствуясь Ваттелемъ. Я не признаю законовъ народнаго права. Если толковать ихъ даже въ самомъ благопріятномъ смыслѣ, они все-таки исполнены неясностей и противорѣчій и выведены изъ отдѣльныхъ случаевъ, а не изъ высокихъ началъ нравственности; въ отдѣльныхъ же случаяхъ всегда господствовало право сильнаго. Конечно, можетъ быть любопытно разобрать, оправдывается-ли первый крестовый походъ законами и началами Ваттеля; но совсѣмъ другой вопросъ, былъ-ли этотъ походъ справедливъ или только вызванъ мудрою политикой. Я не сомнѣваюсь, что война наша съ Америкою была справедлива по тѣмъ началамъ, которыя узаконены авторами, писавшими о народномъ правѣ; и тѣмъ не менѣе не найдется въ Англіи благоразумнаго человѣка, который-бы ска-

залъ, что политика Георга III относительно Американскихъ колоній была политикою мудрою, или война эта справедливою. По тѣмъ же уваженіямъ война съ Франціею оказывалась тоже справедливою, такъ какъ дѣло шло о предотвращеніи опасностей и о поддержаніи права и порядка въ Европѣ; тѣмъ не менѣе, мало теперь людей просвѣщенныхъ, которые признаютъ за этой войной необходимость или справедливость. Простите меня, но я рѣшительно отказываюсь утверждать мое мнѣніе на Ваттелѣ. Имѣются писатели, которые разработали публичное право и желали доказать, что убійство и отрава колодцевъ во время войны суть дѣйствія правомѣрныя и, можетъ быть, трудно было бы показать, на сколько эти ужасы отличаются отъ нѣкоторыхъ дѣйствій, допускаемыхъ въ наши дни. Не судите объ этихъ предметахъ, руководясь мнѣніями этихъ писателей, точно такъ какъ я не хочу подчинять моихъ сужденій Ваттелю.

Вопросъ о настоящей войнѣ сосредоточивается въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, нужно ли было намъ, съ оружіемъ въ рукахъ, вмѣшиваться въ распрю между Русскими и Турками; во-вторыхъ, когда вмѣшательство было уже рѣшено, зачѣмъ не покончили всего этого вопроса послѣ того, какъ Россія приняла Вѣнскую ноту? Театръ войны въ 3000 миляхъ отъ нашей земли. На насъ не нападали, ни нималѣйше задирали насъ. Два независимыя правительства спорили между собою, и мы вмѣшались въ споръ. Если было какое основаніе къ спору, то оно было допущено четырьмя правительствами въ предложеніи Вѣнской ноты; безъ Англійскаго посланника въ Константинополѣ и Лондонскаго кабинета споръ кончился бы самъ собою, и послѣдняя нота князя Менщикова была бы принята. Не найдется человѣка, способнаго указать, чѣмъ эта нота вещественно разнится отъ ноты Вѣнской, позднѣе принятой и предъявленной правительствами Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи.

Но правительство наше не захотѣло позволить, чтобы споръ уладился. Лордъ Страфордъ Редклифъ имѣлъ частныя свиданія съ султаномъ, дѣлалъ все что́ могъ, чтобы застращать его, настаивалъ, чтобы отвергнуты были всякіе способы соглашенія и сулилъ вооруженную поддержку Англіи, въ случаѣ если

вспыхнетъ война. Турки отвергли Русскую ноту, и Русскіе перешли Прутъ и заняли княжества, какъ „вещественное обезпеченіе". Я не защищаю этого дѣйствія Россіи; я постоянно считалъ его дѣйствіемъ не-политическимъ и насильственнымъ; но полагаю, что не трудно было бы оправдать его, основываясь на Ваттелѣ, и во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія права, оно ничѣмъ не хуже дѣйствія, совершеннаго лордомъ Джономъ Росселемъ и лордомъ Пальмерстономъ въ 1850 году, когда они послали 10 или 12 военныхъ кораблей въ Пирей, съ угрозою разгромить городъ, если безсовѣстныя притязанія дона Пасифико не будутъ немедленно удовлетворены. Но переходъ черезъ Прутъ, по заявленіямъ Англіи, Франціи и Турціи, не представлялъ собою *причины войны* (casus belli). Въ Вѣнѣ открылись переговоры, и составлена была знаменитая Вѣнская нота; она замышлена въ Парижѣ, принята Вѣнскою конференціею, подтверждена Парижскимъ и Лондонскимъ кабинетами, и всѣми этими властями сочтена долженствующею удовлетворить чести Россіи и въ тоже время не нарушающею «независимости и цѣлости Турціи и султанской чести». Россія приняла эту ноту тотчасъ же, если не ошибаюсь, по телеграфу, раньше даже, чѣмъ нота пришла въ Петербургъ въ точномъ своемъ изложеніи. Всѣ думали, что вопросъ улаженъ; одинъ изъ членовъ кабинета увѣрялъ меня, что больше о томъ не будетъ рѣчи. «Все покончено», сказалъ онъ мнѣ, и повидимому такъ и было на самомъ дѣлѣ. Но Турокъ отвергъ ноту, составленную его же опекунами и принятую его противницею. Что же сказали тогда министры и ихъ глашатай *Таймсъ?* Они объявили, что недоразумѣніе только въ словахъ, что досадно зачѣмъ Турокъ упрямится, но что вскорѣ все обойдется. Но ладу не вышло, и отъ чего? Говорятъ, что Русское правительство неточно выразумѣло ноту. Но, къ несчастію для тѣхъ, которые это говорили, Турки истолковали ее точно также, и, кромѣ того, извѣстно, что Французское правительство совѣтовало Русскому принять ноту, такъ какъ „въ общемъ своемъ значеніи она ничѣмъ не различествуетъ отъ предложеній князя Меншикова". Легко понять, почему Русское правительство должно

было, видя, что Турки не подчиняются доводамъ своихъ опекуновъ, возобновить свое первоначальное требованіе: иначе уступка, сдѣланная имъ при согласіи на эти доводы, обратилась бы ему въ ущербъ. Вотъ несомнѣнное объясненіе бумаги, подписанной графомъ Несельроде и вызвавшей столько толковъ. Но позднѣе, Русскій императоръ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ въ Ольмюцѣ съ лордомъ Вестморелендомъ и выразилъ готовность принять Вѣнскую ноту съ добавкою, которую конференція признаетъ нужнымъ сдѣлать въ ней для бо́льшаго разъясненія. Онъ прибавилъ, что нужно бы поспѣшить этимъ, такъ какъ ему желательно, до наступленія зимы, перевести свои войска обратно изъ за Прута. Въ туже недѣлю Турки собрали большой совѣтъ и, въ противность мнѣніямъ Франціи и Англіи, рѣшились объявить войну.

Теперь поглядите, какъ поступало во всемъ этомъ наше правительство. Оно приняло Вѣнскую ноту; въ кабинетѣ не менѣе пяти членовъ, которые исполняли должность государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ, и слѣдовательно каждый изъ нихъ долженъ считаться способнымъ постигнуть значеніе этой бумаги. Нота составлена друзьями Турціи, которые заявили себя оберегателями ея выгодъ. Она была предложена Россіи и ею принята; затѣмъ произошло несогласіе на счетъ настоящаго ея смысла, и Россія согласилась, чтобы ноту поправили, разъяснили, точнѣе опредѣлили, такъ что она совершенно видоизмѣнилась. Но какъ скоро Турція ее отвергла, наше правительство вдругъ измѣняетъ образъ своихъ дѣйствій; оно объявляетъ, что Вѣнская нота, его собственное произведеніе, не можетъ быть принята, и оправдываетъ Турокъ въ томъ, что они ее отвергли. Турки объявили войну въ противность мнѣніямъ, выраженнымъ Англійскимъ и Французскимъ правительствами: такъ, по крайней мѣрѣ, говорится въ *синей книгѣ*. Но война объявлена, и правительство наше рукоплещетъ, ничѣмъ не стѣсняясь. Съ этой минуты Англія завязалась въ войну. Она обѣщала военную свою поддержку странѣ безъ правительства, странѣ, управленіе которой зависитъ отъ враждующихъ между собою партій, которая не умѣетъ избрать опредѣленнаго направленія для своей поли-

тики. Англія дала себя увлечь теченіемъ событій въ Константинополѣ. Лордъ Кларендонъ справедливо выразился, что она кинулась воевать, подобно кораблю, отплывающему отъ берега въ то время, какъ на немъ нѣтъ ни кормила, ни компаса.

Вся политика нашего правительства въ этомъ вопросѣ отличается глупостью, каковой, можетъ быть, не бывало примѣра. Я не скажу, чтобы оно съ самаго начала желало войны, хотя есть кое-какія указанія, заставляющія думать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ министровъ кабинета поставили ее своею цѣлью. Вслѣдъ за образованіемъ нынѣшняго правительства, замѣтный членъ палаты общинъ сказалъ одному изъ моихъ друзей: „У васъ воинственное министерство". Но я не хочу разбирать этого вопроса и увольняю кабинетъ отъ обвиненія въ томъ, что война была затѣяна. Дѣйствія министровъ отличались позорною слабостью, и они обѣщали Туркамъ поддержать ихъ вооруженною рукою, условно или безусловно. За одно съ Франціею, Австріею и Пруссіею, они взяли на себя распрю изъ рукъ Россіи и Турціи и въ выгодахъ Турціи составили попечительный совѣтъ. Они сочинили рѣшеніе, по ихъ словамъ справедливое и почетное для обѣихъ сторонъ, и какъ скоро это рѣшеніе было принято Россіею и отвергнуто Турціей, они тотчасъ же отказываются отъ своихъ словъ, объявляютъ рѣшеніе „совершенно недопустимымъ" и ведутъ войну со страною, правительство которой, по ихъ предложенію и внушенію, добросердечно согласилось на это рѣшеніе. Теперь Англія вовлеклась въ кровопролитную войну съ Россіею, несмотря на то, что Русское правительство согласилось на предложенныя ему миролюбивыя опредѣленія и выразило готовность принять ихъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ съ самаго начала объясняла ихъ Англія. Въ тоже время Англія состоитъ въ союзѣ съ Турціею, правительство которой отвергло рѣшеніе Англіи и которая объявила войну, вопреки мнѣнію Англіи. Когда Россія приняла Вѣнскую ноту, непремѣнно слѣдовало помѣшать Туркамъ ринуться въ войну, или, по крайней мѣрѣ, пусть бы они вели ее на свой собственный страхъ. Я ничего не говорилъ о томъ, что вся эта путаница пошла отъ требованій Франціи,

обращенныхъ къ Турецкому правительству и выраженныхъ несомнѣнно болѣе оскорбительнымъ образомъ, нежели выразился князь Менщиковъ. Я ничего не говорилъ про дипломатическую борьбу, которая происходила, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ Константинополѣ и въ которой Англія не уступала никакой державѣ въ усиліяхъ подчинить Турцію иноземнымъ вліяніямъ. Я ничего не говорилъ о томъ, что мы, очевидно, находимся въ войнѣ не только съ Россіею, но со всѣмъ христіанскимъ народонаселеніемъ Турціи и что мы ведемъ нашу восточную политику по ложному пути, т.-е. поддерживаемъ самый безнравственный и самый позорный деспотизмъ, тяготѣющій надъ одною изъ прекраснѣйшихъ на землѣ странъ и разворившій ее, и надъ народонаселеніемъ, которое уничижено деспотизмомъ, но не могло быть изведено. Я ничего не говорилъ объ этомъ жалкомъ обольщеніи, будто мы сражаемся за цивилизацію, поддерживая Турокъ противъ Русскихъ и христіанскаго народонаселенія Турціи. Я ничего не говорилъ о нашихъ мнимыхъ жертвахъ на дѣло свободы, тогда какъ въ войнѣ этой нашимъ главнымъ и преобладающимъ союзникомъ государь, который недавно низвергъ вольныя учрежденія и съ помощію военнаго насилія разогналъ національное собраніе.

По моему убѣжденію, не слѣдовало вовсе вмѣшиваться. Опасность Русскаго могущества была лишь призракомъ. Необходимость поддерживать въ Европѣ магометанское господство есть нелѣпость; наша любовь къ цивилизаціи, въ то самое время, какъ мы держимъ Грековъ и христіанъ въ порабощеніи у Турокъ, есть позоръ, и наши пожертвованія на дѣло свободы въ то самое время, какъ мы исполняемъ велѣнія императора Французовъ и стараемся льстивыми заявленіями привлечь къ себѣ Австрію, суть жалкій обманъ. Уронъ отъ невмѣшательства еще въ далекѣ, и объ немъ можно спорить; его никогда нельзя опредѣлить и учесть съ точностью, тогда какъ благо отъ невмѣшательства легко оцѣнить: для этого стоитъ только вспомнить, во что обошлась намъ противоположная политика. Къ чему она привела насъ? Къ войнѣ на Сѣверѣ и на Югѣ, которая грозитъ разлиться на всѣ страны Европы. Многіе милліоны,

можетъ быть, до пятидесяти, будутъ собраны съ народа, который не можетъ избавиться отъ невѣжества и бѣдности, какъ только подъ условіемъ постояннаго мира. Застой въ торговлѣ цѣлаго міра, разстройство въ монетномъ дѣлѣ, раззореніе и гибель множества семей. Опять цѣлый годъ вздорожанія припасовъ, несмотря на хорошій урожай въ Англіи, главнѣйше потому, что войною затрудненъ ввозъ, и что главные доставители хлѣба сдѣланы нашими непріятелями. Убыль въ людяхъ достигла чрезвычайной степени. Многія тысячи нашихъ соотечественниковъ погибли отъ болѣзней и на полѣ битвы; сотни и тысячи англійскихъ семействъ будутъ повергнуты въ скорбь, неся на себѣ долю наказанія, которое приходится выносить за глупость народовъ и руководителей ихъ. Когда настанетъ время „кроваваго разслѣдованія", кто будетъ за это отвѣтчикомъ? Вы читали извѣстія изъ Крыма: можетъ быть, васъ брала дрожь при повѣствованіи объ этой рѣзнѣ. Вы помните страшную картину (я не говорю о сраженіи, атакѣ, одушевленіи въ бою), когда Русскіе, обезумѣвъ, стрѣляли въ Англичанъ, предлагавшихъ имъ воды для облегченія предсмертной муки или для утоленія жажды; когда Англичане обирали тѣхъ, которыхъ они убили или ранили, въ надеждѣ найти нѣсколько рублей и, вмѣсто добычи находили на трупахъ образки съ „Богородицею и Ея Младенцемъ". Вы слѣдили воображеніемъ за этими страшными подробностями. Такова война, сопровождаемая всѣми преступленіями, какія можетъ придумать и совершить человѣкъ, всѣми ужасами, какія онъ можетъ надѣлать и вынести. Вотъ чего столь легкомысленно пожелало наше христіанское правительство, вотъ чему теперь патріотически рукоплещетъ великое число нашихъ соотечественниковъ! Извините, но я не могу идти вмѣстѣ съ вами. Я не хочу замѣшаться въ это преступленіе. Руки мои не запачкаются кровью, которая прольется. Необходимость удержаться во власти можетъ иной разъ оказывать вліяніе на управленіе; народъ можетъ поддаться обольщеніямъ; у Ваттеля можно найти законы и доводы; однако ни уваженіе къ лицамъ, изъ которыхъ состоитъ правительство, ни желаніе „плыть по теченію", ни страхъ быть обвиненнымъ въ недостаткѣ любви къ отече-

ству, не заставятъ меня одобрять политику, которую въ совѣсти моей я считаю преступною передъ Богомъ и, въ тоже время, вредною настоящему благу моей страны. Остается мнѣ попросить у васъ извиненія въ длинноте письма. Вы меня къ тому вынудили, и я бы не написалъ его, если бы не цѣнилъ вашей искренности и благорасположенія ко мнѣ.

Джонъ Брайтъ.

II.

8 Февраля.

Третьяго дня лордъ меръ давалъ свой ежегодный обѣдъ и пригласилъ на него сэра Чарльза Непира и лорда Кардигана. Сэръ Чарльзъ Непиръ произнесъ на немъ весьма своеобразную рѣчь, каковой можно было ожидать отъ него. Въ этой рѣчи имѣются кое-какія разоблаченія тайной передержки, къ которой прибѣгаютъ Англо-французы, находясь въ Балтійскомъ морѣ. Впрочемъ, вотъ эта рѣчь:

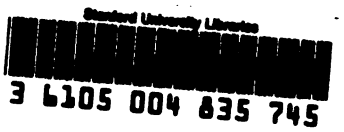
„Милорды и господа! Если чиновникъ, возвращающійся подобно моему благородному другу (лорду Кардигану) изъ чужбины по совершеніи подвиговъ чудной храбрости, гордится пріемомъ, который здѣсь оказанъ ему сегодня: то что̀ долженъ чувствовать я, возвратившійся, не исполнивъ возложеннаго на меня порученія, подвергшійся разслѣдованію со стороны правительства и лишенный командованія (*нѣтъ, нѣтъ!*), да, повторяю, лишенный командованія? Вы, безъ сомнѣнія, ожидаете, чтобы я сказалъ вамъ нѣсколько словъ о Балтійскомъ походѣ. У меня былъ флотъ великолѣпный..... до извѣстной степени. Экипажи никуда не годились; мы отправились въ путь безъ лоцмановъ, безъ картъ, съ неопытными офицерами, и намъ удалось прибыть на мѣсто въ совершенномъ здоровьѣ.

„Первою моею цѣлью было удовлетворить страну. Уѣзжая, я очень хорошо зналъ, что не буду въ состояніи исполнить десятую долю того, чего отъ меня ожидали; но я, однако, рѣшился дѣйствовать, какъ только умѣю.

„Я хотѣлъ предоставить Русскимъ возможность показаться

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.

818146



PG
3447
V5
1878
V.6

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S SEP 06 1994

JUN 30 1994